

**ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ**

*Редколлегия и авторский коллектив выражают искреннюю
благодарность за поддержку в издании книги руководителям
Турецко-российского культурного центра,
Российско-турецкого научного центра ВГБИЛ,
компаний Грид и Сабина-Пак*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
· Российской академии наук

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ

Афганистан, Иран, Пакистан, Турция,
этнический Курдистан,
соседние мусульманские районы

ИВ РАН
Крафт+
Москва
2014

УДК 94(5)
ББК 66.2(07)+66.4(07)
Г72

Ответственные редакторы
В.Я. Белокрыцкий, Н.Ю. Ульченко

Редколлегия:
О.И. Жигалина, Н.М. Мамедова, С.Н. Каменев

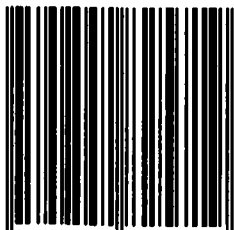
В подготовке рукописи к изданию принял участие
В.И. Сотников

Г72 **Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке** (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). — М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. — ISBN 978-5-89282-571-9 — 608 с.

Сборник посвящен особенностям современного государства, гражданского общества, этническим и религиозным проблемам, международным отношениям в странах мусульманского Востока (в Турции, Иране, Афганистане, Пакистане, этническом Курдистане и ряде соседних стран). В отдельном разделе собраны статьи на исторические темы. Книга подготовлена по итогам Межинститутской общероссийской научной конференции, организованной Центром изучения стран БСВ Института востоковедения РАН в ноябре 2012 г. Ряд статей написан иностранными авторами (Турция, Армения). Значительное внимание в книге уделяется исламу, его роли и месту в общественных и политических процессах.

Книга адресована ученым, дипломатам, экспертам, журналистам, аспирантам, студентам, а также всем, интересующимся проблематикой стран Ближнего и Среднего Востока, причинами и предпосылками происходящих там событий.

ISBN 978-5-89282-571-9

9 785892 825719

© Коллектив авторов, 2014
© Институт востоковедения
РАН, 2014
© Издательство «Крафт+»,
подготовка к изданию и оформление,
2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
-------------------	---

Раздел I

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

<i>Н.Ю. Ульченко.</i> Институциональное обеспечение процесса экономической стабилизации в Турции	20
<i>В.И. Шлыков.</i> Турция: формирование новой модели военно-гражданских отношений	42
<i>П.М. Попов.</i> Современная турецкая военная элита	62
<i>В.И. Шлыков.</i> Народно-республиканская партия в контексте трансформации политической системы Турции 2000-х годов: поиски новой стратегии?	70
<i>В.Я. Белокреницкий.</i> Гражданское общество в Пакистане: формирование и специфические черты	90
<i>И.Н. Серенко.</i> Развитие женского образования и становление гражданского общества в Пакистане	106
<i>А.Л. Филимонова.</i> Пакистан: усиление политического влияния Верховного суда	116
<i>Н.А. Замараева.</i> Взаимоотношения пакистанской армии и гражданских государственных структур (2008–2012)	123
<i>В.М. Ахмедов.</i> Армия и силовые структуры стран Ближнего Востока в условиях «арабской весны»	142

Раздел II

ИСЛАМ В ОБЩЕСТВЕ И ПОЛИТИКЕ

<i>Н.Г. Киреев.</i> Политическая анатомия турецкой происламской Партии справедливости и развития	150
<i>Д.А. Савин.</i> Тургут Озал и ислам	169
<i>И.Г. Саетов.</i> Джамаат «Исмаил ага» в общественной жизни Турции: религиозные, политические и институциональные характеристики	178
<i>Н.М. Мамедова.</i> Основные направления социальной политики Ирана в условиях исламского правления	185
<i>Е.В. Дунаева.</i> Шиитское духовенство в политической системе ИРИ	195
<i>Н.А. Филин.</i> Концепция «марджаата» в реалиях современного Ирана	210

<i>И.Ф. Сафаргалеев.</i> Суфийский тарикат пакистанского шейха Ахмада Зульф리카ра и его влияние на мусульман Южной Азии	219
<i>О.П. Чекризова.</i> Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане (северо-западный регион)	224

Раздел III

ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>Р.Р. Сикоев.</i> Традиционное общество и этапы становления афганского государства	238
<i>В.Г. Коргун.</i> Политическая эволюция современного Афганистана: влияние внешнего фактора	257

Раздел IV

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И КОНФЛИКТЫ

<u>О.И. Жигалина.</u> Эволюция курдского национального движения в странах Западной Азии	266
<i>С.М. Иванов.</i> Курдский фактор в современной Сирии	281
<i>С.М. Раванди-Фадаи.</i> Основные черты этноконфессиональной ситуации в современном Иране	298
<i>М.С. Каменева.</i> Этнокультурная характеристика еврейской общины в ИРИ	311
<i>М. Шах.</i> Пуштунский национализм в Афганистане и Пакистане ...	319
<i>М.Ю. Морозова.</i> Белуджские племена и политическая борьба в пакистанском Белуджистане (2000–2010-е годы)	328
<i>В.П. Кириченко.</i> Политический кризис в Йемене: социально-экономический, религиозный и племенной факторы	341

Раздел V

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И МИГРАЦИИ

<i>О.П. Бибикова.</i> Турецкие иммигранты в Германии: проблемы и перспективы	350
<i>Ю.С. Гаврилова.</i> Женщины на рынке труда Турции	367

Раздел VI

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

<i>И.И. Иванова.</i> Турция и азиатские региональные организации	374
---	-----

<i>А. Амирбек (Турция). Концепция внешней политики Турции на период до 2023 года</i>	392
<i>М.С. Эрол (Турция). Участие Турции в сирийском конфликте: предпосылки и вероятные последствия</i>	400
<i>А.Г. Гаджиев. Сирийская политика Турции на современном этапе</i>	409
<i>И.А. Свистунова. Турецко-иракские отношения после вывода американских войск из Ирака</i>	421
<i>В. Петросян (Армения). Военно-разведывательная деятельность Турции в Иракском Курдистане</i>	431
<i>В.И. Сажин. Иранская ядерная программа и угроза регионального вооруженного конфликта</i>	457
<i>С.Б. Дружиловский. Уроки «арабской весны» для Исламской Республики Иран</i>	468
<i>Л.М. Кулагина, В.М. Ахмедов. Внешняя политика ИРИ в условиях революционного подъема на Арабском Востоке</i>	476
<i>И.Е. Федорова. Влияние глобальных и региональных игроков на внешнюю политику Ирана</i>	484
<i>М.Р. Арунова. Афганская проблема и соседние мусульманские страны</i>	492
<i>Ю.Н. Паничкин. Граница между Афганистаном и Пакистаном — споры вокруг «линии Дюранда»</i>	510
<i>С.Н. Каменев. Российско-пакистанские отношения: нынешнее состояние и перспективы развития</i>	513
<i>Б.М. Волхонский. Гидроресурсы как фактор геополитики в Южной и Центральной Азии</i>	530

Раздел VII

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ

<i>С.Ф. Орешкова. Османская имперская государственность и ее вассальные территории</i>	544
<i>А.В. Болдырев. Россия и Турция в русской прессе периода Крымской войны</i>	551
<i>А.Ю. Рудницкий. «Большая игра» в центре Азии (Б.Л. Громбчевский и восстание Исхак-хана 1888 года)</i>	560
<i>А.И. Полищук. Власть и общество в Иране (исторический очерк)</i>	574
<i>Ю.Н. Тихонов. Авантюра Керим-хана Белуджа. 1922–1932 (по архивным материалам)</i>	585
<i>К.А. Демичев. Статус мусульманских провинций в сикхском государстве в Панджабе в первой половине XIX века</i>	594
<i>Contents</i>	603

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является восьмым в серии изданий, основанной в 2001 г. Она посвящена истории и современным проблемам неарабских мусульманских стран БСВ (Ближнего и Среднего Востока), или ББВ (Большого Ближнего Востока), а именно Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана и этнического Курдистана. Отдельные статьи как в этой, так и в предшествующих книгах серии, посвящены соседним с регионом государствам Арабского Востока, Центральной и Южной Азии.

Основная часть статей сборника подготовлена на базе докладов, прочитанных на последней конференции, организуемой раз в два года Центром изучения стран БСВ Института востоковедения РАН. Конференция, прошедшая в ноябре 2012 г., привлекла внимание специалистов Центра, других подразделений ИВ РАН, некоторых образовательных и исследовательских учреждений Москвы, ряда российских регионов и зарубежных стран. Основной ее темой предполагалось сделать проблемы современного государства, гражданского общества и локальных сообществ. Оргкомитет предложил 12 тематических блоков, которые сжато можно обозначить следующим образом:

- современное государство в мусульманских странах;
- политическая роль армии и силовых структур;
- взаимодействие власти и общества;
- культура и психология масс и элиты;
- социальная политика государства в мусульманском контексте;
- специфика гражданского общества;
- власть и бизнес-элита;
- положение этнических и религиозных меньшинств;
- локальные сообщества: клано-племенные и общинные структуры;
- этнорегиональный и исламистский радикализм;
- проблема безопасности и геополитическая система в регионе;
- исторические аспекты взаимодействия государства, общества и локальных сообществ.

Значительная часть заявок была подана на выступления по вопросам безопасности, геополитики и международных отношений. В то же время тема локальных сообществ осталась во многом обойденной вниманием. По этой причине оргкомитет решил назвать конференцию «Государство, общество и безопасность», провести пленарное заседание и организовать дальнейшую работу по трем секциям: «Государство и общество», «Безопасность и международные отношения», «История»¹.

Прежде чем перейти к краткой характеристике статей сборника, хотелось бы осветить некоторые ключевые моменты, связанные с особенностями современного государства, гражданского общества и локальных сообществ в регионе.

В мусульманском ареале к югу от России, вдоль южных границ Центральной Евразии (Кавказа и Центральной Азии), располагаются четыре независимых государства. Кроме того, автономией пользуется северный район Ирака – Иракский Курдистан. Все эти территориально-политические образования имеют республиканскую форму правления. За ней, однако, скрываются разные сочетания элементов демократии и автократии в реализации властных полномочий, а существующие формы государственного управления демонстрируют немалое своеобразие:

- политическая система в Турции находится под прессом пребывающей у власти с 2002 г. происламской Партии справедливости и развития. Устойчивость позиций правящей партии угрожает сути избирательной парламентской системы с ее конкуренцией и сменяемостью законодательной и исполнительной властей, усиливает авторитарный характер государственного управления, что ведет к росту напряженности в обществе; осложняет положение наблюдающаяся в обществе раздвоенность в идеологической сфере (между европеизмом и исламизмом) и в этнической политике в связи с курдским вопросом;

- в Иране с конца 1970-х гг. утвердилось исламское правление, при котором парламентская выборная система сочетается с верховной властью духовного лидера (рахбара) и конституционно закрепленным авторитетом представителей высшего слоя шиитских богословов. Президентско-парламентская форма правления обеспечивает через выборы определенный контакт с населением, тем самым освобождая религиозных лидеров от прямой ответственности за действия правительства;

- в курдском районе Ирака действует местная демократическая система, имеются свой парламент и автономное правительство, но при этом наблюдается концентрация власти в руках традиционной клано-племенной элиты. Там нарастает недовольство авторитарной и коррупцированной системой дележа власти между двумя центрами местных политических сил («дуополийей»);

- в Афганистане с конца 2001 г. установлен демократический по форме режим правления, опирающийся на поддержку иностранных войск (США и НАТО). Режим контролирует ситуацию далеко не на всей территории и теряет популярность среди населения. Вооруженная оппозиция, представленная свергнутыми правителями (талибы и их союзники), готовится к новому этапу борьбы за власть, который наступит после предстоящего в ближайшие годы вывода основной группы американско-натовских боевых частей;

- Пакистан с 2008 г. вступил в период парламентского правления, но ситуация осложнена тяжелым социально-экономическим положением и усилением исламского радикализма. Длительное небла-

гополучие в обеспечении личной и общественной безопасности укрепляет силовые элементы во внутренней политике государства.

Из далеко неполного перечня характерных черт господствующих в регионе режимов власти следует, что главная их общая характеристика – выраженный авторитаризм, иерархическая форма устройства власти, господство властной «вертикали». Можно, видимо, утверждать, что какую бы «политию» (политический организм) мы ни взяли и на всем мусульманском Востоке, структура власти в ней будет иерархична и в той или иной степени репрессивно-авторитарна.

Разумеется, на Западе (и в целом вне исламского мира) тоже господствует иерархия, так как без определенной централизации ни одна система власти не устоит и не будет эффективной. Однако наряду с вертикалью власти в странах классической, либеральной демократии существует и «горизонталь». Иными словами, политическая инициатива направлена не только из единого центра на места, но идет и в обратном порядке – от ряда локальных центров в единый, федеральный. К тому же имеет место полноценная обратная связь со стороны общества на принимаемые государством решения, что создает замкнутый политический контур².

Недостаточность тесных обратных связей между социумом и политией сочетается с отсутствием или слабым распространением федерализма на мусульманском Востоке. Это создает труднопреодолимые преграды на пути решения острых проблем внутренней, этнической политики. Редкое исключение в этом ряду представляет собой Пакистан, но оно – прямое следствие длительного колониального правления. В нынешнюю эпоху федералистская система укореняется и в Ираке.

Согласно теории государства, недавно предложенной В.В. Ивановым³, государственные образования в самые разные эпохи управлялись олигархиями. Опираясь во многом на теоретические положения К. Шмитта, он утверждает, что различие форм государственного устройства (монархии, республики разного вида) имеет ограниченное значение, ибо во всех случаях речь идет о фасаде власти, а не о ее сути. Характеризуя юридические особенности государственного правления и устройства, автор подчеркивает принципиальную роль государственного суверенитета и вклад в его обеспечение реальных носителей власти в лице правителей, олигархической элиты.

Следует согласиться, что один человек (монарх) не может управлять единолично, без помощников и посредников, даже маленьким государством, поэтому чистой монархии как власти одного нет. Не бывает и чистой демократии, ибо за всякой властью в республике стоит не народ, не население, но группа руководителей или представителей народонаселения. Причем в современных условиях это группа людей, имеющих разнообразные интересы – экономические, социальные и собственно политические.

Для характеристики современного государства существенное значение имеет, как представляется, теоретическая схема, разрабо-

танная Л.С. Васильевым⁴. Оставаясь в рамках предложенного им в качестве «несущей конструкции» всеобщей истории противопоставления Востока и Запада, попробуем наметить ответ на вопрос, в какой степени власть рождает собственность в изучаемом регионе, до какой степени действует тут феномен «власти-собственности», отличающий Восток, как архетип, от Запада. Понимая, что идеальные типы и образы конкретной реальности в полной мере несопоставимы, заметим, тем не менее, что на примере современного мусульманского Востока, видимо, можно выявить отличную от западной форму взаимодействия между властью и собственностью. Если на Западе собственность как бы предшествует власти, овладевает ею, чтобы «прописать» такие законы, которые обеспечивают условия для накопления богатства и капитала, то на Востоке справедливо обратное – власть «предшествует» собственности, обладатели власти получают возможность диктовать условия (легальные и нет), способствующие их обогащению. Хотя грани между восточным и западным историческим опытом ныне во многом стерты вследствие взаимопроникновения культур и их гибридизации, но не исчезли вовсе. А потому отмеченное различие может быть использовано для интерпретации некоторых процессов, обсуждаемых на страницах данного издания.

В качестве примера можно указать на обогащение генералитета и старшего офицерства Пакистана. Армия в этой стране по традиции является одним из самых демократичных государственных институтов. Ряды военных пополняются за счет людей скромного достатка, а продвижение по службе в значительной степени зависит от заслуг. Однако вследствие господствующей роли ВС в системе управления верхушка военных получила доступ к источникам обогащения. Земельные участки и городская недвижимость продаются отставным и действующим военным чинам на льготных условиях, пригодные к обработке государственные земли распределяются бесплатно или за символическую плату. Верхушка военных превратилась в результате в едва ли не самую крупную прослойку владельцев недвижимости⁵.

Затронем далее некоторые вопросы, связанные с гражданским обществом. Это термин одновременно старый и новый. Историческими своими корнями он уходит, как и многие другие общественно-политические явления, в древнюю Грецию. В европейский век Просвещения и абсолютизма он получил различные оценки в классических философских трудах. В XIX в. понятие использовалось достаточно широко, но с наступлением XX в. оно было почти забыто, обретая новую жизнь только в конце прошлого столетия.

Что такое гражданское общество? Существуют различные его определения, но большинство сводится сегодня к тому, что это так называемый «третий сектор», объединяющий неправительственные и некоммерческие структуры. Он состоит из добровольных ассоциаций граждан, рядовых жителей той или иной страны, находясь между семьей и государством и объединяя самостоятельных свободных лиц, мужчин и женщин, преследующих свои профессиональные, гендер-

ные, гуманитарные и другие цели и интересы, главным образом благотворительные и антидискриминационные.

Необходимо, по всей видимости, различать два аспекта функционирования организаций ГО – политизированный и неполитизированный. Они связаны с характером отношений между гражданским обществом и современным государством. В первом случае акцент делается на противостоянии, оппозиционности гражданского общества по отношению к олигархическому государству, во втором – на взаимодействии и сотрудничестве общественных и государственных институтов. В широком смысле гражданское общество является важной составной частью политического процесса, его организации участвуют в борьбе конкурентов за обладание властью, стараются влиять на власть через массовые акции, манифестации, опираясь при этом на информационные механизмы и технологии. В более специальном, узком смысле гражданские организации не участвуют в этой борьбе, стремятся к решению собственно социальных проблем.

Существенная часть гражданских организаций связана с локальными сообществами еще одним понятием, содержания которого мы здесь коснемся. Под ними обычно подразумевают территориально маркированные общности этнического (культурно-языкового), кланового и соседско-родственного типа. В странах, проблемам которых посвящена главным образом эта книга, широко распространены также этноконфессиональные общины и чисто религиозные общности типа суфийских орденов, братств, объединений адептов религиозных школ, последователей того или иного проповедника и вероучителя.

Часть локальных сообществ носит, как отмечалось, семейно-родственный, клановый характер. Речь, в частности, идет о традиционных соседско-родственных общинах земледельцев, кочевых и полукочевых скотоводческих племенах и городских, квартальных общинах (мухалла). Локальные сообщества и общины формируют несовременный сегмент гражданского общества, он отсутствует в странах с давно утвердившимся буржуазным порядком и являет собой как бы не вполне гражданский, добуржуазный элемент. Чем он шире, тем больше специфика гражданского восточного общества, его отличия от западных образцов.

Даже в Турции, наиболее близко соприкасающейся и исторически, и в современную эпоху с Европой, наблюдается определенный дуализм гражданского общества. Там при этом, с одной стороны, воспроизводятся и возрождаются его вполне традиционные элементы (см. статью И.Г. Саетова в данном сборнике), традиционные религиозные учреждения (вакфы), с другой стороны, они дополняются современными по целям и практической деятельности финансовыми инструментами – трастовыми фондами⁶.

Ввиду того, что проблематика гражданского общества пока еще недостаточно отражена в наших исследованиях и публикациях, попробуем конспективно охарактеризовать особенности гражданского

общества в странах, являющихся основными объектами внимания авторов данного издания.

Отметим в первую очередь, что, несмотря на продвинутость Турции в развитии институтов ГО по сравнению с другими странами рассматриваемого мусульманского региона, турецкий гражданский сектор существенно отстает от «третьего сектора» государств «старой» Европы. Он уступает как по величине и полноте структуры, так и с точки зрения разнообразия и значимости целей, а также влияния на государство и общество в целом. Вместе с тем за последние десятилетия число организаций турецкого ГО существенно выросло. В 2000 г. их насчитывалось, по оценкам, 61 тыс., а к 2011 г. – уже почти 90 тыс. (рост на 44%). Членами этих организаций являются 7,4 млн человек. По другим сведениям, число ГО в Турции равно 154 тыс., из которых 86 тыс. – ассоциации, почти 60 тыс. – кооперативы, 150 профсоюзов и около 10 тыс. – фонды (вакфы) и торгово-промышленные палаты. Согласно последнему докладу Турецкого фонда «третьего сектора» (ТЮСЕВ), в Министерстве внутренних дел страны зарегистрированы 92 463 ассоциации и 4603 фонда. В докладе отмечается неблагоприятная в целом политическая среда для деятельности ГО, ограничительные юридические рамки и несоблюдение закона, крайне небольшое участие ассоциаций турецких граждан в процессе принятия значимых для общества политических решений⁷.

При сравнении с Англией, Францией и особенно Германией Турция проигрывает по количественным и качественным показателям. В Англии насчитывается 873 тыс. гражданских организаций, во Франции – 800 тыс. (по другим сведениям – 1,5 млн), а в Германии – около 2 млн. Кстати, в США показатели существенно ниже, чем в Западной и Северной Европе⁸. Охват населения Турции неправительственными организациями также существенно отстает от Европы, особенно Западной и Северо-Западной, в первую очередь это касается добровольцев, подлинно гражданских активистов. Велика к тому же неравномерность распространения гражданских организаций – они действуют главным образом в крупнейших городах и на европейском западе страны. Анатолия, особенно Восточная и Юго-Восточная, а это по преимуществу курдские регионы, сильно отстает.

Расцвет гражданского общества в Иране пришелся, как кажется, на период пребывания на посту президента М. Хатами – 1997–2005 гг. При следующем президенте (М. Ахмадинежаде) начались гонения на представителей ГО и в целом на гражданские свободы⁹. Особенно усилились они после президентских выборов 2009 г. Тем не менее, если в Иране и существует тоталитарное государство, то иранское общество тоталитарным не назовешь. В стране сохраняется живое и своеобразное гражданское общество, хотя гражданская активность в существенной мере вытеснена из публичной в частную сферу – под кров дома и неформальных ассоциаций. Значительным влиянием, судя по всему, пользуются зарубежные общества и организации, оказы-

вающие определенное воздействие на настроения общества внутри страны.

Несмотря на нехватку конкретного материала, можно, видимо, говорить о существенном дуализме иранского ГО, наличии в нем традиционного сегмента, особенно распространенного на окраинах страны¹⁰. Большое значение имеет преобразованный, трансформированный традиционный сектор. Во многом благодаря осуществленному таким путем «модернизирующему традиционализму» Ирану удалось решить несколько важных проблем, в частности ликвидировать низкие грамотность и просвещенность женщин. В 1978 г. грамотность среди женщин равнялась 38%. Распространение при исламском режиме традиционалистского, с соблюдением религиозных и национальных обычаев, способа обучения позволило поднять уровень образования молодых женщин. В последнее время он достиг 97%, а с этим, очевидно, напрямую связано крутое снижение рождаемости. По последним данным, Иран демонстрирует самые замедленные среди мусульманских стран мира темпы демографического прироста – 1,5% в среднем в год.

Ситуация в Иракском Курдистане, как отмечалось выше, отличается так называемой дуополией – наличием двух центров силы в лице М. Барзани, возглавляющего курдскую автономию, и Дж. Талабани (президента Ирака). Группирующиеся вокруг них семейно-клановые олигархии, как считается, договорились о дележе власти в Курдистане (Барзани не оспаривает господствующие позиции Талабани в г. Сулеймани и примыкающей к нему области, а Талабани – господство Барзани в провинциях Эрбиль и Дохук). Гражданское общество притесняется, как и в других районах проживания курдов (в Турции, Иране, Сирии), но существует, пытаясь балансировать между властью и непарламентской оппозицией. Последний взрыв гражданской оппозиционной активности в Иракском Курдистане пришелся на февраль–март 2011 г. Выступления были подавлены решительно и жестко, хотя и без пролития большой крови¹¹.

В Афганистане гражданское общество возникло в основном после ликвидации власти талибов в 2001 г., но не было полной новацией. Правительство Талибан в 2000 г. приняло законоположение, регулирующее и ограничивающее узкими рамками деятельность неправительственных организаций, появившихся еще в 1980-х – начале 1990-х гг. Значительная их часть была создана в лагерях беженцев и городах Пакистана, а также других стран. Новая власть заменила талибское уложение на кардинально иное, предоставив свободу действий различным гражданским организациям, в том числе тем, что связаны с международными организациями по защите прав человека, содействию в экономическом развитии, созданию сети школ, особенно для девочек, и т.п. В 2004 г. общее число зарегистрированных НПО равнялось 1,1 тыс., а в 2010 г. – несколько превышало 3 тыс., из них 1,5 тыс. зарегистрировалось в Министерстве экономики, а 1,7 тыс. – в Министерстве юстиции. В 2010 г., как показало

специальное обследование, безопасность, атаки со стороны талибов превратились для НПО в главную проблему¹².

Для афганского гражданского общества в высшей степени характерен отмеченный выше дуализм – наличие современного и до-современного сегментов – вследствие большого удельного веса сельского и полугородского населения, сохранения во многих регионах традиционного общества. Традиционный сегмент ГО состоит прежде всего из локальных деревенских советов (шура), племенных сходок (джирга), клерикальных учебно-просветительских и благотворительных организаций.

Пакистан отличает тот же дуализм, особенно на окраинах страны, в северо-западных и западных районах, пограничных с Афганистаном и Ираном. Традиционный сектор ГО занимает весьма значимые позиции и в масштабах всей страны доминирует в количественном отношении, особенно при включении в него таких организаций, как частные медресе. Число зарегистрированных учебных религиозных заведений выросло за 2000-е гг. примерно в полтора раза – с 10–12 тыс. до 16 тыс. По оценкам на 2000 и 2002 гг., в Пакистане насчитывалось 50–60 тыс. неправительственных организаций (подробнее см. статьи В.Я. Белокреницкого и И.Н. Серенко в данном сборнике).

Сопоставление данных по странам – дело довольно трудное и далекое от точности. Если считать, что к концу десятилетия число НПО в Пакистане выросло в полтора раза (как и медресе), то количество всевозможных гражданских организаций увеличилось до 80–90 тыс., оставаясь вдвое ниже, чем в Турции (по максимальной для нее оценке). Насколько справедлив такой подсчет и, соответственно, относительно небольшое количественное отставание Пакистана от Турции, сказать трудно, но оно не кажется неожиданным с учетом более чем двукратной разницы в населении в пользу Пакистана и наличии там крупных городов с общим числом жителей 35–45 млн человек.

Впрочем, важнее количественных сопоставлений другая заметная в Пакистане тенденция – усиление роли и значения полусовременного сектора, или сегмента, гражданского общества, порождения традиционалистской модернизации. Именно промежуточный сегмент растет там быстрее других, и этот сегмент, по всей видимости, быстро увеличивается также в Турции, Иране, Афганистане, в курдских районах и арабских странах. В этом находит отражение процесс исламизации и «индигенизации» (укоренения в местной почве) гражданской активности широких слоев населения.

Проблемы гражданского общества и государственной власти нашли отражение в разделе сборника «Гражданское общество и государственные институты». Статьи этого раздела в основном посвящены положению в двух государствах региона – Турции и Пакистане. Симптоматично, что из девяти статей раздела четыре (статьи В.И. Шлыкова, П.М. Попова, Н.А. Замараевой, В.М. Ахмедова) касаются роли национальных вооруженных сил в системе современного

общественного развития государств региона. Особенно большое внимание привлек статус армии в Турецкой Республике: в годы правления Партии справедливости и развития он претерпел существенные изменения, но, по-видимому, недостаточные для того, чтобы исключить в дальнейшем роль армии как субъекта национальной политики. В итоге в ходе протестных выступлений, начавшихся в Турции в июне 2013 г., в качестве одного из наиболее острых вопросов о возможности участия армии в урегулировании конфликта между участниками протестных движений и правительством Р.Т. Эрдогана. Весьма актуальной в свете развития событий в Турции представляется статья П.В. Шлыкова, в которой проанализирован процесс поиска основной оппозиционной партией Турции – Народно-республиканской – новой политической идентичности. Незавершенность этого процесса, видимо, предопределила то обстоятельство, что не партия оказалась инициатором протестных акций в стране, хотя, разумеется, в силу своего статуса выступила в их поддержку.

В статье Н.Ю. Ульченко затронут практически не исследованный в отечественной туркологии процесс институционального оформления новых трендов в экономическом развитии Турции, касающихся взаимоотношений государства и рынка.

Второй раздел сборника «Ислам в обществе и политике» включает восемь статей. В свете развития событий в Турции весьма интересна статья Н.Г. Киреева, предлагающая одну из версий ответа на вопрос, какого рода притеснения со стороны власти стали причинами массовых протестов в Турции. Материалы статьи являются дополнительным аргументом против конспирологической версии причин антиправительственных выступлений, показывая, что ожесточенное идеологическое противостояние в Интернете между властью и оппозиционно настроенными гражданами происходило в стране уже достаточно давно, готовя почву для июньских событий. Логически развивает тему поэтапного усиления влияния ислама на политическую жизнь в Турции статья Д.А. Савина «Тургут Озал и ислам». Ислам в качестве дестабилизирующего политического фактора рассмотрен также в статье О.П. Чекрызовой «Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане». Уже упомянутая статья И.Г. Саетова и статья И.Ф. Сафаргалеева отражают разнообразие трактовок духовного наследия ислама в странах региона. В статьях Н.М. Мамедовой, Е.В. Дунаевой и Н.А. Филина рассматривается роль ислама в современной политической жизни и государственной управленческой практике ИРИ.

Третий раздел сборника «Традиции и новые аспекты политического развития» включает всего две статьи, разделившие между собой прерогативу анализа традиций (Р.Р. Сикоев) и тенденций современного политического развития в странах региона (В.Г. Коргун).

Четвертый раздел «Этнополитические процессы и конфликты» наряду с традиционно анализируемыми специалистами региона кур-

дским вопросом (О.И. Жигалина, С.М. Иванов) и проблемой белуджей в Пакистане включает редко публикуемые материалы о положении еврейской общины ИРИ (М.С. Каменева), роли племенного фактора в политическом кризисе в Йемене и другие.

Пятый раздел «Проблемы занятости и миграции» объединил две тематические статьи о турецких иммигрантах в Германии (О.П. Бибикова) и проблемах женской занятости в Турции (Ю.С. Гаврилова). Обе темы, хотя и остаются на слуху, достаточно редко выступают объектами специального научного анализа.

Обширный шестой раздел «Межгосударственные отношения на современном этапе» включает 14 статей. Сравнительная многочисленность предложенных по данной теме публикаций объясняется в первую очередь дестабилизацией арабского мира в ходе событий так называемой «арабской весны» и сирийским кризисом, а также непосредственной вовлеченностью в эти процессы стран региона, в первую очередь Турции и Ирана. Обозначенной проблематике посвящены статьи А.Г. Гаджиева, С.Б. Дружиловского, Л.М. Кулагиной и В.М. Ахмедова, И.Е. Федоровой, турецких авторов М.С. Эрала и А. Амирбека. Кроме того, в фокусе внимания исследователей продолжают оставаться ситуация в Ираке после вывода американских войск (И.А. Свистунова, В. Петросян), иранская ядерная проблема (В.И. Сажин) и некоторые другие. В разделе нашла отражение и традиционно исследуемая востоковедами тема отношений стран региона с РФ (С.Н. Каменев).

Седьмой раздел «Историческая ретроспекция» включает несколько статей, посвященных историческим аспектам международных отношений в регионе, некоторым малоизученным страницам «Большой игры» в центре Азии, участия в ней России и особенностям государственного устройства в предколониальную эпоху на стыке мусульманского и немусульманского ареалов, как, например, статья С.Ф. Орешковой «Османская имперская государственность и ее вассальные территории».

Материалы статей по международно-политической проблематике отражают состояние дел на май 2013 г.

Расположение статей внутри разделов подчинено географическому принципу движения с запада на восток региона, проблемы которого обсуждаются в книге.

Примечания

¹ Подробный отчет о конференции см.: Белокрыцкий В.Я., Каменев С.Н., Мамедова Н.М., Ульченко Н.Ю. Государство, общество, безопасность на Ближнем и Среднем Востоке. – Восток-Oriens, 2013, № 2. С. 143–153.

² Об обратных связях и замкнутой политической системе по принципу кибернетического «черного ящика» см.: Категории политической науки. М., 2002. С. 134–135.

³ Иванов В.В. Теория государства. М., 2010.

⁴ Основные положения его теории нашли отражение в кн.: Васильев Л.С. Всеобщая история. М., 2012.

⁵ См.: Jalal A. Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi, 2007.

⁶ Шлыков П.В. Вакфы в Турции второй половины XX – начала XXI в.: трансформация традиционного института. – Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М., 2011. С. 64–98.

⁷ Turkey Civil Society Report 2012. TUSEV, Sept. 2012 (electronic version).

⁸ Turkey's civil society organizations increase by 44 percent in 10 years. – <http://www.todayszaman.com/news>; Turkish 'civil society' far behind European average, says CHP. – Hurriyet Daily News, 3.16.2011.

⁹ Attack on Civil Society in Iran. Arseh Sevom Report 2005–2010. – www.arsehsevom.net

¹⁰ См., например: Civil Society in Iran: The Case of the Tribes. – Foundation for Iranian Studies: <http://fis-iran.org/en/irannameh/volxiii/civil-society-tribes>; Iran Rooyan: Civil Society Fact Sheet (electronic version).

¹¹ Kurdistan Parliament of Iraq and civil society set road-map to improve cooperation. – <http://reliefweb.net> (electronic version).

¹² USAID 2011 Afghanistan Civil Society Assessment (electronic version); Winter E. Afghan Civil Society. London School of Economics (electronic version).

Раздел I

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ**

*Н.Ю. Ульченко**

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ В ТУРЦИИ

На протяжении последнего периода времени турецкая правящая элита активно пропагандировала экономические достижения страны, сумевшей после десятилетий неустойчивого развития превратиться в стабильно и уверенно растущую экономику, сравнительно безболезненно пережившую первую волну кризиса: после снижения ВВП почти на 5% в 2009 г. в 2010 г. экономика страны выросла на 9,2%, а в 2011 г. – на 8,5%¹, правда, по итогам 2012 г. рост экономики снизился до 3%². При этом по итогам 2011 г. такие важнейшие макроэкономические параметры, как дефицит бюджета (1,3% ВВП), уровень инфляции (10,4%), относительные размеры госдолга (40% ВВП)³, оставались достаточно благополучными.

Итак, насколько действительно прочно макроэкономическое положение Турции, каковы механизмы, обеспечивающие его поддержание, наконец, насколько окончательно Турция порвала с традицией инфляционного и при этом крайне неравномерного роста, которая еще к началу 2000-х гг. оставалась одной из отличительных особенностей экономики страны?

Ответ на этот вопрос во многом дает анализ состояния и направлений развития институциональной среды в стране с точки зрения ее готовности независимо от изменений политической и экономической конъюнктуры обеспечивать приоритетность задач по поддержанию финансовой стабильности обеспечению предсказуемости динамики рынка в национальном хозяйстве.

Одним из важных нововведений в сфере управления государственными финансами в Турции на исходе первого десятилетия XXI в. должно было стать введение так называемого денежного или бюджетного правила (*fiscal rule*). Денежное правило представляет собой систему постоянно действующих ограничений фискальной политики, налагаемых посредством установления простых количественных лимитов на бюджетные параметры⁴. Своим происхождением оно обязано идее ведущих экономистов-институционалистов о необходимости ограничения популистского государства. Механизмы ограничения популистского государства были детально разработаны в трудах австрийского экономиста Ф.А. Хайека. Одну из основных проблем он видел в том, что в ходе практики демократического развития про-

* Ульченко Наталья Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором Турции Института востоковедения РАН.

изошло стирание границ между законодательной и исполнительной властями, что лишило первую реальной возможности сдерживать последнюю. «Характер современных парламентских институтов полностью обусловлен потребностями демократического правления, а не демократического законодательства в строгом смысле этого слова», – отмечал Ф.А. Хайек⁵. Выход из ситуации, по его мнению, заключается в ограничении власти «всесильного демократического правительства» – структуры, возникшей в результате сращивания двух властных функций – исполнительной и законодательной. Механизм подобного ограничения – поставить над избранным представительным большинством другую власть, которая «должна... в сущности иметь только одну задачу: удерживать правительство, частных лиц и организации в рамках универсальных правил поведения»⁶. Ф.А. Хайек конкретизировал идею нейтрализации государства применительно к потребностям стабилизации экономического развития и борьбы с инфляцией. Его главная идея состоит в том, что стабильности цен можно достичь, только отняв у национальных правительств монополию на создание денег: «Если мы хотим сохранить функционирующую рыночную экономику (и с ней индивидуальную свободу), ничто не может быть более настоятельным, чем расторжение несправедливого брака между денежной и фискальной политикой, брака, который долго оставался тайным, хотя и формально освящен кейнсианской теорией»⁷. Независимый центральный банк, по его мнению, не является в этом отношении достаточно эффективным инструментом воздействия на правительство. Одной из форм практического применения идей Ф.А. Хайека и стало широкое использование денежного правила.

Проведение бюджетно-налоговой политики, опирающейся на денежные правила, стало особенно быстро набирать популярность в 1990-е гг. как в развитых, так и развивающихся странах. К концу первого десятилетия 2000-х гг. те или иные их разновидности использовались в более чем 80 странах, стремившихся снизить бюджетный дефицит и проводить устойчивую бюджетно-налоговую политику⁸.

Необходимость обращения к использованию бюджетного правила, представляющего собой своеобразную форму финансового контроля над властью, теоретики-институционалисты объясняли феноменом сращивания в ходе демократического развития исполнительной и законодательной властей, постепенным превращением последней в функцию, обслуживающую первую в ходе сращивания процесса управления и процесса разработки правил. Таким образом, нарушая «тандем» ветвей власти, жестко ограничивая возможность использования популистских мер экономической политики, бюджетное правило, особенно на стадии принятия, становится предметом столкновения групп интересов.

Что касается Турции, то период с 1983 г. (восстановление в стране гражданского правления после очередного военного переворота 1980 г.) до 1993 г. характеризовался отсутствием четких бюджетных ограничений и низким уровнем прозрачности бюджетной политики.

Напротив, расцвет в данный период системы внебюджетных фондов, находясь в противоречии с принципом единства бюджета, приводил к ослаблению контроля за использованием значительной части государственных расходов, так как расходы внебюджетных фондов не входили в число стандартных расходных статей бюджета, а являлись своего рода дополнением к ним. Поэтому особенностью использования средств внебюджетных фондов заключалась в том, что их расходы не контролировались парламентом. В связи с расширением практики использования внебюджетных фондов в период пребывания на посту премьер-министра Т. Озала (1983–1989) турецкие экономисты отмечали, что, помимо консолидированного бюджета, находившегося в распоряжении меджлиса, возник «бюджет фондов», которым преимущественно распоряжалось Управление по делам премьер-министра⁹. Его создание связывалось с тем обстоятельством, что Т. Озал в целях концентрации властных полномочий в своих руках и личного контроля за реализацией отдельных особо важных проектов нуждался в укреплении собственных финансовых возможностей. Окрепший в 1980-е гг. институт внебюджетных фондов рассматривался в качестве одного из проявлений общей тенденции того периода, заключавшейся в усилении исполнительной власти, в том числе власти премьер-министра. Таким образом, речь идет о том самом феномене слияния исполнительной и законодательной властей, о распространении и несовместимости с хорошим правлением которого много писали западные экономисты-либералы. И действительно, Турция после 1983 г. столкнулась с проблемой роста бюджетных дефицитов и ускорения инфляции. В значительной мере вырос объем государственных займов, для обеспечения которых во все большей мере привлекался краткосрочный иностранный капитал. Утратив со временем доверие к финансовой устойчивости турецкого рынка, функционировавшего в условиях хронических бюджетных дефицитов, иностранные инвесторы начали массовый вывод своих средств из Турции, что в итоге привело страну к финансовому кризису.

После валютно-финансового кризиса 1994 г. в стране предпринимались попытки расширить понятие бюджета посредством включения в него всей совокупности государственных расходов, укрепить его единство и усилить бюджетный контроль, но эти меры не удалось реализовать в полном объеме. Деятельность властей по упорядочению бюджетной системы и усилению контроля над ней приобрела более активный характер лишь после очередного финансового кризиса 2001 г. Одним из первых шагов в этом направлении стало принятие 25 апреля 2001 г. нового закона о Центральном банке Турецкой Республики, существенно повысившего его независимость от исполнительной власти. Одновременно с 2001 г. в Турции в рамках соглашения о стабилизационном кредите с МВФ в качестве основного индикатора состояния государственных финансов стал использоваться заданный объем профицита первичного бюджета (бюджета, в структуре расходов которого не учитываются выплаты по обслуживанию

госдолга) относительно ВВП на текущий год, что означало нацеленность экономической политики на постепенное снижение размеров государственной задолженности. В марте 2002 г. был принят закон № 4749 об упорядочении в сфере государственных финансов и управлении долгом, установивший объем предельно допустимых чистых государственных займов: в момент принятия закона о годовом бюджете должно было приниматься и решение о размере годовых займов в объеме разницы между предполагавшимися доходами и запланированными расходами. В течение года максимальный объем превышения установленного лимита ограничивался 10%. В декабре 2003 г. был принят закон № 5018 об управлении и контроле за государственными финансами, который предусматривал использование новой структуры бюджета, соответствующей международным стандартам. Отныне она должна была включать финансы всей системы центральных органов власти. Таким образом, если ранее некоторые государственные органы использовали источники финансирования, не включавшиеся в бюджет, то отныне их доходы и расходы должны были отражаться в расширенном бюджете так называемого центрального правительства. Кроме того, закон предусматривал включение в бюджет центрального правительства финансов внебюджетных фондов, присоединенных бюджетов и др., что должно было обеспечить контроль парламента за их деятельностью при сохранении ими определенной финансовой и административной автономии.

Новым шагом на пути полномасштабной реализации закона № 5018 стал переход Турции к использованию среднесрочных программ развития и среднесрочных финансовых планов. Первые документы охватывали период с 2006 по 2008 г. В итоге с 2006 г. Турция перешла к системе составления трехлетних бюджетов.

Период с 1994 по 2010 г. определяется в турецкой экономической литературе как период действия «неявного денежного правила», имея в виду попытки турецких властей добиться определенного упорядочения в сфере государственных финансов, не прибегая к использованию четко определенных количественных лимитов бюджетной политики¹⁰.

Обобщая практику использования тех или иных форм неявного денежного правила, эксперты отмечали систематически имевшие место различные формы отступления от него¹¹.

Подчеркнем, что применительно к рассматриваемой проблеме важны не столько конкретный перечень и содержание нарушений, а общий явно просматривающийся настрой правительства на их возможность и допустимость при определенных вынужденных обстоятельствах или даже вне их.

Недостаточная приверженность следованию неявных денежных правил, отказ от внешнего контроля за их соблюдением, проявлением которого стало принятое после некоторого периода колебаний решение правительства Партии справедливости и развития не заключать после 2008 г. новое соглашение с МВФ о стабилизационном

кредите, усилили неопределенность, связанную с дальнейшим развитием макроэкономической ситуации в стране. В итоге остро потребовалась посылка определенных позитивных сигналов национальному финансовому рынку. Поэтому идея заменить внешний финансовый контроль внутренним на основе денежного правила стала набирать силу по мере того, как все более ясной становилась решимость правительства отказаться от прежних форм сотрудничества с МВФ. С одной стороны, кризис 2009 г. сделал невозможным немедленное введение этой меры, а с другой – повышение несбалансированности в сфере госфинансов в условиях глобального кризиса (в 2009 г. впервые за долгие годы Турция не сумела обеспечить профицит первичного бюджета) породили в обществе напряженные ожидания, связанные с введением прямого денежного правила, принятие которого означало бы для экономических кругов страны подтверждение приверженности правительства целям финансовой стабилизации.

В мае 2010 г. проект закона о денежном правиле был принят на рассмотрение плановой и бюджетной комиссией парламента. Размер запланированного на средне-долгосрочную перспективу дефицита был установлен в 1% ВВП. Согласно правилу, размер дефицита в текущем году должен был определяться в зависимости как от размеров дефицита прошлого года, так и состояния текущей экономической конъюнктуры. (См. подробнее формулу исчисления размеров бюджетного дефицита в Приложении.) Правило обеспечивало возможность проведения достаточно гибкой финансовой политики, позволяя ее адаптировать в соответствии с реалиями развития национальной экономики: в периоды активного роста ВВП (свыше 5% в год) предполагалось ориентировать экономику на повышение сбережений и более активное погашение госдолга, а в периоды низких или отрицательных темпов экономического роста допускалось проведение расширительной фискальной политики, исходя из того, какой объем дефицита окажется необходим для повышения темпов роста на каждый дополнительный процентный пункт¹². Таким образом, версия денежного правила, изложенная в проекте закона, имела дискреционный характер, так как устанавливаемая им на каждый год величина дефицита госфинансов могла варьироваться в зависимости от итогов прошлого финансового года и конъюнктуры нынешнего, которые в совокупности могли влиять на решение правительства о том, насколько высокими темпами следует добиваться снижения дефицита до целевого уровня. По классификации МВФ, вариант правила, избранный Турцией, представляет собой вариант политики «бюджетного равновесия, адаптированной под фазу экономического цикла», которая рассматривается, в отличие, например, от политики постоянно сбалансированного бюджета, как довольно эластичная¹³. Наконец, предложенное правило было направлено на регулирование лишь одного параметра – дефицита госфинансов. В итоге в экономических кругах страны начал дискутироваться вопрос о достаточности бюджетных ограничений, предложенных проектом закона о де-

нежном правиле. Высказывалось мнение о целесообразности введения более жесткой его версии, особенно в области отчетности и контроля за исполнением. Но более реалистично настроенные аналитики подчеркивали важность неотступного следования правилу хотя бы в том виде, в котором оно было предложено в проекте соответствующего закона¹⁴.

Дальнейшее развитие ситуации превзошло все тревожные ожидания, порожденные сомнениями в способности турецких властей проявить приверженность исполнению бюджетного правила: оно так и не было принято, несмотря на шумную кампанию по его разработке и одобрение проекта закона большинством в плановой и бюджетной комиссии парламента.

Для понимания того, почему проект закона в конце концов «положили под сукно», следует принять во внимание аргументы, которыми руководствовалась часть членов парламентской комиссии, не принадлежащих к оппозиции, но голосовавших «против». В своей резолюции они выразили сомнение в действительном желании правительства жить в соответствии с бюджетным правилом, мотивируя свое недоверие фактами допущенных им многочисленных нарушений неявных правил. В числе нарушений фигурировало и то, что хотя в Среднесрочной программе от 16 сентября 2009 г. правительство объявило о том, что денежное правило приобретет статус закона в течение первых трех месяцев 2010 г., этого так и не произошло, и на рассмотрение комиссии проект попал только в середине 2010 г. «Таким образом, правительство явно продемонстрировало стремление уклониться от рассмотрения проекта закона накануне выборов (речь идет о парламентских выборах, состоявшихся в июне 2011 г. – Н.У.)», – констатировалось в резолюции наряду с тем, что «ПСР в период своего правления не продемонстрировала той открытости и прозрачности своей фискальной политики, которые являются необходимыми предпосылками успеха при использовании денежного правила»¹⁵.

Члены парламентской комиссии от оппозиции также не поддерживали проект, но при этом исходили из своих собственных мотивов, объясняя свое решение тем, что использование финансового правила в условиях, когда структура бюджетных расходов существенно ухудшилась (речь идет о том, что повышение сбалансированности в первую очередь было достигнуто за счет «принесения в жертву» государственных инвестиционных расходов), принесет лишь повышение налогов и дальнейшее сокращение государственных капиталовложений, что приведет к еще большему ухудшению качественной структуры использования бюджетных средств¹⁶.

Некоторые средства массовой информации предположили, что проблема не столько в самом бюджетном правиле, сколько в раздражающем росте популярности «отца» проекта соответствующего закона – государственного министра А. Бабаджана¹⁷, снискавшего славу самого трудолюбивого, уважаемого и надежного члена правительства¹⁸. Последнее мнение отчасти совпадает с оценкой депутата

от оппозиционной Народно-республиканской партии Умута Орана, отметившего, что премьер-министр Р.Т. Эрдоган стремится к тому, чтобы управление экономикой оставалось в его руках¹⁹. И действительно, вопреки мерам по максимально возможному охвату бюджетом всей системы государственных расходов и повышению прозрачности и контролируемости системы госфинансов, ныне в Турции успешно функционирует крупнейший *внебюджетный* Фонд социальной помощи и солидарности. В декабре 2004 г. для управления Фондом была создана дирекция при аппарате премьер-министра. Кроме того, так называемая Администрация жилищного строительства, ведающая вопросами строительства социального жилья и жилья для лиц со средним и низким доходом, была выведена из состава Министерства общественных работ и передана в подчинение администрации премьер-министра, что обеспечило ей большую автономию и свободу действий. Двум названным институтам принадлежит решающая роль в проведении активной социальной политики правящей партии. Находясь в распоряжении аппарата премьер-министра, они в значительной мере финансируются за счет бюджетных трансфертов. Но тогда речь идет уже не о личном противостоянии премьер-министра и министра, а о более широкой проблеме неприятия Р.Т. Эрдоганом защищаемого А. Бабаджаном²⁰ принципа ограничения полномочий исполнительной власти и исключения из их числа принятия решений об увеличении денежного предложения в национальной экономике.

Предположить наличие определенных противоречий по данному вопросу между главой кабинета министров и одним из ключевых его членов позволяет и сущность правящей партии как партии исламской, а значит существует и идейная связь ее лидера – Р.Т. Эрдогана – с национальной разновидностью школы исламской экономики. Среди ее представителей весьма популярен тезис об отказе от иностранных источников финансирования экономического роста и их замещении источниками, находящимися внутри турецкой экономики. Одним из таких источников считается дополнительная денежная эмиссия, которая, по мнению представителей данной школы, в действительности не ведет к тем негативным последствиям, о которых неустанно говорит западная школа (инфляционный рост цен), но позволяет решить проблемы государственного долга и ускорения экономического роста. Один из убежденных представителей турецкой школы исламской экономики Х. Баш пишет: «...государство, задействовав эмиссию денежных средств, с помощью социальных проектов, в особенности помогая малоимущим слоям населения... вмешивается в экономику для достижения равновесия производства и потребления»²¹. Настораживают и появившиеся в конце 2012 г. в турецкой прессе сообщения о том, что А. Бабаджан принял решение об уходе из большой политики и возвращении в бизнес.

С учетом того, что рост расходов на социальные нужды стал своего рода визитной карточкой ПСР для миллионов получателей различных видов помощи и выплат, принципиальное решение вопроса о

бюджетных ограничениях, видимо, действительно представлялось премьеру пугающим. Как можно предположить, правительство рассматривает активную социальную политику как неприкосновенную, а бюджетное правило – как нежелательное ограничение на пути увеличения потесненных социальными тратами государственных инвестиций, потребность в котором может возникнуть в случае вероятного в условиях глобальной экономической турбулентности трудностей у основного в сегодняшней Турции инвестора – частного сектора. Официальной причиной того, что правило в конце концов так и не было принято, считается именно возражение «инвестирующих министерств», которые выразили обеспокоенность тем, что в случае необходимости дополнительных инвестиций их руки могут оказаться связанными такого рода правилом²².

К тому же правительство вынуждено считаться и с возрастающими политическими рисками, в частности связанными с обострением ситуации в турецко-сирийских отношениях и ростом напряженности в курдских районах страны. В бюджете на 2013 г. предусмотрен значительный рост расходов на безопасность и оборону.

Впрочем, правительство пока не без успеха парирует нападки тех, кто напоминает о положенном в стол законопроекте, подчеркивая, что реальные размеры дефицита в последние годы оказались даже ниже, чем это предусматривалось денежным правилом, будь оно принято. И действительно, как показали расчеты экспертов на основе формулы денежного правила, размер дефицита всей системы госфинансов должен был бы быть ограничен в 2011 г. 3,8% ВВП, а его действительный уровень составил всего 1%²³.

Таким образом, задача поддержания финансовой стабильности посредством проведения строго ограничительной фискальной политики оказалась важным, но не абсолютным приоритетом правящей Партии справедливости и развития. Выбор правительства, очевидно отражающий сегодняшний выбор турецкого общества, – это сохранение до некоторой степени гибкого подхода к решению данной проблемы и возможность прибегнуть к смягчению бюджетной политики, но лишь в чрезвычайной, критической ситуации. Финансовая стабильность, предсказуемость развития экономической ситуации стали важными факторами улучшения предпринимательской среды в стране, а значит – и того динамизма, на котором основывается популярность экономической политики ПСР, и лидеры партии хорошо понимают значимость бюджетной дисциплины. Но они предпочли оставить за собой право отказаться от нее в случае, если соотношение выгод и потерь, связанных с финансовой стабилизацией, изменится. Таким образом, финансовая стабилизация – выбор, который власти страны намерены защищать, но не любой ценой, и формально пути возврата в инфляционное прошлое Турции остаются открыты.

Механизм ограничения полномочий исполнительной власти по принятию populistических решений предусматривает использование не только бюджетного правила. Тем более, как мы теперь знаем, в Тур-

ции этот институт так и не получил на практике своего развития. Институциональную защиту рынка от принятия политиками нерыночных решений и замещение их полномочий решениями менее политизированных органов предполагается обеспечивать и посредством создания и развития системы независимых регулирующих органов, или регуляторов, именуемых в англоязычной литературе агентствами (Independent Regulatory Agency). Поскольку речь идет о защите рынка, то само возникновение регулирующих агентств следует синхронизировать с ослаблением государственного регулирования и усилением тенденций либерализации и приватизации в национальной экономике, иначе – с заменой модели позитивистского государства моделью государства-управляющей системы.

Независимое регулирующее агентство (НРА) может быть определено как автономный государственный орган, независимый от других государственных органов и наделенный полномочиями по регулированию таких чувствительных сфер рыночной экономики, как защита прав конкуренции, надзор за финансовыми рынками, регулирование рынков услуг, напрямую затрагивающих интересы общества. Предполагается, что независимость регулирующих институтов (агентств) в данном случае следует понимать не как их автономию в целях проведения политики, игнорирующей правительство, но скорее как возможность принятия ими управленческих решений без вмешательства политических агентов или агентов частного сектора. Таким образом, в теории предполагается, что НРА не должны осуществлять регулирование в интересах определенных групп. «Политики и правительство ограничены текущей политической ситуацией и потому вынуждены менять свои политические предпочтения. Для повышения своей приверженности политике как таковой и роста доверия со стороны избирателей действующие политики и правительство передают часть своих полномочий независимым агентствам и посвящают себя разработке более фундаментальных правил», – писал один из исследователей проблемы обеспечения эффективности деятельности независимых регулирующих органов²⁴. Таким образом, НРА оказываются средством достижения той самой отстаивавшейся Ф.А. Хайеком свободы законодательной деятельности от нужд повседневного правления. Преимущества, которые достигаются благодаря деятельности независимых регулирующих агентств, состоят в создании предпосылок для устранения политического вмешательства в функционирование рынков, дистанцировании от краткосрочных интересов заинтересованных групп, проведении более устойчивой политики регулирования в силу приверженности агентств долгосрочным интересам. С этой целью привлекаются высококвалифицированные профессионалы в соответствующей области, способные справиться со сложными и специфическими в ряде ситуаций задачами отраслевого регулирования и надзора. Регулирующие агентства способны быстро принимать решения в соответствии с меняющейся ситуацией в регулируемой области. Наконец, по мнению западных исследователей,

независимый статус агентств позволяет политикам сложить на них вину при принятии непопулярных решений. То есть агентства могут с успехом использоваться правительством в случае его недостаточной поддержки избирателями²⁵.

В Турции институт НРА, дословно именуемых независимыми регулирующими обществами (Bağımsız Düzenleyici Kurumlar), вступил в активную фазу развития на рубеже 1990–2000-х гг. по мере перевода в реальную плоскость решения задачи по макроэкономической стабилизации. В качестве исходного условия требовалось ограничить популистские устремления традиционных институтов власти. Турецкий исследователь С. Байрамоглу Озугурлу, придерживающийся левodemократических взглядов, критически оценивая деятельность НРА в Турции, прежде всего обращает внимание на их «антидемократический характер». Он полагает, что функционирование такого рода агентств противоречит парламентской системе как системе представительства интересов общества или, по крайней мере, ослабляет и снижает ее эффективность. Поэтому в Турции, по его мнению, вместо парламентской системы как таковой формируется новое поле политической власти, на котором действуют регулирующие агентства, а это означает переход «от финансового дефицита к дефициту демократии» и подчинение Турции навязываемым западными странами принципам решения экономических проблем²⁶. В рассуждениях автора нас более всего интересует косвенно признанный им факт ограничения парламентских полномочий в результате возникновения системы НРА. Что, безусловно, справедливо в словах С. Байрамоглу Озугурлу – это несомненная связь между возникновением большей части НРА в Турции и активной фазой сотрудничества с МВФ. С учетом сложившейся в стране традиции приверженности политической власти к использованию популистских экономических мер Фонд не мог рассчитывать на придание устойчивого характера экономической стабилизации в Турции иначе, как посредством создания и внедрения в управленческий механизм страны новых институтов, априори независимых от традиционных органов власти. Турецкие исследователи признают наличие специфических черт в социально-экономическом развитии Турции в 1990-е гг., которые делали особо актуальными создание и поддержку развития НРА: частая смена неустойчивых коалиционных правительств, клиентелизм, активное извлечение административной ренты, превращение в показатель успеха не личных заслуг, а личных связей и проч.²⁷ Но следует оговориться, что тот же клиентелизм, который на государственном уровне становится патернализмом, обрел устойчивость в рамках возникшей еще в османские времена и существовавшей до недавнего времени системы, при которой «всеобъемлющее участие государства практически во всех сферах жизни общества – идеологической, политической, социальной, экономической – было характерной чертой развития Турции»²⁸.

Создание независимых регулирующих агентств рассматривалось в качестве одного из важных структурных критериев в рамках действовавшего с 1999 г. между МВФ и Турцией соглашения о стабилизационном кредите. Процесс их создания освещался турецкой стороной в так называемых письмах о намерениях, регулярно составленных для рассмотрения специальной комиссией МВФ.

Так, в текст письма о намерениях от 1999 г. вошло обязательство турецкой стороны по созданию Агентства по регулированию энергетического рынка (Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu, EPDK). Соответствующий закон был проведен через меджлис в 2000 г. Согласно письму о намерениях от 2000 г. турецкая сторона взяла на себя обязательство принять закон о регулировании рынка сахара, который предусматривал и создание Общества сахара с полномочиями по регулированию условий производства, ценообразования и реализации сахара. Закон действительно был принят в 2001 г. В письме от того же 2000 г. турецкая сторона соглашалась выполнять требование МВФ по прекращению закупок табака по так называемым ценам поддержки производителей и принять до конца января 2001 г. закон о рынке табака. В сентябре 2002 г. действительно был принят закон о создании Агентства по регулированию рынка табака, табачных изделий и алкогольных напитков (Tütün, Tütün Mamulleri ve Alkollü İçkiler Piyasası Düzenleme Kurumu, TTMAPDK), которое должно было заменить не только формально, но и концептуально ранее осуществлявшееся регулирование этих отраслей производства в качестве государственных монополий. В письме о намерениях от 1999 г. обращалось внимание на только что принятое решение о создании Агентства по контролю и упорядочению деятельности банковской системы (Bankacılık Düzenleme ve Denetleme Kurumu, BDDK) с целью усиления банковского сектора посредством проведения стратегии по упорядочению его деятельности и роста доверия к банкам. В начале 2000-х гг. совет агентства осуществил программу реструктуризации банковской системы Турции, позволившую добиться ее заметного финансового оздоровления и упрочения. Наконец, в письме о намерениях от 1999 г. было заявлено о планах правительства провести в ближайшее время через парламент закон о создании Агентства по телекоммуникациям (Telekomünikasyon Kurumu, TK), что произошло в 2000 г.

К числу регулирующих агентств, которые возникли ранее в рамках самостоятельно проводившейся Турцией рыночной трансформации экономики, относятся: Совет рынка капиталов (Sermaye Piyasası Kurulu, SPK, 1981), который обеспечивает открытый, предсказуемый и безопасный характер функционирования рынка капиталов и защищает права и интересы инвесторов; Агентство по защите конкуренции (Rekabet Kurumu, RK, 1994) препятствует любым формам ограничения конкуренции на рынке товаров и услуг, ставит заслон на пути неправомерного использования крупными производителями преимуществ доминирования на рынке, регулирует процессы слияния и укрупнения компаний; Высший совет по радио- и телевидению (Radio

ve Televizyon Üst Kurulu, 1983). Помимо этого самостоятельной инициативой турецкой стороны стало создание Агентства по государственным тендерам (Kamu İhaleler Kurumu, 2002), которое разрабатывает условия проведения тендеров, объявляемых государством в лице его различных органов и организаций. Таким образом, по состоянию на сегодняшний день в Турции созданы девять регулирующих агентств.

Ключевым понятием в определении статуса, эффективности, равно как и национальных особенностей, регулирующих агентств является уровень их реальной независимости. Следовательно, важен вопрос и о способах ее измерения. В этих целях разработано довольно много методик. Например, У. Смит выделил шесть базовых принципов, соблюдение которых обеспечивает независимость НРА²⁹:

- определение прав и обязанностей НРА на основании закона и без участия заинтересованного министерства;
- назначение членов агентств на основании соответствия профессиональным стандартным требованиям;
- определение сроков полномочий членов агентств независимо от сроков избрания основных органов власти и индивидуально для каждого члена;
- наделение НРА реальными регулируемыми полномочиями;
- финансовая самостоятельность НРА (наличие автономного бюджета);
- достойная зарплата персонала НРА.

Что касается соблюдения названных принципов, то ситуация в Турции оценивается экспертами как довольно благополучная. Так, все ныне действующие НРА учреждены на основе соответствующих законодательных актов³⁰. Тем не менее турецкие исследователи, изучающие данную проблему, часто отмечают, что конституционный статус и место НРА в административной структуре Турции остаются не до конца проясненными. Дело в том, что в Конституции страны нет упоминания о независимых регулирующих агентствах. В результате возникает вопрос о том, обладают ли НРА в Турции конституционной законностью. В соответствии с действующей Конституцией 1982 г. Турецкая Республика является унитарным государством. «Административное управление является единым целым... Структура и задачи административного управления основываются на принципах руководства из центра и руководства на местах»³¹. Для обеспечения согласованности действий центральной и местных администраций провозглашен принцип подчинения правительству всей системы органов управления: «Центральная администрация... обладает компетенцией административного надзора над местными органами в целях обеспечения соответствия местной административной деятельности принципам целостности управления...»³² Но НРА, будучи независимыми от центральной власти и обладая регулируемыми полномочиями, не вписываются в систему централизованного контроля. Учреждение общественного юридического лица допускается Конституцией толь-

ко на основании закона или на основании полномочий, установленных законом. Но Конституция не допускает принятие законов, ущемляющих верховенство центральной власти. На основании этого часть экспертов рассматривает НРА как организации, существование которых не предусмотрено Конституцией. «В Турции существует проблема конституционной легитимности НРА, что вообще характерно для унитарных государств при определении статуса таких административных организаций», – констатируют турецкие исследователи Т. Четин, М. Собаджи и соавторы³³. Противники такого рода оценок настаивают на том, что существование НРА допускается 167-й статьей Конституции, которая устанавливает право государства на регулирование рынка³⁴.

Для Агентства по регулированию рынка табака, табачных изделий и алкогольных напитков, Агентства по регулированию энергетического рынка, Агентства по защите конкуренции и Высшего совета по радио- и телевидению законом предусмотрено назначение в качестве их членом лиц, получивших в стране или за ее пределами как минимум четырехлетнее высшее образование по одному из предусмотренных направлений специализации (право, экономика, инженерное дело, предпринимательство, международные отношения), проработавших в государственном или частном секторе не менее десяти лет и имеющих достаточный объем знаний и опыта в профессиональной области³⁵.

Что касается наделения турецких НРА реальными регулирующими полномочиями, то государственные юридические лица, статусом которых НРА пользуются в Турции, согласно Конституции страны, в целях обеспечения соблюдения законов и постановлений, имеющих отношение к их деятельности, имеют право издавать непротиворечащие им инструкции и наделены полномочиями обеспечивать их исполнение. Так, большинство НРА обладает правом отъема лицензии в регулируемой области, наложения на действующих агентов денежных штрафов, что позволяет говорить о наличии у них реальных регулирующих полномочий³⁶.

Срок полномочий членом в четырех агентствах – шесть лет, в одном – четыре года, в прочих – пять лет. Наиболее оптимальными представляются сроки полномочий, не совпадающие со сроками полномочий действующих правительств. Для этого срок исполнения обязанностей должностными лицами в НРА должен отличаться от интервала проведения всеобщих выборов, который ныне в Турции составляет четыре года³⁷.

Исследователи констатируют наличие финансовой независимости у турецких НРА, так как они финансируются не из бюджета, которым распоряжается правительство, а за счет платежей за лицензии, разрешения и проч.³⁸

В Турции обеспечиваются возможности для поддержания высокого уровня доходов членом советов НРА. В стране действует поло-

жение, согласно которому их зарплата не должна превышать более чем в два раза наиболее высокий уровень зарплат государственных служащих³⁹.

Для формальной оценки степени независимости НРА среди исследователей данной проблематики также широко используется индекс Гиларди⁴⁰. Индекс рассчитывается по пяти показателям: статус главы агентства, статус членов управляющего совета агентства, принципы, по которым выстраиваются отношения агентства с правительством и парламентом, уровень финансовой и организационной автономии агентства и уровень его регулирующих полномочий. Каждый показатель оценивается по нескольким параметрам, состояние которых оценивается посредством выбора из нескольких альтернатив. Например, по параметру, относящемуся к статусу главы агентства – «срок полномочий», предлагается выбор из следующих вариантов ответа: 8 лет, от 6 до 8 лет, 5 лет, 4 года, срок менее 4 лет или по усмотрению назначившего главу, отсутствие фиксированного срока полномочий. Каждое из состояний оценивается по шкале от 0 до 1 в зависимости от того, как оно соотносится с идеей независимости НРА. Так, сроку полномочий свыше 8 лет соответствует оценка 1, а отсутствию фиксированного срока полномочий – 0. Другим параметром, учитываемым при оценке статуса главы, является возможность его смещения. Отсутствие такой возможности оценивается 1, возможность смещения исключительно по причинам, не имеющим отношения к деятельности агентства, как 0,67, возможность смещения по усмотрению назначивших – как 0. Аналогичным образом для параметра «финансовая и организационная автономия» внешнее финансирование оценивается как 1, а финансирование агентства правительством как 0.

Собранные по описанной методике данные, касающиеся независимости НРА в Турции, уже неоднократно оценивались турецкими специалистами. Так, в 2006 г. вышла работа С. Шанлысыя и А. Озджана «Самостоятельность независимых регулирующих агентств в Турции», в которой уровень их независимости оценивался следующими значениями индекса Гиларди⁴¹:

Высший совет по радио- и телевещанию	– 0,8499
Агентство по государственным тендерам	– 0,8400
Агентство по защите конкуренции	– 0,7616
Агентство по телекоммуникациям	– 0,7482
Агентство по регулированию рынка табака, табачных изделий и алкогольных напитков	– 0,7482
Агентство по контролю и упорядочению деятельности банковской системы	– 0,7451
Совет рынка капиталов	– 0,7286
Общество сахара	– 0,7232
Агентство по регулированию энергетического рынка	– 0,6951

Оценив уровень независимости турецких НРА как неодинаковый, авторы пришли к выводу о том, что наиболее высокой степенью независимости обладает Высший совет по радио- и телевидению.

Турецкие исследователи Т. Четин, М.З. Собаджи, М. Нергелечекенлер и Э. Абдулхакимоглулары в своей работе, вышедшей в 2010 г., использовали для оценки уровня независимости НРА метод многомерного шкалирования. Их расчеты, после признания оптимальным использования трехмерного шкалирования, позволили установить, что наиболее высокую степень независимости имеет Агентство по контролю и упорядочению деятельности банковской системы, а наиболее низкую – Общество сахара⁴². Таким образом, данная работа подтвердила различный уровень независимости регулирующих агентств в Турции.

С. Шаулысой и А. Озджан также сравнили среднее значение индекса Гиларди для Турции со средними значениями для 17 стран Европы, используя базу данных, собранную и обработанную Ф. Гиларди в его вышедшей в свет в 2005 г. работе «Формальная независимость регуляторов: сравнение 17 стран и 7 отраслей»⁴³ (см. табл.).

Значение индексов независимости НРА для стран Западной Европы и Турции

Австрия	0,55	Люксембург	0,63
Бельгия	0,49	Голландия	0,5
Дания	0,46	Норвегия	0,48
Финляндия	0,54	Португалия	0,56
Франция	0,52	Испания	0,53
Германия	0,36	Швеция	0,53
Греция	0,49	Швейцария	0,47
Ирландия	0,60	Англия	0,59
Италия	0,70	Турция	0,76

Источник: Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye'de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı. Siyasa, İzmir, Yıl: 2, Say: 3–4, 2006. S. 125.

В результате выяснилось, что уровень независимости НРА в Турции самый высокий! При этом он объясняется более высоким значением индекса почти для каждого из турецких агентств (несмотря на разницу в значениях), чем в любой из европейских стран. *То есть турецкий регулирующий сектор полностью укомплектован агентствами, формально более независимыми, чем европейские.*

Насколько это подтверждается реальными условиями деятельности турецких НРА?

По оценкам турецких исследователей Т. Четина, М.З. Собаджи, М. Нергелечекенлера и Э. Абдулхакимоглулары, энергетическая политика действующего правительства Партии справедливости и развития открыто ущемляет независимость Агентства по регулированию энергетического рынка⁴⁴. Правительство в предвыборных документах заявило о поддержке курса на либерализацию энергетического рынка и укрепление независимости Агентства. Но в действительности практически с самого начала оно стало избегать либерального уклона. В полной мере конфликт интересов обнаружился по вопросу ценообразования на электроэнергию. Агентство отстаивало региональный принцип ценообразования, видя в нем способ создать конкуренцию между регионами в вопросах борьбы с незаконным и неэффективным использованием электроэнергии: более низкая цена предлагалась для регионов с незначительными объемами незаконного использования энергии и, напротив, более высокая – регионам, где масштаб данного явления велик. Это должно было бы привести к повышению цен на электричество на востоке и юго-востоке страны, где как раз широко распространено незаконное подключение к сетям. Правительство отказалось от использования подобного принципа ценообразования по политическим соображениям, поскольку восток и юго-восток Турции – как раз те регионы страны, где ПСР имеет высокий уровень избирательной поддержки. Таким образом, руководствуясь соображениями «политического прагматизма», правительство настояло на сохранении единой цены национального рынка. В итоге остальные регионы Турции продолжают субсидировать незаконное использование электроэнергии на востоке и юго-востоке страны, где местами его уровень достигает 75%. Механизм субсидирования действует через перевод прибыли энергоснабжающих компаний, работающих на западе, компаниям востока и юго-востока страны. В десяти городах этих регионов, где незаконное использование электроэнергии широко распространено, наиболее высок и уровень поддержки правящей Партии справедливости и развития. В то же время на западе, где уровень незаконного использования электроэнергии наиболее низок, ПСР не может рассчитывать на столь активную поддержку.

Второй пункт расхождений правительства с Агентством по регулированию энергетического рынка касается структуры цены на электроэнергию. Правительство настаивает на том, что цена может включать некоторые дополнительные налоги и сборы, хотя Агентство выступает против инкорпорирования не связанных с себестоимостью составляющих цену на электроэнергию и использования практики перекрестного субсидирования. Тем не менее правительство продолжает поддерживать более высокие цены для промышленных предприятий, обеспечивая некоторые льготы домохозяйствам как обладающим большим количеством голосов. Кроме того, правительство согласилось на «прощение» задолженности за электричество для кре-

стьянских хозяйств, хотя это и противоречит напрямую регулирующим решениям Агентства.

Наконец, принятый в 2001 г. закон о рынке электричества поставил целью приватизировать в течение двух лет компании, занятые производством и распределением электроэнергии. В 2004 г. правительство отодвинуло дату завершения приватизации вопреки положениям закона и планам Агентства на 2006 г., что опять же не стало последней датой.

Конфликт между правительством и Агентством по регулированию энергетического рынка сложился и на газовом рынке страны. Официально Агентству были переданы полномочия по регулированию национального газового рынка, в том числе полномочия на заключение новых международных газовых контрактов. Тем не менее, несмотря на заявления Агентства о том, что в стране не наблюдается дефицита газа, правительство подписало новый контракт с Египтом.

«Энергетическая политика правительства выявила, что политический прагматизм для него более значим, чем экономическая эффективность и независимость Агентства по регулированию энергетического рынка. Правительство не стремится передать свои полномочия в сфере ценообразования на электроэнергию независимому регулятору, сохраняя возможности для извлечения ренты на энергетическом рынке. В итоге выигрыш перераспределяется между группами интересов... Политический прагматизм в вопросе ценообразования на электроэнергию открыто ущемляет регулирующие полномочия Агентства... и его независимость, ведет к промедлению в вопросах приватизации, захвату процесса регулирования политиками и провоцирует снижение экономической эффективности», – резюмировали Т. Четин, М. З. Собаджи, М. Нергелечекенлер и Э. Абдулхамимоглулары⁴⁵.

Примеры подобного пренебрежения независимым статусом регулирующего агентства могут быть обнаружены и в истории деятельности Общества сахара⁴⁶. Долгое время в Турции, как в США и странах Евросоюза, доля патоки (сахара, получаемого из крахмала) на рынке сахара ограничивалась 2%, так как этот продукт считается небезопасным для человека. В 2001 г. Общество под давлением американской компании Cargill согласилось на увеличение этой доли до 10%. В дальнейшем, уже под напором ЕС, Совет министров Турции принял решение о ее повышении до 15%. В результате почти вся она оказалась занятой американской Cargill, которая одновременно получила и право решающего голоса на национальном рынке сахара. Таким образом, в данном случае имело место давление на независимое агентство со стороны иностранной компании, заинтересованной в турецком рынке.

Несмотря на то, что национальный рынок сахара регулируется определенными квотами и условиями производства, один из местных производителей колы пошел на незаконное сооружение мощностей по производству патоки и использовал ее при производстве

напитка, что дало ему существенное ценовое преимущество перед другими производителями колы. Они заговорили о недобросовестной конкуренции и обратились в Общество сахара за разрешением на установку подобных производственных мощностей, но получили отказ. Одновременно Общество начало расследование в отношении факта недобросовестной конкуренции, пригрозив виновнику штрафом. Но, как отмечают турецкие исследователи, по странному совпадению именно в этот момент, а именно 31 декабря 2004 г., Совет министров принял решение об упразднении Общества, сохранив лишь его управляющий совет и разрешив ему продолжить работу при Министерстве промышленности и торговли. Таким образом, речь идет о довольно бесцеремонных действиях в отношении независимого агентства уже со стороны исполнительной власти. Следует напомнить, что по итогам упомянутых выше расчетов турецких исследователей Т. Четина, М.З. Собаджи, М. Нергелечекенлера и Э. Абдулхакимоглулары именно Обществу сахара был присвоен наиболее низкий уровень независимости.

Обобщив практику деятельности НРА в Турции, Т. Четин и соавторы пришли к выводу, что, как и в других странах, которые пока не обладают достаточным опытом по делегированию полномочий институтам, находящимся на почтительном расстоянии от исполнительной власти, она имеет весьма противоречивый характер. Несмотря на то, что Турция реформировала свою институциональную структуру, учредив НРА, переход от традиционной патримониальной модели государства к государству, занятому лишь процессом регулирования, происходит с высокими политическими издержками, поскольку власть в Турции не желает передавать регулирующим агентствам права собственности на принятие политических решений. «И хотя юридически НРА учреждены в Турции, фактически их институционализация всячески тормозится посредством увеличения транзакционных издержек передачи им реальных полномочий», – резюмируют они⁴⁷. Турецкие исследователи связывают «дискреционную политическую интервенцию» в деятельность НРА в том числе и с неопределенностью их конституционного статуса, но до сих пор не одно из правительств не попыталось решить эту проблему⁴⁸.

Таким образом, Турция демонстрирует еще один пример видоизменения западного института вплоть до утраты им первоначального смысла при попытках его укоренения в странах Востока. При этом особо следует обратить внимание на то, что неспособность или невозможность для турецких НРА в ряде случаев достичь поставленных перед ними целей ввиду попытки государства сохранить за собой традиционно всеобъемлющий характер регулирования (вмешательства) сочетается с весьма высоким формальным уровнем независимости регулирующих агентств, исчисленным на основе применения западных методик. Следовательно, речь идет о необязательности исполнения для государства им же самим принятых управленческих ре-

шений, прежде всего в тех случаях, когда они направлены на ограничение абсолютизма государственной власти.

Подобный довольно распространенный феномен «переваривания» институтов традиционным укладом стран Востока уже неоднократно отмечался российскими востоковедами. Так, А.М. Петров писал, что часто преобразования в странах Востока «увязали и увязают, принимая мутированные, порой самые фантастические по нелепости (с западных позиций) формы»⁴⁹. Еще более определенно по поводу специфики имитационного развития в развивающихся странах высказалась Е.А. Брагина: «Заимствуемые демократические институты, новые формы социальных и политических отношений в обществе наталкиваются на открытое и скрытое сопротивление неформальных институтов», под которыми автор цитаты имеет в виду иные культурологические принципы, иную деловую этику с опорой на схему «свой–чужой», «патрон–клиент». «Слабость и двойственность государственных институтов, их одновременное существование в прошлом и частое неприятие настоящего объясняют, почему перенос в такую социально-экономическую среду современных институтов... порождает неожиданные симбиозы», – уточняет далее автор⁵⁰.

Обобщение множественных примеров такого рода привело к определенным корректировкам в современных трактовках институциональной теории. Так, российский экономист В.М. Полтерович выявил четыре типа «трансплантационных дисфункций», т.е. ситуаций, когда заимствованный институт оказывается не способен выполнить в стране-реципиенте ту же роль, что и в экономике-доноре. Один из типов дисфункции – атрофия и перерождение института – является следствием того, что сам трансплантированный институт оказался невоспребованным или его использование оказалось несовместимо с культурными традициями или институциональной средой реципиента⁵¹. Очевидно, именно такая ситуация возникла вокруг деятельности некоторых НРА в Турции, ибо, как подчеркивал Н.Г. Киреев, и «на рубеже XX и XXI вв., когда концепции будущего развития строятся правящими кругами на принципах либеральной экономики, когда страна (Турция. – Н.У.) настойчиво стучится в дверь Евросоюза, государственное присутствие в социальной жизни и экономике никак не навзевешь подобным европейскому»⁵².

Отказ от принятия денежного правила, как и факты прямого нарушения формально согласованных принципов деятельности независимых регулирующих агентств, свидетельствуя об уклонении от использования или искажения деятельности институтов ограничения позитивистского государства, указывают на трудности, переживаемые Турцией на пути ограничения традиции государственного патернализма, и, что особенно важно, создают предпосылки для сохранения популистских подходов в государственной экономической политике, подтверждая ее актуальность в современных управленческих подходах. Таким образом, исходя из популярной сегодня среди экономистов парадигмы о том, что ничто не может быть постоянным

без институтов, следует признать, что недостаточность и уязвимость институционального обеспечения устойчивого развития в Турции ставит под сомнение ясность его перспектив.

Приложение

Формула денежного правила⁵³

$$a = y(a_{-1} - a^*) + k(b - b^*), \text{ где}$$

- a = дефицит госфинансов на текущий год относительно ВВП;
- a_{-1} = дефицит госфинансов по итогам прошлого года;
- a^* = запланированный на средне-долгосрочную перспективу размер дефицита госфинансов;
- b = предполагаемые реальные темпы роста ВВП по итогам текущего года;
- b^* = средние долгосрочные темпы роста ВВП;
- y = коэффициент скорости приближения размеров бюджетного дефицита к запланированным на средне-долгосрочную перспективу;
- k = коэффициент, отражающий уровень влияния экономической конъюнктуры.

Примечания

- ¹ Ekonomik Rapor 2011. Ankara, TOBB, 2012. S. 367.
- ² Cumhuriyet, 04.01.2013.
- ³ Ekonomik Rapor 2011. S. 221, 231, 367.
- ⁴ Fiscal Rules – Anchoring Expectations for Sustainable Public Finances. Wash., International Monetary Fund, December 16, 2009. P. 4. – <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2009/121609.pdf>.
- ⁵ Хайек Ф.А. Общество свободных. Лондон, 1990. С. 47.
- ⁶ Там же. С. 200–201.
- ⁷ Хайек Ф.А. Частные деньги. М., 1996. С. 89.
- ⁸ Fiscal Rules – Anchoring Expectations for Sustainable Public Finances. P. 7.
- ⁹ Sönmez M. 100 Soruda 1980'lerden 1990'lara «Dışa açılan» Türkiye Kapitalizmi. İstanbul, 1992. S. 117–118.
- ¹⁰ См., например: Yükseler Z. Örtülü Mali Kuraldan Acık Mali Kurala Geçiş. Ankara, 2010.
- ¹¹ Ibid. S. 3–4.
- ¹² Mali Kural Kanunu Tasarısı ile Plan ve Bütçe Komisyonu Raporu (1/891). Ankara, 2010. S. 4: <http://www.tbmm.gov.tr/sirasayi/donem23/yil01/ss525.pdf>/<http://www.tbmm.gov.tr/sirasayi/donem23/yil01/ss525.pdf>.
- ¹³ Fiscal Rules – Anchoring Expectations for Sustainable Public Finances.
- ¹⁴ См., например: Yükseler Z. Örtülü Mali Kuraldan Acık Mali Kurala Geçiş. S. 12.
- ¹⁵ Mali Kural Kanunu Tasarısı ile Plan ve Bütçe Komisyonu Raporu (1/891). S. 16.

¹⁶ Ibid. S. 19.

¹⁷ Ныне А. Бабаджан занимает в правительстве Турции пост заместителя премьер-министра.

¹⁸ Milliyet, 15.07.2012.

¹⁹ Oran U. 2. yıldönümünde Babacan'a sordu: "Mali Kural ne oldu?". – <http://www.umutoran.com/2012/05/10>.

²⁰ В 1989 г. Али Бабаджан с высшим баллом окончил Средневосточный технический университет, являющийся высшим учебным заведением прозападной направленности. С 1990 г., получив специальную стипендию (Fulbright), продолжил образование в США, где в 1992 г. получил степень Мастера делового администрирования (MBA). В 1992–1994 гг. работал в одной из американских консалтинговых компаний, предоставлявшей услуги руководителям высшего звена. С 1994 по 2002 г. Али Бабаджан занимался частным бизнесом в Анкаре. В 2001 г. стал членом учредительного совета Партии справедливости и развития.

²¹ Баш Х. Модель национальной экономики. Новая экономическая система. Казань, 2011. С. 28.

²² Milliyet, 02.02.2011.

²³ Kaya F. Kamu Mali Yönetiminde Yeni Dönem: Yasal Mali Kural Uygulamalarına Geçiş. S. 413; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012. S. 229; DPT.

²⁴ Genoud C. Regulation as a game & the role of independent regulatory agencies in the regulatory process. – Risk and Regulation Research Student Conference. London School of Economics and Political Sciences. September, 2003. Цит. по: Aspects of the Independence of Regulatory Agencies and Competition Advocacy. Paper Submitted under First Research Cycle of CUTS Competition, Regulation and Development Research Forum (CDRF) (2005–2007). P. 6. – <http://www.circ.in/pdf/Aspects%20of%20the%20Independence%20of%20Regulatory%20Agencies%20and%20Com.pdf>.

²⁵ Ibid. P. 5, 7.

²⁶ S. Bayramoglu Ozugurlu. Türkiyede Devletin Dönüşümü: Parlamenter Populuzmden Piyasa Despotizme. – Kuresellesme, Krizve Türkiye'de Neoliberal Donusum. Istanbul, 2009. S. 263–264.

²⁷ См., например: Bağımsız Düzenleyici kurumlar ve Türkiye Uygulaması. Ankara, TUSIAD, 2002. S. 62.

²⁸ Киреев Н.Г. О турецком опыте перехода к рыночной экономике. – Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить. М., 2006. С. 64.

²⁹ Smith W. Utility Regulators-the Independence Debate. – Public Policy. For the Private Sector, World Bank, №. 127. Приводится по: Bağımsız Düzenleyici Kurumlar ve Türkiye Uygulaması. S. 165.

³⁰ Bağımsız Düzenleyici kurumlar ve Türkiye Uygulaması. S. 194–195.

³¹ Конституция Турецкой Республики. – Турецкая Республика. Справочник. М., 1990. С. 338.

³² Там же. С. 340.

³³ Çetin T., Sobacı M.Z., Nargeleçekenler M., Abdulkahimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey. – Understanding the Process of Economic Change in Turkey: An Institutional Approach. NY, 2010. P. 233.

³⁴ Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye'de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı. Siyasa, İzmir, Yıl: 2, Say: 3–4, 2006. S. 113.

³⁵ Bağımsız Düzenleyici kurumlar ve Türkiye Uygulaması. S. 166.

³⁶ Ibid. S. 173, 198–199.

³⁷ Ibid. S. 196–197.

³⁸ Так, например, Агентство по контролю и упорядочению деятельности банковской системы осуществляет выдачу банковских лицензий, Совет рынка капитала – разрешений на эмиссию инструментов финансового рынка и на допуск акций компании к торгам, Агентство по регулированию энергетического рынка – лицензий на допуск компании в производстве электроэнергии, Агентство по регулированию рынка табака, табачных изделий и алкогольных напитков – разрешений на производство, импорт и продажу табачных и алкогольных изделий.

³⁹ Bağımsız Düzenleyici kurumlar ve Türkiye Uygulaması. S. 176–177.

⁴⁰ См. подробнее: Gilardi F. Policy Credibility and Delegation to Independent Regulatory Agencies: A Comparative Empirical Analysis. – Journal of European Public Policy, 9 (6). P. 873–893.

⁴¹ Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye’de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı. S. 123.

⁴² Sobacı M.Z., Çetin T., Nargeleçekenler M. Independent Regulatory Agencies in Turkey and Their Formal Independence Levels. P. 38. – http://www.academia.edu/447079_INDEPENDENT_REGULATORY_AGENCIES_IN_TURKEY_AND_THEIR_FORMAL_INDEPENDENCE_LEVELS.

⁴³ Gilardi F. The Formal Independence of Regulators: A Comparison of 17 Countries and 7 Sectors. – Swiss Political Science Review, 2005, 11 (4). P. 139–167.

⁴⁴ См.: Çetin T., Sobacı M.Z., Nargeleçekenler M., Abdulhakimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey. P. 241–243.

⁴⁵ Ibid. P. 237.

⁴⁶ Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye’de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı. S. 126–127.

⁴⁷ Çetin T., Sobacı M.Z. Nargeleçekenler, M. Abdulhakimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey. P. 230.

⁴⁸ Ibid. P. 233.

⁴⁹ Петров А.М. Азиатский способ производства и XXI век. – Экономика развивающихся стран. Сборник статей памяти В.А. Яшкина. М., 2004. С. 259.

⁵⁰ Брагина Е.А. Притяжение недостижимого. – Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011. С. 398–399.

⁵¹ Полтерович В.М. Проектирование реформ: Как искать промежуточные институты. – http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/25-44_Polterovich.pdf.

⁵² Киреев Н.Г. О турецком опыте перехода к рыночной экономике. С. 64.

⁵³ Mali Kural Kanunu Tasarısı ile Plan ve Bütçe Komisyonu Raporu (1/891). S. 4.

*В.И. Шлыков**

ТУРЦИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

С конца 1983 г. и по настоящее время Турция переживает период так называемого демократического транзита, сущность которого заключается в демократизации турецкого общества, усвоении им западных либерально-демократических ценностей, расширении политических свобод и т.п. Этот процесс, включающий в себя структурную и институциональную перестройку, затрагивающую функции и влияние различных институтов государства, в частности судебной системы, тесно связан с вытеснением армии из политики, и поэтому особое место в нем занимает проблема формирования новой модели военно-гражданских отношений.

Турецкая общественность привыкла к активной роли, которую армия играет в политической жизни страны. Внутри государства армия является совершенно автономным институтом, в качестве «стража государственного суверенитета» выполняет важную функцию в процессах принятия политических решений, структурирует и контролирует политическую власть. Поэтому в турецкой политической системе господствует поставленная с ног на голову иерархия институтов: армия избавлена от политического контроля, но политическая власть подконтрольна надзору военных. Понятие «система военного патронажа» довольно точно описывает функционирующий в Турции строй¹.

Самым глубоким противоречием, отличающим турецкую демократию в 1990-х – начале 2000-х гг., является неспособность гражданских политиков контролировать армию². В развитых странах Запада органом контроля за ВС является Министерство обороны во главе с гражданским министром. Иное дело в Турции. Вот что пишет в своей книге под весьма красноречивым названием «Приказывайте, команди» известный турецкий журналист Али Биранд: «В штате Министерства обороны числится 3000 человек персонала, из них лишь 5% гражданских лиц. Более того, даже личного секретаря министра назначает начальник Генштаба»³.

Отношения между военной и политической элитами, или военно-гражданские отношения (понятие, имеющее широкое хождение в западной политологии и социологии), в Турции характеризуются сочетанием преемственности и перемен. Какова же природа этих отношений? Два фактора, относящихся к историческим и политическим

* Шлыков Вячеслав Иванович, кандидат исторических наук, доцент ИСАА при МГУ.

условиям, являются наиболее существенными для ответа на этот вопрос: роль армии как защитницы кемализма и османское наследие вертикально организованного общества⁴.

Общество современного типа неизбежно является плюралистическим. Поэтому политики всегда должны быть гибкими. Армия не может заниматься политикой, ибо логика политики и логика военных несовместимы. Как утверждает турецкий журналист Таха Акйол, «при защите страны турецкий народ со своим здравым смыслом доверяет своей армии, а в политике всегда выбирает гражданских деятелей»⁵.

Апогеем демонстрации прямого влияния армии на политическое развитие Турции стал период между 12 сентября 1980 г. и 7 декабря 1983 г., когда у власти находился Совет национальной безопасности (СНБ) под председательством генерала Кенана Эврена, сосредоточивший в своих руках всю полноту законодательной и исполнительной власти. В западной и турецкой литературе Совет часто квалифицируют как «хунту». Разработанная под его непосредственным руководством Конституция, одобренная на референдуме 7 ноября 1982 г., несла на себе печать решающего влияния военного истеблишмента и отражала, по сути, наличие «модели скрытого охранительного режима» («a covert guardianship model») по классификации Робина Лукхэма⁶. Данная модель позволяла военной элите использовать различные формы вмешательства в политику, начиная от осуществления контроля и оказания влияния на гражданский политический процесс с помощью как формальных, так и неформальных механизмов вплоть до совершения военного переворота в ситуации, оцениваемой ею как «критическая».

Политико-культурными опорами, поддерживавшими жизнеспособность «модели скрытого охранительного режима», являлись: во-первых, иерархическая и авторитарная по содержанию и элитарная по форме культура, глубоко укорененная в среде военного истеблишмента и превалировавшая вплоть до второй половины 1980-х гг., т.е. до того момента, когда распространяющиеся в обществе либеральные политические и экономические идеи начали бросать ей вызов; во-вторых, группа бытующих традиционных мнений и стереотипных суждений в отношении армии, составляющих неотъемлемую часть турецкого менталитета: «каждый турок – природный солдат», «турецкая нация – нация-воин» и «высшая степень величия – пасть мучеником»⁷. Они возвышают героизм, осознание чувства подчинения высшим интересам страны и готовности пожертвовать собой, когда это необходимо. Традиционное уважение к армии и вера в то, что она защищает нацию от внутренних и внешних врагов, сделали армию почти мистическим институтом.

Бытование подобной политической культуры поддерживало существование модели «скрытого охранительного режима» в том контексте, где культура понимания сущности безопасности всегда воспринимала Турцию как страну, окруженную враждебными государствами. Добавим к этому страх возрождения Севрского договора,

подписанного в 1920 г. вслед за крушением Османской империи. Кстати, тема Севрского договора достаточно известна широким массам простых турок, в чем автор имел возможность убедиться во время своих командировок в Турцию в 1970–2000-х гг. Подобное умонастроение являлось продуктом так называемого консервативного реализма, в значительной степени сформировавшего турецкую культуру понимания безопасности со времен основания Республики. Она разделялась как военно-бюрократической элитой, так и простыми гражданами. Как пишет турецкая исследовательница Нилюфер Нарлы, «консервативный реализм и контекст безопасности времен “холодной войны” заставили турецкую военную элиту озаботиться проблемами государства и таким образом внешними угрозами и ее внутренними союзниками»⁸.

В период правления военной хунты в 1980–1983 гг. армия обладала всей полнотой власти в условиях присутствия очень ограниченной гражданской политической составляющей вследствие того, что все неправительственные организации и 17 политических партий, существовавших во Второй Республике, решением Высшего военного суда от 16 октября 1981 г. были запрещены. В апреле 1983 г., незадолго до возвращения к многопартийному режиму, был принят ряд законодательных актов, в частности Закон о политических партиях и Закон о выборах, еще больше ослаблявших будущие вновь создаваемые политические партии. В намерения армии входило создание совершенно нового политического ландшафта. С этой целью, например, временная статья 4 Конституции отлучала от активного участия в политической жизни сроком на 10 лет лидеров и ведущих деятелей распущенных политических партий. Дополнительно Закон о политических партиях вводил ряд ограничений на создание новых партий, а Закон о выборах, принятый в том же году, путем установления десятипроцентного избирательного порога ограничил шансы малых партий быть представленными в меджлисе. Все, вместе взятое, свидетельствовало о стремлении армии, создав видимость своего ухода из политики, продолжать оставаться в ней и установить режим так называемой «направляемой демократии».

С другой стороны, произошло институциональное усиление позиций армии как стража режима. Военная элита расширила институциональную базу своей скрытой охранительной роли в политическом процессе, вынуждая правительство отдавать приоритет рекомендациям Совета национальной безопасности. В его состав входили десять членов: пять гражданских лиц – президент, премьер-министр, министры обороны, внутренних дел и иностранных дел, и пятеро военных – начальник Генерального штаба и командующие видами вооруженных сил и жандармерии. В период после переворота 1980 г. решения военной хунты имели силу декретов. Решения вновь созданного СНБ были больше, чем просто рекомендации исполнительной власти. Военная элита была способна продавливать их исполнение, так как генеральный секретариат СНБ имел полномочия вести мони-

торинг принятия решений к исполнению и их реализации. В соответствии с полномочиями, предоставленными статьей 118 Конституции 1982 г. и статьей 35 Устава внутренней службы 1961 г., СНБ возложил на себя ведущую роль в определении характера внутренних и внешних угроз и приоритетов национальной безопасности. Он сформулировал доктрину национальной безопасности в форме «Документа о политике в сфере национальной безопасности», не консультируясь с избранными представителями в лице депутатов и членов правительства, и, кроме того, у него было также право надзирать за пересмотром «Документа» каждые пять лет. Вышеуказанные полномочия, которыми пользовалась армия, переросли в высокую степень автономии по отношению к гражданскому правительству вплоть до начала 2000-х гг.⁹

Следует также отметить, что в Турции консервативный реализм и вытекающая из этой идеологии озабоченность по поводу наличия внутренних угроз национальной безопасности играли инструментальную роль в оправдании необходимости существования сильной армии и ее политического влияния. Благожелательная позиция США в отношении роли армии как стража, характерная для периода «холодной войны», еще больше увеличила вклад последней в процесс принятия политических решений. Фундаментальные принципы политики безопасности, исповедуемые США в тот период для гарантирования их собственных интересов в регионе, требовали формирования прочных отношений с турецким военным истеблишментом. Высокую оценку политического влияния турецкой армии со стороны США хорошо объясняет статья помощника министра обороны администрации Р. Рейгана, а впоследствии члена Консультативного комитета по оборонной политике при Министерстве обороны США, политолога Ричарда Перла, опубликованная в 1999 г. В статье дается оправдание военного переворота 12 сентября 1980 г., характеризуемого как «ответ турецкой армии на развал порядка и безопасности, рост терроризма и широкое распространение беспорядочного насилия в Турции». Для Перла данный переворот был в интересах США: «Волна терроризма в Турции угрожала подорвать американскую поддержку, как массовую, так и официальную, Турции и тесное сотрудничество в вопросах безопасности между США и Турцией»¹⁰.

Несмотря на подобное понимание контекста безопасности времен «холодной войны» и вопреки массовой поддержке армией Партии националистической демократии отставного генерала Тургута Сунальпа, к власти пришло гражданское правительство. Вновь созданная Партия Отечества (ПО), возглавляемая архитектором турецкого экономического «чуда» Тургуттом Озалом, получила большинство на выборах в ноябре 1983 г. и сформировала однопартийный кабинет. Озалу удалось удержаться на посту премьер-министра с 1983 по 1989 г., когда он был избран президентом Турецкой Республики.

Эпоха Озала может быть охарактеризована как период постепенного нарастания вызовов формальному и неформальному влия-

нию армии и, таким образом, усиления роли гражданской элиты в формировании политики государства. В основе этих процессов лежало существование сильного правительства и обладание Т. Озалом контролем над меджлисом. Эти факторы сужали возможности армии оказывать давление на гражданское правительство. Все это приводило к имевшим место случаям дисгармонии в отношениях между правительством и армией. С приходом Озала к власти начинается процесс постепенного демонтажа институционально-правовой базы системы «режима 12 сентября», еще незавершенного и поныне. Чтобы уменьшить влияние армии на публичную политику, Озал сделал два важных шага: во-первых, он позволил народу решать вопрос о том, следует ли отменить статью 4 Конституции 1982 г., запрещавшую лидерам политических партий, действовавших до военного переворота, участие в активной политической жизни, вынеся его на референдум в 1987 г. (при этом сам Озал был против возвращения прежних лидеров); во-вторых, убрал препятствия на пути формирования новых партий, сняв ограничения на переход депутатов меджлиса из одной партии в другую.

Более того, распространив полномочия гражданского правительства на сферу внутренней безопасности, что фактически являлось шагом в направлении демилитаризации формального процесса принятия политических решений, Озал заменил имевшихся в каждом министерстве военных назначенцев по связям с общественностью гражданскими чиновниками, а 19 июля 1987 г. создал региональные губернаторства чрезвычайного положения. Первое такое губернаторство включало *или* (области) Диярбакыр, Сиирт, Хаккяри и Ван. Губернаторы были наделены чрезвычайными административными и политическими полномочиями¹¹.

Для углубления процесса демилитаризации политической системы путем усиления влияния институтов гражданского общества и бизнес-элит Озал проводил законы, разрешающие создание гражданских ассоциаций. Его новая либеральная экономическая политика содействовала бизнес-элитам и поддерживала малое и среднее предпринимательство в Анатолии. Инициированные им либеральные экономические реформы ясно выражали стремление включить турецкую экономику в глобальную капиталистическую систему. Свежие политические взгляды Т. Озала принесли социальную и культурную трансформацию, бросившую вызов патерналистской, иерархической и авторитарной политической культуре. Со своим либеральным складом ума Озал начал подрывать несущие культурные конструкции охранительной модели путем разрушения ряда табу и предложения нестандартных путей для решения некоторых застарелых внутренних и внешних проблем: последние включали курдский сепаратизм и конфликт с Грецией из-за шельфа Эгейского моря, которые до этого были оставлены на усмотрение армии.

Озал также пытался установить гражданский контроль над армией и процессом принятия решений, касающихся сферы безопаснос-

ти. Так, для демонстрации своего верховенства над армией в августе 1987 г. он отверг рекомендации высшего командования о назначении на пост начальника Генштаба генерала Недждета Озторуна, а вместо него «протокнул» своего кандидата – недавно назначенного командующим сухопутными силами генерала Неджипа Торумтая, провозглашая на своем посту менее месяца. Озал также продекларировал приоритет гражданской администрации по двум вопросам, затрагивающим сферы национальной безопасности. Первым являлись разногласия, существовавшие между Озалом и тогдашним начальником Генерального штаба генералом Торумтаем, в связи с намерением Озала поддержать США в ходе ирако-кувейтского конфликта 1990–1991 гг. Эта конфронтация завершилась досрочной отставкой генерала со своего поста 3 декабря 1990 г. В истории Турецкой Республики это был первый случай досрочного ухода начальника Генштаба по собственной инициативе. Вторым случаем было заключение без консультации с армией соглашения с премьер-министром Греции Андреасом Папандреу о прекращении полетов турецких ВВС над Эгейским морем.

Следует отметить, что Озал искусно замкнул на себе вопросы внутренней национальной безопасности в то время, как президент Кенан Эврен играл ведущую роль в вопросах, затрагивающих внешнюю безопасность¹². Озал выделял ресурсы для реорганизации и модернизации армии, что было решающим для поддержания гармонии в военно-гражданских отношениях. Политика премьер-министра удовлетворяла нужды и потребности как вооруженных сил, так и общества, поскольку обеспечивала поддержание экономического роста, увеличение численности среднего класса.

После избрания Т. Озала на пост президента Турции в 1989 г. и установления, таким образом, формального гражданского контроля над важным институтом государства между армией и гражданской элитой развивалась новая форма взаимодействия, при которой степень влияния военной элиты на процесс принятия государственных решений стала меньше, чем во времена президентства бывшего главы военной хунты Кенана Эврена, когда существовала растущая, но далеко не полная гармония в отношениях между ним и занимавшим тогда пост премьер-министра Озалом. Для подобного развития событий важное значение имело не только избрание Озала президентом, но и наличие сильного однопартийного правительства и контроля Партии Отечества над меджлисом, существовавшего вплоть до всеобщих выборов 20 октября 1991 г. Как оказалось, результаты выборов положили конец периоду политической стабильности. Они стали причиной возникновения склонных к компромиссам слабых и неустойчивых коалиционных правительств и способствовали росту политических амбиций военной элиты. По их результатам к власти пришла коалиция Партии верного пути (ПВП) и Социал-демократической народнической партии (СДНП) во главе с ветераном турецкой политики Сулейманом Демирелем. Последний не питал больших симпатий к

военным, которые дважды отстраняли его от власти – в 1971 г. и 1980 г., – а затем пытались лишить политического будущего.

1990-е годы в политическом развитии Турции следует назвать периодом нахождения у власти слабых коалиционных кабинетов, когда возможности гражданской элиты в отношении армии сокращаются, и, наоборот, у военной элиты расширяется площадка для маневра и наряду с желанием увеличиваются возможности для вмешательства в политику¹³.

Вскоре после того как в апреле 1993 г. Сулейман Демирель был избран президентом Турции, а его преемница на посту лидера ПВП амбициозная и волевая Тансу Чиллер стала премьер-министром, активизация боевых действий Курдской рабочей партии (КРП) на юго-востоке страны породила сильную озабоченность в отношении национальной безопасности. Как пишут Г. Баркей и Г. Фуллер в своей работе «Курдская проблема в Турции», «Чиллер рассматривала возможность принятия целого ряда мер: создание нового, гражданского по составу и опирающегося на меджлис, Совета национальной безопасности, который мог бы изучить курдскую проблему; ведение вещания на курдском языке на государственных телевизионных каналах, а также факультативное преподавание на курдском языке; адаптация «модели басков» в Испании для решения курдской проблемы. Сообщалось, что Чиллер перестала рассматривать подобные варианты после устрашающих деклараций начальника Генштаба генерала Догана Гюреша, заявлявшего ей, что «СНБ является должным местом для обсуждения подобных проблем»¹⁴.

Более того, доводы, приводимые в то время президентом С. Демирелем, о том, что «уступки не могут делаться в период эскалации терроризма»¹⁵, и растущее беспокойство общества по поводу террора боевиков КРП вынудили премьер-министра передоверить решение проблемы курдского сепаратизма военным. В результате Чиллер убедилась, что с армией следует поддерживать хорошие отношения. В то же самое время она пыталась содействовать националистической группе в своей собственной партии; поддержка, оказанная ранее этой группой, сыграла решающую роль при ее избрании на пост лидера партии.

Озабоченность вопросами внутренней безопасности способствовала усилению активной вовлеченности армии в политику в качестве партнера правительства и увеличивала использование высшим командованием инструментов прямого и косвенного давления на правительство. Это стало причиной того, что правительство, армия и большая часть граждан пришли к достижению временного консенсуса и к признанию того факта, что армия играет свою роль «стража», защищая Турцию от курдского сепаратизма.

Вызов такому партнерству между правительством Чиллер и армией пришел со стороны исламистской Партии благоденствия (ПБ), получившей на очередных парламентских выборах в 1995 г. 21% голосов избирателей и ставшей первой по числу депутатских мест в

Великом национальном собрании Турции (ВНСТ). В этих условиях для сохранения партнерства между гражданским правительством и армией существовало лишь единственное возможное решение – сформировать коалиционное правительство с участием ПВП Тансу Чиллер и ПО Месута Йилмаза. Это предотвратило бы формирование кабинета Партией благоденствия, возглавляемого Неджметтином Эрбаканом. Однако сформированная в марте 1996 г. коалиция Чиллер – Йилмаза оказалась слабой и уже в июне 1996 г. распалась, просуществовав лишь около трех месяцев.

Военная и гражданские (светские) элиты были разочарованы из-за того, что непримиримый конфликт между Чиллер и Йилмазом не имел под собой никаких идеологических оснований, а носил чисто личный характер, в то время как росли угрозы экономической и политической стабильности в стране. С другой стороны, бизнес-элиты и кемалистски настроенные средние слои начали разделять бесплодную армии в отношении политического ислама как угрозы национальной безопасности.

Тем не менее Тансу Чиллер, жаждавшая остаться во власти, решила сформировать новое коалиционное правительство с Партией благоденствия, несмотря на риск вызвать военно-гражданские разногласия. Коалиция Эрбакан – Чиллер не была способна долго просуществовать из-за негативной позиции армии в отношении политического ислама. Напряженность, существовавшая между армией и правительством, завершилась так называемым «мягким переворотом» 28 февраля 1997 г., когда СНБ одобрил пакет из 18 мер против исламистской угрозы и заставил правительство подписать их. Все это в результате привело к отставке в июне 1997 г. коалиционного правительства, возглавляемого Н. Эрбаканом. Местное политическое окружение в большинстве своем было согласно с «мягким переворотом», поскольку бизнес, рабочие и светские средние классы были едины в своем одобрении стремления армии защитить лаицизм (турецкий вариант светского правления).

Тем не менее США, остававшиеся важнейшим партнером Турции, не в полной мере одобряли совершенный «мягкий переворот». Ранее благоприятное отношение США к вмешательству турецкой армии в политику начало угасать в связи с новыми реалиями, возникшими после окончания «холодной войны». Формулировки официальной реакции США на скрытое вмешательство армии в феврале 1997 г. содержали намеки на эти изменения. В июне 1997 г. тогдашний госсекретарь США Мадлен Олбрайт предостерегла турецких генералов от совершения каких-либо «сверхконституционных попыток» во имя сдерживания исламистского влияния на нацию, подтвердив при этом поддержку со стороны США светской системы Турции¹⁶.

Армия и гражданские элиты согласились реализовать некоторые из 18 мер, рекомендованных СНБ. Армия увеличила свое неформальное политическое влияние, используя новые каналы, включавшие частые публичные заявления высшего командования и семинары, про-

водимые так называемой Западной исследовательской группой (Western Study Group), созданной генералом Чевиком Биром (в настоящее время содержащимся в тюрьме Силиври по делу «Эргенекон») ¹⁷. Данная группа начала просвещать турецкую общественность на предмет угрозы исламской реакции. Понятие «реакция» заменило понятие «курдский сепаратизм» в качестве врага номер один ¹⁸. Армия была в зените исполнения своей роли «стража Республики», когда разногласия между Месутом Йилмазом и военной элитой вновь стали источником политической напряженности.

Коалиционное правительство, возглавляемое М. Йилмазом, получило одобрение со стороны армии, хотя на самом деле оно было сформировано по замыслу президента С. Демиреля. Йилмаз столкнулся с дилеммой, связанной с путями и методами реализации мер, предложенных 28 февраля СНБ, когда оказался лицом к лицу с прямым и косвенным политическим контролем со стороны армии, требовавшей от правительства реализации всех мер в полном объеме и восстановления, таким образом, существовавшей ранее прежней гармонии в военно-гражданских отношениях. Более того, он должен был найти выход для поддержания в то же самое время демократических стандартов, поскольку религиозно ориентированные средние слои и оппозиция выражали свое политическое недовольство.

Все это вылилось в разногласия между армией и гражданской элитой, которые стали более заметны 13 сентября 1997 г., когда М. Йилмаз потребовал от армии ограничения масштабов ее антиисламской кампании. В свою очередь армия направила Йилмазу жесткое предупреждение, когда он просил доверить гражданскому кабинету, потому что правительство приняло «необходимые меры для защиты лаицизма». 13 сентября 1997 г. генеральный секретарь СНБ генерал Эрол Озкашнак в резкой форме ответил Йилмазу, заявив, что ему не следует вмешиваться в дела армии ¹⁹. В марте 1998 г. вопрос о том, были ли реализованы «меры 28 февраля», породил дальнейшую напряженность. Отвечая на вопросы телевизионного канала, М. Йилмаз подчеркнул, что введение контроля над исламским фундаментализмом «является ответственностью избранного гражданского правительства, а борьба с терроризмом – это ответственность армии» ²⁰. Вслед за этим 20 марта 1998 г. тогдашний начальник Генерального штаба генерал Исмаил Карадайи сделал заявление для прессы, в котором указал, что «исламизм и сепаратизм останутся первоочередной заботой армии, и для того, чтобы выполнять свою роль стража по защите Турции, армия намерена использовать легальные средства, указанные в конституции» ²¹.

В ноябре 1998 г. кабинет М. Йилмаза пал, и ему на смену 11 января 1999 г. пришло переходное коалиционное правительство меньшинства во главе с Бюлентом Эджевитом, в котором Йилмаз занял пост вице-преьера.

В результате парламентских выборов 18 апреля 1999 г. в междоусобицу прошло пять партий, из которых ни одна не имела большинства,

дающего право на создание однопартийного кабинета. Президент С. Демирель вновь поручил лидеру Демократической левой партии (ДЛП) Б. Эджевиту сформировать коалиционное правительство. Эджевит создал кабинет, включивший представителей ДЛП, Партии Отечества и Народно-республиканской партии (НРП). Военно-гражданские отношения вновь улучшились после того, как новое правительство и армия достигли соглашения о необходимости ведения решительной борьбы с этническим сепаратизмом. В общественном мнении образ армии как стража Республики не потускнел, несмотря на чувство обиды со стороны религиозно ориентированной его части.

Искра для разжигания несогласия вновь пришла со стороны М. Йилмаза. В своем выступлении 4 августа 2001 г. по вопросу национальной безопасности он намекнул на то, что угроза национальной безопасности часто преувеличивается: «Нет нации, где бы вопросы национальной безопасности полностью отдавались в руки военных. Это обязанность гражданских политиков определять пределы национальной безопасности. К сожалению, Турция является единственной страной, где взгляд на национальную безопасность детерминирует пределы политики»²².

Как и ожидалось, 7 августа 2001 г. армия выступила с резким заявлением для прессы, в котором указывалось, что слова Йилмаза нацелены на армию и фундаментальные вопросы национальной безопасности следует обсуждать на соответствующих платформах, т.е. в СНБ²³. Пикировка между Йилмазом и армией не приняла форму открытых дебатов по поводу формирования политики в области национальной безопасности. Лишь ряд либеральных колумнистов одобрили позицию вице-преьера²⁴.

В период пребывания у власти коалиционного правительства Б. Эджевита влияние армии усилилось. Взаимопонимание сторон демонстрировалось в ходе заседаний СНБ, где доминировали генералы. Журналисты ведущих турецких газет соревновались между собой в выявлении сути манифестов и скрытых смыслов, содержащихся в пресс-релизах СНБ, а также публичных заявлениях высших офицеров.

В то время пока взаимопонимание удавалось в основном поддерживать, усиливая коалиционного правительства по гармонизации турецкого законодательства с законодательством ЕС и требованиями Копенгагенских критериев вели к ухудшению до некоторой степени военно-гражданских отношений и снижению институциональной роли армии. Новая редакция статьи 118 Конституции 1982 г. объявляла рекомендации СНБ менее обязательными к исполнению. В то время как ранее гражданское правительство должно было отдавать приоритет рассмотрению решений СНБ, теперь оно имело больше свободы в отношении к ним. Иными словами, у армии стало меньше легальных инструментов для поддержания своей скрытой (завуалированной) роли стража.

Внешний вызов «модели стража» пришел не только со стороны ЕС, но и США. Толерантность, проявленная США в отношении вме-

шательства в политику турецкой армии в 1980-х гг., в конце 1990-х гг. изменилась на политику неприятия подобного вмешательства. С тех пор позиция США сближалась с политикой Брюсселя, рекомендуящего Турции снизить политическое влияние армии.

Несмотря на поддержку со стороны США гражданского демократического верховенства, ситуация накануне оккупации Ирака вновь заставила власти США обратиться к начальнику Генерального штаба Турции, призывая его быть главным в принятии решений по вопросам безопасности. В марте 2002 г. тогдашний вице-президент США Р. Чейни высказал пожелание провести переговоры с премьер-министром Б. Эджевитом и начальником Генштаба генералом Хусейном Кыврыкоглу. Он также потребовал организации встречи с глазу на глаз с генералом Кыврыкоглу. Последний, однако, отказался под предлогом того, что для турецкого генерала является некорректным ведение переговоров с иностранным официальным лицом без присутствия членов правительства. Тогда само правительство организовало их формальную встречу: Р. Чейни встретился с Х. Кыврыкоглу на обеде 20 марта 2002 г., на котором присутствовали также министр иностранных дел Исмаил Джем и статс-секретарь МИДа Угур Зиял²⁵.

Подобное согласие дожило до реформ по гармонизации с требованиями ЕС, начавшимися в 2001 г., и ослабло вскоре после победы на досрочных парламентских выборах Партии справедливости и развития (ПСР) в ноябре 2002 г.²⁶ В конечном счете США также заняли негативную позицию по отношению к армии, играющей слишком влиятельную роль в политике. Менее чем за десятилетие в военно-гражданских отношениях в Турции произошли драматические институциональные изменения и начал расцветать новый образ мыслей, касающихся этих отношений, у политиков и граждан. Эти подвижки подготовили почву для дальнейших шагов в сторону модели военно-гражданских отношений, которые можно встретить в либеральных демократиях.

В период, предшествовавший 2002 г., начальники Генерального штаба ВС Турции рассматривали себя в качестве национальных политических надзирателей; они полагали, что, когда национальный интерес подвергается угрозе, они должны все привести в порядок, поскольку гражданское правительство сделать это не в состоянии. Дискурс и практика их преемников после 2002 г. демонстрируют достаточно свидетельств того, что последние впредь уже не могут позиционировать себя в качестве подобных «надзирателей».

Действия правительства Р.Т. Эрдогана свидетельствовали о стремлении максимально понизить институциональный статус армии, лишив ее важного инструмента влияния на политику правительства. Так, было отменено обязательное условие, что генеральным секретарем СНБ должен быть действующий генерал (первый гражданский генеральный секретарь был назначен в октябре 2004 г.). Генерального секретаря СНБ лишили права неограниченного доступа в любую гражданскую организацию или орган власти с целью ведения

мониторинга, а фактически – осуществления контроля за работой государственного аппарата²⁷. Правила, касающиеся назначений в секретариат, стали более прозрачными, что привело к увеличению доли гражданских служащих и сокращению персонала СНБ на 25%. Заседания СНБ стали проводиться не ежемесячно, а раз в два месяца. Все это сделало гораздо более сложным для Генерального штаба использование СНБ в качестве инструмента давления на гражданское правительство.

В период после 2007 г. ПСР пыталась «силовым путем» установить гражданский контроль над армией. Правительство активно вмешивалось в кадровую политику, которая ранее была прерогативой самой армии, а точнее – Генерального штаба. В период 2002–2006 гг. Эрдоган нашел себе лояльного союзника по кадровым назначениям в армии в лице тогдашнего начальника Генштаба генерала Озкека. Именно благодаря своим отношениям с премьер-министром генерал пробыл на своем посту четыре года. В частности, была предпринята попытка не допустить назначения в качестве его преемника генерала Бююкканыта. Нужно отметить, что в прессе в тот период развернулась широкая кампания по дискредитации генералитета, замешанного в деле «Эргенекон». Немалую роль в этом играла газета «Тараф».

Отношения между ПСР и армией после относительно спокойно периода пребывания на посту начальника Генштаба генерала Озкека в период с 2006 по 2012 г. пережили несколько моментов конфронтации, которые можно характеризовать как точки бифуркации, каждый раз ослаблявшие позиции военной элиты: во-первых, это меморандум Бююкканыта 27 апреля 2007 г. и отклонение его правительством (заявление министра юстиции и одновременно пресс-секретаря правительства Джемиля Чичека о том, что армия не имеет права делать заявления политического характера); во-вторых, избрание Абдуллаха Гюля президентом Турции; в-третьих, впечатляющая победа ПСР на выборах в июле 2007 г.; в-четвертых, неудавшийся процесс в Конституционном суде по делу о запрете ПСР, фактически инициированный армией при поддержке судейского сообщества и поставивший всю политическую систему Турции на грань серьезного кризиса; в-пятых, начало следствия по делу «Эргенекон» и проведение первых арестов среди отставных, а главное, и действующих офицеров, причем Генштаб не заступился за «своих», даже когда последовала вторая волна арестов, что в прежние времена было трудно себе даже представить; в-шестых, судебные процессы и уголовные разбирательства 2009–2010 гг. серьезно подпортили образ в обществе вооруженных сил и поставили под вопрос обоснованность политических амбиций военной элиты.

Это во многом объясняет, почему правительство Турции 4 февраля 2010 г. пошло на отмену являвшегося неотъемлемой частью «постмодернистского переворота» 28 февраля 1997 г. так называемого «Протокола о безопасности, общественном порядке и взаимо-

помощи», подписанного вслед за отстранением от власти правительства Н. Эрбакана 7 июля 1997 г. начальником Оперативного управления Генштаба генералом Четинем Доганом и постоянным заместителем министра внутренних дел Теоманом Унюсаном. Этот документ, долгое время вызывавший ожесточенные споры, санкционировал «при необходимости» установление режима военного правления в неспокойных провинциях и фактически подводил правовую базу под возможный военный переворот²⁸. «Прежние времена прошли... – отмечал известный политический обозреватель Али Биранд, тонко чувствующий общественные настроения, – и армии нужно это понять... сейчас ей уже не избежать контроля гражданских властей и СМИ... и в своих действиях она уже не может этого не учитывать»²⁹.

В-седьмых, проведение референдума по пакету конституционных поправок и принятие поправок в Конституцию, распространяющих на военных юрисдикцию общегражданских судов; в-восьмых, убедительная победа ПСР на парламентских выборах 2011 г.; в-девятых, «принуждение к отставке, а фактически мастерски проведенная чистка высшего командования армии», коллективный уход со своих постов командующих родами ВС во главе с начальником Генштаба генералом Ышиком Кошанером 29 июля 2011 г. Этому предшествовало закрытое заседание, проходившее 14 июля в Генеральном штабе, в ходе которого командующий сухопутными силами генерал Эрдал Джейланоглу впервые высказал идею демонстративной отставки в знак протеста против арестов военных и нагнетания нездоровой атмосферы в армейской среде. Именно генерал Джейланоглу, по просочившейся в СМИ информации, якобы призвал Ышика Кошанера последовать его примеру и подать в отставку, подчеркнув, что в условиях нарастающего давления на военную элиту и армию в целом подобный экстраординарный шаг – чуть ли не единственно возможный сценарий действия, который не только сможет стать сильным средством воздействия на правительство, но и привлечет на сторону армии общественное мнение³⁰.

Демонстративный протест генералов во многом имел чисто символический характер: все командующие родами вооруженных сил 1 августа так или иначе должны были сложить свои полномочия, лишь Ышик Кошанер мог оставаться на своем посту до 2013 г. Обращает на себя внимание то, что само заявление военных было обнародовано в пятницу вечером, после закрытия основных бирж, что должно было минимизировать возможный финансово-экономический урон, не обрушить рынки. Не стоит упускать из виду и то обстоятельство, что уход со своих постов влиятельных генералов только на первый взгляд может показаться «добровольным». Руководство армии шло на военный совет с двумя требованиями – о назначении генерала Аслана Гюнера, занимавшего пост заместителя начальника Генштаба, командующим сухопутными силами, а генерала Салдырая Берка – начальником жандармерии. Фактически это означало, что преемником генерала Кошанера на посту начальника Генштаба становился бы

Аслан Гюнер, не очень лояльный к ПСР (должность командующего сухопутными войсками – предпоследняя ступень в иерархии военного руководства), а генерал Берк получал бы возможность впоследствии сменить его.

Однако такая конфигурация мало устраивала правительство ПСР. Президент Гюль категорически отказался принять условия генералов и твердо настаивал на назначениях на высшие армейские посты «своих» людей. Правительство ждало от военной элиты некоего «жеста», поэтому было готово купировать его в максимально сжатые сроки. Фактически правительство ПСР принудило генералов пойти на этот шаг. Расчет генералов не оправдался: общество оказалось не готово встать «на защиту армии» и своих генералов. Военная элита, напротив, понесла серьезные репутационные потери, и главное – потенциал ее авторитета и влияния на общественно-политическую жизнь еще больше снизился, сузились каналы воздействия на правительство в области кадровой политики в руководстве армии. Потрясенный, на которые рассчитывал генералитет, не произошло, а позиции правительства после демарша генералов только усилились.

В-десятых, назначение 4 августа 2011 г. на эти посты лояльных к ПСР генералов во главе с бывшим командующим жандармерией генералом Неджетом Озелем, аттестуемым турецкими СМИ как «военный с сильными демократическими убеждениями»³¹, а проще – известного своим неприятием вмешательства армии в политику, знаменовало собой окончание периода, в котором высшее командование армии рассматривало себя как самоназначенного «стража режима» от демократически избранных правительств Турции.

В-одиннадцатых, впервые в истории Турции 6 января 2012 г. был арестован бывший начальник Генштаба генерал Илькер Башбуг, который обвинялся по делу «Internet Andic Davasi» о создании 50 сайтов для распространения сведений, порочащих правительство ПСР, и в принадлежности к террористической организации; ему грозит пожизненное заключение. В-двенадцатых, суровые приговоры офицерам и генералам, осужденным по делу «Эргенекон», и продолжение следствия по этому делу. Первый приговор по делу «Эргенекон», вынесенный гражданским судом, а не военным трибуналом, 21 сентября 2012 г. расколот турецкое общество на тех, кто верил в виновность осужденных, и на тех, кто не поверил официальным обвинениям, и вызвал в среде офицеров шок. Бывший командующий 1-й полевой армией генерал Четин Доган, бывший командующий ВМС Турции адмирал Озден Орнек и бывший командующий ВВС Халил Ибрагим Фыртына получили по 20 лет тюремного заключения. Изначально обвинение требовало для бывших турецких военачальников пожизненного тюремного заключения, но в связи с тем, что план государственного переворота так и не был осуществлен, приговор был смягчен до 20 лет. Этот вердикт стамбульского уголовного суда в отношении трех отставных генералов турецкой армии вызвал возмущение и настоящее потрясение среди их близких и родственников. Общий

срок заключения составляет свыше 5000 лет. Таким образом, после провала попытки добиться запрета ПСР и отрешения от политики Р.Т. Эрдогана, А. Гюля и других видных умеренных исламистов правительство нанесло ответный удар. На протяжении нескольких лет – с 2008 по 2012 г. – осуществляются аресты среди отставных и действующих офицеров и генералов, которые помещаются в самой современной тюрьме, открытой в 2008 г. и являющейся самой большой в Европе. На сегодняшний день почти 20% от общей численности всех турецких генералов, как действующих, так и отставных, находится под арестом. Кроме того, в междлисе создана комиссия по расследованию военных переворотов и меморандумов, в которой показания дают бывшие видные турецкие военачальники, в том числе и оставшиеся в живых «творцы» военного переворота 12 сентября 1980 г. То есть в стране и в среде военной элиты создается атмосфера неизбежности наказания, при которой любое вмешательство армии в политику рассматривается как преступление, и лицо, его совершившее, рано или поздно понесет соответствующее наказание.

В-тринадцатых, 12 сентября 2010 г. состоялся референдум по правительственному пакету конституционных поправок, по итогам которого в действующую Конституцию Турции в очередной раз был внесен ряд изменений, направленных на приведение ее в соответствие со стандартами Европейского союза. Поправки еще больше сужают правовое поле возможностей для влияния армии на политическую и общественную жизнь: значительно уменьшена роль военных трибуналов, отменена юридическая неприкосновенность организаторов военного переворота 1980 г. Кроме того, увеличивается количество членов Конституционного суда Турции с 11 до 17. С точки зрения властей, эти поправки положат конец ситуации, когда существовала возможность отменить демократический выбор граждан с помощью Конституционного суда или армии. По мнению некоторых экспертов, сам факт проведения референдума подобного характера можно считать конституционной революцией или конституционным переворотом³². Фактически итог референдума является продолжением масштабной демилитаризации Конституции 1982 г., начатой еще Т. Озалом, и, по сути дела, меняет основу турецкой государственности, заложной в 1920-е гг. Мустафой Кемалем Атаюрком.

Однако в условиях продолжающейся необъявленной войны в Юго-Восточной Анатолии с боевиками Курдской рабочей партии правительство нуждается в армии. Напряженность на границе с Сирией и сосредоточение там подразделений турецкой армии являются факторами, требующими от Эрдогана более аккуратных действий. Поэтому в условиях борьбы с курдскими боевиками и обострения на турецко-сирийской границе вытеснение влияния армии из сферы политики и лишение ее роли «хранителя кемалистских традиций» имеет свои пределы.

В современном мире взаимопроникновение и взаимопереплетение военной и политической сфер происходит в гораздо большей

степени, чем прежде. Военно-гражданские отношения не следует рассматривать как конфликтогенные. От политических и военных лидеров ожидают сотрудничества в достижении конструктивного консенсуса не только по вопросам обороны и безопасности, но также и по вопросу о том, как строить их взаимоотношения в рамках государства и общества. Эти взгляды, которые в наши дни обсуждаются в таких развитых либеральных демократиях, как США и Великобритания, в равной степени релевантны и для такой страны, как Турция, которая стремится консолидировать свою демократию, находясь в окружении, бросающем вызов ее безопасности.

«Гражданская власть, – пишет канадский исследователь Дуглас Бланд, – нуждается в ВС для защиты государства и территориальной целостности страны. В свою очередь ВС нуждаются в гражданской администрации для признания своей собственной легитимности в соответствии с фундаментальными демократическими принципами»³³. В этом случае главный вопрос состоит не в простой максимизации гражданского контроля над ВС. Профессор Техасского университета Джеймс Берк отмечает в своей статье «Теории демократических военно-гражданских отношений», что реальной проблемой является то, «как поддержать сильную и эффективную армию, которая не создает угрозы для гражданской элиты»³⁴. Очевидно, с данной проблемой можно эффективно справиться лишь путем установления соответствующего коллегиального сотрудничества и взаимосвязи между военной и гражданской элитами. В конечном счете эффективный контроль над армией зависит от кооперации офицерского корпуса с гражданским правительством и наоборот. Оба института функционируют в рамках одной и той же государственной структуры и нуждаются друг в друге. Поэтому не следует упрощенно трактовать характер военно-гражданских отношений в рамках дихотомии «начальник–подчиненный». Здесь гораздо более сложная связь. Следует сослаться на высказывание шотландского военного историка профессора Хью Страчмана, содержащееся в статье «Военно-гражданские отношения после Ирака», в которой он критикует подходы, рассматривающие ВС лишь как инструмент гражданской администрации без должного изучения природы и возможностей этого инструмента. Страчман делает акцент на важности «диалога между политиками и солдатами и... гармонизации этих двух элементов»³⁵.

В свете вышесказанного под формированием новой модели военно-гражданских отношений мы понимаем возникновение такого положения, при котором армия в лице в первую очередь военной элиты утрачивает свою роль в политике и полностью находится под контролем гражданских политиков в лице правительства и законодательных органов. При этом отношения между ними строятся на учете интересов обеих сторон. Данную модель можно назвать либеральной, и она является наиболее распространенной в демократических странах Запада. Согласно профессиональной этике военного истеблишмента этих стран, он не вмешивается в политический процесс,

предоставляя политикам принимать решения. Армии на Западе политически нейтральны.

Таким образом, сутью либеральной модели, или парадигмы, военно-гражданских отношений, столь характерной для ведущих западных стран, является в первую очередь установление гражданского контроля над вооруженными силами и политический нейтральный характер офицерского корпуса, его удаленность от институтов формирования внутренней политики. Короче, офицер-профессионал находится вне политики, а гражданские политики имеют право на совершение ошибок. Однако, несмотря на признание примата гражданского правительства над вооруженными силами, военная элита считает, что армия играет важную роль в формулировании политики в сфере как внутренней, так и внешней безопасности. Поведение и действия в 2002–2010 гг. генералов Х. Озкека, Я. Бююканыта и И. Башбуга свидетельствуют именно об аналогичном подходе турецкой военной элиты.

Принятие подобной модели военно-гражданских отношений не стояло на повестке дня турецкого генералитета вплоть до 10 декабря 1999 г. – даты предоставления Турции статуса страны-кандидата на вступление в ЕС на саммите ЕС в Хельсинки. За год до этого знаменательного события был опубликован первый доклад ЕС, где анализировалась ситуация в стране и ее соответствие Копенгагенским критериям соблюдения прав человека. Военная элита Турции стремилась в Европу, и сближение с ЕС виделось ей как реализация программных установок кемализма по превращению Турции в современное цивилизованное государство, о приверженности которым она постоянно заявляла. В этой связи вступление в ЕС рассматривалось как важный этап в модернизации страны и достижение целей, завещанных Кемалем Ататюрком³⁶. Однако одного желания попасть в число членов ЕС было недостаточно, требовалось «заплатить» своего рода вступительный взнос, сутью которого и являлось проведение необходимых реформ в общественно-политической сфере и обеспечение уровня политической демократии, вытекающего из Копенгагенских критериев. В число требуемых изменений входило упорядочение особой роли армии, понижение уровня ее автономности и недопущение ее вмешательства в политику.

Турецкое общество за 10 лет правления ПСР сильно изменилось. Можно согласиться с обозревателем газеты «Сабах» Мехметом Барласом, что «в сегодняшней Турции нет места для “военной демократии”»³⁷, и добавить, что и возможности для совершения военного переворота также отсутствуют. Репутационные потери военной элиты и армии в целом весьма ощутимы. Поэтому армия стремительно теряет свою политическую субъектность, все больше подчиняясь гражданским властям и политическому руководству страны. Так, события августа 2011 г. можно воспринимать как весьма удачный акт «политической санации». ПСР вообще неплохо удается «зачищать» общественно-политическое пространство: за 10 лет своего правления Ред-

жеп Эрдоган сумел заполнить «надежными» кадрами не только коридоры высшей власти, но и буквально все общественно значимые административные должности (от ректоров университетов до директоров школ). Судьба руководства турецкой армии и видных представителей военной элиты четко вписывается в эту парадигму: негодные генералы отправляются в отставку или на окраину Стамбула – в тюрьму Силиври, а на их место приходят лояльные фигуры, готовые работать с ПСР и уже не подумывающие о возрождении былой политической субъектности армии.

Пребывание генерала Недждета Озея на посту начальника Генштаба в течение как минимум четырех лет, до 2015 г., позволит Эрдогану еще в большей степени продвинуть лояльных к гражданской администрации генералов на ключевые посты в армии. С этой точки зрения критическое значение имело заседание Высшего военного совета, состоявшееся 1–3 августа 2012 г. и посвященное кадровым перестановкам в армии. В отставку были отправлены 56 генералов и адмиралов, ожидавших своей очереди на повышение, и 40 генералов и адмиралов, находящихся под арестом в связи с делом «Эргенекон». Гигантская разница с аналогичным советом 2010 г., когда никого не отправили в отставку. Как отметил научный сотрудник Института стратегических исследований Мурат Йилмаз: «Решения Высшего военного совета свидетельствует о продолжении процесса демократизации»³⁸. Однако по-прежнему важным остается вопрос, насколько прочны эти перемены в военно-гражданских отношениях и не существует ли возможность возврата к прежней практике? Мы можем сказать, что, несмотря на все произошедшие изменения и ослабление политической субъектности армии, точка невозврата еще не пройдена. Чтобы полностью изменить парадигму ценностей турецкого военного, выработать новую профессиональную этику поведения по отношению к гражданской администрации и демократическим институтам, выработать у офицерского корпуса стереотип добровольного подчинения гражданскому правительству, которое имеет право на совершение самостоятельных ошибок, требуется не менее четверти века. В случае же нарушения политической стабильности, появления у кормила власти слабого коалиционного правительства или же ослабления позиций премьера Эрдогана внутри армии существует большая вероятность появления сторонников переворота и наследников прежних традиций.

Примечания

¹ Bayramoğlu A. The Limits of democracy, or «Seizure of the state from within». – The two souls of Turkey. Summer, 2007. P. 7.

² Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики. – Элиты стран Востока. М., 2011. С. 35.

³ Birand M.A. Emretkomutanım. İstanbul, 1987. S. 416.

- ⁴ Narlı N. Civil-military relations in Turkey. – Turkish Studies. Vol. 1, n. 1 (Spring 2000). P. 107.
- ⁵ Milliyet, 04.10.2006.
- ⁶ Luckham A.R. A Comparative Typology of Civil-Military Relations. – Government and Opposition. Vol. 6, № 1 (1971). P. 29.
- ⁷ Подробнее см.: Altınay A. The Myth of the Military Nation: Militarism, Gender and Education in Turkey. N.Y., 2004.
- ⁸ Narlı N. Concordance and Discordance in Turkish Civil-Military Relations, 1980–2002. – Turkish Studies. Vol. 12, № 2. June 2011. P. 216–217.
- ⁹ См.: Cizre Ü. The Anatomy of the Turkish Military's Political Autonomy. – Comparative Politics. Vol. 29, № 2, January 1999. P. 151–166.
- ¹⁰ Perle R. A Turkish Story: The First Annual Robert Strausz-Hupé Lecture. – Foreign Policy Research Institute 7, № 11 (September 1999). <http://www.fpri.org/fpriwire/0711.199909.perleturkishstory.html>.
- ¹¹ Evin A. Demilitarization and Civilianization of the Regime. – Politics in the Third Turkish Republic. Boulder, CO, 1994. P. 35–38.
- ¹² См.: Heper M. The Executive in the Third Republic, 1982–1989. – Governance, № 3 (July 1990). P. 299–319.
- ¹³ См. подробнее: Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 350–376.
- ¹⁴ Barkey H., Fuller G. Turkey's Kurdish Question. N.Y., 1998. P. 137.
- ¹⁵ Ibid. P. 137.
- ¹⁶ Albright Warns Turkey to Guard Its Democracy. – New York Times, 14.06.1997.
- ¹⁷ Подробнее о данной группе см.: Cizre Ü. Demythologizing the National Security Concept: The Case of Turkey. – The Middle East Journal. Vol. 57, № 2, 2003. P. 213–239.
- ¹⁸ Sabah, 30.04.1997.
- ¹⁹ Narlı N. Op. cit. P. 222.
- ²⁰ Emin L.M. The Restructuring of the Military High Command in the Seventh Harmonization Package and Its Ramification for Civil-Military Relations in Turkey. – Turkish Studies. Vol. 8, № 1, 2007. P. 25–42. P. 37.
- ²¹ Narlı N. Op. cit. P. 222.
- ²² Цит. по: Bayramoğlu A. Her Aynı Şarkı. – Aksyon, 01.05.2006.
- ²³ TSKGenelkurmay Başkanlığı Basın Açıklaması, № 7, 07.08.2001.
- ²⁴ Ülsever C. Will Turkey demolish her fundamental taboo? The Role of the army. – Turkish Daily News, 14.08.2001.
- ²⁵ Narlı N. Op. cit. P. 223.
- ²⁶ См. подробнее: Киреев Н.Г. Внутриполитическая ситуация в Турции в конце XX – начале XXI в. – Турция на рубеже XX–XXI веков. М., 2008. С.71–88.
- ²⁷ Resmi Gazete, 18.01.2003.
- ²⁸ См.: Zaman, 25.01.2010.
- ²⁹ Цит. по: Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики. С. 55.
- ³⁰ Sabah, 29.07.2011.
- ³¹ Today's Zaman, 31.07.2011.
- ³² См.: Шлыков П.В. Куда идет Турция? (Метаморфозы прозападного курса развития). – Современная Европа, 2013, № 1 (январь–март). С. 70.
- ³³ Bland D.L. Patterns in Liberal Democratic Civil Military Relations. – Armed Forces and Society. Vol. 27, № 4 [Summer 2001]. P. 529.

³⁴ Burk J. Theories of Democratic Civil-Military Relations. – *Armed Forces and Society*. Vol. 29, № 1 [Fall 2002]. P. 7–29.

³⁵ Strachman H. Making Strategy: Civil-Military Relations After Iraq. – *Survival: Global Politics and Strategy*. Vol. 48, № 3 [2006]. P. 59–82.

³⁶ См.: Aydınlı E., Özcan N., Okyaz D. The Turkish Military's March Toward Europe. – *Foreign Affairs*. Vol. 85, № 1 (January/February) 2006. P. 77–90.

³⁷ Barlas M. Bugünkü Türkiye'de askeri demokrasiye yer yok artık. – *Sabah*, 31.07.2011.

³⁸ *Taraf*, 06.08.2012.

СОВРЕМЕННАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА

Характеризуя политическую систему Турецкой Республики, невозможно обойти стороной вопрос о значении и роли армии в политической жизни турецкого общества. И хотя в целом армия имеет лишь частичное опосредованное отношение к политической системе, она обладает, наряду с официально принятыми полномочиями, обширными неформальными возможностями, достаточно емким политическим капиталом и занимает важное место в структуре политической организации общества.

В силу определенных исторических реалий, сложившихся практически еще со времен Османской империи, армия всегда имела очень сильные позиции в государстве. В республиканской Турции гражданские лидеры имели ограниченный контроль над армией, которая, по сути, стала неформальной главенствующей политической силой, гарантом внутренней стабильности и территориальной целостности, хранителем идеологического наследия Ататюрка, мистическим олицетворением турецкой нации.

Военные структуры в Турции никогда не являлись пассивным объектом политической жизни. Армия здесь «не бездушный механизм, не педаль, нажатием на которую вызывается всегда один и тот же результат. Она активно включена в разветвленную сеть политических отношений»¹. Действительно, переоценить политическую роль турецких военных достаточно сложно. Выступая на страже светских устоев общества, турецкие военные с 1960 г., по крайней мере, 4 раза открыто вмешивались в политический процесс, совершив 2 государственных переворота.

Говоря об армии в целом, мы, конечно, подразумеваем совокупность вооруженных сил государства, многотысячный корпус солдат и офицеров, командование. Однако, касаясь столь значимого социального института, не стоит забывать о том, что армия – это крупный организм со сложной структурой, строгой иерархией и ресурсной базой, главенствующее положение в которой занимает небольшая группа высокопоставленных военных – наиболее привилегированная часть военно-профессиональной общности, которая и осуществляет общий контроль, а также направляет все действия армии.

Именно эта военная верхушка, или, изъясняясь более научными терминами, военная элита, обладая достаточными властными возможностями и рычагами давления, способна оказывать значитель-

* Попов Павел Михайлович, аспирант Челябинского государственного университета.

ное влияние на политическую систему. В структуре турецкого общества XX–XXI вв. военная элита, наряду с элитой политической, является доминирующей силой в стране. Отношения между ними всегда строились на системе сдержек и противовесов, что предопределило политическое развитие турецкого государства. Поэтому в настоящей статье в качестве объекта исследования была выбрана именно военная элита – наиболее значимая и авторитетная часть турецкой армии.

Турецкая военная элита – это далеко не простая «арифметическая сумма генералов и адмиралов, а социальная общность с развитым групповым самосознанием, системой ценностей, менталитетом, представлениями об окружающей социальной действительности»², основанная на определенных структурных и идеологических принципах. Еще во времена национально-освободительной борьбы Кемалем Ататюрком были заложены идеологические основы светскости, национализма, модернизации и республиканизма, главным выразителем которых стал военный корпус, благодаря которому и была завоевана победа. И на протяжении всей республиканской истории Турции именно военные сохранили верность Ататюрку, став своеобразными хранителями и защитниками идеалов кемализма.

Армия в Турции всегда рассматривалась в качестве своеобразного социального лифта, который позволял наиболее активным индивидам, не обладавшим благородным происхождением и занимавшим низшие позиции в социальной структуре, но проявлявшим особое усердие и рвение в обучении или на службе, а также на деле продемонстрировавшим верность кемализму, достигать определенного положения в обществе. И теперь среди представителей высшего эшелона военной элиты, к которому относятся прежде всего начальник Генерального штаба, главнокомандующие родами войск, жандармерией и береговой охраной, можно найти людей низкого происхождения. К примеру, бывшие начальники Генштаба Илькер Башбуг и Яшар Бююкканыт родились в семьях албанских и азербайджанских переселенцев, эмигрировавших в Турцию в 20-е гг. прошлого столетия.

Говоря о социальном статусе представителей современной военной элиты Турции, необходимо отметить, что он все-таки мало чем отличается от статуса аналогичной элиты, скажем, 30 лет назад. Как и раньше, это высокообразованные люди, закончившие не только высшие военные училища, академии, но и прошедшие подготовку в различных подразделениях НАТО. Обладая широким спектром практических знаний по руководству армейскими структурами, навыками стратегического мышления, турецкая военная элита действительно состоит из профессионалов высшего уровня, которого они достигли исключительно благодаря личным качествам и заслугам. Характеризуя современную военную элиту Турции, можно утверждать, что она сохраняет статус особой полужакрытой касты, которая пользуется особым почетом и уважением, а также обладает обширными властными полномочиями, куда не могут проникнуть случайные люди.

Исторически сложилось так, что именно на военных с момента создания республики была возложена трудная и ответственная миссия по поддержанию стабильности и безопасности в государстве. И дело далеко не ограничивалось ограждением страны только от внешних угроз (сначала от Запада, а затем от СССР). Главными внутренними задачами стали защита светских устоев, недопущение политизации ислама, а также борьба с мусульманскими радикалами и фундаменталистами. Действительно, проникновение ислама в политическую сферу не раз становилось причиной открытого вмешательства военных в дела государства. Так было, например, в 1997 г., когда в результате «постмодернистского переворота» военная элита вынудила уйти в отставку правительство Н. Эрбакана, лидера исламистской Партии благоденствия, которая позже также попала под запрет на основании того, что она выступала против принципа секуляризма.

На протяжении всей республиканской истории Турции военные сделали многое для закрепления своего положения, превращения армии в ведущий «социально-классовый субъект, который определял направление развития страны»³. Важнейшим инструментом в руках военных стало создание Совета национальной безопасности (СНБ) после переворота 1960 г., когда военная элита, и в частности начальник Генштаба ВС, закрепила главенствующую роль армии в политической системе Турции. В 1971 г., после оглашения меморандума военных, в Конституцию 1961 г. были внесены поправки, в результате чего решения СНБ получили статус «принудительно-советательных». Кульминацией же стал переворот 1980 г., когда новый основной закон страны еще больше расширил полномочия военных. Таким образом, СНБ из органа, «призванного доводить до исполнительной власти позицию военных по вопросам безопасности и национальной обороны, превратился в высший орган военного контроля над политической администрацией и государственно-политическими процессами в целом»⁴. И хотя в октябре 2001 г. некоторые статьи Конституции 1982 г. подверглись пересмотру, согласно которому большинство мест в СНБ переходило к гражданским лицам, все же кадровая и структурная специфика Совета, круг полномочий и обязанностей, а также порядок его деятельности остались неизменными.

Отмечая роль начальника Генштаба, стоит заметить, что, несмотря на соответствующие статьи Конституции, по которым он назначается президентом по представлению правительства Турции и несет ответственность перед премьер-министром страны, фактически этот пост по традиции переходил к главнокомандующему сухопутными силами – руководителю самого крупного и авторитетного из родов войск. Занимая четвертую строчку после президента, председателя парламента и премьер-министра в соответствии с турецким «табелем о рангах», начальник Генштаба де факто не подконтролен и не подотчетен им даже в мирное время.

В XXI в. военная элита столкнулась с новым вызовом. В 2002 г. к власти пришла умеренно исламистская Партия справедливости и

развития (ПСР), которая взяла курс на демократические преобразования в стране, направленные на превращение Турции в правовое государство, пересмотр и ограничение политической роли военных и их структур, что, естественно, вызывало недовольство последних. Первое десятилетие нового столетия прошло под знаком противостояния военной и политической элит, итоги которого оказались далеко не в пользу военных. Сама политическая система Турции подверглась заметным и в целом положительным изменениям. Такие перемены, конечно, не могли не затронуть военную элиту, ее положение в структуре новой государственной власти, взаимоотношения и механизмы взаимодействия с гражданским руководством страны и т.д., хотя военные не оставляли надежд и попыток восстановить свое былое положение.

В 2000-х гг. важнейшей проблемой для Турецкой Республики стал вопрос о вступлении в ЕС, главным препятствием на пути к которому оставались военные с их весомой ролью в общественно-политической жизни страны. Однако в целом присоединение к ЕС находило положительные отклики у военных, которые считали его закономерным итогом модернизации страны. Вероятно, это и стало причиной столь незначительных возражений военной элиты относительно существенных поправок, внесенных в Конституцию в 2003–2004 гг., которые достаточно серьезно ограничили сферу деятельности СНБ. К примеру, число военных представителей в секретариате СНБ радикально сокращалось (с 294 до 15), генсекком Совета отныне избирался только гражданское лицо и т.д. Фактически СНБ, осуществлявший ранее функции исполнительной власти и «являвшийся, по существу, военным органом, стал для Совета министров и аппарата премьера структурой консультативного характера»⁵.

Но подобных мер для ЕС оказалось явно недостаточно. Турция продолжала подвергаться критике со стороны Европы. Доклады Еврокомиссии содержали неутешительные выводы о сохранявшейся роли военной элиты в политической системе страны, указывалось, что «...вооруженные силы Турции продолжают оказывать влияние посредством ряда неформальных механизмов. Военные члены СНБ открыто выражают свое мнение по всем важным общественно-политическим вопросам через СМИ в своих публичных выступлениях или заявлениях»⁶. Главными нерешенными вопросами оставались гражданский контроль над военным бюджетом и системой национальной безопасности, где военные сохранили доминирующую роль. Подобная критика вызывала достаточно негативную реакцию у турецких представителей высших военных кругов. В сентябре 2006 г. командующий ВМС Турции Йенер Караханоглу во время посещения военной школы в Тулузе сделал весьма громкое заявление. Так, он сказал, что «никто, даже ЕС, не может навязывать Турции что-либо для формирования ее будущего. И в данном процессе ЕС следует понимать, что турецкие вооруженные силы не намерены сдавать тех позиций, которые закреплены в Конституции»⁷. Ранее генерал Яшар

Бююканыт, после вступления в должность руководителя Генштаба в августе 2006 г., четко обозначил свою позицию. «Защита основополагающих принципов республики – это не вопрос внутренней политики, а долг армии», – заявил он в прямом телевизионном эфире⁸.

Знаковым событием 2007 г., помимо избрания Абдуллы Гюля на пост президента и тем самым окончательного закрепления ПСР у власти, чему так сопротивлялись военная верхушка и правоцентристские силы страны, стало обнародование данных о подготовке военного переворота, а позже – раскрытие антиправительственного заговора, организатором которого выступила тайная организация «Эргенекон». По делу «Эргенекона» в Турции были арестованы видные общественные и политические деятели, отставные высокопоставленные военные. В их числе оказались «два бывших генерала – командующие 1-й полевой армией Хуршит Толон и жандармерией Шенер Эруйгур»⁹. Сам факт арестов военных, которые всегда де-факто пользовались иммунитетом от судебных преследований, вызвал небывалый скандал. Аресты и судебные разбирательства, продолжающиеся по настоящее время, в результате которых были выявлены преступные связи высокопоставленных военных с теневыми структурами, нанесли весьма ощутимый удар по авторитету армии. Однако высказывались мнения о том, что раскрытие дела «Эргенекона» является не более чем политической уловкой, инициированной ПСР с целью устранения своих главных противников.

На фоне непрекращающихся арестов по делу «Эргенекона» военная элита предприняла ответные действия в отношении ПСР, когда по инициативе генерального прокурора А. Ялчинкая в марте 2008 г. в Конституционный суд был подан иск с требованием закрытия правящей партии и запрета политической деятельности более 80 политиков, в том числе премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана и президента Абдуллы Гюля. Поводом для обращения стал выдвинутый ПСР законопроект о ношении хиджаба в общественных местах, который был рассмотрен Генеральной прокуратурой «на основании фактов, свидетельствующих о том, что эта политическая организация (ПСР. – П.П.) стала центром действий против светских устоев государства»¹⁰. И хотя дело до закрытия партии не дошло, в целом было очевидно, кто стоит за такого рода исковыми заявлениями. Тогдашний руководитель Генштаба Яшар Бююканыт заявил: «Сейчас на повестке дня тема турбанов. Спрашивают, что же об этом думает армия. Нет в турецком обществе людей, которые бы не знали, как к этому относятся военные. И любые заявления военных могут быть расценены как предупреждение»¹¹.

Несмотря на набирающие обороты демократические процессы в Турции в середине 2000-х гг. и как итог – пересмотр места и роли армии в политической системе, которая так или иначе постепенно стала утрачивать свое бывшее привилегированное положение в структуре государственной власти, представители военной элиты продолжали делать достаточно резкие заявления, демонстрируя свое неже-

ление мириться с действиями ПСР по экспансии ислама. Так, в апреле 2009 г. начальник Генштаба Илькер Башбуг в своем публичном выступлении отметил: «...турецкие вооруженные силы являются и будут являться сторонниками сохранения национального и унитарного государства в том виде, в котором завещал Ататюрк. И никто в этом никто не сомневается»¹². Бывший начальник Генштаба генерал Хильми Озкок в другом выступлении полностью поддержал позицию Башбуга.

Другим не менее громким событием стала публикация статьи в близком к правящей партии издании «Тараф», которая раскрывала подробности широкомасштабного тайного плана государственного переворота под кодовым названием «Бальоз» («Кувалда»). Позже в результате правительственного расследования начались новые аресты высокопоставленных военных, среди которых оказались отставные начальники ВВС и ВМС И. Фыртына и О. Орнек, а также полевой генерал Д. Четин. Совсем недавно они были приговорены к 20 годам тюремного заключения. 34 военных были освобождены из-под стражи, еще около 300 человек получили различные сроки заключения.

Очередным шагом правящей партии по минимизации политической роли военных стал референдум 2010 г., когда был принят целый пакет конституционных поправок, в том числе и напрямую касающихся военных. Так, «впервые в истории республики предусматривалось установление в отношении военнослужащих юрисдикции гражданских судов при совершении ими преступлений против безопасности государства и конституционного строя»¹³. Кроме того, была отменена временная статья о юридической защите и неприкосновенности организаторов военного переворота 1980 г., а также подсудности высшего военного командования. После этого начались новые расследования обстоятельств переворота 1980 г., а также событий 1997 г., в результате чего в апреле 2012 г. были арестованы Кенан Эврен и Чевик Бир, причастные к указанным событиям. Ранее был взят под стражу бывший начальник Генштаба Илькер Башбуг, возможно, замешанный в деле «Эргенекона».

Конечно, такие действия не могли не вызывать не только возмущение и недовольство военной элиты, но и ответные действия. Но в целом она уже ничего не могла противопоставить умеренно исламистской правящей партии, будучи окончательно дискредитированной в глазах общественности вследствие громких судебных разбирательств последнего десятилетия. Тем не менее некоторая напряженность продолжала существовать вплоть до лета 2011 г., когда в результате усилившихся разногласий с правительством, и в первую очередь с премьер-министром, высшее военное руководство Турции (начальник Генштаба Ишик Кошанер, а также командующие сухопутными войсками, ВВС и ВМФ) подало в отставку. После указанных событий, впервые нарушив традицию, по которой пост начальника Генштаба переходил к главнокомандующему сухопутными силами, новым командующим армией был назначен руководителем жандарме-

рии Недждет Озел, который, по утверждению ряда источников, является человеком либеральных взглядов. В ходе своего первого выступления после назначения он высказал мысль о том, что «военные должны оставаться вне политики и действовать в рамках закона и установленных правил»¹⁴. Таким образом, посредством назначений на ключевые посты достаточно лояльных к действующей власти военных, а также заключением некоторых наиболее активных представителей армейских структур под стражу ПСР в целом удалось добиться либерализации военной элиты.

Характеризуя политическую систему современной Турции с точки зрения взаимодействия военной и политической элит, важно отметить, что в своем развитии она прошла несколько этапов. Если на протяжении почти всего XX в. она являла собой своеобразную «систему военной диктатуры» при доминирующей роли военных в общественно-политической жизни страны, то в новом тысячелетии наметилось смещение в сторону «конфликтной системы» вследствие появления зачастую открытого противостояния между военными и гражданским руководством страны, либерализации политического процесса, проведения целого ряда конституционных поправок, утраты былого непререкаемого авторитета военной элиты и т.д. Наконец, в свете последних событий стало даже возможным говорить о переходе к так называемой «консенсусной системе», для которой характерно строжайшее разделение и разграничение функций и полномочий между военной и политической сферами.

Оценивая место и роль вооруженных сил, и прежде всего военной элиты, на современном этапе, не стоит забывать, что военные никогда не являлись простым инструментом политики, поставленным на службу гражданского руководства, и начисто лишены своих собственных интересов. Даже сейчас, будучи «загнанной обратно в казармы», военная элита продолжает быть особой группой интересов, которая стремится любыми средствами оказывать влияние на политические процессы. Кроме того, вследствие отсутствия четких отлаженных механизмов гражданского контроля над армией она продолжает играть важную роль в общественно-политической жизни Турции. Поэтому о полном самоустранении военных, окончательной победе правящей партии в многолетнем противостоянии пока говорить не приходится. Военные до сих пор остаются верны лаицистским идеалам Мустафы Кемалю. «В целом происходящее противостояние между военными и гражданской властью стало столкновением двух идеологий и ценностно-ориентационных систем турецкого социума – традиционного кемализма и консерватизма»¹⁵. И рано или поздно отношения военной и политической элит имеют все шансы вновь обостриться, задав новый виток противостояния.

Примечания

¹ Бельков О.А. Армия и политика. – <http://viperson.ru>. (дата обращения: 01.11.2012).

² Черниловский А.А. Первая мировая война в сознании военной элиты России. – <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 07.01.2012).

³ Новая армия нового турецкого режима. – <http://www.newsland.ru>. (дата обращения: 12.09.2012).

⁴ Овсепян Л. Реформы Совета национальной безопасности Турции в контексте демократических преобразований. – <http://www.riss.ru>. (дата обращения: 07.10.2012).

⁵ Там же.

⁶ 2004 Regular Report on Turkey's progress towards accession. – <http://ec.europa.eu> (дата обращения 23.09.2012).

⁷ Turkish General Karahanoglu: No Compromise for the EU Ideals or Membership. – <http://www.turkishweekly.net>. (дата обращения: 07.11.2012).

⁸ Бозон А.В. Египте идет «мягкий» переворот? – <http://www.inosmi.ru> (дата обращения: 17.08.2012).

⁹ Еровченков А. Турция: судебный процесс над организацией «Эргенекон» и «тайное пророссийское подполье». – <http://www.rodon.org> (дата обращения: 03.09.2012).

¹⁰ Гурьев А.А. Правящая в Турции партия под угрозой закрытия. – <http://www.rodon.org> (дата обращения: 07.10.2012).

¹¹ Начальник турецкого генштаба Яшар Бююканыт. Нет людей, которые не знают, как военные относятся к платкам. – <http://i-r-r.ru> (дата обращения: 06.11.2012).

¹² Гаджиев А.Г. К вопросу о внутривнутриполитической обстановке в Турции: отношения между ПСР и военными. – <http://www.iimes.ru> (дата обращения: 27.09.2012).

¹³ Роль армии в политической жизни Турции. – <http://mgimotc.com> (дата обращения: 27.10.2012).

¹⁴ Profile of Necdet Cizel: An army man with strong democratic credentials. – <http://www.todayszaman.com> (дата обращения: 18.10.2012).

¹⁵ Овсепян Л. Реформы Совета национальной безопасности Турции в контексте демократических преобразований. – <http://www.riss.ru> (дата обращения: 07.10.2012).

*П.В. Шлыков**

НАРОДНО-РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПАРТИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРЦИИ 2000-х годов: ПОИСКИ НОВОЙ СТРАТЕГИИ?

Характер политической борьбы в Турции, возможности оппозиционных сил оказывать влияние на правящий режим или, по крайней мере, выступать для него заметным раздражителем – величины динамически изменяющиеся. За вторую пятилетку своего пребывания у власти (2007–2012) Партия справедливости и развития (ПСР) существенно оттеснила военную элиту, фактически лишив ее былой политической субъектности, провела успешную операцию по «зачистке» руководства армии от нелояльных генералов и «санации» политического поля от опасных, с ее точки зрения, оппозиционеров, существенно ограничила также и возможности судейского корпуса влиять на власть¹. Прежняя система сдержек и противовесов, в которой ведущую роль с начала 1960-х гг. играла военная элита, претерпевает серьезные изменения. Новый облик приобретает и турецкое общество, становясь все более консервативным в ценностных ориентациях, более религиозным в своих моральных установках и более правым в политических пристрастиях². Однако насколько навязываемые ПСР правила игры на политическом поле смогли изменить характер сложившейся в Турции партийно-политической системы? Каким образом новые характеристики партийно-политической системы повлияли на тактику и стратегию политической борьбы главной оппозиционной силы – Народно-республиканской партии (НРП)? Насколько оправдан проект «Новой НРП», предполагающий ревизию устоявшихся партийных ценностей и установок ради привлечения нового электората, и способен ли он стать «историей успеха» НРП в новых политических реалиях?

Динамика изменения партийно-политической системы Турции после 1983 года

Существующая в Турции партийно-политическая система в определенном смысле представляет собой наследие режима 12 сентября: хронологически она формировалась по следам переворота 1980 г. и изначально должна была служить задачам управляемой демократии (ее отличительными чертами стали высокий 10-процент-

* Шлыков Павел Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент МСАА МГУ.

ный барьер для прохождения в парламент, жесткие принципы организации выборного процесса и ограничения на политическую активность гражданского общества)³. Степень демократичности созданной партийно-политической системы и динамику ее изменения за последние 30 лет (период «Третьей Республики») можно оценить по ряду электоральных (избирательная активность и волатильность политических предпочтений) и партийных показателей (фрагментация партийной системы, уровень политической конкуренции и пропорциональность партийного представительства в парламенте).

По официальной статистике Высшего совета по выборам, активность электората, или, точнее, явка избирателей (т.е. соотношение принявших участие в выборах к общему числу зарегистрированных избирателей), в 1980-е гг. находилась на уровне 88–90%, в 1990-е гг. снизилась до 81–83% и, наконец, в 2002 г. упала до 76%⁴ на фоне существенного спада интереса к выборам, вызванного разочарованием в существующем режиме и малой эффективностью коалиционных правительств, восстановилась до 81–82% в первое десятилетие 2000-х гг. Однако, учитывая отсутствие точной информации о числе граждан, обладающих правом голоса, и рост числа зарегистрированных избирателей в 2000-е гг., слабо коррелирующий с показателями демографического роста (с 20 млн в 2002 г. до 53 млн в 2011 г., т.е. значительное число потенциальных избирателей до введения более совершенной системы учета в 2007 г. просто не регистрировались⁵), едва ли репрезентативность этого показателя можно признать высокой.

Уровень волатильности⁶ турецкого электората традиционно считается высоким по причине частых непрогнозируемых побед и поражений на парламентских выборах. Однако если рассматривать электоральное поведение за последние 30 лет, то это утверждение будет справедливо лишь отчасти. Пиковых значений в 38,5% и 41,7% уровень волатильности достигал только в 1987 г. и 2002 г. В 1990-е гг. он колебался в пределах 16–20%, а в 2000-е гг. вообще снизился с 18 до 11%⁷. Таким образом, средний показатель волатильности турецкого электората составляет 23,6%, что сопоставимо с показателями «новых демократий» Восточной Европы и Латинской Америки, однако существенно выше, чем у «старых демократий» Западной Европы и США. Тенденция резкого увеличения волатильности электората в Турции стала ощутимой с 1970-х гг. и пикового значения в 41,7% достигла в 2002 г., когда в условиях финансового кризиса большинство на выборах проголосовало «протестно», не поддержав ни одну из партий, входивших в состав коалиционных кабинетов второй половины 1990-х гг.⁸ Высокая волатильность электората – следствие слабой политической идентичности партий, их неспособности институционально встроиться в политическую жизнь граждан. При этом высокий уровень волатильности отнюдь не отменяет социального размежевания по линии отношения к лаицизму–исламизму, этнической (курды-алевиты) или религиозной идентичности (сунниты-алевиты),

составляющего одну из отличительных черт общественного развития Турции и оказывающего существенное влияние на поведение электората⁹.

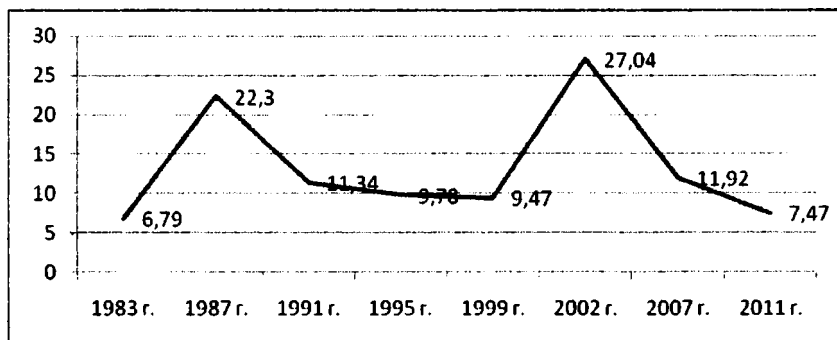
Снижение волатильности после 2002 г. говорит о формировании несколько иной модели электорального поведения. Нарастание своего доминирования в политической сфере, которое демонстрирует ПСР в рамках трех последних выборных циклов, привело практически к полному исчезновению правоцентристских партий 1990-х гг. и превращению НРП в единственную оппозиционную партию с элементами левой идеологии в своей программе, а Партию националистического действия (ПНД) и Партию мира и демократии (ПМД) – в партии, консолидирующие вокруг себя националистически настроенный электорат (турецкий и курдский соответственно).

Степень фрагментации партийной системы, т.е. диапазон колебания «эффективного числа партий»¹⁰, также фиксирует снижение степени демократической партийно-политической системы. Динамика изменения фрагментации политической системы представляет собой синусоиду: тенденция роста «эффективного числа партий» с 1983 г. достигает пика в 6,78 в 1999 г.¹¹, когда за доминирование на политическом поле борются семь партий с сопоставимым, хотя регионально дифференцированным, электоральным потенциалом (две правоцентристские – Партия Отечества Месута Йылмаза и Партия верного пути Тансу Чиллер; две левоцентристские – Демократическая левая партия Бюлента Эджевита и НРП Дениза Байкала; две националистические – ПНД Девлета Бахчели и прокурдская Народно-демократическая партия Мурата Бозлака; одна исламистская – Партия добродетели Реджаи Кутана), и после 1999 г. начинает равномерно снижаться, упав до 2,97 в 2011 г., прямо пропорционально снижению волатильности электората. В результате на сегодняшний день Турция обладает гораздо более консолидированной партийной системой, чем многие «старые демократии» Западной Европы, и по показателю «эффективного числа партий» вплотную приближается к таким странам, как Тайвань или Япония с ее полупартийной системой (2,5–3,5)¹². Это означает, что с течением времени трансляция социальных размежеваний в политическое измерение затрудняется: так, нынешний состав ВНСТ с эффективным числом парламентских партий меньшим трем не отражает существующие в Турции социальные размежевания и общественно значимые конфликты.

На фоне сужения спектра партийного представительства в парламенте с приходом к власти ПСР прослеживается и еще одна важная тенденция – эрозия политической конкуренции. Разрыв в результатах, полученных на выборах партий-лидером от своих ближайших конкурентов в 2000-е гг., превышает 30 пунктов (в 1990-е гг. этот показатель колебался в пределах 3–4 пунктов). Аналогичная ситуация складывалась в 1980-е гг., когда на выборах доминировала Партия Отечества Тургута Озала¹³.

Тем не менее показатели пропорциональности партийного представительства в парламенте (т.е. соотношение количества завоеванных на выборах голосов к числу полученных мандатов) с приходом к власти ПСР демонстрируют нисходящую тенденцию. Если в 2002 г. этот показатель составлял по индексу Галлахера¹⁴ 27 пунктов (что говорило о серьезной диспропорции в распределении парламентских мандатов среди партий и, соответственно, о слабом отражении составом парламента реальных предпочтений электората), то к 2011 г. он снижается до 7,5 пунктов¹⁵. Определяющими факторами здесь выступают 10-процентный барьер и механизм распределения мандатов по методу д'Ондта¹⁶, дающему преимущество крупным партиям: благодаря этому в 1987 г. ПО получила 292 мандата (64,9%), набрав только 36,3%, а в 2002 г. ПСР повторила этот путь, получив 363 депутатских кресла (66%) при 34,3% на выборах. В динамике изменения пропорциональности партийного представительства на выборах 1987 г. и 2002 г. соответствуют пиковым значениям 22 и 27%¹⁷.

Динамика изменений пропорциональности партийного представительства (1983–2011)

Насколько сильно влияют зафиксированные изменения в партийно-политической системе на характер межпартийной борьбы и политический ландшафт? Тенденция снижения политической фрагментации («эффективного числа партий») говорит о том, что с каждым годом молодой партии становится все сложнее и сложнее сформировать свой электорат и получить поддержку на выборах. Это можно проиллюстрировать на примере Партии молодежи (GP, Genç Parti) в 2002 г., Партии прав и равенства (HEPAR, Hak ve Eşitlik Partisi) и Партии народного голоса (HAS, Halkın Sesi Partisi) в 2011 г.

Партия молодежи, созданная в 2002 г. турецким миллионером Джемом Узаном для реализации своих политических амбиций, с весьма расплывчатой правоцентристской идеологией на выборах 2002 г. обогнала ряд «старых» партий, набрав 7,3%. Хотя ПМ и не преодолела процентный барьер и, соответственно, не получила ни одного мандата, она смогла привлечь на свою сторону часть электората

таких «старых» партий, как ПНД Девлета Бахчели и ПВП Тансу Чиллер, которые в итоге остались без представительства в ВНСТ. В 2010-е гг. подобное становится практически невозможно.

Умеренно националистическая Партия прав и равенства, созданная в 2008 г. отставным генералом Османом Памукоглу, на выборах 2011 г. едва набрала 0,3% (124 тыс. голосов). Еще одна молодая партия – Партия народного голоса, созданная умеренным исламистом Нуманом Куртулмушем, не набрала и 0,8% (330 тыс. голосов). Ни у Памукоглу, ни у Куртулмуша не получилось переманить на свою сторону симпатии электората от НРП, ПНД или ПСР.

В условиях стабилизирующихся избирательной и партийной систем вероятность того, что какая-либо молодая партия сможет реально включиться в политическую борьбу и стать влиятельным игроком политического поля на ближайших парламентских выборах, резко снижается.

Время высокой волатильности электората в Турции прошло. Для Турции высокая волатильность – это в большей степени показатель нестабильности партийно-политической системы, чем следствие появления и стремительного исчезновения новых партий¹⁸. Демонтаж существовавшей партийной системы в 1982 г. во многом определил слабую институционализацию действующих политических партий и их низкую интегрированность в общественную жизнь. Характер связи электората с конкретными партиями задавался не идеологическими предпочтениями, а местом в сети патрон-клиентных отношений и возможностями получить материальную выгоду¹⁹.

Пиковые показатели волатильности в 2002 г. объяснялись тем, что значительное число избирателей отказалось поддерживать партии, которые, с их точки зрения, были ответственны за рост инфляции, безработицы, снижение показателей экономического роста²⁰. Тенденция снижения волатильности коррелируется с возможностями режима ПСР обеспечивать макроэкономическую стабильность и экономический рост.

В то же время очевидно, что ПСР не сильно продвинулась в закреплении своих сторонников. Лояльность избирателей ПСР по отношению к партии во многом конъюнктурна: большую роль в популярности ПСР играет личность Реджепа Эрдогана, который в ближайшее время может уйти с парламентского уровня на президентский²¹, что, вероятно, отразится и на судьбе ПСР. В новейшей истории Турции есть аналогичные примеры. Так, после избрания президентом Тургута Озала ПО, основателем и лидером которой он был, занимая пост премьер-министра, стала терять свои позиции в стране и в конце концов фактически прекратила свое существование в 2009 г. Поэтому проблема преемственности и лидерства для ПСР на сегодняшний день стоит наиболее остро. Трансформация ПСР из партии Эрдогана в партию с высокой степенью «институционализации», т.е. институционально обеспечивающую лояльность своих избирателей, на ближайшую перспективу станет одним из главных факторов, определяющих стабильность партийно-политической системы в стране.

Противостояние НРП и ПСР в условиях региональной фрагментации электората

Еще одна важная черта партийно-политической системы Турции – регионализация партийного электората. Каждая из трех парламентских партий – ПСР, НРП и ПНД – на протяжении трех последних выборных циклов (2002–2011) стабильно доминировала в конкретных провинциях. Причем, играя на «чужом» поле, каждая из партий практически гарантированно оказывается в аутсайдерах. Региональный кластер электората НРП – западные и южные провинции. У ПМД – юго-восточные районы с преимущественно курдским населением. И наконец, ПНД поддерживают в приморских провинциях на юге и на западе, а также в курдских на юго-востоке.

Провинции с самым высоким уровнем политической фрагментации (эффективное число партий приближается к 5) – прибрежные области. И в целом западные провинции по этому показателю обгоняют остальные регионы. Примечательно, что это те самые провинции, в которых уровень поддержки ПСР ниже, чем в среднем по стране. Провинции, в которых реальное соперничество идет между тремя и более партиями, сконцентрированы в Центральной Анатолии (Внутренней Анатолии) – это или Кайсери, Конья, Малатья и Йозгат. Хотя до середины 1990-х гг. в этих провинциях концентрировался электорат правоцентристских партий ПО и ПВП, в 1995 г. эту монополию нарушила Партия благоденствия, а в 1999 г. – ПНД. И если в 1987 г. у правоцентристских партий было 89% парламентских мандатов, то в 1999 г. – лишь 18%²². С 2002 г. в этих провинциях стал доминировать электорат ПСР. Поддержка главной оппозиционной партии – НРП – в этих провинциях носит весьма ограниченный характер и в основном обеспечивается лояльностью алевитского меньшинства, рассеянного по разным *илям*. Религиозная окрашенность электората НРП, с одной стороны, стабильно обеспечивает партии «проходной» уровень поддержки, с другой – делает НРП менее привлекательной для суннитского большинства в этих провинциях²³. Примечательно, что ПСР в своих пропагандистских кампаниях часто высвечивает «алевитскую» карту – заигрывание НРП с алевитами, равно как и курдское происхождение лидера НРП Кемале Кылычдароглу, – чтобы снизить риски перетекания суннитского электората от ПСР к НРП²⁴.

Адана, Анталья, Ардаган, Артвин, Измир, Хатай, Мерсин и Текирдаг – по преимуществу прибрежные провинции, в которых поддержка НРП выше, чем в среднем по стране. И именно в этих *илях* на выборах 2002–2011 гг. был зафиксирован самый высокий уровень политической конкуренции. Из этого можно сделать вывод, что электоральный ресурс НРП оказывается весьма небольшим и возможности для его легкого наращивания крайне ограничены: ни в одном из *илей*, за исключением Эдирне и Кырларели (Фракия), НРП не может претендовать на доминирование. У ПСР – противоположная ситуация: там, где партия набирает больше голосов, чем в среднем по

стране (Аксарай, Эрзрум, Кахраманмараш, Кайсери, Конья, Кютахья, Малатья, Йозгат), уровень политической конкуренции минимальный (ПСР опережает своих ближайших оппонентов на 40–50%)²⁵. И в ближайшей перспективе главным конкурентам партии Эрдогана – НРП и ПНД – будет крайне сложно составить реальную конкуренцию ПСР в этих *илиях*.

Восточные провинции, населенные преимущественно курдами (за исключением Диярбакыра), демонстрируют высокие показатели волатильности электората. Для Анкары и Стамбула характерна относительно низкая степень волатильности, как и в целом для Центральной Анатолии. Самые высокие показатели волатильности в «курдских» *илиях* (Агры, Битлис, Хаккари, Ван). Это объясняется тем, что за последнее десятилетие электорат правоцентристских партий, опиравшихся на местных авторитетов (шейхов, племенных старейшин, бизнесменов и т.д.), сместился в сторону курдских националистических партий, которые также активно используют авторитет племенных лидеров и суфийских шейхов для мобилизации своих сторонников²⁶. Вплоть до последних выборов в 2007 г. ПСР придерживалась аналогичной стратегии мобилизации электората через местные элиты, однако впоследствии отказалась от этого²⁷. Усиление курдского национализма и его превращение в «электоральный» фактор привели, в том числе, и к девальвации местных элит как «серых кардиналов», способных обеспечить лояльность и поддержку местного населения²⁸. Тенденция снижения волатильности в юго-восточных провинциях стала проследиваться только на выборах 2007 г. и 2011 г., когда политическая борьба здесь фактически свелась к противостоянию ПСР, с одной стороны, и курдских националистов – с другой (исключение – Тунджели, населенное преимущественно курдами-алевитами)²⁹.

При этом поддержка ПСР на юго-востоке снижается (особенно это ощутимо в таких *илиях*, как Агры, Батман, Битлис, Диярбакыр, Хаккари, Мардин, Ван), несмотря на рост популярности на общенациональном уровне.

Важный институциональный фактор, способствовавший мобилизации и консолидации поддержки курдских националистов, – реформы системы учета избирателей.

Наибольшее число новых избирателей после реформирования системы учета появилось как раз на юго-востоке (из 10 *илий*, в которых число избирателей увеличилось ощутимее всего, 7 расположены на юго-востоке, в так называемых «курдских областях», оставшиеся 3 – развивающиеся городские центры, привлекающие внутренних мигрантов)³⁰. Примечательно, что рост числа зарегистрированных избирателей превышал показатели демографического роста (для Ширнака и Шанлыурфы число зарегистрированных избирателей увеличилось в два с лишним раза за последние четыре года).

Курдские политики стали главными бенефициарами реформы системы учета избирателей: они успешно привлекли на свою сторону эти «новые голоса», отодвинув на второе место кандидатов от ПСР

в семи курдских *илях* на выборах 2011 г. Причем эта ситуация противоречила общенациональному тренду – неспособности оппозиционных партий противопоставить что-либо доминированию ПСР и росту электората правящей партии. Курдские политики обвинили ПСР в провале декларируемой политики «демократического решения» курдского вопроса, в рамках которого фактически подавлялась политическая активность курдов, происходила интенсификация военных операций против курдов, не прекращалась культурная ассимиляция. Контрдоводы ПСР переводили акцент на стабильные показатели экономического развития и экономический рост, а также улучшения в работе муниципальных служб, совершенствовании системы социального обеспечения и запуска новых социальных программ, инициированный правительством ПСР. Помимо пропаганды «благ экономического роста», ПСР стала играть на религиозной идентичности курдов (курды-сунниты, курды-алевиты, курды-националисты), чтобы углубить раскол и взаимное отчуждение между секуляризованными националистически настроенными курдскими лидерами и их религиозно-консервативным электоратом. Одну из главных целей своей «оборонительной стратегии» ПСР видела в предотвращении роста популярности ПНД среди избирателей, симпатизирующих национализму (и, соответственно, удержании за собой квалифицированного большинства в $\frac{2}{3}$ ВНСТ)³¹.

Тем самым ПСР привнесла в выборную риторику и стратегию элементы национализма, чтобы переманить на свою сторону часть традиционного электората ПНД. С целью сгладить негативные последствия заигрывания с националистической риторикой ПСР стремилась ее не распространять на курдские провинции, где для воздействия на электорат была выбрана несколько иная стратегия с акцентом на религиозную идентичность. В этом смысле показательна речь Эрдогана на предвыборном митинге в Диярбакыре 1 июня 2011 г. В ней лидер ПСР подчеркивал религиозную близость курдов и турок, символы которой – основатель династии Айюбидов полководец XII в. Салах ад-Дин, выдающиеся поэты-суфии Джалаладдин Руми, Юнус Эмре и Ахмед Хани (все – курды по происхождению). И при этом обвинял курдских националистов в притеснениях по отношению к курдам-мусульманам, в частности в том, что они превратили своего лидера Абдуллу Оджалана, с 1999 г. находящегося в тюрьме на острове Имралы, в «святого мученика и нового пророка», поставили зороастризм выше ислама, сделали нормой совместные молитвы, противоречащие мусульманскому ритуалу, и расправы над неугодными проповедниками³². Эти же тезисы Эрдоган повторил и на других митингах в ходе своей поездки по юго-восточным провинциям³³. Однако громкие лозунги для привлечения курдского электората в 2011 г. оказались малоэффективными, поскольку для местного курдского населения, вне зависимости от религиозной принадлежности, требовались конкретные предложения и шаги для решения таких вопросов, как вве-

дение курдского языка в систему школьного образования и снятие ограничений на публичное выражение курдской идентичности.

Заигрывание с национальными ценностями и столь большое внимание к религиозному фактору в политическом противостоянии ПСР и ПМД и снижение поддержки ПСР показывают, с одной стороны, неготовность курдского электората идти за лозунгами при отсутствии конкретных программ по расширению их гражданских прав как этноконфессионального меньшинства, с другой – очевидную тенденцию к политизации конфессиональных расколов внутри турецких курдов. В ближайшей перспективе для правящего режима ПСР для удержания курдского электората и обеспечения его лояльности точечных успехов экономического характера и религиозной пропаганды будет явно недостаточно.

Снижение волатильности и политической фрагментации говорит об определенной стабилизации партийно-политической системы и делает крайне сложным любым новым партиям найти свою электоральную нишу и стать реальной альтернативой существующим четырем (3+1) парламентским партиям. В то же время возможности перетекания электората между существующими партиями, наоборот, повышаются. Поэтому перед оппозиционными партиями с особой остротой встает вопрос о завоевании симпатий части электората правящей партии, популярности которой извне угрожает финансовый кризис, а изнутри – гипотетический политический кризис из-за ухода Эрдогана с парламентского уровня (в 1990-е гг. для ПО и ПВП переход лидеров – Т. Озала и С. Демиреля – на президентский пост стал «началом конца», правда, внутриэкономическая конъюнктура в то время была существенно хуже).

Трансформация партийно-политической системы в 1990-е и 2000-е гг., формирование фактически новой матрицы политической жизни для многих партий поставили на повестку дня вопрос о поисках новых стратегий политической борьбы, подходов к работе с электоратом, ревизии партийных установок и разработке новых программ. Императивом это стало и для старейшей политической партии Турции – НРП.

«Новая НРП»: смена стратегии политической борьбы и политического дискурса?

В 2000-е гг. НРП всячески демонстрировала готовность к внутренним реформам и провозгласила курс на обновление партии. Весна 2010 г. стала в определенном смысле рубежным временем, с которого можно начать отсчет нового витка трансформации старейшей политической партии Турции. До этого времени НРП фактически управляли два старых партийца-тяжеловеса – Дениз Байкал, возглавлявший партию с 1992 г., и Ондер Сав, генеральный секретарь НРП в 2000–2010 гг. Горячая фаза борьбы за контроль над партией между Байкалом и Савом пришлась на вторую половину 2000-х гг. В 2008 г.,

когда принималась новая программа НРП и вводились новые принципы распределения руководящих функций внутри партии, борьба Сава и Байкала достигла пика. Изменения в уставе НРП предполагали существенное сужение влияния и полномочий генерального секретаря, перераспределение их среди заместителей и помощников председателя партии и были восприняты как недвусмысленная попытка подорвать положение и вес Ондера Сава в партии. Сам Сав, по-видимому, интерпретировал инициативы по изменению устава именно так, учитывая, насколько яростно он выступал против их внесения в устав НРП³⁴ (нормы устава 2003 г. фактически способствовали внутривнутрипартийной конкуренции между председателем и генеральным секретарем). В 2008 г. НРП фактически разделилась на два лагеря – сторонников Байкала и тех, кто поддерживал Сава, и незначительное число партийцев, не принявших сторону ни того, ни другого.

7 мая 2010 г. в Интернете появилась видеозапись, компрометирующая Дениза Байкала и его неуставные отношения с экс-депутатом парламента от Анкары Несрин Байток. Три дня спустя (10 мая 2010 г.) Дениз Байкал объявил о своем уходе с поста лидера партии. 10 мая фактически должно было стать точкой отсчета нового периода в истории НРП, нового витка изменений в руководстве и философии управления партией.

На неделю до открытия 33-го чрезвычайного конгресса партии обязанности временного председателя были возложены на Джевдета Селви, при этом всем было очевидно, что нити управления партией теперь находятся в руках Ондера Сава, отнесенного два года назад Байкалом от партийного руководства. Однако 22 мая в результате различных подковерных интриг новым председателем НРП стал Кемаль Кылычдароглу. Члены НРП рассматривали Кылычдароглу как символ обновления партии: его курдское происхождение (он родом из Тунджели), приверженность алевизму, скромное поведение, репутация беспощадного борца с коррупцией, дистанцированность от националистического крыла НРП – все это вселяло в членов НРП надежду, а главное – достаточно точно соответствовало образу «Новой НРП».

Сразу после вступления в должность Кылычдароглу предпринял ряд шагов, направленных на вытеснение из руководства партии соратников и сторонников Байкала: известные своей близостью с Байкалом руководители партийных организаций Аданы, Агры, Хатая, Самсуна и Измира были вынуждены уйти в отставку³⁵. В сложившейся ситуации Ондер Сав решил укрепить свои позиции в партии, собирая вокруг себя сторонников (за глаза его даже стали называть «спасителем партии»), однако реализовать свои амбиции Сава мешали поправки, внесенные в устав партии 2008 г., о необходимости соблюдения которых в официальном письме руководству НРП заявил Генеральный прокурор Абдурахман Ялчынкая. Для Сава, прочно удерживавшего в 2000-е гг. положение «второго человека» в партии, это стало фактически финалом политической карьеры. Вскоре его

официально сняли с поста генерального секретаря НРП (3 ноября 2010 г.), а потом вывели и из высшего совета партии (18 декабря 2010 г.).

Для НРП же расправа над Байкалом, Савом и их сторонниками означала победу «новой команды» над «ветеранами» НРП, причем одновременно двумя конкурирующими лагерями. После этого предвыборный слоган о «Новой НРП» обрел вполне определенный смысл.

Новая стратегия политической борьбы НРП

Впервые о «Новой НРП» заговорили в контексте критики состояния партии во время лидерства Дениза Байкала. В поисках стратегии развития идеологи НРП стали изучать опыт и программные документы европейских социал-демократических партий, даже приняли участие в их партийных встречах (в частности, наиболее плотная работа шла с Социал-демократической партией Германии).

Изначально проект «Новой НРП» формулировался как попытка создать в Турции леводемократическую партию европейского типа.

В 2000-е гг. внутрипартийная критика фокусировалась на неприемлемости националистических взглядов Байкала, отсутствии выработанной программы решения курдского вопроса, оппозиции процессу вступления Турции в ЕС, замедлению внутрипартийной ротации и «старению» руководящих кадров, сужению партийного электората, в котором доминировал «средний класс» (причем с секулярными взглядами), а малообеспеченные слои общества практически не были представлены. И проект «Новой НРП» должен был найти позитивное решение этих проблем, попытаться их преодолеть.

«Страна свободы и надежды. Турция для всех» – так НРП озаглавила свой предвыборный манифест, выбрав главным лозунгом партии «НРП для всех». На первый взгляд может показаться, что НРП обращается ко всем слоям турецкого общества. Однако в лозунге отражен и новый политический дискурс партии – фактически «надидеологический».

В предвыборном манифесте НРП формулировала программные цели-ценности, намечавшие контуры модели общественного развития, которую НРП предлагала Турции: «Свобода личности, устойчивое развитие, социальная справедливость и гуманность, счастливое общество и счастливые граждане, современные стандарты жизни и развитое городское общество, справедливый и безопасный мир, НРП для всех»³⁶.

Практически все эти принципы были заимствованы из программных документов Социал-демократической партии Германии³⁷ и серии программных текстов «Построение здорового общества».

Примечательно, что в 2011 г. первой в череде партийных ценностей шла «свобода личности», а не «секуляризм» (как это было в программных манифестах в 2007 г. и 2009 г.). Само понятие «секуляризм» в тексте появляется только на 4-й странице, а разъясняется на

18-й. Бросается в глаза и довольно нехарактерный для классической риторики НРП принцип «уважения к другому и плюрализма», который отсылает к вокабуляру европейских социал-демократов.

В подходах к решению курдского вопроса также стали проглядываться новые акценты: если в 2007 г. он рассматривался как проблема борьбы с терроризмом, то в 2011 г. – уже как проблема развития демократии (НРП обещала отказаться от силовых методов решения проблем Юго-Восточной Анатолии, привнести в регион социальное примирение, разрешить курдам открыто выражать свою этническую и религиозную принадлежность, расследовать политические убийства, разрешить классы с преподаванием на курдском языке, открыть архивы о событиях в Дерсиме, превратить Диярбакырскую тюрьму в музей и т.д.). Во всем этом прослеживался явный отказ от «гражданского национализма», проповедываемого кемалистами с 1920-х гг. Однако большинство «обещаний» НРП символичны и едва ли дают ключ к пониманию концепции «плюралистического общества», остающейся риторической фразой, а отнюдь не программной установкой. Отсутствие четких программных установок отчасти объясняется опасениями, что националистически настроенные члены НРП воспримут в штыки любые конкретные инициативы по отказу от кемалистской модели национализма, отчасти тем, что уровень политической фрагментации заставляет партии, нацеленные на максимальное расширение своего электората, проявлять крайнюю степень гибкости в своей риторике и выработать особый стиль общения с избирателями каждой провинции. Однако подобная стратегия оправдывает себя преимущественно в деполитизированных регионах, а курдские провинции, наоборот, отличаются крайней степенью идеологизации и политизации. В этом и состоит одна из главных причин бледного выступления НРП на юго-востоке (ПСР, давно уже практикующая эту стратегию «всеохватной партии», также в этих районах фактически проиграла курдским националистам).

Примечательно, что после выборов и новой фазы силовых операций против РПК НРП вернулась к прежним подходам и трактовкам курдского вопроса и национализма.

Расширение традиционного электората – еще одна задача, которая стояла в проекте «Новой НРП». В данном случае НРП хотела использовать опыт исламистских партий, в 1990-е и 2000-е гг. активно вовлекавших в политическую жизнь малообеспеченные слои населения и деполитизированный электорат. Призыв к членам партии максимизировать свое участие в общественных мероприятиях (от похорон до свадеб), чтобы иметь возможность непосредственного и перманентного общения с потенциальными избирателями, был высказан еще Денизом Байкалом. Отчасти это возымело положительный эффект на муниципальных выборах 2009 г. (в таких провинциях, как Зонгулдак), однако при Кылычдароглу стратегия «личного общения» с избирателем не получила логического продолжения и нового импульса.

Изменения в политическом дискурсе, риторике и политической стратегии НРП показывают, что НРП в определенном смысле переживает модель «всеохватной партии» по типу ПСР. Последнее время это ведет к тому, что многие критики партии, да и некоторые члены НРП, говорят о том, что Кылычдароглу и его команда стремятся превратить НРП в новую версию ПСР.

При этом заимствование программных лозунгов успешных европейских социал-демократических партий (будь то СДПГ или британские лейбористы), равно как и любых чужих моделей, без учета социально-политического контекста и конъюнктуры не всегда гарантирует на выходе ожидаемый результат³⁸.

«Новая НРП»: институциональные изменения?

Новый партийный лозунг НРП подчеркивает, что НРП – партия для всех. Однако в лозунге отражен и новый политический дискурс партии, стремление максимально свободно действовать в избирательном пространстве и не привязываться к интересам какой бы то ни было социальной группы (т.е. приобретать черты «картельной» и «всеохватывающей» партии одновременно).

Команда Кылычдароглу провозгласила курс на превращение НРП в «подлинную социал-демократическую партию», способную отвечать интересам всех сегментов турецкого общества. Другими словами, партия поставила перед собой задачу избавиться от идеологического наследия кемалистской НРП и заменить ее социал-демократической идеологией. Для этого НРП стала даже привлекать в свои ряды правых политиков (вроде Айдына Айайдына, в 1990-е и 2000-е гг. избиравшегося в парламент от ПВП и ПО). Намеренное размывание идеологических основ партии делает возможным резкие колебания политического курса НРП (например, по курдскому вопросу), что также связано и на отсутствие четко очерченной социальной базы партии.

Трудно одновременно следовать в фарватере интересов бизнесменов, возглавляющих почти 35% партийных ячеек, и служить интересам рабочих и малообеспеченных слоев населения, которым во многом адресована риторика партии. Имея в своем парламентском активе преимущественно людей среднего класса, нелегко делать акцент на программах социальной поддержки малоимущих.

Одним из заметных институциональных изменений в НРП с приходом Кылычдароглу стала эрозия влияния местных партийных организаций. Для НРП стали характерны директивное формирование избирательных списков и замена в них старых членов партии на «громкие» имена, подборка кандидатов, исходя из их финансового состояния, близости к СМИ или уровня публичной известности; фактическое превращение партии в механизм по максимизации голосов на выборах с «брендовым» лидером (обращает на себя внимание не характерная ранее для НРП персонализация партии, стратегия позиционирования председателя НРП как «лица партии» – человека с иде-

альными характеристиками, подобно тому как позиционируется Эрдоган у ПСР). Политическая стратегия партии все больше обретает черты маркетинговой стратегии. С этим согласуются и две другие отличительные характеристики «Новой НРП» – активное привлечение политтехнологов и снижение роли рядовых членов партии (гендерное [33% женщин] и возрастное [не менее 10% молодых членов] квотирование).

* * *

География политической конкуренции и «регионального» распределения электората основных политических партий позволяет сделать вывод о том, что существующие в стране социальные размежевания по-прежнему являются определяющим фактором для характера межпартийного противостояния и политической жизни в целом. На фоне доминирования ПСР в большинстве *илей* электорат главных оппозиционных партий – НРП, ПНД и ПМД – регионально ограничен, и преодолеть эту ограниченность в рамках двух последних выборных циклов (2007 и 2011 гг.) не удалось, соответственно, ресурса для того, чтобы оспорить электоральную гегемонию ПСР на общенациональном уровне, у оппозиции пока недостаточно. Главный бенефициар высокой степени регионализации электората – также ПСР, поскольку для оппозиции высокая степень дробности электората лишь сокращает диапазон возможных стратегий политической борьбы и фронт конкурентного противостояния с ПСР (реально потеснить ПСР оппозиция может в провинциях с преимущественно курдским населением и в крупных городах – в Стамбуле, Анкаре, Бурсе, Адане, Газиантепе, Коджаэли и т.д.).

Проект «Новой НРП» можно воспринимать как ответ на вызовы переформатирования партийно-политической системы и запросы турецкого электората первого десятилетия 2000-х гг. Однако регулярное обновление партии с кардинальной ревизией партийных и идеологических установок – это отнюдь не отход от традиционной траектории развития старейшей политической партии республиканской Турции. Если рассматривать без малого 90-летний период существования НРП как непрерывный континуум, то в нем четко вычлениаются пять периодов, на каждом из которых партия становилась «Новой НРП», радикально пересматривая и программные принципы, и политический дискурс. Первый период – 1923–1946 гг., когда НРП действовала в рамках однопартийной системы. Второй период – 1946–1961 гг., характеризующийся переходом к многопартийности, ревизией принципов кемализма и наследия кемалистской революции, первым опытом формирования коалиционных правительств и пребывания в оппозиции к режиму ДП. Третий период – 1961–1980 гг., время Бюлента Эджевита, когда НРП провозгласила курс «левее центра». Четвертый период – 1992–2010 гг., когда НРП была воссоздана Денизом Байкалом и пыталась найти новую траекторию развития, превратившись в главную оппозиционную партию. В рамках этой па-

радикалы 2010 год представляется как начало нового периода, главная характеристика которого – стремление НРП стать «всеохватной партией»³⁹ с обновленной левоцентристской идеологией, максимально приемлемой для разных слоев турецкого общества.

Начало 2000-х гг. – в определенном смысле время возрождения НРП. Практически ушла со сцены Демократическая левая партия, и НРП естественным образом вновь стала главной партией левого фланга. Однако простое поглощение (как в случае с Социал-демократической народнической партией) или внесение экс-членов других левых партий в свои избирательные списки (как в случае ДЛП) не принесло НРП ожидаемого прироста электората на выборах 2002 г. и 2007 г. В 2011 г. недостаточно успешной оказалась борьба за избирателей юго-восточных провинций, где по-прежнему доминируют курдские политики, консолидированные в рамках ПНД, и кандидаты от правящей партии. Конечно, НРП потеснила ПНД в таких провинциях, как Ыспарта, Кыршехир, Нигде, Сивас, Ушак. Однако главная борьба за голоса все равно должна разворачиваться в центральных провинциях с ощутимо большим электоральным потенциалом. Только сможет ли НРП со своей левоцентристской ориентацией потеснить ПСР в провинциях, где, по признанию одного из вице-председателей НРП, профессора Сенджера Айата, «альтернативой правой партии может стать только другая правая партия... поскольку две трети турецких избирателей обладают консервативными взглядами и вряд ли когда-либо поддержат левые, как и левоцентристские партии»⁴⁰?

Парадокс последних двух десятилетий состоит в том, что НРП стала партией, достигшей определенного предела развития и с трудом пытающейся его преодолеть. Результаты, которые НРП демонстрировала на всех последних выборах: 19,4% в 2002 г., 20,9% – в 2007 г., 25,98% – в 2011 г. – нельзя назвать ни поражением, ни победой. В положении «вечно второй» НРП, с одной стороны, по праву именуется главной оппозиционной партией, а с другой – едва ли может выступать противовесом ПСР по причине ограниченности своих ресурсов влияния на текущие политические процессы в стране и дефицита мандатов в парламенте. При этом в ближайшей перспективе любой другой оппозиционной партии едва ли удастся обойти НРП, не говоря уже о том, чтобы вытеснить ее с политического поля. В турецком обществе, поляризованном по линии религиозной, культурной и политической идентичности, на сегодняшний день главным в условной иерархии «линий разломов» является размежевание по вопросу о роли ислама в общественно-политической жизни (противостояние лаицистов и исламистов). Затем идет конфликт культурного турецкого национализма с этнотерриториальным курдским. Причем эти размежевания переносятся и на политический дискурс, в котором традиционное разделение на правых и левых сильно сглажено: партии зачастую пренебрегают строгой идеологией и выстраивают политическую идентичность, маркируя свою позицию по вопросам социально значимых конфликтов. В этой системе координат

ценностно-ориентированных идентичностей главная ось противостояния – борьба лаицистов и исламистов, в которой НРП давно приняла на себя роль главного защитника секуляризма и светского наследия Кемалистской революции, прямую противоположность ПСР. Однако если ПСР удастся поляризацию общества по вопросам религиозной, этнонациональной и политической идентичности, несмотря на все неудачи последних лет⁴¹, в условиях «разрядки» конфронтационная тактика может оказаться проигрышной.

Стремление НРП обновить идеологию, возможно, даже радикально ее переформатировать – это отчасти отражение понимания того, что одна из причин ограниченности электоральной базы НРП состоит в том, что правый спектр политического поля практически полностью оккупирован ПСР⁴². НРП по модели ПСР стремится стать партией широкой коалиции, привлечь к себе новых сторонников и избирателей. В качестве одного из главных ресурсов НРП рассматривает электорат старых правоцентристских партий. Еще до прихода на пост лидера партии Кемаля Кылычдароглу Дениз Байкал на выборах 2007 г. опробовал тактику частичной переориентации на правоцентристский электорат. Однако Кылычдароглу пошел дальше своего предшественника, прибегая не только к правой риторике, но и выставляя в качестве кандидатов НРП политиков, известных своими правыми взглядами. НРП стремится переманить электорат малых непарламентских партий, значительное число избирателей которых не голосуют за ПСР, поскольку им чужд антисекуляризм правящей партии, не поддерживают ПНД из-за радикальных трактовок национализма и в то же время не готовы идти за НРП, не вполне приемлемой из-за своих идеологических метаний. Однако идеологический дрейф НРП выглядит в большей степени шагом прагматическим, чем отражающим реальную ценностную переориентацию партии⁴³.

Почти 26% голосов – лучший результат для НРП начиная с 1992 г. В краткосрочной перспективе восходящая кривая электоральной поддержки может вселять оптимизм в новое руководство НРП, однако сохранение этой тенденции в долгосрочной перспективе потребует от партии серьезных усилий. И дело здесь не может ограничиться митингами и массовыми мероприятиями, по числу которых Кылычдароглу даже обогнал Эрдогана в рамках кампании 2011 г.

Попытка НРП сыграть на поле правоцентристских партий и стремление стать всеохватной партией в последнее время не идут дальше малозначительных имиджевых шагов, привлечения на свою сторону политических ветеранов и известных общественных деятелей (как, скажем, эмигрантка Бахри Сипахи, музыкант алевитского происхождения Сабахат Аккираз, Мехмет Акифа Хамзачеби, правозащитник курдского происхождения Сезгин Танрыкулу). Однако в контексте серьезных изменений, которые претерпевает партийно-политическая система Турции, для трансформации НРП важны не только «брендовые кандидаты» – очевидна необходимость новых идей и ценностей установок.

Подобно тому как в 1960-х гг. после принятия новой Конституции НРП репозиционировала себя на политическом поле и смогла повернуть вспять нисходящую кривую своей популярности, сейчас от НРП требуется аналогичная операция по ревизии политического дискурса с учетом перемен, произошедших в турецком обществе за последние 30 лет. До конца неясно, возможно ли такое обновление, точнее, осовременивание, НРП. На данный момент расклад политических сил таков, что гипотетический приход к власти для НРП возможен только в рамках партийной коалиции. Однако есть еще один ресурс, до сих пор до конца не освоенный, – расширение политического участия гражданского общества, все еще существенно ограниченного как в количественном, так и качественном отношении. По всей видимости, именно инклюзивная стратегия работы с электоратом и выдвижение альтернативных проектов развития Турции (в противовес выдвинутому ПСР «2023» или «2071») станут императивом для «Новой НРП» на ближайшую перспективу.

Примечания

¹ К концу августа 2011 г. – после демонстративной отставки высшего руководства армии, когда 29 июля добровольно оставили свои посты начальник Генштаба Ышык Кошанер и командующие всеми тремя родами вооруженных сил – генералы Эрдал Джейланоглу (сухопутные войска) и Хасан Аксай (ВВС) и адмирал Эшреф Угур Йигит (ВМФ), более 15% всех турецких генералов находились под арестом и следствием по разным политическим делам (Doğan Haber Ajansı, 22.08.2011; Шлыков П.В. «Военный переворот наоборот»: отставка высшего командования Вооруженных сил Турции. – Информационно-аналитический портал «Рус-Ориент»: www.rusorient.ru). Очередная волна арестов к середине 2012 г. увеличила долю сидящих генералов до 19% (68 человек) (İlke Haber, 11.05.2012).

² Подробнее см.: Шлыков П.В. Куда идет Турция? (Метаморфозы прозападного курса развития). – Современная Европа, январь-март 2013, №1 (53). С. 58–75; Шлыков П. «Антикемалистская революция»: куда идет Турция? – Семинар в московском центре Карнеги: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3422>.

³ Çark oğlu A., Kalaycı oğlu E. Turkish Democracy Today: Elections, Protest and Stability in an Islamic Society. L., 2007. P. 72–75, 81.

⁴ T.C. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. – <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>.

⁵ Radikal, 5.05.2011.

⁶ Формула оценки волатильности – индекс, предложенный норвежским исследователем Моргенсом Педерсеном. Вычисляется следующим образом: сначала определяется разница между процентными долями голосов, полученными каждой партией на данных и предыдущих выборах; затем абсолютные значения (по модулю) этих разниц складываются, а сумма во избежание двойного счета делится на два

(Pedersen M. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. – European Journal of Political Research. Vol. 7 (1979). P. 1–26).

⁷ Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı; Resmi Gazete, 14.11.1983 (18221 sayılı); 9.12.1987 (19659 sayılı); 17.11.1991 (21054 sayılı); 3.01.1996 (22512 sayılı); 27.04.1999 (23678 sayılı); 10.11.2002 (24932 sayılı); 30.06.2007 (26598 sayılı); 23.06.2011 (27973 sayılı).

⁸ Başlevent C., Kirmanoğlu H., Şenatarlar B. Empirical Investigation of Party Preferences and Economic Voting in Turkey. – European Journal of Political Research. Vol. 44 (2005). P. 547–562.

⁹ West J. Regional Cleavages in Turkish Politics: An Electoral Geography of the 1999 and 2002 National Elections. – Political Geography. Vol. 24 (2005). P. 499–523; Çarkoğlu A., Hinich M. A Spatial Analysis of Turkish Party Preferences. – Electoral Studies. Vol. 25 (2006). P. 369–392.

¹⁰ Эффективное число партий – показатель соотношения количества партий и их политического веса на электоральном и парламентском уровнях. Диапазон колебания «эффективного числа партий» по итогам парламентских выборов 1983–2011 гг. следующий: 1983 г. – 2,85; 1987 г. – 4,11; 1991 г. – 4,67; 1995 г. – 6,16; 1999 г. – 6,78; 2002 г. – 5,43; 2007 г. – 3,48; 2011 г. – 2,97 (Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı; Resmi Gazete, 14.11.1983; 9.12.1987; 17.11.1991; 3.01.1996; 27.04.1999; 10.11.2002; 30.06.2007; 23.06.2011).

¹¹ Laakso M. Taagepera R. 'Effective' Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe. – Comparative Political Studies. Vol. 12 (1979). P. 3–27.

¹² Reilly B. Democratization and Electoral Reform in the Asia-Pacific Region: Is There an Asian Model of Democracy? – Comparative Political Studies, Vol. 40 (2007). P. 1350–1371; Jou W. Electoral Reform and Party System Development in Japan and Taiwan: A Comparative Study. – Asian Studies. Vol. 49 (2009). P. 759–785.

¹³ Так, в 1987 г. отрыв победившей на выборах партии от ближайших конкурентов составлял 38,5%, в 1991 г. – 16,6%, в 1995 г. – 17,9%, в 1999 г. – 20,2%, в 2002 г. – 41,7%, в 2007 г. – 18,6%, в 2011 г. – 11,6% (Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı; Resmi Gazete, 14.11.1983; 9.12.1987; 17.11.1991; 3.01.1996; 27.04.1999; 10.11.2002; 30.06.2007; 23.06.2011).

¹⁴ Индекс Галлахера (Gallagher Index):

$$L.Sq = \sqrt{\frac{1}{2} \sum_{i=1}^n (V_i - S_i)^2}$$

где n – число партий, i – какая-то партия, V_i – количество мест партии в парламенте в процентном соотношении, а S_i – количество голосов, поданных за партию, в процентном соотношении.

Основной смысл индекса представительности парламента заключается в установлении соотношения между выраженным волеизъявлением избирателей и получившемся соотношении политических сил в парламенте. (Подробнее см.: Алескеров Ф.Т., Платонов В.В. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М., 2003. С. 15).

¹⁵ Индекс пропорциональности представительства партий в парламенте для выборов 1983 г. составляет 6,79; для 1987 г. – 22,3; для

1991 г. – 11,34; для 1995 г. – 9,78; для 1999 г. – 9,47; для 2002 г. – 27,04; для 2007 г. – 11,92; для 2011 г. – 7,47 (Resmi Gazete, 14.11.1983, 9.12.1987, 17.11.1991, 3.01.1996, 27.04.1999, 10.11.2002, 30.06.2007, 23.06.2011).

¹⁶ Метод д'Ондта – способ распределения мандатов при пропорциональном представительстве, предложенный бельгийским математиком Виктором д'Ондтом. При использовании метода д'Ондта места распределяются последовательно, одно за другим. На каждом шаге очередное место присуждается той партии, которая обладает наибольшей квотой,

вычисляемой по формуле $\frac{V}{s+1}$ (где V – общее количество голосов,

поданных за партию; s – количество мест, полученных партией к данному шагу). После присуждения места квота партии пересчитывается с учетом нового количества полученных мест. При распределении мест методом д'Ондта представительство партий примерно пропорционально поданным за них голосам, однако округление, используемое в методе, дает преимущество более крупным партиям.

¹⁷ На выборах 2007 и 2011 гг. ПНД удалось преодолеть 10-процентный барьер и получить парламентское представительство, равно как и ПМД через поддержку независимых кандидатов тоже получила право голоса в парламенте; степень доминирования ПСР в ВНСТ несколько снизилась, несмотря на формальное увеличение числа сторонников (и более высокие показатели на выборах).

¹⁸ Tavits M. On the Linkage between Electoral Volatility and Party System Instability in Central and Eastern Europe. – *European Journal of Political Research*. Vol. 47 (2008). P. 537–555.

¹⁹ Kitschelt H. Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities. – *Comparative Political Studies*. Vol. 33 (2000). P. 845–879.

²⁰ Tezcür G.M. Muslim Reformers in Iran and Turkey: The Paradox of Moderation. Austin, 2010. P. 163–165.

²¹ Ibid. P. 159–160, 185.

²² Провинции центрального региона – Адьяман, Амасья, Чанкыры, Чорум, Элязыг, Эрзрум, Гююшхане, Кайсери, Кыршехир, Конья, Малатья, Мараш, Невшехир, Нигде, Сивас, Токат, Йозгат, Аксарай, Байбурт, Караман, Кырыккале и Османие – все вместе давали 22% на общенациональном уровне 1987 и 1999 гг.

²³ НРП лидировала по одномандатным округам в Амасье, Чоруме. Эрзинджане, Кахраманмараше, Малатье, Сивасе и Токате, т.е. в провинциях со значительной долей алевитского населения. Характерно, что по всем этим округам победившие кандидаты от НРП были алевитами.

²⁴ Как писала газета «Хюрийет» в своем репортаже с митингов ПСР, Эрдоган постоянно обращал внимание в своих выступлениях на кудрско-алевитское происхождение Кылычдароглу (Hürriyet, 30.04.2011). При чем подобную риторику активно взяли на вооружение и простые кандидаты от ПСР.

²⁵ Электоральное доминирование ПСР в этих провинциях схоже по характеру и масштабам с популярностью ДП на юге в 1950-х и первой половине 1960-х гг. (Carmines E., Stimson J. Evolution, Population Replacement, and Normal Partisan Change. – *American Political Science Review*. Vol. 75 [1981]. P. 107–118).

²⁶ См.: Kutad A. Patron-Client Relations: The State of the Art and Research in Eastern Turkey. – Political Participation in Turkey: Historical background and Present Problems. Istanbul, 1970. P. 61–87.

²⁷ Подробнее см.: Шлыков П.В. Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития. – Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение, 2012, № 3. С. 3–28.

²⁸ Karaca E. Hakkari'de Aşiretler Güc Kaybetti. – Bianet. Haftanın Özeti. <http://www.bianet.org/bianet/siyaset/130709-hakkaride-asiretler-guc-kaybetti>.

²⁹ Происхождение Кылычдароглу имело позитивный эффект для НРП на выборах 2011 г. Так, в родном для нового лидера НРП Тунджели партия выиграла по двум одномандатным округам, притом что в 2007 г. она не получила ни одного мандата от Тунджели.

³⁰ Так, в провинции Ширнак число зарегистрированных избирателей за 2007–2011 гг. увеличилось на 58% при росте населения в 3%, для Шанлыурфы эта пропорция составила 53 и 9%, для Газиантепа – 44 и 9%, для Вана – 32 и 6%, для Сиирта – 31 и 3%, для Хаккари – 30 и 2%, для Диярбакыра – 29 и 2%, для Такирдага – 28 и 10%, для Анталыи – 28 и 11%, для Агры – 27 и 2%. В целом по стране число зарегистрированных избирателей за 2007–2011 гг. увеличилось на 23% при росте населения в 4% (Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı; Türkiye İstatistik Kurumu. – <http://www.tuik.gov.tr>).

³¹ Эта стратегия в конечном итоге провалилась, поскольку ПНД завоевала 11% на выборах 2011 г. и получила 53 мандата в ВНСТ.

³² Diyarbakır Mitingi (01 Haziran 2011). – <http://www.akparti.org.tr/site/haberler/1-haziran-diyarbakir-mitingi-konusmasinin-tam-metni/8230>.

³³ 8 Haziran Bingöl Mitingi (08 Haziran 2011). – <http://www.akparti.org.tr/site/haberler/8-haziran-bingol-mitingi-konusmasinin-tam-metni/8406>.

³⁴ CHP'de Tüzük Kavgası. – Bianet. Haftanın Özeti (02 Kasım 2010), <http://bianet.org/bianet/siyaset/125822-chpde-tuzuk-kavgasi>.

³⁵ Radikal, 20.07.2010.

³⁶ Özgürlüğün ve Umudun Ülkesi. Herkesin Türkiye'si. CHP 2011 Seçim Bildirgesi. Ankara, 2011 (<http://www.chp.org.tr/>). S. 3.

³⁷ CHP 2011 Seçim Bildirgesi... S. 5.

³⁸ Milliyet, 13–14.09.2011.

³⁹ Всеохватная партия – термин современной социологии политики, введенный Отто Кирххаймером и отражающий трансформации массовых партий в середине XX в. Всеохватная партия ориентирована на выражение интересов крупных слоев общества (и в пределе всего общества) вне зависимости от сословных, имущественных или классовых различий. Характеризуются смешанным типом устройства и партийного членства, низким уровнем зависимости от какой-либо конкретно сформулированной идеологии.

⁴⁰ Vatan Gazetesi, 18.06.2011.

⁴¹ Türker Y. Yeni Türkler İktidarda. – Radikal Gazetesi, 20.06.2011.

⁴² Kiriş H. Türkiye'de Bir Sol Parti Olmak ya da Ol(a)mamak. – Milliyet, 10.09.2008.

⁴³ Akyol T. Demirel ve CHP. – Milliyet, 12.05.2011.

*В.Я. Белокреницкий**

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПАКИСТАНЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ**

Гражданское общество – достаточно старое понятие, переживающее начиная с последних десятилетий прошлого века второе рождение. Его истоки находят у античных мыслителей (Сократа, Платона, Аристотеля) и в произведениях крупнейших представителей философии и науки эпохи Возрождения, Просвещения, прежде всего у Э. де Ваттеля и И. Канта. В литературе того времени встречаются как позитивные, так и негативные оценки обозначаемого им феномена (последние, например, у Г. Гегеля). Считается, что гражданское общество – продукт эпохи европейского абсолютизма и Просвещения XVIII в. В XIX в. этот термин имел довольно широкое хождение, но на протяжении большей части прошлого столетия употреблялся редко.

Новую популярность он получил в западной науке в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., на последнем этапе «холодной войны» и после ее окончания. К известным исследованиям того периода относится книга А. Селигмена «Идея гражданского общества». В предисловии к ней гражданское общество определяется как «общественное пространство», в котором «свободные самостоятельные индивидуумы выдвигают права на удовлетворение своих потребностей и личной автономии»¹.

Использование гегелевской терминологии не помешало автору высоко оценить само явление, укреплявшееся на выходе из «холодной войны» в Западной и особенно Восточной (Центрально-Восточной) Европе. В дальнейшем о гражданском обществе писали многие другие авторы, причем применительно как к экономически развитым и переходным (бывшим социалистическим), так и менее развитым, незападным, в том числе восточным, азиатско-африканским странам². Между тем акцент, сделанный в вышеприведенном определении на личных правах, мало соответствует традициям западных обществ. Преодолевая этот ограничитель, представители либеральной (и в то же время релятивистской) политической мысли пытались найти общие для разных культур, цивилизаций, укладов жизни и систем ценностей основания для универсального, «глобального» гражданского общества. Главным таким основанием ряд видных авторов

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран БСВ, зам. директора Института востоковедения РАН.

** Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

посчитали отказ от насилия, толерантность. Эти качества позволили им отделить «гражданские» институты от «негражданских». Естественно, что террористические и преступные группы и организации включались в число последних. Некоторые авторы (Г. Анхайер и его коллеги) не делали различий между «хорошим» и «плохим» гражданским обществом, выдвигая в качестве главного критерия добровольность, которая, очевидно, не может быть присуща «негражданским» обществам, т.е. использующим методы принуждения для включения в свой состав новых членов, организациям и группировкам.

Водораздел насилия и добровольности позволяет наметить общие этические принципы, на которых может базироваться глобальное гражданское общество или конгломерат национальных гражданских обществ. Эти критерии относятся к средствам действия и принципам формирования групп действия, а что касается целей, то они определяются уже более широкими и отчасти размытыми категориями социальных изменений, защитой прав человека, борьбой против коррупции, за искоренение бедности и т.п.³ Принципиально то, что в рамки гражданского общества, когда речь идет о мировой периферии, обычно включают как западные по происхождению, «привнесенные» практики и структуры, так и местные, укорененные в собственной почве элементы – локальные, родственно-земляческие, этнические сообщества, религиозные и парарелигиозные институты и организации и т.п.

Не касаясь здесь уже достаточно обширной отечественной литературы по вопросу о гражданском обществе применительно к российскому опыту⁴, обратимся к дефинициям авторов, пишущих об этом феномене в Пакистане. Насколько можно судить по доступным материалам, гражданское общество в узком смысле понимается ими как множество любых негосударственных и некоммерческих (не связанных с бизнесом) структур и организаций, имеющих добровольный характер⁵.

Дискуссионным остается вопрос о политических партиях. Участие в борьбе за власть превращает их в часть государственно-политической системы. В то же время далеко не все политические партии страны реально претендуют на доступ к рычагам управления, лишь малая их часть представлена в центральном (федеральном) парламенте или законодательном собрании провинций. Непарламентские партии представляют собой, скорее, общественные организации и движения.

В похожем положении оказываются средства массовой информации. Они используются борющимися за власть силами и нередко стремятся к получению прибыли. Вместе с тем мотивы деятельности СМИ не детерминируются во многих случаях преимущественно этими мотивами. То же самое касается и каналов массовой коммуникации, развивающихся благодаря Интернету. Отсюда наличие пограничной полосы между политизированным и неполитизированным, коммерческим и некоммерческим секторами в сфере обмена информацией.

Расхождения по поводу «пограничных» структур выявляют наличие в литературе по Пакистану двух точек зрения на вопрос о сути и составе гражданского общества. Ряд авторов, особенно те из них, кто писал о нем в 1990-х гг., трактуют это понятие расширительно, включая в него, по существу, все общественно-политические организации и акцентируя внимание на их противостоянии репрессивному государству⁶. Вторая позиция была отмечена выше и более соответствует традиции использования термина, утвердившейся в начале нынешнего столетия в мировой исследовательской и аналитической литературе и международно-общественной практике⁷.

Мы будем различать два подхода к понятию гражданского общества в Пакистане, расширительный и узкий, отдавая предпочтение первому из них как более тесно связанному с историей Пакистана и его перспективами. В то же время в статье будет охарактеризовано и гражданское общество в узком понимании, при котором оно рассматривается как третий (или третичный) сектор экономической и политической активности, находящийся за рамками государства и рынка, иначе говоря, набор неправительственных и некоммерческих организаций добровольного, ассоциативного типа. Совмещая оба подхода, автор постарается рассмотреть в первом приближении становление гражданского общества в широком и специальном смыслах, внутреннюю структуру, роль и взаимодействие с государством и обществом в целом⁸.

Этапы становления и юридическая основа существования

Можно выделить несколько крупных периодов в истории пакистанского гражданского общества. Первый из них – эмбриональный, подготовительный. Речь идет о колониальном времени, когда на территории будущего Пакистана, в крупнейших его городах, Карачи и Лахоре, появлялись первые капиталистические фирмы и компании, формировались отдельные ассоциации буржуазного сообщества. Время таких перемен для пакистанских областей колониальной Индии последовало вскоре после их завоевания англичанами в середине XIX в. Заметную часть тогдашнего «среднего класса» составляли выходцы из метрополии, часто лишь на время приезжавшие в колонию. В немалой степени в расчете на них колониальные власти приняли первые законы, регулирующие деятельность гражданских, неправительственных организаций. В 1860 г. был введен закон о регистрации обществ (Societies Registration Act), в 1863 г. – закон о религиозных фондах (Religious Endowment Act), а в 1882 г. – закон о трестах (Trust Act)⁹. В 1890 г. к ним добавился закон о благотворительных фондах (Charitable Endowments Act), а существенно позднее, в 1925 г., – закон о кооперативах (Co-operative Act)¹⁰.

В течение всего последующего колониального периода эти законоположения регулировали деятельность гражданских, в том чис-

ле общинных, организаций. И до сих пор они являются основными регуляторами деятельности большинства неправительственных структур в Пакистане.

Число неправительственных и некоммерческих организаций, созданных в колониальное время на территории Пакистана, не было большим. Формирующие ее области отставали от многих других регионов колониальной Индии по уровню торгово-промышленного развития. Сильные позиции на «пакистанской» территории имел немусульманский капитал¹¹.

К концу колониальной эры в Индии усилились массовые протестные движения, что можно считать проявлением активности гражданского общества в широком смысле. Пакистанские районы, опять же, не были среди наиболее заметных в этом процессе (все их население составляло по переписи 1941 г. 28 млн человек при общей численности жителей колонии в 400 млн)¹². Тем не менее Лахор выдвинулся в число видных центров общинной социально-политической активности, а города Пешавар и Карачи превратились в ее региональные центры. Подспудно шел также процесс консолидации религиозных общин и их гражданских, добровольных организаций, но вплоть до 1946 и 1947 гг. в этой части Индии не было крупных межобщинных столкновений.

Второй период в истории гражданского общества Пакистана совпадает с эпохой «холодной войны». Внешние факторы оказывали немалое, хотя в основном косвенное, воздействие на формы существования и эволюцию гражданских институтов. Оно проявлялось в том, что массовые движения и объединения, особенно на начальном этапе существования страны, в 1947–1958 гг., строились во многом на классовой идеологической основе. Правящие круги Пакистана без колебаний выбрали господствовавшую в тогдашнем постколониальном мире прозападную ориентацию. Оппозиционные силы пытались найти альтернативу. В результате окрепли возникшие еще до Второй мировой войны группы левых интеллектуалов, была образована Компартия с помощью переехавших в страну из Индии мусульман – членов КПИ.

В 1951 г. в результате разоблачения антиправительственного «заговора в Равалпинди» левым силам был нанесен удар. В заговоре военных оппозиционеров оказались замешаны видные «прогрессивные» литераторы, представители интеллигенции. Суровые приговоры, вынесенные участникам заговора, были вскоре смягчены, но в 1954 г. Компартию запретили, чтобы расчистить путь для тесного военно-оборонительного союза с США. Еще через четыре года, после прихода к власти военных во главе с генералом, а затем фельдмаршалом М. Айюб Ханом, под запретом оказались и все другие политические партии. При возобновлении их деятельности в 1962 г. запрет на деятельность Компартии снят не был. Легализация КПП произошла лишь в 1972 г., после того как промосковские силы потеряли большую часть массовой поддержки. Одной из причин этого

было содействие, которое СССР оказал Индии в войне с Пакистаном в 1971 г., приведшей к расколу страны, первоначально состоявшей из двух территорий, и образованию на месте восточного «крыла» Пакистана отдельного государства Бангладеш.

После 1960 г. левые группы имели в Пакистане не только московскую, но и пекинскую «прописку». Однако сближение Исламабада с Пекином, нараставшее с 1963 г., ослабило, а затем и ликвидировало полностью возможности оппозиции использовать китайскую поддержку. И СССР к 1970-м гг. отказался от курса на затратную помощь всем рабочим и коммунистическим партиям и движениям, предпочитая более осторожный, избирательный подход. Пакистанские коммунисты, в отличие, например, от афганских, не могли рассчитывать на заметные успехи. Дозированная поддержка КПП Москвой находилась в 1960–1970-х гг. «под колпаком» пакистанской контрразведки и не внушала той серьезных опасений. Тем не менее левая альтернатива существовала, и именно ее наличие во многом определяло и структурировало гражданское общество в Пакистане на втором этапе, особенно до середины 1970-х гг. Помимо КПП, будь она в подполье или на легальном положении, действовали левые профсоюзные и студенческие организации и объединения, гильдии и союзы левых литераторов, журналистов и адвокатов.

С начала 1970-х гг. количество центров внешнего воздействия на Пакистан и его гражданское общество увеличилось с трех (США, СССР и КНР) до пяти. Китай обладал большим весом при правительстве З.А. Бхутто, поставленного военными у власти после поражения в войне с Индией. Но китайское влияние сократилось после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и последовавшей за тем смены международного курса Пекина. Зато сложились и усилились два исламских центра – саудовский (суннитский) и иранский (шиитский). По общему мнению, саудовцы сыграли существенную роль в событиях, приведших летом 1977 г. к острому внутривнутриполитическому кризису и перевороту, совершенному военными во главе с генералом М. Зия-уль-Хаком.

С того момента наметившийся еще при Бхутто правый (традиционалистский, исламо-консервативный) уклон стал преобладающим не только для государственной политики, но и гражданского общества. Развернутая генералом-президентом с опорой на исламские политические партии кампания исламизации общества в целом и его гражданского сегмента в частности имела результатом существенные, хотя зачастую и фасадные, изменения¹³.

Хотя левая тенденция в общественно-политической жизни, подпитываемая с 1978 г. «коммунистическим переворотом» в соседнем Афганистане, еще давала о себе знать, опиравшемуся на нее этнонационализму окраин – пуштунскому, белуджскому и синдхскому – был нанесен удар уже при Бхутто¹⁴. Остаточный левый тренд еще сохранялся в профсоюзах и крестьянских организациях, но характер и структура гражданского общества активно правели и «исламизировались». При этом элементы прежнего гражданского общества ока-

зались в значительной степени вытеснены из страны и нашли убежище в организациях мигрантов, возникших в диаспоре, неуклонно разраставшейся в США, Великобритании и ряде других стран. Политизированное гражданское общество, таким образом, как бы перетекло через государственные границы, оказалось шире внутреннего, помогая существованию оппозиции при авторитарных и непопулярных режимах.

Возвращаясь к началу второго периода в истории пакистанского гражданского общества, следует заметить, что после образования страны в 1947 г. располагавшиеся на ныне пакистанской территории различные неполитические организации граждан в основном прекратили свое существование из-за выезда за рубеж (в Индию и Англию) их активных членов и руководителей. На их месте образовались новые структуры, главным образом мусульманские и целевые по характеру своей деятельности.

В больших городах появились кооперативы (товарищества) по освоению и застройке новых участков земли. В столичном на первых порах Карачи возникли, например, Жилищный кооператив пакистанских служащих (Pakistan Employees Cooperative Housing Society, PECHS), Колония военных (Defense Colony) и т.п. На их примере видно взаимодействие гражданских (поскольку участниками кооперативов выступали частные лица) и государственных структур (правительство и вооруженные силы оказывали содействие своим служащим). На стыке и в переплетении государственных и общественных (личных, гражданских) интересов возникали неправительственные организации, занимавшиеся разрешением спорных вопросов, возникших в связи с переселением более 6 млн мусульман из Индии в Пакистан¹⁵. К этому надо добавить организации мигрантов земляческого типа, по урегулированию прав собственности, возмещению убытка и т.п. Они были тесно связаны с правительственными ведомствами, вступавшими в контакт с соответствующими структурами в Индии.

Таким образом, гражданское общество распалось на три основных потока: политизированные – как левые, так и правые (религиозные) по идеологии организации и движения; неполитизированные – целевого и вспомогательного, поддерживающего назначения; традиционные, религиозно-общинные, соседско-родственные и кланово-племенные.

Постколониальный период ознаменовался принятием еще двух законоположений о гражданских институтах. Они были приняты при военных режимах и носили форму президентских указов. В 1961 г. был обнародован Указ о добровольных агентствах социального благосостояния (Voluntary Social Welfare Agencies), а в 1984 г. – Указ о компаниях, где в разделе 42 регулировалась регистрация некоммерческих организаций (Companies Ordinance [Section 42])¹⁶.

Третий период существования гражданского общества охватывает время кризиса биполярной системы международного устройства и современную эпоху постбиполярного мира. На этом этапе се-

резно расширился спектр целевых, правозащитных и гуманитарных, по защите прав женщин и меньшинств, просветительских и благотворительных неправительственных организаций в значительной мере под влиянием либерально-интернационалистских (космополитических) тенденций в мире. С начала 1990-х гг. космополитизм активно поощрялся ведущими межправительственными организациями – ООН, Всемирным банком, Международным валютным фондом, Всемирной торговой организацией (с 1995 г.), ЮНЕСКО и др.¹⁷

В 1995 г. пакистанское правительство представило на рассмотрение парламента законопроект, вносящий поправки в указ 1961 г. о добровольных агентствах социального благосостояния (Voluntary Social Welfare Agencies Regulation and Control [Amendment] Act). Поправки устанавливали, что неправительственные благотворительные организации должны проходить обязательную государственную регистрацию и могут быть запрещены и распущены. Это вызвало протесты со стороны гражданских организаций и подстегнуло процесс создания гражданских сетей и форумов, а также координацию совместных действий¹⁸. В результате протестов проект так и не превратился в закон.

На рубеже 1990-х и 2000-х гг. в Пакистане в основном сложилась нынешняя структура гражданского общества в узком понимании его смысла и назначения. Оно стало вполне сопоставимо с ГО в других странах. К этому моменту относится и формирование инструментария такого рода сравнений.

«Ромб» гражданского общества

Исследования особенностей функционирования узкопонимаемого гражданского общества в различных странах мира связаны с возникновением в начале 1990-х гг. международной организации CIVICUS – Мирового альянса за гражданское участие. В 1999 г. началось осуществление совместного с Лондонской школой экономики проекта по сопоставительному изучению гражданских обществ в различных странах. Сотруднику школы Г. Анхайеру принадлежала идея использования ромба для презентации итогов комплексного количественного сопоставления данных о деятельности организаций гражданского общества. Для построения ромба выделяются четыре оси – структура, ценности, пространство и влияние. Первая из осей отражает число организаций, их распределение по секторам и регионам страны, ресурсы, членство и т.п.; вторая оценивает цели и задачи, нормы и подходы, которые разделяют и пропагандируют неправительственные и некоммерческие добровольные ассоциации; третья дает представление о легальной, политической и социокультурной среде, в которой существует ГО, в частности об отношении общества в целом к духу добровольности и социальной активности; четвертая измеряет вклад гражданских организаций в разрешение различных соци-

альных, экономических и политических вопросов, определение повестки дня общественных интересов, принятие решений государством и бизнесом и их реализацию¹⁹.

Первичные сведения для проекта собирались в основном путем анкетирования руководителей и участников организаций и групп гражданского общества. Пакистан оказался в числе десяти первых стран, где обследования проводились в 2000–2001 гг. Причем среди них (в большинстве восточноевропейских) он был единственной азиатской и мусульманской страной. В 2003–2006 гг. сходный проект по созданию индекса гражданского общества охватил более 50 развитых и развивающихся стран Европы, Южной Америки, Африки и Океании. В число обследованных из мусульманских государств попали только Египет и Турция, а из азиатских – лишь Индия, Южная Корея и Вьетнам²⁰.

Показатели по Пакистану, позволившие «нарисовать» ромб его гражданского общества, оказались довольно неплохими даже при сравнении с такой развитой и явно «гражданской» страной, как Голландия. Вместе с тем пакистанские показатели уступали голландским по всем сторонам ромба (пакистанский ромб находился как бы внутри голландского). Значительно меньше, почти на 40 процентных пунктов, был третий индекс (среда), на 20 пунктов меньше голландского были у пакистанского ГО первый и второй показатели и на 16 пунктов (влияние) – четвертый индекс. Кроме того, пакистанские организации в целом были не вполне сопоставимы с голландскими, так как отличались значительно большей типологической и генетической гетерогенностью, наличием современного и традиционного (не вполне, по существу, гражданского) сектора.

Оценивая масштабы и другие характеристики гражданского сегмента в Пакистане, авторы доклада о подготовке упомянутого выше индекса CIVICUS отмечали также нехватку достоверных и представительных данных. Так, число зарегистрированных и активно действующих неправительственных организаций оценивалось ими в 10–12 тыс. Но при добавлении к ним зарегистрированных, но не проявляющих какой-либо активности организаций количество гражданских структур возрастало до 60 тыс.²¹

К гражданскому сектору авторы относили и профессиональные союзы. Их количество оценивалось округленно в 8 тыс. с числом членов около 1 млн человек. Это составляло лишь 5% рабочей силы страны, которая оценивалась в 20 млн человек и не включала неоплачиваемых работающих членов семьи, особенно многочисленных в сельском хозяйстве и в неформальном секторе (незарегистрированный малый бизнес). Причисление профсоюзов к гражданскому сегменту демонстрирует расплывчатость его границ, хотя, на наш взгляд, полностью соответствует его критериям – добровольности и общественной активности. Факты, свидетельствующие о крайне ограниченных масштабах профдвижения, существенны для понимания степени организованности труда, а также свободы в обществе, так как одна из основных причин слабости тред-юнионизма – ограничения, налагае-

мые государством в соответствии с «пожеланиями» хозяев предприятий. Авторы доклада отмечают, что численность и роль профсоюзов в Пакистане с 1970-х гг. неуклонно сокращались. Это касалось как союзов на предприятиях, так и профобъединений. Только 2 тыс. тред-юнионов, по данным на 2000 г., имели право на заключение коллективных договоров²².

Среди неправительственных организаций преобладали образовательные, далее располагались организации по охране здоровья и правам женщин. Последующие места занимали детские и спортивные организации и ассоциации, а также по развитию общин, соседских и религиозных. Некоторое число так называемых промежуточных, посреднических и поддерживающих структур оказывало финансовую, техническую и организационную помощь другим гражданским организациям.

Особо следует сказать о женском движении и организациях женщин. Возникнув первоначально как элитные клубы для женщин из богатых семей, организации защиты прав женщин вышли на передний край общественной и политической борьбы под воздействием политики исламизации, проводившейся режимом Зия-уль-Хака в 1980-х гг. Именно тогда образовались влиятельные женские организации, прежде всего Хаватин-е-махаз-е-амаль (Женский форум действия), вступившие в борьбу против вводимых властями мер (исламские законы хууд), ущемляющих права женщин в суде, при разбирательстве дел об обвинении в супружеской измене и прелюбодеянии, а также других дел, где свидетельством одного мужчины приравнивалось к двум женским. Острота проблемы дискриминации и притеснения женщин не была снята и в дальнейшем, что отразилось на активности и решительной позиции относительно немногочисленных, но весьма влиятельных женских правозащитных организаций²³.

Трудно оценить масштабы средств, которые проходили через каналы гражданских организаций. Вопреки распространенному мнению, в основном это были внутренние, пакистанские, средства. Сказались, в частности, традиции благотворительности, оказавшиеся весьма характерными для Пакистана. С 1960-х гг. известен своей благотворительной деятельностью Саттар Идхи, создавший в Карачи и других городах страны организации по помощи бедным, больным, сиротам (головной организацией является «Трест Идхи»). Широкую известность приобрела деятельность Хамид Хана, инициировавшего пилотный проект комплексного развития одного из трущобных районов Карачи – Оранги. Благотворительность нередко фокусируется на оказании медицинских услуг: фонд Шаукат Ханум оказывает помощь больным раком, а трест Лейтон-Рахматулла – нуждающимся в лечении глазных болезней²⁴. Видное место в оказании услуг в области здравоохранения давно занимают исмаилитский Фонд Ага Хана (о нем подробнее ниже) и некоторые христианские миссии.

Как явствует из приведенных примеров, благотворительность носила нередко религиозный, общинный характер, но не была связа-

на с радикальными идеологическими установками и, как правило, не ограничивала свою деятельность строгими рамками конфессиональной принадлежности.

Внешние, иностранные, источники имели значение лишь для наиболее крупных и широко известных организаций, осуществляющих проекты социальной и экономической модернизации, по защите прав граждан и адвокатуры (оказание помощи в уголовно-судебных процессах). Впрочем, и некоторые религиозно-общинные организации, имея корни внутри страны, являлись, по существу, интернациональными.

Число членов в пакистанских НПО не было значительным. Систематическое представление о распределении организаций с точки зрения их численности дало лишь обследование 1991 г., осуществленное Организацией ООН по развитию. На тот момент треть организаций имела менее 50 членов, 17% – 50–99, еще 20% – от 100 до 149 и лишь у 5% количество членов превышало 450. Обследование показало, что около 90% работавших в НПО и НКО были волонтерами, и только 10% получали вознаграждение за свою работу. С опорой на эти данные число занятых в гражданском секторе на начало 2000-х гг. оценивалось примерно в 250 тыс., что составляло от 0,5 до 1,6 % рабочей силы, в зависимости от ее оценки: 16–25 млн человек²⁵.

Проведенное в 2002 г. обследование некоммерческих (non-profit) организаций дало следующие данные о специализированных гражданских организациях (см. табл.)²⁶.

Состав некоммерческого сектора

Основные некоммерческие организации	Число организаций	%
Образование и исследования	20 699	46,4
Гражданские права и адвокатура	78 15	17,5
Социальные услуги	3704	8,3
Развитие и жилищное строительство	3264	7,3
Здравоохранение	2700	6,1
Культура и досуг	2452	5,5
Религия	2 184	4,9
Бизнес и профессиональные организации	1705	3,8
Окружающая среда	103	0,2
Итого	44 625	100,0

Почти половина некоммерческих организаций относилась к сфере образования и исследований. Как отмечают авторы доклада, преобладающая их часть принадлежала к религиозным, главным образом исламским, организациям. Именно медресе (дин-и-мадарис) и семинарии (дар-ул-улум) составляли основу негосударственного и

некоммерческого сектора образования. Обучение в религиозных школах для мусульман имеет в Южной Азии глубокие исторические корни. Распространенность такого образования усиливается в Пакистане тем обстоятельством, что далеко не все дети школьного возраста имеют возможность посещать государственные и общественные (частные привилегированные) школы. По оценкам на соответствующий период, примерно треть (более 1,5 млн) посещавших школу детей получали образование в медресе, число которых превышало 10–12 тыс.²⁷ Именно распространением религиозного начального образования для детей из бедных семей можно объяснить явное превосходство НКО образовательного профиля над другими.

Хотя доля организаций в области здравоохранения невелика, по количеству занятых они находились на втором месте – 17%, а на организации по поддержке гражданских свобод приходилось всего 2% занятых в гражданском секторе. В то же время по численности они находились на втором месте (см. табл.).

Чисто религиозные организации, главным образом, хотя и не исключительно, мусульманские, также были достаточно распространены и должны быть присоединены к организациям и попечительским советам, курирующим сети медресе и семинарий. В результате соотношение между НКО либерального (светского) и консервативного (религиозно-общинного) толка оказалось, как отмечают авторы доклада, далеко не в пользу первых. Причем отставание либерального сегмента ГО, состоящего из правозащитных организаций, по борьбе с коррупцией, за охрану окружающей среды и т.п., со временем усиливалось²⁸.

Исламизация гражданского общества

Оценки состояния гражданского общества, которые давали авторы в начале 2000-х гг., через десятилетие изменились, отражая тот же тренд. По мнению австралийской исследовательницы пакистанского происхождения Т. Рашид, за это время усилилась прослойка организаций ГО, которые заняли промежуточную нишу между современным и традиционным полюсами. Члены таких организаций, как правило, имеют современное нерелигиозное образование, принадлежат к лицам квалифицированных профессий, но по своему мировоззрению тяготеют к исламистам. Их отличает вера в «воображаемое славное прошлое» мусульман и эксплуатацию исламского мира Западом. В отличие от мусульман-традиционалистов они полагают, что их корни – не в родной земле (т.е. в исторической Индии), а в Саудовской Аравии – на родине ислама. Фундаменталистские и радикальные группы потеснили в первую очередь либеральные организации, наиболее сильные в крупных городах, оставив консервативным их традиционные сферы – деревенское общество и население малых, «сельских», городов. Впрочем, и мировоззрение многих светских членов общества, идеологически не опирающихся на ислам, от-

личает зачастую опора на конспирологические теории, уверенность в мировом заговоре, направленном против мусульман и Пакистана.

Такие процессы, отмечает Т. Рашид, имели место вследствие политики государства как при военном режиме генерала П. Мушарфа (1999–2008), так и после него – во многом опять же вследствие влияния армии. Пакистанское государство поощряло радикализм посредством своей внешнеполитической деятельности – по вопросу об Афганистане и талибах, в отношении Индии и происходящих там терактов, а также политики в сфере внутренней безопасности с возложением вины за ее нарушения на внешние враждебные силы²⁹.

Тенденция увеличения роли мусульманских общественных организаций отразилась в расширении сети религиозного образования. К началу 2010-х гг. число только зарегистрированных (учтенных правительством) медресе достигло 16 тыс. Обучение там находилось под слабым контролем государства. Только 250 зарегистрированных религиозных школ согласилось участвовать в разработанной правительством программе модернизации обучения³⁰. Преподавание истории и ряда других дисциплин велось в большинстве медресе по учебникам, нарочито искажавшим канву и смысл событий прошлого и грубо очернявшим внешнюю политику Индии и Запада. Произшедшее за последние два десятилетия сближение Индии и США облегчило возможность подогревать чувства антагонизма, ненависти к двум этим государствам (а также Израилю) – их изображают виновниками всех бед и несчастий, постигших страну.

В последнее время отмечено большое внимание, уделяемое исламистскими организациями целенаправленному воспитанию и образованию детей, прежде всего мальчиков. Особенно активно проявляет себя на этом поприще «Джамаат-е ислами» (ДИ, «Общество ислама»). Оно одновременно является и партией, поскольку принимает участие в парламентской борьбе, и закрытой для посторонних структурой с жесткой внутренней дисциплиной. Помимо образования, ДИ активно занимается благотворительностью, помогает нуждающимся семьям. Определенные средства исламские общественные и политические организации вкладывают также в экономическое развитие, поощряя малый бизнес, торговлю, но выступая, например, против схем по микрокредитованию, потому как они предполагают получение процента, запрещенного в исламе.

Характерно, что активность немусульманских религиозных организаций на современном этапе снижается, что в немалой степени связано с государственной политикой стимулирования в первую очередь исламской идеологии, образования и культуры³¹.

Как уже отмечалось, благотворительность и помощь в решении проблемы бедности традиционно были заметной стороной деятельности многих религиозных сообществ. Характерна она и для организаций, представляющих богатые общины мусульманского меньшинства. Первое место среди них занимает Фонд исмаилитов Ага Хана. Эта всемирная организация с центром в Лондоне активно действует

не только в Пакистане, но и в Индии, Таджикистане (на Памире) и в других районах распространения исмаилитской шиитской секты. Наиболее успешным пакистанским проектом Фонда Ага Хана была поддержка сельского развития в ряде северных, населенных в значительной мере исмаилитами районах страны. Достаточно эффективная помощь крестьянам-исмаилитам послужила образцом для подражания и правительству, и другим общественным фондам. Пакистанское отделение фонда, кроме того, выступило в начале 2000-х гг. в качестве инициатора и организатора Форума НПО – объединения гражданских обществ, соединяющего в себе религиозную и светскую части ГО.

В то же время успешная деятельность исмаилитских и других шиитских общественных организаций в последние годы косвенно вызывала усиление трений между общинами. Радикальные суннитские группировки использовали растущий разрыв между благосостоянием шиитов и суннитов для натравливания общин друг на друга. Кровавые столкновения на этой почве имели место между исмаилитами и суннитами в Гилгите на севере страны, а между шиитами и суннитами – в округе Джанг провинции Панджаб³².

Можно утверждать, что исламизация и радикализация части гражданского общества была следствием его «зажатости» между весьма слабым по сути, но при этом авторитарным, несмотря на внешнюю демократичность, государством и усиливающимися в широком политическом поле исламо-националистическими силами. Большую роль в образовании этих «клещей» играют вооруженные силы и состоящие при них силовые структуры, которые «подпирают» и во многом контролируют демократически избранную гражданскую власть, функционирующую на основе конституции парламентского типа. Именно недостаток подлинной демократии, влияние военно-религиозных кругов, по мнению И. Муфти, одного из лидеров либеральной части оппозиционного движения граждан, толкает пакистанское ГО вправо, на путь подчинения обскурантистским и экстремистским политическим течениям³³.

Заключение

Итак, в Пакистане за годы его самостоятельного существования сложилось достаточно представительное и влиятельное гражданское общество как в узком, так и в широком понимании этого термина. Формирование ГО шло параллельно с развитием государства и общества в целом (экономикой, правом, политикой, культурой и т.д.). Исторически сложившийся в обществе дуализм, сосуществование современного, капиталистического, уклада жизни и до некоторой степени преобразенных взаимодействием с ним традиционных порядков отразились и на неоднородном составе гражданского общества, наличии внутри него двух соответствующих такому дуализму секторов. Различия между секторами со временем уменьшались, что

отражало своеобразную эволюцию дуалистической системы экономики и быта – расширение промежуточной, гибридной зоны сочетания современных и традиционных форм хозяйствования и укладов жизни.

Образование неправительственных и некоммерческих организаций ускорило в конце прошлого и начале нынешнего столетия. И происходило это как под воздействием извне, в первую очередь со стороны Запада, так и под влиянием усложняющейся внутренней обстановки, связанной с тесной вовлеченностью Пакистана в нескончаемый военный конфликт в Афганистане и другие остро протекающие региональные процессы.

Разнообразные внешние и внутренние факторы способствовали радикализации общественной обстановки в нынешнем Пакистане. Политизированная часть гражданского общества сдвинулась по преимуществу в сторону исламских и опирающихся на них националистических ценностей. Армия – важнейший в пакистанских условиях институт власти – остановилась в опасной близости от пропасти исламистской радикализации. В гражданском обществе представлены обе тенденции – исламистская и либеральная, однако позиции последней заметно слабее. В 2011 г. ей были нанесены два удара – были убиты последовательный противник обскурантизма губернатор Панджаба С. Тасир и министр по делам религий в центральном правительстве, единственный представитель христианской общины в нем Ш. Бхатти. Хотя убийцу губернатора осудили и приговорили к расстрелу, симпатии значительной, если не преобладающей, части пакистанцев находят на стороне исламиста.

Либеральная часть пакистанского гражданского общества надеется на изменение ситуации после состоявшихся в стране в мае 2013 г. парламентских выборов. Проведение очередных выборов после пяти лет, прошедших со времени избрания парламента в 2008 г., явится первым таким событием в истории страны. Выборы могут содействовать оттеснению военных от власти. В то же время за ними может последовать череда чрезвычайных событий, и не исключено, что Пакистан окажется в водовороте новых катаклизмов. Противовесом радикалам и националистам, способным дестабилизировать ситуацию, может стать, при всей его неоднородности, гражданское общество страны.

Примечательно, что и на исламском фланге гражданского общества имеются влиятельные силы, выступающие против обскурантизма и экстремизма, в защиту коренных ценностей ислама как религии добра и миролюбия. Один из исламских проповедников такого направления – Тахир уль-Кадри – сумел организовать в январе 2013 г. массовое шествие и многодневный митинг десятков тысяч людей в столице страны. Протест против коррупции и других недостатков управления завершился принятием властями требований протестующих, продемонстрировав возможности умеренного крыла исламского гражданского общества.

Примечания

¹ Seligman A.B. *The Idea of Civil Society*. N.Y., 1992. Introduction (electronic version).

² См.: *Civil Society. Theory, History, Comparison*. Cambridge (Mass.), 1995; *Civil Society, Democracy and the Muslim World*. Istanbul, 1997; *Civil Society in the Grip of Nationalism*. Istanbul, 2000; *Civil Society*. Berlin Perspectives. N.Y., 2006.

³ Keane J. *Global Civil Society?* Cambridge, 2003. P. 198–209.

⁴ Корданский С. Государство, гражданское общество и коррупция; Зигерт Й. Гражданское общество в России; Ноженко М. Кто и как возвращается в России гражданское общество; Тейлор Б.Д. Правоохранительные органы и гражданское общество в России. – *Отечественные записки*, № 6, 2005. С. 20–33; 34–43; 130–138; 148–162; Рябев В.В. К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России. – *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2005, № 2. Т. VIII; *Гражданское общество: конкуренция идей и интересов*. – Сайт Высшей школы экономики, 19 июня 2012. См. также учебные пособия: *Гражданское общество: истоки и современность*. СПб., 2002; *Гражданское общество: история и современность*. Владимир, 2004 и др.

⁵ См.: Qadeer M., Adnan S., Baig R. *Civil Society in Pakistan*. Karachi, NGO Resource Centre, 2011 (electronic version); Khan A., Khan R. *Civil Society And Social Change In Pakistan*. Sussex, Karachi, 2004 (electronic version); Bajoria J. *Pakistan's Institutions and Civil Society*. Background, 2008 (electronic version).

⁶ Malik I. *State and Civil Society in Pakistan*. L., 1997; Qadeer M. *The Evolving Structure of Civil Society and the State in Pakistan*. – *The Pakistan Development Review*, 36:4. Islamabad, Winter 1997. P. 743–762.

⁷ Этому, в частности, способствовал выполненный в 1999–2001 гг. проект по разработке индекса CIVICUS, призванный создать инструмент для сопоставления гражданских обществ различных стран. Идея сравнения с помощью индекса возникла в 1997 г. у международной неправительственной организации CIVICUS (Мировой альянс за участие граждан). Основной вклад в разработку индекса (о нем см. ниже) внес Х. Анхайер. См.: Holloway R. *Handbook on how to use the Index as a Self-Assessment Tool*, 2001. – <http://www.civicus.org/new/media/IndexHandbook.pdf>; CIVICUS *Civil Society Index Report for the Netherlands*. Final Draft. September 2006 (electronic version).

⁸ Об особенностях государственно-политических систем Азии и Африки см., в частности: Воскресенский А.Д. *Политические системы и модели демократий на Востоке*. М., 2007; *Восток и политика*. М., 2011. Проблематика гражданского общества, понимаемого в узком значении термина, в этих работах почти не затронута, что свидетельствует об относительной новизне как самого явления, так и внимания к нему со стороны отечественных политологов-востоковедов.

⁹ Rashid T. *Radicalisation of Civil Society: A Case Study of Pakistan*. – *South Asia: Envisioning a Regional Future*. New Delhi, 2011. P. 155 (electronic version).

¹⁰ Sattar A., Baig R. *Civil Society in Pakistan*. NGO Resource Centre, Karachi, August 2001. P. 7 (electronic version).

¹¹ Подр. см.: Белокреницкий В.Я. *Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации*. М., 1982. С. 50–57; он же. *Капитализм в Пакистане*.

Особенности социально-экономического развития с середины XIX в. до 80-х годов XX в. М., 1988. С. 118–119.

¹² Это, кстати, означает, что тогда на ныне пакистанские районы приходилось примерно 7% от общего числа жителей в Южной Азии, а теперь – около 14% (приблизительно 200 из 1450 млн человек).

¹³ См. обсуждение этих процессов, в частности: Пакистанское общество: экономическое развитие и политическая структура. М., 1986. Гл. 2 и 3; Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX в. М., 2008. Гл. 5.

¹⁴ В 1975 г. он отдал левонационалистических деятелей под суд военного трибунала, который продолжался до прихода к власти военных.

¹⁵ По последним данным, в западную часть страны (теперешний Пакистан) в 1947–1948 гг. прибыло 6,5 млн мусульман, а покинуло 4,7 млн немусульман, главным образом индусов и сикхов. (Hasan A. *Unplanned Revolution see. Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan*. Karachi, Oxford, 2009. P. XXXII.)

¹⁶ Rashid T. *Op. cit.* P. 155.

¹⁷ Число неправительственных организаций в этот период заметно выросло не только в Пакистане, но и в большинстве других стран мира, и одновременно существенно увеличилось количество международных неправительственных организаций (свыше 27 тыс. в 2001 г.) (Лебедева М.М. *Мировая политика*. М., 2003. С. 87).

¹⁸ Mufti I. *Struggle of civil society organizations in Pakistan for pro-people legislation*. PLA Notes 43. 2002. P. 23–25 (electronic version).

¹⁹ См.: Anheier H.K. *Civil Society. Measurement, Evaluation, Policy*. L., 2004. Ch. 2, 6 (electronic version).

²⁰ CIVICUS Civil Society Index Report for the Netherlands. Final Draft, September 2006. P. 10 (electronic version).

²¹ Sattar A., Baig R. *Op. cit.* P. 5.

²² Ibid. P. 5–6.

²³ Shaheed F. *The Women's Movement in Pakistan: Challenges and Achievements*. Paper for edited book: *Rethinking Global Women's Movement*, ed. Amrita Basu, Routledge. Проблема женского протестного и правозащитного движения в Пакистане заслуживает специального рассмотрения. Отдельные ее стороны, а также вопрос об угнетении женщин рассмотрены в работах некоторых отечественных авторов, таких как А.А. Суворова, С. Махкамова и др.

²⁴ Khan A., Khan R. *Op. cit.* P. 8–9.

²⁵ Sattar A. *Op. cit.* P. 9.

²⁶ Khan A., Khan R. *Op. cit.* P. 3.

²⁷ Ibid. P. 6–7.

²⁸ Ibid. P. 34–35.

²⁹ Rashid T. *Op. cit.* P. 162.

³⁰ Ibid. P. 162–164.

³¹ Подробнее об этом см: Серенко И.Н. *Система образования в Исламской Республике Пакистан*. М., 2006. С. 116–127; Kirmani N. *Interactions between Religion, the State and Civil Society in Pakistan. Some Implications for Development*. Lahore, 2011. P. 5 (electronic version).

³² Ibid. P. 5–6.

³³ *An overview of Civil Society in Pakistan* by Irfan Mufti. – *Civil Society Watch Monthly Bulletin*, August 2009, № 44 (electronic version).

*И.Н. Серенко**

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПАКИСТАНЕ

Важным условием становления гражданского общества и его эффективного функционирования является развитие системы образования, способной обеспечить ресурсную поддержку происходящим в нем процессам модернизации и демократизации на основе создания просвещенного, информационно продвинутого человеческого капитала, формирования гражданской культуры, повышения образовательного уровня населения в целом и его женской составляющей в частности.

Специфика формирования гражданского общества в Исламской Республике Пакистан обусловлена сочетанием традиционных и современных элементов в его структуре, включая образование. Стремление государства к сбалансированности данных элементов может положительно сказаться на динамике общественной трансформации и эволюционном развитии гражданского общества, неотъемлемой частью которого является активное, просвещенное и самодостаточное женское население. Достижение определенного, пусть еще и хрупкого, баланса между традиционными и современными компонентами пакистанского общества, в том числе и через национальную систему образования, свидетельствует о постепенном включении Пакистана в общемировое поликультурное пространство при сохранении характерных для него национально-религиозных особенностей и традиций.

Право пакистанцев на получение образования с учетом национально-религиозной компоненты предусматривается Конституцией страны 1973 г. (ст. 20, 22, 28, 31, 33, 37, 38, 40)¹. Ответственность государства за обеспечение всеобщего бесплатного обязательного образования для всех детей в возрасте от 5 до 16 лет закрепляется внесенной в нее 18-й поправкой от 19 апреля 2010 г. (ст. 25 А). Данной конституционной поправкой (ст. 153, 154) предусматривается также децентрализация управления системой образования через передачу управленческих полномочий от федерального центра к провинциальным министерствам и департаментам образования². В соответствии с принятой в стране Национальной политикой в области образования (2009) планируется создание единой национальной системы образования с помощью постепенной интеграции в структуру

* Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

современных учебных заведений традиционных учебных институтов мусульманской системы просвещения, представленной различными религиозными учебными заведениями. Она нацелена на воспитание подрастающего поколения в духе толерантности и ненасилия, на выработку у молодежи иммунитета против терроризма и экстремизма.

Приверженность Пакистана международным нормам по предоставлению равных образовательных возможностей для всех граждан страны, независимо от их национальной, религиозной или гендерной принадлежности, подтверждается его признанием следующих основополагающих международных правовых документов: Всеобщей декларации прав человека (1948); Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979); Конвенции о правах ребенка (1989); Пекинской Декларации четвертой Всемирной конференции по положению женщин (1995); Всемирной Декларации ООН по образованию для всех (1990), а также международной Программы «Цели Развития Тысячелетия» (2000), разработанной совместными усилиями мирового сообщества для решения глобальных проблем человечества, связанных в первую очередь с ликвидацией бедности и неграмотности, повышением общего уровня жизни людей на планете.

Однако реализация заявленных намерений Пакистана по созданию современной системы образования, способной обеспечить социальное и гендерное равенство своих граждан, сдерживается отсутствием стабильности и безопасности в стране. Так, пакистанские территории зоны племен, пограничные районы с Афганистаном, где нашли приютище пакистанские и афганские талибы, по всеобщему признанию, являются самым опасным местом в мире не только для проживания, но и для получения современного образования пакистанскими гражданами, в первую очередь женщинами³.

Учащиеся, преподаватели и сами учреждения современной системы образования находятся под постоянным прицелом террористов. Их усилия во многом способствовали снижению уровня грамотности среди местного населения: с 29% в 2009 г. до 17,42% в 2010 г.⁴ В результате объявленной исламистами кампании по борьбе против национальной системы образования начиная с 2004 г. в стране были взорваны и подожжены более 1600 учебных заведений, из них 460 общеобразовательных школ были уничтожены полностью⁵. Большинство из них составляют женские школы. Все это заметно подорвало и без того слаборазвитую образовательную инфраструктуру государства, лишило возможности более 600 тыс. детей, проживающих в одной только провинции Хайбер-Пахтунхва, посещать учебные заведения⁶.

Сбалансированная государственная политика по реформированию образования вызывает яростное сопротивление исламистов, выступающих за введение в стране теократического правления. В современной системе образования они усматривают угрозу своей джихадистской идеологии, лежащей в основе достижения поставленной ими цели. Провалив реформу религиозного образования (2001–2009), они не допустили осуществления обновления его содержания,

а также постепенного включения теологических учебных заведений в общий поток современных школ. За счет сохранения политизации основной части религиозных институтов исламистам в определенной мере удалось укрепить свои позиции.

По последним данным, более 2,7 млн детей обучаются в 20 тыс. религиозных учебных заведений страны⁷. В основном на их вербовку в свои ряды и рассчитывают исламисты, осуществляя подобным образом своеобразную политику преемственности поколений в деле джихада против неверных с целью построения теократического государства.

Неспособность государства защитить своих маленьких граждан от исламистского террора и противостоять их наступлению на современную систему образования, базирующуюся на таких основополагающих принципах, как всеобщность, доступность и гендерное равенство, сказывается на подъеме мощной волны гражданского сопротивления образовательному террору. И в этом процессе гражданской самозащиты заметна активизация в первую очередь со стороны женской части населения, испытывающей на себе все тяготы гендерного неравенства при получении даже минимальных базовых знаний.

Об этом наглядно свидетельствуют события, связанные с покушением талибов на юную правозащитницу Малалу Юсуфзаи, которое было совершено 9 октября 2012 г. в Мингоре. Стоит напомнить, что этот родной для Малалы город является административным центром округа Сват в провинции Хайбер-Пахтунхва. В период захвата власти в Сватской долине пакистанскими талибами (2007–2009) город был их резиденцией. Временное правление талибов сопровождалось насаждением среди местного населения средневековых порядков и традиций, введением запрета на женское образование.

Именно в этот период тогда еще 11-летняя Малала, заручившись согласием и поддержкой своего отца Зияуддина Юсуфзаи, рассказала в своем блоге правду о бесчинствах талибов и попрании ими прав человека, включая право детей на образование. Правозащитная и миротворческая деятельность Малалы принесла ей широкое общественное признание: юная активистка стала первой пакистанкой, номинированной на Международную детскую премию мира (25 октября 2011 г.); первой получила и Национальную молодежную премию мира (19 декабря 2011 г.). Вместе с тем, как показали дальнейшие события, своими антиталибскими высказываниями и правозащитной деятельностью она подписала себе смертный приговор, войдя в «расстрельный» список наиболее опасных для исламистов врагов.

Пакистанские талибы, взявшие на себя ответственность за покушение на девочку, пытались оправдать себя необходимостью защиты своих традиционных консервативных пуштунских ценностей. Малала Юсуфзаи, будучи сама пуштункой по происхождению, представляла для них угрозу уже только тем, что выступала против введенного талибами запрета на женское образование, за равное право детей, как мальчиков, так и девочек, на получение современных зна-

ний. По их словам, она «пропагандировала идеи секуляризма и так называемой просвещенной умеренности», старалась донести «западную культуру в районы традиционного проживания пуштунов», к которым относятся территории северо-запада Пакистана, а также восточные регионы Афганистана⁸.

В результате нападения 15-летней школьница получила тяжелейшие ранения, требовавшие срочной высококвалифицированной медицинской помощи. В критическом состоянии девочку, после оказания ей неотложной хирургической помощи местными врачами, доставили из Пакистана в Великобританию, где ей было сделано несколько сложных хирургических операций в специализированном госпитале Бирмингема, сотрудники которого имеют богатый опыт лечения британских солдат, получивших тяжелые ранения в Афганистане⁹.

Практически ценой своей жизни Малала в одночасье, благодаря объединяющей и мобилизующей силе социальных сетей, смогла консолидировать не только значительную часть пакистанцев, но и мировое сообщество против исламистского террора, в защиту прав детей на образование. Активной гражданской позицией она смогла доказать созидательную роль просвещения в построении современного общества, свободного от насилия и террора.

Малала Юсуфзаи фактически стала символом борьбы за право девочек на образование не только в самом Пакистане, но и во всем мире. Ее заслуги в борьбе за права женщин были высоко оценены международным сообществом. В январе 2013 г. Малала получила премию Симоны де Бовуар, учрежденную в честь столетнего юбилея со дня рождения известной французской писательницы и философа (1908–1986), а также была номинирована на Нобелевскую премию мира за 2013 г.¹⁰

Надо сказать, что от рук боевиков пострадали также и две другие ученицы – Шазия Рамазан (13 лет) и Каинат Риаз (16 лет), находившиеся вместе с Малалой на момент покушения в школьном автобусе, развозившем детей по домам после завершения занятий. Они тоже получили пулевые ранения. Спустя месяц, после прохождения необходимого лечения в больнице, девочки вновь приступили к занятиям в школе, несмотря на угрозы со стороны талибов покончить с «секулярным образованием»¹¹. Они пообещали и дальше продолжать дело своей прославленной школьной подруги в защиту прав девочек на образование.

Местные власти небезосновательно ужесточили меры безопасности в связи с сохраняющейся в Мингоре напряженностью и возможностью новых атак талибов на учебные заведения города. По многочисленным сообщениям пакистанской прессы, случаи поджогов и нападений на школы, убийства учителей и учеников, особенно в северо-западных районах страны, продолжают¹². Так, список погибших от рук боевиков пополнился очередной жертвой. Ею стала учительница начальной женской школы небольшого населенного пункта Шахаз, недалеко от г. Джамруд, расположенного на территории

племен между Пешаваром – административным центром провинции Хайбер-Пахтунхва и границей с Афганистаном. Ее расстреляли по дороге на работу, куда она, как обычно, направлялась 26 марта 2013 г. для проведения занятий и обучения современным знаниям своих учениц¹³.

В одном из своих интервью Малала Юсуфзаи сказала, что мечтает создать свою партию, основной задачей которой была бы защита фундаментального права всех детей, как мальчиков, так и девочек, на получение образования. Ее искренним желанием было служить своей стране и всему человечеству в целом «вне зависимости от того, какую форму примет это служение»¹⁴. Можно согласиться с оценкой тогдашнего премьер-министра Пакистана Раджи Первеза Ашрафа, назвавшего Малалу Юсуфзаи «истинным лицом Пакистана»¹⁵.

Призыв ООН о проведении 10 ноября 2012 г. международного дня поддержки и солидарности с Малалой Юсуфзаи нашел широкий отклик у миллионов людей из более чем 100 стран мира. Все они высказались за выдвижение пакистанской девочки на Нобелевскую премию мира за ее правозащитные и миротворческие заслуги перед человечеством.

Специальный посланник ООН по вопросам образования Гордон Браун на состоявшейся в Исламабаде 9 ноября 2012 г. встрече с президентом Пакистана Асифом Али Зардари передал ему коллективные обращения представителей пакистанской и международной общественности, под которыми было поставлено более 2 млн подписей с выражением поддержки усилий Малалы Юсуфзаи, направленных на предоставление доступа к образованию всем детям. В ответ прозвучали заверения пакистанского президента об осуществлении совместных действий с ООН по обеспечению обязательного бесплатного образования и предоставлению доступа к знаниям для более 5,1 млн пакистанских детей (свыше 3 млн из них составляют девочки), не охваченных до сих пор школьным обучением¹⁶.

Всемирная поддержка и консолидация всех гражданских сил Пакистана в лице различных женских, студенческих, преподавательских, религиозных неправительственных объединений, ассоциаций и федераций перед осознанной в полной мере исламистской угрозой столкновения страны в чудовищную пропасть невозврата способствовали активизации государственных рычагов власти. 13 ноября 2012 г. парламент Пакистана единогласно принял Закон о праве на бесплатное обязательное образование, рассмотрение которого было инициировано Сидой Икбал и Ясминой Рехман (женщинами-парламентариями, членами Пакистанской народной партии, имевшей большинство мест в парламенте страны).

Закон направлен на привлечение в общеобразовательную школу всех детей в возрасте от 5 до 16 лет, повышение качества образования путем развития образовательной инфраструктуры, подготовки и повышения квалификации педагогических кадров, соотнесения содержания образования с современными общемировыми стандарта-

ми. Он, в частности, предписывает сохранение 10-процентной квоты для обучения детей из малоимущих семей в частных учебных заведениях. В законе также предусматривается наложение наказания на родителей, отказывающихся посылать своих детей в школу. Им грозит штраф в размере 25 тыс. пакистанских рупий и заключение под стражу на период до трех месяцев. Новым законом оговорено также наказание для работодателей, использующих наемный детский труд (штраф в пользу государства в размере 50 тыс. пакистанских рупий и 6 месяцев лишения свободы). Предусматривается и усиление государственного контроля за деятельностью частных учебных заведений, ужесточение критериев их регистрации¹⁷.

В обществе растет осознание социальной значимости женского образования. Как показали результаты репрезентативного опроса общественного мнения среди жителей всех четырех провинций страны, проведенного пакистанским Исследовательским Фондом Гиллани (ИФГ) – филиалом Международного исследовательского Института Гэллага (МИИГ), большинство респондентов (66%) рассматривают образование в качестве важнейшего фактора улучшения социально-экономического положения женщин. Кроме того, 23% участников данного опроса связывают повышение общественного статуса женщин с наличием у них работы и, как следствие, их экономической независимостью от мужчин, а также с правом женщин принимать участие в планировании своей семьи. Кроме того, 19% опрошенных выделяют в этой связи и право женщин на участие в выборах, их доступ к мобильной связи (12%), социальным сетям (8%) и средствам массовой информации (8%)¹⁸.

Стоит отметить, что пакистанские женщины все более активно включаются в политическую жизнь страны. Так, в прошедших 11 мая 2013 г. всеобщих парламентских выборах число женщин-выборщиков составило, по данным Национального избиркома, почти половину всего электората, внесенного в общий список избирателей (37,56 млн женщин из 86,13 млн выборщиков)¹⁹. И активное участие женского сегмента в этих выборах во многом может определить их исход.

Интрига предстоящих выборов заключается в том, что впервые за всю историю независимого развития Пакистана парламент смог полностью отработать весь пятилетний срок своих полномочий, создав тем самым уникальную предпосылку законной демократической смены власти в рамках проведения всеобщих выборов в законодательный орган страны. Все предыдущие созывы распускались досрочно в связи с военными переворотами и политическими кризисами. Новый исторический рубеж в определенной мере свидетельствует об укреплении гражданского общества и демократических институтов в Пакистане в результате постепенного перехода от номинальной демократии к реальной.

Подтверждением тому могут также служить и результаты внутрипартийных выборов, проведенных с октября 2012 г. по март 2013 г. на местном, региональном и провинциальном уровнях относительно

новым актором на политической сцене Пакистана – Движением за справедливость (Техрик-е-Инсаф). Данную партию возглавляет выходец из пуштунской семьи среднего сословия, бывший капитан Национальной команды по крикету, а ныне известный политик и филантроп Имран Хан. Созданная им в 1996 г. партия, как считают некоторые наблюдатели, является первым политическим игроком, отошедшим от традиционно клановой политической культуры пакистанского общества с ее принципами номинальной демократии.

Претендуя на демократию, пакистанские партии, по справедливой оценке западных экспертов, «фактически функционируют как династические автократии, в которых нет внутрипартийных выборов, а все ключевые решения и назначения принимаются главой династии и его или ее ближайшими родственниками и советниками»²⁰. При этом партийное лидерство переходит от одного члена семьи к другому по наследству. К таким своего рода «монархическим династиям» сами пакистанцы относят около 100 семейных кланов страны, включая семью Бхутто, Шарифов и др.²¹

Можно сказать, что проведение Движением за справедливость широкомасштабных внутрипартийных выборов способствовало не только укреплению его позиций в пакистанском обществе, но и во многом наметило перспективу формирования новой политической культуры страны, основанной на реальной демократии, широком представительстве пакистанских граждан, включая женщин, в органах управления государством²². Так, в результате проведения внутрипартийных выборов всего было избрано 80 тыс. руководящих членов ДС, среди них женщины составили значительное не квотируемое, а выборное путем голосования представительство (23 тыс. женщин)²³. Большинство из них – это образованная, продвинутая молодежь.

Вместе с тем приверженность традиционным для пакистанского общества мусульманским устоям и обычаям продолжает сохраняться. В частности, 76% респондентов, принявших участие в очередном опросе общественного мнения ИФГ МИИГ, склоняются к необходимости раздельного обучения мальчиков и девочек в учебных заведениях. За возможность их совместного обучения высказался лишь 21% опрошенных²⁴.

В целом по стране уровень грамотности среди пакистанцев в возрастной категории старше 10 лет составляет лишь 58% (мужчины – 69%, женщины – 46%). Данный показатель в городской местности (74%) значительно превышает сельский (49%). Наблюдаются различия в уровне грамотности по провинциям: Панджаб (60%), Синд (59%), Хайбер-Пахтунхва (50%) и Белуджистан (41%)²⁵.

Неудивительно, что при таких показателях Пакистан по индексу развития человеческого потенциала, рассчитываемого не только с учетом измерения уровня жизни населения, его долголетия, грамотности и образованности, но также на основе индикаторов внутреннего плана, связанных с социально-экономическим и гендерным неравенством, занимает 145-е место среди 187 стран мира²⁶.

Развитие образования наряду с отсутствием стабильности и безопасности в стране сдерживается его недостаточным финансированием. Так, в новом бюджете страны на 2012/13 фин. год расходы на образование составляют лишь 2,3% ВВП вместо рекомендованного ЮНЕСКО минимума государственных ассигнований на эти цели (4%). Для сравнения – военные расходы достигают 18,4% ВВП. Кроме того, ощущается острая нехватка педагогических кадров: общеобразовательные школы укомплектованы учителями лишь наполовину²⁷.

Принятый в стране новый Закон о праве на бесплатное обязательное образование (2012) распространяется пока только на территории, находящиеся в административном подчинении федеральному правительству Пакистана. Для вступления в силу данного закона на территории всей страны необходимо утвердить соответствующие биллы законодательными органами всех провинций.

Хочется надеяться, что за принятием данного закона, который стал результатом совместных усилий государства и гражданского общества, противостоящих напору исламистского террора, направленного на уничтожение современной системы образования, последуют реальные шаги по его претворению в жизнь. И он не станет просто дублированием внесенной в пакистанскую Конституцию 18-й поправки (ст. 25 А) или очередной декларацией намерения государства решить проблему образования в стране в целом и женского в частности, а будет планомерно исполняться с опорой на само гражданское общество, активной и созидательной частью которого все больше становятся просвещенные пакистанские женщины.

Его реализация потребует немалых средств. И здесь, понятно, в свете последних событий Пакистан может рассчитывать на всестороннюю помощь международного сообщества. На состоявшейся в штаб-квартире ЮНЕСКО 10 декабря 2012 г. международной конференции, приуроченной к празднованию Дня защиты прав человека, который прошел под лозунгом «Встанем на защиту Малалы! Встанем на защиту права девочек на образование!», был, в частности, учрежден Фонд Малалы для развития женского образования не только в самом Пакистане, но и в мире в целом. Пакистан первым внес в этот фонд 10 млн долл.²⁸ Намерения о перечислении в него своей Нобелевской премии мира за 2012 г. в размере 1,2 млн долларов высказали ранее представители Европейского союза²⁹.

Отец юной правозащитницы Зияуддин Юсуфзаи был назначен спецпредставителем ООН по вопросам глобального образования. Будучи педагогом и правозащитником, он прекрасно осознает всю важность развития женского образования. Претворение в жизнь «Плана Малалы», направленного на предоставление к 2015 г. всеобщего доступа к образованию женского населения планеты, включая Пакистан, будет способствовать практической реализации основных установок Всемирной Декларации ООН по образованию для всех, а также международной Программы «Цели Развития Тысячелетия».

Верится, что совместные усилия мирового сообщества увенчаются успехом, а женское образование будет рассматриваться в качестве важнейшего фактора политической, экономической и социальной трансформации не только отдельно взятого государства, но и всего общемирового пространства. И в этом процессе созидательного цивилизационного развития Пакистан, ставший на путь гражданского становления общества с опорой на лучшие свои национально-религиозные особенности и традиции, должен сыграть не последнюю роль.

Примечания

¹ The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan (1973). Islamabad: Printing Corporation of Pakistan Press, 1973. P. 11, 14, 16, 17, 18, 19.

² Constitution (Eighteenth) Amendment Act, 2010. – <http://www.pak.gov.pk/Constitution30April2010.pdf>.

³ FATA – A Most Dangerous Place. Meeting the Challenge of Militancy and Terror in the Federally Administered Tribal Areas of Pakistan. Center for Strategic and International Studies. Wash., January 2009 (electronic version).

⁴ Tushar Ranjan Mohanty. Blind Spot in FATA. – South Asia Intelligence Review. Weekly Assessments & Briefings. Volume 10, No. 27, January 9, 2012 (electronic version).

⁵ Dawn, 01.01.2013 (electronic version).

⁶ Dawn, 12.12.2012 (electronic version).

⁷ Dawn, 14.07.2010 (electronic version).

⁸ Ambreen Agha. Destroying the Future. South Asia Intelligence Review. Weekly Assessments & Briefings. Vol. 11, № 15, October 15, 2012 (electronic version); The New York Times, 09.10.2012 (electronic version).

⁹ Dawn, 15.10.2012; 04.02.2013, etc. (electronic version).

¹⁰ Dawn, 09.01.2013; 01.02.2013 (electronic version).

¹¹ Dawn, 22.11.2012 (electronic version).

¹² Dawn, 12.11.2012; 14.11.2012; 21.11.2012; 24.11.2012; 06.12.2012, etc. (electronic version).

¹³ Dawn, 26.03.2013 (electronic version).

¹⁴ Eighth grader stood up against terrorism for education! – 05.04.2012. <https://www.youtube.com/watch?v=nME-TeBAfmU>.

¹⁵ Dawn, 13.10.2012 (electronic version).

¹⁶ Dawn, 09.11.2012 (electronic version).

¹⁷ Dawn, 13.11.2012 (electronic version).

¹⁸ Press Release. Opinion poll, 14.03.2013. – <http://www.gallup.com.pk>.

¹⁹ The News, 23.03.2013 (electronic version).

²⁰ Anatol Lieven. Pakistan. A Hard Country. London, 2011. P. 80.

²¹ Dawn, 21.03.2013 (electronic version).

²² Более подробно об этом см. также: Серенко И.Н. Пакистан: переход от номинальной демократии к реальной? – 22.03.2012. <http://www.iimes.ru>.

²³ Dawn, 24.03.2013 (electronic version).

²⁴ Press Release. Opinion poll, 12.02.2013. – <http://www.gallup.com.pk>.

²⁵ Pakistan Economic Survey 2011–2012. Ministry of Finance, Government of Pakistan. Islamabad, 2012. P. 138 (electronic version).

²⁶ UNDP, Human Development Report (2011). <http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/PAK.html>.

²⁷ Dawn, 13.10.2012 (electronic version).

²⁸ Dawn, 12.12.2012 (electronic version).

²⁹ Business Recorder, 14.11.2012 (electronic version).

*А.Л. Филимонова**

ПАКИСТАН: УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА

В системе органов государственной власти Пакистана институт Верховного суда занимает особое место. Официальная сфера его полномочий оговорена в Конституции 1973 г. и включает в себя арбитражную и консультативную функции, а также функцию высшей апелляционной инстанции¹.

Таким образом, формальные полномочия Верховного суда не подразумевают его непосредственного участия в политической жизни страны. Однако для понимания истинного положения данного института на современном этапе необходимо рассматривать его деятельность в контексте всей государственной истории Пакистана.

Пакистанский Верховный суд (до 1956 г. функционировал под названием Федеральный суд) был создан в 1948 г., т.е. за 8 лет до принятия первой Конституции страны. Несмотря на периодическое чередование у власти военных и гражданских режимов, которое дважды сопровождалось отменой действующей Конституции, Верховный суд с момента своего учреждения функционировал непрерывно; это способствовало не только закреплению за ним статуса самого устойчивого государственного органа, но и росту его авторитета. Все военные администраторы, совершавшие государственные перевороты и вводившие военное положение, в первую очередь добивались одобрения своих действий со стороны Верховного суда, легитимируя таким образом свою власть². Гражданские же лидеры рассматривали данный институт как барометр общественных настроений и возможного союзника в противостоянии военным режимам. В частности, после военного переворота, организованного в 1977 г. командующим армией Мухаммадом Зия-уль-Хаком, правившая до этого Пакистанская народная партия (ПНП) направила в Верховный суд петицию, оспаривая конституционность произошедшего³. Аналогичным образом в 1999 г. поступила Пакистанская мусульманская лига Наваз Шарифа – ПМЛ(Н): депутат от этой партии Зафар Али Шах потребовал от Верховного суда признать «незаконным и антиконституционным» приход к власти командующего армией Первеза Мушаррафа и восстановить действие в стране парламентских институтов⁴. Как та, так и другая петиция были отклонены Верховным судом, однако стремление гражданских политиков добиться от него поддержки в такой ситуации само по себе показательны.

* Филимонова Алина Леоновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель ИСАА при МГУ.

Анализ истории Пакистана свидетельствует о том, что в наибольшей степени влияние Верховного суда возрастает в период функционирования гражданских правительств, избранных демократическим путем. В этом отношении весьма показательна деятельность кабинетов Беназир Бхутто и Наваз Шарифа, сменявших друг друга у власти в период 1988–1999 гг. На данном этапе в политической жизни Пакистана на первый план вышла конкуренция двух представителей исполнительной власти: президента, который пользовался поддержкой со стороны гражданской бюрократии, и премьер-министра, который являлся главой демократически избранного правительства. Единственным конституционным способом разрешения противоречий между ними было обращение в Верховный суд, вследствие чего данный институт начал играть роль арбитра в противостоянии гражданских лидеров, а его поддержка стала показателем устойчивости того или иного правительства. Так, когда в апреле 1993 г. президент Гулам Исхак Хан распустил правительство и парламент, отправленный в отставку премьер-министр Наваз Шариф подал петицию в Верховный суд. Суд признал действия президента неконституционными и восстановил Наваз Шарифа в должности⁵.

Рост авторитета позволил Верховному суду существенно расширить свои полномочия. Изначально по Конституции он мог начать действовать только после обращения либо представителей федерального или провинциальных правительств (арбитражная функция), либо президента (консультативная функция), либо лиц, подающих апелляцию на уже вынесенное другим судом решение (апелляционная функция)⁶. Но в 1997 г. Верховный суд взял на себя право инициировать судебные процессы «по вопросам, представляющим общественный интерес». Данное полномочие Верховного суда получило название «суо мото» («Suo moto»), т.е. «по собственной инициативе»⁷.

В качестве обоснования принципа «суо мото» в Пакистане был использован 3-й пункт 184-й статьи Конституции, который заключается в следующем: «Если Верховный суд сочтет, что какой-либо вопрос представляет общественный интерес и затрагивает основные [конституционные] права... то Верховный суд имеет право вынести свое распоряжение по этому вопросу...»⁸ Формальный повод для рассмотрения подобных дел – петиция (частная или коллективная), которую может направить в Верховный суд любой гражданин Пакистана вне зависимости от степени его личной вовлеченности в данный вопрос. Инспирированные таким образом расследования с самого начала в основном раскрывали случаи злоупотребления властью со стороны чиновников, коррупции государственных структур и растраты государственных средств. Это способствовало стремительному росту популярности Верховного суда среди простого населения, а также закреплению за ним репутации независимой и прозрачной структуры.

После введения в Пакистане чрезвычайного положения в 1999 г. и очередной смены власти новый глава государства командующий армией П. Мушарраф вынужден был не только заручиться формаль-

ным одобрением Верховного суда, но и постоянно считаться с ним⁹. О степени влияния Верховного суда в этот период свидетельствует и то, что П. Мушарраф дважды безуспешно пытался поставить его под свой контроль.

9 марта 2007 г. верховный судья Ифтикар Мухаммад Чоудхри был временно отстранен от должности и обвинен в злоупотреблении полномочиями¹⁰. Однако этот шаг П. Мушаррафа спровоцировал массовые выступления как оппозиции, так и пакистанского судебного сообщества, которое организовало так называемый «марш протеста юристов»¹¹. Настолько масштабное движение в защиту верховного судьи, по всей видимости, стало неожиданностью для правящего режима¹². В результате, когда 20 июля Верховный суд постановил восстановить И.М. Чоудхри в должности¹³, П. Мушарраф не стал оспаривать это решение.

Тем не менее противостояние между исполнительной и судебной властями продолжилось, и вскоре конфликт вспыхнул вновь. 6 октября П. Мушарраф был переизбран в качестве президента, однако Верховный суд поставил под сомнение законность этого события, поскольку, согласно пакистанской Конституции, один и тот же человек не имеет права занимать одновременно военную и гражданскую должности. В результате П. Мушарраф, обвинив членов Верховного суда в попытке «саботировать борьбу с терроризмом и экстремизмом», 3 ноября ввел в стране чрезвычайное положение¹⁴. Часть судей во главе с верховным судьей И.М. Чоудхри отказались признать законность действий П. Мушаррафа и 3 декабря были отправлены им в отставку. Эти события вызвали огромный общественный резонанс и привели к глубокому политическому кризису, итогом которого стала отставка 18 августа 2008 г. самого П. Мушаррафа.

Восстановление плюрализма в политической жизни страны вновь усилило значение Верховного суда. Демократически избранное коалиционное правительство ПНП, сформированное в феврале 2008 г., с первых же месяцев начало ощущать на себе его давление. Такое положение вещей не вызывает удивления, если принять во внимание нестабильность правящей коалиции: ее состав в 2008–2011 гг. семь раз претерпевал изменения¹⁵. В сложившейся ситуации Верховный суд шел (и продолжает идти) на самые разные меры, дабы продемонстрировать свое влияние и еще больше укрепить свой авторитет.

Необходимо отметить важную особенность Верховного суда, которая позволяет ему всегда «держат руку на пульсе» политической жизни Пакистана. При относительной прозрачности и упорядоченности деятельности судебных структур точные сроки рассмотрения конкретных дел рассчитать крайне сложно. Хронологические рамки формирования судебных коллегий определяются верховным судьей, а количество заседаний, необходимых для вынесения решения, никак не ограничено. Это обстоятельство в сочетании с принципом «суо мото» позволяет Верховному суду вести собственную политическую игру и в то же время согласовывать свои действия с общественным мнением.

В качестве примера можно привести развитие антикоррупционного дела против ныне действующего президента Пакистана Асифа Али Зардари. Напомним, что А.А. Зардари, как и ряд других ведущих деятелей ПНП, смог вернуться в Пакистан из эмиграции и вновь включиться в политическую жизнь страны только на основании Указа о национальном примирении, подписанного президентом П. Мушаррафом 5 октября 2007 г. Данный указ даровал амнистию политикам и чиновникам, которые были обвинены в коррупции, растрате, отмывании денег, убийстве или терроризме в период с 1 января 1986 г. по 12 октября 1999 г. (т.е. от отмены М. Зия-уль-Хаком военного положения до военного переворота П. Мушаррафа). Все возбужденные в этот период якобы «по политическим мотивам» уголовные дела должны были быть закрыты, а уже вынесенные судебные решения – отменены¹⁶.

Первые петиции, направленные против Указа о национальном примирении, поступили в Верховный суд почти сразу же после его подписания – 6–8 октября 2007 г.¹⁷ Однако рассмотрение этих петиций в период пребывания у власти П. Мушаррафа было приостановлено.

Верховный суд признал Указ о национальном примирении не соответствующим Конституции 16 декабря 2009 г. – в период обострения в обществе антиправительственных настроений, связанных с неудачными контртеррористическими операциями (октябрь–декабрь 2009 г.)¹⁸. Это решение еще больше поколебало позиции правящего коалиционного правительства ПНП, поскольку именно представители этой партии и ее союзники из МКМ оказались под ударом¹⁹. В соответствии с вынесенным постановлением Верховный суд возобновил все закрытые ранее антикоррупционные дела и предписал премьер-министру Юсуфу Раза Гилани направить запрос властям Швейцарии, с тем чтобы последние вновь начали коррупционное разбирательство в отношении А.А. Зардари. Противостояние судебной и исполнительной властей продолжалось два года и привело к отставке Ю.Р. Гилани 19 июня 2012 г.²⁰ Примечательно, что окончательное постановление о несоответствии Ю.Р. Гилани занимаемой должности было принято Верховным судом на основании петиций оппозиционных партий ПМЛ(Н) и Пакистан техрик-и инсаф (Пакистанское движение за справедливость)²¹, которые до этого массово выводили своих сторонников на улицы и организовывали марши протеста, требуя отставки премьер-министра. Таким образом, Верховный суд в очередной раз подкрепил свое решение поддержкой социально активной части общества. Сменивший Ю.Р. Гилани Раджа Первез Ашраф в конечном итоге был вынужден отправить в Швейцарию искомым запрос²².

В то же время необходимо отметить, что Верховный суд последовательно стремится продемонстрировать собственную непредвзятость и подчеркнута дистанцируется от сведения счетов с конкретными политиками. Ярким примером этого служит развитие так называемого «мемогейта» – дела о письме, якобы направленном от имени президента А.А. Зардари в администрацию США в мае 2011 г. В письме-меморандуме глава Пакистана якобы просил у Вашингтона

помощь в отстранении от должностей руководства пакистанской армии, которое предположительно готовило военный переворот²³. Рассмотрение «мемогейта» проходило в Верховном суде с 30 декабря 2011 г. до 18 мая 2012 г. Расследовавшая обстоятельства дела юридическая комиссия постановила, что каких-либо доказательств причастности А.А. Зардари к составлению или отправке документа не выявлено.

При этом параллельно Верховный суд проводил слушание дела о наличии у парламентариев федерального и провинциального уровней двойного гражданства²⁴. Результаты расследования были крайне неприятны для правящей коалиции: ВС приостановил полномочия 19 депутатов, среди которых оказались 9 членов ПНП (в том числе советник президента А.А. Зардари Фарахназ Исфакхани и федеральный министр внутренних дел Рахман Малик) и по одному депутату от МКМ и ПМЛ(К). Однако под удар попала также и оппозиционная ПМЛ(Н): семеро ее представителей лишились мандатов²⁵.

Таким образом, активность Верховного суда в расследовании случаев злоупотребления со стороны властной элиты не направлена против конкретной политической силы. При этом Верховный суд не следует считать абсолютно нейтральным институтом. Традиционно сильные в Пакистане этноклановые связи накладывают отпечаток на деятельность всех государственных структур – в том числе и судебных. И.М. Чоудхри, являющийся панджабцем по этнической принадлежности, в большей мере склонен поддерживать выходцев из провинции Панджаб, коих очень много, в частности, среди военной элиты²⁶. Тем не менее в сравнении с другими пакистанскими органами власти Верховный суд значительно более прозрачен в своей деятельности. Подобный подход обеспечивает данному институту весомый общественный авторитет. Согласно одному из последних опросов общественного мнения, 58% пакистанцев положительно оценивают работу Верховного суда и его влияние на жизнь страны²⁷. Выше рейтинг только у армии (77%), СМИ (68%) и религиозных лидеров (66%). Но если отношение к трем последним институтам меняется из года в год, то популярность Верховного суда является устойчивой величиной²⁸.

Это обстоятельство вынуждает политических деятелей самого широкого спектра подчиняться постановлениям Верховного суда и воздерживаться от критики его решений. События последнего десятилетия демонстрируют, что влияние Верховного суда в Пакистане стабильно велико и основной вопрос заключается в том, насколько разумно это влияние будет использоваться в будущем.

Примечания

¹ Подробнее см.: Constitution of Pakistan. Part VII. Articles 184–186. – <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/part7.ch2.html>.

² Военные режимы устанавливались в Пакистане четыре раза (режим Мухаммада Айюб Хана в 1958–1962 гг., Ага Мухаммада Яхья Хана в

1969–1972 гг., Мухаммада Зия-уль-Хака в 1977–1985 гг., Первеза Мушаррафа в 1999–2002 гг.).

³ Подробнее см.: Pakistan Peoples Party Official website. – http://www.ppp.org.pk/life_legacy.html.

⁴ The Tribune, 16 November 1999. Court Moved On Pak Takeover, Sharif's Ex-allies Plead Not Guilty. – <http://www.tribuneindia.com/1999/99nov16/world.htm#1>.

⁵ Правда, в июле 1993 г. ради преодоления политического кризиса президент и премьер-министр были вынуждены одновременно уйти в отставку. Подробнее см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008. С. 373.

⁶ Подробнее см.: Constitution of Pakistan. Part VII. Articles 184–186.

⁷ Верховный суд Пакистана перенял практику «суо мото» из Индии: там термин «суо мото» появился в 1990 г., когда индийский Верховный суд вынес судебное предписание на основании телеграммы, отправленной рабочими против своего работодателя Даршана Масиха. Так появилась практика, когда Верховный суд по собственной инициативе, опираясь на частные письма или сообщения СМИ, начинал рассматривать те или иные вопросы (судебная процедура в таких случаях предельно упрощена).

⁸ Constitution of Pakistan. Part VII. Article 184.

⁹ Подробнее см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Указ. соч. С. 411.

¹⁰ В частности, утверждалось, что И.М. Чоудхри незаконно устроил своего сына в медицинский колледж, использовал не соответствующие его статусу автомобили, заставлял чиновников оказывать ему излишние почести. Подробнее см.: BBC News, 19 March 2007. – http://www.bbc.co.uk/urdu/pakistan/story/2007/03/070319_presidents_reference_sq.shtml.

¹¹ Подробнее см.: Ali Khan L. A Lawyers' Mutiny in Pakistan. – Jurist Legal News and Research, 30 May 2007: <http://jurist.law.pitt.edu/forumy/2007/05/lawyers-mutiny-in-pakistan.php>.

¹² Такого мнения придерживается, в частности, В.Я. Белокреницкий. См.: Белокреницкий В.Я. Пакистан: военные уходят? – 23 июля 2007. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/23-07-07.htm>.

¹³ Подробнее см.: Short Order in Restoration of CJ Case. Constitutional Petition, № 21, 20 July 2007: <http://pakistanconstitutionlaw.com/short-order-dated-20th-of-july-2007-issued-by-the-supreme-court-of-pakistan-in-the-matter-of-the-reference-against-chief-justice-of-pakistan-mr-iftikhar-muhammad-chaudhrys-petition-under-article-2>.

¹⁴ Подробнее см.: Guardian, 28 November 2007. – <http://www.guardian.co.uk/world/2007/nov/28/pakistan.matthewweaver2>.

¹⁵ Первоначально правительство составили ПНП, ПМЛ(Н), Авами нешнл партии (Народная национальная партия, АНП), Джамаат-уль-улама-и ислам (Партия исламских богословов, ДУИ) и Мутахида кауми мувмент (Объединенное национальное движение, МКМ). 25 августа 2008 г. из коалиции вышла ПМЛ(Н), 15 декабря 2010 г. – ДУИ, 2 января 2011 г. – МКМ. 8 января 2011 г. МКМ вернулась в правительство, а 20 мая 2011 г. в него вошла Пакистанская мусульманская лига Каида-и Азама (ПМЛ[К]). 27 июня 2011 г. МКМ вновь покинула коалицию, но 6 октября 2011 г. снова вернулась в нее.

¹⁶ Подробнее см.: National Reconciliation Ordinance, 5 October 2007. – <http://www.pakistani.org/pakistan/legislation/2007/NationalReconciliationOrdinance.html>.

¹⁷ Подробнее см.: Dawn, 7 October 2007. Petitions Moved In SC, LHC Against Indemnity Deal. – <http://archives.dawn.com/2007/10/07/top2.htm>; Daily Times, 09 October 2007. Dr Mubashir Hassan Moves SC Against NRO. – http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=2007%5C10%5C09%5Cstory_9-10-2007_pg7_30.

¹⁸ Свое решение Верховный суд обосновал тем, что Указ о национальном примирении противоречит положению о равенстве всех граждан перед законом. Подробнее см.: NRO. The Supreme Court Verdict, 23 October 2011. – <http://www.topics.onepakistan.com.pk/nro-pakistan>.

¹⁹ Стоит отметить, что именно коалиционное правительство ПНП санкционировало пребывание И.М. Чоудхри на посту верховного судьи: 16 марта 2009 г. премьер-министр Ю.Р. Гилани восстановил в должности судей, уволенных согласно указу П. Мушаррафа, в том числе и верховного судью И.М. Чоудхри. Правда, это решение было принято правительством под сильным давлением оппозиции. Глава ПМЛ(Н) Наваз Шариф еще в феврале 2009 г. призвал своих сторонников выходить на улицы, а 11 марта провозгласил начало так называемого «длинного марша» на Исламабад, целью которого было восстановление предыдущего состава Верховного суда. Подробнее см.: Pakistan Long March, 23 November 2009. – <http://topics.onepakistan.com.pk/pakistan-long-march>.

²⁰ 13 февраля 2012 г. Верховный суд обвинил Ю.Р. Гилани в неуважении к суду (неуважение заключалось в отказе направить запрос руководству Швейцарии), а 26 апреля признал его виновным.

²¹ Подробнее см.: The News, 19 June 2012. Gilani Disqualified As PM: SC. – <http://www.thenews.com.pk/article-55039-Supreme-Court-disqualifies-PM-Gilani>.

²² Подробнее см.: The News Tribe, 9 November 2012. NRO Letter Conveyed To Swiss Authorities. – <http://www.thenewstribes.com/2012/11/09/swiss-letter-conveyed-to-switzerland-authorities-pakistani-official-confirms>.

²³ Подробнее см.: Rahman, B. Pakistan: Making Sense Out Of War Of Nerves & War Of Tweets. Paper, № 4854, 12-Jan-2012. – <http://www.southasiaanalysis.org/papers49/paper4854.html>.

²⁴ Примечательно, что петиция в Верховный суд с требованием выявить и привлечь к ответу недобросовестных депутатов поступила от «рядового гражданина» Ахтара Мехмуда Накви, который, по его словам, действовал по собственной инициативе (The Express Tribune, 13 March 2012. Evading Laws: SC Demands Details Of Dual National Legislators. – <http://tribune.com.pk/story/349277/evading-laws-sc-demands-details-of-dual-national-legislators>).

²⁵ The News, 20 September 2012. Dual Nationality: SC Disqualifies MPs. – <http://www.thenews.com.pk/article-68447-Dual-nationality-SC-disqualifies-MPs>.

²⁶ Не случайно именно базилирующая в Панджабе партия ПМЛ(Н) возглавила движение за восстановление в должности И.М. Чоудхури в феврале–марте 2009 г.

²⁷ При этом рейтинг национального правительства – только 24%, а президента – 12% (Pew Research Center. Global Attitudes Project, 27 June 2012. – <http://www.pewglobal.org>).

²⁸ Ibid.

*Н.А. Замараева**

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАКИСТАНСКОЙ АРМИИ И ГРАЖДАНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР (2008–2012)

Особенности военно-гражданских отношений в 2008–2012 гг., уход армии из политики, субъективные и объективные причины ее нейтралитета по ряду вопросов внутренней политики и одновременно ее активная позиция в урегулировании конфликтов между политическими партиями, политиками и судебными властями, участие генералитета в выработке стратегии внешней политики, борьба армии с терроризмом и некоторые другие вопросы являются предметом настоящей статьи.

В период чрезвычайного положения (ЧП) (1999–2002) в руках генерала Первеза Мушаррафа, пришедшего к власти в результате переворота в октябре 1999 г., была сосредоточена вся высшая государственная власть¹. После отмены ЧП вновь заработали исполнительные и законодательные органы страны. Но с принятием в 2003 г. 17-й поправки к основному закону страны конституционные полномочия президента были значительно расширены. Одновременно он занимал высший военный пост (до 28 ноября 2007 г.). В период такого, можно сказать, военно-парламентского правления генерал-президент П. Мушарраф получил право отправлять в отставку федеральное правительство, распускать Национальную ассамблею, провинциальные законодательные собрания, снимать с должностей губернаторов провинций, назначать военное руководство и т.д.² П. Мушарраф поддерживал концепцию усиления официальной роли военных в управлении³. При нем в государственную структуру Пакистана внедрялось руководство вооруженных сил. Одной из задач созданного в те годы Совета национальной безопасности (СНБ) был контроль за действиями правительства⁴.

Армия беспрекословно выполняла приказы главы государства по наведению порядка в сфере экономической деятельности, борьбе против исламистских экстремистов и террористов⁵. Офицеры занимали высокие должности в государственных учреждениях страны⁶. Обычной практикой для вышедших в отставку военнослужащих стало руководство крупными государственными компаниями и т.д. Однако попытка осуществить идею полувоенного правления закончилась политическим кризисом, разразившимся в 2007 г.

* Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Конец 2007 – начало 2008 г. стали переломным периодом в политической истории страны. Турбулентность событий – победа генерала П. Мушаррафа на президентских выборах на второй срок, последовавшая вслед за ними его отставка с поста начальника штаба армии, начало избирательной кампании, возвращение в страну опальных политиков Беназир Бхутто и Наваз Шарифа, крайне непопулярное решение президента о введении чрезвычайного положения, убийство в конце декабря Б. Бхутто и т.д. – оказала решающее влияние на электорат и, соответственно, результаты выборов в законодательные органы власти.

Победу на всеобщих парламентских выборах 18 февраля 2008 г. одержали Пакистанская народная партия (ПНП) и Пакистанская мусульманская лига Наваз Шарифа – ПМЛ(Н). Созданная П. Мушаррафом Пакистанская мусульманская лига была отброшена на третье место.

В марте 2008 г. было сформировано новое правительство, обладавшее к тому же большинством мест в парламенте по итогам выборов. Главой правительства стал один из лидеров ПНП Юсуф Раза Гилани. Подавляющее большинство парламентариев были настроены оппозиционно по отношению к П. Мушаррафу. Его имя в Пакистане ассоциировалось с всевластием генералитета. В обществе настаивали на возврате к классической модели военно-гражданских отношений – «верховенство гражданских учреждений и политический нейтралитет армии». Это полностью совпадало с положениями Конституции Пакистана (принятой еще в 1973 г.) о том, что «федеральное правительство осуществляет контроль и командование Вооруженными силами»⁷.

Многие политики опасливо смотрели в сторону нового начальника штаба сухопутных войск генерала Ашфака Первеза Кияни, который только 28 ноября 2007 г. из рук П. Мушаррафа получил кортик как знак высшего воинского отличия Пакистана. Военное командование еще в предвыборный период заявило о нейтралитете в избирательной кампании и готовности в ответ на требование правительства наряду с другими правоохранительными органами поддержать законность и правопорядок в стране.

Генералитет признал итоги всеобщих выборов 2008 г., поддержал избранный федеральный кабинет министров, подтвердил выполнение своих функций в конституционных рамках, подчеркнув, что армия останется в стороне от политики.

Но, как показали дальнейшие события, уход армии из официальной политики не означал ослабления ее роли и места в государстве. Провозглашенное генералом А.П. Кияни достижение национального консенсуса стало программным при выстраивании отношений с гражданскими властями в 2008–2012 гг.

Избрание нового состава парламента превратило его в новый центр силы. Согласно нормам и традициям парламентской демократии, отрицалось вмешательство военных в процесс государственно-го управления.

Одной из первых мер нового правительства стала «чистка» государственных учреждений от присутствия военных. В первую очередь они были удалены из фискальных и контролирующих органов. Приказ об отъезде военных из гражданских учреждений на первом этапе коснулся 72 военнослужащих, в том числе 6 генерал-майоров. На втором этапе 46 офицеров, младшие офицеры, лица, занимавшие офицерские должности без производства в офицеры, должны были покинуть гражданские департаменты ввиду отсутствия необходимости в их услугах. Всего из гражданских ведомств к августу 2008 г. были отозваны 407 младших офицеров и 1210 лиц, занимавших офицерскую должность без производства в офицеры. Пяти высокопоставленным генералам было предложено освободить крупные должности в гражданском секторе. Среди них посты руководителей Национального бюро отчетности, Национальной почты, Агентства шоссейных дорог и т.д.

Гражданское правительство продолжало предпринимать шаги, направленные на «обуздание» армии. Сказывалась усталость от правления военных. Раскрытие военного бюджета стало одним из шагов в этом направлении. 18 июня 2008 г. рассматривался государственный бюджет на 2008/09 фин. год. Впервые с 1965 г. в парламенте Пакистана открыто обсуждались военные статьи. Генералитет критиковали за высокие расходы. Правящий блок сократил цифру военных расходов на 2008/09 фин. год, выделив 4,39 млрд долл., что было значительно меньше по сравнению с предыдущим 2007/08 фин. годом. Понятно, что это не вызвало одобрения у военных, но они промолчали. Забегая вперед, отметим, что военные статьи в последующем были примерно такими же: так, на 2010/11 фин. год они равнялись 17% от общего бюджета, а в 2011/12 фин. году – 18%⁸. Заметим также, что в прежние годы – как при гражданских, так и военных администрациях – правительство отчитывалось о структуре военных расходов ограниченному числу парламентариев, и статьи военного бюджета оставались темой, закрытой для общественности.

Коалиционное правительство (в начале сентября 2008 г. из коалиции вышла ПМЛ[Н]) предприняло попытку поставить под контроль Объединенную войсковую разведку (ОВР), передав ее под управление гражданского Министерства внутренних дел. Распоряжение было подготовлено, но под давлением генералитета его быстро отозвали.

Между тем члены нового парламента открыто демонстрировали неприязнь к президенту. Например, 30 марта 2008 г., в день присяги кабинета министров, многие его члены пришли с черными повязками на рукавах, демонстрируя отрицательное отношение к П. Мушаррафу, которому, согласно Конституции, они и давали клятву.

Усилившиеся антимушаррафовские настроения в обществе ассоциировались с борьбой за демократическое преобразование в стране. Сам П. Мушарраф оказался неподготовленным к новым условиям, налаживанию сотрудничества с оппозицией в Национальной ассамблее, с федеральным правительством и т.д. В июле 2008 г. коа-

лиционное правительство хотело поставить вопрос об импичменте, но не сделало этого из-за опасения вмешательства армии в конфликт. Доступные источники содержат крайне мало информации об отношениях президента П. Мушаррафа и начальника штаба армии А.П. Кияни. Представляется, что военный истеблишмент если и не поддерживал действовавшего президента, то и не выступал против него.

Все же 17 августа 2008 г. П. Мушарраф официально покинул свой пост. Многие в стране и за рубежом утверждали, что, несмотря на объявленный нейтралитет и невмешательство во внутривнутриполитическую жизнь, армия сохранит свое влияние на политические процессы в Пакистане и после ухода экс-генерала-президента.

В сентябре 2008 г., согласно Конституции, состоялись выборы нового президента. Им стал сопредседатель ПНП Асиф Али Зардари, овдовевший муж Б. Бхутто. Генералитет поддержал нового главу государства, подчеркнув, что между правительством и армией существует полное единство взглядов. А.А. Зардари унаследовал огромные конституционные полномочия, которых еще в 2003 г., согласно 17-й поправке, добился П. Мушарраф. Высшее офицерство одобрило и это.

Необходимо подчеркнуть, что парламентские и президентские выборы в 2008 г., изменение состава исполнительной и законодательной властей в Пакистане, наконец, отставка П. Мушаррафа – все это символизировало завершение периода военного правления в истории Пакистана.

Вместе с тем ни президент, ни премьер-министр не дали, как думается, должной оценки произошедшим социально-политическим изменениям. Интересно, что генералитет в лице А.П. Кияни оценил процесс завершения переходного кризисного периода (с 2007 г.) как позитивный и предпринял ряд шагов. Избрание нового главы государства предоставило возможность продвинуть по карьерной лестнице видных военачальников пакистанской армии, произвести кадровые перестановки. Семь генералов армии были удостоены звания генерал-лейтенанта, включая генерал-майора Ахмеда Шуджа Пашу, который через короткое время возглавил ОВР. Был назначен и новый начальник штаба ВМС – адмирал Н. Башир. А.П. Кияни в дальнейшем подтвердил, что глава государства А.А. Зардари в тот период предоставил ему все шансы укрепить свой авторитет в вооруженных силах и выполнить основную задачу – борьбу с терроризмом⁹.

В дальнейшем отношения между армией и новым главой государства складывались непросто. Генералитет осознавал, что А.А. Зардари поддерживают в Вашингтоне. Оказывая на него давление, США планировали контролировать Равалпинди (местонахождение штаба сухопутных войск Пакистана). Расставить точки над «i» помог случай. На второй день после инаугурации нового президента генерал А.П. Кияни заявил, что суверенитет и территориальная целостность страны будут защищены любой ценой и никакой внешней силе не позволено проводить военные операции на территории Пакистана.

Так он прокомментировал инцидент, когда в результате трансграничного рейда коалиционных сил США/НАТО на территорию Пакистана погибли гражданские лица. Президент промолчал¹⁰.

А.А. Зардари осторожно относился к могущественному военному истеблишменту, помня, что его тесть, премьер-министр Зульфикар Али Бхутто, был отстранен от власти в июле 1977 г. в результате военного переворота. Только спустя месяц после своего избрания А.А. Зардари посетил Равалпинди и встретился там с высшими военными руководителями.

В 2009 г. власти страны пытались разыграть армейскую карту, втянуть генералитет в противостояние между бывшими партийно-политическими союзниками – ПНП и перешедшей в оппозицию ПМЛ(Н). Стороны были непримиримы по вопросу восстановления в должности главного судьи Верховного суда Ифтикара Чоудхри, отправленного в отставку еще в ноябре 2007 г. – в период введенного П. Мушаррафом чрезвычайного положения.

Сообщество судей, адвокатов и юристов оказывало на федеральную администрацию беспрецедентное давление. Его поддерживала партия Наваз Шарифа, которая грозила организовать многотысячный «долгий марш протеста». Генералитет первоначально занял нейтральную позицию, не вмешивался в противостояние политических оппонентов. В критический момент генерал А.П. Кияни поддержал требование о восстановлении в должности И. Чоудхри, что помогло избежать кризиса. Генералитет в своих действиях руководствовался конституционными рамками. В то же время активизация роли армии в политической жизни страны диктовалась необходимостью реагировать на внутренние и внешние угрозы. По мнению многих, в Пакистане эффективно отразить вызовы был способен только один государственный институт – сильная, дисциплинированная, профессиональная армия.

Следует подчеркнуть, что угроза террористических актов смертников и усиление исламистского экстремизма представляли большую опасность для населения. Зимой–осенью 2008–2009 гг. боевики активизировались в ряде агентств Территории племен федерального управления (ТПФУ), долине Сват Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и других районах северо-запада страны. Пакистанская армия проводила локальные военные операции в зоне пуштунских племен (ТПФУ) против боевиков начиная с 2002 г.¹¹

Новые власти Пакистана подвергли жесткой критике позицию прежнего руководства по вопросу о «повстанцах» и вступили в переговоры с относительно умеренной частью исламистов, готовых, по мнению Исламабада, отказаться от насилия. В качестве уступки федеральное правительство согласилось на функционирование в районах округа Сват и других округах области Малаканд шариатских судов параллельно с гражданскими. Генералитет выступил против, объясняя, что требования исламистов – очередная уловка с целью мобилизации сил. Но шариатское судопроизводство было введено в

начале 2009 г. на севере СЗПП согласно указу президента. Несмотря на договоренности, боевики Движения за установление шариата (ДУШ) продолжали подвергать насилию местное население; правительственные учреждения, полиция и другие органы практически перестали функционировать. Вооруженный захват соседнего со Сватом округа Бунер отрядами ДУШ и угроза продвижения боевиков в направлении на столицу заставили федеральные власти перейти к ответным действиям. К решительной борьбе против исламистов была призвана армия.

В отличие от прежних лет, когда решения, касавшиеся вопросов зоны пуштунских племен в СЗПП и ТПФУ, принимало военное командование, в 2009 г. генералитет запросил «санкцию» исполнительных и законодательных органов на проведение военной кампании. Такая санкция была дана сначала Всепартийной конференцией, а затем резолюцией парламента. На основе широкого консенсуса гражданские власти призвали армию начать решительную борьбу с боевиками с целью разгромить и выдворить их из долины Сват¹². К июлю 2009 г., по официальным данным, операция, в которой были задействованы до 15 тыс. военнослужащих, успешно завершилась.

Но испытания в Свате для армии не закончились. Сотни тысяч беженцев заполнили дороги во внутренние районы страны. Обустройство лагерей для временно перемещенных лиц, необходимость одновременно решать многочисленные санитарные проблемы, обеспечение питанием, дальнейшие восстановительные работы, управление пост-конфликтными районами и т.д. – все это легло на плечи армии.

Успех федеральных войск в северной горной части СЗПП (в Свате и Малаканде) восстановил пошатнувшийся имидж армии в глазах общественности. Она проявила себя гарантом целостности государства и защиты граждан уже в период правления гражданского правительства. Премьер-министр Ю.Р. Гилани в дальнейшем старался обходить тему исламистов, боевиков ДУШ и Движения талибов Пакистана (ДТП), передав ее решение военным. Практика выработки коллективного решения, на которой, по некоторым сведениям, настоял начальник штаба армии А.П. Кияни, применялась и в дальнейшем при решении внутри- и внешнеполитических вопросов.

Осознание опасности, исходившей из внутренних районов страны, необходимость ее локализации стали одной из причин отказа центральных властей поставить вопрос о сокращении военного бюджета на 2009/10 фин. год. Военные обосновывали свою позицию тем, что по Конституции им поручено бороться с подрывными элементами и иметь возможность укреплять оборону, даже признавая негативное отношение населения к увеличению военных расходов бюджета за счет социальных.

Более того, генералитет поставил перед законодательной и исполнительной ветвями власти вопрос о выделении дополнительных бюджетных средств, предназначенных для перевооружения пакистан-

ской армии. Например, в июне 2009 г. Пакистан запустил конвейер по сборке пакистанской версии самолета JF-17 совместно с Китаем¹³. Турция выиграла контракт на модернизацию 42 пакистанских F-16 стоимостью 75 млн долл. и т.д.

Модернизация вооруженных сил и увеличение военного бюджета диктовались, по нашему мнению, необходимостью отвечать на вызовы времени. Уже 17 октября 2009 г., с согласия президента А.А. Зардари, армия в составе 30 тыс. военнослужащих начала широкомасштабную военную операцию в агентстве Южный Вазиристан на юге ТПФУ. Проводилась она с целью нейтрализации боевиков ДТП, выступивших с оружием в руках против федеральной власти, а также уничтожения террористов – выходцев из Северной Африки, Центральной Азии, европейских стран и Афганистана. По некоторым данным, суммарное количество пакистанских и иностранных боевиков достигало 25 тыс. человек. Зная о предстоящей операции, боевики-исламисты совершили ряд дерзких нападений на военные объекты – военную академию, затем и штаб-квартиру пакистанских спецслужб в Равалпинди. Ответные действия пакистанской армии были в полной мере оправданными.

Напомним, что 27 марта 2009 г. избранный в январе президент США Б. Обама провозгласил новую стратегию борьбы против международного терроризма. Пакистану отводилась роль ключевого союзника в регионе. В основе финансовой помощи США стояло требование Исламабаду развернуть широкий фронт борьбы против боевиков, действовавших в агентствах ТПФУ вдоль пакистано-афганской границы и на севере провинции Белуджистан с целью блокировки проникновения афганских талибов и их союзников на территорию Пакистана. Именно оттуда они совершали нападения на войска коалиционных Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане.

Акт Конгресса США 2009 г. об усилении партнерства с Пакистаном (Закон Керри-Лугара) предоставлял Пакистану внушительный пакет экономической помощи – 7,5 млрд долл. с ежегодным выделением 1,5 млрд долл. в течение пяти лет начиная с 2010 г. Вместе с тем в Акте содержались положения, требовавшие от Пакистана большей демократизации и уменшения роли военных в принятии решений.

Генералитет был возмущен такого рода требованиями и открыто обратился с просьбой к гражданским властям отказаться от согласия на принятие Закона, если из него не будет вычеркнут ряд статей. Характеризуя навязываемый Закон как «угрозу национальному суверенитету», военные выразили несогласие с его «кабальными условиями», которые предоставляли США рычаги влияния на внутренние дела в Пакистане.

Как указывалось выше, одним из обязательных условий предоставления финансовой помощи должна была быть оценка Соединенными Штатами того, в какой степени правительство Пакистана осуществляет эффективный контроль над армией, над военным бюджетом

том, а также процессом продвижения по службе военачальников среднего командного состава; привлечением гражданских лиц к стратегическому руководству и планированию в армии и, соответственно, военных к работе в гражданской администрации и т.д. Наиболее четко механизм подчиненности Исламабада Вашингтону выразился в том, что США должны были контролировать государственные структуры Пакистана, включая армейскую, с тем чтобы их действия отвечали интересам национальной безопасности США.

Значительное внимание в Законе уделялось ядерной программе Пакистана с точки зрения ее подотчетности и открытости Вашингтону, а именно «достижение понимания и сотрудничества в вопросе нераспространения ядерных материалов и создание Пакистаном препятствий их распространению». «Правительство Пакистана, – отмечалось в Законе, – продолжит сотрудничество с Соединенными Штатами Америки в вопросе разрушения сети, связанной с поставками материалов, относящихся к ядерному оружию...» Согласно Закону, Вашингтон был вправе проводить «оценку любой оказываемой Пакистану помощи, прямо или косвенно направленной на развитие его ядерной программы»¹⁴.

США напомнили Пакистану, что, согласно Закону 1961 г., они вправе отказать в предоставлении помощи странам, чье «правительство смещено в результате военного переворота или декрета» о смещении гражданской администрации. Ограничения также касались и вопроса передачи оружия третьим странам – с 2012–2014 гг. любые предложения о продаже военной техники Пакистану подпадали под юрисдикцию американского Закона об экспорте оружия.

Поставить командование вооруженными силами Пакистана в зависимость от США было недопустимо для военного истеблишмента. Впервые за полтора года работы гражданского правительства генералитет выразил серьезную озабоченность, заявив о пренебрежении федеральной властью национальными интересами. Генерал А.П. Кияни настоял на публичном обсуждении в парламенте условий предоставления американского пакета экономической помощи и выступил за изменение отдельных его положений. Он отстаивал суверенность Пакистана и одновременно боролся за сохранение влияния армии на политику страны. Ряд оппозиционных политических партий, в частности ПМЛ(Н), выступили на стороне военных.

Общественное мнение в стране разделилось. Многие поддерживали президента А.А. Зардари и правящую партию. Бизнес-сообщество выступило за принятие помощи. Оно неоднократно обращалось к США с просьбой предоставить более льготный доступ на американский рынок, отменить ряд пошлин, в первую очередь на пакистанский текстиль – одну из основных статей экспорта в США.

Список контртребуваний с пакистанской стороны убедил Вашингтон пойти навстречу и убрать ряд положений из Закона. Твердость и решимость генералитета заставили вновь заговорить об усилении роли военных в решении вопросов внутренней и внешней политики.

Размолвка между высшими военными и гражданскими кругами уже была налицо, чем в дальнейшем умело воспользовался Вашингтон¹⁵.

2010 год принес очередные испытания военно-гражданским отношениям в Пакистане. Речь идет о 18-й поправке к Конституции, об участии армейских подразделений в ликвидации наводнения, антикоррупционной кампании и т.д.

Усиление исламистского экстремизма, жесткость борьбы федеральной армии против боевиков и т.д. подтолкнули генералитет к разработке новой оборонной доктрины. Основная ее цель – повышение военного мастерства в соответствии со стратегией минимального сдерживания, противодействие обычным видам угроз.

Несмотря на экономические трудности, в апреле–мае 2010 г. вооруженные силы Пакистана провели масштабные учения сухопутных войск под кодовым названием «Новая решимость 3». За последние 20 лет они были самыми крупными. В них были задействованы артиллерия, бронетанковые соединения и т.д. Демонстрация военной мощи имела не только внешнеполитический, но и внутривнутриполитический эффект. Защита национального суверенитета, территориальной целостности, отражение террористической угрозы усиливали значимость армии в социально-политической жизни страны. В средствах массовой информации критика в адрес армии постепенно стихла. Более того, появилось много статей, подчеркивавших ее значимость в борьбе с внутренними угрозами и «жертвенность» во имя спасения гражданского населения страны¹⁶.

В канун начала военных учений, 19 апреля 2010 г., вступила в действие 18-я поправка к Конституции. Демократические силы приветствовали связанную с принятием этой поправки отмену или замену 17-й поправки к Конституции 1973 г., так как последняя ассоциировалась с правлением военных. Одобренная парламентом 28 декабря 2003 г., она законодательно оправдывала приход к власти генерала П. Мушаррафа в результате военного переворота 12 октября 1999 г.

Согласно 18-й поправке, теряли юридическую силу законодательные акты, которые были приняты и действовали в период чрезвычайного положения (октябрь 1999–2002 г.). К ним относились: Прокламация о чрезвычайном положении (октябрь 1999 г.), Временный конституционный указ (1999 г.), текст Присяги судей при вступлении в должность (2000 г.), Указ о главе исполнительной власти (2002 г.) и т.д. Конституционная комиссия, подготовившая 18-ю поправку, а затем и парламент пришли к выводу, что меры чрезвычайного положения были вне правового поля и не соответствовали Конституции 1973 г., а генерал П. Мушарраф пришел к власти незаконным путем.

Одним из основных положений 18-й поправки Конституции было перераспределение власти между президентом и премьер-министром в пользу последнего. Кроме того, он получил право контролировать назначение судей в суды высшей инстанции; укреплялась провинциальная автономия; Северо-Западная пограничная провинция была переименована в провинцию Хайбер-Пахтунхва и т.д. Президент стра-

ны лишался таких конституционных прав, как роспуск без согласования с премьер-министром центрального и провинциальных правительств, снятия с постов губернаторов провинций и т.д.

В отношении вооруженных сил страны в тексте поправки написано несколько строк. Согласно ст. 243, «Федеральное правительство осуществляет контроль и командование Вооруженными силами; без ущерба для общего смысла предыдущего положения Верховным главнокомандующим Вооруженными силами является президент; президент вправе по рекомендации премьер-министра назначать: а) председателя Объединенного комитета начальников штабов; б) начальника штаба армии; в) начальника штаба Военно-морских сил; г) начальника штаба Военно-воздушных сил»¹⁷. Таким образом, право назначения высших чинов армии перешло от президента к премьер-министру. На практике это означало, что глава кабинета нес персональную ответственность за назначения на высшие посты в вооруженных силах страны.

Премьер-министр Ю.Р. Гилани по Конституции стал фактически главой исполнительной власти. Многие в Пакистане настороженно наблюдали за развитием отношений между ним и начальником штаба сухопутных войск А.П. Кияни, срок полномочий которого истекал 28 ноября 2010 г. В апреле 2010 г. премьер характеризовал его как «продемократического генерала», а 22 июля 2010 г. в специальном обращении к нации объявил о продлении срока службы Кияни на два года. В своих разъяснениях он подчеркивал, что решение было принято в целях обеспечения безопасности страны, преемственности при проведении антитеррористических операций, а также ключевой роли самого главнокомандующего. «Война против терроризма, – отметил премьер-министр, – будет иметь свое логическое завершение под умелым руководством генерала Кияни»¹⁸.

Следует добавить, что еще в марте 2010 г. Ю.Р. Гилани продлил на один год срок полномочий главы Объединенной войсковой разведки А.Ш. Паше.

В армейской среде эти известия вызвали неоднозначную реакцию, в первую очередь из-за естественного блокирования продвижения по службе других высших офицеров¹⁹. Нарушался строго соблюдавшийся в пакистанских вооруженных силах принцип прохождения военной службы и времени нахождения на высших должностях (обычно три года). Многие офицеры увидели в этом сговор между руководством страны и армией.

Продление срока службы высшему командному чину на столь длительный срок – явление достаточно редкое. В пакистанской прессе отмечалось, что в 1996 г. премьер-министр Б. Бхутто предложила продлить срок службы начальнику штаба армии генералу Вахиду Кару, но тот отказался²⁰.

Представляется, что федеральная гражданская администрация была уверена, что армия не выступит против власти и станет гарантом социально-политической стабильности в стране до конца пятилетнего

срока работы парламента и ответственного перед ним кабинета министров, а также президента А.А. Зардари, т.е. до марта и сентября 2013 г. По нашему мнению, генерал А.П. Кияни становился центральной фигурой, обеспечивавшей безопасность и стабильность в стране.

В Исламабаде между тем заговорили о поддержке его кандидатуры госсекретарем США Х. Клинтон во время ее визита 18–19 июля 2010 г. Большинство западных лидеров и дипломатов были убеждены, что генерал Кияни продолжит войну против исламистов, начатую П. Мушаррафом. В то же время между руководством МССБ в Афганистане и командованием пакистанской армии существовал ряд разногласий по вопросам о переговорах с афганскими талибами, передаче Равалпинди технологий беспилотных летательных аппаратов, сроков проведения военной операции против боевиков и т.д.

Идиллия в военно-гражданских отношениях не продлилась долго. В сентябре 2010 г. генерал А.П. Кияни разошелся в оценках с президентом и премьер-министром по вопросу некомпетентности и коррупции в правительстве. Он передал им список коррумпированных министров, настаивая на их отставке. Для чиновников этот демарш имел определенные последствия²¹.

Раздутый штат государственного аппарата, кумовство, двойное гражданство ряда членов парламента и т.д. вызывали недовольство генералитета. Осенью–зимой 2010–2011 гг. усилилось его сопротивление давлению гражданских властей по вопросу военной операции в агентстве Северный Вазиристан ТПФУ против группировки, известной как «сеть Хаккани». Руководство военными операциями иностранных войск в Афганистане настаивало на ее скорейшем проведении. Не получив конкретного ответа о дате начала операции, вице-президент США Дж. Байден в январе 2011 г. прервал свой визит в Пакистан. Вашингтон не устраивали локальные военные операции в отдельных агентствах Пакистана на границе с Афганистаном, он требовал решительной борьбы с группировкой Хаккани. США развернули кампанию по обвинению пакистанской армии в неспособности вести борьбу против терроризма. В Конгрессе заговорили о возможной приостановке действия отдельных статей Стратегического договора, заключенного Вашингтоном и Исламабадом в 2010 г.

К тому же в конце января 2011 г. произошел инцидент с американским гражданином Р. Дэвисом, застрелившим на глазах людей двух пакистанцев в Лахоре. Пакистан отреагировал взрывом антиамериканских настроений. Толпы протестующих призывали к отставке правительства в случае, если оно пойдет на уступки Белому дому. Последовали сложные пакистано-американские переговоры. Каждая сторона выдвигала свои аргументы. Официальные власти Исламабада метались в поисках решения, МИД страны делало противоречивые заявления. Судя по некоторым материалам местной прессы, нам представляется, что решающее слово в вопросе разрешения американцу покинуть страну принадлежало А.П. Кияни²². Разрешение было получено после уплаты США более 2 млн долл. родственникам убитых.

Позднее Вашингтон продолжил давление на официальный Исламабад. Президенту США Б. Обаме был необходим успех в антитеррористической кампании в Афганистане. Пакистан, в первую очередь военные, не спешил с борьбой против афганских талибов и их союзников из «сети Хаккани». И тогда Белый дом осуществил свои намерения по борьбе с мировым терроризмом. 2 мая 2011 г. два военных американских вертолета с морскими пехотинцами на борту вторглись в воздушное пространство Пакистана. Их целью был Абботтабад, в котором долгое время скрывался лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен. «Террорист № 1» был убит в ходе штурма дома, где он проживал.

В ответ на рейд США Исламабад предпринял ряд шагов, направленных на снижение активности американских военных в стране: была закрыта авиабаза Шамси, сокращено количество военных специалистов и ограничена деятельность сотрудников военных и разведывательных ведомств. Со своей стороны США приостановили предоставление ежегодной военной помощи, составляющей 2,7 млрд долл.²³

Операция США по ликвидации Усамы бен Ладена имела широкий резонанс в Пакистане. Она резко осложнила отношения между военным истеблишментом и гражданской администрацией. Посыпались обвинения в связях армии с исламистскими повстанцами, афганскими талибами, несправедливо увеличенном военном бюджете за счет социальных статей и т.д. Генералитет болезненно отреагировал на них. В июне 2011 г. на 139-й конференции командиров корпусов (конференцию можно считать высшим консультативным органом военных) было заявлено, что до объявления окончательных выводов правительственной комиссии некоторые политики в силу их предубеждения пытались умышленно очернить имидж вооруженных сил; эти нападки расценивались в заявлении как попытки вбить клин между армией и другими государственными органами, а также между народом Пакистана и его армией²⁴.

Ответом на призыв генералитета восстановить доверие между федеральной властью и армией стал созыв Всепартийной конференции с участием представителей большинства политических партий. Была принята резолюция, в которой подтверждалась поддержка партийно-политическими кругами вооруженных сил страны в борьбе с любой угрозой и в целях укрепления национальной безопасности.

В сложившихся обстоятельствах в Пакистане осознавали необходимость корректировки внешнеполитического курса. С этим, видимо, была связана отставка в марте 2011 г. главы внешнеполитического ведомства Ш.М. Куреши. Исламабад столкнулся с необходимостью разработать новые рекомендации по политике в отношении действий США и НАТО в Афганистане. Общественной площадкой обсуждения был выбран Комитет по вопросам государственной безопасности Национальной ассамблеи. Выработанные Комитетом рекомендации были одобрены парламентом и представлены в качестве официальной позиции государства. Нужно подчеркнуть, что в Комитет входили многие отставные военные.

Активная работа Комитета, а также результаты Всепартийной конференции способствовали нормализации военно-гражданских отношений. Но недовольство премьер-министра Ю.Р. Гилани и президента А.А. Зардари позицией армии, в частности в вопросе пакистано-американских отношений, судя по всему, осталось.

Гражданская власть опасалась усиления роли военных в государственном управлении. В августе 2011 г. конфронтация между правительством и армией вспыхнула вновь. Если верить ряду материалов в пакистанской прессе, руководители страны подготовили письмо (меморандум), которое посол Пакистана в США Х. Хаккани якобы передал через американского гражданина пакистанского происхождения бывшему председателю Объединенного комитета начальников штабов адмиралу Майклу Маллену. В письме содержалась просьба к властям США оказать помощь в предотвращении возможного военного переворота в стране. В пакистанской прессе это дело, по аналогии с «уотергейтом», назвали «мемогейт».

Разразился скандал. Премьер-министр Ю.Р. Гилани назначил специальную парламентскую комиссию по расследованию. В Верховный суд было подано несколько петиций. На слушаниях в Верховном суде генералы А.П. Кияни и А.Ш. Паша подтвердили, что верят в факт существования документа²⁵. В ноябре 2011 г. посол Х. Хаккани был вызван в Исламабад и в тот же день был отправлен в отставку. После инцидента с «мемогейтом» отношения между военным истеблишментом и гражданской администрацией вновь обострились.

Военное командование страны не стало предпринимать какие-либо шаги. В конце декабря 2011 – начале 2012 г. генералитет подтвердил свою позицию о праве правительства и парламента «доработать полный срок до конца». Судя по заявлениям, приоритетом для него оставалось поддержание стабильности и порядка. Тогда же А.П. Кияни заявил об отсутствии «угрозы демократии» в Пакистане и о действиях армии в рамках конституционных обязанностей.

В средствах массовой информации страны появлялись сообщения, что «многие военные хотели бы предъявить А.А. Зардари обвинение в измене»²⁶, но дальше этого дело не доходило. Президент при этом хранил молчание, а члены кабинета министров воздерживались от критических замечаний в адрес армейского корпуса.

Но слишком горьким был факт общественного уличения высших должностных гражданских лиц в призыве к помощи США. Федеральная администрация развернула кампанию по реабилитации своего имиджа. Поводом послужил процессуальный регламент, якобы нарушенный армейскими чиновниками. Но уже к декабрю 2011 г. недоразумения были урегулированы, и сам Ю.Р. Гилани заявил о своем высоком доверии к армии. Но в январе 2012 г. глава кабинета министров вновь разразился резкой критикой в нарушение процессуальных норм в адрес А.П. Кияни, который в те дни находился с официальным визитом в Китае.

Набирала обороты информационная война. Газеты запестрели заголовками о резких разногласиях между военными и гражданскими властями. Ю.Р. Гилани обвинил военных в антиконституционных действиях, направленных на подрыв позиций правительства. Со своей стороны военное руководство выразило удивление постоянным изменением позиции премьер-министра по вопросу отношений гражданского и военного руководства страны. В середине января 2012 г. генералитет обратился к гражданской власти с официальным предупреждением о серьезности последствий разногласий. В ответ глава кабинета отправил в отставку сотрудника Министерства обороны генерал-лейтенанта Н.Х. Лодхи за «грубые проступки» при оформлении документов²⁷.

В тот период в Пакистане нередко высказывали мнение, что гражданским властям выгодна дальнейшая эскалация напряженности в отношениях с военными. Слушание дела о «мемогейте» в Верховном суде Пакистана заставило президента предпринять попытки восстановить доверие к себе – он заявил о готовности пойти на досрочные всеобщие выборы и покинуть свой пост в случае утраты доверия со стороны ПНП.

Попытка Ю.Р. Гилани получить поддержку парламента на внеочередной его сессии 11 января 2012 г. по вопросу о противостоянии с военными не увенчалась успехом. Партии, входившие в коалиционное правительство, призвали его придерживаться политики примирения, избегать конфронтации с другими государственными институтами, т.е. с военными. Стремясь разрядить напряженность между правительством и военными, премьер в конце января признал, что его заявление о «неконституционном поведении» генералов А.П. Кияни и А.Ш. Паши не было направлено лично против них. В очередной раз он заверил в поддержке правительством вооруженных сил и служб безопасности.

Непоследовательность поведения лидеров ПНП спровоцировала раскол внутри партии и обострила критику их действий со стороны оппозиции. Она инициировала кампанию за вынесение вотума недоверия главе кабинета министров. Выход из сложившегося кризиса оппозиция видела в проведении досрочных парламентских выборов. Угроза досрочных выборов заставила правящую партию смягчить конфронтационность.

Непоследовательность поведения премьера Ю.Р. Гилани по отношению к генералитету отчасти объяснялась сильнейшим давлением со стороны США. В ноябре 2011 г. в пакистано-афганском пограничье произошел инцидент, переросший в межгосударственный конфликт. Вторжение авиации США в воздушное пространство Пакистана, бомбардировка блок-поста в местечке Салала агентства Моманд ТПФУ 26 ноября 2011 г. не были единичными. Но в тех условиях и с учетом гибели 24 пакистанских военнослужащих они повлекли за собой резкое ухудшение пакистано-американских отношений.

Реакция военного командования была острой. Спустя несколько часов после обстрела пакистанские силы безопасности перекрыли северный маршрут поставок грузов, предназначенных для МССБ, в Афганистан; позднее они блокировали всю логистику коалиционных сил на долгих восемь месяцев. Нарушение графика снабжения заставило командование МССБ отказаться от запланированных ранее военных операций против афганских талибов.

США приостановили оказание финансовой помощи Исламабаду. По ряду сведений, они настаивали, чтобы правительство Пакистана «удалило» начальника штаба сухопутных войск генерала А.П. Кияни и руководителя ОВР генерала А.Ш. Пашу. Имея полномочия, но не имея поддержки в стране, президент и премьер-министр не предприняли никаких шагов против высших армейских чинов. По некоторым данным, их личные отношения с американским руководством заметно охладели²⁸.

Действия генералитета поставили федеральную администрацию перед необходимостью пересмотра пакистано-американских отношений. Большое значение имела уже упомянутая резолюция Всепартийной конференции. Документ в дальнейшем был положен в основу заявления МИД Пакистана об основополагающих принципах пересмотренных условий взаимодействия с США/НАТО/МССБ и в целом внешней политики²⁹.

Генералитет в свою очередь вынес определенный урок из сложившейся ситуации. Пресс-служба военного ведомства развернула широкую информационную кампанию, высказываясь по широкому кругу вопросов социально-политического развития страны. Генерал А.П. Кияни, выступая в рамках военной тематики, делал публичные заявления по проблемам пакистано-афганского и пакистано-американского взаимодействия в рамках международной антитеррористической кампании, по вопросам защиты границ от иностранного вторжения, региональной безопасности и т.д.

Отголоски январского военно-гражданского противостояния получили продолжение в марте. Премьер Ю.Р. Гилани, продлив срок службы генералу А.П. Кияни на один год, в то же время отказался продлить срок полномочий главе ОВР генерал-лейтенанту А.Ш. Паше³⁰. 9 марта 2012 г. на этот пост был назначен генерал-лейтенант Захирул Ислам. Большое влияние на это решение премьера оказала точка зрения оппозиции в НА. Лидер оппозиции в парламенте Ч.Н. Али Хан категорически высказывался против продления полномочий генерала Паши. Его поддержал Наваз Шариф. Он отвергал какое-либо вмешательство военных в политику, подчеркивая, что их основной задачей является охрана границ.

Не последнюю роль в отставке А.Ш. Паши в 2012 г. сыграли США. Вашингтон неоднократно говорил о давних связях ОВР с афганским движением Талибан и настаивал на их разрыве.

В мае 2012 г. политическую судьбу Ю.Р. Гилани решил вердикт Верховного суда Пакистана, выдвинувший против него обвинение в

«проявлении неуважения к суду». Дисквалификация премьеры стала своего рода кульминацией противостояния между судебной властью и слабым, неэффективным правительством. Приход нового премьер-министра, представителя той же Пакистанской народной партии, Раджи Первеза Ашрафа не имел какого-либо влияния на отношения гражданских властей с генералитетом. В стране началась подготовка к всеобщим парламентским и президентским выборам в 2013 г.

Судебная власть играла активную роль в социальной жизни страны в 2009–2012 гг. В течение нескольких дней после регистрации петиции в отношении какого-либо политического деятеля среднего или высшего ранга в Верховном суде коллегия судей во главе с главным судьей И. Чоудхри или кем-либо еще из судей приступала к слушаниям дела. Материалы широко обсуждались в прессе.

Усиление роли какого-либо государственного института вызвало обычно недовольство и ревность других ветвей власти, жесткую критику и давление с их стороны. Осенью 2012 г. два таких института – армия и судебная система – столкнулись в борьбе за влияние. У военного истеблишмента накопилось много претензий к судебной власти. В частности, генерал А.П. Кияни критиковал систему правосудия за нерасторопность в обновлении и принятии анти-террористических актов.

Судебные власти не остались в долгу. В сентябре 2012 г. в Высший суд Исламабада был подан запоздалый иск. Заявитель от имени бывших военнослужащих выражал серьезную озабоченность по поводу расширения полномочий людей в форме, что, по его мнению, отрицательно влияло на армейскую дисциплину. Заявитель выступал против продления срока службы на один год начальнику штаба сухопутных войск генералу А.П. Кияни. 20 апреля 1952 г. ему исполнилось 60 лет и, по мнению заявителя, он должен выйти в отставку в 2012 г. Судебное дело получило широкий резонанс в стране и за рубежом. И только 24 сентября 2012 г. суд отклонил петицию. Все вопросы, связанные со службой в вооруженных силах, находились вне компетенции Высшего суда.

Представляется важным кратко остановиться на роли пакистанской армии в спасательных операциях. 2008–2011 годы стали испытанием для всей нации из-за природных катаклизмов, обрушившихся на страну – землетрясение в районах Зиарат и Пишин в провинции Белуджистан в 2008 г., сильнейшие наводнения в 2010–2011 гг. В 2010 г. была затоплена пятая часть территории страны, в 2011 г. – большие части территории трех из четырех провинций страны – Хайбер-Пахтунхва, Панджаба, Синда, а также ряда агентств Территории племен федерального управления и Гилгит-Балтистана (Северные территории). По условным оценкам, 20 млн человек считались временно перемещенными лицами, из них 10 млн остались без крова³¹.

Армия была занята всем комплексом проблем, связанных с перемещением миллионов людей из затопленных разрушительным наводнением районов, оказанием им первой медицинской помощи, рас-

пределением пайков питания, установкой лагерей для проживания и т.д. Распространено мнение, что из всех социальных институтов страны только армия четко сработала в кризисной ситуации национального масштаба, сумев оперативно оценить параметры катастрофы, предпринять надлежащие меры по спасению людей и одновременно начать восстановление объектов инфраструктуры³². По сообщениям пакистанской прессы, в поисково-спасательных операциях были задействованы 60 тыс. солдат. Пакистанская пресса писала, что действия армии резко контрастировали с вялой реакцией на события гражданского правительства. Многие в стране подчеркивали ведущую роль армии в проведении поисково-спасательных работ.

* * *

Победа на выборах 2008 г. политических партий, которые в предшествующий период правления военных были лишены возможности полномасштабного участия в политической жизни страны, пребывание их у власти в стране в 2008–2012 гг. были своего рода вызовом для военного истеблишмента Пакистана. Отсутствие опыта государственного управления у значительного числа членов правящей коалиции, ожесточенное противостояние оппозиции, многочисленные вызовы, включая природные катастрофы, несовершенство федеральных институтов власти, тяготы экономического кризиса и т.д. накладывались на стремление новых гражданских властей продвигать конституционные принципы управления, доказать, что они не находятся под контролем военных и способны действовать самостоятельно. Но, имея законные рычаги управления и давления на армию, они так и не смогли полностью подчинить ее своему руководству.

Противостояние военных и гражданской администрации в Пакистане в 2008–2012 гг. – закономерное явление, в основе которого лежат субъективные и объективные причины конкретного исторического периода развития Пакистана. Баланс сил в системе военно-гражданских отношений в 2008–2012 гг. менялся в течение этого периода под влиянием различных составляющих: от наступательного, с точки зрения военных, в 2008 г., нейтрального – в 2009 г., наступательно-конфликтного – в 2010–2011 гг. и вновь нейтрального.

Переломными в военно-гражданских отношениях стали 2011–2012 годы – после скандалов с «мемогейтом», с усилением давления США на гражданскую администрацию, активностью оппозиции, неспособностью федерального правительства в полной мере противостоять исламистской угрозе, межрелигиозными и межэтническими столкновениями и т.д. Одновременно федеральные власти не позволяли себе окончательно испортить отношения с военным руководством. В полиэтничном и корпоративном обществе размежевание с генералитетом вело к усилению раздробленности, усложняло задачи управления государством.

В вопросах взаимодействия с гражданскими властями генералитет проявлял одновременно и гибкость, и жесткость. Он придержи-

живался нейтралитета в периоды столкновений политических оппонентов в стране, но жестко предупредил и президента А.А. Зардари, и премьера Ю.Р. Гилани в деле о «мемогейте». За многие годы военные приобрели большой политический вес. Армия имела явное преимущество перед гражданским руководством. Это интегрированная, дисциплинированная и иерархически выстроенная организация с четкой структурой. Но генералитет осознал, что без поддержки широких слоев общества и демократических институтов власти невозможно решить многочисленные проблемы, стоящие перед страной, добиться социальной стабильности и экономического прогресса. По этой причине характер военно-гражданских отношений несколько изменился, он стал отличаться большим осознанием взаимозависимости между вооруженными силами и гражданскими институтами власти.

Примечания

¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008. С. 415; см. также: Москаленко В.Н. Основные черты и особенности политического развития Пакистана. – Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003; Плешов О.В. Армия у власти. – Азия и Африка сегодня, 2000, № 2; Плешов О.В. Станет ли армия карающим мечом Аллаха? – Азия и Африка сегодня, 2001, № 12.

² Белокреницкий В.Я. Политическая система и политическая культура в мусульманских странах Южной Азии (к постановке вопроса). – Индия в глобальной политике. М., 2003.

³ Москаленко В.Н. Политическая роль пакистанской армии. – Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. М., 2002. С. 323–355.

⁴ Москаленко В.Н. Основные черты и особенности политического развития Пакистана. С. 398.

⁵ См., например: Hafeez M. US relations with Afghanistan and Pakistan. The imperial dimension. N.Y., 2009.

⁶ См.: Плешов О.В. Армия у власти.

⁷ <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution>.

⁸ Dawn, 14.02.2012; The Nation, 08.07.2008.

⁹ The Nation, 30.09.2008.

¹⁰ www.ispr.gov.pk, 10.09.2008 (сайт представительства Объединенной военной разведки).

¹¹ Подр. см.: Замараева Н.А. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. – Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., 2012. С. 179–201.

¹² <http://www.ispr.gov.pk> 08.05.2009; The Nation, 16.05.2009.

¹³ The Nation, 30.06.09.

¹⁴ www.bbc.com.uk, 16.10.2009.

¹⁵ www.dawn.com, 19.07.10.

¹⁶ www.pakistantimes.com.pk, 19.04.2010.

¹⁷ <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution>, 24.04.2010 (сайт парламента).

¹⁸ The Nation, 04.03.2011; The Nation, 23.07.2010.

¹⁹ Dawn, 23.07.2010.

²⁰ Ibid.

²¹ <http://www.senatedefencecommittee.com.pk>, 29.09.2011 (сайт сенатской комиссии по обороне).

²² The Nation, 17.03.2011.

²³ Dawn, 15.08.2011; 12.07.2011.

²⁴ www.ispr.gov.pk, 20.06.2011.

²⁵ www.ispr.gov.pk, 11.01.2011, 16.11.2011.

²⁶ Dawn, 02.03.2012.

²⁷ <http://www.bbc.co.uk>, 11.01.2012; <http://tribune.com.pk>, 11.01.2012.

²⁸ The Nation, 19.12.2011.

²⁹ www.mofa.gov.pk (сайт Министерства иностранных дел).

³⁰ Dawn, 15.02.2012.

³¹ Подр. см.: Каменев С.Н. Природные катастрофы в Пакистане и перспективы экономического развития. – Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. С. 56–67.

³² <http://ispr.gov.pk>, 14.08.2012 (сайт ОВР).

*В.М. Ахмедов**

АРМИЯ И СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Приход военных к власти в ряде ключевых государств Арабского Востока после Второй мировой войны оказал долговременное воздействие на процесс эволюции не только этих государств, но и региона в целом. Особенности военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке во многом определили специфику развития основных политических процессов в арабском регионе. Проблематика, связанная с ролью вооруженных сил в политической жизни ближневосточных государств, стала особенно актуальной в условиях революционных событий на Ближнем Востоке.

Утверждение у власти военных в арабских странах явилось следствием фактического отсутствия в обществе иной реальной социальной и политической силы на этапе обострения внутривнутриполитических и социальных противоречий¹. Превратившись в один из «центров силы», армия стала организатором целого ряда переворотов и мятежей. Послевоенный период был своеобразным «золотым веком» военных переворотов на Арабском Востоке. С 1961 по 1969 г. в 9 арабских странах произошло 27 переворотов и попыток взять власть вооруженным путем. За 22 года (с 1949 по 1971) в Сирии произошло 8 военных переворотов, в Ираке – 3 за 10 лет (1958–1968)².

Силовое вмешательство военных в политику являлось, как правило, результатом социальных революций, осуществленных в форме переворотов. Приход к власти военных в Египте, Сирии, Ираке и ряде других арабских стран содействовал укреплению внутривнутриполитической стабильности, ликвидации внутренней междоусобицы.

С первых дней независимости во многих арабских странах военные располагали значительным влиянием в руководстве страны. Именно из офицерской среды вышли все президенты Египта – М. Нагиб, Г.А. Насер, А. Садат и бывший глава государства Х. Мубарак. Поэтому военные быстро превращались в важнейший элемент новой элиты, контролирующей основные сферы государственной деятельности.

Утверждение армии и сил госбезопасности в государстве и обществе в качестве определяющей политической силы имело неоднозначные последствия для развития арабских стран и их вооруженных сил. С одной стороны, удалось избежать внутренних междоусобиц, противостоять внешним угрозам, укрепить центральную власть, консолидировать общество, мобилизовать массы на решение острых

* Ахмедов Владимир Муртузович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

социально-экономических проблем и таким образом продолжить движение по пути самостоятельного развития после достижения политической независимости. Приход военных во власть инициировал глубокие изменения в общественной жизни и сдвиги в политической структуре общества, укрепил позиции нарождавшихся новых социальных сил. Армия привела к власти представителей мелкобуржуазных и средних слоев арабского общества. Значительная часть офицерского корпуса в 1950–1960-е гг. была представлена выходцами именно из этих слоев, являвшихся носителями националистических настроений различного толка. Данное обстоятельство обусловило роль армии в политической системе арабских стран. С другой стороны, в государстве утвердилась авторитарная система власти, а развитие демократических институтов управления, гражданского общества было прервано. Поэтому внутривластная стабильность арабских стран на последующих этапах развития во многом определялась прекращением соперничества между гражданскими элитами и военными. Иными словами, установлением и поддержанием определенного баланса военно-гражданских отношений в обществе.

После череды военных переворотов наступил период относительной стабилизации политической власти в арабских странах. В результате на рубеже 70–80-х гг. XX в. вооруженные силы обрели новую роль защитника власти, а не ее основного соперника. Добиться этого удалось во многом за счет централизации роли армии и органов безопасности в процессе эволюции политических институтов государства. В результате армия превратилась в особый институт государства, а военные были выведены из-под контроля общества. Поэтому в политическом плане лояльность большинства арабских армий больше соотносилась с режимом, нежели с народом, демократической системой или военной наукой.

По мере развития и укрепления гражданских институтов политической власти в арабских странах их правители все больше стремились ограничивать влияние военных на внутреннюю и внешнюю политику. Применительно к реалиям арабских стран это означало поиск эффективных средств, способных удержать армию от вооруженного захвата власти³.

Одним из важных элементов политики властей по налаживанию сотрудничества с армией служили личные отношения арабских лидеров с национальными вооруженными силами. Бывшие президенты Египта (Х. Мубарак) и Сирии (Х. Асад) командовали в свое время военно-воздушными силами своих армий. То же можно сказать и о молодом поколении арабских руководителей. Нынешний король Иордании Абдалла II командовал войсками спецназа и, возможно, продолжил бы свою успешную военную карьеру, если бы не стал монархом. В арабских монархиях Персидского залива, главным образом в Саудовской Аравии, наличие членов правящих королевских династий на высших постах в армии и спецслужбах являлось своеобразным контрольным механизмом, обеспечивающим лояльность армии и

подчеркивающим ее роль как защитника государства. Одновременно правители этих стран стремились деполитизировать военных, нанимая иностранных специалистов и передавая основные рычаги управления в государстве гражданским политикам. В большинстве конституций арабских стран имелись статьи, которые устанавливали правовой статус вооруженных сил. Законодательство Египта запрещало военнослужащим заниматься политической деятельностью и принимать участие в работе каких-либо политических партий и организаций. Таким образом, государство стремилось законодательно закрепить свой контроль над армией.

Наиболее распространенными средствами контроля над вооруженными силами являлись индивидуальное материальное стимулирование военных и финансовая поддержка армии в целом. Как правило, расходы на оборону в ключевых государствах Арабского Востока составляли до $\frac{1}{3}$ бюджета страны⁴.

Во многих арабских странах устанавливались особые формы контроля над армией. Наиболее общей для всех стран региона формой такого контроля служило увеличение служб безопасности и создание так называемых «параллельных» военных ведомств. Наряду с выполнением задач по обеспечению безопасности спецслужбы зачастую имели большое влияние на главу государства в определении политики режима. Таким образом, роль специальных служб и органов безопасности в общественно-политической жизни арабских стран стала постепенно приобретать особую значимость, в том числе и с точки зрения усилий власти по деполитизации национальных вооруженных сил. В то же время возможности арабских спецслужб были ограничены, если речь шла о подавлении крупного антиправительственного мятежа в регулярных армейских частях или массовых народных выступлений против власти, ярким примером чему стали революционные события в Тунисе, Египте и Сирии. Поэтому на рубеже 1970–1980-х гг. в большинстве стран региона регулярная армия постепенно разделяла свою прежнюю функцию контроля над внутриполитической обстановкой в стране с «параллельными» воинскими формированиями. Как правило, они были тесно связаны с режимом общинными и этноконфессиональными узами и интересами. Личный состав этих элитных войск подвергался усиленной идеологической обработке и имел значительно больше привилегий, чем в обычных службах безопасности и регулярных армейских частях. Характерной особенностью «параллельных» войск являлось то, что они могли быть использованы скорее для подавления внутренних беспорядков, чем для защиты государства от внешнего противника.

В Саудовской Аравии «параллельные» войска были представлены Национальной гвардией. По своей численности (3 механизированные бригады, 5 пехотных бригад) Национальная гвардия Саудовской Аравии была практически равна регулярной саудовской армии (3 бронетанковые бригады, 5 механизированных бригад, 1 воздушно-десантная). У «параллельных» войск был ряд отличительных осо-

бенностей. Как правило, они имели самостоятельную командную структуру. В той же Саудовской Аравии армия и Национальная гвардия находились под контролем различных принцев. Национальная гвардия подчинялась непосредственно монарху до 1962 г., когда король Фейсал назначил ее командующим наследного принца Абдаллу. Наряду с Национальной гвардией в КСА действовали Специальные силы безопасности, подчинявшиеся непосредственно министру внутренних дел. «Параллельные» войска были укомплектованы выходцами из тех групп населения, которых лидеры страны считали наиболее лояльными и преданными. Национальная гвардия в Саудовской Аравии обычно рассматривалась как «племенная сила», сформированная в отличие от обычных армейских подразделений исключительно по родоплеменному принципу из племен, лояльных к правящей династии. «Параллельные» войска дислоцировались в местах, наиболее «чувствительных» с точки зрения обеспечения безопасности режима⁵.

Важным инструментом политического контроля над всеми силовыми структурами государства являлась кадровая политика арабских лидеров. Все представители высшего командного состава армии и спецслужб Сирии были членами правящей ПАСВ. Они подчинялись не только своему военному руководству, но и партийному в лице самостоятельного военного отдела партии. В основу ротации кадров был положен не принцип меритократии, а политической целесообразности. В армии и спецслужбах происходила частая ротация старших командиров с тем, чтобы не допустить формирования вокруг них групп единомышленников. В целом арабские правительства много сделали для предотвращения открытого вмешательства военных в политическую жизнь своих стран и сохранения достигнутого уровня военно-гражданских отношений. Тот факт, что в ключевых странах Арабского Востока – Египте, Сирии и Ираке – после 1970-х гг. не происходили военные перевороты, может свидетельствовать об эффективности такой политики и наличии достаточно широкого диапазона техники выстраивания отношений власти с военными.

Характер вмешательства армии в политику в ходе арабских революций заметно отличался от периода 1950–1960-х гг. Прежде всего это касалось степени вовлеченности военных в политический процесс, объема власти, находившейся в руках военных, характера стоящих перед ними целей и решаемых задач. В условиях «арабской весны», начавшейся в Тунисе и получившей мощное продолжение в Египте, участие военных в политике сводилось к выполнению функции *арбитра*. Они не столько стремились к захвату политической власти и длительному личному управлению государством, сколько к «наведению порядка» в нем. Целями таких политических интервенций чаще всего являлись: сохранение баланса сил между соперничающими политическими группировками, укрепление конституционных основ власти, предотвращение резких перекосов в системе распределения экономических благ. В ряде случаев военные ставили целями изме-

нение политического курса предыдущего правительства, повышение эффективности управления, перераспределение части властных полномочий и общественных богатств, дабы избежать серьезных политических потрясений в стране. Как правило, они не стремились к коренным преобразованиям экономической и политической системы. Более того, все чаще военные предпочитали действовать руками гражданских политиков, однако если им не удавалось таким образом достигнуть намеченных целей, они брали бразды правления в свои руки, но затем, как правило, достаточно быстро возвращались в казармы.

В условиях «арабской весны» армия превратилась в важный, а в ряде случаев – в решающий, фактор определения общественно-политических рамок революционного движения и его дальнейших перспектив. Действительно, главной движущей силой революционных движений стали арабские народы. В то же время вооруженные силы сыграли определяющую роль с точки зрения успеха или неуспеха этих революций, определили их рамки и пределы, а также сценарий развития событий. В зависимости от страны эта роль выражалась абсолютно по-разному. Действия военных определялись рядом факторов: во-первых, характером взаимоотношений военной корпорации и власти; во-вторых, природой и культурой взаимоотношений, сложившихся внутри военной корпорации; в-третьих, особенностями военно-гражданских отношений; в-четвертых, сутью политических расчетов, которые военные строили в отношении происходящих событий; в-пятых, структурой вооруженных сил и внутрикорпоративной поведенческой этикой и стереотипами, прежде всего в руководящих структурах силового корпуса. Общим же для этих стран являлось то обстоятельство, что военные стали одним из главных факторов перехода к новой власти и общественному устройству.

В Тунисе командующий армией генерал Рашид Омар предпочел революцию сохранению прежнего режима. Находившиеся под его командованием войска не открывали огонь по мирным демонстрациям и восставшему народу. В какой-то степени подобная позиция тунисских офицеров была предопределена сложившимся накануне революции балансом сил в силовом блоке. Позиции спецслужб и сил безопасности (прежде всего в лице МВД) были значительно весомее и влиятельнее в государстве, чем в армии. В результате армия встала на сторону революции, нейтрализовав аппарат подавления собственных спецслужб. При этом у тунисских революционеров на переходном этапе не возникало опасений, что армия установит свой контроль над политической властью гражданских лиц.

В политической культуре Египта⁶ с давних времен укоренилось понятие, выражавшееся на практике в том, что во главе государства должен находиться военный, который знает искусство войны и цену мира. Однако революционная египетская молодежь, поддержанная широкими народными массами, изменила эту установку и выступила против этой вековой практики. С 25 по 28 января 2011 г. армия занимала нейтральную позицию в отношении революционных событий на

площади Тахрир в Каире. Однако уже вскоре на ряде армейских БМП и БТР стали появляться антиправительственные надписи и лозунг «Народ и армия – одна рука». После 28 января 2011 г. армия стала постепенно вмешиваться в политический процесс⁷. При этом военные не выступили против революции. 11 февраля 2011 г. указом покинувшего свой президентский пост Х. Мубарака армии было приказано взять бразды правления в свои руки. Однако еще раньше, 1 февраля 2011 г., созданный военными Высший военный совет Египта своим указом № 1 выступил в поддержку египетской революции и защиту ее завоеваний. Однако армия Египта на этом не остановилась. Она, как известно, распустила парламент. Был образован Военный совет, который фактически организовал в течение 6 месяцев законодательные выборы, создал временную конституцию и подготовил выборы президента. Занятая египетскими военными позиция в отношении революционных событий во многом определялась традициями армии, ее местом и ролью в египетском обществе. Исторически (со второй половины XIX в.) армия Египта увязывала свою судьбу и миссию с интересами народа и никогда с ним не воевала. К тому же за последние десятилетия армия была достаточно деполитизирована в том смысле, что не имела каких-то особых политических обязательств перед властью и была слабо связана с ней идеологически.

Структура вооруженных сил в Ливии разительно отличалась от тунисской. В отличие от регулярных армейских частей, которые были плохо оснащены и слабо финансировались, М. Каддафи создал параллельные военные структуры, поставив во главе них своих родственников и преданных лично ему людей. Именно эти структуры играли роль «настоящей» армии. В то же время эти войска были функционально предназначены не столько для защиты внешних рубежей страны, сколько для охраны режима. К тому же их личный состав рекрутировался в основном из наемников. Именно это обстоятельство во многом предопределило военное поражение режима М. Каддафи после вооруженного вмешательства в ливийские дела сил НАТО.

В Йемене армия фактически раскололась на ряд отдельных подразделений, которыми командовали сыновья, ближайшие родственники президента, его соплеменники и люди из верного окружения. В противоположность этому ряд дивизий и военных округов фактически возглавили революцию, пытаясь придать ей мирный характер и не допустить насилия над гражданским населением. Сторонники бывшего йеменского президента А. Салеха в армии использовали ее мощь для убийства десятков тысяч мирных граждан.

Таким образом, в отличие от Египта и Туниса, действия йеменской армии в отношении революции не имели под собой единой позиции, что и предопределило ее раскол.

Примечания

¹ Более подробно об этом см.: Мирский Г.И. «Третий мир». Общество, власть, армия. М., 1976. С. 3–60.

² Zimmerman E. Toward a Causal Model of Military in Coups d'état. – *Armed Forces and Society*. V. 5, n. 3, spring, 1979.

³ Подробнее об этом см.: Ахмедов В. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. – НКСМИ МГИМО (У) МИД РФ. Аналитический доклад. Вып. 5 (10), июнь 2006. С. 17–24.

⁴ *Офицерский корпус ближневосточных государств*. М., 2004. С. 11–13.

⁵ Cordesman A. *Saudi Security and the War on Terrorism: Internal Security Operations, Law Enforcements, Internal Threats, and the Need for Change*. CSIS. Washington, 2002. P. 6.

⁶ Подробнее см.: Ахмедов В. Особенности политической культуры и делового этикета в Египте в эпоху глобализации и модернизации. – *Политическая культура и деловая этика стран Востока*. М., 2006. С. 299–313.

⁷ Любопытно, что именно в это время руководство египетских «Братьев-мусульман» также определилось со своей позицией в отношении происходящих событий и поддержало революцию.

Раздел II

**ИСЛАМ
В ОБЩЕСТВЕ И ПОЛИТИКЕ**

*Н.Г. Киреев**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ ТУРЕЦКОЙ ПРОИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются две актуальные темы внутривнутриполитической жизни Турции 2010–2011 гг., на фоне которых готовились и затем состоялись парламентские выборы 12 июня 2011 г., закончившиеся, как и предыдущие, победой ПСР. Тем не менее на самом деле в стране действует система «двоевластия», представляющая собой противоречивый и взаимозависимый «альянс» двух конкурирующих между собою школ исламизма, что, по мнению автора, является первой важной проблемой. Вторая – судебное преследование этой властью политических оппонентов – журналистов-демократов.

Двоевластие, оформившееся в последнее десятилетие в политический альянс двух исламистских течений («школ») так называемого «умеренного ислама» – Партии справедливости и развития (ПСР) и религиозного сообщества (джамаата) под руководством имама-проповедника Фетхуллага Гулена, – стало в Турции общеизвестным фактом, благодаря которому ПСР удается раз за разом выигрывать парламентские выборы, а джамаату – осуществлять в тени верховной власти свою стратегию и тактику повсеместного распространения исламизма по методике Гулена.

Об идеологии ПСР мы немало знаем по официально публикуемым партийным документам. Известна программа ПСР, периодически публикуются и другие материалы, относящиеся к нынешней политической деятельности центральной власти, в частности выступления премьер-министра Р.Т. Эрдогана, президента А. Гюля. В этих материалах изложены политические цели ПСР, по крайней мере, до 2023 г. – столетия республики. Известны члены этой партии, депутаты, представляющие ее в ВНСТ, весь партактив и его деятельность во власти.

Что касается второго, «анонимного», соучастника политической власти в сегодняшней Турции – «умеренного джамаата» Фетхуллага Гулена, то он намерен соблюдать негласный характер своего присутствия во власти. Гулен давно проживает в США, пользуется там покровительством властей. Он никогда не стремился афишировать свою весьма активную политическую роль во власти в Турции, предпочитая это делать по-прежнему подковерно¹.

Редкие выступления в СМИ и одновременно многочисленные публикации Гулена в печати и Интернете на турецком, английском,

* Киреев Николай Гаврилович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

русском языка² представляют собой наставления верующим, высокопарные проповеди, трактовку религиозных текстов, рисале Саида Нурси, абстрактные рассуждения и благостные, подчас слезливые поучения (чем особенно прославился Гюлен), которые, казалось бы, не имеют отношения к турецкому варианту политического ислама и относятся к вечным духовным ценностям. Лишь изредка среди подобных публикаций можно встретить сказанные как бы вскользь слова о том, что единственная «правильная» мировая религия – ислам, а нурджизм в трактовке Фетхуллага Гюлена – это и есть ислам сегодня. Вся основная религиозно-политическая пропаганда концентрируется в устных и записанных на диски и кассеты проповедях перед верующими, в личных беседах, в намеках в СМИ о значимости нурджизма, фетхуллизма, исламо-тюркского синтеза, «умеренного ислама». Однако публичных заявлений об участии джамаата Гюлена в коалиционной власти нет. О ней можно только догадываться по его давним репликам в религиозных изданиях, поступкам самого шейха и его последователей, по комментариям в СМИ.

Политическое сотрудничество двух исламских движений имеет свою историю. Со времен возникновения в 70-е гг. XX в. исламистского политического движения «Милли гёрюш» («Национальный взгляд») во главе с Неджметтином Эрбаканом (легально оно обосновалось впервые в Западной Европе, прежде всего в Германии, в Турции же действовало через последовательно создаваемые и затем запрещаемые светской властью партии) наблюдалось взаимодействие этого движения, корнями связанного с суфийским орденом накшбандий, с нурджизмом Гюлена. Тогда, в условиях конституционных запретов, оба движения только утверждались, и объединяла их главным образом не столько приверженность к политическому исламу, сколько стремление сообща уклоняться от контроля со стороны светской власти, и прежде всего военной верхушки, считавшей себя главной защитницей светского режима в стране. После раскола в конце XX в. в последней легальной партии Фазилет, представлявшей движение «Милли гёрюш», фактически бессменно возглавляемой Н. Эрбаканом, 47-летний Реджеп Тайип Эрдоган, инициатор раскола, стал наиболее реальным претендентом на будущее лидерство в легальном исламистском движении в Турции начала XXI в.

Один из турецких исследователей в своей книге об акции военных 28 февраля 1997 г., в результате которой Н. Эрбакан был вынужден уйти в отставку с поста премьер-министра, отмечает, что тогда руками военных был изгнан из власти вовсе не политический ислам как таковой, а его «неумеренная» модель. В конечном счете «была подготовлена база для формирования Партии справедливости и развития», которую возглавил Р.Т. Эрдоган, получив активную поддержку США³.

По мере приближения досрочных и первых для только что созданной партии парламентских выборов в ноябре 2002 г. лидер ПСР начал дезавуировать свои прошлые жесткие исламистские высказыва-

ния, присущие движению «Милли гёрюш». В отличие от Эрбакана он не настаивал на выходе Турции из НАТО, говорил о необходимости членства Турции в ЕС. Он не стремился превратить в принципиальную проблему ношение религиозной одежды женщинами-мусульманками, все чаще заявлял об активистах ПСР как о приверженцах умеренного ислама. Несомненно, на столь крутой поворот повлияли и террористические акты в США 11 сентября 2001 г. Они вызвали бурную реакцию в Турции. Не только светские власти страны, но и многие мусульмане – политики, религиозные деятели – резко осудили эти акты.

Среди стран, поддержавших «обновителей», турецкий автор Насухи Гюнгёр чаще всего называет США и Израиль, которые не выражали особого восторга по поводу деятельности Н. Эрбакана на посту премьера коалиционного правительства в 1996–1997 гг. Гюнгёр отмечает, что отколовшиеся от «Милли гёрюш» «обновители» уже на стадии создания ПСР в программных заявлениях провозгласили в полном смысле слова манифест о рыночной экономике, что не было свойственно Н. Эрбакану. В одном из проектов программы было также записано: «Очевидно, что Турция в перспективе станет на Среднем Востоке страной, наиболее отвечающей интересам США... Самым лучшим союзником для США может стать лишь Турция...» Различные политики из США и других стран, приезжая в Турцию, провели важные встречи с представителями Движения обновителей». Гюнгёр пишет о частых в то время визитах Р.Т. Эрдогана в США, особо выделяя поездку в мае 2000 г., т.е. еще за год до запрета партии Фазилет и за полтора года до победы ПСР на парламентских выборах⁴.

Тогда же, в мае 2000 г., в США состоялась встреча Р.Т. Эрдогана с Фетхуллахом Гюленом. Как пишет Н. Гюнгёр, эта встреча была важна не только своим содержанием, но и потому, что «встретились две различные школы, долгое время соблюдавшие между собой достаточную дистанцию». «Ф. Гюлен очень и очень долго беседовал с Эрдоганом... Это был не первый и не последний контакт Движения обновителей с джамаатом Гюлена. Движение, возглавленное Эрдоганом, было воспринято Гюленом в качестве бесспорного фаворита из среды правоцентристских партий. В короткое время поддержка джамаатом «обновителей» проявилась в широких масштабах как через деятельность издательских групп, близких к Гюлену, так и благодаря другим формам социального содействия»⁵.

Как отмечает Н. Гюнгёр, Р.Т. Эрдоган бывал в США с 1995 г. и до создания в 2001 г. ПСР ежегодно, иногда по несколько раз. Так, при содействии американских дипломатов в США согласовывались условия создания будущей «дуалистической» власти умеренного ислама в Турции. Неудивительно, что при поддержке США на своих первых выборах ПСР добилась небывалого для исламистской партии успеха – абсолютного большинства в меджлисе (363 места из 550) – и сформировала однопартийное правительство. После следующих вы-

боров (22 июля 2007 г.) ПСР имела в меджлисе 340 мест; ее главные оппоненты в меджлисе – Народно-республиканская партия и Партия националистического движения – получили соответственно 98 и 70 мест. Более того, в конце августа 2007 г. второй человек в ПСР, Абдуллах Гюль, был избран (через парламент) президентом страны. Параллельно вносились поправки в Конституцию – по количеству и по содержанию их было немало.

В процессе начавшейся в условиях умеренно исламистского двоевластия постепенной и не очень афишируемой замены кемалистских правовых принципов новыми уже ко вторым выборам 2007 г. в Конституцию республики были внесены существенные изменения, причем их суть и воздействие на правовую обстановку в стране стали сказываться не сразу, а по мере постепенного внедрения новых принципов светскости. Подчас они реализовывались теми, кто относился к теневой сфере власти, а именно джамаатом Гюлена. Об этом будет сказано ниже. Были модифицированы Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы, Закон об обществах, Закон о борьбе с терроризмом и др.

Так, в соответствии с изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве учреждались так называемые суды и соответственно прокуроры «с особыми полномочиями». Эта новая «особая судебная система» используется весьма активно при разбирательствах дел против военной верхушки. Затем эта система стала главным инструментом «законного» преследования журналистов, которым инкриминировалось участие в антиправительственных заговорах «Эргенекон» и «Молот». Опытные юристы Турции отмечали сомнительную правомерность новых положений УПК, особенно ст. 250, по которой предусматривались практически неограниченные действия так называемых «уголовных судов с особыми полномочиями»⁶.

Серьезные изменения были внесены и в текст Конституции 1982 г. Если в ходе первого (при власти ПСР) пересмотра Конституции в декабре 2002 г. были изменены лишь две статьи, то в мае 2004 г. – 10 статей. Последний пересмотр коснулся 26 статей в разных разделах Конституции. Коренные изменения были внесены в раздел «Судебная власть» (ст. 138–160). Таким образом, в руках умеренных исламистов оказалась не только законодательная и исполнительная власть, но также и судебная. Именно последняя стала предметом острейшей борьбы за преобладание в ней представителей соперников-союзников.

Следует еще раз подчеркнуть, что «запретительная» кемалистская статья 174 относительно мусульманских орденов осталась неизменной⁷.

Возникает вопрос: а каков же статус действующих мусульманских орденов, запрещенных 174-й статьей Конституции? Формально их никто не возрождал, просто по новому Закону об обществах стало возможным в среде верующих заново и широко использовать

такой институт, как «джаммаат», который имеет право на существование, видимо, уже как новшество «консервативной демократии», как элемент гражданского общества. Этот институт упоминается в программе ПСР.

Новая исламистская власть, заранее и с определенной долей тревоги готовясь к очередным парламентским выборам в июне 2011 г., сочла необходимым закрепить все осуществленные ею правовые изменения на всенародном референдуме. Он был проведен 12 сентября 2010 г. и оказался относительно успешным для власти. Его итоги обеспечили ПСР возможность правового сохранения монополии на власть на будущие годы, и прежде всего на выборах 2011 г. в условиях модифицированной Конституции 1982 г. В ходе референдума за принятие пакета изменений к Конституции проголосовало 58% принявших участие в голосовании, против – 42%. Из 49,5 млн избирателей в голосовании приняло участие 77%. Относительно скромные итоги референдума все же позволили премьер-министру Р.Т. Эрдогану поблагодарить избирателей⁸.

В полночь после выборов на заседании руководства основной оппозиционной партии – НРП – выступил ее лидер Кылычдароглу. Он, в частности, заявил: «Мы прожили время, когда весь потенциал государства использовался односторонне. В ходе референдума демократия по ПСР оказалась несостоятельной. ПСР предприняла серьезные шаги с тем, чтобы учредить судебную систему, полностью от нее зависимую. Мы, Народно-республиканская партия, со всей решимостью продолжим нашу политическую борьбу... Продвигая шаг за шагом, мы продолжим решать проблемы совместно с нашими гражданами... Итог в 42% – хороший результат для НРП... Именно такой оказалась воля народа». Затем уже в беседе с журналистами он сказал: «...Нельзя идти далее при решениях, которые устраивают лишь одного из двух. Как партия мы продолжим нашу политическую борьбу»⁹.

Итак, 12 сентября 2010 г. на уровне общенародного голосования были утверждены все правовые нововведения, принятые умеренными исламистами, при сохранении, хотя и модифицированной, но прежней Конституции. Референдум фактически узаконил джаммааты и, соответственно, джаммаат Гюлена, а с ними и сложившуюся систему двоевластия¹⁰. Новое законодательство не столько напрямую, сколько опосредованно пересматривало конституционные принципы кемализма, например понятия светскости, свободы действия джаммаатов, обществ, судов и многое другое.

Если для светских кругов в целом и для оппозиционной НРП в частности итоги референдума 12 сентября 2010 г. оказались в какой-то мере приемлемыми, то дуалистическую исламистскую власть, получившую 58% голосов, они удовлетворить не могли. Обозначившаяся тенденция некоторого снижения популярности стала тревожным сигналом для обоих участников правящего альянса; она опре-

деляла необходимость сплочения всех поддерживающих этот союз умеренных мусульманских течений и школ для сохранения существующей политической власти. Тем более что это было время, когда Турция была провозглашена «первой державой региона» и неким образцом для «нового Ближнего Востока». Во имя единства и величия этой державы предполагалось всеми способами «утихомирить» оппозиционные партии и прежде всего СМИ, не поддерживающие власть. Этот процесс мы наблюдаем во внутривластной жизни Турции уже с весны 2011 г.

Речь идет о начавшемся практически массовом преследовании журналистов-демократов, особенно левого направления. Преследование оппонентов с помощью обновленной и как бы конституционно утвержденной на референдуме 12 сентября 2010 г. судебной системы первоначально увязывалось с громкими процессами над военными. Оказалось, что по итогам прошедшего десятилетия пребывания исламистов у власти в новой, демократической, конституции нуждается уже оппозиция, так как власть умело и изощренно обошла даже «неприкасаемые» кемалистские конституционные установки.

Теперь к постоянным объектам политического преследования – курдам, выступающим за автономию, а также к военной оппозиции, исламистская дуалистическая власть вознамерилась присоединить демократические СМИ. Правда, власть и ранее приглядывала за такими журналистами, считая возможным оценивать их критические выступления против ПСР и особенно против джамаата Гюлена и его самого как соучастие в той или иной форме в заговоре военных.

Уже с первых месяцев 2011 г. в рамках подготовки к июньским выборам заметно активизировались слежка и «вылавливание» полицейскими, а также судебными органами немало числа журналистов – оппонентов власти, подозревавшихся в якобы преступных связях с военными. Весной 2011 г. за тюремной решеткой оказались десятки новых подследственных, подозреваемых в заговоре против власти в рамках дел «Эргенекон» и «Молот». Среди них – депутат от НРП Мустафа Балбай, руководитель Интернет-портала ОдаТВ Сонер Ялчин, известный публицист и писатель Ялчин Кючюк, журналисты Ахмет Шик, Недим Шенер и немало других. Пребывающий не один год в заключении Мустафа Балбай еще 15 лет назад публично выступал с резкой критикой Гюлена¹¹.

Теперь представители нового поколения оппонентов Гюлена, например Ахмет Шик, считающий себя социалистом, пишут о возникновении двоевластия, при котором уже окрепший джамаат Гюлена стал партнером ПСР во власти, негласным, но полноправным ее участником благодаря получаемым на выборах голосам в поддержку ПСР, хотя в парламентских выборах он как политическая организация в бюллетенях не числился и уже поэтому не имеет права претендовать на места во властных органах. Ахмет Шик убежден и открыто пишет, что джамаат Гюлена уже пребывает во власти – в сотрудничестве с ПСР¹².

Но наибольший гнев исламистов вызвало появление рукописи книги А. Шика «Армия имама». Речь в рукописи идет о деятельности Гюлена, в частности о том, «как джамаат обосновался в органах безопасности», как был наказан бывший глава полиции Ханефи Авджды за то, что недавно также издал книгу, разоблачающую «подковерную» деятельность джамаата в органах полиции. Ахмет Шик отмечает, что в Турции «управляет не только Партия справедливости и развития. Другой составляющей власти является сила, коротко именуемая джамаатом». «Я настаиваю на этом тезисе. Так же, как до ПСР страной управляли военные, так теперь ею управляет не гражданская власть. Не смотрите, что на их одежде нет погон. Их мышление – также в мундирах... но уже в рамках религиозных традиций, это иной армейский режим, представленный последовательной цепью начальников-эмиров. Те, кто ведет расследование по делу “Эргенекон” и по другим связанным с ним делам – они тоже элементы данной иерархии»¹³.

В конце февраля – начале марта 2011 г. были задержаны и подверглись допросам немало журналистов, включая Ахмета Шика¹⁴. Как можно понять из публикаций, Ахмет Шик был задержан под уголовно наказуемым предлогом – «по подозрению в членстве в террористической организации “Эргенекон” и нагнетанию ненависти и враждебности» в обществе. Это обвинение оказалось общим для всех задержанных полицией журналистов весной 2011 г. в преддверии парламентских выборов¹⁵.

Вскоре выяснилось, что в рукописи Ахмета Шика (ее текст появился в Интернете) в резкой, разоблачительной форме подвергнута критике многолетняя деятельность имама-проповедника Фетхуллага Гюлена во главе единолично руководимого им джамаата. Такая критика была расценена судебными властями как попытка подрыва авторитета власти. Конечно, критические публикации в адрес Гюлена были и ранее¹⁶, но в данном случае книга готовилась к изданию перед важнейшими для власти выборами.

Судя по содержанию рукописи, автор – противник политизации ислама в Турции и проникновения джамаата во все поры жизни Турции, прежде всего во власть. «Органы безопасности, в которых начиная с середины 1980-х гг. в систематической форме обосновывались фетхуллисты, на сегодняшний день в значительном большинстве находятся в руках приверженцев этого джамаата», – отмечает А. Шик. Этот тезис доминирует в тексте и подкрепляется многими ссылками на конкретные факты.

Четкой последовательностью, системностью изложения рукопись не отличается, позже она подверглась серьезному редактированию. Достоинства и ценность рукописи – в обилии серьезных источников, в выявленных автором новых конкретных фактах деятельности Гюлена на ниве «умеренного» ислама, позволяющих внимательному читателю убедиться в лицемерности проповедей об умеренности и толерантности, которые исповедуются до поры до времени, как можно

догадываться, до некоего часа «икс», после которого джамаат Гюлена готов возвыситься над своими конкурентами – временными союзниками, над всем обществом и установить свою модель «умеренно тоталитарного режима» в Турции во главе с имамом. Такое лицемерие проявляется в его «дружбе» со всеми джамаатами, которые помогали ему встать на ноги, в ссылках на близкие джамаату и соперничающие с ним ордены. В рукописи засвидетельствована огромная финансовая мощь джамаата.

Ахмет Шик согласен с тем, что распространенным многие годы убеждением в Турции (еще со времен Кемаля Ататюрка) было то, что все левые силы – это явные или скрытые коммунисты и остановить рост их влияния власть может лишь в сотрудничестве с политическим исламом, успешное внедрение которого постепенно заменит господствующую светскую идеологию на шариатскую. И во времена военных переворотов 1960 г. и 1980 г. применялись меры против левого движения и исламизма. Однако каждый раз после ухода из власти военных леводемократическая оппозиция, в отличие от исламистов, не могла долго восстановиться и действовать легально. В такой обстановке умеренного контроля власти и благодаря личным способностям, напористости при одновременной феноменальной гибкости, изворотливости Фетхуллаха Гюлена руководимый им джамаат постепенно, то сближаясь с другими исламистскими школами и используя их поддержку, то расходясь с ними в нужный момент, достиг того уровня, когда стал угрозой для военных, которых он считал главной «защитой от коммунизма».

Попытки исламизации Турции увязаны в рукописи с проектом «зеленого пояса против красного пояса». Автор считает, что и армию, и исламистов примиряла одна и та же опасность – успехи левого, социалистического движения в 1980-е гг. Переворот 12 сентября 1980 г. «прошел по Турции словно коток, а чтобы утихомирить левое движение, именуемое “коммунистической опасностью”, США прибегли к реализации проекта “зеленый пояс против красного пояса”». «Имя планируемой системы – обновленный тюрко-исламский синтез». Хунта, «увидевшая, что левые кадры формируются даже в армии», приступила еще до 12 сентября к мерам по поощрению националистов и исламистов в своих структурах, а «после переворота осуществляла их в полной мере... Исламисты были готовы к тому, что государство использует ислам, согласившись на взаимное использование сторонами друг друга».

По мнению Ахмета Шика, противоречия внутри тюрко-исламского синтеза – это не более, чем борьба за лидерство военных и исламистов всех школ, объединенных борьбой с так называемым «коммунизмом», т.е. с левым движением в целом. Это – суть единства и борьбы за власть в Турции, поддерживаемой США. Автор убежден, что «семейные» склоки во власти между ПСР и джамаатом Гюлена в рамках нынешнего варианта синтеза – это всего лишь конкурентная

борьба во власти. Именно благодаря такой ситуации Гюлен смог постепенно выдвинуться, создав в конечном счете «свой» джамаат в рамках нурджизма – «джамаат фетхуллистов».

После распада СССР одна цель синтеза сменилась другой, отныне главной становится реализация пока «умеренной» идеологии «зеленого пояса» на территории бывшего СССР. Идеологическим, духовным инструментом этого синтеза стали школы Гюлена.

Много внимания уделено в рукописи конфликту между Гюленом и Нуреттином Вереном, долгие годы верно служившим имаму и в 2004 г. порвавшим с джамаатом. Верен был учредителем школ Гюлена в Азербайджане, Кыргызстане, Грузии, Туркменистане, Узбекистане, Казахстане, Албании, Румынии, Болгарии, Испании, создал в Стамбуле университет Фатих. Порвав с Гюленом, Верен разгласил некоторые особенности тоталитарной системы управления, использовавшейся Гюленом¹⁷.

Другие покинувшие джамаат приверженцы Гюлена потом признавались, что имам Фетхуллах Гюлен – «страшный выведыватель и комбинатор». Отмечались изощренность его действий, лицемерие, двуличие – и все это якобы во имя торжества и успехов ислама, хотя это было необходимо не исламу, а единоличному главе джамаата, чтобы сохранять тотальную власть над своими последователями и послушниками.

Наибольшая концентрация приверженцев Гюлена, считает автор, наблюдается в органах безопасности. Более всего стремился джамаат в вооруженные силы Турции, но так и не смог в должной мере там обосноваться, «однако он сумел это осуществить в органах безопасности». «Полицейская организация превратилась почти в вооруженное подразделение джамаата», способное противостоять армии Турции. «Ежегодные бюджетные ассигнования на полицию достигли почти уровня армии, управлению безопасности предоставлены полномочия импорта тяжелого вооружения». «Время покажет нам, как полиция, обеспеченная тяжелым вооружением и насчитывающая почти 250 тыс. человек, при необходимости будет использована как специальная сила».

Полицейское преследование журналистов вызвало активные протесты и в самой Турции, и в странах ЕС. В турецких СМИ появились требования упразднить так называемые «суды с особыми полномочиями», к которым поступили дела журналистов, требования отменить институт тайных свидетелей и т.п. Об этом, в частности, заявила организация «Демократический суд» («Демократик яргы»), утверждавшая, что «традиционная судебная система Турции разрушена», «суды с особыми полномочиями» «попирают принципы правового равенства граждан»¹⁸. Крупный юрист, глава адвокатской конторы Метин Фейзиоглу писал в одном из блогов о том, что «от неприкосновенности жилища ничего не осталось». Он осудил обыски в домах и офисах арестованных журналистов и заявил: «Эти акции могут ожи-

дать каждого, ни у кого не осталось права на неприкосновенность жилища. Когда при обыске письменно не указана конкретная причина обыска, ни у одного журналиста, ни у одного человека с улицы не остается права на неприкосновенность жилища... Между тем самое основное право нашего общества – знать о справедливости судебных мер... Когда исчезнут этот страх, это чувство неуверенности в будущем, эти сомнения? Пусть люди не воспринимают мои слова как защиту переворотов... Адвокатура Анкары против переворотов. Моя цель – привлечь внимание к вмешательству в свободу каждого»¹⁹.

Постоянный обозреватель газеты «Хюрриет» Мехмет Йылмаз писал: «Наш премьер-министр нервничает по поводу того, что нас не принимают в ЕС. Когда мы все это наблюдаем, мы должны себя спросить – действительно ли мы правы? В какой стране ЕС есть суды и прокуроры, обладающие столь чрезвычайными полномочиями? В какой стране телефоны прослушиваются на протяжении двух лет? Где подсудимые пребывают в тюрьме годами, не зная, в чем их вина? В какой стране прокуроры могут выносить приказ об аресте, ссылаясь на доказательства, которые скрыты даже от них?»²⁰

Члены «Общества современных юристов» потребовали ликвидации судов с особыми полномочиями, Высшего Совета судей и прокуроров (статья 159 Конституции), отмены Закона о борьбе с террором: «Суды с особыми полномочиями – не гарантия демократии: эти суды – продолжение судов государственной безопасности, они претендуют на чрезвычайную ситуацию... Те, кто рассматривает их сегодня как гарантию государства, глубоко ошибаются. Их следует ликвидировать и обеспечить судейство через обычные общие суды»²¹.

Во Франции организация «Журналистика не знает границ» объявила день ареста турецких журналистов черным четвергом²². Подробный репортаж о проблемах журналистов в Турции представила на своем сайте радиостанция «Свобода», сообщая, что «в Стамбуле тысячи журналистов из разных городов Турции вышли сегодня на улицы, требуя освободить арестованных коллег»²³.

Все партии парламента ФРГ были едины в том, что в Турции нарушается свобода печати. Социал-демократическая партия Германии поддерживает прием Турции в ЕС, в то же время ее депутат Дитмар Ньетан считает, что Турция еще не ввела у себя критерии ЕС, что в сферах демократии, правового государства, гражданских прав, прав меньшинств, религии и правового государства еще имеются недостатки. В этой связи он осудил аресты журналистов Ахмеда Шика и Недима Шенера и заявил, что «судебное расследование по делу “Эргенекон” породило подозрение, что турецкое правительство принуждает замолчать журналистов, представляющих критическую информацию»²⁴.

Европейский парламент одобрил самый жесткий за последние годы доклад по Турции о правах человека. В последний момент в документ, который содержал жесткие оценки, касающиеся свободы

печати в Турции, было добавлено и упоминание о задержании Недима Шенера и Ахмета Шика: «Арест таких известных журналистов, как Недим Шенер и Ахмет Шик, может стать причиной потери доверия к такого рода судебным разбирательствам, в то время как такие дела должны укреплять демократию». В докладе подчеркивалась необходимость укрепления демократических институтов и судебной системы, целесообразность, объективность и прозрачность расследований по делам «Эргенекон» и «Молот», а также выразилось беспокойство по поводу длительных сроков задержания до вынесения приговора²⁵.

После недельного пребывания в тюрьме Силиври Ахмет Шик отправил порталу Бианет письмо, сообщая, что «он очень хорошо понимает, почему оказался в тюрьме». Он пишет, что самым важным средством, которое связывает его в тюрьме с жизнью, является телевизор: «Посредством этой “глупой коробки” я с нетерпением хочу узнать, почему я прохожу по “Эргенекону” – якобы организации свирепых убийц и организаторов переворота... Разумом понимаю, что это дело политическое. Я знаю, что демократия в эту страну придет не под маской ПСР с ее идеологией исламофашизма, и не с НРП, которая всякий раз ведет себя как армия с ее переворотами. Вспоминать Партию националистического движения и других даже не стоит». Как можно понять по намекам, сделанным в этом письме, на допросах Ахмет Шик лично убедился в работе бюрократической структуры, возникшей на основе «прагматических интересов» джамаата и ПСР. Он советует сомневающимся «снять с них форменный мундир» (прокурорский?), чтобы потом увидеть, «кто они на самом деле».

«Если даже я в книге допустил ошибку и мои беспокойства неуместны, утверждения неправы и неверны, то почему тогда меня следует обвинять в принадлежности к “Эргенекону”? – спрашивает Шик. – Я не утверждаю, что моя книга очень хороша». Он напоминает, что самым важным источником для него были материалы из досье «Эргенекона». «Единственная основа журналистской философии Ахмета Шика – быть оком для слепого, ухом для глухого, голосом для негого...»²⁶

24 марта по распоряжению прокурора были произведены обыски в центральном офисе издательства «Итхаки» в Кадыкёе, после чего из компьютера был изъят и уничтожен электронный вариант книги Ахмета Шика. В связи с этим председатель Комитета свободных публикаций при Союзе издателей Турции Рагып Заракоглу сообщил, что если не считать периода пребывания военной хунты у власти, то «первые издательский дом сталкивается с такой практикой, и произошедшее категорически невозможно принять с точки зрения свободы публикации». Далее он продолжил: «Никогда при гражданской власти издательство не подвергалось вторжению, и мы относимся к этому с серьезным беспокойством. “Итхаки” – известное и популярное издательство... Это прямое насилие над свободой публикаций... К сожа-

лению, такие действия ориентируют многие издательства на обращение к самоцензуре. Как Комитет свободных публикаций мы выражаем протест против этого»²⁷.

Арест копии книги «Армия имама» осудили Общество журналистов Турции (TGC), Совет по публикациям и Платформа «Свобода журналистам!». Председатель Общества журналистов Турции Орхан Эринч заявил, что 24 марта 2011 г. станет одним из черных дней в истории печати. «Мы известили правовую комиссию меджлиса о том, – подчеркнул он, – что происходящее совершается в период, когда настойчиво утверждается, что страна теперь является демократическим правовым государством». Руководство Платформы «Свобода журналистам!» обратило внимание на то, что «полиция впервые начала охоту на книги в цифровых вариантах, это серьезное попрание свободы печати».

Протестные комментарии по поводу преследования рукописи книги Ахмета Шика появились и в Интернете. За два дня в фейсбуке было собрано 58 тыс. подписей с протестами и сообщениями типа «книга А. Шика у меня есть». 27 марта группа в фейсбуке назвала себя организацией «И у меня есть книга Ахмета Шика». В 12 часов она объявила, что насчитывает примерно 2 тыс. членов, в 16 часов было уже 8 тыс., в 22 часа – около 18 тыс.²⁸

Между тем в СМИ стали появляться комментарии относительно статуса прокуроров и судов с чрезвычайными полномочиями, которые специально занимались делами военных и журналистов. Подтвердилась информация о том, что Зекерия Оз как главный прокурор в расследовании дела «Эргенекон» лишен особых полномочий и переведен на другую должность, получив повышение. Когда журналисты попросили прокомментировать эту информацию премьер-министра, он заметил: «Это дело Высшего Совета судей и прокуроров. Я в прокурорские дела не вмешиваюсь, и прокурор не должен вмешиваться в мои дела»²⁹.

В то же время председатель Общества прав человека Озтюрк Эрдоган заявил, что самым большим препятствием для обеспечения свободы слова и свободы печати в Турции остается Закон о борьбе с терроризмом. «20 лет действует закон о борьбе с терроризмом, причем на основании изменений, внесенных в этот закон в 2006 г., многие журналисты оказались в тюрьме, – отмечал он. – Обвинения журналистов, занимающихся своей профессиональной деятельностью, в том, что они являются членами незаконной вооруженной группы, опираются на закон о борьбе с терроризмом. Наряду с Ахметом Шиком и Недимом Шенером следует вспомнить и других журналистов»³⁰.

Парламентские выборы в Турции, как и планировалось, состоялись 12 июня 2011 г. Они принесли победу правящей ПСР. Получив около 50% голосов и 326 мест в меджлисе, она смогла вновь сформировать однопартийное правительство. Р.Т. Эрдоган возглавил его

уже в третий раз. Турецкие и зарубежные СМИ оценили эти результаты как успех на очередных парламентских выборах. Однако отмечалось, что так называемого конституционного большинства – двух третей депутатских мандатов – партии получить не удалось, и для запуска реформ, в частности принятия новой Конституции, ей потребуются поддержка других партий.

В докладе главы нового правительства была подтверждена готовность укреплять демократические институты. Основное для этого условие и «наше самое большое пожелание от ВНСТ – подготовить новую конституцию», – отметил Эрдоган. «ВНСТ, учредившее республику, возглавившее нашу национальную борьбу, обладает всеми полномочиями и авторитетом, чтобы подготовить новую конституцию. Мы верим, что новая конституция будет не разделять, а сближать нас, станет инструментом не давления на общество, а свободы. Она будет обеспечивать права каждого, плюрализм, работу всех институтов демократического правового государства». Деятельность правящей партии, по мнению премьер-министра, должна осуществляться «в атмосфере диалога и сотрудничества, прежде всего с нашими партийными оппонентами, с организациями гражданского общества, со всеми заинтересованными группами».

Оценив должным образом итоги выборов и победу ПСР, спустя полтора месяца военное руководство страны – начальник Генштаба, а также главнокомандующие сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами, – назначенное всего год назад, сочло необходимым уйти со своих постов. Свои действия генералы объяснили несогласием с тем, что «под арестом находятся 250 офицеров, включая нескольких генералов и адмиралов», обвиненных в подготовке государственного переворота. По мнению турецких аналитиков, старая гвардия «умыла руки». Военные обвиняли Партию справедливости и развития и ее лидеров в исламизации Турции. Власти это отрицали, зато утверждали, что располагают данными об антиправительственном заговоре среди офицеров, и к этому заговору присоединились и некоторые журналисты. Завершение избирательной кампании позволило ПСР также заняться и «семейными» делами во властном альянсе.

После выборов не прекратилась борьба демократических организаций, которых немало возникло в стране, за изменения в судебной системе, прежде всего в той ее части, которая касалась уголовного преследования политических оппонентов власти. В этой борьбе приняла участие и основная оппозиционная партия – НРП. Через месяц после выборов депутаты от НРП предложили проект закона об изъятии из действующей судебной системы положений, касающихся судов с особыми полномочиями, и придании им статуса уголовных судов на том основании, что эти судебные органы оказались продолжением недавно ликвидированных судов государственной безопасности³¹.

В ноябре 2011 г. произошло событие, ставшее серьезной моральной поддержкой для Ахмета Шика. Его друзья и коллеги, сторонники, литераторы и журналисты, оставшиеся на свободе, создали большую группу поддержки автора рукописи «Армия имама». Участники группы в количестве 125 человек объявили себя соавторами Шика и решили опубликовать книгу уже под новым названием «000Kitap – Dokupam uapag» (дословно может означать как «Узнанное обжигает»). Опубликовав и поименно, как авторы, подписав книгу, они представили ее на книжной ярмарке. Это случилось на 259-й день пребывания Шика в тюрьме³².

Между тем уголовное разбирательство по делу Шика и нескольких других обвиняемых было выделено из дела «Эргенекон» в отдельное – уже по делу сайта ОдаТВ. В качестве обвиняемых там были также представлены владелец этого портала Сонер Ячин и несколько сотрудников – всего 13 подозреваемых все в том же преступлении – в содействии террористической организации³³.

В феврале 2012 г. открытому обсуждению в СМИ подвергся долго замалчивавшийся во властных кулуарах конфликт между ПСР и джамаатом по поводу прерогатив судов и прокуроров с особыми полномочиями. Многим было известно, что в эти структуры проникли сторонники джамаата. На должностях прокуроров они продемонстрировали свои «особые полномочия» не только при судебном преследовании журналистов, но и пытались распространить их на чиновников высокого ранга в исполнительной власти. Судя по очень осторожным и лаконичным сообщениям в СМИ, «жертвой» прокурора «с особыми полномочиями» Садреддина Сарыкая стал руководитель Управления безопасности страны Хакан Фидан, который по поручению премьер-министра встречался с курдскими активистами. По факту встречи названный прокурор вызвал Хакана Фидана для разъяснений; потом он объяснил, что имел на это «особые полномочия», согласно соответствующим статьям УПК. Оппоненты джамаата расценили этот шаг как свидетельство узурпации властных функций людьми Гюлена. Poleмика в СМИ долго не утихала, даже спустя месяцы, в июне 2012 г., турецкий публицист Джюнейт Ульсевер вернулся к этому конфликту. Он писал в портале ОдаТВ: «10 лет нами управляет по виду коалиционное правительство ПСР, вместе с тем мы замечаем, что в нем играют роль различные политические авторитеты. Их состав следующий: ПСР + джамаат + США + некоторые “либеральные” интеллектуалы...» По словам Ульсевера, «...примечательная сторона этой коалиции во власти – сохраняющаяся неприязнь между сторонами, переходящая порой во враждебность и смягчаемая, как можно предположить, американскими дипломатами»³⁴.

Возвращаясь к делу Ахмета Шика, необходимо отметить, что, несмотря на множество предпринятых в его защиту и в самой Турции, и в Европе шагов (нам не известно о подобных шагах со стороны российских журналистов), в качестве подозреваемого в связях с заго-

ворщиками он пробыл в тюрьме 376 дней и был освобожден из-под ареста 12 марта 2012 г., оставаясь подследственным.

Европейские правозащитники не удовлетворились лишь освобождением подследственного Ахмета Шика из тюрьмы – по приглашению руководства Европарламента он выступил 29 марта 2012 г. в Брюсселе перед группой либералов-демократов, высказав убеждение в том, что нынешний судебный аппарат Турции направлен на ограничение свободы журналистов и в целом общества. Он упомянул при этом выступление премьера Р.Т. Эрдогана 13 апреля 2011 г. на заседании Совета Европы, когда тот сравнил некоторые книги с бомбами, предназначенными для свержения власти, имея, очевидно, в виду и рукопись книги А. Шика «Армия имама». А Шик заявил: «Да, я год пребывал в четырех стенах, но мой арест способствовал тому, что проблема свободы слова в Турции стала для всех очевидной». Также в своем выступлении А. Шик отметил, что «джамаат Гюлена, считающийся негласным компаньоном власти ПСР, благодаря своему укоренению в судебной системе и органах безопасности мстит и за прошлое и старается ликвидировать политическую оппозицию». «Очевидно, что в большинстве исков обвиняемые – журналисты, но судят не только их. Судят все виды СМИ. Несмотря на ложь, что эта деятельность якобы не является подсудной, многим моим коллегам судьи и прокуроры задавали вопросы о принципах нашей профессии, об источниках информации... Но заставить замолчать журналиста – это заставить замолчать народ. Молчание – это оружие, от которого не могут отказаться лишь тоталитарные режимы, сохраняющие свою власть благодаря страху и террору».

Выйдя на свободу, Шик и некоторые другие обвиняемые еще долго оставались подследственными, а в тюрьме до конца 2012 г. пребывали Сонер Ялчин, писатель Ялчин Кючюк и бывший прокурор Ханефи Авджи, описавший в своей книге факты проникновения в полицию сторонников джамаата.

Что касается конфликта во властном альянсе, он постепенно угас, и напрасно ожидать, что очередная правда о джамаате способна сильно пошатнуть «государство Гюлена» в «государстве Турция», если сведения, якобы представленные в докладе о джамаате, который был подготовлен для Эрдогана руководством органов безопасности Турции, соответствуют действительности. Сведения эти таковы: капитал джамаата составляет 150 млрд долл.; эти средства «нигде не зарегистрированы», они «находятся в руках компаний, контролируемых джамаатом. Джамаат поддерживается 700 компаниями, в том числе 65 крупными».

В конечном счете влияние и сила джамаата не сводятся к личности Фетхуллага Гюлена, все намного серьезней. Как писал по этому поводу журналист Ахмет Несин в статье «Призыв Эрдогана покончить с Ф. Гюленом», если даже король и уйдет, «роялисты останутся», их численность в ВНСТ составляет, по его данным, 150 депута-

тов. «Против Гюлена карты Эрдогана надежны, но против роялистов?» – вопрошает он³⁵.

Примечания

¹ По инициативе Ф. Гюлена возглавляемый им многие годы джамаат, исповедующий ислам в рамках нурджизма, стал ныне именоваться просто джамаатом. Он наследовал многое из прошлого тарикатов, и прежде всего претензию на некую религиозную сакральность. До прихода к власти умеренного ислама это могло расцениваться как попытка избежать преследования за нарушение одного из кемалистских законов, официально считавшихся навсегда неприкосновенными. Речь идет о Законе о запрете религиозных орденов 1925 г. Ведь еще до 2004 г. Закон об обществах 1983 г. своей 5-й статьей, учитывая конституционный запрет, среди прочих запрещал создание обществ, перечисленных в ст. 174 действующей Конституции. Конкретно имелся в виду Закон о запрете религиозных орденов. Заменявший его при власти ПСР закон № 5253 от 4 ноября 2004 г. уже не содержал упомянутого запрета, правда, как показывает практика деятельности нынешних религиозных мусульманских сообществ, они не стали возвращаться к прежнему термину «орден» и предпочли как бы легальный термин «джамаат» («религиозное сообщество»).

² В том числе на русском языке, доступным, как известно, мусульманам – верующим в государствах СНГ.

³ Lütfi M.Ö. 28 Şubatın Şemdinli'ye derin çeteler. İstanbul, 2007. S. 11. Кстати, пример исламистской неумеренности в духе лозунгов «Милли гёрюш» продемонстрировал тогда же, в конце XX в., и будущий «умеренный» исламист Р.Т. Эрдоган. Будучи в 1994 г. мэром Стамбула и являясь партийным соратником Н. Эрбакана, он в конце 1997 г. на уличном митинге сторонников зачитал стихи, в которых были такие строки: мечети – наши казармы, их купола – наши каски, минареты – наши штыки и вера – наши солдаты. Автором этих стихов, написанных во время Первой Балканской войны 1912–1913 гг., был Зия Гёкальп (1876–1924). Этот поступок привел к судебному преследованию Эрдогана; в обвинении указывалось, что в своем выступлении он нарушил статью 312 УК, которая запрещает кому бы то ни было призывать население к ненависти и вражде. В результате судебного разбирательства в конце сентября 1998 г. он был осужден на 10 месяцев тюрьмы за разжигание религиозной ненависти и 4 месяца провел в тюрьме (Sabah, 24.09.1998; Savaş V. İrtica ve Bölücülüğe karşı Militan demokrasi. 13-ncü basım. İstanbul, 2001. S. 436).

⁴ Güngör, Nasuhi. Yenilikçi Hareket. Ankara, 5 baskı, Haziran 2005. S. 77–79, 81.

⁵ Там же. S. 88–89.

⁶ <http://www.ceza-bb.adalet.gov.tr/mevzuat/5271.htm>; <http://www.feyzioglu.av.tr/yayin/5271-sayili-ceza-muhakemesi-kanunu-hakkinda.html>.

⁷ См.: <http://www.anayasa.gen.tr/1982ay.htm>; TÜRK ANAYASA HUKUKU SITESİ.

⁸ <http://webtv.hurriyet.com.tr/2/9602/15765030/1/iste-basbakan-in-tesekkur-listesi.aspx> 12.09.2010.

⁹ <http://www.milliyet.com.tr/kilicdaroglu-secim-sonuclariyla-ilgili-ilk-yorumunu-24-00-te-yapti/referandum/sondakika/13.09.2010/1288225/default.htm?ref=haberici>.

¹⁰ Исхак Торун, профессор университета Чанкыры Каратекин, убежден, что организации гражданского общества – самое эффективное средство для преодоления разногласий между властью и обществом, для ограничения власти, и необходимо определить, является ли джамаат организацией гражданского общества или нет. Казалось бы, джамааты – выразители и защитники интересов религиозной части общества перед государством. Но в действительности джамааты в современной Турции «не могут считаться организациями гражданского общества по причине противодействия как коллективизации внутри джамаата между его членами, так и их личной индивидуализации. Индивидуальность и различия в джамаатах отодвинуты на задний план... Жизнь джамаата протекает на платформе, которая не является гласной/общественной, она проходит в атмосфере секретности... Организации же гражданского общества воздействуют на процессы принятия решений, используя демократические механизмы, они не устанавливают тайные связи с политической властью и не торгуются с ней тайно, свое давление на нее они оказывают публично. Между тем скрытность и секретность доминируют в деятельности джамаатов в Турции. Поэтому джамааты, не готовые к гласности в общественной среде, не способные упрочить инициативы гражданского общества, не могут считаться гражданским обществом» (Radikal, 18.10.2010). Примерно также, но с предельной лаконичностью отзывается о предшественниках джамаата – тарикатах – известный турецкий публицист Айдын Эрдоган: «Тарикат – это пример общества, применяющего внутри себя иерархию с насколько это возможно жесткостью, превратившего в традицию обращение не к свободному мышлению, а к насилию над ним» (Erdoğan A. İslamcılık ve Din Politikaları. İstanbul, 2006. S. 79).

¹¹ Теперь ему припомнили прошлое, например его реплику в «Джумхуриет» относительно заявления Мадлен Олбрайт: «...Большая часть прибывающих миссий из США при посещении Анкары свои разговоры начинают с Фетхуллага Гюлена: "Позитивное движение. Следим с одобрением. Его шаги в центральноазиатских республиках чрезвычайно полезны... Сторонники шариата поняли – необходимо уживаться с США"» (Cumhuriyet, 22.06.98). Тогда же вышла книга другого подозреваемого – Сонера Ялчина, подробно и без прикрас описавшего деятельность «Милли гёрюш» и ее лидера Неджметтина Эрбакана, его отношения с ордемом накшбандийя (Söner Y. Hangi Erbakan. Ankara, 1995).

¹² <http://www.bianet.org/bianet/bianet/127952-ergenekon-ve-iktidar-arasinda-kalmak>. Ahmet ŞİK. sahmnet@bilgi.edu.tr. 17 Şubat 2011.

¹³ «Годами прослушивается мой телефон. После того как начал работать над книгой, понял, что слежка усилилась. Единственное, чего я не знаю, законна эта слежка или нет, прослушивание и слежка ведутся по решению судьи». <http://www.bianet.org/bianet/bianet/128031-bir-provokator-gazetecinin-itirafleri> Ahmet ŞİK sahmnet@bilgi.edu.tr. 21.02. 2011.

¹⁴ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/128389-savcinin-sorulari-sik-ve-senerin-yanitlari>. 07 Mart 2011.

¹⁵ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/128298-gazeteci-ahmet-sik-ve-sekiz-kisi-daha-gozaltina-alindi>.

¹⁶ См., например: Hablemitoğlu N. Köstebek. 2 baskı. İstanbul, 2006; Yanardağ M. Fetullah Gülen hareketinin perde arkası. Türkiye nasıl kuşatıldı? 2 baskı. İstanbul, 2006.

¹⁷ «Еще до 90-х годов Гюлен пригласил однажды меня в свой кабинет, в руках он держал примерно 100 страниц бумаг и четыре-пять магнитофонных кассет. Все это он показал мне и сказал: «Вот Нуреттинбей, это записи прослушанных ваших и многих других лиц телефонных разговоров». Я взял и посмотрел. Это были прослушанные телефонные разговоры, в основном мои, но также и других моих товарищей по работе. Я спросил его, что особенного в этих записях... Для мусульманина грех даже не телефонные разговоры подслушивать, а заглядывать в чужое окно. Объясните. Его ответ был таким: «Я заставляю заглядывать даже в ваши кошельки. Это мое право». Так Гюлен еще издавна и до настоящего времени создавал свою очень разветвленную разведывательную сеть. Но мы поняли это слишком поздно».

¹⁸ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/120377-ozel-yetkili-mahkemeler-ve-gizli-tanik-uygulamasi-kalksin>. 02 Mart 2010.

¹⁹ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/128313-feyzioglu-hic-kimsenin-mesken-ozgurlugu-kalmadi>. 03 Mart 2011.

²⁰ <http://hurarsiv.hurriyet.com.tr/goster/haber.aspx?id=17219780&tarih=2011-03-09>.

²¹ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/120142-chd-ozel-yetkili-mahkemeleri-de-hsykyi-de-kaldiralim>. 18 Şubat 2010.

²² <http://www.bianet.org/bianet/bianet/128345-turkiye-basininda-karapserembe>. 04 Mart 2011.

²³ <http://www.dw-orld.de/dw/article/0,,14923543,00.html> 19.03.2011. <http://www.svobodanews.ru>. 13.03.2011.

²⁴ Deutsche Welle Türkçe, 18.03.2011.

²⁵ <http://hurarsiv.hurriyet.com.tr/goster/haber.aspx?id=17195641&tarih=2011-03-06> <http://hurarsiv.hurriyet.com.tr/goster/haber.aspx?id=17224301&tarih=2011-03-09>. 09 Mart 2011.

²⁶ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/128586-kalin-saglicakla-gorusecegiz> BIA Haber Merkezi, 15 Mart 2011.

²⁷ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/128829-insel-ithaki-baskini-sikin-kitap-nedeniyle-tutuklandiginin-kanitidir>.

²⁸ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/128898-58-bin-kisi-ahmet-sikin-kitabi-bende-de-var>. 27 Mart 2011.

²⁹ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/129047-ozel-savcilar-ve-ozel-mahkemeler>.

³⁰ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/129107-basin-ozgurlugu-isteniyorsa-once-tmk-kaldirilimali>. 06 Nisan 2011.

³¹ Ibid.

³² <http://www.bianet.org/bianet/siyaset/134081-bu-kitabi-biri-yazdi-biri-duzeltti-biri-redakte-etti>. 06 Nisan 2011.

³³ <http://www.bianet.org/bianet/bianet/134174-gazeteciler-icin-adalet-nobeti>. 21 Kasım 2011.

³⁴ Д. Ульсевер напоминает, что в прошлом «никакого диалога между покойным Эрбаканом и Фетхуллахом-ходжей не существовало... Известно, что до 2002 г. Реджеп Тайип Эрдоган каких-либо симпатий к джамаату не испытывал». «Равным образом также и США до открытия “умеренного ислама” все исламские движения считали враждебными. Но совершилось нападение 11 сентября, после этого США начали искать себе союзников в среде исламских движений... Сейчас мы замечаем, что достигший успехов Р.Т. Эрдоган уже не намерен делить свою власть с партнерами... Потребность в поддержке либералов исчезла. Даже на пути к посту президента либералов он считает препятствием... Премьер-министр начал наконец осознавать опасность, какую создают для демократии суды по особым полномочиям! Эти суды “формируют зону непомерно излишних полномочий”, и убеждение, что суд – хозяин в этой правовой зоне, что “я, суд – особая сила, государство в государстве. Я в любое время вызываю сюда любого, вплоть до президента”. Основная же каста в этом судебском поле – джамаат». – Odatv.com. 10.06.2012.

³⁵ <http://www.odatv.com/n.php?n=gulen-cemaatinin-para-kaynaklari-1108121200>; <http://www.odatv.com/n.php?n=iste-mitin-the-cemaat-raporu-1008121200>; <http://www.odatv.com/n.php?n=erdogandan-fethullah-guleni-bitirme-cagrisi-2106121200>.

Д.А. Савин*

ТУРГУТ ОЗАЛ И ИСЛАМ

На протяжении XX в. религиозная ситуация в Турции многократно менялась. За модернизацией ислама последовал период деисламизации и реализации принципа лаицизма – одной из «шести стрел» Народно-республиканской партии, возглавлявшейся Мустафой Кемалем Ататюрком, первым президентом Турецкой Республики (1923–1938). Лаицизм подразумевал светский путь развития общества на основе принятого Великим национальным собранием Турции (ВНСТ) закона № 431 от 3 марта 1924 г., который ликвидировал халифат. За ним последовала серия реформ, направленных на отделение церкви от государства и школы от церкви. В соответствии с Законом об образовании учебные заведения передавались в распоряжение Министерства образования. Вместо шариатских судов создавалась система светского судопроизводства¹. Важной вехой деисламизации и европеизации общества стал полупринудительный перевод жителей на ношение европейской одежды. В соответствии с принятым 25 ноября 1925 г. Законом о шляпах запрещалось ношение фесок и тюрбанов и вводился европейский головной убор – шляпа². С 1928 г. ислам перестал быть государственной религией. «К. Ататюрк не хотел управлять Турцией посредством традиций, социальных убеждений и символов. Он предпочел создать новую идеологию и символы, которые бы позволили Турции быстро прогрессировать»³, – констатировал А. Фероз.

Преобразования проводились в обстановке постоянной борьбы сторонников и противников реформ в столице и городах. В провинции перемены практически не ощущались. Жители глубинной Анатолии выступали против нововведений, разрушавших их вековые устои. Перестав посещать мечети, турки не перестали молиться дома. Несмотря на гонения, не прекратили деятельность и суфийские тарикаты. Их тайные собрания переместились в частные дома, где происходило религиозное обучение молодежи⁴.

Как отмечал известный турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Орхан Памук, родившийся в Стамбуле и проживший там более полувека, «...никто из моих близких не научил меня ничему, связанному с религией, – возможно, потому, что сами они имели весьма смутное представление об этих материях. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь из них совершал намаз, соблюдал пост или бормотал молитвы. В этом смысле мои родственники походили на фран-

* Савин Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Ярославского Госуниверситета им. П.Г. Демидова.

цузских буржуа, давно отошедших от религии, но боящихся окончательно порвать с ней. Эта образовавшаяся на месте веры пустота, эта леность души может показаться беспринципностью, цинизмом или безбожием, но во времена энтузиазма, сопровождавшего создание светской республики по плану Ататюрка, отделение от религии демонстрировало стремление быть современным и европеизированным»⁵.

Со второй половины XX в. начался пересмотр идей и принципов К. Ататюрка. Заметным стал рост влияния исламистских кругов, «которые в своем видении будущего страны исходили из учета исламского фактора и исламской специфики развития общества. Намети́лась конфронтация этих сил с приверженцами кемализма»⁶.

На исходе XX в. одним из тех политических деятелей, кто намерен был актуализировать исламскую составляющую в жизни турецкого общества, стал премьер-министр и восьмой президент Турецкой Республики Халил Тургут Озал (1927–1993). Он родился 13 октября 1927 г. недалеко от города Малатья в семье ортодоксальных мусульман Мехмета Садык-бея и Хафизы-ханым. Родители не учили его молиться дома, понимая, что сыну предстоит жить и взрослеть в условиях торжества лаицизма.

Семейный уклад определил отношение будущего президента к исламу. В годы учебы на электротехническом факультете Стамбульского технического университета Т. Озал был одним из немногих прихожан университетской мечети⁷. Здесь он познакомился с шейхом ордена накшбандий Абдулазизом-эфенди. Орден активно вербовал новых членов среди студентов инженерных специальностей. Кроме братьев Озалов (Тургута, Коркута и Юсуфа), членом ордена стал Н. Эрбакан, будущий лидер политического ислама. Один из выпускников университета, Э. Гюндоган, называл свою альма-матер «невидимым университетом» – именно в нем студенты престижных светских специальностей искали духовного наставничества и наставлений от деятелей ислама. Еженедельные встречи, продолжавшиеся около двух часов, помогали выработать групповую солидарность, формировали личные отношения и перспективы, дав жизнь исламскому движению, новым социальным-политическим институтам. Сотрудничество Озалов с орденом еще более упрочилось после того, как его возглавил в 1952 г. Мехмет Захит Котку (1897–1980)⁸.

Огромное влияние на религиозные взгляды братьев оказала стажировка в США, знакомство с американским образом жизни, встреча Коркута Озала с мормонами штата Юта. Открытием для него стало то, что религия – один из важнейших и укоренившихся элементов американского образа жизни, что она совместима с прогрессом, а личная вера не противоречит проведению преобразований, наоборот, способствует нравственному развитию человека.

Многие исследователи считают Т. Озала ревностным мусульманином. Однако он сам в интервью разным изданиям говорил: «Я не могу сказать, что являюсь стопроцентным мусульманином. Стараюсь

молиться пять раз в день. Но иногда запаздываю с молитвами. Кроме того, я верю в религиозную свободу»⁹. Для Т. Озала более важным было не соблюдение религиозных обрядов, а роль ислама в качестве гаранта национального единства¹⁰.

Турецкие военные во главе с генералом К. Эвреном, организовавшим военный переворот 12 сентября 1980 г., также рассматривали ислам как базовую идеологию для оздоровления общества и предотвращения идейных конфронтаций (между левыми и правыми), которые едва не привели к гражданской войне на рубеже 1970–1980-х гг. Военные ввели обучение исламу в обязательную программу в школах, что нашло отражение в принятой в 1982 г. Конституции, статья 24 которой гласит: «Обучение и преподавание религии и нравственности осуществляется под контролем и надзором государства. Преподавание религиозной дисциплины и нравственности занимает место среди обязательных предметов в начальных и средних учебных заведениях»¹¹.

Еще более очевидной поддержка ислама со стороны государства стала в эпоху Т. Озала (1983–1993), избранного на пост премьер-министра 6 ноября 1983 г. В созданной им Партии Отечества (ПО) весомую роль играло исламское крыло, его представители заняли влиятельные посты в правительстве. Выделение исламского крыла в ПО было тесно связано с намерением Т. Озала обрести поддержку в обществе среди консервативных масс населения, для которых нормы ислама играли важную роль и от которых зависели успехи задуманных им преобразований. Апелляция к прошлому, к османскому опыту, постоянные встречи Т. Озала с различными социальными группами, участие в фестивалях народной музыки в Конье, пятничных намазах и особенно хадж в Мекку, совершенный в 1988 г., сделали его популярным в народе.

Апелляция Т. Озала к исламским традициям, к наследию прошлого нашла отражение во введении в Стамбуле празднования 29 мая – дня взятия султаном Мехметом Фатихом Константинополя, и происходила в русле концепции тюрко-исламского синтеза, разработанной еще в 1971 г. Она подразумевала соединение технологической вестернизации с поисками турецкой идентичности и возрождением исламских традиций. Модернизация могла быть достигнута посредством проведения либеральной политики.

Либерализм стал краеугольным камнем представлений Т. Озала о перспективах развития государства и общества. Он считал необходимым даровать гражданам демократические свободы – свободу вероисповедания, свободу предпринимательства, необходимые для достижения успеха.

В силу воспитания и образования Т. Озал был озабочен сохранением исламского культурного наследия. В интервью изданию «Wall Street Journal» 3 декабря 1983 г. он отмечал: «С точки зрения технологической, управленческой и экономической мы должны следовать либеральной западной системе. Но мы также должны придерживать-

ся важных исламских социальных норм и моральных ценностей. Это формирует нацию»¹². Именно либеральная политика, принятие серии новых законов вовлекли в экономическую орбиту социальные слои, которые ранее были исключены из нее, в первую очередь религиозные братства. Так, в соответствии с Законом от 16 декабря 1983 г. об особых финансовых институтах стали создаваться многочисленные религиозные фонды (вакфы), которым было позволено финансировать учебные заведения и выплачивать стипендии неимущим студентам. Как структуры, сочетающие в себе черты общественно-политических и финансово-экономических организаций, вакфы стали удобным средством воплощения в жизнь идей строительства исламского общества и государства в Турции. Как отмечала Г.М. Зиганшина, «активная интеграция орденов в современную политическую жизнь на фоне либерализации экономики привела к двоякому результату – с одной стороны, к расширению социальной опоры тарикатов, с другой – к утрате ими первоначальной религиозности, мистицизма, видоизменению их структуры, по своему характеру близкой к объединениям и партиям светского толка»¹³.

Либерализация вызвала бурный рост числа мечетей. Их количество выросло с 57 тыс. в 1983 г. до 72 тыс. в 1987 г. Правительство давало гарантии учащимся исламских школ имамов-хатыбов на поступление в университет. Постепенно росло и число исламских школ и лицеев. В 1970 г. в стране было 40 мусульманских лицеев, десять лет спустя – 249, а в 1990 г. – 384 (в них обучалось 300 тыс. человек)¹⁴. Дипломированные выпускники финансируемых вакфами школ «находили себе применение во вполне гражданских профессиях, науке, бизнесе, во властных структурах, становясь преподавателями, чиновниками, администраторами, политиками, издателями, адвокатами, промышленниками и коммерсантами, формируя новую религиозно-настроенную элиту»¹⁵.

«Исламские кальвинисты» – так назывались представители новых бизнес-слоев, их нередко брал с собой в зарубежные поездки Т. Озал, предоставляя им возможность заключения выгодных контрактов. Это были преимущественно представители провинциальных, анатолийских городов, таких как Сивас, Газиантеп, Кайсери, Малатья, Конья. В них создавались промышленные предприятия (в сфере строительства, ковроткачества, кожгалантереи, мебели, машин и оборудования), продукция которых не только потреблялась на внутреннем рынке, но и экспортировалась за рубеж.

В короткие сроки религиозные общины и связанные с ними предприниматели обеспечили себе важное место в экономике. Новый предпринимательский слой укреплял позиции не только в промышленности и торговле, но и в информационно-пропагандистском бизнесе и сумел создать влиятельные группы давления, будучи финансовым «донором» религиозных и политических сил. По данным К. Каракаша, в настоящее время в Турции насчитывается порядка 130 су-

фийских орденов, крупнейшие из них – накшбандийя, Нурджу и Сулеймание – объединяют около 10 млн человек¹⁶.

Впервые со времен Ататюрка при Т. Озале исламский капитал начал играть весомую роль в экономике. Представители исламизированных бизнес-кругов стали создавать серьезную конкуренцию традиционной светской кемалистской элите, основан в 1990 г. свою ассоциацию – МЮСИАД (Ассоциацию независимых промышленников и предпринимателей).

Намерение Т. Озала объединить разрозненные группы – блестяще образованных молодых либералов, профессионалов, бизнес-круги, которые провозгласили своей основой исламские культурные ценности, и людей из геджеконду (Турция) – не оправдалось. Наоборот, общество разделилось на враждующие лагеря экономически, культурно и идеологически. Кемалистская элита периодически старалась напомнить о необходимости придерживаться идеологии Ататюрка, опасаясь исламизации. Новые исламизированные слои пытались отстаивать свои права.

Показательна позиция президента К. Эврена, знатока османского письма и каллиграфии. Как указывал Х. Поуп, президент «просил Т. Озала ограничить арабские классы в школах и не замышлять о введении османских уроков. Он возражал насчет длины юбок девушек, участвующих в национальном Дне спорта, находя их то слишком короткими и открытыми, то слишком длинными»¹⁷. К. Эврен призывал происламски настроенного министра образования В. Динчирлера внести коррективы в стиль одежды. В итоге в сентябре 1985 г. президент настоял на том, чтобы В. Динчирлер подал в отставку. Т. Озал, вызванный в связи с этим обстоятельством для беседы к К. Эврону, подчеркнул, что невозможно заставить Турцию вернуться в прошлое. Однако президент был более осторожным в принятии новых веяний. Он предпочел выразить несогласие с позицией Т. Озала, следующим образом высказав свое мнение в отношении премьер-министра: «...Он всегда оптимистичен. Он никогда не думает о том, что каждая маленькая уступка, которую он делает, открывает путь большой опасности»¹⁸.

Такую опасность кемалисты увидели в разрешении Т. Озалом ношения хиджабов в вузах в 1989 г. Премьер-министр заявлял: «Наша страна не продвинулась бы вперед и не откатилась бы назад, если бы некоторые студентки покрывали свои головы в университетских аудиториях»¹⁹. Однако конституционный суд постановил, что ношение хиджабов противоречит Конституции. На защиту закона встал и президент К. Эврен. Склонный к решению вопросов путем переговоров, Т. Озал начал маневрировать. Он заявил, что кризис следовало бы урегулировать путем диалога и взаимопонимания. Он подчеркнул, что Турция придерживается демократии западного образца, допускающей и гарантирующей, чтобы ни к кому не относились неодобрительно из-за религиозной принадлежности. В близких к Т. Озалу кругах посчитали, что именно вопрос о хиджабе стоил Партии Отечества победы на выборах 1991 г.

Еще одним обстоятельством, вызвавшим дискуссии в обществе, стало регулярное появление на людях четы Озалов, державшейся за руки, что, с одной стороны, шло вразрез с исламскими нормами, а с другой – служило демонстрацией любви и уважения супругов друг к другу.

Т. Озал выражал взгляды и вкусы жителей глубинной Анатолии (он понимал, что от ее избирателей зависит результат выборов) и, противопоставляя себя кемалистской элите, невольно сталкивал между собой две Турции – светскую и городскую с сельской и религиозной. Под воздействием реформ в провинции проникали новые технологии. Однако индустриализация вызвала рост миграции в города из сельской местности. Вместе с сельскими мигрантами в крупных городах (Стамбуле, Измире) стали распространяться ценности и идеалы, характерные для провинциальной глубинки (кухня, фолк-музыка, религиозные ценности), заставляя привилегированные городские слои ограждать себя от общения с мигрантами.

Т. Озал как «двуликий Янус» разделял вкусы традиционного общества и активно пользовался продуктами западной цивилизации и культуры. Как отмечал Х. Поуп, «он обожал гаджеты, водил внуков в игровые залы столицы и сам играл на компьютере. Компьютеры были его страстью. Интервью у президента часто брались во время просмотра им телеканалов... чаще всего канала CNN...» С одной стороны, ему импонировал американский образ жизни. С другой – выдвинутый Т. Озалом девиз превращения Турции в «Японию на Ближнем Востоке» означал стремление развивать экономику с учетом сохранения и культивирования собственных культурных и религиозных традиций. Турция виделась Т. Озалу в качестве своеобразного моста, связующего Восток и Запад, организующая взаимный диалог между цивилизациями, а также обмен достижениями, как культурными, так и научно-технологическими. Вместе с тем Т. Озал подчеркивал различия между Турцией и Западом: «Мы – исламская страна. Мы отличаемся от Запада. Мы являемся мостом между Востоком и Западом. Мы нуждаемся в том, чтобы перенять науку, технологии, мышление и компромиссы Запада. Но мы имеем собственные ценности, которых нет у Запада»²⁰.

Новый подход к исламу и появление экспортно ориентированной экономики привели к сближению Турции с мусульманскими государствами, как арабскими (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Ирак, Кувейт, Ливия), так и неарабскими (Малайзия, Индонезия, Иран). Проведение активной независимой внешней политики, сокращение сотрудничества с Израилем на фоне арабо-израильского конфликта и признание Палестины предопределили рост авторитета Турции в глазах исламских стран. Новое либеральное законодательство в экономической сфере предоставило особые льготы инвесторам из Саудовской Аравии, Ливии, Ирана, Ирака, Кувейта, ОАЭ, Бахрейна и Катара²¹. Они вкладывали деньги в банковский и туристический секторы и создавали совместные предприятия, такие как «Фейсал финанс»,

«Аль-Барака тюрк», «Ихляс холдинг», «Комбассан холдинг». В 1984 г. Турция достигла соглашения с Саудовской Аравией по вопросам военного сотрудничества и совместного производства военного снаряжения. В августе 1984 г. подобное соглашение было подписано с Египтом.

Улучшение отношений сопровождалось и взаимными визитами на высшем уровне. Так, президент Турции К. Эврен 3–5 декабря 1983 г. посетил Иорданию, а 21–25 февраля 1984 г. – Саудовскую Аравию. Т. Озал посетил Саудовскую Аравию 11 мая 1984 г., а 22–25 мая нанес визит в Ливию. Глава ОАЭ Саид ибн Султан-аль-Нахьян нанес визит в Анкару 8–9 августа 1984 г. Премьер-министр Ирана Мир Хусейн Мусави посетил Анкару 20 января 1985 г. с трехдневным визитом, а 10 марта 1985 г. в столицу Турции прибыл лидер Катара Амир шейх Халифа ибн Хамад аль-Тани с трехдневным визитом²².

Использование ислама во внешней политике носило в значительной степени прагматический и декларативный характер и было вызвано желанием извлечь в данной области максимум экономических и политических выгод²³, в частности получить возможность занять лидирующие позиции в регионе, с которым Турцию тесно связывает историческая, культурная и религиозная общность. «Политика на развитие экономических отношений с “братскими исламскими странами” проводилась в двух основных областях: активизации участия Турции в движении “исламской солидарности”, в первую очередь в работе Организации Исламская Конференция* (ОИК), и развития двусторонних связей с другими исламскими странами»²⁴.

Важной сферой сотрудничества со странами Ближнего Востока стала деятельность турецких строительно-подрядных компаний. По данным Министерства труда Турции, в 1980–1983 гг. на Ближнем Востоке было занято более 150 тыс. турецких рабочих, из них 78 тыс. – в Ливии, 78 тыс. – в Саудовской Аравии, турецкие рабочие находились также в Ираке, Иордании, Кувейте, ОАЭ²⁵.

Турция все чаще стала заявлять о себе как о неотъемлемой части исламского мира, стала играть более весомую роль в ОИК. В январе 1983 г. Турция приняла участие в конференции министров иностранных дел стран ОИК в Дакке. А в январе 1984 г. на саммите ОИК в Касабланке президент К. Эврен был избран председателем Комитета по экономическому и торговому сотрудничеству.

В годы президентства Т. Озала (1989–1993) Турция призывала страны ОИК к периодическим встречам по разным вопросам, в частности по боснийскому, вставшему на повестку дня после распада Югославии. Кроме того, руководство страны ратовало за принятие в члены ОИК новых тюркских республик, образовавшихся в результате распада СССР.

Однако торгово-экономические взаимоотношения с исламскими странами складывались неровно, объемы двусторонней торговли

* С 2011 г. – Организация исламского сотрудничества.

зависели от цен на нефть. Самый активный период продолжался до 1985 г. С 1985 г. заметно снижение объема торговли Турции с исламскими странами. На фоне военного противостояния Ирана и Ирака произошло падение цен на нефть. В результате исламские страны (в первую очередь Иран и Ирак) не могли закупать в прежних объемах для нужд населения турецкие товары. Однако поиск Турцией новых рынков сбыта, новых статей способствовал постепенному росту экспорта и импорта. Так, новым направлением экономических связей Турции в 1980-е гг. стали страны Магриба (Тунис, Марокко и Алжир). Активизировались контакты с США и европейскими государствами. Т. Озал был уверен, что Турция сможет стать единственной в мире страной, которая одновременно является исламской и прозападной.

Изменение отношения к исламу внутри Турции, выход ислама на ведущие позиции в политической и экономической жизни предопределили изменения и во внешней политике, обусловив расширение контактов с арабскими и исламскими странами, инвестиции со стороны которых в турецкую экономику способствовали подъему уровня экономического развития страны и повышению значимости Турции в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Ислам постепенно возвращал утраченные позиции. В 1980-е гг. власти Турции стали рассматривать его как базовую идеологию развития турецкого общества. Открывались новые мечети и религиозные образовательные учреждения. Религиозные ордены активно вовлекались в экономическую жизнь страны. Появился новый предпринимательский класс – «исламские кальвинисты», – удачно совмещавший глубокую религиозность и передовые промышленные технологии. Турция активно стала позиционировать себя как мост между Востоком и Западом. Подход к исламу, выработанный в годы правления Т. Озала, стал ориентиром для последующих турецких правительств.

Примечания

¹ Feroz A. The Making of Modern Turkey. L.–N.Y., 1993. P. 54.

² См.: Turkey 2000. Istanbul, 2000. P. 124.

³ Feroz A. Op. cit. P. 56.

⁴ Орешкова С.Ф. Исламизм в Турции: восстановление былого или новое явление? – Турция в период правления Партии справедливости и развития. М., 2012. С. 16.

⁵ Памук О. Стамбул: город воспоминаний. М., 2006. С. 237–238.

⁶ Орешкова С.Ф. Указ соч. С. 16.

⁷ В 1945 г. семья Т. Озала переехала в Стамбул, где поселилась в консервативном районе Фатих. Мать Т. Озала, Хафизе-ханым, стала последовательницей ордена накшбандийя, штаб-квартирой которого служила мечеть Искендер-паша. Вполне очевидно, что дети последовали затем ее примеру.

⁸ Мехмет Захит Котку (1897–1980) – один из величайших исламских ученых XX в., который в течение многих лет старался распростра-

нять исламские моральные ценности и воспитывать в человеке личность.

⁹ Ozal Turgut. – Current Biography. 1985. N.Y., 1986. P. 321.

¹⁰ Боровой Я. Указ. соч. С. 305.

¹¹ Конституция Турецкой Республики. – Турецкая Республика. Справочник. М., 1990. С. 301.

¹² Ozal Turgut. – Current Biography P. 321.

¹³ Зиганшина Г.М. Религиозные ордена. – Современная Турция: проблемы и решения. М., 2006. С. 109.

¹⁴ Боровой Я. Указ. соч. С. 307.

¹⁵ Шлыков П.В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011. С. 173–174.

¹⁶ Karakas C. Turkey, Islam and Laicism Between the Interests of the State, Politics and Society. – Peace Research Institute Frankfurt (PRIF). 2007. Report № 78. URL: www.hsfk.de/downloads/prif78.pdf. P. 20.

¹⁷ Pope N., Pope H. Turkey Unveiled: A history of modern Turkey. N.Y., 1997. P. 170.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Боровой Я. Указ. соч. С. 308.

²⁰ Ataman M. Leadership change: Ozal leadership and reconstruction in Turkish Foreign Policy. – Alternatives. Turkish Journal of International Relations, 2002. Vol. 1, № 1. Spring. P. 137.

²¹ История Востока. Т. 6. М., 2008. С. 354.

²² Simon R. Turkey. – Middle East Contemporary Survey. Vol. 8. 1983–1984. Boulder, 1986. P. 747.

²³ Подобные цели, например, имел проект «вода в обмен на нефть» с арабскими странами, запущенный в 1986 г. Кроме того, Турция, заняв нейтральную позицию в ирано-иракском конфликте, получила возможность развивать с обеими враждующими странами торговые отношения и поставлять гуманитарную помощь. Турецкое правительство резко противостояло попыткам США вмешаться в ее взаимоотношения с Ливией, что, несомненно, повысило авторитет Турции в регионе.

²⁴ Иванова И.И. «Исламский фактор» в политике турецкого руководства после военного переворота 1980 г. – Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986. С. 130.

²⁵ Иванова И.И. Развитие экономических отношений с исламскими странами ближневосточного региона. – Турция: новые тенденции экономического развития в 1980-е гг. М., 1991. С. 273.

*И.Г. Саетов**

ДЖАМААТ «ИСМАИЛ АГА» В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ТУРЦИИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Исламские институты играют важную роль в общественно-политической жизни Турции, особенно это заметно в последние 10 лет, после прихода к власти «постисламистов»¹. В условиях модернизации производства и общественных отношений способы самоорганизации мусульман претерпели изменения. Тарикаты как традиционный институт уступают свои позиции так называемым «джамаатам». Имеется множество факторов данного процесса: адаптация мусульман к новым условиям, т.е. необходимость жить в секулярном обществе, специфика национального государства, современное понятие «религии», отличающееся от понимания ислама как «дина»². Кроме того, «джамаатизации» способствовали также урбанизация, развитие промышленного производства и другие социально-экономические факторы. В рамках данного подхода к изучению джамаатов выделяются качественные отличия джамаатов от тарикатов³. При этом в настоящее время джамааты количественно уже преобладают над тарикатами. Согласно исследованиям центра «Consensus», джамаат Сулеймана Танухана и движение «Хизмет» (сторонники Фетхуллага Гюлена) составляют до 78% всех мусульман, которые принадлежат к тем или иным движениям или общинам Турции⁴. В соответствии с другим подходом, феномен «джамаата» связан с тем, что из-за запрета кемалистов на организацию суфийских орденов тарикаты вынуждены были называться по-другому. «Исмаил ага» принято называть джамаатом больше из-за этой причины, он гораздо ближе к классическому тарикату, но его члены хотят так себя идентифицировать⁵. Однако у этого «ортодоксального» сообщества есть и признаки «джамаатизации», в связи с чем оно представляет интересный объект для изучения. В данной статье мы будем называть это сообщество мусульман и тарикатом, и джамаатом, в полном соответствии с его восприятием в самой Турции.

Шейх и мюриды «Исмаил ага»

Штаб-квартира и организационный центр «Исмаил ага» располагается в квартале Чаршамба района Фатих в Стамбуле. Из-за специфического внешнего вида мюридов этот тарикат часто попадает в

* Саетов Ильшот Габидович, кандидат политических наук, директор российско-турецкого центра ВГБИЛ.

СМИ; он особенно привлекает внимание так называемых «светских» СМИ, которые пытаются разжечь тревогу из-за «исламизации». Условием вступления в тарикат является ношение бороды, чалмы и длинных одежд наподобие халата – длинного пиджака, женщины же носят черную чадру, закрывающую подбородок. (Во время первого же посещения автором мечети «Исмаил ага» он услышал от сотрудника у входа в мечеть [!] назидательное сожаление по поводу того, что «татары раньше чалму носили».)

Этот джамаат неразрывно связан с именем его первого и пока бессменного шейха – Махмута Устаосманоглу. Он родился в 1929 г. в районе Трабзона. После учебы в религиозных медресе и прохождения службы в армии переехал в Стамбул и служил до 1996 г. имамом одноименной джамаату мечети «Исмаил ага»⁶.

Махмут-эфенди, как его с уважением называют многие мусульмане Турции, с 1960 г. становится шейхом накшбандийского тариката (ветвь Халидия-Муджаддия), после смерти своего мюрида Али Хайдара, турка-месхетинца. Какое-то время после этого Махмут Устаосманоглу находится в тени, выказывая уважение шейху обители Гююшханеви Мехмеду Захиду Котку, который, как считается, дал «политическую иджазу» на политическую активность Неджметтину Эрбакану⁷ (движение «Милли Гёрюш», партии «Милли селамет», «Рефах», «Фазилет», «Саадет») и кружок которого, как утверждают, посещал нынешний премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган⁸.

Только после смерти Захида Котку Махмут-эфенди начинает проводить собственную линию, сочетающую твердую приверженность классическому ханафитскому фикху и суфийские практики.

Известность «Исмаил ага» получает в связи со строительством большого комплекса центров обучения Корану на 1330 учеников в районе Фатих, в центре Стамбула. В это время Махмута Устаосманоглу арестовывали по подозрению в издании фетвы на убийство муфтия Ускудара Хасан Али Унала из-за его противодействия деятельности джамаата, затем отпустили из-за отсутствия доказательств. После он попадал в полицию еще несколько раз, однако до суда дело ни разу не дошло. Среди учеников распространилось мнение о его сверхъестественной защищенности.

Принципы и миссия джамаата «Исмаил ага»

Во время интервью автора с Мехметом Тураном – координатором Федерации Некоммерческих организаций, ценящих человека, организованной при «Исмаил ага», он сформулировал следующие принципы деятельности джамаата.

– Модернизация. «Религия и наука – это два крыла, человек должен заниматься и тем и другим. Занятия наукой, конечно, должны быть в рамках шариата». Мюриды «Исмаил ага» придерживаются строгого ханафизма, раскрывают веру через «знание/деяние/искренность». Руководство джамаата в основном придерживается антимоdernистских воззрений. Кроме того, «Исмаил ага» занимает жесткую

позицию по многим религиозным вопросам. Например, греховной (на уровне макрух) объявляется, в соответствии с положениями мусульманского права, игра в шахматы⁹. Не приемлют многие виды современной одежды (пальто, галстук), в то же время активно пользуются социальными сетями, например фейсбуком.

– Отношения с государством. «Мы занимаемся очищением нафса, с государством же надо сосуществовать. Не надо быть прогосударственным, как и нельзя существовать вне государства, выступать против него». Надо отметить, что рядовые члены джамаата, в отличие от официальных лиц, нередко критикуют правительство, в том числе в социальных сетях.

– Уединение. «Нельзя быть вне социума, но в социуме надо быть с Богом».

– Цель джамаата «Исмаил ага»: «Открыть в каждом квартале мира одно мужское и одно женское медресе... Построить такой мир, где и верующие и неверующие могут жить в спокойствии. Желание воспитать человека, который богобоязнен, ответственен за свои поступки, который может сосуществовать со всеми. В то же время нельзя смягчать ислам, нельзя рассматривать рай как собственный сад, куда можно пускать кого угодно»¹⁰.

В данном контексте можно понять критику лидерами джамаата сторонников диалога, а также модернистов. Ахмет Махмут Унлю, более известный как «Джюббелли Ахмет» (самая популярная в СМИ фигура джамаата), например, не раз критиковал профессора Хайредина Карамана за его попытки обосновать с точки зрения ислама позитивность диалога с другими религиями¹¹. В одном из своих писем Джюббелли критикует Мехмета Акифа Эрсою и «масона» Мухаммеда Абдо за то, «что, претендуя на обновление религии, они ее разрушают».

Общественная и просветительская работа

Одной из составляющих «джамаатизации» тарикатов, на наш взгляд, является переход от сугубо внутрикорпоративной деятельности и замкнутости на себе в общественную правовую сферу, появление черт, присущих западному гражданскому обществу. Отвечая запросам времени (и закона), «Исмаил ага» создал целую сеть общественных организаций (примерно 32), объединенных в упомянутую Федерацию Некоммерческих организаций, ценящих человека¹². «Подготовить почву для жизни, достойной человека, обеспечить создание общества, которое любит свою родину и нацию, сохраняет, защищает и развивает национальные, нравственные, религиозные и культурные ценности», – таковы цели ФНОЦЧ¹³.

Под «зонтиком» этих общественных организаций «Исмаил ага» открывает медресе от Эрзинджана и Эфиопии до Пакистана и Гвинеи¹⁴, а также мечети и молельные комнаты.

Инструкции по методикам общения и миссионерской работы Федерации вывешены на сайте, что позволяет любому члену ФНОЦЧ

воспользоваться данной информацией без обращения непосредственно к своему шейху или его халифам. Кибернетизация некоторых форм коммуникации традиционных мусульманских общин – явный признак трансформации привычных институтов¹⁵.

Приведем перевод небольшого отрывка из подобной инструкции: «Три человека, которые обладают необходимым багажом в области богослужения, морали, жизненным опытом, а также умеют выстраивать отношения с людьми, будут посещать бизнесменов, наносить визиты в кафе, таверны, больницы и заводы по заранее составленной ежедневной программе. Результаты этих встреч ежедневно будут записываться, обязательства по посещениям и отдельным встречам с людьми будут отслеживаться. Посещения тех, с кем выстраиваются отношения, имеют четыре разных уровня: 1) визиты для знакомства: знакомиться, создавать узы взаимного расположения; 2) визиты для интенсификации отношений: усилить образовавшуюся симпатию; 3) визиты для взаимопонимания: пользуясь образовавшейся связью, усилить в их глазах ценность духовных благ нашей религии; 4) визиты с целью делиться: добиться того, чтобы знакомые делились духовными ценностями нашей религии с окружающими и тем самым учились ценить людей.

Сначала составляется недельная программа. В этой программе учитываются: ежедневное посещение бизнесменов и рабочих, три дня в неделю по вечерам – посещение кофеен, один день в неделю – больницы, один день – посещение таверн и баров. Каждый день во время перерывов – посещение заводов. Это расписание необходимо составить по часам.

Каждый день по утрам члены Федерации будут обсуждать как результаты предыдущего дня, так и планы на текущий день.

Посещения бизнесменов будут осуществляться для того, чтобы возродить и поднять уровень их духовной сознательности; во время посещения больниц необходимо обеспечить духовное возрождение больных, обращаясь к их обостренным молитвенным чувствам. Визиты в кофейни должны дать результат в виде посещения библиотек¹⁶, необходимо направлять постоянных посетителей к книгам с тем, чтобы способствовать их духовному возрождению. Во время посещения таверн и баров нужно способствовать духовному возрождению владельцев через получение халяльного¹⁷ заработка, а посетителей – через отказ от вредных привычек. Духовно возрождать рабочих во время посещения фабрик нужно по предварительной договоренности с работодателем, устраивая 10–15-минутные проповеди с религиозным содержанием»¹⁸.

Некоторые особенности богослужения

В целом в области мусульманского права последователи тариката, как уже было сказано, придерживаются ханафитского толка суннизма. В суфийских практиках, поскольку духовную силу Махмуда Устаосманоглу ведут от Бахауддина Накшбанда, через Ахмада

Сирхинди и Халида Багдади, одной из основных книг, которую штудируют мюриды «Исмаил ага», является «Рисалеи-Халидие» последнего. Приведем выдержку из книги по теме, касающейся зикра, поминовения и деятельного созерцания Всевышнего: «Сначала мюрид возьмет омовение, уединится в укромном месте. Сядет на правую сторону, ноги расположит слева. Избавившись от всех своих эмоций и мыслей в состоянии убогости, признания своей вины, он должен молиться для того, чтобы его приняли в его зикре, приверженности к сунне и для хорошего окончания земного пути. Затем он читает одну Фатиху (1-я сура Корана. – *И.С.*) и три Ихласа (112-я сура Корана. – *И.С.*) в качестве подарка душе нашего великого шейха Бахауддина Накшибанда (да будет свята его сокровенность). Затем закрывает глаза, представляет себя лежащим в кровати. И думает, что это его последний отдых, в страхе просит помощи у Бога и говорит “Eşhedü en lâ ilâhe illallah, ve eşhedü enne muhammeden abdühü ve rasûluhü” (“Я свидетельствую, что нет богов, кроме Бога, и я свидетельствую, что Мухаммад – его раб и пророк”. – *И.С.*). Затем представляет, что ангел Азраил (да будет свята его сокровенность) забирает его душу, покачивает ей места в загробной жизни и оставляет ее у его изголовья».

А вот отрывок из книги «Наставление мюридов» шейха Махмуд Устаосманоглу: «Мюрид должен быть трудолюбивым (работягой) и выполнять свои обязанности в полной мере... Сердце должно думать над тем, что произносится языком... Нельзя оставлять надежду и впасть в сомнения. Нужно быть хладнокровным и обязательно продолжать... Когда вы приступаете к выполнению заданий, ваше эго (ан-нафс) начинает внушать, что ноги отекли, руки устали, голова болит и пр. Если, не поддаваясь этим наущениям, будете продолжать свой урок, надежда нафса угаснет и вынужденно повинуется».

Политические пристрастия «Исмаил ага» и перспективы развития джамаата

Несмотря на то, что джамаат не имеет собственной партии, многие мюриды Махмуд-эфенди настроены достаточно агрессивно. Вот одно из высказываний группы «Махмуд Эфенди Хазретлери» в социальной сети Facebook (количество подписчиков – около 110 тыс. человек): «Нет усталости, нет безразличию, джихад – это самое большое религиозное обязательство, братья...» Во время мирового скандала по поводу фильма «Невинность мусульман» эта группа постоянно призывала выйти на митинги, одобряла действия по сжиганию американских флагов и т.д. Впрочем, самому Махмуту-эфенди и его ближайшим соратникам в целом не присущи радикальные лозунги. На выборах джамаат голосовал за правящую Партию справедливости и развития, но, по некоторым данным, в 2011 г. отдал голоса за исламистскую партию «Саадет»¹⁹.

Согласно Социологическим исследованиям, к джамаату «Исмаил ага» принадлежит примерно чуть более 300 тыс. человек. Кроме

Турции, джамаат и мюриды Махмута-эфенди действуют в Грузии, Буркина-Фасо, Эфиопии, Пакистане, России и других странах. Это еще одно доказательство того, что тарикат начинает использовать инструментарий джамаатов – интернационализироваться и даже работать в немусульманских странах.

Возможно, в условиях сосуществования традиционного («архаичного») и современного («модернового») общества, или же, согласно другой концепции, существования «множества модернов», с наступлением постмодерна элементы, называемые «архаичными», нередко органично вписываются в новую пеструю картину мира и периодически реагируют на внешнее чужеродное воздействие. Чем сильнее их пытаются «модернизировать», тем сильнее рефлексивная реакция. Вероятно, агрессивная кемалистская вестернизация и секуляризация в условиях относительной демократии лежат в основе появления и активизации деятельности джамаата «Исмаил ага». С одной стороны, в турецком обществе всегда был силен спрос на духовную составляющую, которую по большей части обеспечивали тарикаты. С другой стороны, политический режим выдавливал ислам из публичного пространства, не считаясь с явно неадекватным соотношением мусульман и их представленностью в политике. На наш взгляд, эти факторы явились основными причинами активизации «Исмаил ага». Члены джамаата создали своеобразное гетто – и материальное, и духовное, – в котором закрываются от внешнего мира. Однако, условно перейдя из квартала Чаршамба через залив Золотой Рог и оказавшись на улице Истикляль, известном центре светской жизни, мюриды Махмута-эфенди явно оказываются не в выигрышной ситуации. Несомненно, что методы, предлагаемые тарикатом для существования в условиях модерна, являются специфическими и не могут стать универсальным решением ни для всех мусульман, ни для даже значительной их части. По мнению Али Булача, члены джамаата могут легко ассимилироваться при потере идентичности. Он считает их аутентичной турецкой общиной, которая может выжить только в резервации. Рушен Чакыр предполагает, что эта «фольклорная» группа мусульман не способна на долгосрочное существование из-за неспособности решить многие современные проблемы, например женский вопрос²⁰.

Представляется, что главной проблемой джамаата в течение ближайших лет будет вопрос смены лидера – Махмут-эфенди уже стар и немощен, и после его смерти община может распасться на несколько течений. Человека уровня самого шейха в данный момент не наблюдается, что грозит джамаату взаимными распрями. При решении этой проблемы «Исмаил ага» имеет все шансы выжить и развиваться. Однако это развитие, несомненно, означает все больший отказ от «тарикатской», замкнутой на себе составляющей и «джамаатизации» общины. Если этого не произойдет, количественное и качественное развитие «Исмаил ага», по всей видимости, будет невозможно.

Прмечания

- ¹ См.: Bulaç A. İslamcıların söylemleri. – Zaman, 13.08.2012; Mümtaz'er Türköne. İslamcılığın defin ruhsatı. – Zaman, 14.08.2012.
- ² См.: Silverstein B. Islam and Modernity in Turkey. N.Y., 2011. P. 9–11; Asad T. Formations of the Secular Christianity, Islam, Modernity. Stanford, 2003. P. 25; Syed Muhammad Naquib al-Attas. Prolegomena to the Metaphysics of Islam: An Exposition of the Fundamental Elements of the Worldview of Islam. Kuala Lumpur, 1995. P. 41–60.
- ³ См.: Bulaç A. Din Kent ve Cemaat. İstanbul, 2008.
- ⁴ Türkiye'nin cemaat tablosu (Konsensus'un yaptığı «Türkiye Gündemi Mayıs 2011» başlıklı anket çalışması). – Vatan, 22.06.2011.
- ⁵ Один из мюридов джамаата «Исмаил ага» писал на одном из турецких Интернет-форумов: «Это настоящий накшбандийский тарикат, а не продолжение практик Сулеймана Танухана, Бедиуззамана Саида Нурси или Али Хайдар Эфенди». – <http://www.guncelyorum.com/2006/10/02/ismailaga-cemaati-ne-yapar>.
- ⁶ Çakır R. Ayet ve Slogan Türkiye'de İslami Oluşumlar. İstanbul, 2012. S. 57–59.
- ⁷ İslamcılık. (Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce). İstanbul, 2004. S. 441.
- ⁸ Mardin Ş. Religion, Society, And Modernity in Turkey. Syracuse, 2006. P. 288.
- ⁹ Eğlence ve yarışma hususunda: <http://www.ihvanlar.net/2012/08/04/yarisma-ve-eglenme-hususunda> (последнее посещение 01.03.13).
- ¹⁰ Архив автора, «Исмаил ага» – «МТ» – «1».
- ¹¹ Cübbeli Ahmet Hoca Hayrettin Karaman'a Reddiye 8 Mayıs 2011 (видео на Youtube.com). – <http://www.youtube.com/watch?v=1cyxSzhYeHA> (последнее посещение 20.02.13).
- ¹² Сайт IDDEF <https://www.iddef.org> (последнее посещение 01.02.13).
- ¹³ Устав ФНОЦЧ: İnsana değer veren dernekler federasyonu. İç tüzük. 2012.
- ¹⁴ Корпоративный ежемесячный бюллетень ФНОЦЧ «Tebliğ Ruhu» от Шабана 1433 г. по хиджре (2012 г. по григорианскому календарю). С. 9–75.
- ¹⁵ Саетов И.Г. Кибермусульмане, гипермахалли и медиамечети: исламские общины в информационном обществе. – Информационно-аналитический портал «Ислам в РФ» от 09.08.2012: <http://www.islamrf.ru/news/analytics/expert/23367> (последнее посещение 2.03.13).
- ¹⁶ Традиционные кофейни «kırğathane» ранее часто также служили читальным залом или местом встреч с писателями и журналистами.
- ¹⁷ То есть разрешенного шариатом в конкретной правоприменительной практике.
- ¹⁸ İDD'nin Faaliyet Şekli: <https://iddef.org/kurumsal/idd-nedir> (последнее посещение 2.03.13).
- ¹⁹ Hangi cemaat kime oy verecek? – Aktifhaber, 4.06.11: <http://www.aktifhaber.com/hangi-cemaat-kime-oy-verecek-451397h.htm> (последнее посещение 27.02.13).
- ²⁰ Çakır R. Указ. соч. S. 69–70.

*Н.М. Мамедова**

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА В УСЛОВИЯХ ИСЛАМСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Социальное развитие общества и социальная политика государства тесно связаны с динамикой и направлениями экономического развития, но эта взаимосвязь не прямолинейна, и расхождение между ними особенно остро проявляются в периоды смены страной социально-экономической модели развития. Наглядным примером такого противоречия между экономическим ростом и социальным состоянием общества стала «белая революция» в Иране, сменившаяся «исламской революцией». Шахская социально-экономическая модель, сформированная на основе реформ 1960–1970-х гг., обеспечила Ирану в течение десятилетия (с середины 1960-х до середины 1970-х гг.) одни из самых высоких темпов экономического роста в мире – свыше 10%. Однако эта модель потерпела крах главным образом из-за того, что не был найден нужный баланс в отношениях между богатеющим за счет валютных доходов от нефти государством и обществом. В целом уровень ВВП на душу населения вырос (за десять лет, с 1966/67 по 1976/77 г., в 3,8 раза¹), однако стало быстро расти и расслоение общества. Накануне революции коэффициент Джини, показывающий уровень неравенности, или справедливости, распределения доходов, составлял 0,514² (чем выше к единице, тем значительнее неравенство доходов). Это, конечно, не столь критично, как было в других соседних с Ираном странах, но понятие неравенства, как и бедности, помимо объективного, всегда имеет и субъективное измерение. Понятие субъективного неравенства включает разные аспекты – от экономических до культурных. Это и разница в бытовых условиях, особенно в быте европеизированной прослойки населения и традиционных слоев, не получивших практически ничего от нефтяных денег, разница в доступе к здравоохранению, образованию, к возможности использования родного языка. Вызывали недовольство распространение проституции, алкоголя, засилье иностранного влияния в культуре, пренебрежение к традиционным ценностям, в том числе религиозным. Повышение жизненного уровня городского населения имело громадный демонстративный эффект для жителей деревень, особенно для тех, кто не получил в результате аграрной реформы землю в собственность и стал особенно быстро пополнять ряды городской малоквалифицированной и часто сезон-

* Мамедова Нина Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором Ирана Института востоковедения РАН.

ной рабочей силы в 70-е гг. XX в. По субъективной оценке, неравенство в Иране где-то к середине 1970-х гг. стало весьма сильным, что отчетливо проявилось в повышении уровня социальной напряженности, а с 1978 г. – в открытом противостоянии шахскому режиму.

При этом нельзя сказать, что в области социальной политики шахским режимом ничего не делалось, наоборот, был проведен комплекс социальных реформ. По замыслу шаха М. Реза Пехлеви сама концепция «белой революции» предполагала, что все общество должно принимать участие в происходящем. Возможно, что это была попытка не только использовать опыт европейской социал-демократии, но и дать проводимым в стране реформам исламское обоснование. Ведь принцип соучастия – *шаракят* – это принцип, лежащий в основе всей исламской правовой системы. В период шахских реформ были приняты вполне прогрессивные законы о труде, об участии рабочих в распределении прибыли, закон о распределении части акций крупных государственных и частных предприятий среди их работников. Многие были сделаны для ликвидации неграмотности, повышения уровня образования, для приобщения женщин к участию в экономической и политической жизни. Когда в конце 1970-х гг. экономика в результате «вброса» в нее нефтяных денег была разбалансирована и возник дефицит товаров на внутреннем рынке, государство стало фиксировать цены на основные товары – тоже в интересах населения. Но хотя все экономические реформы проводились официально под лозунгом соучастия в них населения страны и этот же принцип лежал в основе проводимой режимом социальной политики, фактически реального соучастия большинства населения в преобразованиях не наблюдалось. В итоге режим пал (в феврале 1979 г.), но не в результате заговора или внешнего вмешательства, а из-за массовых выступлений против режима, в том числе против его социальной политики.

Исламский режим сделал своей основной целью поддержку обездоленных (*мостаазефин*), т.е. тех, кто не смог стать соучастником экономических изменений, а также тех, кто субъективно чувствовал себя ущемленным проходившими в стране процессами. В новой Конституции, принятой в декабре 1979 г., говорилось, что «целью исламского правления является рост человеческой личности в направлении божественного строя, а также раскрытие и расцвет способностей человека»³, что «исламское правление обязано обеспечить равные возможности для всех, занятость и удовлетворение потребностей человека для продолжения его развития»⁴. Перед новым исламским руководством встала задача: какова должна быть конкретная социальная политика и как она должна быть соотнесена с исламскими принципами справедливости?

В начальный период после исламской революции многие законы и организации, созданные при шахе и отвечавшие за социальную политику, были отменены и распущены. Но постепенно, по мере «взросления» исламского государства, оно стало использовать неко-

торые из тех направлений и институтов социальной политики шахского режима, которые не противоречили целям нового государства.

Практически во всех государственных планах социально-экономического развития целью социальной политики признавалось и признается снижение уровня экономического неравенства путем справедливого распределения доходов. При этом само понятие справедливого распределения на разных этапах менялось. Так, в первое десятилетие исламским принципом справедливости объяснялась национализация крупной собственности в пользу всей *уммы* (общины верующих), в настоящее время (в начале 2010-х гг.) религиозный лидер страны объясняет необходимость приватизации также принципом справедливости, который заключается в доступе к государственной собственности широких масс населения.

Социальная политика имеет много аспектов. Рассмотрим некоторые из тех ее направлений, которые наиболее тесно связаны с исламским характером власти.

Прежде всего необходимо остановиться на общих показателях, характеризующих уровень жизни иранского населения и степень его расслоения. В 2010 г. ВНД (валовой национальный доход) на душу населения составил по обменному курсу 4520 долл. (116-е место в мире), а по ППС (паритетам покупательной способности) – 11 500 долл. (95-е место)⁵. Это выше среднего уровня по миру. Индекс Джини в 2005 г. оценивался в 0,383, в 2006 г. – 0,445, в 2008 г. – 0,400⁶. Таким образом, уровня выше 0,45, который уже грозит социальными потрясениями, в настоящее время в Иране нет, но все-таки видна тенденция к некоторому его повышению. С 1998 по 2005 г. хотя и незначительно, но изменились в лучшую сторону показатели бедности. Доля населения, живущего за чертой международного уровня нищеты в 1,25 долл. в день, не изменилась и составляла менее 2%, но индекс глубины бедности этой группы населения уменьшился с 0,5 в 1998 до 0,34 в 2005 г. Уменьшение с 1998 по 2005 г. доли населения, живущего на доходы менее 2 долл. в день (с 8,3 до 8%)⁷, при сохранении одинакового индекса глубины бедности можно расценивать как повышение их доходов. В 2008 г. на самую низшую децилю населения пришлось 2,2% всех доходов, на вторую – 3,6%, третью – 4,7%⁸. Таким образом, на три низших группы (т.е. 30% наиболее бедного населения) пришлось лишь чуть более 10% доходов населения, а наибольшая его часть – 72% – пришлось на четыре высших децили (40% жителей). Государственной политикой предусматривается оказание социальной поддержки именно трем низшим децилям населения, о чем говорится в тексте действующего пятилетнего плана (2010–2015) и Двадцатилетней программы социально-экономического развития (до 2025 г.). В целях ликвидации бедности и неравенства руководством страны предприняло ряд мер.

Постоянно повышается уровень минимальной заработной платы, от которой ведется начисления по социальным выплатам. Минимум заработной платы определяется ежегодно. С 2000/01 по

2010/11 г., по данным Центрального банка Ирана, она выросла более чем в 4,5 раза – с 57 до 303 долл. в месяц⁹. Эти показатели в целом корреспондируются с данными, приводимыми Всемирным банком в последнем отчете за 2013 г. В нем указано, что реальная минимальная заработная плата (в ценах 2005 г.) выросла со 154 долл. в 2007 г. до 277 долл. в 2010 г. Четко прослеживается зависимость оплаты от стажа работы. В 2012 г. разница в оплате занятого после 10 лет работы в 10 раз превышала зарплату работника, имевшего 1 год работы¹⁰. В ноябре 2012 г. были приняты поправки в налоговое законодательство, согласно которым от выплаты подоходного налога освобождались физические лица, занятые в частном и государственном секторах, годовой доход которых не превышает 84 млн риалов, или 6850 долл.¹¹ (550–580 долл. в месяц).

Происходит качественное изменение жизни даже в самых низших децилях, особенно среди городского населения, имеющего одинаковый с высшими децилями доступ ко всем базовым коммунальным услугам. Этот низший слой населения более чем наполовину обеспечен всеми бытовыми электроприборами. Сельское население к 2010 г. почти на 100% обеспечено качественной питьевой водой, электроэнергией, газом. Число пользователей Интернета в 2009–2010 гг. по стране составило 11–13 на каждые 100 человек¹². Компьютерами оснащены даже все сельские школы.

В целях воплощения принципа исламской справедливости реализуются программы по участию населения в различных экономических проектах. Каждое из правительств пытается внести свои формы привлечения населения к более активному участию в экономике. Наиболее наглядно это проявляется при проведении приватизации.

Как и в других странах, которые начинали осуществлять программы приватизации, в Иране в 1990-е гг. одной из форм приватизации стала продажа акций по сниженным ценам для своих работников. Но этот вид привлечения широких масс населения в экономику не получил сколько-нибудь значительного социального эффекта, так как на первоначальном этапе приватизации акции нередко скупались руководством компаний.

Для более широкого подключения населения к участию в экономической жизни была разработана программа по выпуску специальных акций, или так называемых «бумаг участия» – *оураге мошарекят*. Их первый выпуск был проведен еще в 1994 г. Тегеранским муниципалитетом для модернизации фабрик и реконструкции шоссе Наваб¹³. В исламской финансовой правовой системе такого рода ценные бумаги относятся к категории «сукук» – исламскому эквиваленту облигаций. Все поступления от «сукук» связаны с реальными активами или доходами от созданных активов, а не являются просто полученной прибылью в виде процентов. Действие этих первых акций, или облигаций, было рассчитано на 4 года, годовая прибыль гарантировалась на уровне 20%, реальный размер дивидендов составил 20,5%. Впоследствии акции стали выпускаться различными государ-

ственными компаниями и банками, а оплата по ним гарантировалась Центральным банком за счет бюджетных средств, средств других банков, за счет местных бюджетов. Средства от реализации этих акций через Тегеранскую биржу или банки идут на строго определенных проекты, например, нефтехимию в 2011 г. Тогда часть заводов была вынуждена перейти из-за введенных против Ирана экономических санкций от импорта бензина на его производство на нефтехимических объектах.

Наиболее известной из популистских мер правительства стал выпуск акций участия по программе «Мехр», принесшей популярность президенту страны М. Ахмадинежаду, который еще в первую предвыборную кампанию 2005 г. выступил с лозунгами справедливости («адалат»). Программа предусматривает строительство жилья для малоимущих, особенно в провинциях. Построенные дома и квартиры предоставляются в аренду сроком на 99 лет. Хотя иранский парламент сократил бюджетную поддержку этой программы, более половины выпуска акций участия в 2010/11 г. по программе «Мехр» обеспечил Ипотечный банк – более чем на 6 млн долл.¹⁴

Была также разработана программа, предусматривавшая соблюдение религиозного принципа справедливости при приватизации государственной собственности путем выпуска акций справедливости. Если акции, или бумаги участия, предполагали участие населения в финансировании различных проектов и в получении прибыли по результатам их выполнения, то целью выпуска акций справедливости являлось участие населения в приватизационном процессе в целом. Такие акции стали выпускаться после принятия руководством страны во второй половине 2000-х гг. (после смены реформаторских сил неоконсерваторами) программы приватизации большей части государственной собственности. Были определены категории различных групп населения, получающих акции, а также очередность распределения акций. Первая и самая многочисленная группа (более 7 млн человек) получала акции на безвозмездной основе. К ней были отнесены семьи, потерявшие родных на войне с Ираком, имеющие доход ниже прожиточного уровня, инвалиды войны и семьи, не имеющие кормильца. Акции выпускал Фонд справедливости, в который передавалось 20–30% акционерного капитала приватизируемых предприятий. Предполагалось охватить этой программой до 24–25 млн человек. Конечно, эффект от этих акций может быть значительно снижен в условиях санкций, но уже сама попытка придать процессу приватизации более справедливый характер заслуживает внимания.

Как и во всех странах, социальная политика направлена в ИРИ на улучшение условий труда. Трудовое законодательство приведено в соответствие с требованиями МОТ. Но в нем больше внимания уделено доплатам на детей, за выслугу лет, организации ухода за маленькими детьми. Увольнение работников крайне затруднено, что зачастую тормозит процессы модернизации и приватизации, так как

новый собственник сталкивается с проблемой сокращения избыточной рабочей силы. Затраты на обеспечение социальной безопасности работников составили в 2005–2010 гг. 30% от заработной платы, что сравнимо с показателями для многих европейских стран¹⁵.

Одной из наиболее острых социальных проблем Ирана остается безработица. Из 74-миллионного населения страны свыше 65% – это лица рабочих возрастов, а доля занятого населения не превышает 49%. При приблизительно одинаковом соотношении в трудоспособном населении мужчин и женщин (мужчин – 65%, женщин даже больше – 67%) доля занятых среди мужчин составляет 74%, а женщин – в 4 раза меньше, т.е. около 20%¹⁶. По данным Всемирного банка, уровень безработных в 1990–1992 гг. составлял 11,1%, а в 2007–2010 гг. опустился лишь до 10,5%, при этом уровень безработицы среди мужчин составлял соответственно 9,5 и 9,1%, а среди женщин – 24,4 и 16,8%¹⁷. Особенно он велик среди молодежи от 15 до 24 лет: среди мужчин – 20%, среди женщин – 34%¹⁸. По неофициальным оценкам, безработица достигает 40%. Но нужно отметить, что до 2009 г. уровень безработицы стабильно снижался. Затем, помимо кризиса, на экономическую ситуацию огромное влияние стали оказывать санкции. Многие предприятия, уменьшившие импорт комплектующих изделий, были вынуждены сокращать производство. Приостановлена реализация многих проектов. В целом политика государства в ИРИ в отношении проблемы безработицы аналогична политике в других странах.

В то же время в Иране широкое распространение получила практика субсидирования как производителей, так и потребителей. Практика субсидирования потребительских товаров, как отмечалось выше, использовалась еще при шахе и подвергалась в тот период критике оппозиционного духовенства, тесно связанного с *базари* и *синфами* (организациями торговцев и ремесленников), на которые был возложен контроль за розничными ценами. Но после революции, особенно во время войны с Ираком, субсидирование цен было не только восстановлено, но и распространено на значительно более широкий круг товаров. После начала проведения в 1990-е гг. рыночных реформ система фактически тотального государственного ценообразования была разрушена. Тем не менее поддержание цен на такие базовые товары и услуги, как хлеб, электроэнергия, топливо, лекарства, коммунальные услуги и общественный транспорт, продолжало дотироваться из бюджета. И эти выплаты в 2000-е гг. продолжали расти, особенно после парламентских выборов 2004 г., когда реформаторы были фактически вытеснены с политической арены. С 2003/04 по 2007/08 г. бюджетные выплаты на субсидии выросли в 1,7 раза, а доля бюджетных затрат на субсидирование увеличилась с 12,7 до 15,7%¹⁹. В настоящее время проводится, пожалуй, крупнейшая из экономических реформ в последние два десятилетия – сокращается субсидирование на эти базовые товары. Однако беспрецедентными являются и социальные выплаты малообеспеченному населению вза-

мен потерь от повышения цен – так называемая адресная поддержка. С октября 2010 г. был создан специальный фонд за счет поступлений НДС на товары высшей ценовой категории. Помощь от него направляется главным образом малоимущим семьям (до 50% средств фонда), а также на поддержку производств, использующих субсидированные ранее товары, т.е. на развитие промышленности, сельского хозяйства и транспорта (до 30%). Были введены упрощенные трансферты для любой семьи, которая подавала заявку на получение помощи. Желательными первой очереди оказались 19 млн семей, или почти 80% населения Ирана²⁰. Эти социальные выплаты постепенно сокращаются, но, тем не менее, помогают низшим слоям населения адаптироваться к постепенному повышению цен.

Население Ирана охвачено системой социального страхования. Действует очень сложная и фрагментарная система пенсионного обеспечения, дающая пенсионерам довольно приличный уровень жизни. Минимальная пенсия равна минимальной заработной плате, или около 70% от средней зарплаты по стране. Действует несколько крупных пенсионных фондов (Организация социальной защиты²¹, Организация социального обеспечения²², Пенсионная организация государственных служащих)²³, кроме них – не менее 20 профессиональных пенсионных фондов. Последние принадлежат главным образом крупным предприятиям в области нефти, телекоммуникаций, транспорта, металлургии, финансов (в том числе Центральный банк) и вооруженных сил. Социальная помощь оказывается и через исламские фонды, такие как Комитет имама Хомейни, Фонд шахидов, Фонд 15 мордада, Фонд обездоленных. По разным оценкам, число только официально действующих в стране религиозных и общественных благотворительных фондов составляет около трех тысяч.

Несколько десятков тысяч вакфов и других религиозных организаций занимаются благотворительной деятельностью. Для иранских условий такого рода помощь является типичным явлением. По оценкам отдельных международных и иранских экспертов, различного рода субсидии превышают доход иранской семьи от работы и своей собственности. Отчеты о благотворительной деятельности Комитета имама Хомейни регулярно публикуются Статистическим центром Ирана. В марте 2007 г. этот фонд насчитывал 1357 отделений, которые оказывали регулярную и нерегулярную помощь малоимущим, а также в рамках проекта Шахид Раджаи для поддержки семей шахидов. Общая сумма выплат составила 9790,4 млрд риалов (свыше 9 млрд долл.), а все бюджетные расходы на социальные цели составили в том же 2006/07 г. 69 959,1 млрд риалов. Таким образом, только выплаты одного фонда – Комитета имама Хомейни – составляли 14% от общих государственных затрат на социальные нужды²⁴. Бюджетные ассигнования на социальные выплаты с 2003/04 по 2007/08 г. увеличились вдвое, а их доля в общей сумме бюджетных расходов возросла с 12,7% в 2003/04 г. до 16,1% в 2007/08 г. (а в 2006/07 г., т.е. до начала действий санкционного режима, равнялась 18,5%)²⁵.

Значительное место в социальной политике уделено образованию. Режим возвел необходимость получения образования в религиозную обязанность (согласно фетве Хомейни). В отношении взрослого населения была расширена начата при шахе программа по борьбе с неграмотностью. Курсы по ликвидации неграмотности получили право на выдачу дипломов о среднем образовании, дававших возможность поступать в вузы. Расширена сеть вузов. Если, согласно переписи 1966 г., число грамотных в общем населении страны составляло всего 28,7% (в том числе среди женщин – 17,4%), а накануне исламской революции, согласно переписи 1976 г., равнялось 47,5% (среди женщин – 35,5%), то уже в 1986 г. этот показатель вырос до 61,8% (среди женщин – 52,1%), в 1996 г. – до 79,5%, в 2006 г. – до 84,6%. Показательно, что стал быстро сокращаться разрыв между общей и женской грамотностью. Уже согласно переписи 1996 г. уровень грамотного женского населения поднялся до 74,2%, а в 2006 г. – до 80,3%, практически сравнявшись с общим показателем грамотности²⁶. С 1976 по 2010 г. доля грамотного населения (с 15 лет и выше) увеличилась с 47,5 до 85%²⁷. С 1995 по 2010 г. доля грамотности среди молодежи возросла с 77 до 99%²⁸. В 2009–2010 гг. расходы на образование составили около 5% ВВП и почти 20% всех бюджетных расходов. При этом нужно учитывать, что в результате демографических изменений, которые приближают Иран к европейским показателям, постепенно уменьшается доля населения школьных возрастов, а расходы на образование увеличиваются. Число учащихся в школах и колледжах в 2010 г. превысило 13 млн, в вузах – 4 млн, кроме того, 1,5 млн учатся в системе университета Азад (Свободном, или Открытом, университете)²⁹.

Большое внимание уделяется вопросам здравоохранения. Продолжительность жизни увеличилась с 58 в 1979 г. до 70 лет для мужчин и до 73 лет для женщин к 2010 г.³⁰ Показатели здоровья по Ирану выше средних по региону. Смертность детей до пяти лет в ИРИ неуклонно снижалась – с 65 (на 1000) в 1990 г. до 27 в 2009 г. Коэффициент материнской смертности за тот же период снизился со 150 до 30 (на 100 000 новорожденных)³¹. Постоянно растут бюджетные расходы на здравоохранение и их доля в ВВП страны (до 5–6%). Доля государства, несмотря на участие частного сектора в этом секторе социальной инфраструктуры, в общих расходах на здравоохранение продолжает оставаться высокой – свыше 40%. Всего на душу населения на цели здравоохранения было потрачено в 2010 г. по ППС 836 долл., по обменному курсу – 317 долл. Исследование расходов городских семей показывает, что каждой семье в 2006/07 г. были предоставлены различные медицинские услуги на 10,7 млн риалов, между тем как расходы самих семей на здравоохранение не превысили 40% от этой суммы³².

В определенной мере успешность социальной политики характеризуется такой показателем, как Индекс развития человеческого потенциала. За период 2000–2010 гг. этот индекс в Иране имеет по-

стоянную тенденцию к повышению, что свидетельствует о положительной динамике социального развития. Индекс развития человеческого потенциала Ирана растет быстрее, чем общемировой и региональный. В 2010 г. Иран занял 70-е место в рейтинге стран по этому показателю (Турция – 83-е), в 2011 г. – 88-е (Турция – 92-е), войдя в группу с высоким уровнем³³.

Таким образом, некоторые из направлений социальной политики Ирана адекватны общемировым, другие имеют религиозную окраску. Но то, что социальная политика является приоритетной для исламского режима – очевидно. Социальные показатели являются относительно высокими по региональным стандартам. Большинство показателей человеческого развития за время существования исламской республики заметно улучшилось, особенно благодаря усилиям руководства страны по расширению доступа населения к образованию и здравоохранению. В то же время в условиях ужесточающегося с конца 2000-х гг. санкционного режима и ухудшающейся из-за этого экономической ситуации в Иране высока вероятность сокращения бюджетных поступлений. По этой причине значимость социального аспекта в политике нынешнего руководства ИРИ еще более возрастает, ибо от эффективности социальной политики во многом зависит сохранение доверия населения к исламской форме правления.

Примечания

¹ В постоянных ценах 1990/91 г. Подсчет по данным: National Accounts of Iran. 1338–1379. Tehran, 2003. P. 49.

² Iran Media Guide. Tehran, 2001. P. 13.

³ Конституция ИРИ. Раздел «Способ правления в исламе». – Весна свободы. М., 1994. С. 67.

⁴ Конституция ИРИ. Раздел «Экономика – это средство, а не цель». С. 68.

⁵ World Development Report, 2012. P. 392.

⁶ www.CIA.gov. World Factbook, 2012.

⁷ World Development Indicators, 2012. P. 69.

⁸ Central Bank IRI. Economic Report and Balance Sheet. 2008/2009. P. 198.

⁹ Central Bank IRI. Annual Review, 1389 (2010/2011). P. 60.

¹⁰ World Development Report, 2013. P. 368.

¹¹ Вестник Кавказа, 01.11.2012.

¹² www.CIA.gov. World Factbook, 2012.

¹³ Central Bank of the IRI. Credit Department. Participation Paper, from Beginning up until Now. P. 1.

¹⁴ Ibid. P. 4.

¹⁵ World Development Report, 2013. P. 370.

¹⁶ World Development Report, 2013. P. 340, 342, 344.

¹⁷ World Development Indicators, 2012. P. 59.

¹⁸ www.CIA.gov. World Factbook. 2012.

- ¹⁹ Подсчитано по: Салнаме-йе амарие кешвар 1385. Тегеран, 2007. Табл. 18.2.
- ²⁰ Мамедова Н.М. Санкционный режим в отношении Исламской Республики Иран и его влияние на ситуацию в стране. – Санкции и их влияние на Иран. М., 2012. С. 9–10.
- ²¹ Ставка взносов – 33%, из них 23% платит работодатель, 7% – работник и 3% – государство. 3% капитала фонда идет на страхование от безработицы, 9% – на медицинское страхование, 21% – на все виды пенсий и выплат.
- ²² Реципиенты не платят взносов.
- ²³ Ставка социальных взносов в этот фонд составляет 22,5% от базовой зарплаты: 13,5% платит работник, 9% – работодатель. Служащие со стажем более 30 лет не платят взносы. Из этих средств финансируются пенсии по старости, нетрудоспособности и по случаю потери кормильца, а также медицинское страхование пенсионеров.
- ²⁴ Салнаме-йе амарие кешвар 1385. Расчет по данным табл. 18.2 и 14.8.
- ²⁵ Подсчитано по данным: Салнаме-йе амарие кешвар 1385. Табл. 18.2.
- ²⁶ Салнаме-йе амарие кешвар 1385 (2006/07). Табл. 15.2 (Population and number of literate people by sex and age group).
- ²⁷ World Development Bank. Iran, Islamic Rep. at a glance, 29.03.2012.
- ²⁸ World Development Bank, October 2012. Iran Overview.
- ²⁹ Annual Review, 1389 (2010/2011). P. 61.
- ³⁰ World Development Report, 2012. P. 392.
- ³¹ World Development Bank, October 2012. Iran Overview.
- ³² Салнаме-йе амарие кешвар 1385. Табл. 19.2.
- ³³ Human Development Report, 2011.

*Е.В. Дунаева**

ШИИТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ИРИ

Специфика политической системы ИРИ заключается в тесном переплетении элементов демократической системы и теократических принципов, которые закрепляют реальную политическую власть за духовенством. Шиитские богословы стоят во главе ряда институтов власти и контролируют деятельность выборных органов. Однако не только через традиционные или властные структуры духовенство активно участвует в общественно-политической жизни страны. Религиозные партии и организации стали неотъемлемой составляющей политической системы ИРИ. Такая вовлеченность духовенства в политическую жизнь накладывает свой отпечаток на политическую культуру страны и процессы формирования гражданского общества.

Прочные позиции духовенства в политической сфере обуславливаются особенностями исторического и социокультурного развития Ирана, а также доктринальными установками шиизма. Сильная политизированность и относительная экономическая независимость шиитского духовенства способствовали его активному участию в политических процессах в XIX – первой половине XX в. Шахи династии Пехлеви предпринимали попытки ограничить влияние богословов на все сферы жизни общества, и под нажимом властей высшие религиозные деятели были вынуждены официально заявить об «отделении религии и политики и запрете для духовных лиц вступать в политические партии и организации»¹. Тем не менее клерикальные круги не отказались от политической деятельности. В конце 1961 г., после смерти великого аятоллы Боруджерди, в Куме на базе семинаров, проводившихся аятоллой Хомейни, его учениками нелегально было создано Общество преподавателей Кумского теологического центра (ОП КТЦ). Традиционно в работах российских иранистов, в том числе в трудах Е.А. Дорошенко и Л.М. Раванди-Фадаи², посвященных политической деятельности духовенства, эта организация упоминалась как «Кумский семинар». Причем это название трактовалось как перевод выражения «хоузе-йе элмие кум», что не только не соответствует действительности, но и полностью искажает смысл понятия «хоузе-йе-эльми-йе», которое в современном Иране означает территориальный религиозный научно-образовательный центр. Хоузе-йе эльми-йе включают в себя мечети, медресе, исламские университеты или академии, библиотеки и издательства, представительства рели-

* Дунаева Елена Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

гиозных организаций. В ИРИ крупнейшим хоузе-йе эльми-йе является Кум. В то же время статус хоузе-йе эльми-йе может получить и одна семинария или академия богословия. Как представляется, это выражение в русском языке более соответствует понятию «теологический центр».

Основные цели организации были сформулированы следующим образом: защита и распространение ислама и Корана, подготовка религиозных пропагандистов и направление их в различные районы страны, борьба за внедрение исламских норм в политику, экономику, судебную систему, социальную и культурную сферы, борьба с тиранией и социальным злом, поддержка угнетенных и неимущих³. Впервые общество проявило себя как организатор выступлений против шахской политики модернизации страны летом 1963 г. в Куме, Тегеране и ряде других городов страны. Отметим, что данные события в современной иранской историографии рассматриваются как предтеча исламской революции. По словам его нынешнего руководителя аятоллы Йазди, общество, опираясь на тесные связи с высшими шиитскими богословами Ирана и других стран, инициировало кампанию по признанию Хомейни марджа-ат-таклидом⁴, тем самым оградив его от репрессий со стороны властей⁵.

После неудачи выступлений 1963 г. духовенством был взят курс на создание политической организации, которая смогла бы координировать действия всех происламских сил и направить их на борьбу с шахом. Таким объединением стало Общество борющегося духовенства Тегерана (ОБД), созданное в 1973 г.⁶ по инициативе ОП КТЦ группой религиозных деятелей, среди которых были А. Хаме-неи, А.А. Хашеми Рафсанджани, М. Мотаххари, М. Бехешти и др., как закрытая политическая организация духовенства. В общество первоначально вошли 95 религиозных деятелей, которые сумели взять под свое руководство деятельность большинства мечетей и культовых мест и направить ее на мобилизацию масс на антишахскую борьбу. Основными методами их деятельности стали распространение обращений к верующим, проповеди на пятничных намазах, тиражирование писем и речей Хомейни, оказание помощи малоимущим.

Оба общества поддерживали постоянные связи с аятоллой Хомейни, находившимся в эмиграции, и стали рупором его идей в Иране и, по сути, штабом религиозно настроенных сил накануне и в период революционных событий. Достаточно высокий уровень организованности духовенства способствовал тому, что оно сумело включиться в антишахскую борьбу и встать во главе массовых народных выступлений в 1978 г.

После победы революции эти организации духовенства значительно активизировались. После февральского восстания 1979 г. встал вопрос о создании новой системы власти в стране. Часть религиозно-политических деятелей и некоторые представители либеральной буржуазии поддерживали идею создания исламской республики, однако рассматривались и другие проекты республиканского устрой-

ства. В условиях жесткой политической конкуренции с левыми организациями, Национальным фронтом духовенство ощущало необходимость объединения исламских сил в рамках массовой организации. После назначения М. Базаргана, представителя либерально-буржуазных кругов, премьер-министром Временного революционного правительства оно, опасаясь быть отстраненным от власти, развернуло борьбу за преобладание во вновь создаваемых государственных структурах. В первые дни после победы революции по инициативе Центрального совета Общества борющегося духовенства была создана первая религиозная политическая партия – Партия исламской республики (ПИР). Заручившись согласием Хомейни, пять религиозных деятелей, получивших признание как моджахеды – М.Дж. Бахонар, М. Бехешти, А. Хаменеи, А. Мусави Ардебели и А.А. Хашеми Рафсанджани, – стали инициаторами создания новой политической организации, которая и поставила своей целью способствовать установлению исламского режима в стране и обеспечению политического лидерства духовенства. Характеризуя новое политическое объединение, Н.М. Мамедова пишет, что эта партия была не исламской или исламистской, а именно партией духовенства⁷. По мнению иранского политолога, автора работ по истории исламской революции и политических партий А. Шадлу, «после победы исламской революции руководители исламского течения осознали необходимость взятия власти в свои руки, так как считали, что причиной поражения двух предыдущих народных движений – Конституционной революции и движения за национализацию нефти – стал тот факт, что духовенство, активно участвуя в них, не встало у руля власти»⁸. Идея формирования массовой партии, во главе которой будет стоять духовенство, разрабатывалась М. Бахонаром еще до революции. Он подготовил и проекты основополагающих документов партии.

Основными задачами партии, так же как и Общества борющегося духовенства, стали объединение на единой платформе всех про-исламских сил и мобилизация их на обеспечение политической власти духовенства на всех уровнях. Генеральным секретарем партии был избран аятолла М. Бехешти, занимавший пост председателя Верховного суда. Наиболее активной организационной силой партии стало духовенство среднего и низшего уровней, имевшего прочные связи с населением в сельских районах и традиционными городскими слоями. Пропагандируя идеи Хомейни о неразрывности религии и политики и необходимости духовенства встать у руля государства, они сумели мобилизовать массы верующих на осуществление этих задач. Преданность исламской революции стала основным критерием при приеме новых членов. На местах были созданы территориальные структуры партии, во главе которых стояло духовенство. Печатным органом партии стала газета «Джомхури-йе эслами».

Формирование такой партии можно рассматривать как развитие идей модернизма в исламе, поскольку создававшаяся организация

представляла собой институт современной политической практики, членами которого были представители религиозного сословия. Учредители ПИР пытались определенным образом увязать новую практику партийного строительства с традициями, сложившимися у иранского духовенства. Свое благословение на создание ПИР дал вали факих. Помимо руководящих органов, над партией стоял совет из пяти высших богословов (они же были и ее учредителями), который должен был выносить свои суждения относительно соответствия решений и деятельности партии нормам шариата. Таким образом, получила развитие традиция, заложенная еще в период выработки первой иранской конституции – совет из пяти факихов контролировал решения, принимаемые парламентом, на предмет их соответствия положениям Корана и религиозного права. Аналогичный орган – Наблюдательный совет – существует и в политической системе ИРИ. Название партии отражало задачу ее деятельности.

Однако не все высшие богословы разделяли идеи относительно необходимости членства духовенства в политической партии. Так, в ее работе отказался принимать участие последователь Хомейни, один из идеологов исламской революции М. Мотаххари. Руководитель ОБД, а в настоящее время председатель Совета экспертов аятолла Махдави Кяни также отказался стать ее членом⁹. Он полагал, что духовенство должно играть роль наставника народных масс, проводника идей, а отнюдь не быть членом партийной ячейки. Свои функции в политической сфере он формулировал следующим образом – духовенство должно представлять достойных кандидатов в выборные органы власти, выносить свои суждения относительно происходящих событий, формулировать задачи и пути их выполнения, выполнять советнические функции в структурах, принимающих решения¹⁰.

ПИР создавалась очень поспешно, в ее состав вошли представители различных исламских течений и группировок¹¹, и она превратилось в своеобразное коалиционное объединение исламских сил, начиная от сторонников А. Шариати – светского пропагандиста леворадикальных исламских идей, до последователей Партии исламской коалиции, представлявшей консервативные группы исламского течения.

Благодаря деятельности ПИР и двух обществ духовенству удалось закрепить в Конституции страны принцип веляят-е факих. В кратчайшие сроки были обеспечены лидирующие позиции клерикалов во всех властных структурах, а националистические и левые силы практически вытеснены с политической арены. Среди членов Совета экспертов, утверждавшего Конституцию ИРИ, депутатов первого меджлиса, Наблюдательного совета большинство были членами этой партии. Генеральный секретарь ПИР М. Бахонар с 1981 г. был премьер-министром страны, в 1984 г. ее руководителем стал А. Хамеэни, избранным президентом. За первые три года деятельности ПИР сумела обеспечить полный контроль над тремя ветвями власти. Дальнейшая работа партии была сосредоточена на всестороннем упро-

чении исламского государства. Под надзором ПИР во всех государственных учреждениях формировались профсоюзные организации. Можно говорить о том, что эта партия стала составной частью огромной политико-управленческой системы, созданной духовенством для упрочения своей власти, в которую также вошли КСИР, религиозные фонды, организация Созидательный джихад и другие институты. В первое десятилетие революции этот институт (представлявший собой массовую политическую партию, управляемую духовенством, стоящим у власти) превратился в основной инструмент мобилизации народных масс, осуществлявшейся на основе популистских исламско-радикальных идей.

Результатом влияния ПИР на внутривнутриполитические процессы в стране стало фактическое прекращение с 1981 г. деятельности других политических партий, и к 1983 г. единственным идеологическим течением на политическом театре страны было исламское, а ПИР осталась единственной официально действующей партией. В иранской историографии создание этой партии расценивается как первый опыт участия духовенства в структурах гражданского общества¹², хотя вряд ли можно согласиться с такой оценкой, так как эта партия уже с самого начала своей деятельности стала партией власти.

Как отмечалось выше, с первых дней существования ПИР не была единой, сплоченной организацией, поскольку вобрала в себя представителей групп различной религиозно-идеологической направленности. Внутри партии постепенно стали проявляться различия во взглядах по вопросам внутренней и внешней политики, развивался фракционизм. В начале 1984 г., накануне выборов во второй меджлис, внутривнутрипартийные разногласия настолько усилились, что можно говорить об обособлении двух фракций, а по сути – о расколе внутри ПИР. Такая ситуация сложилась и в других организациях духовенства, что не могло не отразиться на всем исламском течении, внутри которого выделились два идеологических направления, представителей которых стали называть «правыми» и «левыми». Основу правого крыла составили представители партии Исламская коалиция*, социальной базой которой были прежде всего базари и представители мелкого и среднего капитала, т.е. традиционные слои. Левое крыло было представлено Организацией моджахедов исламской революции, выражавшей интересы исламской интеллигенции и части студенчества, поддерживающего линию организации Бюро укрепления единства – участника захвата американского посольства. Наиболее известным представителем левого крыла ПИР был М. Мусави, назначенный премьер-министром в 1984 г. Генеральный секретарь партии М. Бахонар прилагал активные усилия по восстановлению единства, однако после его гибели в результате взрыва, произошедшего во время конференции ПИР в 1984 г., обособление двух тече-

* Партия Исламская коалиция вошла в состав ПИР, но сохранила свою организационную структуру.

ний скрывать стало невозможно. В письме на имя генерального секретаря А. Хаменеи группа членов ПИР проанализировала положение, сложившееся в партии. Подчеркивалось, что руководители ПИР занимают высшие посты в государстве и ведут государственную деятельность, не уделяя достаточно внимания ежедневной партийной работе и укреплению единства. Отметим излишнюю централизованность, отсутствие четкой программы действий, слабость организаций на местах, неправильную линию, проводимую по отношению к профсоюзным организациям, эти лица пришли к выводу относительно неэффективности дальнейшей деятельности ПИР¹³.

Разногласия внутри ПИР касались экономического и внутривнутриполитического развития страны, сферы внешней политики. Правые поддерживали систему политического устройства ИРИ как режим веляят-е факих в том виде, как он был закреплен в Конституции ИРИ, и не поднимали вопрос о необходимости развития демократических институтов. Они выступали за свободу развития экономической деятельности, требовали возвращения владельцам отчужденных в ходе революции земель и собственности, не поддерживали широкомасштабное вмешательство государства в экономику, т.е., по сути, основывались на идеях свободного рынка, частной собственности и капиталистического развития. Левые, также поддерживая идею веляят-е факих, подчеркивали необходимость развития исламской демократии, идеи справедливости, выступали против имущественного неравенства, были сторонниками государственной или кооперативной собственности (социализации), развития системы субсидий, всесторонней поддержки малоимущих слоев. В сфере внешней политики левые призывали к экспорту революции, помощи всем угнетенным, в то время как правые не скрывали интереса к развитию связей с Западом и даже с США.

В сфере теологии правое крыло выступало за строгое следование всем традициям шариата и фикха. Именно поэтому правых стали называть традиционалистами или консерваторами, и это понятие до сих пор сохраняется в политической литературе страны. В то же время некоторые иранские авторы наименование одного из идеологических течений традиционалистским объясняют тем, что его социальную основу составили традиционные слои, в первую очередь торговцы или, как их называют в Иране, базари¹⁴.

Левые наделяли духовного лидера правом пересмотра некоторых норм шариата и толкования их согласно требованиям времени, т.е. были приверженцами исламского модернизма. При этом оба течения делали акцент на верности имаму и исламской революции. Сам Хомейни, хотя демонстрировал свою позицию как находящегося над этими разногласиями, отдавал предпочтение левым, поэтому этот фланг в иранской политической литературе иногда называют сторонниками «линии имама»¹⁵.

С 1984 г. скрывать противоречия далее стало невозможно, и усиливавшееся соперничество флангов вышло за пределы партии, ох-

ватив все государственные структуры, институт пятничных имамов, организации духовенства. Руководство ПИР осознавало невозможность продолжения ее деятельности. К этому времени почти половина ее представительств в различных городах была закрыта. С середины 1985 г. представители правого крыла стали выпускать газету «Растахиз», в которой открыто пропагандировали свою позицию и критиковали взгляды «левых». Различия позиций открыто проявлялись в меджлисе во время обсуждения практических вопросов и затрудняли принятие решений, что сказывалось на работе правительства. Положение усугублялось тем, что большинство депутатов меджлиса и членов правительства, а также руководство судебной властью разделяли позиции левого фланга, в то время как члены Наблюдательного совета и Совета экспертов относились к правому лагерю. Отсутствие единства угрожало стабильности внутреннего положения страны, находившейся в состоянии войны с Ираком. По словам одного из учредителей ПИР, она уже представляла собой две партии¹⁶. В 1987 г. Хаменеи и Хашеми Рафсанджани как соучредители партии отправили имаму Хомейни письмо с просьбой о ее роспуске, в котором отметили необходимость формирования широкой партийной системы. Поскольку противоречия напрямую касались деятельности самого Хомейни и вопросов о его преемнике, духовный лидер дал свое согласие на приостановление деятельности ПИР, отметив в то же время возможность ее восстановления в случае необходимости. Партия была распущена.

Раскол исламских сил не мог не сказаться на деятельности двух обществ духовенства, которые после революции открыто вышли на политическую арену и значительно упрочили свои позиции. Определив основной целью своей деятельности защиту и продвижение идеи исламской революции и ее достижений, Общество борющегося духовенства Тегерана поставило следующие задачи: контроль за сферой государственного управления с целью укрепления правовых основ и справедливости; упрочение связей с информационно-пропагандистскими центрами внутри и за пределами страны; создание исследовательских центров по культурно-религиозным проблемам и анализу задач внешней и внутривнутриполитической ситуации; оказание помощи в укреплении организаций и структур, защищающих завоевания исламской революции. Для осуществления этих задач при обществе были созданы специальные управления – социально-политическое, культурно-религиозное, учебно-воспитательное, исламской пропаганды, по делам мечетей, обеспечения научно-исследовательских и религиозных учебных заведений.

Всей деятельностью ОБД руководит Центральный совет во главе с генеральным секретарем. Общество позиционирует себя как религиозное политическое и социокультурное объединение духовенства и подчеркивает, что не считает себя политической партией. Спикер общества ходжат-оль-эслам Г. Месбахи Могаддам, подчеркивая, что общество никогда не ставило своей целью борьбу за власть, не име-

ло программы, не создавало подразделений, не расширяло состава своих членов, в то же время признает, что в отдельные временные периоды его деятельность можно рассматривать как партийную¹⁷. Эту точку зрения разделяет и большинство исследователей, относя ОБД к политическим партиям¹⁸.

В первое десятилетие после революции ОБД и ОП КТЦ держали бразды правления страны в своих руках. Эти две организации возглавляли выборные кампании, выдвигая кандидатов в меджлис и на пост президента, их члены занимали высшие государственные посты и оказывали значительное влияние на выработку внешней и внутренней политики.

Усиление противоборства в религиозных кругах в середине 1980-х гг. отразилось на деятельности этих организаций. В меньшей степени внутренние конфликты затронули ОПК ТЦ, поскольку абсолютное большинство его членов занимало консервативные позиции. Внутри ОБД произошел раскол. Группа религиозных деятелей – членов Высшего совета общества во главе с аятоллой Мохаммадом Мусави Хоэниха (духовным лидером студентов, захвативших американское посольство, и генеральным прокурором ИРИ), Мохаммадом Хатами и Мехди Кяруби – выступила инициатором выхода из ОБД. Получив согласие Хомейни, 29 членов, пропагандировавшие идеи левого фланга, в марте 1988 г. создали новое объединение под названием Ассоциация борющегося духовенства Тегерана (АБД). М. Кяруби был избран ее руководителем. Эта структура стала идеологом левого, популистского, направления. С первых дней своего существования АБД позиционировала себя как политическая организация и, подобно политическим партиям, прошла официальную регистрацию в 1989 г., получив лицензию. Отсутствие официального разрешения на политическую деятельность у ОБД стало постоянным объектом критики ассоциации, заявлявшей, что Общество борющегося духовенства ставит себя над законом. Однако руководитель ОБД подчеркивал, что эта структура не относится к государственным, так как является частью системы веляят-е факих и утверждается самим вали факихом, поэтому не может получать разрешение от правительства на свою деятельность¹⁹.

Печатным органом ассоциации стала газета «Салам», позже стало выходить новое издание – «Афтаб-е йазд».

Сторонники правого крыла обвинили левых в расколе исламских сил. Однако позиции левых поддержал Хомейни, заявив в своем обращении, что «врата иджтихада (толкования ислама) открыты для всех, и разные точки зрения на вопросы жизни общества возможны и полезны, если направлены на укрепление исламского государства»²⁰.

ОБД выражает взгляды умеренно консервативного духовенства. Члены этой организации – наиболее влиятельные богословы, входящие в высшие органы, представляющие духовную власть – Совет экспертов, Наблюдательный совет, а также другие руководящие структуры: Совет по целесообразности, Высший совет культурной рево-

люции, Высший совет национальной безопасности, парламент, руководство судебной власти. Общество до сих пор продолжает оставаться одной из наиболее влиятельных политических структур, поскольку определяет идеологическую платформу и направляет деятельность целого ряда политических партий консервативного фланга, который в иранской политической литературе называют также фундаменталистским.

После развала ПИР и появления в стране ряда политических партий и групп ОБД определяло идеологическую платформу и направляло деятельность целого ряда организаций, объединившихся во «Фронт последователей линии имама и духовного лидера». Оно представляло собой штаб по выработке программ и тактики действий консервативного крыла на политической арене ИРИ в ходе выборных кампаний, формировало списки кандидатов. Так, ОБД совместно с ОП КТЦ выступало основной силой правого фланга на выборах в меджлисы 3-го, 4-го и 5-го созывов (1988, 1992 и 1996). Если в 1988 г. противостоявшая им коалиция левых под руководством Ассоциации борющегося духовенства сумела провести в меджлис большее количество депутатов, то в двух последующих меджлисах большинство представляло интересы ОБД и примкнувших к нему организаций. Под руководством ОБД было сформировано несколько исламских организаций по профессиональному признаку. Наиболее крупные и политически активные среди них – Исламское общество инженеров, Исламское общество Зейнаб (женская организация), Исламское общество врачей, Общество ваззов, Исламское общество представителей торговых организаций и рынков Тегерана, Исламское общество учителей и др.

После раскола общества эти организации также разделились. Под руководством АБД объединились сторонники «левых», которые в свое название включили слово «ассоциация» (анджеман или маджма).

Ассоциация борющегося духовенства пользовалась большой популярностью как идеолог левых сил в самом конце 1980-х гг. Однако окончание ирано-иракской войны и необходимость восстановления страны требовали пересмотра внутренней и внешней политики. А.А. Хахеми Рафсанджани, в тот период представлявший интересы умеренных консерваторов, был избран президентом страны в 1989 г. и приступил к проведению нового курса, который стали называть политикой созидания. Эту кандидатуру выставило ОБД, ее поддержали ОП КТЦ, целый ряд исламских профессиональных организаций и даже Ассоциация борющегося духовенства, а соответственно, и силы левого фланга. Однако вскоре они выступили против политики нового президента и жестко критиковали его линию в меджлисе, настаивая на сохранении государством своих позиций в экономике и выступая против свободного рынка и политики открытых дверей в отношениях с зарубежными странами. Недопонимание изменений, происходивших в стране, и новых потребностей населения, вступившего в мирную жизнь, постепенно вело к снижению авторитета левых. Факто-

ром, способствовавшим сокращению их влияния на политической арене, стал и уход из жизни имама Хомейни.

В период 1992–1996 гг. левые оказались вытесненными из всех институтов власти. Отказавшись от участия в выборной кампании в меджлис 5-го созыва, Ассоциация борющегося духовенства временно приостановила свою деятельность. Это означало практический распад коалиции левых сил. В эти годы ход развития политического процесса в ИРИ определяло Общество борющегося духовенства.

Со второй половины 1090-х гг. влияние этой структуры на жизнь иранского общества постепенно стало снижаться, что объясняется сокращением ее социальной базы в связи с выходом на политическую арену новых сил, выражающих интересы средних слоев.

Тем не менее представители левого течения, значительно потесненные в высших органах государственной власти, сохранили прочные позиции в исследовательских центрах, Организации сохранения наследия Хомейни, Национальной библиотеке. Осознавая опасность концентрации власти в руках одного фланга, стремясь восстановить свои властные позиции, теоретики «левых» проанализировали свои действия и, осознавая ошибки, постепенно стали пересматривать свои взгляды. Неоднородность позиций левого духовенства, в том числе членов АБД, проявлялась еще с самого начала ее деятельности, что и имел в виду ее руководитель М. Кяруби, говоря, что не все члены ассоциации стояли на позициях популизма и левого исламского радикализма²¹. К 1997 г. АБД вернулась на политическую арену страны. К этому времени некоторые члены покинули ассоциацию, другая часть дистанцировалась от идей исламского левого радикализма, выступив за свободный рынок и приватизацию, развитие гражданских свобод, изменение политической системы в ИРИ, за пересмотр функций Наблюдательного совета, а также поддержала политику расширения связей с Западом и допуска культурных достижений западной цивилизации. Накануне президентских выборов АБД заявила о стремлении вернуться во власть и готовности участвовать в выборах. Возвращение ассоциации в политическую жизнь придало дополнительный импульс этой кампании. Придя к соглашению с прагматически настроенными кругами правого лагеря и другими организациями левого спектра, она вошла в общую коалицию, выдвинувшую С.М. Хатами в качестве кандидата в президенты, Хатами был одним из учредителей АБД и стоял на умеренных позициях²². Победа этих сил, которые позже стали называть «Фронтом 23 мая» или реформаторами, привела к изменению расклада сил на политической арене. «Левые» стали контролировать исполнительную, а с 2000 г. и законодательную власть. Спикером меджлиса был избран руководитель ассоциации М. Кяруби. С конца 1990-х гг. термины «правые» и «левые» перестали употребляться в политическом словаре, за основными идейно-политическими течениями закрепились названия «реформаторы» и «консерваторы», или «фундаменталисты».

АБД разделяла наиболее умеренные позиции в лагере реформаторов. Многие ее представители занимали высшие посты в стране, однако руководство всем лагерем в период 1997–2005 гг. взяла в свои руки новая светская организация – Партнерство, придерживающаяся более радикальных взглядов в среде реформаторов.

В период президентства М. Хатами значительно снизилась роль Общества борющегося духовенства в политической жизни страны. Либерализация политической жизни, ослабление исламской составляющей в социально-культурной сфере, расширение связей с мировым сообществом способствовали некоторому снижению влияния религиозных институтов на общество. В то же время надо подчеркнуть, что процесс формирования партий и организаций двух флангов, активно начавшийся в эти годы, происходил вокруг этих объединений духовенства.

Приход к власти М. Ахмадинежада в 2005 г., который был подготовлен и обеспечен ОБД, опасавшимся усиления демократических тенденций в стране, не смог предотвратить начавшийся с конца 1990-х гг. процесс сокращения влияния этого религиозного объединения во властных структурах. Новый президент как представитель радикальных консерваторов открыто проявил стремление отодвинуть традиционалистов от власти и убрал всех их представителей из исполнительных органов. Политика президента вызывала осуждение духовных деятелей умеренно консервативной направленности, так как, по их мнению, преследовала цель выдавить духовенство из всех властных структур, о чем они неоднократно делали заявления²³. Однако уважение к духовному лидеру, поддержавшему президента на выборах в 2009 г., не позволило членам ОБД и ОП КТЦ открыто высказать свою позицию, хотя некоторые их представители высказывались довольно резко против переизбрания Ахмадинежада.

В 2007 г. Общество борющегося духовенства провело внутреннюю реорганизацию и пересмотрело устав. Пытаясь усилить свою социальную опору, оно расширило географические рамки своей деятельности и пошло на создание отделений общества в останах, работой которых руководит региональный совет. Из названия было изъято слово «Тегеранское». В новом уставе были подтверждены задачи организации: координация деятельности шиитского духовенства, укрепление основ исламской революции и защита ее завоеваний, всесторонняя поддержка принципа веляят-е факих и идей имама (Хомейни), контроль за деятельностью государственных деятелей, поддержание связей с представителями других мазхабов и сотрудничество со всеми исламскими центрами, установление контактов с представителями других монотеистических религий в целях укрепления мира²⁴. В уставе подчеркивалось, что бюджет общества формируется за счет членских взносов, пожертвований и подарков, взносов юридических лиц, средств, выплачиваемых духовным лидером и поступающих от использования шариатских инструментов.

Возвращение консервативного фланга к власти в 2005 г. и полное вытеснение реформаторов из всех властных структур осложнило положение в АБД, которую, как и весь лагерь реформаторов, раздирали серьезные противоречия, приведшие к тому, что ее генеральный секретарь М. Кяруби вышел из ассоциации и основал новую партию. Новым руководителем был избран Мохаммад Хозниха, один из основателей объединения. Внутренние разногласия и сильнейшее давление со стороны консервативно настроенного Наблюдательного совета²⁵ практически свели на нет усилия реформаторов укрепиться в меджлисе в 2008 г.

В ходе подготовки президентской кампании 2009 г. АБД и весь реформаторский лагерь питали надежды восстановить свои позиции, поскольку делали ставку на сильный потенциал своего электората. Однако победа М. Ахмадинежада и события, последовавшие после июньских выборов 2009 г., приведшие к расколу иранского общества и создавшие угрозу существованию исламского режима, способствовали тому, что АБД была вынуждена приостановить свою деятельность. На страницах государственных СМИ и Интернет-сайтах развернулась травля лидеров реформаторского движения и ближайшего окружения бывшего президента М. Хатами. Их открыто обвиняли в отходе от линии исламской революции, подготовке «бархатной» революции и попытке смены режима. Раздавались призывы привлечь к суду религиозных деятелей – членов ассоциации.

Общество борющегося духовенства, осудив действия оппозиционных правительству сил, не поддержало силовую политику Ахмадинежада и репрессии против реформаторов и прилагало усилия для поиска путей восстановления национального единства в обществе. Его позицию по отношению к исполнительной власти в последние годы в Иране называют «критическим взаимодействием» (таамол-е энтегади). ОП КТУ и ОБД серьезно обеспокоены сокращением позиций духовенства в органах власти всех ступеней, наблюдающимся в последние годы, а также открытым нажимом со стороны Ахмадинежада на представителей высшего шиитского духовенства. Свидетельством этого могут служить теледебаты, проходившие накануне президентских выборов 2009 г., на которых он выдвинул обвинения в коррупции против семей таких религиозных авторитетов, как А.А. Хашеми Рафсанджани и А.А. Натег Нури (оба – члены ОБД), открыто выступавших против его кандидатуры. В начале 2013 г., выступая в меджлисе, президент обвинил в злоупотреблении властью братьев Лариджани (Али Лариджани – председатель парламента, Садек Амоли Лариджани – член Общества преподавателей, глава судебной власти ИРИ).

В последние два года взаимоотношения ОБД с президентом вышли за рамки «критического взаимодействия» и переросли в противостояние. Выдвижение президентом женщин на министерские посты, акцентирование достижений иранской цивилизации в ущерб исламским ценностям, поддержка фильмов, спектаклей, музыкальных про-

изведений, не одобряемых богословами, вызывали недовольство представителей религиозных организаций, мнение которых было определяющим в социально-культурной сфере на протяжении почти 30 лет.

Президент, проводя активную популистскую политику, напрямую общаясь с народными массами во всех уголках страны, вторгся в еще одну сферу, которая в ИРИ при отсутствии развитой системы политических партий контролировалась исключительно религиозными сообществами, – влияние на население провинций. Традиционно только муллы имели прямую связь с жителями маленьких городов, сел и деревень. М. Ахмадинежад, регулярно совершая поездки по останам, знакомился с нуждами населения, оказывал ему дополнительную материальную поддержку и таким образом пропагандировал свою линию. Вполне вероятно, что и решение ОБД о создании региональных отделений общества можно рассматривать в качестве ответной реакции на регулярные туры президента.

В последнее время Общество борющегося духовенства и Общество преподавателей Кумского теологического центра, опасаясь быть выведенными на периферию политического пространства, предприняли попытки активизировать свою роль с целью противостоять президенту и ограничить влияние поддерживающих его сил в парламенте. Так, под их эгидой накануне парламентских выборов 2012 г. предполагалось создать единый фронт консерваторов, ориентированный на противостояние любым попыткам проведения политических преобразований в стране. Представители двух обществ, как хранители традиций консерватизма, разработали Устав консерваторов, который должен был стать идеологической основой для объединения всех течений консервативной направленности. Несмотря на многочисленные попытки договориться, а также посредническую деятельность религиозных обществ и личные усилия генерального секретаря ОБД Махдави Кяни, собрать все силы в единый блок так и не удалось. Итоги выборов 2012 г. показали, что кандидаты, выставляемые партиями, ориентирующимися на общества, набирают меньше голосов, чем представители других объединений. В начавшейся в Иране президентской кампании 2013 г. эти религиозные структуры вновь предприняли попытки объединения сил, противостоящих сторонникам президента. Осознавая необходимость привлечения на свою сторону электората, отдававшего свои голоса представителям оппозиционного течения, они восстановили контакты с Ассоциацией борющегося духовенства и поддерживали идею выдвижения кандидата, который бы устроил реформаторов, сохраняющих верность Исламской Республике и принципу веляят-е факих.

Нынешнее политическое сообщество ИРИ, руководимое духовенством, оказалось в тяжелом положении. Современные политические партии, процесс создания которых активно начался в период президентства Хатами, не обрели необходимого влияния и веса на политической арене. Другие институты гражданского общества находят-

ся в зачаточном состоянии. Становится очевидным, что система сплочения сил вокруг религиозных структур уже плохо вписывается в текущий внутривосточный дискурс. Если в первые три десятилетия существования ИРИ именно организации духовенства определяли деятельность двух идеологических течений на политическом арене страны, то в условиях внутривосточной турбулентности они, хотя и откликаются на все события внутренней и международной жизни, не могут найти механизм, который бы способствовал консолидации. В то же время деятельность этих организаций способствует закладыванию предпосылок для формирования новых институтов и появления новых сил, которые под влиянием внутренних и внешних процессов могут активно проявить себя уже в ближайшей перспективе и внести новые цвета во внутривосточную палитру ИРИ.

Примечания

¹ Дустов Д.К. Роль Кумского теологического центра в общественно-политической жизни Ирана (20–80-е гг. XX века). Автореферат диссертации. М., 1989. С. 9.

² Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1985. С. 126; Раванди-Фадаи Л.М. Политические партии и группировки в Иране. М., 2010. С. 99.

³ www.jameehmodarresin.org (дата обращения 14.02.2013).

⁴ Интервью М. Йазди журналу Панджаре. Цит. по: http://www.bbc.co.uk/persian/ig/iran/2010/10/101012_117 (дата обращения 14.10.2012).

⁵ Согласно Конституции шахского Ирана, лицо, носящее титул марджа-ата-таклид, неприкосновенно.

⁶ В работах некоторых авторов указывается дата создания общества – 1977 или 1978 г. Поскольку в уставе ОБД указана дата его создания как 1352, т.е. 1973 г., мы ориентируемся на этот источник. В конце 1977 – начале 1978 г. был подготовлен устав организации, и в связи с началом антишахских выступлений она открыто вышла на политическую арену.

⁷ Мамедова Н.М. Исламское государство: соотношение государственных и идеологических приоритетов. – Иран: ислам и власть. М., 2001. С. 15.

⁸ Шадлу А. Такассоргараи дар джарийан-е эслами. Нагофтехайе тарихи аз элал-е пейдаيش-е джарийан-е раст ва чап-е мазхаби 1360–80. Тегран, 2002. С. 281.

⁹ Там же. С. 281.

¹⁰ Там же.

¹¹ Накануне и в ходе революции в Иране возникло несколько про-исламских организаций как правоконсервативного, так и левого толка. Среди них можно упомянуть Организацию моджахедов исламской революции, Исламскую организацию фаджр, партию Тоухид, «Хезболла», Движение борющихся мусульман, партию Исламская коалиция и др.

¹² Мохтари Эсфахани Р. Хезб-е джомхури-йе эслами: аз таасис тааатиль. – Этемад-е мелли, 24.02.2008.

¹³ Наме-йк бархи аз ааза-йе хезб-е джомхури-йе эслами бе дабир-е кол-е ан. – Этемад-е мели, 24.02.2008.

¹⁴ Баширийе Х. Дибачеи бар джамеешенаси-йе сийаси-йе Иран. Доуре-йе джомхури-йе эслами. Техран, 2008/09. С. 69.

¹⁵ Там же. С. 82.

¹⁶ Шадлу А. Указ. соч. С. 78.

¹⁷ Интервью ходжат-оль-эслама Г.Месбахи Могоаддама корреспонденту «Мехр». – <http://www.rohaniatmobarez.com/portal/home> (дата обращения 1.03.2013).

¹⁸ См.: Богдан С. Иранская политическая элита в 1997–2009 гг. Структурирование политического поля Второй исламской республики. – Палычына сфера, 2009, № 13. С. 80–109. www.ecoi.net/189469::iran/328786.320917.8857...lk.320926.320934 (дата доступа 2.03.2013).

¹⁹ Шадлу А. Указ. соч. С. 283.

²⁰ Цит. по: Мамедова Н.М. Исламское государство: соотношение государственных и идеологических приоритетов. С. 17.

²¹ Шадлу А. Указ. соч. С. 222.

²² Накануне выборов ОБД настоятельно потребовало, чтобы президентом страны был выбран представитель религиозных кругов. Эта идея получила одобрение со стороны духовного главы.

²³ Интервью Г.Р. Месбахи Могоаддама агентству Хабаронлайн. – <http://www.khabaronline.ir/news-154486.aspx> (дата обращения 1.03.2013).

²⁴ <http://www.rohaniatmobarez.com/Portal/Home/ShowPage.aspx?Object=Regulation&...> (дата доступа 26.01.2011).

²⁵ Наблюдательный совет отказал в доверии большинству кандидатов от Ассоциации борющегося духовенства.

Н.А. Филин*

КОНЦЕПЦИЯ «МАРДЖААТА» В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

Современная форма религиозного наставничества в шиитском обществе – «марджаат» – возникла в середине XIX в. Первым религиозным авторитетом, получившим всеобщее признание, стал Мохаммад Хасан Наджафи в Неджефе (Ирак). Его стали называть «марджа' ат-таклид», что на русский язык переводится как «образец для подражания»¹. Наджафи создал обширную попечительскую сеть, через которую стал получать религиозные подати и пожертвования, а также назначать своих религиозных представителей по всему шиитскому миру².

В XVI в. шиитскими правоведами была разработана теория, описывающая взаимоотношения между религиозными авторитетами и их последователями. Исходя из этой теории, каждый член шиитской общины должен был либо достичь наивысшего уровня шиитского фикха³, либо стать последователем одного из живых авторитетов (марджа'), который достиг такого уровня.

Всю иерархию шиитского духовенства в Иране условно можно разделить на две части: улемы – знатоки мусульманской теологии и факихи – правоведы, хотя часто один человек является представителем обеих групп. Среди них существует строгая иерархическая лестница, продвижение по которой в идеале лишь на первых ступенях должно зависеть от выслуги лет, а затем все больше и больше определяется благочестием, глубиной знаний в области теологии, красноречием проповедей.

Шиитские титулы по возрастающей значимости распределяются так: 1) сэгат-оль эслам (доверие ислама); 2) ходжат-оль-эслам (доказательство истины ислама); 3) ходжат-оль-эслам валь-мослемин (доказательство истины ислама и мусульман); 4) аятолла (знамение или откровение Аллаха) и 5) аятолла аль-узма (великий аятолла)⁴. Последний автоматически получает наименование «марджа' ат-таклид». Обладающие этими титулами лица образуют шиитскую элиту и, начиная с четвертой ступени, могут называться муджтахидами. Это звание дает право выносить собственные суждения по основополагающим вопросам ислама, сначала в виде проповедей на пятничной молитве и написания всеобъемлющей религиозной работы под названием «ресале»⁵ (книга, трактат – *перс.*), которая является обяза-

* Филин Никита Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший преподаватель РГГУ.

тельным условием для достижения звания марджа', а затем в виде фетв (обязательных предписаний для последователей муджтахидов). Титул «марджа' ат-таклид» состоит из двух ступеней: не абсолютной (мотаджаззи) и абсолютной (мотлак). «Марджа' ат-таклид аль-мотаджаззи» может выносить фетву лишь в некоторых разделах исламского права. Обладатель «марджа' ат-таклид аль-мотлак» достигает способности выносить решения во всех разделах исламской юриспруденции. За всю историю «марджаата» таких высот добилось очень незначительное число представителей шиитского духовенства, так как наделение данным титулом требовало согласия всех марджа'. Например, основатель Исламской Республики Иран (ИРИ) аятолла Хомейни таковым не обладал⁶.

Современные требования к марджа' следующие: должен быть мужчиной; совершеннолетним; обладать умом; должен быть шиитом (признающим всех 12 имамов); законнорожденным; согласно обязательной предосторожности, живым; праведным и справедливым; исходя из обязательной предосторожности, от него требуется, чтобы он не был рабом своих страстей и не обладал излишней любовью к мирскому; должен быть муджтахидом; согласно обязательной предосторожности, он должен быть самым компетентным в вопросах исламского закона⁷.

Каждый член шиитской общины (девочки в 9 лет, мальчики – в 15 лет) обязан выбрать из «марджа' ат-таклидов» одного наставника и следовать его указаниям в течение всей жизни духовного лица. Для этого человек должен спросить трех правоверных мусульман-шиитов о том, кого из учителей они посоветуют. Правда, после смерти выбранного марджа' желательно, чтобы член шиитской общины нашел себе нового наставника.

Ислам суннитского толка допускает выборность правителя (халифа) и признает суверенитет светской власти, оставляя за духовенством в основном религиозные и духовные функции. Шиизм джафаритского толка, представителей которого в Иране абсолютное большинство, занимает в этом вопросе другую позицию, провозглашая, что только потомки пророка Мухаммеда и его двоюродного брата, а также зятя имама Али могут стать правителями мусульманской общины (уммы). Истинными правителями мусульман шиизм считает 12 имамов: первым был Али – двоюродный брат пророка Мухаммеда и муж его дочери, а последующими – сыновья этой четы Хасан и Хусейн и их потомки.

Джафаритским это ответвление шиизма было названо по имени шестого имама – Джафара ибн Мухаммеда, которого иранское духовенство считало и считает основоположником своей богословской системы⁸.

Шииты джафаритского толка считают, что последний, двенадцатый, имам Махди (Мессия) таинственно исчез в 874 или 878 г. н.э., был «сокрыт» и даже сейчас живет в сокрытии на Земле. Он проявится незадолго до дня Страшного суда, чтобы установить истинную

справедливость по исламу. С тех пор имам Махди из своего «сокрытия» управляет шиитской общиной, являясь хранителем мусульман, идеальным главой шиитов. Однако пока 12-й имам «сокрыт», волю Махди должны выполнять его доверенные лица, или наместники (наибы).

Во все периоды истории Ирана на положение таких доверенных лиц претендовали высшие шиитские авторитеты, ссылаясь как на догмат о «сокрытом» имаме, так и на принцип нераздельности светской и духовной властей. Для шиитов эта догма имела первостепенное значение, предоставляя основание считать светскую власть правителя незаконной вплоть до пришествия «сокрытого» имама. По мнению части⁹ шиитского духовенства, на Земле всегда должны быть доверенные лица Махди из числа религиозных деятелей, лучших толкователей Корана и исламских преданий¹⁰.

Во время правления династии Сефевидов (1502–1722) отношения между властью и духовенством находились в приемлемом состоянии, так как практически все сефевидские шахи проводили политику укрепления позиций шиизма, сделав его государственной религией¹¹. Однако впоследствии многие шиитские духовные деятели стали отказываться от государственных постов и начали пропагандировать оппозиционные взгляды. Особенно это было заметно в поздний период правления Каджаров (1785–1925), когда государство проводило политику, идущую вразрез с интересами духовенства¹².

До середины XIX в. система марджаата была крайне локализована. В каждой области были свои правоведы, решениям которых следовали члены шиитской общины. Затем она трансформировалась в межнациональный институт. В результате последователи марджа' появились по всему шиитскому миру¹³. Современное технологическое развитие, особенно современные телекоммуникационные технологии, и свобода передвижений дали еще больше возможностей марджахам для донесения своих идей до последователей теперь уже по всему земному шару¹⁴.

Несмотря на то что в первоначальном исламе нет теоретического обоснования такого института, как духовенство, на данный момент он является одним из главных факторов религиозной жизни исламского, и в особенности шиитского, мира.

В теории шиитская юриспруденция обязывает марджа' издавать фетвы, касающиеся глобальных вопросов жизни верующих, давая возможность его последователям самим определять их применимость в специфических обстоятельствах. Например, если марджа', ссылаясь на Коран, заявляет о запрете соприкосновения со скверной, то верующие должны сами решать, является та или иная вещь оскверненной или нет. То есть последователи должны обращаться к марджа' только в общих вопросах, частное применение религиозных наставлений полностью лежит на плечах верующих. Однако на практике последователи довольно часто апеллируют к марджа' в частно-

стях, поэтому его религиозный авторитет начинает распространяться с юриспруденции на политику и общество.

Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в изданной в 1891 г. фетве Мирзы Мохаммеда Хасана Ширази, запрещавшей его последователям употреблять табак. Она была выпущена в ответ на решение Насер ад-Дин-шаха предоставить Британской табачной компании эксклюзивное право на производство, продажу и экспорт иранской табачной продукции¹⁵. Позднее иракские марджа', многие из которых были по происхождению иранцами, вмешивались в иранскую политику, поддерживая то конституционное, то антиконституционное движение¹⁶. С того момента, как авторитет высших шиитских правоведов стал межнациональным и уже не был ограничен территориальными рамками, марджа' свободно начали участвовать в политической жизни тех стран, в которых они не проживали. Это стало большой проблемой для национальных правительств. Поэтому учреждение в 1921 г. Кумской семинарии¹⁷ могло рассматриваться иранским правительством как необходимый шаг в создании влиятельного религиозного истеблишмента внутри Ирана и уменьшении влияния на иранскую внутреннюю политику религиозных деятелей, находившихся в Ираке. Хотя это частично решило проблему для иранского государства, оно не избавилось от нее полностью¹⁸. Только появление Исламской Республики Иран, а также репрессивная политика Саддама Хуссейна в отношении шиитского сообщества в Ираке снизили политическое влияние иракских религиозных авторитетов на Иран.

Хотя ИРИ не могла полностью решить проблему напряженности между духовенством и современным государством, контроль со стороны исламского режима за религиозными институтами отнял у духовенства свободу в осуществлении политической деятельности. Фактически создание ИРИ, основанной на принципе веляят-е факих (правление наиболее сведущего шиитского правоведа), стало антиподом системе «марджаата». Не случайно многие видные марджа' подверглись репрессиям. Даже сейчас в шиитском мире нет единства по поводу принципа веляят-е факих¹⁹, а оппозиция ему среди религиозных деятелей делится на несколько групп²⁰.

ИРИ сделала свое духовенство самым богатым в шиитской истории и позволила ему получить доступ к государственным ресурсам, что было невозможно в прошлом. Более того, ИРИ дала возможность марджа' использовать банковские счета вместо накопления наличности. Многие религиозные деятели стали свободно заниматься бизнесом. Также новые двери в мир для марджа' открыл Интернет. Эти обстоятельства открывают совершенно новую эру в шиитской истории, которая характеризуется рядом черт.

Первая особенность заключается в разделении религиозного и политического влияния со стороны муджтахидов на своих последователей. Это не означает секуляризацию или отдельное существование государственных и религиозных институтов. В этом случае раз-

деление означает тот факт, что теперь политическим влиянием может обладать религиозный деятель, не являющийся марджа' или даже муджтахидом. Примерами могут служить Хассан Насралла в Ливане и Муктада ас-Садр в Ираке²¹ – религиозные деятели, которые, несмотря на то, что не получили полного религиозного образования, имеют достаточно влияния, чтобы считаться муджтахидами.

Поэтому – и это другая особенность новой эры – взгляды марджа' на политику стали менее важными для их последователей, чем раньше. Эта тенденция начала реализовываться во второй половине XX в., когда отдельные представители и целые группы исламских течений начали отделять себя от традиционных шиитских институтов. Примером такой тенденции может считаться «Федаянэ Эслам» (основатель Навваб Сафави) – первая радикальная религиозная группа в шахском Иране, которая стала выступать с политическими требованиями. В это же время в арабских странах и Пакистане появилось много других шиитских радикальных религиозных деятелей, которым было более комфортно находиться в контакте с обычными людьми, чем с духовенством. Их желание мобилизовать людей отличалось от того, что делали марджа': пока последние обращались к традициям ислама, шиитские радикальные организации осуществляли радикальные политические акции²². В этой связи интересен феномен Хомейни, который, будучи марджа', смог приспособиться к новым реалиям и мобилизовать значительную часть населения Ирана на политическую борьбу под лозунгами, которые не поддерживались другими марджа'.

Более того, для расправы со своими религиозными оппонентами Хомейни впервые в шиитской традиции присвоил себе право фактически давать и лишать религиозных деятелей духовного сана. Также впервые один человек в лице Хомейни мог назначать муджтахидов и смещать их, отбирая у них учеников, медресе, религиозные пожертвования и налоги. Самой значительной жертвой стал великий аятолла Шариятмадари, который был лишен права на марджаат²³. Многие марджа', среди которых Сейид Мухаммад-Реза Гольпаигани, Джавад Тебризи, Мохаммад Вахеда, Мухаммад-Бакир Ширази, Мохаммад Садр, Мохаммад Шахруди, Махди Марашаи и др., подвергались преследованию и арестам. Эти действия явились беспрецедентными для шиизма, поскольку, согласно шиитской догматике, духовные лица не могут быть лишены звания. Таким образом, Хомейни поставил под сомнение религиозную традицию неприкосновенности высшего духовенства, не считая его больше «неприкосновенным и компетентным»²⁴.

Данные действия, которые породили сомнения у верующих в компетенции марджа', а также новые веяния модернизирующегося мира обозначили еще одну особенность функционирования современного шиитского общества: выборочный подход последователей к фетвам марджа'. В прошлом верующие полностью следовали решениям мар-

джа' без исключений. Сейчас все чаще последователи реализуют решения своего марджа' выборочно. По мнению религиозного эксперта Мехди Халаджи, существует тенденция, когда женщины, следуя решениям марджа' в большинстве ситуаций, отказываются это делать, если фетвы направлены на женскую дискриминацию, касаясь вопроса многоженства или ношения хиджаба²⁵. Сейчас многие верующие стараются разграничить следование фетвам в религиозных и общих (политических) вопросах. Например, они могут следовать решениям аятоллы Али Систани в вопросах молитвы, поста, хаджа, брака и развода, но не политики. В вопросах, касающихся политики, они апеллируют к Хассану Насралле, Али Хаменеи или другим религиозным политическим деятелям. На данный момент верующие, особенно женщины, имеют, как минимум, несколько каналов для получения религиозных наставлений. Поэтому в последние десятилетия наметилась тенденция, когда сами марджа' рекомендуют верующим следовать фетвам нескольких марджа', если каждый из них более компетентен в своих вопросах²⁶.

Еще одна особенность новой эры в Иране заключается в том, что теперь финансовые возможности марджа' не ограничиваются религиозными податями. В прошлом марджа' собирали религиозные отчисления и пожертвования и хранили их или в своих жилищах, или в домах своих представителей. Затем эти деньги распределялись между духовенством или расходовались на строительство медресе, мечетей, благотворительность и т.п. Сегодня марджа' в Иране могут получать деньги от государства. У них есть возможность открыть свой бизнес, делать инвестиции, а также заниматься импортом и экспортом товаров. В прошлом популярность марджа' базировалась на его религиозном авторитете и финансовых возможностях. Сейчас это уже неважно. Как указывает Мехди Халаджи: «Хаменеи является наиболее влиятельным марджа' в шиитском мире не из-за своих способностей привлекать последователей, а из-за доступа к властным ресурсам». «Если Махмуд Шахруди, – продолжает он, – бывший глава судебной власти Ирана, объявит себя марджа' и откроет свое представительство в Неджефе, то это случится не из-за его способности создать обширную попечительскую и финансовую сеть, а из-за финансовых возможностей, которые ему будут предоставлены иранским правительством»²⁷. Эти фундаментальные перемены позволили марджа' быть более независимыми от своих последователей, но в то же время они поставлены в экономическую зависимость от национальных правительств, и иранского правительства в частности.

Несмотря на то что глобализация и Интернет позволили марджа' найти верующих по всему миру и привлечь их, по иронии судьбы институт «марджаата» становится более локальным. Новейшие коммуникационные возможности позволяют все большему числу шиитских правоведов (по некоторым данным, их сейчас в мире насчитывается около 70)²⁸ объявлять себя марджа', что ведет к увеличению конку-

ренции между ними. Время, когда только один или несколько марджа' имели право на вынесение фетв, закончилось. Сейчас немногие марджа' могут претендовать на наследство предыдущего, что очень часто случалось в прошлом (современным примером передачи марджаата от наставника к ученику является аятолла Али Систани, который получил находящееся у него в управлении имущество и финансы после смерти аятоллы Абулькасима Хои в 1992 г.). Фактически до исламской революции в Иране новый марджа' всегда получал помощь и благословение от уже утвердившегося религиозного авторитета и мог претендовать на его наследство. Сейчас же, когда марджа' умирает, его офис продолжает заниматься благотворительностью и другой организационной деятельностью. Его имущество не передается новому марджа', поэтому каждый новый марджа' должен утверждать свой авторитет фактически с нуля. Но это позволяет большому количеству людей становиться марджа' без того, чтобы быть протеем предыдущего.

Когда в 1994 г., после кончины аятоллы Араки, встал вопрос о том, кто формально является самым сведущим в шиизме муджтахидом²⁹, и это «формальное» звание было предложено значительной частью иранского религиозного истеблишмента лидеру страны аятолле Али Хаменеи, то он от него отказался, потому что не имел на тот момент достаточного религиозного авторитета³⁰. Впоследствии данный вопрос уже не ставился, что говорит об отсутствии компромисса среди всех шиитских аятолл.

В целом можно утверждать, что на сегодняшний день марджа' теряют свою монополию среди религиозных институтов. Не только из-за того, что иранское государство практически полностью контролирует деятельность шиитского истеблишмента как внутри страны, так и частично за ее пределами, но и из-за появления новых религиозных институтов и организаций, которые не находятся под юрисдикцией марджа'. Начиная с середины XX в. в шиитском мире появились религиозные деятели, не связанные системой «марджа'», которые действуют без оглядки на старые шиитские авторитеты, создавая параллельные марджа' религиозные институты. Также привлекает к себе все больше сторонников и создаваемый современными религиозными интеллектуалами, например Мохсеном Кадиваром, Абдулкаримом Сорусшем, Акбар Гянджи, реформаторский дискурс, ставящий духовность и нравственность выше фиха и теологии. Но несмотря на это марджа' остаются религиозными авторитетами для миллионов шиитов. Можно утверждать, что система марджаата, который олицетворяет традиционное духовенство, еще долго будет существовать бок о бок с другими формами проявления шиитского ислама. В этой связи будет очень интересно наблюдать, как разные шиитские религиозные институты будут взаимодействовать друг с другом и искать свои формы существования в шиитском сообществе в ближайшем будущем.

Примечания

¹ Термин «марджа' ат-таклид» был введен в религиозный оборот в начале XIX в. одним из ведущих шиитских правоведов и теологов Ахмадом Нараки.

² Heinz H. Shi'a Islam from religion to revolution. Princeton, 1997. P. 120.

³ Фикх – исламское право (юриспруденция).

⁴ Утургаури Р. Покер с аятоллой: записки консула в Иране. Тбилиси, 2010. С. 178.

⁵ Например, такая работа аятоллы Хомейни называлась «Тоузих оль-масаэль» («Толкование вопосов»). В ней он старался досконально разобрать практически все вопросы религиозной жизни верующих. Форма написания была следующей: от имени своей паствы Хомейни задавал себе вопросы и тут же на них отвечал. В первые годы существования Исламской Республики Иран значение «Тоузих оль-масаэль» было сопоставимо со значением трудов классиков марксизма-ленинизма в СССР.

⁶ Религиозный статус аятоллы Хомейни достаточно подробно разбирается в диссертации Н.Д. Кулюшина. См.: Кулюшин Н.Д. Политическое лидерство в шиитском исламе. Дис. канд. полит. наук. М., 2009. С. 94–110.

⁷ Исламское право: согласно фетвам аятоллы сейид Али Хусейни Хаменеи. Учебное пособие. М., 2010. С. 12.

⁸ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках: курс лекций. Л., 1966. С. 250.

⁹ В отличие от суннитской версии ислама, где вынесение суждений по религиозным вопросам сильно ограничено, шиитские муджтахиды могут относительно свободно и независимо друг от друга толковать нормы шариата и в некоторых случаях занимать противоположные позиции. Например, аятолла Сейид Хосейн Боруджерди (1875–1961), который имел высший шиитский титул «марджа' ат-таклид аль-мотлак», отстаивал точку зрения об отделении религии от политики. См. подробнее: Kurzman Ch. Critics within: Islamic Scholars' Protests against the Islamic State in Iran. – International Journal of Politics, Culture, and Society. Vol. 15, № 2. Winter, 2001. P. 342.

¹⁰ Дорошенко Е.А. Роль шиитского духовенства в общественно-политической жизни Ирана: конец XIX – 90-е годы XX века. М., 1997. С. 5–6.

¹¹ Lee R.D. Religion and politics in the Middle East. Boulder (CO), 2010. P. 214.

¹² Lambton A.K.S. A Reconsideration of the Position of the Marja' At-Taqlid and the Religious Institution. – Studia Islamica, № 20. 1964. P. 116.

¹³ См. об этом: Zonis M. The Rule of the Clerics in the Islamic Republic of Iran. – Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 482. Changing Patterns of Power in the Middle East. Nov., 1985. P. 87; Khalaji M. The Future of the Marjaya. – The Majalla: The Leading Arab Magazine, 3 Apr, 2012: <http://www.majalla.com/eng/2012/04/article552303371>.

¹⁴ Op. cit.

¹⁵ Hairi A.H. Shiism and Constitutionalism in Iran: a study of the role played by the Persian residents of Iraq in Iranian politics. Leiden, 1977.

P. 111; Moaddel M. Shi'i Political Discourse and Class Mobilization in the Tobacco Movement of 1890–1892. – *Sociological Forum*. Vol. 7, № 3 (Sep., 1992). P. 462.

¹⁶ Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1985. С. 18–19.

¹⁷ См. подробнее: Heinz H. Op. cit. P. 127–131.

¹⁸ О перипетиях отношений между шиитским духовенством и властью в Иране в 1920–1940-е гг. см.: Faghfoory M.H. *The Impact of Modernization on the Ulama in Iran 1925–1941*. – *Iranian Studies*. Vol. 26, № 3–4, Summer/Fall. 1993. P. 277–312.

¹⁹ Mervin S. *The Shi'a worlds and Iran*. L., 2010. P. 40.

²⁰ Подробнее см.: Wilfried B. *Who rules Iran?: the structure of power in the Islamic Republic*. Washington, 2000. P. 86–97.

²¹ Хасан Насралла провел с перерывами 5 лет в Куме (с 1987 по 1991 г.), что явно недостаточно для получения титула аятоллы. Муктада ас-Садр начал свое религиозное образование только в 2008 г. См.: Dehghanpisheh B. *The Great Moqtada Makeover*. – *Newsweek*, 24.01.2008. <http://www.thedailybeast.com/newsweek/2008/01/19/the-great-moqtada-makeover.html>.

²² Khalaji M. Op. cit.

²³ Wilfried B. Op. cit. P. 215.

²⁴ Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998. С. 214–215.

²⁵ Khalaji M. Op. cit.

²⁶ Исламское право: согласно фетвам аятоллы сейид Али Хусейни Хаменеи. С. 12.

²⁷ Op. cit.

²⁸ *Twelvers: Alevi, Twelver, List of Current Maraji, Imamah, Alawi, Sukayna Bint Husayn, Muhammad Al-Mahdi, the Fourteen Infallible*. Memphis (T), 2011. P. 55.

²⁹ После смерти аятоллы Боруджерди в 1961 г. в шиитском мире не было согласия по поводу того, кто мог бы стать новым «абсолютным образцом для подражания» («марджа' ат-таклид аль-мотлак»), поэтому данный титул носил формальный характер и был скорее предметом дискуссий в СМИ (что можно было наблюдать в каждый год ухода из жизни одного из авторитетных муджтахидов: Хомейни в 1989 г., Хои – в 1992 г., Гольпаигани и Араки – в 1994 г.).

³⁰ Gieling S. *The «Marja'iyā» in Iran and the Nomination of Khamanei in December 1994*. – *Middle Eastern Studies*. Vol. 33, № 4. Oct., 1997. P. 777.

И. Ф. Сафаргалеев *

СУФИЙСКИЙ ТАРИКАТ ПАКИСТАНСКОГО ШЕЙХА АХМАДА ЗУЛЬФИКАРА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МУСУЛЬМАН ЮЖНОЙ АЗИИ

Цель духовной преемственности тариката накшбандийя-муджадидийя после смерти выдающегося суфия Пира Гулама Хабиба перешла к его не менее уважаемому ученику Ахмаду Зульфикару. Именно ему и его растущему влиянию на мусульман соседней с Пакистаном Индии и посвящена данная статья¹.

Прежде чем перейти к нему непосредственно, следует пояснить, в связи с чем проявлен такой интерес к шейху Зульфикару и возглавляемой им накшбандийи-муджадидийи. Российский институт диаспоры и интеграции более двух лет назад выделил в качестве самостоятельного направления исламские исследования и в рамках этого направления сосредоточился на поиске возможностей несилового противодействия религиозному экстремизму. Проведя параллели с дипломатией, можно было бы назвать это тактикой «мягкой силы». Институт (в частности, автор данной статьи) основное внимание решил уделить традиционному для России, Центральной Азии и Казахстана суфийскому течению накшбандийя, и особенно ветви, возглавляемой пакистанским шейхом Ахмадом Зульфикаром. Особенностью этой ветви ислама является жесткое следование нормам шариата в соответствии с деобандийской школой суннитского ислама. Это обстоятельство, наряду с его полной аполитичностью и сосредоточенностью на пропаганде методов нравственного самосовершенствования верующего, может, на наш взгляд, позволить при соответствующих условиях и обеспечении непосредственного дискуссионного контакта с представителями радикальных исламских течений обращать последних в деполитизированных и абсолютно «безопасных» для любого общества суфиев.

Не останавливаясь на деталях (они изложены в публикациях на Интернет-портале Института диаспоры и интеграции «Материк»)², подробнее рассмотрим личность руководителя известного суфийского ордена накшбандийя-муджадидийя шейха Мауланы Ахмада Зульфикара Накшбанди-Муджаддеди³.

Для того чтобы наглядно и кратко описать историю возглавляемого им суфийского течения, имеет смысл остановиться на «цепи» его духовной преемственности (т.н. *силсила*). Если не вдаваться в исторические подробности, из нее следует, что данная духовная тра-

* Сафаргалеев Ильдар Фаатович, заведующий отделом Института диаспоры и интеграции (Институт СНГ).

диция, начинающаяся с пророка Мухаммада, сформировалась и на протяжении длительного периода времени развивалась на территории Средней Азии. Затем центр тариката, начиная с Мухаммада Бакибиллаха, переместился на Индостанский субконтинент, где это направление получило дальнейшее существование развитие при Ахмаде Сирхинди, которому был присвоен титул обновителя (муджаддид) второго тысячелетия. Он в целом отвергал всякое «недопустимое новшество» (*бид'а*) в религиозной жизни, в том числе и суфийские собрания, сопровождаемые танцами и песнопениями, объяснял шариат как единственную направляющую линию для всех действий, а тарикат – как его опору, которая помогает идущим по пути к совершенству. В отличие от многих своих последователей Ахмад Сирхинди интерпретировал шариат не столько с точки зрения его конкретных заповедей, сколько в плане заключенных в нем внутренних истин. Одним из выдающихся продолжателей учения и духовной практики Ахмада Сирхинди является ныне здравствующий шейх в цепи преемственности рассматриваемого нами ответвления (*турук*) *накшбандийи-муджадидийи* Маулана Ахмад Зульфикар.

Он родился 1 апреля 1953 г. в пакистанском городе Джанг. После окончания с отличием средней школы поступил в университет, где осваивал естественные науки. В 1976 г. он с отличием окончил еще один университет (факультет электроники), при этом получил высший бал за дипломную работу в области компьютерного проектирования (400 баллов из 400 возможных). Свое образование шейх Зульфикар совершенствовал и в последующем, обучаясь на различных курсах в Пакистане и Швеции.

Свою трудовую деятельность он начал со стажировки в качестве инженера-электрика на заводе по производству сахара в Пакистане, которую проходил в период с 1976 по 1977 г. Последующие два года он работал на этом предприятии заместителем инженера по электротехнике, а в период с 1979 по 1982 г. – инженером по электротехнике. Затем на протяжении 6 лет был уже главным инженером по электротехнике. С 1988 по 1990 г. трудился на заводе в качестве управляющего по планированию и производству, а с 1991 по 1992 г. – уже как генеральный директор по планированию. В ходе своей трудовой деятельности Ахмад Зульфикар являлся членом Пакистанского общества технологий в производстве сахара, членом Технического совета Пакистана, а также Действительным членом Американского общества приборостроения.

Но главным делом жизни шейха Мауланы Зульфикара Ахмада, безусловно, было служение исламу. Поэтому в возрасте 40 лет он оставил мирские дела и полностью посвятил себя мусульманскому призыву. Являясь мусульманином-суннитом и последователем деобандской школы, религиозное образование он получил заочно в период с 1967 по 1982 г. Его посвящение (*баят*) в тарикат *накшбандийи* произошло в 18-летнем возрасте. А через 11 лет обучения тасаввуфу у муршида алама Пира Гулама Хабиба из пакистанского селения

Чакваля он в 1982 г. сам стал шейхом, получив от него «хилафат» (право на наставничество). В 1986 г., после смерти своего муршида, он возглавил цепь духовной преемственности накшбандийских ма-шаихов.

В чем же отличительная особенность предписаний в данной конкретной турук накшбандийи-муджадидийи, которые пропагандирует шейх Зульфикар? Помимо обязательного следования предписаниям шариата и сунны пророка Мухаммада, а также освещавшимся в специальной литературе⁴ основополагающим принципам тариката накшбандийя, она включает в себя следующие элементы.

1. *Вукуфи-калби* – постоянное, в любое время и в любом состоянии поминание Всевышнего.

2. Ежедневная медитация-*муракаба* длительностью от 15 минут до нескольких часов в зависимости от состояния «продвинутости» адепта. При этом следует отметить, что в данной турук тариката накшбандийя-муджадидийя 35 видов (уроков) этого упражнения, которые одно за другим в целях избавления от конкретных низменных качеств души и приближения к Всевышнему постепенно даются наставником-муршидом ученику-муриду. Известные мусульманские теологи вывели их на основании принципов, заложенных в Коране и Сунне. Так, в уроках с 1-го по 7-й акцент делается на предписанном конкретным аятом Корана поминании (*зикре*) имени «Аллах». 8-й и 9-й уроки состоят из многократного произнесения (повторения) рекомендованной Сунной Пророка формулы *тахлиля* («Ля иляха илля Ллах» – «Нет Бога, кроме Аллаха»). Начиная с 10-го урока и далее упор делается на предписанном Кораном *фикре* (размышлении), когда ученик сосредотачивается на милости и благодати Всевышнего, нисходящей на его сердце⁵.

3. Ежедневная двухсоткратная теомнемия (*зикр*) славословия пророку Мухаммаду.

4. Ежедневная двухсоткратная теомнемия (*зикр*) формулы испрашивания прощения грехов у Всевышнего.

5. Ежедневное чтение (желательно вслух) в подлиннике Корана (минимум одной страницы священного текста, максимум – одного *джуза*, или $\frac{1}{30}$ его части).

6. Связь, или *рабита*, с шейхом-наставником путем личного общения, в переписке⁶.

Всячески пропагандируя эту духовную методику, шейх Зульфикар в период с 1984 по 1992 г. являлся наставником религиозного общества «Даруль-Улюм» в Джанге, а с 1984 по 1992 г. там же — наставником религиозного общества «Джамийа-айша». Он не ограничивался религиозной деятельностью внутри своей родины, постоянно находился, как и его предшественник пир Гулам Хабиб, в пути с миссией призыва. Так, в 1986 г. шейх Зульфикар преподавал в летней религиозной школе в Вашингтоне, а в 1989 и 1990 гг. читал лекции в «Гольф-клубе» и «Ротари-клубе» соответственно. Особенно

интенсивно он занимался лекционной деятельностью в колледжах, университетах и религиозных учебных заведениях по всему миру в период с 1988 по 1992 г. Начиная с 1995 г. он стал наставником действующих в Вашингтоне и Нью-Йорке религиозных обществ «Джамаат-уль-муслимин» и «Дар-уль-эхсан». В это же время он стал духовным наставником и директором в учебном центре «Дар-уль-эхсан», расположенном в Нью-Йорке и имеющем филиалы в 13 штатах США. С 2003 г. он – главный консультант по религиозным вопросам «Дар-уль-улум» в Нью-Йорке.

Шейх Зульфикар написал несколько десятков книг, изданных как в Пакистане, так и в других странах. Среди них – «Мактубат» (сборник писем к ученикам), «Ишки Иляхи», «Ишки Расуль», «Дуа – основа поклонения», «Сборник проповедей» и многие другие.

Как было отмечено выше, шейх Зульфикар много ездил по миру и в частности посетил такие государства, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Индия, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Египет, Турция, Швеция, Австралия, Англия, Франция, Канада, США, ЮАР, Замбия и др.

В 1992 г. и 1995 г. он предпринял путешествие по республикам бывшего СССР, посетив Россию, Украину, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан и Киргизию с целью возвращения многовековой духовной традиции *тасаввуфа*. Об этом он красочно написал в своей книге «Путешествие из Лахора в Самарканд и Бухару»⁷, изданной на урду и английском языках и очень популярной в Пакистане.

Безусловно, особое место в путешествиях шейха Зульфикара занимает соседствующая с Пакистаном Индия, где постоянно проживает большое число мусульман и в значительной степени распространен суфизм.

Шейх Зульфикар бывал в Индии многократно, выступая со своими проповедями. Поначалу индийские власти настороженно отнеслись к мусульманскому миссионеру из Пакистана. Однако, внимательно изучив читаемые им проповеди-лекции, начисто лишённые всяческой политики и посвященные исключительно методам «очищения души» от низменных качеств и приближению к Всевышнему, они довольно быстро оценили возможности использования данного обстоятельства для понижения «градуса» религиозного экстремизма в достаточно пестром и политизированном мусульманском сообществе Индии. И шейху Зульфикару был дан «зеленый свет» на посещение этой страны с проповедями для привлечения в ряды своих сторонников, или, говоря научным языком, инициации в адепты тариката накшбандийя-муджадидийя, местного населения. Особенно примечательна в этом контексте была последняя поездка шейха в апреле 2011 г. Она состоялась с 3 по 22 апреля по личному приглашению премьер-министра Индии Манмохана Сингха. Другим не менее важным фактом стало то обстоятельство, что в ходе этой поездки шейха Зульфикара ему присягнули на верность, или, используя суфийскую

терминологию, сделали *баяд*, порядка 1 млн 700 тыс. индийских мусульман, а под воздействием его проповедей около 30 тыс. индусов перешли в ислам.

Все это, безусловно, находилось в поле зрения пакистанских властей, которые до этого не обращали особого внимания на скромного суфийского шейха, всячески избегавшего в соответствии с особенностями тариката накшбандийя какой-либо публичности. Это даже привело его, постоянно разъезжающего по разным странам мира, к почти полугодовому домашнему затворничеству в Пакистане, где он терпеливо объяснял властям, за что его так любят в Индии. К счастью, вынужденное затворничество было, несмотря на свою длительность, всего лишь временным, и пакистанские власти оценили положительный потенциал шейха Зульф리카ра.

В ходе вышеупомянутой поездки в Индию шейх посетил Дели, Хайдарабад, Тадкешвар, Бангалор, Мелвишарам. Бульшую часть времени он провел в учебных корпусах и мечетях всемирно известного университета Дар-аль-улум Деобанд, призывая к очищению верующих с помощью методики накшбандийских машаихов. По мнению осведомленных последователей Зульф리카ра, его проповедническая деятельность в Индии позволила значительно «оздоровить» расклад сил в мусульманском сообществе, уменьшив число последователей *салафии* и *барелви* в пользу традиционных «легитимных» суфиев.

Вероятно, что успех призыва шейха Зульф리카ра (в немалой степени при поддержке индийских властей) будет идти по нарастающей и способствовать снижению радикальных настроений среди мусульман Индии. В какой степени это будет происходить, покажет время.

В то же время практическое подтверждение эффективности использования властями Индии накшбандийи шейха Ахмада Зульф리카ра в борьбе с религиозным экстремизмом заставляет всерьез задуматься о необходимости задействования потенциала его учения в России и на постсоветском пространстве в целом.

Примечания

¹ Подробнее о Пире Гулам Хабибе см.: Сафаргалеев И.Ф. Пакистанский суфий Гулам Хабиб и его наследие. – Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., 2012. С. 267–272.

² <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=1443>.

³ <http://www.tasawwuf.org/shaykh/index.htm>.

⁴ Хисматуллин А.А. Суфийская ритуальная практика (на примере братства Накшбандийя). СПб., 1996.

⁵ См., например: Факир Зульфикар Ахмад Накшбанди. Любовь к Аллаху. М.–Казань, 2011.

⁶ http://www.tasawwuf.org/writings/lesson_one.pdf.

⁷ Travelling Across Central Asia. Zulficar Ahmed Naqshbandi Mujaddedi. Hardback. Maktuba-Tul-Faqeer.

О.П. Черкизова*

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В ПАКИСТАНЕ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН)

Северо-Западный регион Пакистана состоит из двух территориально-административных единиц – провинции Хайбер-Пахтунхва (ХП, до 2010 г. – Северо-Западная пограничная провинция) и Территории племен федерального управления (ТПФУ). В последнюю входят семь административных образований – политических агентств (с юга на север): Южный Вазиристан, Северный Вазиристан, Куррам, Оракзай, Хайбер, Моманд и Баджаур. В соответствии с положениями Конституции Исламской Республики Пакистан ТПФУ имеет специальный статус: федеральная власть (президент) обладает правами управления территорией, осуществляя ее через губернатора провинции Хайбер-Пахтунхва. Во главе каждого из агентств стоит назначаемый непосредственно президентом глава, называемый с колониальных времен политическим агентом (отсюда и название)¹. Агенты обладают исключительными правами в пределах своих территорий, координируя свои действия с вождями и старейшинами племен. ТПФУ направляет представителей в федеральный парламент². В агентствах применяются особые уголовные законы, установленные еще в колониальное время, а с племен не взимаются налоги. На территорию «зоны племен» без указа президента не распространяется действие нормативных актов законодательной власти Пакистана. Свои внутренние дела жители «свободных племен» решают на основе обычного права и традиционного пуштунского кодекса чести *пуштунвали*.

Хайбер-Пахтунхва является одной из четырех провинций в рамках пакистанской федерации с центром в Пешаваре и имеет законодательное собрание, аппарат провинциальной власти. Провинция охватывает «зону племен» с востока и помогает центру осуществлять власть над ТПФУ.

Основную часть населения всей северо-западной части Пакистана, особенно «зоны племен», составляют пуштунские племена. Более 60% населения провинции проживает за чертой бедности. Широко распространены торговля оружием, наркотиками и контрабандой товаров через границу с Афганистаном.

Можно полагать, что различия административно-территориальных структур двух отмеченных выше субъектов пакистанской федерации затрудняют задачу властей по реагированию на действия экстремистов.

* Черкизова Ольга Павловна, аспирантка Кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России.

Начало XXI в. в Пакистане отмечено подъемом «подпольного» исламского радикализма. Первая его фаза пришлась на 2001–2008 гг. и была ограничена главным образом узкой полосой вдоль границы Пакистана с Афганистаном. Там в горском пуштунском племенном сообществе появились последователи афганских талибов (мн.ч. на яз. пушту – талибан – ученики, ищущие подлинное знание), возникли первые ячейки Движения Талибан Пакистана (ДТП, «Техрик-е талибан-е Пакистан»), а затем (поздним летом 2007 г.) и сама «зонтичная» (т.е. объединяющая под своей эгидой множество разных групп) боевая организация под этим названием.

Экстремисты, действующие в ТПФУ, состоят из представителей различных племен, придерживающихся разных идейно-политических взглядов. Всех их, однако, объединяет неприятие присутствия иностранных сил в соседнем Афганистане. Они опираются во многом на «старые», созданные во время войны в Афганистане 1979–1989 гг., джихадистские организации.

Приток афганских боевиков в Пакистан после падения режима талибов в Афганистане в конце 2001 г. способствовал укреплению местных племенных и религиозных боевых объединений. Некоторые пуштунские экстремисты вскоре еще более разочаровались в основных религиозно-политических партиях общепакистанского масштаба – «Джамаат-и ислами» (ДИ, «Исламское общество») и «Джамаат-и улема-и ислам» (ДУИ, «Сообщество исламских богословов»). Созданный под их эгидой выборный альянс «Муттахида маджлис-и амаль» (ММА, «Объединенный фронт действия») победил осенью 2002 г. на провинциальных выборах в СЗПП. Правительство ММА находилось у власти в провинции вплоть до 2008 г.

В феврале 2008 г. победу на выборах в СЗПП одержала светская умеренно националистическая пуштунская «Авами нэшнл партии» («Народная национальная партия», АНП). Сформированное ею новое провинциальное правительство заняло более жесткую позицию по отношению к исламским радикалам и террористам. Эти изменения во многом объясняют успех военных операций правительственных войск в округах тогдашней Северо-Западной пограничной провинции Свате и Бунере³.

У террористических организаций в ТПФУ можно выделить несколько общих черт. Большинство из них ориентируется на афганское Движение Талибан (ДТ) и арабскую «Аль-Каиду». Штурм правительственными войсками захваченной исламистами Красной мечети в столице Пакистана, Исламабаде, в июле 2007 г. стал причиной новой волны экстремизма в регионе⁴. Мирные сделки пакистанских властей с боевиками в 2008 – начале 2009 г. также способствовали временному укреплению последних.

Популярность талибов среди населения может быть объяснена строгим следованием исламским законам нравственности и права, которое выгодно отличалось от коррумпированного поведения

представителей пакистанских властей. Талибы были восприняты как сила, способная навести порядок, хотя далеко не всем импонировала их догматичность. На первых порах они смогли решить некоторые затянувшиеся споры между племенами и кланами племен, а также ограничить коррупционный произвол в аппаратах некоторых политических агентов.

Но постепенно народная поддержка режима талибов в пакистанской «зоне племен» уменьшилась – во многом в силу слишком жесткого, граничащего с жестокостью, преследования «неисламского» поведения. Наиболее важным обстоятельством послужило общее ухудшение ситуации в ТПФУ и сопредельных с ней округах ХП. С началом активных военных операций пакистанской армии против экстремистов (в мае 2009 г.) в регионе возникли проблемы с трудоустройством, были перерезаны традиционные маршруты торгового сообщения, часто бывавшие закрытыми даже в периоды относительного спокойствия из-за комендантского часа.

Снижению привлекательности экстремистских движений способствовало и то, что с начала своего прихода в «зону племен» они систематически подрывали основы клано-племенного строя, стремясь запугать племена и уничтожить слабые связи между центральным правительством и «независимыми племенами». Распространенным методом стала ликвидация племенных старейшин, которые традиционно выступали в роли посредников между политическим агентом и местными жителями. В некоторых случаях командиры талибов пытались играть роль племенных лидеров, но в целом, несмотря на эти попытки, традиционные *малики* и *ханы* (вожди и старейшины) племен и родоплеменных кланов сохранили свою власть и влияние.

Жесткость действий экстремистов создала благоприятную почву для возраставшего сопротивления им. Усилилась роль племенных ополчений (*лашкар*ов). Они действовали тем эффективнее, чем больше была поддержка их выступлений против талибов со стороны расквартированных в ТПФУ правительственных частей⁵. Вполне вероятно, что переговоры правительства непосредственно с боевиками, без посредничества вождей племен, лишь укрепляли влияние экстремистских группировок.

Расположенное на юге «зоны племен» агентство **Южный Вазирстан**, населенное преимущественно племенем махсуд (численность ок. 700 тыс. чел.), играет немаловажную роль в развитии экстремизма в Пакистане. Население в большинстве своем состоит из суннитов. Крупнейшим по численности является племя махсуд. Многие руководители ДТП – выходцы из этого племени.

Во время войны в Афганистане с участием советских войск в «зоне племен» при финансовой поддержке государства Персидского залива, особенно Саудовской Аравии, появилось значительное количество медресе. Большинство учебных заведений в агентстве контролирует партия ДУИ.

После 1989 г. в агентство вернулись участники боевых действий в Афганистане, принеся с собой джихадистскую идеологию. Чуть позднее часть из них отправилась для ведения джихада в индийский штат Джамму и Кашмир, а другая часть с 1994 г. присоединилась к появившимся тогда афганским талибам. Провозглашение последним в 1996 г. Исламского Эмирата Афганистан вызвало небывалый до того всплеск популярности радикализма в Южном Вазиристане. Некоторые ветераны антисоветского джихада поддерживали связи с афганскими талибами, но в целом до осени 2001 г. контакты местных жителей с талибским Афганистаном носили незначительный характер.

Ситуация резко изменилась после вторжения США и их союзников в Афганистан и перемещения в агентство боевиков Движения Талибан и «Аль-Каиды», где они создали базы и тренировочные лагеря. Местные молодые пуштуны, и ранее поддерживавшие связи с режимом афганских талибов, принялись формировать отряды боевиков. Примером может служить первый командир наиболее крупного из них Нек Мухаммад, который воевал на стороне талибов в Афганистане. Уже в 2003 г. сформированные им боевые группировки, переходя горную границу, начали нападать на американские и натовские силы в Афганистане. Также он предоставлял убежище афганским талибам, арабским боевикам «Аль-Каиды» и членам Исламского движения Узбекистана (ИДУ)⁶.

После гибели Н. Мухаммада в 2004 г. местных талибов возглавил Бейтулла Масуд. Уже в 2007 г. он объединил силы пакистанских талибов под своим началом, создав ДТП. Основными целями организации декларировались ведение скоординированного джихада в Афганистане против западных сил и борьба с «продажным» пакистанским правительством. Довольно быстро движение создало свою сеть на всей ТПФУ и части тогдашней СЗПП.

Основным полем административной деятельности ДТП оставалось агентство Южный Вазиристан. Там была создана особая система судов и сбора налогов. Кроме того, талибы способствовали насаждению антишиитской идеологии «Аль-Каиды» среди племен махсуд и вазир, которые ранее никогда не участвовали в сектантском противостоянии⁷.

Важно отметить, что присутствие иностранных боевиков в «зоне племен» вызывало разногласия между различными группировками пакистанских талибов. Другим различием между ними служила степень остроты в их неприятии пакистанских властей. Сам Б. Махсуд и его преемники во главе с Хакимуллой Махсудом неизменно отстаивали идею борьбы с пакистанскими властями и предоставления убежища иностранцам, в первую очередь боевикам из ИДУ. В то же время полевой командир Мулла Назир действовал лишь против западной коалиции в Афганистане и еще в 2007 г. вытеснил узбеков с подконтрольной ему территории. Из-за массированных налетов американской беспилотной авиации в 2008–2009 гг. боль-

шинство боевиков, в том числе арабы и узбеки, переместились в Северный Вазиристан.

Граничащее с Южным Вазиристаном, а также с афганскими провинциями Хост и Пактика агентство **Северный Вазиристан** стало одним из основных оплотов радикализма на северо-западе Пакистана. Даже после того, как официальный Исламабад в 2009 г. начал серьезную борьбу с экстремистами в других районах, он в значительной степени продолжал игнорировать данный район – не в последнюю очередь в силу негласных соглашений с поддерживающими правительство боевиками. Экстремисты в этом агентстве менее фрагментированы, чем их собратья на других территориях «зоны племен», в основном благодаря минимальному уровню межплеменных разногласий. Крупнейшая группировка в Северном Вазиристане – «сеть Хаккани». Известный командир афганских моджахедов Джалалуддин Хаккани, уроженец афганской провинции Хост из племени задран (джадран), поселился в Мирамшахе еще в середине 1970-х гг., где устроил лагерь для подготовки вылазок на территорию Афганистана. Фактическое руководство организацией на последнем этапе осуществляли его сыновья, прежде всего Сираджуддин. «Сеть Хаккани» действует против сил США и НАТО в Афганистане, главным образом в провинциях Пактия, Пактика и Хост (Лойя Пактия, т.е. Большая Пактия). По имеющимся сведениям, Сираджуддин (по матери он араб) стал лидером организации в 2001 г., через несколько месяцев после падения режима талибов в Кабуле⁸. Он пользуется большим авторитетом в Северном Вазиристане и неоднократно выступал посредником между враждующими группировками талибов.

В отличие от талибов, которые в «свободное» от военных действий время занимаются сельским хозяйством или не работают вообще, значительная часть боевиков «сети Хаккани» в мирной жизни маскируется под учащихся медресе. Такая особенность обуславливает сильную радикальную составляющую в идеологической подготовке боевиков «сети Хаккани».

Можно считать, что в настоящее время «сеть Хаккани» действует автономно в составе ДТ. Она имеет отдельный командно-оперативный аппарат, но верховное руководство интегрировано в организацию Муллы Омара (Дж. Хаккани входит в состав высшего совета афганских талибов, а С. Хаккани возглавляет их отряды в Лойя Пактии)⁹.

Следует заметить, что позиции хакканистов и талибов совпадают не по всем пунктам. В частности, Дж. Хаккани выступал против чрезмерно жестких мер, введенных талибами, а именно запрета музыки, принуждения мужчин к ношению длинной бороды и запрета женщинам получать образование¹⁰.

Примечательно также и то, что «сеть Хаккани» предпочитает избегать каких-либо ссылок на свою организацию и в издаваемых ею документах выступает под названием «Исламский Эмират Афганистан» (как в свое время именовалось государство талибов). В частности, С. Хаккани заявлял, что «такой организации, как «сеть Хаккани»,

нет. Мы действуем от имени Муллы Мухаммада Омара и Исламского Эмирата Афганистан»¹¹.

На протяжении долгого времени организация Хаккани сотрудничала с арабскими экстремистами. Известно, что большая часть финансирования группировки Хаккани приходит из региона Персидского залива. Кроме того, движение поддерживает связи с «Аль-Каидой» и узбекским «Союзом исламского джихада». Однако идеологическая связь «сети Хаккани» с «Аль-Каидой» представляется в значительной степени размытой. Хакканисты идеологически стоят ближе к пуштунско-националистической риторике ДТ, нежели установкам «Аль-Каиды» на разжигание мирового джихада. Существенно также и то, что «сеть Хаккани», в отличие от пакистанских талибов и «Аль-Каиды», не выступает против пакистанских властей. Так, в июне 2006 г. Дж. Хаккани заявил, что борьба с Пакистаном не является приоритетом для его организации, более того, ни он, ни его соратники не поддерживают тех, кто ведет войну против Пакистана. Еще яснее высказался С. Хаккани, заявив: «Неправильно считать, что “Аль-Каида” и Движение Талибан преследуют одни цели. “Аль-Каида” стремится распространить свое влияние по всему миру. Это не входит в наши планы. Цель талибов – освобождение Афганистана от присутствия иностранных войск»¹².

Помимо «сети Хаккани», в агентстве действуют, по данным на 2010 г., отряды Хафиз Гуль Бахадура. Он не обладает столь внушительным «послужным списком», как клан Хаккани, но пользуется мощной поддержкой племен, проживающих в горных районах между Мирамшахом и афганской границей. Группировка Х.Г. Бахадура поддерживает конструктивные отношения со многими экстремистами в Северном Вазиристане и за его пределами, избегая конфронтации с пакистанскими властями. Как и хакканисты, Х.Г. Бахадур сосредотачивает свое внимание на борьбе с западным присутствием в Афганистане.

Агентство **Куррам**, жители которого придерживаются как суннитского, так и шиитского направления ислама, давно превратилось в арену суннито-шиитских столкновений, которые происходят с периодичностью в 5–10 лет¹³. Межсектантское противостояние в Курраме осложнилось вовлеченностью Пакистана в афганский джихад. В 1980-х гг. там были развернуты лагеря афганских беженцев-суннитов, которые в многочисленных конфликтах принимали сторону куррамских суннитов. Шииты же неохотно предоставляли убежище афганским моджахедам и были весьма обеспокоены поддержкой, которую оказывала пакистанская Объединенная военная разведка (ОВР) отрядам моджахедов, прежде всего из «Хезб-и ислами» («Исламской партии») Гулбеддина Хекматъяра.

В агентстве действовали две местные боевые организации шиитов, ориентированные исключительно на защиту интересов своей общины. Расположенная в административном центре г. Парачинар «Куррам хезболла» («Партия ислама Куррама») идеологически близ-

ка к Ирану, куда и направляет собранные пожертвования (*хамас*). Более мощная «Махди милишиа» («Ополчение Махди») близка к иракским шиитским организациям.

Сунниты Куррама формально не имеют своих боевых организаций, но в племенах действуют *лашкары*. При возникновении необходимости борьбы с шиитами они получают значительную поддержку от вазиристанских отрядов ДТГ и базирующихся в более северном агентстве Хайбер боевых суннитских организаций.

Помимо противостояния между представителями разных ветвей ислама, нестабильность ситуации в Курраме усиливает присутствие талибов, которые начали проникать в агентство с 2006 г. Местные шииты, в основном принадлежащие к племени тури, недовольны использованием их земель талибами и опасаются, что их присутствие может привлечь нежелательное для них внимание пакистанской армии к Курраму¹⁴.

Можно выделить три различных, но часто взаимодополняющих друг друга оси противоборства в агентстве **Оракзай**: межсектанская рознь между шиитским меньшинством (10% населения) и суннитским большинством; вражда между различными религиозно-националистическими группировками; борьба между местными экстремистами и «пришлыми» талибами.

Суннито-шиитское противостояние в наибольшей степени влияет на развитие ситуации в Оракзае. Главным предметом разногласий стал вопрос о контроле над мечетью Мир Анвар Шах в г. Калая¹⁵. Эта мечеть, построенная более 300 лет назад, посвящена святому, почитаемому шиитами. В 1936 г. британские колониальные власти передали ее суннитам. Позднее, в конце 1980-х гг., шиитам позволили совершать службы в мечети и проводить работы по поддержанию комплекса. Маятник качнулся в обратную сторону в конце XX в. В 1999 г. талибы, объединившись с местными радикалами в попытках вытеснить шиитов, отстранили последних от контроля над мечетью. В последовавших затем беспорядках участвовали активисты местной суннитской группировки Аслама Фаруки, поддерживающей радикальную экстремистскую организацию «Сипах-и сахаба Пакистан», и иностранные боевики. С 1999 по 2009 г. в агентстве и границах с ним округе Хангу провинции Хайбер-Пахтунхва было зафиксировано более 22 тыс. человек, ставших жертвами столкновений на религиозной почве¹⁶.

Религиозный конфликт в Оракзае также имеет социально-экономический аспект: шииты в агентстве богаче, обладают большими наделами земли и в целом более образованы, нежели сунниты.

С 2004 г. в агентстве находили убежище талибы из Южного Вазиристана, которые использовали его в качестве плацдарма для подготовки нападений на пакистанские армейские и полувоенные формирования (пограничные части, укомплектованные в основном местными жителями) безопасности и трансграничных вылазок в Афганистан. В декабре 2008 г. отряды талибов под командованием Хаки-

муллы Масуда, действуя по своей обычной схеме, провозгласили верховенство норм шариата в районах Верхнего и Нижнего Оракзая. «Талибанизация» агентства сыграла ключевую роль в разжигании там религиозного противостояния.

Агентство **Хайбер**, где проживают представители четырех пуштунских племен (африди, шинвари, муллагори и шимани)¹⁷, стало убежищем для исламских радикалов; на его территории действуют различные экстремистские организации, в частности «Лашкар-и ислам» («Исламская армия»), «Ансар уль-ислам» («Сподвижники ислама») и ТТП. Помимо этого, здесь зачастую вспыхивают столкновения на религиозной почве. Усугубляет ситуацию вмешательство наркомафии.

Острые проблемы в Хайбере начались в 2003 г., когда в долине Тире была создана организация под названием «Амр бил маруф ва нахи анил мункар» («Призыв к добродетели и отрицание порока») под руководством Хаджи Намдара¹⁸. На волнах его радиостанции транслировались проповеди яркого противника шиизма муфтия Мунира Шакира (этот приверженец деобандской школы в суннизме ранее был выслан из Куррама за разжигание религиозной розни). Именно М. Шакир стоял у истоков возникновения террористической группировки «Лашкар-и ислам».

В Хайбере имел сильные позиции и сторонник другой основной суннитской школы – барелви – афганец Пир Рахман, который поселился в главном городе агентства Баре еще в 1977 г. Пира Рахмана признают своим духовным лидером в Афганистане и Пакистане, а главное – его поддерживает племя африди. Соперничество между двумя религиозными деятелями, пришедшими в Хайбер извне, стало причиной ожесточенных столкновений, начавшихся в ноябре 2005 г. В феврале следующего года под нажимом совета старейшин племени африди, обеспокоенных угрозой вмешательства пакистанской армии для прекращения беспорядков, оба духовных лидера оставили Хайбер. Однако с уходом М. Шакира и П. Рахмана конфликт не был исчерпан, поскольку продолжали действовать созданные при их участии экстремистские группировки.

Особенно активной была вышеупомянутая «Лашкар-и ислам», во главе которой после отъезда М. Шакира встал Мангал Багх. Его идеологическая программа была основана на лозунгах борьбы с криминалитетом и наркомафией и неспособности государственных органов противостоять им. Он также выступил против власти племенных вождей, поддерживающих центральное правительство. После того как Багх создал некое идеологическое пространство вокруг себя как лидера исламистов, он открыто бросил вызов пакистанскому государству, угрожая развернуть масштабную вооруженную борьбу.

В агентстве Хайбер пытались закрепиться и внешние силы. Речь идет прежде всего о пакистанских талибах. Однако эти попытки не имели успеха. Тем не менее и в 2010 г. в агентстве действовали небольшие талибские отряды, подчинявшиеся командованию в сосед-

нем Оракзае¹⁹. Талибы пытались перекрыть транспортные маршруты НАТО, идущие через Хайбер. Известно, что вплоть до 2010 г. пакистанский маршрут доставки грузов для группировки США и НАТО в Афганистане был основным (до 80%) и значительная их часть шла через Хайберский перевал²⁰. Пакистанские силы безопасности приложили много усилий, чтобы держать открытыми маршруты снабжения. И впоследствии агентство еще неоднократно становилось целью террористических атак: продолжая оказывать сопротивление пакистанской армии, талибы из Вазиристана не прекращали борьбу с местными боевыми группировками.

Расположенное к северу от Хайбера агентство **Моманд** (его населяют в основном племена моманд) считается более интегрированным в пакистанское общество, чем другие районы ТПФУ. Дело в том, что начиная с 1970-х гг. значительная часть жителей отправлялась на заработки в страны Персидского залива и по возвращении вкладывала деньги в экономику края. Как и другие районы «зоны племен», Моманд в 1980-х гг. испытал влияние афганской войны, когда приток беженцев осложнил экономическое положение. Но в отличие от других единиц ТПФУ тут практически не было тренировочных лагерей моджахедов.

Военные формирования в этом районе активизировались в 2004 г., после появления талибов в Южном и Северном Вазиристане. Идеология талибов проникла в Моманд не с юга, а с севера – из области Малаканд Северо-Западной пограничной провинции, главным образом из округа Сват, где исламистские группировки заявили о себе еще в начале 1990-х гг. Основной из них была организация «Техрик-и нифаз-и шариат-и Мухаммади» («Движение за установление шариата», ДУШ)²¹. Масштабное проникновение талибов в Моманд произошло в 2006 г.²²

На ситуацию в агентстве повлиял и уже упоминавшийся штурм исламабадской Красной мечети летом 2007 г. Чтобы выразить солидарность с исламистами в Исламабаде, около 200 боевиков захватили несколько мечетей недалеко от административного центра агентства. Местный лидер исламистов Омар Халид объявил о присоединении к ДТП. Но момандские отряды талибов продолжали действовать независимо от основного движения в Южном Вазиристане.

Деятельность талибов побудила кланы многочисленного племени моманд оказать им сопротивление. В отдельных районах начали действовать их *лашкар*. Считается, что борьба племенных ополчений была более эффективной, чем операции пакистанской армии²³.

Момандские исламисты политически связаны с обеими основными религиозными парламентскими партиями Пакистана – ДУИ и ДИ. Созданный ими избирательный блок исламистов на выборах 2002 г. выиграл все места в пакистанском парламенте от Моманда. Впоследствии избранные от агентства члены парламента подвергались критике за коррупцию и терпимость к боевикам и террористам.

Росту влияния местных боевиков могла способствовать деятельность пакистанской военной разведки, рассчитывавшей нейтрализовать влияние политических оппонентов исламистов, а именно упоминаться выше парти ННП.

Хотя попытки армии сохранить у власти исламистов не увенчались успехом, нет больших сомнений в том, что она и ОВР способствовали укреплению низовых исламистских групп. После победы ННП в агентстве на парламентских выборах 2008 г. многие ее видные члены и руководители неоднократно подвергались нападениям со стороны талибов²⁴.

Наименьшее по территории и самое северное агентство **Баджаур** является воротами в долину Сват, благодаря чему приобрело важное стратегическое значение²⁵. До 2001 г. здесь не было отмечено наличия террористических групп. События осени того года стали поворотными. Среди боевиков ныне заметны талибы (ДТП) и сторонники ДУШ.

Насколько известно, публично признавая верховенство афганского Движения Талибан и лично Муллы Омара, на деле баджаурские талибы не координируют свои террористические вылазки в Афганистане с Муллой Омаром и его окружением. Они самостоятельно выбирают мишени для терактов. Отдельную боевую группу возглавляет М. Факир, заявивший о своей поддержке «Аль-Каиды»²⁶. Под его командованием в агентстве действуют не только афганцы, но и другие боевики-иностранцы. Среди джихадистских групп, также действующих в Баджауре, следует назвать и «Джайш-и ислами» («Исламскую армию») во главе с Кари Али Рахманом. По некоторым данным, в основном панджабская «Харкат-уль джихад-уль ислами» («Движение за исламский джихад») ведет подрывную деятельность в Баджауре. Ее подозревают в организации многих громких терактов с использованием смертников, включая повлекшее сотни жертв покушение 18 октября 2007 г. в Карачи на бывшего премьер-министра Пакистана Б. Бхутто и теракт в сентябре 2008 г. в отеле «Марриотт» в Исламабаде²⁷.

Кроме пакистанских боевиков, в агентстве присутствуют и иностранные экстремисты. «Исламское движение Узбекистана» и отколовшийся от нее «Союз исламского джихада» имеют некоторую поддержку в Баджауре и афганской провинции Кунар²⁸.

* * *

Подводя итоги, стоит отметить, что усиление радикальных тенденций в значительной мере было вызвано участием Пакистана в так называемой «глобальной войне с терроризмом». Эти действия, а особенно участвовавшие в конце 2000-х гг. скоординированные с пакистанским руководством атаки беспилотников США на районы ТПФУ, встретили понятное отторжение среди пакистанцев. Тяжелыми последствиями антитеррористической войны стали многочисленные жертвы среди мирного населения, военнослужащих и полицейских.

Помимо того, сотни тысяч жителей «зоны племен» и прилегающих к ней районов были вынуждены на время проведения антитеррористических кампаний покинуть свои дома и становиться «внутренними беженцами».

Тем не менее нужно признать, что под давлением жестких мер террористическая активность исламистских боевых групп в последние годы уменьшилась. Уже в середине 2011 г. обозначилась тенденция к общему снижению ее уровня при незначительном сокращении наносимого ущерба: за 2011 г. общее количество террористических атак, в результате которых погиб 2391 чел., снизилось на 7% (в 2010 г. – 2913 чел.).

Эти успехи нужно рассматривать на фоне перегруппировки сил в стане исламского радикализма, действующего легально. Возник новый альянс исламистских организаций «Дифа-и Пакистан» («Защита Пакистана»), где одно из ведущих мест наряду с лидерами таких партий, как ДУИ и ДИ, занял Хафиз Саед – лидер наиболее радикальной по идеологии исламистской организации «Джамаат-уд-дава» («Общество призыва»). Эта организация является «фасадной» для активно действовавшей в 2000-х гг. на индийском направлении боевой группировки «Лашкар-и тоиба» («Армия чистых»), организатора одного из громких терактов последних лет – нападения группы диверсантов в ноябре 2008 г. на крупнейший индийский город Мумбаи (Бомбей). Перегруппировка сил среди легальных исламистов, попытка «легализовать» крайних представителей исламистского движения свидетельствуют об учете ими новой реальности.

Следует заметить, что если в 2008–2010 гг. фактор исламского экстремизма и терроризма имел исключительно большое значение для Пакистана, для ситуации на его северо-западе, да и для всего соседнего с ним региона, то в дальнейшем, как представляется, его значение несколько снизилось. На первый план выдвинулись новые, легальные, движения исламистов. На фоне протестных акций конца 2012 – начала 2013 г. выступлением в поддержку реформирования политической системы ИРП заявил о себе еще один новый политический игрок – партия «Пакистан авами техрик» («Народное движение Пакистана») во главе с Тахир-уль Кадри, представляющим школу барелви. До настоящего момента данная партия находилась на периферии пакистанской политической жизни, а ее лидер на протяжении последних 6 лет вообще проживал в Канаде. Такая программа роднит «Пакистан авами техрик» с еще одной, уже светской партией «новой волны» – «Пакистан техрик-и инсаф» («Пакистанское движение за справедливость») Имран Хана. Тем не менее вопрос о том, насколько долговременна эта тенденция, остается открытым и исключительно важным в преддверии парламентских выборов в Пакистане и предполагаемого вывода основной части боевых соединений США и НАТО из Афганистана к концу 2014 г.

Примечания

¹ Название этих административных единиц, равно как и административное деление, было создано британскими колониальными властями, сформировавшими их в северо-западных районах Британской Индии, населенных племенами пуштунов и белуджей. Число и административные границы агентств неоднократно менялись. В настоящее время в Территорию племен федерального управления Пакистана входят семь агентств: Хайбер (образовано в 1878 г.) – Куррам (1892), Северный Вазиристан (1895–1896), Южный Вазиристан (1895–1896), Моманд (1951), Оракзай (1973), Баджаур (1973) – общей площадью 27,2 тыс. км². Кроме того, два агентства существуют на территории провинции Белуджистан (область Сиби) – Дерабугги и Кохлу. В состав ТПФУ также входят шесть пограничных районов, которые граничат с одноименными административными единицами Хайбер-Пахтунхва: Банну, Дераисмаилхан, Кохат, Лаккимарват, Пешавар и Танк.

² В августе 2009 г. президент А.А. Зардари внес соответствующие законодательные инициативы, которые позволили бы партиям нерелигиозного толка в полной мере участвовать в выборах, а также изменения в систему управления ТПФУ.

³ Подробнее см.: Белокреницкий В.Я. Война в горах. Талибы и пакистано-афганское приграничье. – Азия и Африка сегодня, 2012, № 7. С. 24–28.

⁴ См.: Замараева Н.А. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. – Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., 2012. С. 190–191.

⁵ Suba Chandran D. Khyber Agency: Indigenous Taliban, illegal radio stations and ineffective administration. Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi, India, June 16, 2006. – <http://ipcs.org>.

⁶ Yusufzai R. Profile: Nek Mohammed. BBC, June 18, 2004. – http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3819871.stm.

⁷ Mahsud M.K. Militancy and Conflict in South Waziristan. The Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>.

⁸ Sirajuddin Haqqani Interview with AfPax Insider April 7, 2009. – http://www.afpax.com/index.php/post/7478/Talibans_Siraj_Haqqani_Shrugs_Off_5.

⁹ Anand Gopal, Mansur Khan Mahsud, Brian Fishman. Militancy and Conflict in North Waziristan. Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>.

¹⁰ US National Security Archive. – <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB295/doc05.pdf>.

¹¹ Ibid.

¹² Ismail Khan. Forces, Militants Heading for Truce. – Dawn, June 23, 2006: <http://www.dawn.com/2006/06/23/top2.htm>; Anand Gopal, Mansur Khan Mahsud, Brian Fishman. Militancy and Conflict in North Waziristan. Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>.

¹³ Ibid.

¹⁴ Mahsud M.K. Militancy and Conflict in Kurram. The Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>.

¹⁵ Zahab M.A. Sectarianism in Pakistan's Kurram Tribal Agency. – Jamestown Foundation, March 19, 2009: <http://www.jamestown.org>.

¹⁶ Multi Cluster Rapid Assessment–District Kohat. – World Health Organization report, December 5, 2009: <http://www.whopak.org/idps/documents/assessments/Assessment%20Report%20of%20District%20kohat.pdf>.

¹⁷ Rashid Naeem. Historical and Administrative Profile of the Khyber Agency. – AllVOICES, March 10, 2008: <http://www.allvoices.com/user/blog/752>.

¹⁸ Caroline Wadhams and Colin Cookman. Faces of Pakistan's Militant Commanders. Center for American Progress, July 22, 2009. – <http://www.americanprogress.org/issues/2009/07/talibanleaders.html/#12>.

¹⁹ Raheel Khan. Militancy and Conflict in Khyber. The Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>.

²⁰ Salman Masood. Bridge Attack Halts NATO Supplies to Afghanistan. – The New York Times, February 3, 2009.

²¹ «Техрик-и нифаз-и шариат-и Мухаммади» («Движение за введение шариата») создано в мае 1989 г. мауланой Суфи Мухаммадом. Основная цель – введение шариата в области Малаканд, который должен строго регламентировать все сферы общественной жизни. ТНШМ быстро обрело популярность, уже через год после создания его численность достигла 30–40 тыс. чел., среди них – участники антисоветского моджахедского движения в Афганистане. В ноябре 2001 г. С. Мухаммад объявил о поддержке режима талибов и, собрав около 6–10 тыс. добровольцев, отправился в Афганистан для борьбы с силами международной коалиции. Последовавшее в апреле 2002 г. тюремное заключение лидера движения стало причиной размывания влияния ТНШМ. Вместе с тем в 2004–2007 гг. в округе Сват под руководством зятя С. Мухаммада маулаи Фазлуллы сформировалась новая фракция ТНШМ, которая с декабря 2007 г. присоединилась к ТТП, сохранив при этом значительную самостоятельность. Мирное соглашение с ТНШМ в 2008 г., предусматривавшее введение норм шариата в Свате, стало первым пробным шагом по достижению консенсуса с экстремистами. Соглашение было перечеркнуто начавшимся в мае 2009 г. генеральным наступлением на силы боевиков как в ТПФУ, так и в округах тогдашней Северо-Западной пограничной провинции, прежде всего в Свате.

²² Militant Groups Warn Pro-Gov't Tribal Elders. – Dawn, June 14, 2007.

²³ Fauzee Khan Muhammad. "Mohmand Lashkar Kills 23 Taliban Militants. – Dawn, July 14, 2009.

²⁴ Peshawar: The New Militant Frontline. – Associated Press, Dec. 14, 2009.

²⁵ Rahmanullah, Militancy and Conflict in Bajaur. The Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>.

²⁶ Claudio Franco. Part III of a Special NEFA Report: Militant Groups Active in the Bajaur Region. August 2009. – <http://www.nefafoundation.org>.

²⁷ Amir Mir. HUI chief still at large. – The News, September 23, 2008: http://www.thenews.com.pk/top_story_detail.asp?id=17449.

²⁸ Foreign militants target of Bajaur operation: Hoti. – Daily Times, August 15, 2008: http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=2008\08\15\story_15-8-2008_pg7_34.

Раздел III

**ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

*Р.Р. Сикоев**

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ АФГАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

С тех пор как появилось современное территориальное государство, проблема взаимоотношений между ним и традиционным сообществом всегда была и остается наиболее актуальной. Смена типов государств как формы политической организации общества в пределах определенных территориальных границ и формы управления им прошла долгий путь эволюции и революций, путь борьбы и сосуществования государства и традиционного (внутригосударственного) сообщества.

Задача данной статьи – попытаться раскрыть механизмы исторического взаимодействия и специфику отношений племенного традиционного общества и государства на примере Афганистана.

Выбор этой страны в качестве традиционного (догосударственного) общества не случаен. «Ни одна страна не видела такого разнообразия народностей, – отмечали В.И. Вавилов и Д.Д. Букинич, – не переходила в руки столь многих властелинов. Территория Афганистана последовательно занимается ассирийцами, мидийцами, персами, греками, скифами, парфянами, кушанами, гуннами, турками, арабами, монголами...»¹

Вот в таком котле переваривался и выкристаллизовывался этнический состав современного Афганистана в XIX – начале XX в. – страны, пережившей и продолжавшей в начале XXI в. переживать междоусобные войны, усугубленные иностранным вмешательством.

И тем не менее Афганистан в целом – яркий пример традиционного по сути общества, на протяжении веков избежавшего колонизации, выработавшего и сохранившего племенные обычаи, правила поведения в быту и на войне, нормы решения правовых вопросов, возникавших в жизни племени и т.п.

Из многовековой истории этой страны наибольший интерес представляют несколько исторических этапов: создание первого централизованного государства при эмире Абдуррахман-хане (1880–1901); провозглашение королем Амануллой-ханом (1919–1929) первой конституционной монархии; Конституция 1964 г. короля Мухаммада Захир-шаха, фактически создавшая предпосылки для прихода впервые в истории этой страны к власти прокоммунистической Народно-демократической партии (1978–1992), и, наконец, создание на боль-

* Сикоев Руслан Романович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

шей части территории Афганистана первого исламистского эмирата талибов (1994–2001).

Прежде чем перейти к изложению данной темы, полагаем необходимым предварить работу кратким историческим экскурсом.

Централизованное афганское государство ведет свое начало с середины XVIII в., когда летом 1747 г. Ахмад-хан – предводитель одного из афганских племенных ополчений, воевавших в составе армии персидского правителя Надира-шаха Афшара, после гибели последнего во главе своих отрядов вернулся в город Кандагар. Именно там на джирге ханов пуштунских племен абдали Ахмад-хан, 23-летний пуштун из знатного рода садозаев, входившего в состав крупного племенного объединения абдали, был избран шахом Афганистана. Стремясь утвердить привилегированное положение абдали среди других племен, новый шах переименовал его в дуррани (жемчужное), а сам принял титул дурри дурран (жемчужина жемчужин)².

Во второй половине XVIII в. ему удалось создать крупную империю, объединив в ее пределах разные народы и народности, но речь при этом не шла о создании унитарного национального государства. Как подчеркивал Ю.В. Ганковский, «ни Ахмад-шахом, ни его преемниками не было создано централизованной, унифицированной системы управления, которая действовала бы одинаково эффективно во всех частях их огромного государства»³.

По мнению Л. Дюпре, империя Дуррани не была «нацией-государством»⁴ вследствие незрелости общественных укладов и архаичности населявших ее народов. Скорее сильной племенной конфедерацией. Как и всякое подобное образование, держава Дуррани таила в себе перманентную тенденцию к распаду. Это особенно наглядно проявилось уже после смерти Тимур-шаха (1773–1793) – сына и наследника Ахмад-шаха. В период с 1793 по 1810 г. империю постоянно сотрясали внутренние распри, мятежи и войны с соседями, серьезно подорвавшие ее устои. В результате неудачных войн с державой сикхов с центром в Лахоре к началу XIX в. владения империи Дуррани в пределах исторической Индии были полностью утрачены. Еще больше ослабили Афганистан англо-афганские войны 1838–1842 гг. и 1878–1881 гг. Опасаясь новой войны, эмир Абдурахман-хан был вынужден в 1893 г. подписать соглашение с Англией о границе. «Линия Дюранда» закрепила за англичанами контроль над землями восточных пуштунов и белуджей.

Попытки если не восстановить в прежних пределах державу Дуррани, то хотя бы прирастить к ней какие-то территории предпринимались не раз. Так, в 1826 г. Дост-Мухаммад-шах покорил узбекские ханства на левом берегу Аму-Дарьи, а в 1850–1860-х гг. присоединил к своим владениям Гератскую провинцию на западе страны. Он также принял титул «амир уль-муминин» (повелитель правоверных), объявил джихад (1834) сикхам во главе с Махараджей Ранджит Сингхом и попытался вернуть захваченные им земли восточных пуштунов с центром в Пешаваре, однако безуспешно.

Тем не менее с тех пор как ханы племени дуррани получили ключевые позиции в структуре афганской державы, пуштуны стали считать себя главенствующим в ней этносом, обладающим правом безраздельного господства над остальными.

Чтобы понять специфику взаимоотношений централизованного государства, выросшего из недр племенного общества, необходимо остановиться на описании самого традиционного общества, представлявшего собой фундамент, на котором покоилась пирамида государственной власти в Афганистане.

Начнем с того, что отношения между традиционным племенным обществом и централизованным государством всегда были сложными и противоречивыми и во многом зависели от социально-политических условий в разные периоды истории Афганистана. Два главных фактора всегда определяли характер их отношений: этнический и религиозный. Их взаимоналожение чаще всего становилось источником военно-политической напряженности.

История Афганистана вывела следующую закономерность: ослабление центральной власти всегда вело к усилению автономистских тенденций племенных общин и, наоборот – сильная централизованная власть, в основном силой оружия, а также и подкупом, на какое-то время приводила к покорности племени и добивалась подчинения их государству.

Этот принцип был давно сформулирован авторитарным правителем Афганистана – «железным эмиром» Абдуллахом. «Весьма хорошо известно, – указывал он в автобиографии, – что пока страна находится под управлением человека строгого, который может сохранить полный контроль над всеми военачальниками и подданными своей страны, то, будет ли он управлять правильно или неправильно, иностранным державам не может представиться какое-либо обстоятельство для вмешательства в его дела. Но как только страной управляет человек слабый, или же страна распадается вследствие внутренних междоусобиц, или же подданные потеряют любовь к своему вождю и удерживаются лишь чувством страха, тогда иностранные державы не упустят случая, чтобы предъявить какие-нибудь претензии...»⁵

Учитывая многочисленность и главенствующую роль пуштунских племен в системе государственной власти на протяжении более чем двух веков, остановимся на характеристике этой этнической группы, которая и сегодня в лице радикального исламистского Движения Талибан претендует на реставрацию своего господствующего положения.

Кто же такие пуштуны и что представляет собой их племенное сообщество? До наших дней пуштунские племена сохранили специфические черты родоплеменной организации: кровнородственные связи, общность языка (диалектов), компактное проживание в пределах общей территории; органы племенного самоуправления, включая *джиргу* – общеплеменное собрание; вооруженные ополчения – *лашкары*; нормы обычного права с использованием элементов ислама.

Считается, что главным регулятором жизни и деятельности пуштунских племен, фундаментом, на котором строятся их отношения с центральной властью, является «кодекс чести» – «пуштунвали», будто бы являющийся специфическим пуштунским институтом.

Все содержание «пуштунвали» можно с долей условности подразделить на три части: военную; социально-бытовую и морально-нравственную; правовую.

Наиболее обширной является военная сфера, включающая в себя такие понятия, как: *чита* – сигнал боевой тревоги; *лашкар* – племенное ополчение; *тура* (меч) – доблесть, мужество; *мерана* – отвага, храбрость; *нанг* – защита личной чести, а также семьи, клана, племени; *барамта* – захват, угон; *тайрат* – смелость, достоинство; *йаргамаль* – заложничество; социально-бытовой и морально-нравственный аспекты: *намус* – честь, достоинство всех членов семьи; *мелмастийа* – гостеприимство; *бадрага* – торжественные проводы гостя. Сюда же следует отнести понятие *мышр-кышр* (букв. старший – младший) – обычай почитания старших. К правовому аспекту относятся следующие понятия: *нынавата* – (вхождение в жилище), предоставление убежища; *бадаль* – воздаяние, компенсация за ущерб по принципу талиона, кровная месть; *джирга* (сход, собрание) – орган регулирования внутриплеменных конфликтов и рассмотрения уголовных дел. В институте джирги исламские правовые нормы играют значительную роль.

Поскольку в работах прежних исследователей, в том числе и афганских, «пуштунвали» трактуется как уникальный и специфический пуштунский кодекс, регулирующий не только внутриплеменные проблемы, но и отношения с государством, полагаем необходимым высказать некоторые замечания.

На наш взгляд, «пуштунвали», скорее всего, представляет собой явление синтетического порядка, при котором на субстрат языческих (доисламских) обычаев и правил наложился исламский закон *шариат*, что особенно заметно в его правовой сфере. Возьмем для примера обычай *нынавата*. Право убежища было известно уже древнейшим государствам Востока, Африки, Греции, Рима. Вот что пишет, в частности, по этому поводу Л.Н. Галенская: «Религиозная форма убежища была известна и другим мировым религиям – буддизму и исламу – и в той или иной степени применялась во всех странах. У мусульман считался священным и неприкосновенным местом Кааба – храм в Мекке. Вся область Мекки являлась местом убежища: находясь на этой земле, никто не мог подвергнуться нападению, там получал защиту каждый преследуемый»⁶.

Немало мечетей, служивших убежищем, было и в афганских городах. Пуштуны превратили свое жилище в место, выполняющее функции неприкосновенного сакрального убежища, и были готовы защищать этот принцип с оружием в руках. Пуштуны готовы были предоставлять право убежища любому нуждающемуся в нем, даже если это был их смертельный враг. Мухаммад Хайат-хан приводит

такую афганскую поговорку: «Если даже свинья (животное, нечистое по мусульманским понятиям. – *Р.С.*) забежит в твоё жилище, ты обязан защитить её»⁷.

Сохранился любопытный документ аналогичного характера эпохи расцвета Вавилонского царства (первая половина VII в. до н.э.). «Вавилон, – говорится в нём, – средоточие вселенной. Привилегии того, кто входит в него, незыблемы... Даже собака, вошедшая в него, не может быть убита»⁸.

К сказанному следует добавить ещё два тезиса, с которыми, на наш взгляд, трудно согласиться. Так, в статье Л. Жехака и А.Л. Грюнберга «Некоторые черты традиционного мировоззрения пуштунов» проводится мысль, что многие общие черты традиционного мировоззрения пуштунов и иных этносов Афганистана «вытекают из общей этим этносам исламской традиции». Получается, что традиционное мировоззрение пуштунов и его основные черты, воплощенные в кодексе «пуштунвали», сформировались под влиянием исламской традиции. Однако в той же статье говорится, что «определяющим моментом традиционного мировоззрения пуштунов и их взглядов на окружающий мир человека в нём являются пуштунвали...»⁹. Как нам представляется, не «пуштунвали» определял мировоззрение пуштунов, а окружающий их мир, в столкновениях с которым и вырабатывались в течение веков общие правила поведения для всего племени. Что касается влияния ислама, то, собственно говоря, авторы сами приходят к заключению, что «...традиционные взгляды, нормы и ценностные представления пуштунвали отражают общественные условия, в которых они возникли... и, естественно, исламские представления о мире также могли найти отражение в кодексе пуштунвали»¹⁰.

Что касается вообще влияния ислама на мировоззрение пуштунов, то это вопрос крайне сложный и интересный, поскольку играет серьёзную роль в отношениях общества с государством.

Проникновение ислама на территорию нынешнего Афганистана не было простым. Первая волна ислама достигла Афганистана на рубеже VII–VIII вв. Арабский полководец Абдулла ден Амир в 652 г. завоевал Хорасан, другой военачальник, Абдуррахман бен Самара, захватил Заминдавар. Если в I в. мусульманской эры арабским завоевателям удалось захватить всю Персию, то в Афганистане проникновение ислама встретило сопротивление. В «Записках по этнографии Персии» Н. Ханьков (1819–1878) отмечал: «Афганистан подвергся нападению в тот же период, но здесь захватчикам никогда не удавалось добиться полного успеха. Они сумели покорить равнинные пространства, горы же оставались вне их власти: горцы-пуштуны (аборигены Сулеймановых горных районов. – *Р.С.*) на протяжении почти трех веков сохраняли свою независимость и оказывали противодействие укоренению ислама»¹¹.

Возможно, этим можно объяснить противоречивое отношение пуштунов к исламу. Для иллюстрации сказанного сошлёмся на различные точки зрения афганских и зарубежных авторов. Кодекс чести

«пуштунвали» подробно исследован в книге малоизвестного афганского ученого Мухаммада Анвара Нумйалая «Основы социальной истории пуштунов». Там содержится ряд интересных наблюдений о характере племенного общества, которыми полезно дополнить уже известные положения «пуштунвали». По нашему мнению, Нумйалай приходит к следующим выводам: «пуштунство» как часть жизни и менталитета пуштунов существовало задолго до ислама, впоследствии эти два понятия соединились; пуштун – хранитель патриархально-феодалных традиций в племенном обществе. Сами пуштуны говорят, что они наполовину кафиры (неверные) и признают лишь половину Корана, а другую часть, которая не отвечает их понятию «пуштунства», не признают. То есть пуштуны признают *равадж* (обычай), а не шариат, но и *равадж* признают потому, что он во многом соответствует шариату. Но «пуштунство» и ислам – это совершенно разные понятия, а не синонимы. Пуштун обязательно должен быть мусульманином; для пуштуна понятие «пуштунства» выше ислама. И к муллам он особого уважения не проявляет, но зато уважает духовных лиц: пиров, сайидов, миаганов, бабаганов; верит в амулеты, чудеса, волшебство, уважает старших. По характеру пуштун республиканец – он выступает за выборность власти и равноправие. Пуштун очень хороший друг, но жестокий враг. Пуштун любит и уважает женщин, но не терпит, чтобы ею любовались другие. Поэтому он считает необходимым придерживаться правила: «Место женщины дома или в могиле»¹².

Вот, например, как отзывался о пуштунах участник первой англо-афганской войны военный врач британец Г.У. Беллью: «Как народ они пользуются дьявольски дурной славой как неверующие, необузданные, вероломные и жестокие люди. Поговорка “афган бе-иман” – “афганец без веры” – распространена среди их соседей...»¹³

Даже мусульмане Британской Индии (нынешний Пакистан) опасались пуштунов: «Да хранит тебя Бог, – гласила поговорка, – от мести слона, очковой змеи и афганца»¹⁴.

О непростом характере пуштунов можно судить и по словам «железного эмира» Абдуррахман-хана, который, желая подчеркнуть необузданный характер своих подданных, признавал, что «дикими лошадьми нельзя управлять посредством шелковых вожжей»¹⁵.

Совершенно противоположную, восторженную оценку дает своим соплеменникам известный современный поэт и политический деятель Сулейман Лайек. «Это люди, которые не тонут в воде, не горят в огне, не теряют путь в темноте»¹⁶. Он же считает, что племена не делают различия между исламом и «пуштунвали» и считают их аналогичными¹⁷. Однако даже С. Лайек вынужден признать приоритет «пуштунвали». Он пишет: «Несмотря на свою строгую веру в ислам, пуштунские племена отдают высший приоритет пуштунвали (курсив наш. – Р.С.) в таких случаях, как: вопросы наследства, приданное невесты, месть, честь и достоинство, и на практике руководствуются этими традиционными обычаями»¹⁸.

Сказанное не означает умаления роли ислама, который приобретает важное интегрирующее значение в случаях иностранной агрессии. В афганской истории запечатлены имена улемов и мулл, которые прославились как инициаторы «священной войны» – джихада – в период трех англо-афганских войн: Факир Ипи, мулла Мушки Алям, сайды Кунара и Канигара, Хадда мулла и др.

Перейдем непосредственно к отношениям пуштунского общества с государственной властью. Многовековой опыт позволяет выделить некоторые приемы и методы, которыми пользовалась центральная власть, чтобы укрепить свое влияние на традиционное общество: разжигание межплеменных распрей; назначение своих ставленников на должности племенных вождей; физическое устранение неугодных вождей; укрепление отношений с ханскими племенными родами через матримониальные связи; взятие заложников из семей племенных вождей для гарантии их лояльности; подкуп вождей; лишение вождей зон традиционного влияния и замена их лояльными к правительству ханами¹⁹.

В свою очередь племенная организация пуштунов сумела добиться такого положения, когда государство и его легитимизация зависели от воли племен, ибо они обеспечивали боевую мощь страны еще со времен Ахмад-шаха Дуррани. Более того, сами государственные деятели, будь то шах, король, эмир, президент, всегда рассматривались пуштунами «как первые среди равных», которых именно они выдвинули в качестве главы государства. В истории Афганистана можно найти немало примеров, когда традиционное племенное общество противостояло центральной власти, свергая династии или, наоборот, помогая им в критические моменты истории, например, когда племена выступили в поддержку Надир-хана против мятежного эмира Хабибуллы II.

В целом же пуштунские племенные сообщества, сохранявшие между собой сложные отношения, питали неприязнь к централизованному управлению и всегда противились ему.

Изложение отношений общества и государства в Афганистане начнем с правления эмира Абдурахман-хана (1850–1901), создателя первого централизованного государства.

В 1880 г. пуштун из племени баракзаев Абдурахман-хан, сын эмира Афзаль-хана, после ожесточенной борьбы со своими политическими противниками занял кабульский престол. Именно при нем, по определению И.М. Рейснера, Афганистан «принимает облик многонационального лоскутного государства, сдавленного обручем абсолютизма»²⁰.

Абдурахман-хан был твердо убежден, что все «государи поставлены в своих странах как помощники и соправители Бога». Не случайно он принял титулы «царя ислама» и «светоча народа и нации», тем самым поставив себя выше духовенства, и просил своих наследников не разрушать систему, с помощью которой он «упрочил мусульманскую религию». Важно подчеркнуть, что эмир рассматривал

газа (джихад) как «священную», но «оборонительную» войну, а объявление ее считал прерогативой исключительно правителя страны, а не духовенства²¹. В современных условиях, когда многие исламистские радикалы с легкостью объявляют джихад, нужно отдать должное эмиру, который еще в те времена положил конец своевластию высших духовных лиц, зачастую объявлявших «священную войну» по своему усмотрению. «“Священная война”, – объявил эмир, – может быть введена не иначе, как по приказанию и под руководством самого правителя страны»²².

Высокую оценку личности Абдуррахман-хана дал английский журналист Агнус Гамильтон, побывавший в Афганистане в годы правления его сына и наследника Хабибулы-хана, охарактеризовав Абдуррахман-хана как одного «из самых гениальных, энергичных и деятельных людей на свете»²³. Отметив, что многие правители и до Абдуррахман-хана также пытались деспотически править страной, «...но только Абдуррахман, установив военную автократию, окончательно упрочил абсолютизм эмира»²⁴.

Чтобы «обруч абсолютизма» не ослаб или не сломался, эмиру приходилось вести постоянную ожесточенную борьбу против сепаратизма племенных вождей и феодальной знати. По его словам, чтобы «образовать одно общество и подчинить всех одному закону и власти», ему пришлось «низвергнуть существовавшую в стране феодальную власть и племенную рознь»²⁵. Абдуррахман-хан также расправился со своевольным духовенством, которое, по его словам, привило «раньше смотреть на себя как на подобных пророку...»²⁶. Он лишил их экономической базы, отобрав вакуфные земли и другие источники доходов, фактически поставив их в положение государственных чиновников, получающих зарплату. (Заметим, что Абдуррахман-хан был, видимо, уверен в том, что покончил с феодальной вольницей и влиянием духовенства. На деле же он только загнал вглубь эти проблемы, и они дали о себе знать уже в период правления его внука Амануллы-хана.)

Тот же А. Гамильтон указывал, что при харизматичном лидере Абдуррахман-хане «воля эмира была законом», а сам он – «снисходительным деспотом, каприз которого требовал немедленного исполнения»²⁷, и приводил примеры того, как он расправлялся со своими противниками. Расстрел из пушек, заключение в железную клетку, подвешенную на столбе, наказание плетью и т.п. были обычными явлениями его царствования. Гамильтон приводит еще один пример, характеризующий эмира. Когда некий придворный доложил Абдуррахман-хану, что «русские приближаются для завоевания Афганистана», тот «в злобном раздумии» сказал: «Русские приближаются? Так вот вас посадят на ту башню и не дадут вам пищи, пока вы их не увидите»²⁸.

Однако его тиранический характер наиболее ярко проявился во время подавления восстания непокорных хазарейских племен в 1890 г. Сопrotивление хазарейцев было настолько яростным, что

эмиру пришлось объявить войну с ними джихадом и издать свой известный фирман, гласивший: «Возмутившиеся против меня, повелителя ислама, подлежат истреблению; их головы принадлежат мне, а все их имущество, их жен и детей я отдаю вам»²⁹. И действительно, «захваченных в плен хазарейских воинов обезглавили, а головы их предводителей были отправлены в Кандагар, где из них позднее соорудили минарет»³⁰.

При автократическом правлении Абдурахман-хана его принципы государственного устройства мало чем отличались от политических систем других мусульманских государств.

Начнем с того, что Абдурахман-хан был убежден, что он – «конституционный правитель», когда народ «властен выбирать своего государя»³¹. Точно так же он считал Ахмад-шаха Дуррани «конституционным государем», так как тот был провозглашен эмиром вождями и представителями различных племен.

В своей биографии эмир утверждал, что он впервые ввел в Афганистане «конституционное правление». Суть его состояла в том, что в «палате общин» – прообразе будущего двухпалатного парламента – были представлены представители трех классов: «сердары (аристократия), хаванине мульки (народные представители) и муллы (вожди духовные или представители религии»³². Разумеется, авторитарный правитель не собирался предоставлять «палате общин» какую-то реальную власть, ограничив ее деятельность консультативно-совещательными функциями, ибо полагал, что этот так называемый конституционный орган еще не достиг ни необходимой правоспособности, ни подготовки, чтобы доверить ему законодательное творчество. Поэтому эмир настоятельно советовал своим наследникам не допускать того, чтобы «стать куклами в руках своих конституционных представителей правительства»³³.

Кредо Абдурахман-хана было выражено в его наставлении сыну: «Наследник должен выслушивать всех, но поступать по-своему, не следуя ничьим указаниям»³⁴.

Эмир действительно считал себя реформатором и прогрессивным правителем. Себе в заслугу он ставил такие реформы, как развитие народного образования, в том числе введение женского образования. Особо он отмечал отмену старого обычая, согласно которому после смерти мужа вдова была обязана оставаться в его семье и стать женой его брата или другого родственника, что навсегда закабаляло женщину и лишало ее свободы. Кстати, талибы приписывали себе приоритет в отмене этого обычая.

Абдурахман-хану удалось во многом преобразовать систему государственного устройства и управления государством. Он реформировал армию, начал развивать военную промышленность, изменил судебную систему, упорядочил ведение финансовых дел. Причем осуществлялось это достаточно жесткими способами. Эмир признавал, что водворение порядка внутри страны осуществлялось «при помощи острия моего меча»³⁵. До него поступления в казну фиксиро-

вались на отдельных листах, и чиновники по своему желанию могли их уничтожить. Абдуррахман ввел в практику регистрационные книги, в которых были пронумерованы все страницы. Чиновнику, вырвавшему лист, отрубали пальцы.

По признанию самого эмира, все его реформы наталкивались на яростное сопротивление традиционного племенного общества и доставались ему с великим трудом. Он любил цитировать слова некоего поэта о том, что тот, кто управляет Афганистаном и может укротить афганцев хотя бы на один день, поистине пребывает в аду, «ибо этот народ признает лишь один закон – силу».

Завершая краткий обзор правления Абдуррахман-хана, нужно подчеркнуть, что личность эта чрезвычайно противоречивая, что нашло отражение в ряде работ афганских и зарубежных историков. Так, афганский исследователь Хасан Кавун Какар предлагает определиться, был ли эмир «умеренным» или «деспотическим реформатором». Отмечая его заслуги в деле создания централизованного государства, Х.К. Какар отдает должное Абдуррахман-хану как прозорливому и осторожному политику, опытному дипломату, который в тяжелейших внутренних и внешних условиях сумел создать унитарное государство с централизованным управлением. И тем не менее, по утверждению Х.К. Какара, «несмотря на это, даже его соотечественники ненавидят его больше всех афганских правителей»³⁶.

Не оспаривая вышеприведенных оценок, отметим, что эмир Абдуррахман-хан занял свое место в истории Афганистана. Если не принимать во внимание методы, с помощью которых он создал централизованное государство, провел, хотя и не до конца, своеобразную феодализацию, резко ограничил роль духовенства и осуществил реформирование государственного аппарата, то, наверное, его можно причислить к «суперавторитарным» правителям «просвещенного абсолютизма», которые признавались таковыми в Европе³⁷.

Правление короля Амануллы-хана (1919–1929) – особый период в истории Афганистана, поскольку именно этот король был инициатором создания первой афганской Конституции (1923). После убийства отца – эмира Хабибуллы-хана (1900–1919), тайна смерти которого так и осталась нераскрытой, – принц Аманулла отстранил других претендентов на корону, в том числе и брата эмира Насруллу-хана, и провозгласил себя королем Афганистана.

22 февраля 1919 г. состоялась официальная коронация Амануллы-хана. В своей тронной речи король (падишах) провозгласил Афганистан свободным в своей **внутренней и внешней политике** (выделено нами. – *Р.С.*) и заявил, что отныне его страна должна обладать всеми правами, которые имеют все суверенные государства мира. Тем самым он объявил о полной независимости страны от Англии, об отказе от прежних обязательств проводить внешнюю политику только с ее согласия. Аманулла-хан призвал народ к джихаду против Великобритании.

В области внутренней политики король объявил народу, что отныне «эксплуатация человека человеком недопустима», а также об отмене системы принудительного труда и прибавке жалования солдатам и другим служащим. Со стороны молодого короля это был сильный ход, привлечший к нему большую часть населения и обеспечивший на первых порах поддержку его политики.

Важно подчеркнуть, что в тронной речи Аманулла сразу определил свои властные полномочия: «С твердой решимостью я возлагаю на себя тяжкое бремя управления страной (идарат) и религиозными делами (имамат)». Таким образом, подобно эмиру Абдурахман-хану и Хабибулле-хану, он сконцентрировал в своих руках всю полноту светской и духовной власти³⁸.

Вторым важным актом было обнародование первой афганской Конституции (9 апреля на языке пушту, 10 апреля на языке дари).

Не все в окружении короля и в среде духовно-племенной знати с восторгом восприняли намерение монарха ввести в стране Конституцию. Особенно жестко отреагировали религиозные улемы, увидевшие в ней ущемление своих прав и льгот.

Консервативные улемы дали такой ответ. Все известные в мире формы управления государством, как-то: «деспотия, конституционализм, республика и большевистский режим», «бесполезны для управления... ибо не заключают в себе общей для мира справедливости... рядясь в одежды реформаторов и прикрываясь цивилизацией, они вызывают страх и ненависть...» Единственно полезной и разумной формой устройства государства улемы признавали халифат, при котором соблюдаются божественные законы. Осудив все остальные формы правления, они заявили, что «...шариат не приемлет их, и разум не одобряет...». Хотя улемы однозначно высказались против конституционного строя, они так и не решились издать фетву (решение, приговор согласно шариату) о необходимости Конституции³⁹.

Несмотря на сопротивление противников Конституции, она была введена в действие. Начиная с апреля 1923 г. Афганистан объявлялся конституционной монархией. Однако, оговоримся сразу, конституционная монархия Амануллы-хана не походила на ту форму, при которой государь царствует, но не правит.

Согласно ст. 5 Основного закона, король по традиции объявлялся служителем и хранителем священной религии ислам, правителем и государем всех подданных Афганистана. В компетенцию монарха входило управление исполнительной, законодательной, судебной властями, а также внешней политикой и военными делами, которые он осуществлял через своих помощников. Статья 6 говорила о том, что король вверяет своим министрам практическое управление всеми ветвями власти и каждый из них несет полную ответственность перед королем за исполнение своих служебных обязанностей. И здесь мы подходим к главному положению Конституции, по существу определившему характер власти: «...августейшая же особа эмира безответственна». Несколько иную формулировку приводит А. Аргандави:

«Его Величество ни перед кем не несет ответственности»⁴⁰. Таким образом, номинальная конституционная монархия на деле являлась прикрытием для авторитарной власти короля.

После принятия Конституции Аманулла-хан, стремясь закрепить династийные права своей семьи, сделал еще один, беспрецедентный в истории Афганистана, шаг. В приложении к Конституции от 1307 г. (январь–февраль 1929 г.) это событие было зафиксировано следующим образом: «На Лоя Джирге Его Величество Гази Аманулла-хан представил принца Рахматуллу как сына королевы Сорайи и наследника престола, а Сорайю в качестве законной королевы, что и было одобрено Лоя Джиргой»⁴¹.

Более того, в самом тексте Конституции также был юридически закреплен принцип династийности. Так, в ст. 4 объявлялось, что «эмирская власть в Афганистане будет переходить к потомкам ныне правящего падишаха, сторонника прогресса афганского народа, по принципу наследования, причем престолонаследник будет избираться его величеством и народом...»⁴².

К сказанному добавим, что все демократические принципы, доселе неслыханные в официальных документах афганского государства, были сосредоточены в главе «Публичные права подданных Афганистана» (ст. 8–24)⁴³. В частности, они декларировали: гарантию свободы личности, равноправие и равенство всех перед законом; отмену института рабства; отмену любых пыток и мучений арестованных; возможность жаловаться на незаконные действия чиновников; свободу печати; свободу обучения, в том числе обязательное начальное обучение; неприкосновенность жилища и собственности и т.п. Сюда следует добавить закрепление независимости судопроизводства (ст. 53), отраженное в разработанном при личном участии короля «Положении о судах». Это положение серьезно ограничило полномочия шариатских судов и, главное, отделило дела, «подсудные богу», от дел, «подсудных человеку».

Все остальные статьи Конституции, по сути дела, определяли структуру и принципы работы органов административного управления страной. В качестве примера назовем такие статьи, как «Министры», «Чиновники», «Суды», «Дела финансовые», «Местное управление» и т.п.⁴⁴

Разумеется, по замыслу Амануллы-хана новая Конституция и реформы должны были ограничить независимость племенных вождей, сузить влияние шариатских судов, подчинить центру органы самоуправления в провинциях и в конечном счете укрепить вертикаль центральной власти и новый политический режим. Такие меры, как замена прежнего дурбара (собрание знати при правителе) на Государственный совет, формирование Совета министров, на заседаниях которого обычно присутствовал король⁴⁵, на деле носили паллиативный характер, это были совещательно-консультативные органы, а окончательное решение принимал лично король, видимо, хорошо за-

помнивший наставления своего деда – эмира Абдуррахман-хана – «выслушивать всех, но поступать по-своему».

Следует подчеркнуть, что реформаторская деятельность Аманулла-хана на первом этапе (1919–1924) получила «всенародную поддержку»⁴⁶. Однако она длилась недолго. Реформаторская и независимая политика Аманулла-хана, вызывавшая раздражение внутренней реакции и Великобритании, вылилась в серию инспирированных восстаний ряда племен шинвари, мангал, дзадран и др. К концу 1924 г. они были подавлены.

Второй этап реформ приходится на конец 1924 – начало 1928 г. и заканчивается провалом реформаторской деятельности первого конституционного монарха. Решающее влияние на последующие действия короля оказало его первое заграничное путешествие.

В декабре 1927 г. королевская чета отправилась в первое зарубежное турне по столицам восточных и западных государств, где их повсюду ожидал торжественный прием. Увиденное произвело на Аманулла-хана большое впечатление, особенно технический и культурный прогресс, достигнутый многими странами. Европейская пресса, в частности английская и французская, не скупилась на комплиментарные высказывания, сравнивая Аманулла-хана с Петром I, а Ататюрк и Реза-шах всячески ободряли его и давали советы молодому реформатору.

Возвратившись на родину в июле 1928 г., Аманулла-хан под воздействием увиденного, особенно в европейских странах, действительно попытался, подобно Петру I, «железной рукой вздыбить» свою страну и «сеять ростки просвещения», чтобы вырвать Афганистан из мрака невежества и осуществить планы его модернизации. Однако многие из новых проектов носили скорее подражательный характер, нарушали устоявшиеся веками традиции и поэтому были отторгнуты традиционным афганским обществом.

«После возвращения из зарубежного турне, – отмечал афганский историк М.Г.М. Губар, – его политика стала отличаться поспешностью и непродуманностью»⁴⁷. В качестве иллюстрации Губар приводит пример «вредных и наивных затей эмира»: перенос традиционного выходного дня с пятницы на четверг; запрет женщинам проходить по некоторым кабульским улицам без чадры; наказ мужчинам носить европейские костюмы и шляпы; запрещение здороваться, подавая друг другу руку, а снимать шляпу и кланяться. В загородной резиденции короля устраивались балы-маскарады. И все это на фоне усиления взяточничества, nepотизма и своеволия высших чиновников.

В 1928 г. на Лоя джирге депутаты вынужденно приняли программу новых реформ, ибо «ни одному из депутатов, – замечает Губар, – не было позволено выступить от имени народа с критикой порочной системы управления...»⁴⁸. «В целом система управления страной, – заключал Губар, – приобрела форму абсолютизма»⁴⁹.

Действительно, порой стремление короля ускорить реформы и модернизировать общественную жизнь приобретало агрессивный

характер, что не могло не шокировать традиционное племенное общество. Афганская писательница Ширин Хан Бурки в книге «Страна непокоренных» приводит следующий эпизод: «В августе 1928 г. на всеафганской Лоя джирге произошел печально известный инцидент. Эмир Аманулла, председательствующий на Лоя джирге, где собрались племенные вожди, вынужденные по приказу короля одеть европейские костюмы, подвел королеву Сорайю к большой группе женщин (около 100), в основном жен государственных чиновников, сторонников королевы. Они скинули свои покрывала перед лицом племенных старейшин, которые были шокированы, в то время как сторонники модернизации аплодировали»⁵⁰.

Все эти промахи короля умело использовались его врагами, в первую очередь элитой афганского духовенства. Реакционные улемы вели активную пропаганду, стремясь опорочить короля и королеву Сорайю, объявляя их безбожниками. «Каждое нововведение улемы преподносили народу в самой отвратительной и неприглядной форме, – отмечал М.Г.М. Губар, – так что эмир и его сторонники лишились в конце концов народной поддержки и оказались в изоляции»⁵¹.

Вскоре начались восстания в провинциях (в 1924 г. в Пактии, в 1928 г. – в Нанграхаре), и, наконец, самое мощное из них – восстание Бачайи Сакао (декабрь 1928 г.) – привело к падению режима Амануллы-хана и его эмиграции из страны.

«Афганское общество, – заключает историк Саид Касем Риаштия, – было полуфеодальным, отсталым, бедным и неграмотным обществом, находившимся в состоянии смуты и склонным к распаду. По этой причине реформы оказались поверхностными и не смогли проникнуть в глубинные слои общества»⁵².

Беда Амануллы-хана состояла в том, что он обогнал свой век. Консерваторы и реакционеры, желавшие сохранить незыблемость своих традиционных привилегий, Великобритании, не простившая ему восстановления суверенитета, сделали все, чтобы лишить его власти и изгнать из страны. В трудный для себя момент король остался один, без преданных сторонников, без поддержки армии, без политической партии единомышленников.

Итак, попытки короля Амануллы-хана ускоренными темпами модернизировать страну и направить ее на путь прогресса, окончились провалом. В истории Афганистана наступило смутное время. После эмиграции короля к власти в Кабуле пришел мятежник – этнический таджик из местечка Калакан, более известный под именем Бачайи Сакао (Сын водоноса), который занял трон под именем эмира Хабибулы II Победителя. Однако царствование его, которое М.Г.М. Губар назвал «трагедией для страны»⁵³, продлилось всего 9 месяцев. Армия эмира была разгромлена, и в 1929 г. новым королем Афганистана был провозглашен генерал Надир-хан, основатель будущей династии Мухаммадзаев. Однако и ему было не суждено долгое царствование.

В годы своего краткого правления (1929–1933) Надир-шах, чтобы укрепить свою власть, был вынужден пойти на серьезные уступки пуштунским племенным вождям – главной военной силе в его войне против Хабибулы и элиты духовенства. Всем им король не только раздавал денежные вознаграждения и наделял земельными участками, но и предоставил религиозной элите несколько высоких государственных постов и восстановил ее влияние в сфере судопроизводства и просвещения, ликвидированное еще Абдурахман-ханом. Надир-шах также восстановил прежние религиозные органы (наподобие ихтисаб – «исламской полиции нравов»), не говоря уже о введении обязательного ношения женщинами чадры.

8 ноября 1933 г. Надир-шах в ходе разгоревшейся вендетты с кланом Чархи был убит одним из членов этого клана. В том же 1933 г. братья погибшего Надир-шаха поспешили возвести на афганский трон его единственного 18-летнего сына Мухаммада Захир-шаха.

С началом правления короля Захир-шаха (1933–1973) в стране наступили мир и спокойствие. Разумеется, и в его правление зрели заговоры и случались мятежи, однако человек он был не жестокий и массовых репрессий не проводил. В целом страна успешно продвигалась по пути модернизации и демократии. Первые 20 лет молодой король царствовал, но не правил. Роль регентов при нем исполняли братья покойного Надир-шаха: вначале авторитарный и деспотичный премьер-министр Мухаммад Хашим (1933–1946), а затем либерально настроенный Шах Махмуд (1946–1953). В результате либеральной политики Шах Махмуда в стране сложилась новая социально-политическая ситуация – возникли политические организации и частные газеты самой различной ориентации – от левых до правых, требовавшие более радикальных демократических преобразований, в том числе учреждения парламента. Конфликтные отношения складывались и с соседним Пакистаном.

В результате правящая династия поняла, что политика демократизации и либерализации Шах Махмуда перешла дозволенные границы. Необходим был более жесткий политик, который бы обеспечил сохранение династии Мухаммадзаев. И такой политик нашелся среди двоюродных братьев Захир-шаха – генерал Мухаммад Дауд – человек жесткий, амбициозный, склонный к авторитаризму, как и все прежние афганские правители. Нужно признать, что личность М. Дауда до сих пор по-разному оценивается афганскими историками. Одни считают его назначение на пост премьера большой ошибкой короля и резко критикуют его политику, другие видят в нем человека, внесшего огромный вклад в развитие экономики Афганистана. Приведем здесь оценку, которую дал М. Дауду известный афганский историк Сайид Касем Риштия. В последние годы пребывания Захир-шаха в эмиграции он был его личным секретарем. «Сардар Мухаммад Даудхан был человеком весьма серьезным, истинным патриотом родины и человеком мысли и дела. Как во внутренней, так и внешней политике он проявил инициативы, до него не имевшие прошлого в стране.

Да, от решения части политических и социальных дел, в том числе и реализации прав и свобод человека, он совершенно отстранился, оставив их реализацию, по его выражению, “на будущий этап”, а все усилия сосредоточил на том, чтобы заложить фундамент афганской экономики»⁵⁴. И он действительно многого добился в экономике, привлекая иностранных инвесторов. Однако его политика уже не соответствовала требованиям времени. Особенно неудачной оказалась его политика в отношении Пакистана, что приводило к серьезным конфликтам между двумя странами.

Десятилетнее правление М. Дауда окончилось в мае 1963 г., когда он подал прошение об отставке, которое было принято королем. Начался новый этап царствования Мухаммада Захир-шаха, который осознавал необходимость политической модернизации страны при условии укрепления устоев монархии. По его инициативе в 1964 г. была принята новая Конституция. В Основном законе были сохранены все королевские прерогативы: принцип централизации власти, свойственный мусульманским государям: имя короля упоминалось в пятничной молитве (хутбе); выпуск денежных банкнот производился от его имени. Главное, что ст. 15, отсутствовавшая в Конституции 1923 г., вновь подтверждала, что «...король не ответственен перед кем-либо и должен быть уважаем всеми»⁵⁵.

Однако Конституция содержала несколько революционных по тем временам положений: членам королевской семьи запрещалось участвовать в политических партиях, более того, занимать важные государственные должности (премьер-министра, членов парламента, членов Верховного суда)⁵⁶.

Наиболее прогрессивными оказались принятые на основе Конституции законы о политических партиях, о свободе печати и доработанный закон о выборах, согласно которому женщины впервые получили право избирать и быть избранными. Казалось, перед Афганистаном наконец-то открылся путь, в рамках конституционной монархии, к реальному развитию демократии, участию общества в социально-политических процессах, путь к модернизации.

Действительно, 1950–1970-е гг. считаются самыми успешными в модернизации страны. С помощью иностранных инвесторов (СССР, США, Японии и др.) была создана экономическая инфраструктура страны, строились объекты промышленного, сельскохозяйственного и социально-культурного назначения. Афганистан стал притягательным местом для иностранных туристов. Если бы Афганистан еще 10–15 лет двигался по пути модернизации, сегодня мы имели бы совершенно иную страну. Увы, история не признает сослагательного наклонения.

Конституция 1964 г. и составленные на ее основе законы оказались, по образному выражению Л. Дюпре, «ящиком Пандоры», откуда посыпались ранее скрывавшиеся в глубинах общества внутренние проблемы этнонационального, конфессионального, социально-политического характера, способствовавшие внешнему вмешатель-

ству в создавшуюся к 1970–1980-м гг. конфликтную ситуацию в стране. Следует подчеркнуть, что если традиционное племенное общество в целом довольно спокойно отнеслось к демократическим преобразованиям, то эпицентр борьбы против власти переместился в столицу.

Парламент стал использоваться в качестве трибуны для выступлений оппозиционных депутатов, придерживавшихся левых взглядов; развернулись широкие протестные выступления студентов вузов и учащейся молодежи. Особенно масштабной была демонстрация студентов 25 октября 1965 г.

За годы нахождения во главе Афганистана короля Мухаммад Захир-шаха сменилось пять премьер-министров, однако ни одному из них не удалось стабилизировать политическую обстановку.

За многочисленными частными печатными изданиями стояли группировки самой различной идейно-политической ориентации, которые вели упорную пропаганду, направленную на подрыв устоев монархического строя. Наиболее активными были печатные органы прокоммунистических группировок «Хальк» и «Парчам», издания исламских фундаменталистов («Тахидз») и пуштунских националистических кругов («Афган миллат», «Афган вулус» и др.). Деятельность всех оппозиционных сил, каждая из которых преследовала собственные интересы, привела к тому, что к 1973 г. Афганистан был охвачен глубоким социально-экономическим и политическим кризисом. Постоянные протестные выступления различных слоев населения привели к взрывоопасной ситуации.

17 июля 1973 г. группа армейских офицеров, воспользовавшись отсутствием короля, совершила бескровный государственный переворот, инициатором которого был Мухаммад Дауд. Афганистан был провозглашен республикой, и ее первым президентом стал М. Дауд.

Так закончилась более чем 200-летняя история афганской монархии. Заметим, что некоторые афганцы были убеждены, что смена власти произошла по сговору между членами королевской семьи, хотя Мухаммад Захир-шах отвергал подобные разговоры как вымыслы.

Какова же была реакция пуштунского племенного сообщества? В целом племена спокойно встретили весть о крушении монархии и создании президентской республики. По их мнению, произошло событие, уже не раз имевшее место в истории их страны: один член королевской семьи сменил другого. Подобный акт воспринимался ими как явление легитимное, тем более что М. Дауд был им хорошо известен. Поэтому племена поддержали приход к власти М. Дауда – их этнического соплеменника, обладавшего династийным правом и заявившего к тому же о поддержке «братьев-пуштунов» из приграничной «зоны племен».

В апреле 1978 г. в результате путча, организованного прокоммунистической НДПА, поддержанной армейскими членами партии, М. Дауд, вся его семья и близкие погибли. В истории Афганистана начинался новый этап – кровавых дворцовых переворотов, между-

собных войн, усугубленных иностранным военным вмешательством. А это уже другая тема, заслуживающая специального исследования.

Примечания

- ¹ Вавилов В.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929. С. 66.
- ² Босфорт К.Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 274.
- ³ Ганковский Ю.В. Империя Дуррани. М., 1958. С. 94.
- ⁴ См.: Dupree L. Afghanistan. Princeton–New Jersey, 1980. P. XIX.
- ⁵ Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. СПб., 1901. Т. II. С. 378.
- ⁶ Галенская Л.Н. Право убежища. Международно-правовые вопросы. М., 1968. С. 7.
- ⁷ Priestly H. Afghanistan and its inhabitants. Lahore, 1981. P. 120.
- ⁸ Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989. С. 5.
- ⁹ Жехак Л., Грюнберг А.Л. Традиционные мировоззрения у народов Передней Азии. М., 1992. С. 182–183–196.
- ¹⁰ Там же. С. 196.
- ¹¹ Ханьков Н. Записки по этнографии Персии. М., 1977. С. 96.
- ¹² Нумйалай М.А. Основы социальной истории пуштунов. М., 1990. С. 117–123.
- ¹³ Bellew H.W. The Rases of Afghanistan. Calcutta, 1880. P. 26.
- ¹⁴ Ibid. P. 82.
- ¹⁵ Снесарев А. Афганистан. М., 1921. С. 131.
- ¹⁶ См.: Варис М. Вазир. Ды Афганистан бархлик ав хатидз паштани (1880–1980). Пешивар, 1997. С. 9.
- ¹⁷ Там же. С. 17.
- ¹⁸ Там же. С. 18.
- ¹⁹ Там же. С. 21.
- ²⁰ Рейснер И.М. Независимый Афганистан. М., 1929. С. 74.
- ²¹ Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. С. 271.
- ²² Там же. С. 66.
- ²³ Гамильтон А. Афганистан. СПб., 1908. С. 23.
- ²⁴ Там же. С. 115.
- ²⁵ Автобиография... С. 233.
- ²⁶ Там же. С. 95.
- ²⁷ Гамильтон А. Указ. соч. С. 124.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Темирханов Л. Хазарейцы. Очерки новой истории. М., 1972. С. 100.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Автобиография... С. 7.
- ³² Там же. С. 5.
- ³³ Там же. С. 250.
- ³⁴ Там же. С. 245.
- ³⁵ Там же. С. 233–234.
- ³⁶ Какар Х.К. Government and Society in Afghanistan. University of Texas, 1979. P. 232–233.

- ³⁷ Снесарев А. Указ. соч. С. 132.
- ³⁸ Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 148–151.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Аргандави А.А. Жвандай хатире. Пешавар, 1997. С. 427–428 (пушту).
- ⁴¹ Там же. С. 428.
- ⁴² Дурденевский В.Н., Лундшувейт Е.Ф. Конституции Востока. Л., 1976. С. 73.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Pullada L. Reform and Rebellion in Afghanistan 1919–1929. Ithaca–London. P. 38, 46, 70–79.
- ⁴⁵ Ibid. P. 74.
- ⁴⁶ Губар М.Г.М. Указ. соч.. С. 130.
- ⁴⁷ Там же. С. 162.
- ⁴⁸ Там же. С. 164.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ <http://womwnofafghanistan.com>.
- ⁵¹ Губар М.Г.М. Указ. соч. С. 131.
- ⁵² Цит. по: Afghanistan. New Haven, 1956. P. 76.
- ⁵³ Губар М.Г.М. Указ. соч. С. 194.
- ⁵⁴ Захир Танин. Афганистан в XX веке (1991–1996). Пешавар, 2005. С. 97–98.
- ⁵⁵ Конституция Афганистана. Кабул (русский текст). 1.X.1964. С. 10.
- ⁵⁶ Там же. С. 15.

*В.Г. Коргун**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО АФГАНИСТАНА: ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА

После ликвидации режима талибов в 2001 г. Афганистан вступил в качественно новый этап политической эволюции, определявшийся воздействием как внутренней динамики, так и внешних факторов. Уже на Боннской конференции по Афганистану в декабре 2001 г. были заложены основы дальнейшего развития страны, обозначен вектор на новое государственное строительство на базе создания демократических институтов. При этом основные решения на конференции принимались под сильным нажимом со стороны ООН, США и России. И этот фактор во многом определил последующую структуру и характер новой власти и системы государственного управления.

Есть основания считать, что все значимые государственные решения после 2001 г. принимались с участием или под непосредственным влиянием представителей западной коалиции, в основном и в первую очередь США, которые в отсутствие признаваемой всеми афганскими фракциями легитимной фигуры общенационального масштаба продавили на пост главы временной администрации Афганистана удобного для них Хамида Карзая. Находясь последние четыре года в США, он уже давно стал «своим человеком» в кулуарах Белого дома, подкрепляя политическую деятельность тесными связями с нефтяным бизнесом. Взамен США предложили Северному альянсу, сыгравшему решающую роль в разгроме талибов, три ключевых поста в новом правительстве – министров обороны, иностранных и внутренних дел. Так сформировался прозападный, преимущественно проамериканский, режим. Россия при этом, участвовавшая в формировании новой структуры власти на Боннском форуме и проявившая завидную активность в установлении контактов с новым афганским руководством в 2002 г., вскоре была оттеснена на вторые роли и особо не пыталась занять активную позицию, ограничившись оказанием незначительной гуманитарной и военной помощи Афганистану.

В том же 2002 г. США показали, кто в доме хозяин: в итоге бурной закулисной борьбы в кулуарах Чрезвычайной Лоя джирги в июне 2002 г. им удалось не только лишить вернувшегося на родину бывшего короля Захир-шаха возможности занять пост главы государства, оставив ему почетный титул «Отца нации», но и сформировать

* Коргун Виктор Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором Афганистана Института востоковедения РАН.

по своему вкусу новое правительство, протолкнув на должность главы Афганистана опять же своего протеже – Хамида Карзая.

В строительстве нового Афганистана, в создании важнейших демократических институтов постоянно чувствовалась сильная рука США в лице американского посла, афганца по происхождению, Залая Халильзада, негласно называвшегося афганцами вице-королем Афганистана. Так, он был одним из основных авторов новой афганской Конституции 2004 г., которая дублировала многие положения американской Конституции. В октябре того же года посол США во время президентских выборов в Афганистане оказал огромную услугу Х. Карзаю в критический для того момент, отговорив остальных претендентов на пост президента от бойкота выборов. Американцы же оплачивали основную часть расходов на избирательную кампанию.

США были активны и в процессе проведения президентской кампании 2009 г., фактически финансировав ее и обеспечив безопасность. США являются и главным донором Афганистана. Кроме них в этой роли выступили ведущие европейские, а также другие страны (всего около 70), взявшие на себя ряд ключевых обязательств: сами США обязались помочь Афганистану в создании новой Национальной армии, Германия обещала создать полицию, на Великобританию была возложена задача бороться с производством и незаконным оборотом наркотиков, Италия обязалась провести реформу системы правосудия, Япония взялась за разоружение бывших боевиков и возвращение их к мирной жизни. Это привело к дальнейшему неравномерному развитию этих сфер, к отсутствию координации между донорами и в конечном счете обнаружило низкую эффективность усилий упомянутых стран.

В 2002 г. были сформированы Международные силы обеспечения безопасности, в составе которых к 2012 г. насчитывалось 49 стран, в том числе практически все члены НАТО. Кроме того, была создана международная антитеррористическая коалиция, куда вошли войска США, Великобритании, Нидерландов, Дании и Австралии. Они включились в боевые действия против талибов в южных провинциях страны. Наконец, на востоке боевые действия вел отдельный контингент США. Кроме военных контингентов, многие страны-участницы сформировали так называемые бригады по восстановлению провинций, в задачу которых входило обеспечение безопасности, укрепление местных органов власти и экономическая помощь местному населению. На начало 2013 г. в стране функционировали 24 интернациональных бригады.

Помимо ведения боевых действий, страны – члены международной коалиции оказывали финансовую помощь Афганистану, покрывая практически весь (90%) его ежегодный бюджет¹ (так называемые операционный и бюджет развития) и участвуя в восстановлении разрушенной национальной экономики и социальной сферы.

В условиях начавшегося в 2011 г. вывода войск НАТО из Афганистана правомерно возникает вопрос: что в итоге? Как повлияли за-

падные партнеры Афганистана на его развитие? Выполнены ли те задачи, которые были поставлены мировым сообществом на Боннской конференции? Насколько изменился Афганистан как новое образование, возникшее на обломках старой системы, созданной средневековым режимом талибов?

Действительно, после их свержения Афганистан, ориентированный мировым сообществом на развитие на основе демократических ценностей, начинал, по существу, «с чистого листа», в первую очередь в области государственного строительства. Но оно осуществлялось не афганцами, а международными акторами, что не укладывалось в демократические рамки. При этом деятельность западных партнеров Кабула в этом направлении была малоэффективной, поскольку, с одной стороны, афганская элита с преобладанием в ней традиционных элементов не могла, да и не желала, расстаться с привычным укладом и тем самым активно тормозила как усилия Запада по восстановлению страны, так и настрой новых технократов-репатриантов, вернувшихся на родину с реформаторскими идеями. С другой стороны, западные партнеры Афганистана, вкладывавшие немалые деньги в страну, не демонстрировали особой заинтересованности в ее возрождении, отдав приоритет вооруженной борьбе против мятежников. Оказывая экономическую и иную помощь, многие из них преследуют свои собственные интересы, которые далеко не всегда совпадают с национальными интересами афганского народа.

В этом плане особо следует выделить США. Играя ключевую роль в военной и политической сфере, они обеспечивают поступление большей части средств на развитие страны. Однако значительная часть этих средств (около 40%) возвращается в США по разным каналам: предоставляя наиболее крупные контракты своим фирмам, американцы перекачивают обратно часть экономической помощи за счет завышения стоимости объектов, высоких зарплат своих экспертов и консультантов, чрезвычайно высокого уровня их жизни в стране (машины, особняки, рестораны, слуги и т.д.)². По подсчетам, произведенным в марте 2010 г. Пино Арлаччи – журналистом, работающим в Европейском парламенте, от 70 до 80% всей внешней помощи Афганистану, предоставленной с 2001 г., ушло на коррупцию, было попусту растрачено или использовано на услуги контракторов³.

Так, годовая зарплата американского специалиста составляет в среднем 250 тыс. долл., что в 200 раз превосходит доход афганского чиновника. Аналогичным образом, хотя и не столь явно, поступают другие страны Запада. В итоге ни своя национальная элита, погрязшая в коррупции, ни западные партнеры Афганистана не могут вытащить страну из нищеты и других хронических бедствий.

Важным шагом на пути нового государственного строительства явилось принятие Конституции 2004 г. Составленная при непосредственном участии посла США З. Халильзада, она была принята в атмосфере острых дебатов, в основном вокруг вопросов формы власти и характера государственного устройства. Представители нацио-

нальных меньшинств севера Афганистана (узбеки и хазарейцы) на Конституционной Лоя джирге пытались отстоять идею федеративности страны, которая гарантировала бы их безопасность и при определенных условиях самоуправление, однако Х. Карзай и его окружение, опасаясь возможной фрагментации Афганистана по этническому признаку, настояли на создании унитарного государства. Аналогичный характер имело решение о форме власти: не без влияния США в Конституции было утверждено централизованное управление в форме жесткой президентской власти.

При этом органам представительной власти на местах придавались в большей мере консультативные функции, а главы местной администрации не избирались, а назначались президентом. Сильная президентская власть устраивала США и их союзников, поскольку должна была поддерживать их в борьбе против мятежников. Фактическое же отстранение политических партий от участия в парламентских выборах 2010 г. путем введения системы единственного непередаваемого голоса на выборах⁴ означало намерение Х. Карзая и его западных партнеров ограничить контроль конкурирующих легитимных центров власти над деятельностью главы государства. В этих условиях власть режима Х. Карзая приобретает черты авторитарного правления, что, конечно же, не вписывается в каркас создаваемого гражданского общества, строящегося на принципах демократии.

С постепенным пониманием западными акторами необходимости определенной децентрализации системы управления страной за последние годы были созданы различные спонсируемые государством общественные структуры типа Национальной программы солидарности, Национальной приоритетной программы в помощь государственным структурам, неспособным обеспечить провинции ресурсами развития. Существующие же официальные структуры управления типа провинциальных советов не имеют четко обозначенных задач и ясно сформулированных функций, которые придавали бы им реальные законодательные возможности и доступ к ресурсам. Функционирующая же Национальная стратегия развития вынуждена подстраиваться под ряд инициатив и программ (например, бригад по восстановлению провинций), тем более что в условиях отсутствия национального единства трудно учесть интересы различных сил, имеющих влияние в провинциях.

При фактическом законодательном бессилии провинциальных представительных органов гораздо большее влияние и власть все еще сохраняют многие бывшие полевые командиры, использующие для реализации этой власти вооруженную силу. В последние годы такого рода фигуры обрели определенную легитимность, заняв влиятельные посты губернаторов, начальников полиции и командующих войсками и получив от Кабула «инвеституру» на правление. Наиболее характерным может служить пример генерала Абдурашида Дустома (провинция Фарьяб), губернатора провинции Балх генерала Мухаммада Атта, губернатора провинции Нангархар Гуль Ака Шир-

зая и губернатора Герата (до 2004 г.) генерала Исмаил-хана. Некоторые на этом пути получали политическую и финансовую поддержку США, использовавших их для обеспечения безопасности в соответствующих провинциях. В ряде провинций власть осуществляется племенными структурами, легитимность которых освящена традициями. Здесь влияние центрального аппарата управления крайне невелико и зачастую носит формальный, номинальный характер. Функционирование таких архаичных по своей сути неконституционных центров власти замедляет процесс формирования современной системы государственного управления.

Покидая страну, войска НАТО оставляют за собой длинный шлейф нерешенных проблем, которые, по существу, определяют сегодняшнее лицо Афганистана. Страна зависла между прошлым и будущим, будучи неспособной самостоятельно выйти на путь подлинно демократического развития.

В свое время администрация Дж. Буша пыталась навязать Афганистану западные демократические ценности, которые в основе своей являются общечеловеческими. Однако американские стратеги не учли того, что традиционное общество Афганистана еще не готово к восприятию того, чем живет сегодняшняя Америка. Для многих афганцев ценности, в том числе статус и права женщин, реализуемые на Западе, – это аморальный феномен, не совместимый с нормами и представлениями ислама. Многие противопоставляют навязываемую им по западным лекалам демократию исламской демократии. Впрочем, надо признать, прямое влияние американского физического присутствия в Афганистане на процессы политического развития крайне незначительно: массового общения американцев и афганцев в стране нет, кроме высших афганских чиновников и военной администрации западной коалиции. Гораздо большее влияние оказывает Запад через средства массовой информации, в том числе Интернет, и афганцев, выезжающих за рубеж.

Однако вернемся к итогам деятельности западных партнеров Кабула в стране. В целом они крайне неутешительны. В экономике нет заметных сдвигов. Большинство экономических объектов не функционирует в силу отсутствия технических и инженерных кадров, новых технологий и инвестиций. Западные доноры Афганистана инвестируют лишь небольшие объекты, в основном в области коммуникаций и сельского хозяйства.

По-прежнему Афганистан разъедает коррупция, которая, несмотря на все усилия правительства Х. Карзая и нажим со стороны Запада, приобрела эндемический характер. По последним данным, Афганистан занимает второе место в мире по уровню коррупции, уступая лишь Сомали. Наиболее ярким эпизодом, демонстрирующим размах коррупции в стране, явилась случившаяся в 2011 г. скандальная история с Кабул-банком, активы которого в размере 1 млрд долл. были растащены, а в Дубае появилось немало новых собственников дорогих апартаментов. Банк был объявлен банкротом, и для его спасения

были мобилизованы государственные средства. История с банком получила широкий резонанс: в начале марта 2013 г., по сообщению российского телевидения, в Кабуле были арестованы 14 человек, подозреваемые в хищениях. В их числе – бывший вице-президент банка Фарнуд. В причастности к разорению крупнейшего частного банка страны подозревают также ближайших родственников президента Х. Карзая и первого вице-президента М.К. Фахима.

Коррупция в Афганистане неотделима от наркобизнеса. И хотя производство и наркотрафик с течением времени составляют все меньшую долю в ВВП (на 2011 г. – 15%)⁵, проблема не решается. Более того, в стране растет число наркозависимых, в том числе детей, в 2012 г. это 900 тыс. человек.

В рамках медленно формирующегося гражданского общества в Афганистане наиболее сложной остается проблема женских прав – индикатора развития гражданского общества. Согласно положениям Конституции 2004 г., женщины занимают 25% мест в парламенте. И это положение соблюдается в основном благодаря квоте. Многие афганцы воспринимают спокойно факт участия женщин в публичной политике, тем более что это закреплено в Конституции. Однако далеко не все. Так, в 2004 г. во время предвыборной президентской кампании 38% женщин отказались регистрироваться, ссылаясь на запрет мужа⁶. В отличие от активности женщин на политическом поле, в быту и социальной сфере превалирует совершенно иная ситуация в сфере статуса и прав женщин. После ликвидации режима талибов положение здесь изменилось крайне незначительно. В этом плане показательны данные, приведенные газетой «Таймс»: среди «граждан второго сорта» (по выражению газеты) возраст 57% выходящих замуж не превышает 16 лет, 87% женщин неграмотны, лишь 5% девочек посещают школу, каждая девятая женщина умирает при родах, каждая третья подвергается насилию⁷.

Безработица в стране достигает 40%. Поэтому отток населения в соседние страны, несмотря на жесткие условия пребывания за рубежом, не прекращается.

И наконец, проблема безопасности. Войска НАТО уходят, не выполнив основную задачу – обеспечение безопасности населения Афганистана. На Западе уже смирились с тем, что война против террора и религиозного экстремизма проиграна. США создали Национальную армию Афганистана, но она неспособна вести самостоятельно крупные боевые операции в силу высокого уровня дезертирства, плохого материального обеспечения, отсутствия тяжелого вооружения. Создана и Национальная полиция. Но она плохо обучена и насквозь коррумпирована, так же как система правосудия. В частности, для решения спорных вопросов, требующих судебного разбирательства, население зачастую предпочитает обращаться к традиционным структурам (*шур*, *джирга*), которые не подвержены влиянию коррупции, а также к муллам, что особенно характерно для контролируемой талибами территории.

Талибы и их союзники, их боевые отряды присутствуют во всех провинциях Афганистана. Х. Карзай, поддерживаемый западными партнерами, не видит другого пути выхода из кризиса, как вступить в переговоры с талибами и поделиться с ними властью. Мятежники, однако, не торопятся сесть за стол переговоров, понимая, что после ухода НАТО у них может появиться шанс стать политически доминирующей силой в Афганистане. И тогда все разговоры о гражданском обществе в стране окажутся лишь пустой риторикой.

Впрочем, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. При всех издержках турбулентного развития Афганистана последних лет он сделал шаг в сторону обретения современных реалий политической, экономической и социальной жизни. И этот процесс, судя по всему, необратим. В стране есть явные признаки медленного, но неуклонного возрождения. Больших сдвигов достиг Афганистан в развитии и расширении системы образования: ныне школу посещают 9 млн учащихся, одна треть из них – девочки (в 2001 г. число учащихся школ не превышало 1 млн человек, при этом женские школы были закрыты). Конечно же, переход к новым, демократическим, формам жизни займет весьма продолжительное время, но если даже лидеры талибов склонны сегодня отойти от некоторых наиболее одиозных требований, то это один из признаков того, что Афганистан все-таки сделал поворот к поиску выхода из средневековья. И в этом ему помогают, не упуская, однако, своих шансов, соседи Афганистана и региональные государства, включая Россию. Надо полагать, после ухода НАТО эти страны будут играть возрастающую роль в Афганистане, приобщая его к мировому сообществу.

И все-таки Афганистан в основе своей остается традиционным обществом. Большинство западных новшеств, воспринятых афганцами, носит поверхностный, часто показной характер. Как уже упоминалось, политические партии лишены возможности участвовать в выборах в парламент. При проведении выборов любого уровня личные, родственные или клановые связи продолжают играть более существенную роль, нежели программа кандидата. Во время выборов практикуются подкуп, запугивание, угрозы и даже прямое насилие. Так, брат президента Ахмад Вали Карзай был убит в 2011 г. не только потому, что был одним из самых влиятельных наркобаронов Афганистана, но и как «хозяин» юга страны, где незаконными методами смог обеспечить победу Х. Карзая на президентских выборах 2009 г.

Экономически Афганистан остается в пятерке наименее развитых стран мира: согласно «Докладу ООН о гуманитарном развитии» 2007 г., у него самый низкий доход на душу населения в Азии, 60–80% афганцев живут на 1 доллар в день. Афганистан входит в семерку самых бедных стран мира, где разрыв между богатыми и бедными составляет от 60 до 70 раз. Беднее его – лишь шесть африканских стран, таких как Буркина-Фасо, Мали, Бурунди и др. Продолжительность жизни в Афганистане, по данным на конец 2010-х гг., составляла 43 года по сравнению с 57 годами в среднем в других наименее

развитых странах. Лишь 13% афганцев имеют доступ к чистой питьевой воде и 12% – к современному медицинскому обслуживанию⁸.

Если вновь вернуться к вопросу о влиянии внешнего фактора, то нельзя не заметить, что при таких показателях экономическая помощь стране в ряде случаев подменяется заботой о религиозных чувствах афганцев. Так, Саудовская Аравия взялась построить к 2016 г. в Кабуле на холме с видом на город, рядом с гробницей короля Надир-шаха, мечеть и учебный центр стоимостью 100 млн долл. на площади в 11 га. Автор статьи «Нужно ли афганцам еще больше религии?», известный индийский публицист М. Бхадракумар, с горечью напоминает о том, как много крови было пролито во имя религии и джихада в горах и долинах Гиндукуша. Дело в том, рассуждает журналист, что призыв муэдзина к молитве с минарета будущей великолепной саудовской мечети в Кабуле вызовет резонанс далеко в Ферганской долине, Синьцзяне, Кашмире и на Северном Кавказе. Более того, саудовцы усилят призыв муэдзина с тем, чтобы его слышали в Куме, Наджафе и Кербеле (шиитских религиозных центрах). Это вызывает немало тревожных вопросов. Вполне можно предположить, заключает индийский автор, что саудовцы готовятся к возвращению Муллы Омара⁹.

Учитывая это мнение и неясность перспектив, не следует торопиться с выводами о необратимости произошедших перемен и поступательного, демократического движения Афганистана, ссылаясь на некоторые позитивно воспринятые ценности, привнесенные в традиционное племенное по сути общество его внешними благодетелями.

Прмечания

¹ Afghanistan economic update, April 2010. P. 1. – <http://siteresources.worldbank.org>.

² Waldman M. Falling Short: Aid Effectiveness in Afghanistan (Kabul: ACBAR, 2008). – <http://www.acbar.org/ACBAR%20Publications/ACBAR%20Aid%20Effectiveness%20%2825%20Mar%2008%29.pdf>. P. 18–19; Afghanistan economy grew nearly 14 percent in 2007, new report says. – The Associated Press, April 2, 2008.

³ Brunnstrom D. Euro MP Sees 'Intolerable' Afghan Aid Corruption. – Reuters. March 10, 2010: <http://www.alertnet.org/thenews/newsdesk/N10171047.htm>.

⁴ Голос, который может быть отдан второму по списку кандидату, если первый выбывает из списка.

⁵ Afghanistan Opium Survey 2011. – UNODC: http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2011_web.pdf (p. 77).

⁶ Walsh D. Night Letters threaten Afghan Democracy. – The Observer, 19 September 2004.

⁷ Sadeq M. Women protesters against 'marital rape' law spat on and stoned in Kabul. – (AP). From «The Times», April 16, 2009.

⁸ Hanrahan J. Neaman Watchdog, December 03, 2009. – hanrahan@niemanwatchdog.org

⁹ Bhadrakumar M. Do Afghans want more religion. – <http://blogs.rediff.com/mkbhadrakumar/2012/11/04>.

Раздел IV

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ И КОНФЛИКТЫ**

ЭВОЛЮЦИЯ КУРДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ АЗИИ**

В зарубежной историографии в конце XX в. велась оживленная научная дискуссия по теории национализма, в том числе и курдского; возникли новые оригинальные методологии. Так, например, Бенедикт Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества: размышления о возникновении и распространении национализма» (1983)¹ утверждал, что современные средства коммуникации, издания, радио- и кассетные записи в значительной степени способствовали созданию курдской «нации» как «воображаемого сообщества». «Воображаемое сообщество» – это такое сообщество людей, члены которого никогда не встречались лицом к лицу, но знают, что оно существует. По мнению этого автора, «воображаемое сообщество» курдов существовало много веков, но его определение было сформулировано только теперь. По Андерсону, официальный национализм был национализмом государства и правящей аристократии, опасавшимся развития местного национализма. Контролируемые государством система образования, пропаганда, фальсификация истории, милитаризм характеризуют официальный национализм, являющийся основой политики этнических и политических групп доминирующей элиты. Официальный национализм, по мнению Андерсона, становится первопричиной возникновения местного национализма общностей, ратующих за независимость². Он, в частности, считает, что турецкий национализм периода К. Ататюрка, политика централизации Реза-шаха в Иране, националистические тенденции периода Фейсала в Ираке являются реакцией этнических общностей (не являющихся доминирующими) на происходившие процессы, осмыслением ими своего места среди других этнических и религиозных общностей, фактором развития национального самосознания. При этом в Турции, например, отрицали наличие курдского национализма, а курдов стали именовать «горными турками». В Ираке спонсируемый англичанами националистический проект Фейсала также не давал курдам шансов развивать свой язык и культуру. Аналогичные тенденции были характерны и для политики Мохаммеда Реза Пехлеви, пытавшегося путем реформ создать современное национальное государство.

* Жигалина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором курдоведения Института востоковедения РАН.

** Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

Б. Андерсон развивает теоретические принципы «конструктивистов», отрицающих первичность национализма в формировании нации и национальной идентичности. Для них национализм является продуктом «национальной политики, политической выдумки и явлением современности». Согласно «конструктивистам», модернизация нации и национальной идентичности определяет суть всех трактовок возникновения национализма.

Хотя Андерсону и не удалось создать стройной концепции национализма, он привлек внимание исследователей к ряду важных проблем, в числе которых, например, вопросы о роли двуязычных интеллектуалов в курдском сообществе, о месте общенационального литературного языка в развитии национального самосознания и формировании национального движения и др.

Идея о «воображаемом сообществе» курдов была поддержана европейскими курдоведами М. ван Брюинессеном и Д. Макдоуэлом для обоснования позиции о невозможности создания «Великого Курдистана», объединяющего четыре части разделенного этнического Курдистана. Они убеждены, что тенденции этнонациональной консолидации курдов стали проявляться лишь в конце XIX в., а социальные, конфессиональные, языковые и прочие различия курдских ареалов достаточно велики и препятствуют процессу интеграции курдской нации. Тем не менее курды не оставляют мечты о независимом курдском государстве, чем пользуются некоторые заинтересованные политические круги.

Определенную популярность в зарубежном курдоведении получила также концепция национализма, выдвинутая М. Хрохом, который аргументировал идею стадийного развития национального самосознания. Он полагал, что для того, чтобы национальное самосознание общности материализовалось в формирование национального государства, оно должно пройти несколько этапов своего развития. Во-первых, ограниченная группа интеллектуалов начинает выдвигать идеи консолидации на основе лингвистических, культурных и исторических связей и особенности этнической общности относительно доминирующей или иной группы. Во-вторых, эта группа выдвигает новых лидеров, защищающих национальные права этой общности, которые стараются привлечь к себе как можно большее число приверженцев. В-третьих, формируется национальное движение, внутри которого возникают различные фракции, лозунги, планы и пр.³

В работах зарубежных авторов, как видно из вышеизложенного, проблемы курдской идентичности и национального формирования курдов получили разнообразную интерпретацию⁴. Следует также отметить, что многие авторы особо подчеркивают консолидирующую роль курдского языка. Этот посыл явился стимулом развития этнолингвистического подхода к проблеме курдской идентичности. Курдский политолог А. Вали, специализирующийся на изучении национализма иранских курдов, например, считает, что их этнолингвистическое отличие от носителей официального (иранского) национализ-

ма играло первостепенную роль в консолидации курдской общности и процессе ее национальной интеграции. Еще в 40-е гг. XX в. иранские власти отрицали этнолингвистическое своеобразие иранских курдов. Сопrotивление курдов политике и контролю со стороны доминирующего этноса выражалось, по А. Вали, в борьбе за защиту своих этнических и лингвистических прав. Эта защита курдской этничности и языка в контексте национальных прав означала, что они уже получили признание своей политической законности в курдском обществе⁵.

Важность консолидирующей функции языка для курдов отмечали многие выдающиеся российские ученые, в числе которых, например, В.Ф. Минорский. Представительница Санкт-Петербургской лингвистической школы И.А. Смирнова писала: «При всем многообразии курдских диалектов и их различиях они имеют общую основу иранского происхождения, совпадающие между собой черты которых сохраняются во всех диалектах по настоящее время и являются материальной базой существования курдского языка, а также его восприятия самими курдами как единого целого»⁶.

Идею о первичности этнолингвистического принципа в консолидации курдской нации поддерживает и известный российский курдовед и лингвист З.А. Юсупова, отмечая общность строения всех курдских диалектов и значимость среди них диалекта курманджи⁷.

Проблемы формирования современных наций и национализма нашли отражение и в современной российской историографии. В этой связи интерес представляет коллективная монография «Национализм в мировой истории», изданная Институтом этнологии и антропологии РАН, в которой справедливо подчеркивается, что «изучение национализма остается важной научной задачей... потому что в мире уже на протяжении почти двух столетий существует националистический дискурс, порождающий националистические практики, крайне значимые для общественной жизни многих стран и регионов. Исходя из этого, национализм можно определить как идеологический концепт и основанную на нем политическую практику, которые исходят из того, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государства, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры – ставить выше всего и отстаивать интересы нации»⁸.

К исследованию этих проблем обращался и видный российский историк и курдовед М.С. Лазарев, считавший, что курды были «жертвами геополитики». Им так и не удалось создать государство или хотя бы группу суверенных курдских княжеств. Ученый справедливо отмечал, что «за многие века существования курдского этноса так и не была выработана более или менее четко оформленная доктрина курдского национализма как идеологии и как практического руководства к политическому действию, пригодного в борьбе за неотъемлемые права курдского народа в странах его расселения»⁹.

М.С. Лазарев полагал, что «ярко выраженное национальное своеобразие курдского народа, его упорное нежелание подчиниться чужой власти в любой форме, оригинальная и исключительная по богатству и своеобразию народная культура... все это позволяет говорить о курдском национализме как о самостоятельном социополитическом явлении...»¹⁰. Он отмечал, что зародившаяся в середине XIX в. борьба курдов за национальный суверенитет была естественной и важнейшей составляющей частью национального процесса в курдском этносе – формирования курдской народности, которая продолжалась в период становления курдской нации в новое и новейшее время¹¹.

Обозначив лишь некоторые работы по теории курдского национализма, отметим, что литература по данной теме весьма обширна и может быть предметом специального исследования.

Таким образом, с последней четверти XX в. проблема консолидации курдов этнического Курдистана становится предметом внимательного научного осмысления зарубежными и российскими исследователями. В определенной степени это было связано с началом формирования с 1990-х гг. автономии Иракского Курдистана на новой политической основе. Фиксация в Конституции 2005 г. федеративного Ирака полунезависимого статуса Курдистанского региона и дальнейшее его поступательное политическое и экономическое развитие обуславливают его претензии на роль консолидирующего центра курдов этнического Курдистана. Курды стран Западной Азии заявили о себе как о самостоятельной политической силе, способной отстаивать свои интересы.

Некоторые особенности национализма современных курдов

После распада Османской империи в курдских ареалах возникших на ее обломках стран Западной Азии (Турции, Ирака, Сирии)¹² начались процессы, определившие специфику национального развития населяющих их курдов, которые не обладали большим желанием и готовностью вписаться в традиции их новой родины, поскольку процесс этнического размежевания в начале XX в. осуществлялся против их желания и воли.

Современный курдский национализм приобрел двойственный характер: интегральный и партикулярный. Считая приоритетными задачи общекурдского масштаба и ратуя за независимый и объединенный Курдистан, курдские лидеры больше внимания уделяют, однако, партикулярным целям – они борются за автономию курдов в курдских ареалах Турции, Ирака, Сирии, а также Ирана. Национализм в курдских ареалах этих государств имеет свою специфику. Они не конкурируют, а скорее дополняют друг друга, «способствуя созданию многокрасочной картины современной жизни исторически четырехсоставного, но этнически единого Курдистана, все части которого

го, в сущности, стремятся к одной конечной цели – объединению в единое независимое государство»¹³.

Партикулярный национализм. С 1991 г., когда в Иракском Курдистане была создана «зона безопасности», начался процесс трансформации курдского национализма. Иракские курды отказались связывать свои национальные проекты с социалистической идеологией или немедленным провозглашением «Свободного Курдистана». Руководство иракских курдов направило развитие национального процесса в демократическое русло, рассчитывая на поддержку Запада. Курдские националистические организации стали ориентироваться на западную либеральную идеологию, нормы и институты. Эти трансформации, особенно их гуманитарное содержание и связи с западной либеральной демократией, способствовали изменению «курдизма» (курдского национализма) иракских курдов. Они создали новую форму автономии под коалиционным прикрытием и демократически избранного правительства Курдистана. А сожительство курдов Иракского Курдистана с населением иных национальной принадлежности и вероисповедания способствовало развитию толерантности курдского национализма¹⁴.

Признание статуса политической автономии Иракского Курдистана в Конституции 2005 г. нового федеративного Ирака стало стимулом для бурного политического и экономического развития Курдистанского региона, где было сформировано региональное правительство, избран президент (М. Барзани), учреждены свои флаг, герб и гимн. Вместе с тем поддержка иракских курдов со стороны международного сообщества и англо-американской коалиции не затронула социальной основы сообщества иракских курдов. В Курдистанском регионе Ирака, получившем уникальную возможность поступательного политического и социально-экономического развития, все еще сохраняются консервативные тенденции (институт кланов, рудименты курдского политического экстремизма и пр.). Наличие неформальных группировок и клановых отношений внутри авангардных политических партий играет важную роль в продвижении политических интересов. Вместе с тем курдская национальная элита согласилась на федерализм постсаддамовского Ирака и выдвинула новую националистическую версию полунезависимости своего региона.

Сегодня Иракский Курдистан стремится к экономической независимости, и это является одной из причин его напряженных отношений с Багдадом, который направил в конце 2012 г. спецподразделения иракских войск в район Киркука. М. Барзани обвинил премьер-министра Н. ал-Малики и его окружение в диктаторском подходе по отношению к курдам, считающим себя частью населения Ирака. Он подчеркнул также, что милитаризация соседних с Курдистаном районов не заставит курдов отступить от требования выполнения ст. 140 Конституции страны. Президент Курдистанского региона заявил, что он поддерживает укрепление иракской армии, которая должна слу-

жить всему народу Ирака, а не одному лицу, и потребовал отстранения от своих обязанностей командующего новыми подразделениями¹⁵.

Ситуацию усугубил провал переговоров между военной делегацией курдов и Министерством обороны, отказавшимся выполнить требования курдов – отстранить неугодного им командующего, вывести подконтрольные ему подразделения из районов Киркука и Туза и организовать совместное с курдами обеспечение безопасности района. При этом курды согласились продолжить переговорный процесс, призывая Багдад «вернуться к конституционным нормам»¹⁶. В разрешении подобных конфликтов позитивное участие принимали Дж. Талбани, президент Ирака, а также США.

Специфична ситуация и в Турецком Курдистане. Свои требования турецкие курды связывают с поддержкой международных правозащитных организаций и европейских политических институтов. Они заявляют о своих требованиях в «Ассоциации по правам человека» в Турции, которая учредила 34 офиса по всей стране. Ассоциация координирует свою деятельность с Курдским проектом по правам человека в Лондоне, Европейским парламентом и международным мониторингом прав человека¹⁷.

Внимание международных правозащитных организаций к курдской проблеме определило специфику национализма турецких курдов. Вместо требований независимости или восстания политическая элита турецких курдов сосредоточилась на проблемах демократии и прав человека. Хотя ей и не удается создать автономистские националистические организации по примеру иракских курдов, она является достаточно представительной и влиятельной силой в политической жизни Турции, способной мобилизовать и объединить широкие массы курдов.

Между тем в Турции продолжается экономическая и политическая маргинализация курдов. Сужен процесс демократизации районов их компактного проживания, курдам запрещено создавать органы самоуправления, они не могут иметь школы с преподаванием национального языка. Давление со стороны турецких властей заставляет курдов эмигрировать. В странах Запада они составляют значительную диаспору.

Турецкие курды не получили международного признания и политической поддержки, как иракские курды. В то же время сближение Турции с Западом ограничивает возможности европейской курдской диаспоры объединить курдов в национальное сообщество. Под влиянием Турции в Европе неоднократно закрывались курдские телевизионные каналы. Решению курдского вопроса в Турции в значительной степени мешает напряженность отношений турецкого руководства с Рабочей партией Курдистана (РПК), лидер которой А. Оджалан заключен под стражу.

Достаточно сложна ситуация в Сирийском Курдистане, и из-за продолжающегося сирийского кризиса пока неясна перспектива решения курдского вопроса. Сирийские курды требуют проведения ре-

ферендума по вопросу гарантии их прав в Конституции и формирования культурной автономии после падения баасистского режима. При этом Хамид Дарвиш, руководитель Курдской демократической прогрессивной партии, высказывал мнение о том, что в силу специфики ситуации в Сирии опыт иракских курдов вряд ли можно реализовать. Сирийские курды выступают за самоопределение в рамках сирийского федеративного союза, основанного на принципе децентрализации. Однако о реальных возможностях сирийских курдов обрести свои права можно говорить лишь после урегулирования сирийского кризиса.

Политика иранского руководства в отношении курдов, а также отсутствие влиятельной курдской национальной элиты почти не оставляют места развитию курдского национализма внутри Ирана. Несколько тысяч иранских курдов осели в курдских районах Ирака, в которых говорят на сорани. В связи с этим иранские курды, говорящие на диалекте курмаджи, испытывают затруднения в общении с иракскими курдами. Базирующиеся там функционеры оппозиционных курдских партий издают пресс-релизы, тренируют пешмерга и организуют вылазки на территории ИРИ. Они не связывают свои требования с национальными проектами иракских курдов. Иранское руководство пыталось оказывать давление на М. Барзани и Дж. Талабани, чтобы они запретили телекоммуникационные станции Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) и разрешили иранским военным пресекать экономическое и политическое взаимодействие на ирано-иракской границе.

Несмотря на то, что курдские оппозиционные организации базируются на иракской территории, они поддерживают связи с курдами ИРИ с помощью подпольных ячеек своих партий в Иранском Курдистане. Они служат мостом между курдским населением Ирана и руководством партий. Кроме того, иранские курды имеют возможность посещать Курдистанский район Ирака с туристической целью или по вопросам бизнеса, выполняя роль контактеров с руководством курдских партий. И конечно, по своим СМИ партии пропагандируют освободительные идеи и получают обратную связь¹⁸.

Следовательно, собственно современный этнический Курдистан не имеет географической, экономической, культурной, языковой и религиозной гомогенности. Курдский национализм и процесс национального формирования курдов осуществляется в каждом курдском ареале стран их проживания соответственно со спецификой этих государств. Имеющий отличительную специфику курдизм (курдский национализм), кристаллизовавшийся в курдских ареалах Турции, Ирака и Ирана, с 90-х гг. XX в. стал меняться под воздействием внутривнутриполитических и внешних факторов. Ослабление национальных государств – сначала в Ираке, а в начале XXI в. в Сирии – активизировало процесс интеграции курдской социально-политической общности в курдских ареалах на основе политической или национально-культурной автономии.

Находясь в разных социокультурных, экономических и политических условиях и системах, в своих географических подразделениях курды подвергались воздействию самых разнообразных факторов и по-разному реагировали на вызовы времени. Как в прошлом, так и теперь курдское национальное движение локально. В разных частях этнографического Курдистана периоды его подъема и упадка не совпадают, что указывает на неравномерность этнонационального развития курдов в курдских ареалах Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Это существенно затрудняет процесс консолидации курдов как на страновом, так и на региональном уровнях. Тем не менее на протяжении многих веков курды сумели отстоять и сохранить курдскую национальную идентичность.

Таким образом, партикулярный национализм превалирует в этническом Курдистане. На современном этапе территория всех курдских ареалов стран проживания курдов подвергается разновекторным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим влияниям, способствуя усилению дезинтеграционных процессов.

В это же время усилился процесс глобализации и трансграничного общения курдов этнического Курдистана благодаря развитию современных средств коммуникаций, который способствовал консолидации курдов этнического Курдистана.

Интегральный национализм. Создание общего коммуникационного (трансграничного) пространства соотносилось с использованием новых возможностей, таких как диаспоральные СМИ, международные неправительственные организации, современные телекоммуникационные системы и пр., обеспечивавшие новые формы поддержки или давления курдским националистическим проектам. В отличие от политического пространства внутри стран трансграничное пространство – это не территория, а коммуникационная сфера, в которой пересекаются культурные потоки независимо от пересечения государственных границ. Там курды могут открыто обсуждать свои насущные проблемы. Ресурсы, связанные с трансграничным пространством, и коммуникационные ограничения в курдских ареалах, по их мнению, усиливают этнический компонент курдизма. При этом между курдскими группировками возникает союз, каковых прежде не наблюдалось¹⁹. Так, например, события в Сирии 2011–2012 гг. содействовали не только объединению сирийских курдов, но и идея освобождения сирийских курдов от давления со стороны центральной власти и их борьба за гражданские права и равноправие получили поддержку со стороны турецких и иракских курдов.

Общее коммуникационное (трансграничное) пространство облегчает курдизму возможность проявляться на международном уровне. Оно помогает курдским националистам расширить свою легальную политическую сферу и безбоязненно заявлять о своих националистических притязаниях. При этом курды сотрудничают с такими международными общественными организациями, как, например, Курдская Ассоциация по правам человека, Международная Амнистия и

др., что привлекает внимание международного сообщества к курдской проблеме и делает курдизм более значимым как в Курдистане, так и за его пределами.

Хотя курдизм развивается в рамках конкретных стран, с 90-х гг. XX в. он стал приобретать новые качества благодаря общению вне территориальных границ государств проживания курдов в Западной Азии. Так, национализм иракских курдов был узаконен в иракской Конституции и стал более демократичным; в Турции, несмотря на то, что курдский национализм остается непризнанным, он как бы легализован в связи с некоторыми послаблениями активности курдов в общественно-политической жизни, а также благодаря курдским СМИ и деятельности международных правозащитных организаций. В Иране ограниченное коммуникационное пространство скрывает курдизм, ослабляет значимость национализма иранских курдов на международном уровне и внутри Исламской Республики.

В конце января 2013 г. с анализом курдского вопроса в этническом Курдистане и рекомендациями выступила Международная кризисная группа (International Crisis Group) с целью предотвратить перерастание сирийского кризиса в широкий региональный конфликт. Она, в частности, отметила, что сегодня существует две разновидности курдского национализма, выразителями которого являются Масуд Барзани и руководство РПК. Вместе с тем они отражают две парадигмы отношений с Турцией: Эрбиль усиливает свои экономические и торговые связи с Анкарой, чтобы добиться экономической независимости от Багдада. РПК прилагает усилия к расширению культурных и политических прав турецких курдов. Обращаясь к различным политическим силам этнического Курдистана, Международная кризисная группа призывает их к мирному политическому решению курдского вопроса²⁰.

В отличие от сирийских курдов коммуникационное пространство иранских курдов значительно сужено. Их не поддерживают международные правозащитные организации в той мере, в какой они проявляют активность в отношении курдов Сирии, Ирака и Турции. Однако даже ограниченное коммуникационное пространство позволяет иранским курдам мобилизовать свою национальную активность. С помощью европейской диаспоры они организуют образовательные и культурные программы у себя на родине и в Европе. Многие имеют Интернет, который позволяет узнавать информацию о деятельности политических партий иранских курдов. Кроме того, ДПИК и Комала имеют свои отделения в некоторых европейских странах, которые занимаются информационно-пропагандистской деятельностью.

Однако общее коммуникационное пространство имеет двоякую значимость: с одной стороны, оно предоставляет канал общения курдам четырех частей разделенного этнического Курдистана и способствует процессам их этнополитической консолидации. При этом нередко отсутствие единого общенационального языка не позволяет им в полной мере овладеть всей имеющейся информацией. С дру-

гой стороны, оно дает возможность и другим политическим течениям влиять и воздействовать на мировоззрение курдов. На данном этапе можно говорить о формирующейся курдской нации.

В целом можно констатировать, что в этническом Курдистане окрепли демократические тенденции, а в его иракском ареале созданы условия для развития гражданского общества. Под воздействием региональных и международных изменений курдское общество и его политическая элита стали воспринимать современные цивилизационные методы политической деятельности, которые исходят из признания сложившейся системы международных отношений.

Курдский интегральный национализм все еще остается слабым. Кроме Иракского Курдистана, где курдское население компактно проживает в трех провинциях (Эрбиль, Сулеймания, Дохук), в курдских ареалах Турции, Сирии и Ирана расселение курдов дисперсно. Не случайно М.С. Лазарев отмечал, что «Курдистаном можно называть прежде всего административные единицы указанных стран, населенные в своем большинстве курдами и образующие в совокупности единую, фактически нерасчлененную этнически, но официально не зафиксированную картографически территорию»²¹. С этим определением соглашается, в частности, Ф. Кухи-Камали. Она также отмечает, что регион, простирающийся от Турции до Сирии, Ирана и Ирака, почти полностью населен курдами. Но при этом подчеркивает, что, хотя в географическом Курдистане доминирующим населением являются курды, они проживают совместно с другими этническими группами: арабами, персами, турками, азербайджанцами, лурями, бахтиярами и др.²²

Сегодня, однако, нельзя утверждать, что современный этнический Курдистан «не расчленен этнически». Политика арабизации, проводимая, в частности, в несколько этапов в Ираке, разделила районы некогда сплошного курдского населения районами, населенными арабами. Многие курды (а также туркоманы и христиане) были переселены в другие регионы. Это делалось с целью ослабления социально-политического влияния курдов в Северном Ираке и борьбы с курдским автономистским движением. В современном Ираке курды доминируют в трех провинциях (Эрбиль, Сулеймания и Дохук), претендуя на присоединение к Курдистанскому региону некоторых территорий провинций Таамим, Ниневея и Дияла.

Сходные политические приемы были характерны и для политики шахского Ирана в отношении курдов. Не случайно А. Вали утверждает, что территория Иранского Курдистана неоднократно делилась и подвергалась переделам между провинциями и округами. В результате оказалось, что курдская общность в Иране территориально разбросана. Отдельные ее части относятся к разным провинциям (Курдистан, Западный Азербайджан, Илам, Керманшах), подчинены различным администрациям и судебным органам²³. При этом иранские курды компактно проживают вдоль ирано-иракской гра-

ницы, объединенные языковой (курманджи) и религиозной (суннитский ислам) общностью.

О дисперсном обитании турецких курдов в Турции писал голландский курдовед М. ван Брюинессен. Это поощряется турецким руководством, заинтересованным в ликвидации курдского сепаратизма. Значительная курдская община в Западной Турции, по мнению ван Брюинессена, действительно стоит далеко от радикальной политики²⁴.

В Сирии около 8% курдского населения проживает преимущественно в трех районах на севере страны. По определению английского исследователя Д. Макдоуэлла, это, во-первых, Курд Даг и Африн, горные отдаленные районы северо-западной части Сирии, северо-восточные части турецкого Хатая, южной оконечности Анатолийского плато. Во-вторых, курды компактно проживают на границе с Турцией, на северо-западе Джазиры, в окрестностях города Джарблус; в-третьих, в северо-восточной части Джазиры, в губернаторстве ал-Хасеке, в основном от Рас-аль-Айны через Камышлы до Дерики²⁵. Этот нефтедобывающий район северо-востока страны условно именуется в научной литературе Сирийским (Западным) Курдистаном. Кроме того, курдское население значительно в Дамаске и Алеппо.

Мобильность курдского населения, нестабильность его местопребывания во многих районах Курдистана, особенно остроконфликтных, имела вынужденный характер и была вызвана серьезными экономическими и политическими причинами. Однако несмотря на миграции и вынужденные или добровольные переселения ситуация с народонаселением в Курдистане в целом сохраняет свою стабильность²⁶.

Многие современные зарубежные авторы полагают, что ключевую роль в процессе национального сплочения курдов играет язык. «Наличие общего языка, – пишет Ф. Кухи-Камали, – играло важную роль в формировании чувства солидарности среди курдов, создавая возможность осознавать себя как общность»²⁷. Она ссылается, в частности, на мнение Б. Андерсона, подчеркивавшего, что «язык создает мощную основу для объединения»²⁸.

В начале XXI в. стало наблюдаться усиление использования курманджи. М. ван Брюинессен утверждает, что с конца XX в. существенно увеличилось число курдов, говорящих на курманджи. Во многих европейских странах, куда эмигрировали курды, были организованы курсы нормативного языка курманджи для тех, кто ассоциировал себя с курдской идентичностью, хотя их первым языком могли быть турецкий, заза или ненормативный диалект курманджи²⁹.

Несмотря на усиление значимости языка курманджи в общественно-политической жизни современных курдов, он еще не стал общенациональным нормативным единым языком, обеспечивающим взаимопонимание во всех слоях общества на всей территории этнического Курдистана. Для курдов этнического курдского ареала характерно двуязычие и даже многоязычие. Это отмечают и зарубежные, и

российские курдоведы. Однако не следует, на наш взгляд, преувеличивать его роль в процессе национальной консолидации. В этом аспекте можно согласиться с мнением М.С. Лазарева, считавшим, что «языковая основа для успешного развития и завершения этноконсолидационного процесса в общекурдском масштабе до сих пор еще не достаточно прочна, успехи наблюдаются больше в партикулярных направлениях»³⁰.

В религиозном отношении этнический Курдистан, несмотря на преобладание ортодоксальных суннитов, «являет собой весьма неоднородную картину, в которую вкрапливаются всякого рода мусульманские диссиденты: секты, дервишеские ордена (кадирийя, накшбандийя и др.), руководимые своими шейхами и одновременно харизматическими авторитетами с явными сепаратистскими наклонностями»³¹. Курдский национализм имеет ярко выраженный этнический характер, а исламский субстрат не посягает на его национальное своеобразие³².

Итак, ареалом этнолингвистической и культурной консолидации курдов в странах Западной Азии являются районы, прилегающие к границам Турции, Ирака, Сирии и Ирана, в которых этническая сплоченность курдов основана на общности территории, языка (преимущественно курманджи), религии (суннитского ислама) и культурного наследия. Эти курды считаются чистокровными, осознающими свою этническую принадлежность. В то же время профессиональные различия (суннизм, шиизм, езидизм, сектанство – али-иллахи и пр.), сохранение элементов клановых отношений, сопротивление государственному давлению и ряд других факторов тормозят процесс общенациональной интеграции. Хотя курдское коммуникационное (трансграничное) пространство в определенной степени усиливает этнополитическую сплоченность курдов, в Курдистане все-таки превалирует партикулярный национализм. Развитие интегрального курдского национализма тормозят и внешние факторы.

Сегодня этнический Курдистан находится в центре интересов региональных и некоторых мировых держав, заинтересованных не только в использовании его природных ресурсов. Они рассматривают его как важный стратегический объект.

Международный аспект курдской проблемы

Турция, Иран, Сирия и действующее правительство нового Ирака рассматривают сегодня перспективы решения курдской проблемы в этническом Курдистане через призму событий в Сирии. Анкара, Тегеран и Дамаск весьма озабочены последствиями сирийского кризиса. Анкара рассматривает курдский вопрос в Сирии как реальную угрозу ее национальной безопасности в связи с активизацией национального движения турецких курдов.

Сирийский кризис может негативно сказаться как на внутренней, так и на внешней политике Ирана, обладающего значительным влиянием в региональной и международной сфере. Падение режима

Б. Асада и решение курдского вопроса в интересах сирийских курдов может больно ударить по устоям фундаменталистского режима в Иране.

События в Сирии оказывают влияние как на Ирак в целом, так и на Иракский Курдистан в особенности. Эрбиль сумеет усилить свои политические позиции внутри Ирака, что значительно укрепит его влияние на курдские ареалы Турции и Сирии, а также оппозицию иранских курдов.

Иран и Турция, озабоченные опасной перспективой распада из-за нерешенности курдского вопроса, озадачены проблемой определения своих позиций в отношении Сирийского Курдистана после окончания кризиса. Если арабы и Турция будут препятствовать установлению в Сирии федеративного устройства, то Иран, преследуя свои интересы, может оказать в этом сирийским курдам (действующим, возможно, в связке с алавитами) определенную поддержку. Турция заинтересована в поддержке территориальной целостности Сирии и Ирака. Однако она не сможет реализовать свои региональные амбиции, не решив курдский вопрос в Турецком Курдистане (как и Иран, она стремится добиться статуса региональной супердержавы). В связи с этим турецкое руководство может пойти на компромисс с РПК и смягчить свою позицию относительно ее лидера А. Оджалана. В то же время борьба за нефть Сирийского Курдистана может усилить ирано-турецкое региональное соперничество. Эти тенденции просматриваются в том, что Анкара обвиняет Тегеран в поддержке РПК, хотя аффилированная с ней «Партия свободной жизни Курдистана» (Пиджак) проводит вооруженные вылазки на иранской территории.

В этой сложной ситуации не только Иран и Турция, но и Ирак и Сирия будут препятствовать процессу развития тенденций в этническом Курдистане, способных привести к созданию независимого курдского государства. Эти страны будут использовать курдский фактор для реализации собственных региональных интересов. Партикулярные и общекурдские задачи будут требовать от курдов этнического Курдистана вступления в различные кратковременные альянсы и коалиции. При этом курды преследуют исключительно свои националистические интересы.

Этнический Курдистан не останется без внимания Соединенных Штатов и Израиля. Вашингтон заинтересован в сохранении своих позиций в Ираке, и в Иракском Курдистане в частности. Для США Курдистан, обладающий огромными запасами углеводородов, является не только источником восполнения его энергетических потребностей. Курдский этнический регион может служить буфером при любой региональной угрозе, особенно в сдерживании распространения фундаментализма. Кроме того, этнический Курдистан, поддерживаемый Вашингтоном, наряду с Грузией и Азербайджаном может быть вовлечен в наступательные планы в отношении Ирана, а впоследствии, возможно, Средней Азии и России, где проживает достаточно многочисленное курдское население.

Антиисламистские позиции и противопоставление курдов арабам находятся в русле интересов Израиля, являющегося сторонником урегулирования курдского вопроса в Турции и Сирии, а также вообще в этническом Курдистане с целью приобретения стратегического партнера в Западной Азии.

Для Израиля и Азербайджана, являющихся союзниками, провозглашение независимого Курдистана предоставит определенные преимущества. Израиль может поддержать распад Ирака и формальное провозглашение курдского независимого государства (а по сути колонии). Это ему выгодно, поскольку Иракский Курдистан имеет огромные запасы нефти. Он также проявляет заинтересованность и в событиях в Сирии, стремясь сдержать там активность исламистских группировок.

В случае перехода сирийского конфликта на региональный уровень курды этнического Курдистана станут ключевым актором как в конкурентной турецко-иранской борьбе, так и в американо-израильском наступлении в сторону Кавказа и Центральной Азии. Однако курдское движение, светское и придерживающееся антиисламистских позиций, продолжит борьбу за самоопределение. В связи с этим представляется вероятным продолжение развития курдского национализма в партикулярном направлении, вплоть до создания предпосылок для общенационального объединения.

Примечания

¹ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 1983. P. 15.

² Ibid. P. 107.

³ Hroch M. *From National Movement to the fully Forward Nation*. – *New Left R. Review*, 198 (March-April 1993). P. 3–20.

⁴ См., например, Mohammad V.A. Ahmed. *Iraqi Kurds and Nation-Building*. N.Y., 2012; Van Bruinessen and Martin van Bruinessen. *Kurds and Identity Politics*. L., 2013; Mahir A. Aziz. *The Kurds of Iraq: Ethnonationalism and National Identity in Iraqi Kurdistan*. 2011.

⁵ Valy A. *Kurds and State in Iran. The Making of Kurdish Identity*. L., 2011. Introduction.

⁶ Смирнова И.А. Курды: судьбы, культура, язык. – *Новый Курдистан*, № 1–2 (18–19), 1999.

⁷ Выступление на конференции «Третьи “Лазаревские чтения”». М., 2012.

⁸ *Национализм в мировой истории*. М., 2010. С. 3.

⁹ *Лазаревские чтения*. Вып. 1. М., 2012. С. 47.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 96–97.

¹² Условно именуемые в научной литературе Турецкий (Северный), Иракский (Южный), Иранский (Восточный), Сирийский (Западный) Курдистан.

¹³ *Лазаревские чтения...* С. 50.

- ¹⁴ Denise N. *The Kurds and the State. Evolving National Identity in Iraq, Turkey and Iran.* N.Y., 2005. P. 64.
- ¹⁵ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/12/state6672.htm>.
- ¹⁶ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/12/state6671.htm>.
- ¹⁷ Denise N. *Op. cit.* P. 171.
- ¹⁸ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/9/irankurd881.htm>.
- ¹⁹ Denise N. *Op. cit.* P. 161.
- ²⁰ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2013/1/syriakurd728.htm>.
- ²¹ Лазарев М.С. Курдский регион. – Лазаревские чтения. Вып. 1. М., 2012. С. 67.
- ²² Koohi-Kamali F. *The Political Development of the Kurds in Iran. Pastoral Nationalism.* N.Y., 2004. P. 25.
- ²³ *Ibid.* Introduction.
- ²⁴ Bruinessen M. van. *The Kurds in Movement: Migrations, Mobilizations, Communications and the Globalization of the Kurdish Question.* – *Islamic Area Studies Project.* Tokyo, 1999. P. 3.
- ²⁵ McDowell D. *A Modern History of the Kurds.* L., 2004. P. 466.
- ²⁶ Лазарев М.С. Категории курдской истории. – Лазаревские чтения. Вып. 1. С. 90.
- ²⁷ Koohi-Kamali F. *Op. cit.* P. 13.
- ²⁸ Anderson B. *Op. cit.* P. 122.
- ²⁹ Bruinessen M. van. *Op. cit.* P. 13.
- ³⁰ Лазарев М.С. Курдский регион... С. 88.
- ³¹ Лазарев М.С. Категории курдской истории... С. 70.
- ³² Там же. С. 62.

*С.М. Иванов**

КУРДСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ СИРИИ

В силу различных исторических субъективных и объективных причин многомиллионному народу курдов пока не удалось создать самостоятельного государства. До 1920 г. большая часть курдов проживала на своих исконных землях, в основном входивших в Османскую империю, несколько миллионов проживало в Иране. По итогам Первой мировой войны, согласно мандатам Лиги Наций, выданным Великобританией и Францией, и Севрскому договору 1920 г., курды оказались разделенными еще и государственными границами вновь образованных государств: Турции, Ирака и Сирии.

Сегодня из 40-миллионного курдского этноса свыше 2,5 млн человек проживают в Сирии, где представляют собой одно из основных национальных меньшинств (около 9% населения страны). Они разговаривают между собой на курдском диалекте курманджи, языком их межнационального общения (он же государственный) является арабский. Курды компактно проживают в населенных пунктах северных и северо-восточных районов страны – Камышлы, Джазира, Айн Аль-Араб, Кобани, Амудэ, Деррика, Хемко – и имеют свои этнические общины в Дамаске, Алеппо, Хаме, других крупных городах Сирии.

Из общей площади исторического (этнического) Курдистана (около 408 тыс. км²) на долю Сирийского, или Западного, Курдистана приходится 18 тыс. км². Сирийский Курдистан обладает богатыми природными ресурсами и крупным сельскохозяйственным потенциалом. Там имеются наиболее значительные нефтяные месторождения страны (самое крупное – Румейлан) и водные ресурсы. Одним из крупнейших районов расселения курдов в Сирии является долина реки Евфрат (Джераблус и Айн Аль-Араб).

Основная масса курдского населения (около 80%) занята в сельском хозяйстве, при этом зажиточная часть составляет не более 5% от этого числа. Остальные представляют рабочий класс (около 15%), интеллигенцию и другие социальные прослойки сирийского общества. Та часть курдов, которая относится к рабочим, неоднородна и малоквалифицирована, что объясняется жестким ограничением их возможностей при выборе рабочих специальностей. В сравнении с рабочими из числа сирийских арабов курдские рабочие находятся в

* Иванов Станислав Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

** Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

значительно худшем положении: они фактически лишены социальных прав, подвергаются жесткой эксплуатации и дискриминации, в том числе и в размерах заработной платы, живут под страхом увольнения с работы за малейшие нарушения или просто по обвинению в незаконной политической и общественной деятельности¹.

Курдская буржуазия и интеллигенция (около 5%) также подвергаются политической и социальной дискриминации. Именно представители этой социальной прослойки, как наиболее образованная часть курдского населения, составляют ядро курдского политического и общественного движения в САР, занимая руководящие позиции в различных курдских партиях. Курдская буржуазия – это в основном мелкие торговцы, владельцы ремонтных мастерских и предприятий по производству оливкового масла и мыла, лица, занимающиеся нелегальным бизнесом (наркоторговля, контрабанда).

До распада СССР и мировой социалистической системы курдская интеллигенция в своем большинстве состояла из врачей, фармацевтов, строителей, в меньшей степени – юристов, получивших в свое время образование в СССР, ГДР, Болгарии, Чехословакии в основном по линии Коммунистической партии Сирии (Х. Багдаш, Ю. Фейсал). Сейчас на смену им приходят выпускники западноевропейских и американских вузов, значительная часть курдской молодежи с высшим образованием не может устроиться на родине на работу по специальности и вынуждена эмигрировать за рубеж. По оценкам, только в Европе уже работает и учится свыше 2 млн курдов – выходцев из Турции, Сирии, Ирака и Ирана.

Подвляющее большинство сирийских курдов (около 70%) исповедует ислам суннитского толка, около 20% – придерживаются шиитского направления в исламе, около 20 тыс. курдов, т.е. меньше 1%, принадлежат к секте езидов, близкой к зороастризму. И совсем небольшая часть исповедует христианство².

Длительное время общий подход сирийского руководства к курдам заключался в игнорировании их национальных прав и свобод. Так уж сложилось, что с образованием сирийского государства курды изначально подвергались более жестким дискриминационным мерам по сравнению с другими национальными меньшинствами. Это объяснялось тем, что, по мнению властей в Дамаске, курды, в отличие от армян, туркменов, черкесов, не являющихся коренным населением страны, могли в перспективе выдвинуть требования самоопределения на территории Западного (Сирийского) Курдистана вплоть до отделения от Сирии³.

С приходом к власти в Дамаске Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), или, как ее принято кратко называть, Баас, был взят курс на насильственную ассимиляцию проживающих в САР курдов. Их права не нашли своего отражения ни в Конституции страны, ни в других законодательных актах. Для баасистов это было естественно, поскольку за безобидным и привлекательным, на первый взгляд, названием их партии скрывалась националисти-

ческая идеология панарабизма. Основными лозунгами Баас стали: «Арабская нация едина, миссия ее бессмертна, ей будет принадлежать весь мир». Естественно, ни курдам, ни другим национальным меньшинствам в арабских государствах с баасистской идеологией места не отводилось.

В начале 1960-х гг. офицер национальной безопасности Талаб Гилаль, служивший в провинции Аль-Хассака, разработал проект с рекомендациями по борьбе с «курдским народом». Фактически вся дальнейшая политика баасистского режима, вплоть до наших дней, представляла собой реализацию этого плана, согласно которому предполагалось, в частности, переселить курдов вглубь страны на расстояние не менее 10 км от турецкой и иракской границ и создать там «арабский пояс» из арабов-переселенцев, чтобы изолировать сирийских курдов от контактов с соплеменниками в Турции и Ираке, а также изменить демографическую ситуацию в районах компактного проживания курдов; дискриминировать в социально-экономическом отношении курдские районы, не развивать инфраструктуру, не создавать в них новых производств, высших и средних специальных учебных заведений с тем, чтобы местные жители покидали их в поисках работы и мест учебы и переселялись в другие регионы и страны; вести работу по линии спецслужб с целью раскола курдского общества и курдских партий; по возможности лишить гражданства курдское население в этих районах, объявив его переселенцами из Турции; не принимать курдов в военные училища, в государственные учреждения; запретить общение в государственных учреждениях, общественных местах и школах на курдском языке; запретить регистрировать детей под курдскими именами; дать курдским деревням и городам арабские названия⁴.

В 1961 г. баасистским режимом был принят закон о создании так называемого «арабского», или «зеленого», пояса безопасности в районах традиционного расселения курдов (стык сирийско-иракско-турецкой границ). Фактически эта зона достигла в длину 350 км и в ширину 15–30 км и стала как бы буфером между сирийскими курдами и курдами, проживающими в Турции и Ираке. На месте насильственно депортированных из этих районов курдов расселялись арабы. Таким образом, многие курдские поселения вышли за рамки традиционного Сирийского Курдистана и переместились в районы Алеппо, Африн, Аазаз, Менбидж, Ракка и Латакия. Кроме того, курды были рассредоточены вдоль северной сирийской границы. Например, города Аазаз и Африн (43 и 58 км севернее Алеппо соответственно) имеют около 90% курдского населения, остальные жители – туркмены и арабы.

Сирийские власти сознательно не предпринимали меры по социально-экономическому развитию районов, населенных курдами: там не строились промышленные объекты, было мало школ, больниц, торговых точек, многие курдские районы не обеспечивались электроэнергией и водоснабжением. Местные власти при распределении земель выделяли курдам наихудшие участки, создавали искусствен-

ные трудности при получении кредитов и ссуд, необходимой сельскохозяйственной техники и инвентаря, занижали закупочные цены на их продукцию. Поэтому основная масса курдов представляет из себя беднейший и бесправный слой сирийского населения⁵.

Как уже отмечалось выше, курды в Сирии были ограничены в развитии национальной культуры, искусства, языка, литературы и т.п. В стране были запрещены обучение детей курдскому языку, СМИ и даже публичное общение на курдском языке. Курды не имели права на организацию каких-либо культурно-просветительных, спортивных обществ и организаций. Курдская молодежь подвергалась откровенной дискриминации при поступлении в вузы Сирии, при этом ограничивались возможности выбора ими будущей специальности, их не принимали в военные учебные заведения и на государственную службу. А для тех из них, кому удалось поступить в один из сирийских университетов, постоянно существовала угроза отчисления⁶.

Не останавливались сирийские власти и перед массовыми убийствами курдов и другими акциями устрашения. Так, в 1993 г. в городе Аль-Хасака было убито 62 курдских политзаключенных, а в марте 2004 г. в городе Камышлы лишлись жизни более 70 мирных курдских граждан и тысячи других были арестованы⁷. В сирийских тюрьмах без суда и следствия содержались десятки тысяч курдов, зачастую по надуманным обвинениям. Семьи заключенных годами ничего не знали об их судьбах и месте нахождения. Обращения и жалобы по этому поводу властями не принимались и не рассматривались.

Положение курдского населения усугублялось еще и тем, что ему не уделялось должного внимания со стороны общенациональных общественных организаций. Созданный, например, в 1972 г. в Сирии Национальный прогрессивный фронт не включил курдское движение. Представители Сирийской коммунистической партии (крыло Х. Багдаша и крыло Ю. Фейсала) лишь изредка озвучивали декларативные лозунги в защиту прав сирийских курдов и их равенства в правах с другими национальностями, населяющими страну.

В последние годы правления Башара Асада в подходе сирийских властей к курдской проблеме наметились определенные сдвиги, несмотря на то, что в целом их отношение к курдам продолжало оставаться дискриминационным. Так, курдам было предоставлено право работать в некоторых государственных учреждениях, однако фактически их не допускали на сколько-нибудь значимые должности. Долгое время в органах местного самоуправления и Народном собрании (парламенте) Сирии не было ни одного курда.

В силу многоукладности курдской общины, разбросанности районов проживания курдов в стране и отсутствия достаточного числа собственной интеллигенции политические объединения курдов были неорганизованны и разобщены. К началу XXI в. в Сирии существовало 11 различных курдских организаций, действовавших нелегально. Наиболее крупные из них по числу своих членов и влиянию – Курдская демократическая партия (Аль-Парти) – крыло Назира Мустафы,

Курдская демократическая прогрессивная партия (правая) – крыло Хамида Хаджи Дарвиша, партия Союза курдского народа (генеральный секретарь – Салах Бадр Эд-Дин Дибо) и Курдская левая партия. Многие из курдских партий были тесно связаны с аналогичными партиями Турции и Ирака.

Особенностью деятельности курдских партий в Сирии являлся непрекращавшийся процесс создания новых партий, раскол существовавших, объединение партий в блоки и фронты, выход отдельных партий из этих объединений. Например, произошло слияние Союза курдского народа и Курдской левой партии. Новая партия получила название Курдская партия Азади (свобода).

В целом политические программы практически всех партий мало отличались одна от другой – это борьба за равенство и справедливые национальные права и свободы курдов в рамках сирийского общества, подтвержденные Конституцией САР. С учетом реального положения курдов в Сирии и их возможностей курдские политические лидеры не выдвигали прямых требований о создании какой-либо формы курдской автономии. В период доминирования в стране баасистской (панарабистской) идеологии и правления семейства Асадов сирийские курды стремились лишь выжить и сохранить свою национальную идентичность⁶.

Раздробленность курдских партий, идейные разногласия, борьба за лидерство между ними и внутри руководства самих партий искусственно подогревались и использовались сирийскими властями и спецслужбами в своих интересах. При этом оказывалась негласная поддержка наиболее либеральным из курдских движений, и демонстративно ограничивалась деятельность наиболее радикальных. Сирийские спецслужбы способствовали не только расколу курдских рядов, но и разжиганию вражды между отдельными курдскими партиями и движениями. Именно раздробленность и неоднородность курдского политического движения позволяли сирийским властям предотвращать стихийные выступления и акции протеста со стороны курдов и в целом успешно нейтрализовывать возможные негативные воздействия курдского фактора на внутривнутриполитическую обстановку в стране.

В этих условиях лидеры курдских партий вынуждены были все чаще обращаться к проблеме достижения единства курдского движения, объединения своих рядов. Им все же удалось создать два основных политических курдских объединения: Курдский демократический фронт и Курдский демократический союз. Курдская демократическая левая партия Якати (крыло Абдель Баки Юсефа) не вошла ни в одно из этих объединений, хотя на практике она достаточно тесно сотрудничала с Курдским демократическим фронтом.

Волнения курдов, вспыхнувшие 12 марта 2004 г. в городе Камышлы (губернаторство Хасеке) и охватившие фактически все места их компактного проживания, в том числе Рас-аль-Айн, Айн Аль-Араб, Африн, явились наиболее значимым событием во взаимоотношениях между властью и сирийскими курдами. Столкновения курдов и

полицейские имели место и в городах Алеппо и Хомс. По данным Курдского демократического союза, в ходе столкновений с армией, полицией, силами безопасности, вооруженным арабским населением этих районов погибло более 300 курдов и около сотни арабов⁹. В целом курдское национальное движение в Сирии на том этапе было довольно жестко подавлено сирийскими силовыми структурами, включая армейские подразделения.

В последнее время лидеры сирийских курдских прогрессивных партий и организаций избегали открытой конфронтации с сирийскими властями и более реально подходили к вопросу выбора форм борьбы в деле разрешения курдской проблемы в Сирии, уделяя главное внимание достижению единства курдского движения и полагая, что в конечном итоге это вынудит сирийские власти пересмотреть свою жесткую позицию в отношении проживающих в стране курдов в плане расширения их политических и социальных прав и свобод¹⁰.

Большое значение для подъема национального движения сирийских курдов имели свержение баасистского диктаторского режима Саддама Хусейна в соседнем Ираке и завоевание их иракскими братьями-курдами статуса полноправного субъекта федерации в новом демократическом Ираке. В этот период заметно активизировались связи и контакты между сирийскими и иракскими курдами.

Тем не менее до конца 2011 г. правящему в Сирии режиму Б. Асада удавалось сохранять довольно жесткий контроль над районами компактного проживания курдов. Главными инструментами умиротворения курдов по-прежнему оставались армия, полиция и спецслужбы. Вместе с тем в последнее время сирийские власти все чаще начали заявлять о своей готовности рассмотреть проблемы курдского меньшинства, однако на деле кроме ничего не обязывающих Дамаск декларативных заявлений и расплывчатых обещаний не предпринималось.

Наиболее острой проблемой стал вопрос о сирийском гражданстве для почти 300 тыс. курдов, проживающих в Сирии, но являющихся лицами без гражданства и лишенных в связи с этим всех политических и социальных прав¹¹. Предыстория этого казуса такова. В октябре 1962 г. в Сирии была проведена так называемая «чрезвычайная перепись», и жители курдских районов, не предъявившие налоговых квитанций, доказывающих давность их проживания в Сирии, автоматически лишились гражданства. Так как многие курды не хранили таких квитанций на протяжении десятилетий, то в результате этой акции были лишены гражданства 130 тыс. человек из 500 тыс. сирийских курдов. Эти люди и их потомки до последнего времени вместо паспортов обладали лишь видом на жительство¹². К тому же закон 1962 г. о переписи населения Сирии распространялся лишь на курдское население в губернаторстве Хасеке (район Джазира), и многие курды вообще остались за рамками этой переписи.

Ситуация с решением курдского вопроса в Сирии начала меняться с середины 2011 г., когда «арабская весна» в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене докатилась и до Сирии и над правящим в Дамаске режи-

мом Башара Асада нависла реальная угроза его свержения силами вооруженной оппозиции.

Вот уже два года в стране идет ожесточенная гражданская война. Правительственные войска не останавливаются перед применением авиации, артиллерии, бронетанковой техники. Повстанцы в свою очередь осуществляют масштабные теракты, ведут бои в густонаселенных районах и на улицах городов. На стороне оппозиции сражаются перебежчики из сирийской армии, добровольцы и наемники из ряда арабских и мусульманских стран. В результате уже около 60 тыс. сирийцев погибли, сотни тысяч ранены, свыше полумиллиона человек бежали в соседние страны, города и населенные пункты лежат в руинах, разрушены инфраструктура и коммуникации, население оказалось на грани гуманитарной катастрофы.

Каковы же причины этой трагедии? Кто и за что воюет в Сирии? Казалось бы, ответ лежит на поверхности: с одной стороны – сторонники правящего режима во главе с Башаром Асадом, с другой – разрозненные вооруженные группировки оппозиции, поддерживаемые из-за рубежа. Силы оказались примерно равны, никто не хочет уступать, предпосылок к мирным переговорам сторон нет, эскалация вооруженного конфликта нарастает, уже отмечаются артиллерийские дуэли между Сирией и Турцией. Парламент Турции дал «добро» на проведение трансграничных военных операций на турецко-сирийской границе. Турецкие военные сообщили, что в связи с резким обострением ситуации на границе с Сирией в Средиземное море «переброшены военные корабли и подводные лодки», в срочном порядке в приграничных с Сирией турецких районах разворачиваются системы ПВО и ПРО НАТО, включая самые современные зенитно-ракетные комплексы «Пэтриот».

Как оказалось, внешне благополучный сирийский режим уже давно прогнил изнутри, одряхлел и оказался политическим банкротом. Правящая в стране баасистская верхушка, опиравшаяся на религиозное меньшинство арабов-алавитов (около 10% населения страны) и силовые структуры, на долгое время узурпировала власть в Сирии. Более 50 лет в стране действовало чрезвычайное положение со всеми вытекающими из него ограничениями для населения. Все, кто не разделял взглядов правящей националистической партии Баас и не был согласен с внутренней и внешней политикой государства, подвергались преследованиям и жестким репрессиям. Использование вооруженных сил для усмирения своего народа не является чем-то экстраординарным в новейшей истории сирийского государства. В 1982 г. власти также жестоко подавили выступление исламистов «Братьев-мусульман» в Хаме – тогда правительственными войсками были убиты десятки тысяч человек. Как уже отмечалось, не останавливались баасисты и перед применением военной силы для умиротворения курдов, тысячи из них без суда и следствия были брошены в тюрьмы.

Составляющие большинство населения страны арабы-сунниты оказались на многие годы отстраненными от власти и не могли реа-

лизовать свой потенциал в бизнесе и других областях. Свыше 2,5 млн сирийских курдов считались «людьми второго сорта», их всячески притесняли, насильственно переселяли, пытались ассимилировать.

Режим был как бы «калькой» с правившего в Багдаде баасистского диктаторского режима Саддама Хусейна, но в несколько смягченном внешне варианте. В Ираке баасистская верхушка и арабосуннитское меньшинство подавляли арабо-шиитское большинство и курдов. Как известно, Саддам Хусейн не останавливался даже перед применением химического оружия против курдов, массовые казни и убийства инакомыслящих там стали нормой. Была развязана восьмилетняя кровопролитная война с Ираном, предпринята военная агрессия против соседнего Кувейта.

В период баасистской диктатуры Дамаск пытался безуспешно участвовать в арабо-израильских войнах и на несколько лет оккупировал соседний Ливан. Власти Сирии хотя и имеют в своем распоряжении химическое оружие, но пока его применять не решались. Если на первых порах (в постколониальный период) лозунги панарабизма и диктатура партии Баас смогли на какое-то время сплотить сирийскую нацию, способствовать построению нового независимого государства, заложить основы национальной экономики, решить часть социально-экономических задач, то в современных условиях режим исчерпал свои возможности и стал как бы тормозом в дальнейшем поступательном развитии страны.

В этой связи весьма трагичной фигурой и, по сути дела, политическим заложником ситуации стал президент Сирии Башар Асад. Как известно, этот врач-офтальмолог по образованию и опыту работы оказался на посту президента страны в возрасте 34 лет во многом случайно. За несколько лет до смерти отца семейства Хафеза Асада (был президентом в 1971–2000 гг.) погиб в автокатастрофе его старший сын Басел, который уже в то время стал известным военным и государственным деятелем и по праву считался наиболее вероятным преемником Х. Асада на посту президента САР.

Б. Асаду достались застой в экономике, коррумпированный аппарат, нищенский уровень жизни большей части населения страны, не оправдавшая себя националистическая идеология и неустойчивая политическая система. Страна оказывалась во все большей международной изоляции, была даже внесена Госдепартаментом США в список государств, поддерживающих международный терроризм. Внешний долг, по оценкам экспертов, уже на тот период достигал 18–19 млрд долл.

Б. Асад смог по инерции свыше 10 лет оставаться у власти, но оказался неспособным использовать этот период для проведения давно назревших политических и социально-экономических реформ. Сирийский народ так и не дождался отмены чрезвычайного положения, разделения ветвей власти, подлинной многопартийности, создания демократических институтов, построения гражданского общества, равенства всех групп населения по национальному и кон-

фессиональному признакам. Засилье во власти и силовых структурах Сирии арабо-алавитского меньшинства и семейного клана Асадов провоцировало арабо-суннитское большинство и курдов на открытые акции протеста и массовые демонстрации.

По мере бурного роста населения и появления значительного числа образованной молодежи протестные настроения в сирийском обществе нарастали. «Арабская весна» 2011 г. породила и у большей части сирийцев надежды на скорые перемены и вывела сотни тысяч людей на улицы. Жестокие расправы с демонстрантами, применение тяжелого оружия со стороны правительственных войск лишь усугубили ситуацию в стране и спровоцировали дальнейшую эскалацию вооруженного конфликта. К внутренним дестабилизирующим обстановку в стране факторам добавились и внешние.

При Башаре Асаде заметно усилилось влияние Ирана в Сирии и в соседнем Ливане. Сирия превратилась как бы в плацдарм Тегерана в регионе. Через сирийскую территорию перебрасывались грузы военного назначения ливанской исламистской группировке «Хезболла», часть их попадала и в сектор Газа – группировке ХАМАС. Якобы для оказания помощи Б. Асаду в борьбе с боевиками оппозиции в Дамаск были направлены группы спецназа Корпуса стражей исламской революции (КСИР) из Ирана, сирийским властям из Тегерана была оказана существенная финансовая, материальная и военная помощь.

По мнению руководителей монархий Персидского залива и ряда других арабских государств, где у власти находятся арабы-сунниты, возникла реальная угроза распространения в регионе воинственного шиитского направления ислама, образования на Ближнем Востоке так называемой шиитской дуги, или шиитского полумесяца. Примерно в это время начались беспорядки среди шиитских общин в Бахрейне и в Саудовской Аравии, которые были довольно жестко пресечены властями.

Возглавили внешнюю оппозицию Дамаску не скрывавшая до этого своих антипатий по отношению к режиму Башара Асада королевская семья саудитов и эмир Катара. Их поддержали большинство арабских стран, ливанский клан Харири и Турция. США и страны ЕС также оказали помощь сирийской эмиграции, усилили режим ограничительных санкций, политико-дипломатическое, финансово-экономическое и информационно-пропагандистское давление на Дамаск.

Таким образом, сирийская оппозиция получила извне практически неограниченную финансовую, материальную и военную помощь и прочный тыл в соседних государствах. Через границы Турции, Ирака, Иордании, Ливана в Сирию перебрасываются добровольцы, наемники из Афганистана, Пакистана, Йемена, Саудовской Аравии, Ирака, Марокко, Ливии, ряда других стран, дезертиры из сирийской армии и прошедшие ускоренную военную подготовку сирийцы из числа беженцев. В рядах противников режима сражаются и боевики экстремистских исламистских группировок, таких как «Братья-мусульмане», «Тавхид», составляющих костяк формирований Свободной

сирийской армии (ССА), «Ансар аль-Ислам», «Джабга ан-Нусра» и многих других, вплоть до ячеек «Аль-Каиды» и Движения Талибан.

Похоже на то, что спонсоры «сирийской революции» не брезгают ничем в своем стремлении как можно скорее свергнуть режим Б. Асада. Очевидно, они надеются после победы постепенно освободиться от наиболее одиозных «попутчиков» и привести к власти в Дамаске своих протеже. Такая победа кажется еще весьма призрачной, а в Стамбуле, Париже, Вашингтоне, Эр-Рияде, Бейруте, Дохе, ряде других столиц уже ведутся закулисные переговоры с представителями сирийской оппозиции в целях создания будущего сирийского правительства. Вашингтон и Париж не скрывают, что предпочли бы видеть новую сирийскую власть в лице прозападно настроенной сирийской эмиграции, как это уже имело место в Ираке и Афганистане. Анкара делает ставку на высокопоставленных сирийских перебежчиков, которые оказались в Турции.

Есть серьезные основания полагать, что расчеты закулисных «кукловодов» и любителей насаждения своих стандартов демократии могут в Сирии не оправдаться. Как показывает практика, смена режимов в арабских странах завершается приходом к власти исламистских группировок. Современный ислам легко политизируется и превращается в привлекательную для населения стран Ближнего и Среднего Востока идеологию. Вполне реально будет и в Сирии увидеть во главе будущего государства представителей «Братьев-мусульман», салафитов или других исламистов. Пока сирийская оппозиция выглядит весьма разношерстной и противоречивой, у нее нет единого руководства и общенационального лидера.

Что касается возможного участия Башара Асада или его сторонников в дальнейшей политической жизни Сирии, то здесь прогнозы самые пессимистичные. После кровопролитной затяжной гражданской войны и применения в ней тяжелого оружия Б. Асад вряд ли сможет хоть в какой-то форме интегрироваться в будущую сирийскую власть. В лучшем случае ему удастся эмигрировать, как тунисскому президенту Али, но есть серьезные опасения, что он разделит судьбу Хосни Мубарака или Муаммара Каддафи. Окружение президента Сирии будет до последнего цепляться за него, понимая, что бежать некуда, а присутствие президента дает видимость сохранения легитимности власти. Ведь верхушка баасистов, алавитов и силовых структур теряет не только власть, имущество и деньги, возникла реальная угроза их жизням. Вряд ли функционерам режима даже при амнистии со стороны новых властей когда-нибудь вновь удастся устроиться на государственную или военную службу. Скорее всего, их ждет судьба иракских баасистов и саддамовского клана ат-Тикрити, которые оказались выброшенными на свалку истории. Наиболее одиозные фигуры были казнены, другие приговорены к длительным срокам тюремного заключения, часть нашла прибежище в той же Сирии или скрывается в контролируемых суннитами районах Ирака.

Сколько бы ни длилась агония режима Б. Асада, можно с достаточной степенью уверенности говорить о его политическом банкротстве. Время работает на оппозицию, и победить ее в масштабной партизанской войне не представляется возможным. Все-таки большая часть населения страны оказалась не с Б. Асадом. Даже армия частично перешла на сторону оппозиции – именно военные-перебежчики и составили костяк ССА. Часть госслужащих, военнослужащих и полицейских, в том числе и весьма высокопоставленных, дезертировала и скрывается в лагерях беженцев в соседних странах.

Режим Башара Асада продолжают активно поддерживать лишь несколько армейских соединений, укомплектованных арабами-алавитами, полиция и спецслужбы. Сообщения сирийских правительственных СМИ об успешных авиаударах и зачистках армейскими подразделениями отдельных городов и районов от боевиков вооруженной оппозиции не меняют общей картины сирийской катастрофы. Положение усугубляется тем, что при этих масштабных военных операциях гибнут мирные люди: женщины, старики, дети.

Отряды оппозиции пока не могут на равных противостоять регулярной армии, отрядам спецназа. Как правило, под массированными ударами войск боевики рассеиваются, отступают, иногда и в соседние страны, перегруппировываются, вновь пополняются людьми, оружием и боеприпасами и снова вступают в бой. Как уже отмечалось выше, одним из решающих факторов военных успехов оппозиции является ее широкая поддержка из-за рубежа. Б. Асад, по сути, оказался в международной изоляции, блокаде и может рассчитывать только на помощь Ирана, но эта страна, как известно, не имеет общей границы с Сирией. Широкую известность получили факты посадок и досмотров воздушных судов Ирана (в Багдаде), России и Армении (в Турции) на предмет возможного наличия на них грузов военного назначения.

К сожалению, мировое сообщество в лице таких авторитетных международных организаций, как ООН, Лига арабских государств (ЛАГ) и других, оказалось не в состоянии остановить братоубийственную масштабную бойню в Сирии. Более того, ЛАГ практически поддержала сирийскую оппозицию. Здесь сказались и некоторые принципиальные различия в оценках режима Б. Асада в Вашингтоне, Брюсселе, Париже, Москве, Пекине, Анкаре и Тегеране. Наследие «холодной войны» и недоверие между великими державами в вопросах международной безопасности сохраняются. Очевидно, настало время для мирового сообщества найти новые, более эффективные способы предотвращения и прекращения подобных конфликтов. Пока еще весьма робко, но уже прозвучали предложения ряда заинтересованных стран и международных организаций оказать гуманитарную помощь Сирии и рассмотреть возможность проведения масштабной миротворческой операции.

По мере эскалации вооруженного конфликта в Сирии, который уже унес десятки тысяч жизней, вызвал хаос и масштабные разруше-

ния на улицах сирийских городов, все чаще встает вопрос об отношении к нему сирийских курдов. Внутри Сирии и за рубежом есть силы, которым хотелось бы втянуть курдов в борьбу с правительственными войсками и таким образом разыграть «курдскую карту» в своих интересах. Они полагают, что выступление курдов на стороне оппозиции могло бы нарушить сложившийся на сегодня баланс военно-политических сил в стране и ускорить падение режима Б. Асада.

Всячески стремится ускорить события в Сирии Вашингтон и при этом не скрывает, что смена режима в Дамаске позволит США значительно ослабить позиции Тегерана в регионе и привести Иран к еще большей международной изоляции. Помимо США, свою заинтересованность в активизации курдского фактора в Сирии проявляют страны – спонсоры оппозиции (Турция, Саудовская Аравия, Катар и др.). Турция при этом не исключает и своего прямого участия в боевых действиях на сирийской территории под предлогом преследования боевиков турецкой Рабочей партии Курдистана (РПК). Уже сейчас приграничные с Сирией районы Турции превратились в плацдарм сирийской оппозиции и арену боевых действий турецких силовых структур с курдскими повстанцами. Как полагают в Анкаре, активизация партизанских действий РПК на турецкой территории осуществляется не без помощи и поддержки со стороны сирийских властей. В качестве ответного шага турецкое руководство заинтересовано в выступлении сирийских курдов на стороне оппозиции.

Однако, несмотря на тот факт, что в Сирии курды длительное время подвергались дискриминации по национальному признаку и преследованиям со стороны силовых структур правящего в стране режима, курдские лидеры продолжают придерживаться политики нейтралитета во внутриарабском сирийском конфликте. Они дают понять, что «это не их война...», и выражают готовность сотрудничать с любым правительством в Дамаске, которое сможет обеспечить их законные права и свободы в рамках сирийского государства. Они не питают иллюзий в отношении рвущихся к власти в стране арабских исламистов, которые пока никак не обозначили своей позиции по курдской проблеме. Лидеры оппозиции предлагают курдам вступить в альянс против режима Б. Асада, а вопрос о будущем статусе курдских районов намерены обсудить лишь после победы. У курдов есть определенные опасения, что со сменой режима в Дамаске их положение коренным образом не улучшится. Следует учитывать, что Б. Асад за последнее время сделал ряд уступок и конкретных шагов по удовлетворению политических требований курдов. Так, он формально «легализовал» несколько сот тысяч курдов, длительное время проживавших в стране без гражданства, были выпущены из тюрем несколько сот курдских политзаключенных, большая часть армейских подразделений, полицейских и представителей спецслужб покинули районы компактного проживания курдов. Властями был дан также и ряд других обещаний, но в условиях продолжающейся гражданской войны они реально не могут быть выполнены. Насильственно пересе-

ленные властями в предыдущие годы курды пока не могут вернуться к местам своего исторического проживания. Естественно, и арабы, поселившиеся в их домах и на их землях, не могут организованно вернуться на родину. Сохраняются ограничения и на общественную и политическую деятельность курдов, далеко не все политические заключенные из числа курдов вышли на свободу. Все эти нерешенные проблемы политического и социально-экономического характера и используют внешние силы и лидеры оппозиции, чтобы привлечь курдов к более активной борьбе с режимом Б. Асада.

Курды же, избегая открытой вооруженной конфронтации с Дамаском, тем не менее, в условиях ослабления центральной власти, разгула анархии и нарастания реальной угрозы жизням и имуществу мирного населения вынуждены были создать собственное Национальное собрание, Высший курдский совет, советы и комитеты самоуправления и отряды самообороны на местах. В силу этого в районах компактного проживания курдов пока сохраняется относительно спокойная обстановка, функционируют большинство образовательных и медицинских учреждений, суды и т.п. Удастся ли и дальше сирийским курдам сохранять свой нейтралитет в гражданской войне в Сирии или их все же спровоцируют на участие в вооруженной борьбе на стороне одного из участников конфликта? Такой вариант развития событий исключать не следует, но он станет более вероятным в случае признаков скорого поражения режима Б. Асада или предоставления курдам гарантий со стороны оппозиции на соблюдение их законных прав в будущем сирийском государстве. Сирийские курды подчеркивают, что на данном этапе они хотели бы получить права и свободы, которыми пользуются сирийские арабы, одновременно получив возможность создания курдской культурной автономии.

Пока оппозиции не удастся завоевать доверие курдов и инициировать их выступления против правительственных войск. Более того, отмечаются отдельные вооруженные стычки между боевиками ССА и курдскими ополченцами. Так, в конце октября 2012 г. боевики оппозиции обстреляли курдских демонстрантов, протестовавших против растущего кровопролития в городе Алеппо. Среди демонстрантов оказались убитые и раненые, после чего произошли боестолкновения курдов с вооруженными группировками оппозиции, которые предприняли попытку силой установить контроль над районом Ашрафия в северной части города с преимущественно курдским населением. Район считается стратегически важным, так как расположен на возвышенности, откуда хорошо просматриваются и простреливаются соседние кварталы. До этого инцидента Ашрафия оставалась в стороне от войны – боевики оппозиции и военнослужащие правительственных войск предпочитали не вступать в конфликт с курдскими ополченцами. Однако командиры ССА, по-видимому, решили, что контроль над Ашрафией для них важнее курдского нейтралитета. В результате кровопролитных стычек между боевиками оппозиции и курдами погибли, по меньшей мере, 30 курдов, еще около 200 были

захвачены в заложники. В боевых действиях против боевиков оппозиции участвовали главным образом вооруженные отряды сирийской курдской партии «Демократический союз», которая якобы тесно связана с турецкой Рабочей партией Курдистана, ведущей вооруженную борьбу против властей соседней Турции.

Не случайно среди всех стран региона именно Турция наиболее активно поддерживает сирийскую оппозицию, а в последнее время, после серии инцидентов на границе, Анкара приступила к планомерным артиллерийским обстрелам сирийских приграничных районов. Как известно, именно в Турции нашли прибежище ряд высокопоставленных сирийских политиков и военных, здесь же развернуты лагерь беженцев и базы вооруженной сирийской оппозиции. Одно из обвинений, которое Анкара выдвигает режиму Башара Асада, это – поддержка «террористов из РПК» в Турецком Курдистане. Премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган Тайип опасается, что в результате гражданской войны в Сирии курдские районы этой страны обретут статус автономии или субъекта федерации – по примеру Ирака. И тогда, по мнению турецких властей, боевики РПК смогут использовать сирийскую территорию как плацдарм для борьбы с Анкарой. Как сообщалось в турецкой газете «Hurriyet Daily News», Р. Эрдоган официально предупредил президента Иракского Курдистана Масуда Барзани о недопустимости создания автономной курдской области в Сирии. Как считают в Анкаре, помешать такому развитию событий мог бы быстрый захват власти в Дамаске сирийскими оппозиционерами, ориентирующимися на Турцию. Однако этот сценарий выглядит все менее вероятным – война приобретает все более кровавый и затяжной характер. Если локальный конфликт между вооруженной сирийской оппозицией и курдами перекинется из Алеппо на другие районы страны, то это существенно ослабит противников режима Б. Асада, так как им придется распылять свои силы. К тому же курды являются от природы хорошими воинами, многие имеют военные навыки и боевой опыт, располагают необходимым стрелковым оружием, боеприпасами и могут успешно защищать свои дома и районы от любых вторжений извне, будь то правительственные войска или боевики оппозиции. Вряд ли в случае открытого нападения на сирийских курдов останутся в стороне их соплеменники в Турции и Ираке, военная помощь оттуда, безусловно, будет оказана. Что касается дальнейшей эскалации вооруженного конфликта курдов с отрядами сирийской оппозиции и иностранными наемниками, то такой вариант развития событий исключать не следует, но он станет более вероятным в случае новых попыток вооруженной оппозиции вторгнуться в курдские районы.

В качестве примера такой провокации можно привести вспышку насилия в приграничном с Турцией сирийском городке Рас-аль-Айн, населенном преимущественно курдами. Около тысячи боевиков на автомашинах типа «джип», вооруженные автоматами и крупнокалиберными пулеметами, ночью нарушили турецко-сирийскую границу

и попытались закрепиться в приграничных сирийских районах, применяя насилие по отношению к мирным жителям и мародерствуя. Колонну боевиков блокировали правительственные войска и курдские объединенные силы самообороны (ополченцы). В ходе ожесточенного боя банды оппозиционеров были вынуждены отступить в Турцию, среди убитых и пленных оказались боевики «Аль-Каиды» из Йемена и других арабских стран.

Следует заметить, что при общей линии всех курдских группировок на сохранение нейтралитета в гражданской войне в Сирии отдельные курдские лидеры не отказываются и от контактов с представителями оппозиции. «Курды Сирии не стремятся расчлнить свою страну», – заявил в интервью радиостанции «Голос России» заместитель председателя Национального совета курдов Сирии (НСКС) Халед Джамиль Мухаммед¹³. Вопреки прежним утверждениям о позиции курдских партий и организаций Сирии в отношении продолжающегося внутрисирийского конфликта он заявил, что якобы «сирийские курды с самого начала встали на сторону оппозиции и выступают за проведение давно назревших широких реформ в стране». По этой причине, когда в Катаре под эгидой США была сформирована так называемая Национальная коалиция сирийской оппозиции (НКСО), НСКС направил и свою делегацию с целью принять участие в конференции в Дохе (это была единственная организация сирийских курдов, отправившая в Катар своих представителей). Однако Халед Джамиль Мухаммед опроверг сообщения о том, что НСКС вошел в состав проамериканской НКСО: «В Катаре не было принято решения о включении его в состав Национальной коалиции. Разногласия касались как формата новой коалиции, так и участия в ней курдского движения, и, естественно, статуса курдов в будущей Сирии». Эти вопросы еще не нашли своего окончательного решения, но переговоры продолжаются, свидетельствовал зампред НСКС. Тем не менее руководство Национальной коалиции прислало НСКС письмо с приглашением участвовать в конференции «Друзей Сирии» в Марокко (Марракеше), предварительно согласившись назначить курдского представителя одним из трех заместителей главы вновь созданной коалиции. Якобы остальные вопросы, связанные с будущим статусом курдов в Сирии, будут обсуждаться в ходе последующих конференций. Для участия в конференции в Марракеше НСКС направил делегацию из 9 человек. При этом Халед Джамиль Мухаммед не смог не признать, что главное разногласие между НСКС и сирийской оппозицией – это отказ признать национальные права курдов. «В этом отношении, – отметил он, – они не отличаются от баасистов. В Сирии курды борются за свои права не одно десятилетие. Мы не стремимся расчлнить Сирию, а хотим решить курдскую проблему в составе единой страны. Мы готовы обсудить это со всеми группами оппозиции и донести до них наши устремления. Для этого необходимо, чтобы курды были представлены в составе национальной оппозиционной коалиции. Безусловно, мы от своих прав ни в коем случае не

откажемся. Мы не покорились баасистскому режиму и не покоримся кому-либо другому. Права курдского народа для нас важнее всего».

Лидеры сирийских курдов дают понять, что если они не будут услышаны оппозицией, то им придется объединить все свои отряды самообороны и создать единую курдскую армию. Более того, курды не скрывают того, что они рассчитывают и на широкую помощь и поддержку со стороны своих иракских и турецких братьев.

Якобы в конце 2012 г., сообщал Интернет-портал «Элаф» со ссылкой на главу Национального курдистанского совета (НКС) Ширко Аббаса, сирийские курды, установившие в середине этого года контроль над рядом районов на севере Сирии, уже приступили к созданию независимой армии. «Главной задачей создаваемой нами армии является защита территории Сирийского Курдистана от любого вооруженного вмешательства, будь то войска Башара Асада, отряды оппозиционной Свободной сирийской армии или боевики исламистских радикальных группировок», – заявил Ш. Аббас.

По словам этого лидера сирийских курдов, США и страны Западной Европы выразили согласие предоставить военную и финансовую помощь в создании независимой курдской армии, которая, по их мнению, может стать препятствием распространению радикального ислама в Сирии. «Личный состав курдской армии будет формироваться как из курдов, так и из арабов (мусульман и христиан), проживающих в Сирийском Курдистане», – отметил Ширко Аббас¹⁴. То есть речь идет о создании территориальных вооруженных формирований, не подконтрольных Дамаску. Как уже отмечалось выше, сирийские правительственные войска добровольно покинули курдские районы на северо-востоке страны, за исключением двух крупных городов – Хасеке и Камышлы. Все остальные населенные пункты этого региона фактически перешли под контроль курдов.

По мнению проживающего в Германии курдского ученого Юссефа Аслана, в настоящее время понятие «самоопределение» сирийские курды ограничивают рядом общих, довольно скромных, требований, которые не направлены на создание самостоятельного государства, а сводятся к следующему:

- конституционному признанию курдского народа как второго по численности в стране национального меньшинства;
- прекращению любой дискриминации курдов по национальному признаку и насильственной арабизации;
- восстановлению в правах гражданства всех сирийских курдов;
- признанию национальных, политических, социальных и культурных прав и свобод курдов;
- введению образования и СМИ на курдском языке;
- ускоренному социально-экономическому развитию курдских районов.

При этом курды отчетливо понимают, что решение их национальных проблем неотделимо от потребностей общей демократизации Сирии после окончания гражданской войны¹⁵.

Анализируя высказывания представителей различных курдских сирийских группировок и научного сообщества по курдской проблеме в Сирии, можно прийти к выводу о том, что на данном этапе главным для сирийских курдов является получить равные с арабами права и свободы в будущем сирийском государстве при сохранении своей национальной идентичности (язык, культура, нравы, обычаи и т.п.). Вопрос о создании Сирийского Курдистана как самостоятельного государства или субъекта федерации в будущей Сирии пока не стоит. Более того, учитывая разбросанность курдских анклавов на значительной территории страны и наличие арабской части населения между ними, весьма сложным было бы даже создание курдского автономного района в нынешней Сирии. Этим положение сирийских курдов значительно отличается от ситуации в Иракском Курдистане, где курды проживают довольно компактно в трех северных провинциях Ирака и составляют до половины населения в ряде прилегающих районов (провинция Таамим со столицей г. Киркук, другие так называемые спорные территории). Будущее сирийских курдов будет во многом зависеть от исхода гражданской войны в Сирии и отношения будущих властей в Дамаске к решению курдской проблемы в рамках нового сирийского государства.

Примечания

¹ Иванов С.М. Курдская проблема в Сирии. – Курды Западной Азии в XX – нач. XXI века. Проблема самоопределения. М., 2007.

² Там же.

³ Ахмедов В.М. Проблема межконфессионального и межобщинного согласия в современной Сирии. – Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 220–229.

⁴ <http://www.kurdistan.ru/index.php?m=read&a=3219>.

⁵ Иванов С.М. Курдская проблема в Сирии.

⁶ Жигалина О.И. Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. – Курдский вопрос на рубеже тысячелетий. М., 2004. С. 20.

⁷ Юссеф Аслан: http://kurdistan.ru/2012/12/26/articles-17841_Kurdy_Sirii_-_zakryt.html.

⁸ Ahmed M. Kurdish Nationalism and Regional States. – Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Vol. XXIX, № 2, Winter, 2006. P. 17.

⁹ Syrian Court Defers Verdict on Kurd Protectors. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan3/24-5-04-syria-defers-verdict.html>.

¹⁰ Assad Hints at Changes In Official Policy on Kurds. – <http://home/cogeco.ca/-kurdistan3/14-5-04-assad-hints-change.html>.

¹¹ Time to Back Syria's Kurds. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan2/16-4-04-help-kurds-syria.html>.

¹² <http://www.kurdistan.ru/index.php?m=read&a=3219>.

¹³ ИА REGNUM, постоянный адрес статьи – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1355414520>.

¹⁴ РИА Новости. – http://ria.ru/arab_riot/20121210/914226228.html#ixzz2J4muwUQA.

¹⁵ http://kurdistan.ru/2012/12/26/articles-17841_Kurdy_Sirii_-_zakryt.html.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

Иран – страна многонациональная и поликонфессиональная. Однако если в конфессиональном отношении население Ирана более или менее гомогенно (свыше 90% исповедуют ислам¹), то его национальный состав является весьма пестрым.

После победы исламской революции и прихода к власти шиитского духовенства в новой иранской Конституции сохранились те же принципы взаимоотношений государства с конфессиональными меньшинствами, которые были заложены еще в первой иранской Конституции, принятой в период Каджаров. Основной причиной послужило то, что эти религиозные меньшинства, сыгравшие важную роль в истории Ирана, являются неотъемлемой частью населения страны. Согласно статье 13 Конституции ИРИ, свободу религиозного исповедания получили иранские зороастрийцы, иудеи и христиане². По статье 15 Конституции ИРИ им была гарантирована свобода религии, языка и культуры³. Каждая группа имеет своего представителя в меджлисе.

Основными религиозными меньшинствами в Иране являются следующие группы: армяне, ассирийцы и халдеи, евреи, зороастрийцы. К этому списку религиозных меньшинств Ирана можно добавить и приверженцев бахаи, хотя эта группа официально запрещена в Иране (как и до исламской революции).

Все перечисленные группы имеют древнюю историю.

Зороастрийцы – приверженцы древнейшего культа, возникшего в первых веках I тыс. до н.э. в восточных областях Иранского нагорья и получившего широкое распространение в ряде стран Среднего Востока. Зороастризм был господствующей религией в древних иранских государствах, а с начала эпохи Сасанидов являлся даже государственной религией. После завоевания Ирана арабами и падения Сасанидов население постепенно приняло ислам. Лишь незначительная часть зороастрийцев, несмотря на гонения и репрессии, сохранила свою старую веру. В настоящее время в Иране проживает около 50 тыс. зороастрийцев⁴.

Иудеи (евреи). Еще в 538 г. до н.э. персидский царь Курош (Кир) Великий, основатель династии Ахеменидов, завоевав Вавилон и включив его в состав Персидской державы, освободил их поработанных предков. Тогда же Курош издал указ, по которому изгнанным из Иудеи евреям было дано право вернуться на родину; им

* Раванди-Фадаи Светлана Меджидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

были выделены денежные средства на восстановление храма в Иерусалиме. Пользуясь протекцией Куроша, часть освобожденных евреев осела в империи Ахеменидов, и в наши дни Иран по-прежнему является домом для самого большого еврейского сообщества (28 тыс. чел.) вне Израиля на Ближнем и Среднем Востоке. Самые большие еврейские общины располагаются в Тегеране, Ширазе, Исфахане и Хамадане. В стране насчитывается до 40 синагог, из них активно действуют 23, причем только в иранской столице функционируют 11 синагог.

В Иране много святых для иудеев мест: на юге страны – мавзолей ветхозаветного иудейского пророка Даниила; мавзолей Эстер (Эсфирь), спасшей свой народ от истребления в V в. и похороненной на западе Ирана в г. Хамадане. Мавзолей Галеви находится недалеко от г. Кума. Все эти места, а также могилы выдающихся еврейских ученых посещают иудеи, мусульмане и христиане Ирана.

Настоящим центром исторического наследия евреев Ирана является Исфаган: в городе расположены еврейское кладбище, возраст которого составляет более 2 тыс. лет, красивейшая синагога и еврейские мавзолеи⁵.

Христиане⁶. В парфянский период (до III в. н.э.) в Персии было создано несколько епархий, причем Персидская христианская церковь занималась распространением христианства и вне Персии (например, в Китае и Индии). В исламский период в стране существовало несколько христианских общин, самой многочисленной из которых была несторианская. Христианские меньшинства сохраняли свою идентичность и не смешивались.

Во время правления шаха Аббаса I (1588–1629) в Персию были посланные Римской католической церковью проповедники нескольких католических орденов, включая кармелитов⁷, которые переселились в Исфахан и основали здесь значительную католическую общину. В XIX в. к приехавшим в Персию миссионерам добавились французские католики и протестанты⁸. Поначалу ассирийцы (несториане) смотрели на католических миссионеров с недоверием. Армянская же община была настроена враждебно по отношению к католической пропаганде, поскольку опасалась за сохранность своей религиозной и этнической идентичности, связанной с другими традициями христианства. Разногласия между иранскими армянами и миссионерами начались еще в 1700 г.⁹ Чтобы сгладить накал противостояния, англиканская церковь в какой-то момент даже была вынуждена официально заявить, что ее проповеди не направлены на персидскую армянскую паству¹⁰.

Среди основного населения Персии миссионеры пользовались симпатией, поскольку строили школы и больницы¹¹. Эти школы посещали и дети мусульманской элиты. Тем не менее при Реза-шахе миссионерскую деятельность в Иране стали ограничивать. В 1931 г. запретили миссионерство в провинциях, а в 1932 г. гражданам любой конфессии было запрещено посещать миссионерские школы¹². Од-

новременно в 1930-е гг. началось строительство местных учебных заведений, и спрос на миссионерские школы упал.

Армяне – самая большая христианская община в Иране. Как и еврейская, армянская община имеет многовековую историю. Первое упоминание об армянах на территории Ирана содержится в Бехистунской надписи (находится в 40 км к востоку от Керманшаха, 515 г. до н.э.). В ней Дарий I упоминает Армению как часть Персидской империи.

В XI в. армяне бежали на Иранское нагорье от преследований монголов, от турок-сельджуков, а в начале XX в., особенно в период Первой мировой войны, – от турецких погромов. К концу XIX в. в Персии проживало уже около 100 тыс. армян¹³. Большая их часть принадлежит к Армянской Апостольской церкви, епархии которой находятся в Тегеране, Тебризе и Исфахане. Небольшое число армян является католиками и протестантами (евангелистами). Большинство армян проживают в городах, а также в селах вокруг Исфахана и Тебриза и между Араком и Хамаданом. Начиная с эпохи Пехлеви армяне имеют двух представителей в иранском парламенте (один – с севера, другой – с юга). Это единственная немусульманская группа, у которой два представителя в меджлисе.

Ассирийцы и халдеи. Древняя Ассирийская церковь Востока (часто именуется несторианской) является так называемой дохалкидонской церковью, выделившейся в самостоятельную еще в V в. и объединившей большое количество христиан Сирии, Месопотамии и Персии. Ассирийцы, принявшие впоследствии примат папы римского и основные догматы католической церкви, создали собственную параллельную церковную иерархию и стали именоваться халдеями. В настоящее время эта униатская церковь распространена на территориях Ирана и Ирака.

Легенду о том, что несториане – это потомки древней Ассирии (Ашурестана), активно поддерживали в конце XIX в. англиканские миссионеры¹⁴. Впрочем, теория относительно сходства названий «Сирия» и «Ассирия» говорит о том, что оба слова происходят от одного корня и имеет смысл называть все разветвления христианства на Востоке ассирийскими¹⁵. Например, члены яковитской общины в Турции называются ассирийскими яковитами¹⁶, тогда как халдеи называются ассирийскими католиками¹⁷. Американский исследователь Дж. Якуб утверждает, что все ассирийцы – это приверженцы несторианской церкви и к ним причисляются и католики, и протестанты¹⁸.

Эти утверждения вызывают недоумение и основаны на путанице из-за неясности в вопросе: ассирийцы – это этническая или религиозная община? Например, исследователь Ариан Ишая видит в них отдельную этническую группу, населяющую территорию у современных границ между Ираном и Турцией уже много веков. Это доказывает, что они присутствуют в Персии уже с I в. н.э., а скорее всего, и ранее. Получается, что ассирийцы исповедуют христианство разных толков, а потому существуют несторианская, халдейская, православ-

ная, яковитская и протестантская общины¹⁹. С этой точки зрения халдеи в этническом плане являются ассирийцами, и они сами говорят о своей ассирийской идентичности, которая не имеет прямого отношения к их конфессиональной принадлежности.

Ассирийцы-униаты имеют в Иране три епархии – в Тегеране, Урмии и Ахвазе²⁰, тогда как несториане – только Тегеранскую. В политическом измерении тонкость вопроса самоидентификации халдеев заключается в том, что они могут претендовать на отдельное место в меджлисе для своего представителя, если признают себя отдельной этнической группой. Во время обсуждения новой Конституции в 1979 г., когда оговаривали число депутатов от религиозных меньшинств в Совете экспертов, представитель ассирийской и халдейской общины утверждал, что у ассирийцев и халдеев должны быть два депутата для каждой группы²¹. Этот пункт Конституции 1906–1907 гг., тем не менее, был оставлен без изменения, и ассирийцы и халдеи получили только одно депутатское место.

Во время Первой мировой войны большинство христиан проживало на территории Азербайджана (Урмия–Резайе)²², в Османской империи, Персии и России²³. В 1897 г. иранские несториане, возглавляемые азербайджанскими ассирийцами, обратились с просьбой к Русской Православной Церкви принять их, в результате чего русское влияние в этом регионе значительно усилилось в противовес западным миссионерам. Это имело неоднозначные последствия. С одной стороны, противостояние как между христианами и мусульманами, так и между различными христианскими течениями усилилось, а с другой – присутствие русской армии послужило христианам своего рода щитом, особенно от враждебно настроенных курдов²⁴.

В середине 1970-х гг. почти 15 тыс. из 30 тыс. ассирийцев жили в Тегеране, а около 40% и сейчас еще живут в Урмии и ее окрестностях²⁵. В 1990-х гг. число ассирийцев и халдеев в Иране сократилось до 16–18 тыс.²⁶ Большинство из них составляют первые, тогда как халдеи традиционно проживают в провинции Хузистан, в основном в Ахвазе. Патриархия Ассиро-халдейской церкви располагается в Багдаде²⁷.

* * *

Наиболее острые проявления национальных и конфессиональных противоречий в Иране пришлись на 1981–1983 гг., когда шли процессы полной исламизации во всех сферах жизни: в общественной, культурной, образовательной. В первые годы после победы исламской революции отношение к религиозным меньшинствам было неоднозначным: основной пик проблем в этой области пришелся на начало 1980-х гг. Остановимся на трех аспектах проблемы религиозных меньшинств в Иране – религиозной жизни, образовании и общественных отношениях.

Что касается религии, то каждое религиозное меньшинство имеет право справлять свои обряды, ритуалы и праздники. Но если это

касается публичного шествия или религиозного представления, то для получения разрешения на это они обязаны обратиться в Министерство культуры и исламской ориентации²⁸ и предоставить тексты выступлений. Если текст будет не на персидском языке, то к оригиналу должен быть приложен перевод на персидский²⁹.

Каждый год в Иране издаются религиозные календари, и перед тем, как их направлять в типографию, они должны пройти цензуру департамента публикаций Министерства культуры и исламской ориентации. С первых дней исламской революции лидеры основных религиозных меньшинств были предупреждены о запрете на прозелитизм (распространение своей религии, особенно на обращение мусульман в другую религию). Все лидеры религиозных меньшинств подписали декларацию о недопущении мусульман в свои религиозные центры³⁰.

Даже в разгар исламской революции в Иране не было зафиксировано значительных разрушений или конфискаций храмов, синагог. Имевшие место отдельные случаи носили локальный характер и не являлись следствием государственной политики. Но такие случаи все-таки были. Так, например, в 1979 г. были осквернены два зороастрийских храма, а в начале 1980 г. наблюдались случаи вандализма на некоторых армянских кладбищах и в церквях (в северных городах Ирана – Реште, Анзали, Горгане, Сари)³¹. Известен эпизод, когда «стражи исламской революции», рассмотрев росписи на библейские сюжеты главной армянской церкви в Тегеране, выразили недовольство изображением Христа в полуголом виде и потребовали покрыть его фигуру одеждой. Художнику, который жил за границей, пришлось прилететь в Тегеран и внести изменения в роспись³². Пожалуй, лишь этот последний эпизод можно связать с государственной политикой, так как инициатором акции являлся Корпус стражей исламской революции (КСИР).

Свою специфику в отношении религиозных и национальных меньшинств имеет и судебная система Ирана. В основном это касается имущества или статуса личности (бракосочетания, разводы, усыновления, получение наследства и т.п.). Существует особый комитет под наблюдением религиозного лидера для каждой конфессиональной общины. Окончательное решение утверждает специальное государственное агентство, но обычно оно поддерживает решения лидеров комитетов религиозных меньшинств (например, комитет общины разрешил кому-то развестись, и чаще всего государственное агентство поддерживает это)³³.

Нередко возникают и проблемы бюрократического характера. Приведем пример. Пожилой женщине не разрешили получить наследство, несмотря на то, что она предоставила все необходимые документы и разрешения от соответствующих религиозных комитетов, поскольку чиновник был женоненавистником и считал, что женщинам наследство не полагается. Женщина подала в суд, и мусульманский судья удовлетворил ее иск, хотя чиновник продолжал отказываться

выполнять решения суда. В конце концов он подчинился давлению сверху³⁴. Но с такими проблемами могут столкнуться и сами шииты. То же самое касается и членов семьи, которые приходят с просьбой о разводе или установления опекуна над детьми. Решение комитета отправляется на окончательную апелляцию в вышеупомянутое агентство³⁵. Если представитель религиозного меньшинства обращается в суд, чтобы обойтись без решения своего религиозного комитета, в большинстве случаев суд требует вынесения решения религиозного комитета соответствующей общины, несмотря на то, что у агентства авторитет выше, но чаще всего оно не идет против решения религиозного комитета.

Образование – самый сложный момент межнациональных отношений. На протяжении всех лет после исламской революции наблюдались изменения в политике образования религиозных меньшинств в ИРИ. Так, в 1979–1981 гг. школы работали, как и при шахском режиме. Считалось, что школы работали хорошо благодаря Мехди Базаргану, Мохаммаду Бехешти и Мохаммаду Джавад Бахонару³⁶. Но после снятия Базаргана, начала войны с Ираком и убийства Бехешти и Бахонара борьба за влияние над школами усилилась. В конце 1981 г. стала осуществляться государственная политика давления на школы. Религиозно-образовательные вопросы очень быстро политизировались. В первую очередь власти потребовали, чтобы некоторые школы изменили свои названия. Например, ассирийская школа для девочек «Сусан» стала называться «Марьям». Больше всех пострадали зороастрийские школы, но некоторым все-таки удалось сохранить свои названия, например известной школе «Ануширван» для мальчиков в Тегеране. Большое давление было оказано на школы, которые носили имена шахов и шахинь³⁷. Нужно отметить, что аналогичная политика проводилась по всей стране, когда менялись названия городов, поселков и улиц.

Государство потребовало обязательного разделения всех школ по половому признаку по всей стране. Что касается религиозных меньшинств, то они должны были сами решить, как разделить школы по половому признаку. Был издан также указ, который запрещал нахождение храма, церкви или синагоги на территории школы, чтобы мусульмане, посещающие эту школу, не были бы обращены в эту религию. Еврейских школ «Абришами» и «Рахе данеш» в Тегеране, где синагога находится на верхнем этаже, эта проблема не коснулась. Однако этот указ был приведен в исполнение в отношении армянской школы «Кушеш» в Тегеране, где пришлось построить стену, чтобы отделить церковь от здания школы. Что касается ассирийской школы, то отделить ее от храма ввиду небольшой площади школы было невозможно. В результате государство приобрело эту школу и закрыло ее. Ассирийская община оспаривала это решение до конца 1990-х гг., но безрезультатно³⁸. До 1997 г. не была также решена проблема с возвратом еврейской общине школы для мальчиков в Тегеране³⁹. Эти споры представляли собой открытый диалог между

государством и религиозными меньшинствами и чаще всего не освещались в СМИ. Из-за нехватки школ для мусульман и небольшой записи в ассирийские, зороастрийские и халдейские эти конфессиональные школы принимают мусульманских учащихся, но они ходят в другие классы, когда изучают религию. Некоторые учащиеся из религиозных меньшинств поступают в мусульманские школы, но их намного меньше, чем до революции. Частично благодаря большому числу учащихся и упорству Армянской Апостольской церкви в большинство армянских школ ходят в основном армяне и небольшое число ассирийцев и халдеев⁴⁰.

Следует отметить три важных момента в политике ИРИ в 1983 г., повлиявших на свободу образования среди религиозных меньшинств:

1. назначение мусульманских директоров, учителей, мулл и радикальных элементов в школах для меньшинств;
2. сокращение или отмена преподавания на языке религиозного меньшинства;
3. прямое вмешательство в преподавание основ религии.

Хотя языковой вопрос не затронул зороастрийцев и слегка коснулся евреев, он имел большое значение для армян, ассирийцев и халдеев. Для последних трех групп язык и религия взаимосвязаны.

Хотя в дореволюционное время тоже назначали мусульманских директоров и преподавателей, это мешало работе школ. Например, в 1983 г. директором зороастрийской школы «Ануширван» была назначена женщина-мусульманка. Она стала посмеиваться над зороастрийскими принципами, не разрешала школьникам собираться по пятницам, чтобы изучать зороастризм (пятница в Иране – выходной, и очень многие изучают в этот день свою религию). По своей инициативе она организовала изучение ислама, а ее высказывания вызвали недовольство среди зороастрийских учащихся. В армянской школе «Анушан» мусульманский мулла преподавал религию детям христиан в течение года. В школе для мальчиков «Гоухар» ректор заставил учащихся кричать «Аллах Акбар» при входе в класс. Когда они отказались, он запретил им ходить на занятия и закрыл школу на несколько дней. Но в тех случаях, когда религиозные меньшинства начинают протестовать, Министерство культуры и исламской ориентации вмешивается, и занятия возобновляются. Эти проблемы были неоднократно озвучены представителями религиозных меньшинств в меджлисе⁴¹.

Проблема языка в основном коснулась армян, так как зороастрийцы говорят на персидском, и преподавание ведется на персидском языке. Халдеи и ассирийцы (их меньшинство) сразу согласились, что обучение будет вестись не на арамейском языке.

В ноябре 1981 г. было запрещено преподавание на армянском языке в армянских школах. В ответ армянские школы не работали одну неделю по всей стране. Когда учащиеся вернулись в школы, то они отказались заниматься или участвовать в занятиях. Давление на армянскую общину продолжало усиливаться. Правительство решило

отнять известный стадион «Арапат» в Тегеране, который принадлежал армянской общине⁴². Возможно, что это было личным желанием некоторых политиков, а может быть, это была организованная попытка оказать давление. После всех этих событий Министерство образования выпустило буклеты, в которых было указано, что религиозные меньшинства должны обучаться на персидском языке⁴³. Конфликт продолжался в течение всего 1982 г., стороны вели переговоры, обменивались письмами, продолжались дискуссии между представителями общины и представителями государства. В армянских школах продолжалось преподавание на армянском языке, велись занятия по христианским основам религии. К началу 1983 г. армянской общине стало ясно, что новый режим угрожает образовательной и языковой автономии. В открытом письме в Министерство образования прелат Артак Манукян передал ряд требований от армянской общины⁴⁴. Армянские депутаты в парламенте продолжали настаивать на взаимной связи между языком, культурой и религией. Они выдвинули аргумент, что если основы христианской религии будут преподаваться не на армянском языке, это будет рассматриваться как попытка обратить мусульманина в эту религию⁴⁵. Но этот шаг не привел ни к какому результату. В ответ на требования армянской общины министр образования сделал следующее заявление: религиозное обучение в школах для всех меньшинств должно вестись на персидском языке, время, выделенное на преподавание на армянском языке, должно быть сокращено и по возможности убрано из учебных программ⁴⁶.

В конце 1983 г. Министерство образования отправило инструкцию прелату А. Манукяну, в которой просило подготовить вопросы, которые будут на экзамене по религии. Вопросы были предоставлены на армянском языке, Министерство попросило их перевод; перевод был отправлен. Министерство попросило, чтобы этот перевод и был использован. Прелат повторил, что, как и в прошлые годы, экзамены будут проводиться только на армянском языке. Министерство на это письмо не ответило, но в день экзаменов вопросы были представлены на персидском языке, при этом было заявлено, что прелат согласился вести экзамены на персидском. Это вызвало недоумение, большинство учащихся отказалось сдавать экзамен, в ответ чиновники Министерства образования не стали принимать экзамен⁴⁷.

В ноябре 1983 г. Министерство образования издало формальный указ директорам школ всех религиозных меньшинств, к которому были приложены все пункты, высказанные еще в 1981 г.: преподавание религии должно вестись только на персидском языке; все тексты должны быть согласованы с Министерством образования; все школы должны получить разрешение на проведение любых обрядов, включая и религиозные праздники; женщины-преподаватели и учащиеся должны соблюдать исламские принципы ношения одежды; преподавание на армянском языке должно сократиться до двух часов в неделю⁴⁸.

Несмотря на этот указ Министерства образования, некоторые школы продолжали работать, как и раньше, другие – убрали армянский язык из учебного плана, сократили преподавание армянского языка до двух часов. В ряде школ продолжали преподавать религию, в других – перестали. В течение 1984 г. давление усиливалось, и Министерство образования отменило даже запланированные выборы Епархиального совета⁴⁹.

Весной 1984 г. конфликт по поводу преподавания религии на армянском языке достиг кульминационного момента, когда внезапно закрыли более 12 армянских школ⁵⁰. Государство не уступало, и на одной из пятничных молитв Рафсанджани, который был в то время председателем меджлиса, сказал, что «армянские учащиеся хотят, чтобы преподавали по их религиозным книгам на армянском языке, но это противоречит Конституции ИРИ. Армяне могут изучать свою религию на армянском языке вне государственных школ»⁵¹.

К лету 1984 г. международные СМИ уже открыто освещали этот конфликт по всему миру. Армянская церковь Тегерана выступила с заявлением, в котором осудила внешнее вмешательство. Она назвала конфликт внутренним делом, который необходимо решить дружеским путем, непосредственным диалогом с властью. В этом заявлении подчеркивалась солидарность армянского народа с иранцами в революции и в войне с Ираком⁵². Община была обеспокоена, что любой международный голос, поднятый в защиту армянских прав и против иранского государства, может быть использован, чтобы подорвать авторитет ИРИ и ухудшить отношения между армянами и иранским государством. Напомним, что в тот момент Иран воевал с Ираком, который поддерживал Запад.

Надо учитывать еще один фактор. Иранские власти столкнулись с дилеммой: если разрешить преподавать армянам на родном языке, то как быть с арабами, с азербайджанцами и т.п. В связи с этим хотелось бы отметить, что вопрос о том, в какой степени государство должно разрешать отдельным этническим группам развивать свою особую идентичность, является крайне непростым. В конце концов участники конфликта согласились вести занятия на армянском языке два часа в неделю⁵³. Но единообразия по всему Ирану в этом вопросе не было. Например, в Исфахане отводили больше часов для изучения языка (от 6–8 часов). В Реште или в Тебризе местные власти контролировали это правило не очень строго. Тегеран отличался большей строгостью и жесткостью контроля над национальными школами. Там за решением проблемы необходимо было обращаться непосредственно в Министерство образования, а в провинции можно было апеллировать к местному ведомству образования⁵⁴.

Таким образом, языковой конфликт говорит о некоторых интересных чертах теократического режима и о его отношении к религиозным меньшинствам. Судя по всему, у исламского режима не было единообразной и строгой позиции, позволялось высказывать разные

мнения, отношения между меньшинством и властью нередко зависели от позиции местной власти и ее отношений с центром.

Любопытен еще один эпизод. Для изучения религии в школах религиозных меньшинств в Иране была выпущена книга «Религиозные учения для религиозных меньшинств: евреев, зороастрийцев и христиан». Автор книги не известен, и она использовалась только на курсах по религии, разрешенных в школах для религиозных меньшинств. Этот курс преподавался мусульманскими преподавателями (3 часа в неделю). Содержание книги частично исламское, частично общего духовного характера. Представители национальных меньшинств неоднократно отправляли против этой книги индивидуальные и коллективные письма-протесты. Возражения недовольных были следующими: 1) учебник нарушает статью 13 Конституции ИРИ, которая гарантирует свободу «религиозного воспитания согласно своему учению»; 2) поскольку в книге приведены и открытые, и скрытые смыслы, выдержки из Корана, это означает, что ее целью является распространение ислама среди обучающихся представителей национальных (конфессиональных) меньшинств; 3) требование обнародовать имя автора и степень его образованности. В письмах также подчеркивалось, что иудеи, зороастрийцы и христиане сами могут подготовить религиозные учебники для своих общин. Недовольство достигло своего апогея в 1982 г. Письма были проигнорированы. Необходимо напомнить, что все учебные пособия, изданные при шахе, были пересмотрены спустя девять недель после того, как аятолла Хомейни вступил в 1979 г. на иранскую землю. Новые учебные пособия жестко критиковали западный национализм, социализм, сионизм, светский образ жизни.

Пик проблем с религиозными и этническими меньшинствами пришелся на разгар исламской революции. Новые иранские власти запретили представителям религиозных меньшинств занимать руководящие должности, а также нести службу в армии. В первые годы после революции немусульмане не допускались к работе, связанной с общественным питанием, поскольку считалось, что они могут осквернить пищу для мусульман. Дискриминация в отношении религиозных меньшинств осуществлялась и в армии. В самом начале революции в иранском парламенте в ходе обсуждения законов о военной службе было принято решение, что при призыве в армию немусульмане могут служить только как рядовые; они не имели права работать в Министерстве обороны и в его учреждениях или подниматься вверх по служебной лестнице. Запреты объяснялись тем, что если немусульманин достигнет определенных высот по службе, то в таком случае он станет отдавать приказы мусульманину, а это противоречит Корану и Конституции ИРИ, в которой говорится, что «армия в Иране является исламской»⁵⁵ и вся страна подчиняется исламскому правительству. Представители религиозных меньшинств выступили с протестами, потребовав, чтобы положение в Законе о военной службе о том, что «работник должен быть мусульманином», заменили на

«должен принадлежать к одной из официально признанных религий в стране». Требование представителей религиозных меньшинств одобрено не было⁵⁶.

Примечания

¹ Очень сложно, а вернее, почти невозможно, получить точные данные о численном составе религиозных меньшинств Ирана: разные источники дают различную информацию, разброс цифр достаточно велик. Есть основания полагать, что некоторые источники стараются скрыть число мусульман, перешедших в другую религию, тогда как другие источники могут, наоборот, преувеличивать численность представителей религиозных меньшинств.

² Статья 13 Конституции ИРИ гласит: «Иранские зороастрийцы, иудеи и христиане являются единственными религиозными меньшинствами, которые могут свободно осуществлять свои религиозные обряды в рамках закона и поступать в гражданских делах и в сфере религиозного воспитания согласно своему учению» (Весна свободы. М., 1994. С. 73).

³ Статья 15 Конституции ИРИ гласит: «Официальным и общим языком и алфавитом для иранского народа являются персидский язык и персидский алфавит. Официальные документы и тексты, официальная переписка и учебники должны быть написаны на этом языке этим алфавитом, однако местные национальные языки могут свободно использоваться наряду с персидским языком в прессе и иных средствах массовой информации, а также для преподавания национальных литератур в школах» (Весна свободы. С. 73–74).

⁴ Подробнее см.: Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране (Историо-этнографический очерк). М., 1982.

⁵ См.: Раванди-Фадаи Л.М. Еврейская и армянская диаспоры в Иране: гуманитарный аспект. – <http://www.central-eurasia.com/iran/?uid=348>.

⁶ Подробнее о религиях в Персии см.: протоиерей Смирнов А.В. Курс истории религии. М., 2013. С. 207–227.

⁷ Члены католического монашеского ордена, связанного традициями с духовностью монахов-отшельников (эремиты) с горы Кармель (Палестина) во второй половине XII в.

⁸ Для подробного ознакомления распространения христианства в Иране см.: Russell. Christianity. P. 523–528; Sundermann W. Christian Manicheism. P. 535–539; Armajani Y. Christians – Christian Missions in Persia. P. 544–547. – Encyclopaedia Iranica. Vol. V. L., 1973; а также: Waterfield R.E. Christians in Persia: Assyrians, Armenians, Roman Catholics and Protestant. L., 1973. P. 175–176.

⁹ Joseph J. Muslim-Christian Relations and Inter-Christian Rivalries in the Middle East: The case of the Jacobites in an Age of Transitions, Albany. N.Y., 1983. P. 38–39.

¹⁰ Waterfield R.E. Op. cit. P. 165.

¹¹ Schwartz R.M. Missionaries on the Rezayeh Plain. – Iran, Muslim World, 69, № 2 (апрель 1979). P. 81.

¹² Waterfield R.E. Op. cit. P. 169.

- ¹³ См.: Раванди-Фадаи Л.М. Еврейская и армянская диаспоры в Иране: гуманитарный аспект.
- ¹⁴ Joseph J. The Nestorians and Their Muslim Neighbors: A Study of Western Influence on Their Relations. Princeton, 1961. P. 3–18.
- ¹⁵ Joseph J. Muslim-Christian Relations and Inter-Christian Rivalries in the Middle East. P. 150.
- ¹⁶ Naby E. The Iranian Frontier Nationalities: The Kurds, the Assyrians, the Baluchis, and the Turkmens. – Soviet Asian Frontiers. N.Y., 1979. P. 84.
- ¹⁷ Jay M. Rasooli, Cady H. Allen. The Life Story of Dr. Sa'eed of Iran: Kurdish Physician to Princes and Peasants, Nobles and Nomads. Pasadena (CA), 1983. P. 23.
- ¹⁸ Yacoub J. The Assyrian Question. Chicago, 1986. P. 5.
- ¹⁹ Ishaya A. Family and Household Composition Among the Assyrians of Iran: The Past and the Present. – Women and the Family in Iran. Leiden, 1985. P. 215.
- ²⁰ Macuch R. Assyrians in Iran: The Assyrians Community (Asurian) in Iran. – Encyclopaedia Iranica. Vol. II. P. 820.
- ²¹ Комиссия 61 сессии, 15 абана 1358. P. 1667–1668.
- ²² Yacoub J. The Assyrian Question. Chicago, 1986. P. 5.
- ²³ Joseph J. The Nestorians and Their Muslim Neighbors. P. 38–39.
- ²⁴ Ibid. P. 120–129.
- ²⁵ Ishaya A. Op. cit. P. 221.
- ²⁶ Sanasarian E. Religious Minorities in Iran. N.Y., 2000. P. 43.
- ²⁷ Joseph J. Muslim-Christian Relations and Inter-Christian Rivalries in the Middle East. P. 144–146.
- ²⁸ Министерство называлось *Vezeerat-e ErshadeEslami* (Министерство исламской ориентации) до того, как в парламенте изменили название на *Vezeerat-e Farhangva Ershad-e Eslami* (Министерство культуры и исламской ориентации). В введении министерства находятся паломничество, туризм, издательские дома и публикации в ИРИ, а также все новостные агентства (СМИ).
- ²⁹ *Ruznameyerasmi: Mozakerate Jalaseye Alaniye Shoraye Islami, Mashruh-e Mozakerat-e Majles-e Shoraye Eslami* (Tehran: Majles-e Shoraye Eslami), 30 Azar 1365. P. 27.
- ³⁰ Единственный, кто отказался подписывать эту декларацию, был президент совета протестантской церкви в Иране епископ Хаик Ховсебян (в 1994 г. его не стало). См.: *Mejrh Mojdeh* 15, № 1–2 (весна–лето 1994). С. 4.
- ³¹ *Mozakerat-e Majles*, 9 Ordibihesht 1361, 303. P. 15.
- ³² Личное интервью автора со старостой Армянской Церкви в Тегеране в 2000 г.
- ³³ Sanasarian E. Op. cit. P. 74.
- ³⁴ Ibid. P. 75.
- ³⁵ Структура иранской судебной системы довольно сложная. Она разделена на 5 видов судов: специальные гражданские суды, которые рассматривают личные дела и семейный закон; общие суды, которые относятся к гражданским делам; уголовный суд, который разделен на два уголовных суда; военный суд и исламские революционные суды.
- ³⁶ Parviz Malekpoor. *Soroosh*, 17 Mordad 1360. P. 108.
- ³⁷ Sanasarian E. Op. cit. P. 77.

³⁸ Ibid.

³⁹ Chashm Andaaz 57, September 1997. P. 80.

⁴⁰ Sanasarian E. Op. cit. P. 77.

⁴¹ Mozakerat-e Majlis, 16 Day 1365, 359. P. 18 и от 12 Khordad 1362, 473. P. 14.

⁴² Iran Times, 4 December 1981. P. 6.

⁴³ Alik, 19 January 1983. P. 2.

⁴⁴ Iran Times, 15 April 1983. P. 5.

⁴⁵ Mozakerat-e Majles: 9 Ordibehesht 1361, 303. P. 15; 16 Shahrivar 1361, 356. P. 17–19; 12 Khordad 1362, 473. P. 14.

⁴⁶ Iran Times, 15 April 1983. P. 5.

⁴⁷ Iran Times, 2 September 1983. P. 1, 6, 14.

⁴⁸ Sanasarian E. Op. cit. P. 80.

⁴⁹ Iran Times, 27 April 1984. P. 2, 16.

⁵⁰ Iran Times, 8 June 1984. P. 2.

⁵¹ Iran Times, 22 June 1984. P. 2.

⁵² Iran Times, 6 July 1984. P. 2, 16.

⁵³ Sanasarian E. Op. cit. P. 82.

⁵⁴ Ibid. P. 83–84.

⁵⁵ Статья 144 Конституции ИРИ гласит: «Армия Исламской Республики Иран должна быть исламской, то есть религиозной и народной армией, и должна принимать на службу достойных лиц, преданных целям исламской революции и готовых пожертвовать ради них» (Весна свободы. С. 94).

⁵⁶ Sanasarian E. Op. cit. P. 84–93.

*М.С. Каменева**

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ В ИРИ

На фоне сложившихся между Ираном и Израилем непростых межгосударственных отношений на современном этапе особый интерес приобретает изучение положения еврейской общины в ИРИ. Точных данных о численности евреев, проживающих на территории современного Ирана, в настоящее время не существует. Считается, что еврейская община в ИРИ составляет приблизительно 25–30 тыс. человек. Вместе с тем она является самой значительной на Среднем Востоке и по величине может сравниться лишь с еврейской общиной в Турции. Евреи, как, например, армяне, ассирийцы, зороастрийцы, относятся к национальным и религиозным меньшинствам, проживающим в иранском государстве, и вместе с ними испытали выпавшие на их долю после исламской революции 1979 г. тяготы – это гонения, попрание законных прав, ограничение свобод и многое другое. Следует отметить, что в это время Иран покинуло около 50–55 тыс. иранских евреев. Вместе с тем современные иранские евреи гордятся как своими еврейскими корнями, так и принадлежностью к иранской цивилизации¹, поскольку их предки обосновались на территории современного Ирана почти три тысячи лет тому назад, когда были освобождены Киром Великим (Курошем), основателем династии Ахеменидов, из вавилонского рабства. В знак уважения к этому персидскому царю одна из улиц Иерусалима названа в его честь, и указатель с названием дается на трех языках – иврите, персидском и английском².

У евреев в Иране глубокие историко-культурные корни, их традиции тесно переплелись с иранскими. Так, например, у иранцев существует обычай отмечать на 13-й день после Ноуруза (иранского Нового года) праздник «Сиздах бедар», покидая дома и выезжая за город, поскольку они видят в числе 13 дурное предзнаменование. У евреев также есть праздник «День природы», который проходит похожим образом – они покидают свои дома, едут за город, поминают умерших родственников. На территории Ирана сохранились памятники материальной культуры, связанные с историей иранских евреев, которые почитаются и иранцами. Самыми значительными из них по общемировому признанию являются мавзолей Эстер и Мордехая в г. Хамадан (древние Экбатаны) и усыпальница пророка Даниила в г. Шуш (древние Сузы), который, возможно, был первым, кто принес

* Каменева Марина Самуиловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

на эти земли почитание Единого Бога и кого иранцы считают отчасти своим святым. Что касается Мавзолея Эстер (библейское Эсфирь) и Мордехая, то, по легенде, Эстер (которой посвящена целая книга Ветхого Завета, названная Книгой Эсфирь), обладая необыкновенной красотой и став в результате дворцовых интриг женой Артаксеркса, одного из царей династии Ахеменидов, способствовала существенному улучшению положения евреев на завоеванных Ираном землях. Именно ее влияние на могущественного мужа и следование советам дяди Мордехая способствовали тому, что евреи Экбатан получили невиданные ранее льготы. А в честь одержанной победы они провозгласили праздник Пурим³. Эти примеры можно дополнить также священным для евреев религиозно-историческим памятником и местом поклонения Эстерахатун, который находится в окрестностях Исфагана. На его стене закреплена каменная плита с надписью на иврите, принадлежащая, по мнению немецкого востоковеда и археолога Э.Э. Херцфельда, царице Шушандохт, жене одного из сасанидских царей – Йездигерда⁴. Все значимые исторические памятники еврейской культуры почитаются в Иране и неотделимы от общеиранских цивилизационных ценностей. Видимо, поэтому от иранских евреев можно услышать, что они ощущают себя прежде всего иранцами, а потом евреями. Надо сказать, что в современном персидском языке «еврей» переводится двумя словами – yahudi и kalimi, однако именно последнее в большей степени используется в отношении иранских евреев, чтобы, видимо, провести разделительную черту между иранскими евреями и их соплеменниками, проживающими в Израиле.

Иранские евреи проживают в основном в крупных городах. Почти половина их обитает в Тегеране, еврейские общины есть также в Ширазе, Исфагане, Йезде, Хамадане, Керманшахе и некоторых других городах страны. Точной информации относительно количества синагог на территории страны нет. Так, Ассоциация евреев Тегерана считает, что их около 100, а 26 из них расположены в столице. По другим сведениям, в Тегеране их 7, 22 и так далее. Но при этом отмечается, что 2 синагоги в Тегеране и 1 в Ширазе являются самыми большими с вместимостью до 500–600 человек, и все основные религиозные обряды проводятся именно в них, хотя они являются сравнительно новыми – им не более 40 лет. «Юсеф-Абад» – одна из самых известных синагог в Тегеране⁵. Что касается Исфагана, то, по официальным данным, там имеется 21 синагога, а в функционирующих свободно отправляются религиозные обряды⁶. Следует также отметить, что в современном Иране новые синагоги не открываются, что связано с сокращением численности евреев по причине эмиграции, однако в городах с большими общинами старые синагоги реставрируются, поскольку представляют собой и культурно-историческую ценность. Несколько синагог в Тегеране, Йезде и Исфагане с точки зрения своей архитектуры являются уникальными и находятся под охраной Иранской организации по охране культурных памятни-

ков. По информации Ассоциации евреев Тегерана, еврейская община в Иране, помимо синагог, имеет в своем распоряжении специальные школы, культурные комплексы, студенческие и женские центры, библиотеки, учебные компьютерные и музыкальные центры, залы (помещения) для заседаний и собраний, специальные места для резания скота в соответствии с требованиями иудаизма⁷. Еврейские дети и молодежь не лишены возможности получить религиозные знания, и формально религиозное обучение продолжается вплоть до завершения высшей школы по предложенным Министерством образования учебным пособиям. Оно идет в часы, отведенные мусульманам для изучения Корана и основ ислама. Кроме того, возможно посещение дополнительных занятий по изучению Торы и Талмуда при синагогах.

Обращаясь к вопросу о структуре и содержании системы образования для иранских евреев, следует говорить об образовании традиционном и современном. Традиционное образование сформировалось в Иране в XIX в., и образовательный процесс проходил в специальных учебных заведениях, которые назывались мактабхане или хане молла и располагались в синагоге или в доме раввина. Там обучались как мальчики, так и девочки в возрасте от 3–4 до 17 лет. Тогда в Иране не было специальных образовательных учреждений для подготовки преподавательского состава. Процесс обучения шел на иврите. Все учили еврейское право, историю библейского периода, иврит в основном через изучение священных текстов, что не давало большинству учащихся глубоких знаний по этому предмету, основанных на знании письма и обладании навыками разговорной речи. Изучение персидского языка как самостоятельного предмета и еврейско-персидской литературы отсутствовало⁸.

Процесс модернизации системы образования для иранских евреев начался также с XIX в. и шел по западному образцу, причем в этом процессе приняли активное участие христианские миссионеры, которые со второй половины XIX в. начали открывать учебные заведения также и для еврейских детей, пользовавшиеся наибольшим успехом среди учащихся Исфагана, Тегерана и Хамадана, прежде всего из малообеспеченных семей, поскольку там детей бесплатно кормили и даже одевали. В них преподавали различные предметы, в том числе персидский и английский языки и даже иврит. Вместе с тем большинство еврейских семей все-таки хотело дать своим детям традиционное образование, отправляя их сначала в еврейские мактабы, позже – в еврейские школы нового образца, первые из которых появились в Иране в 1898 г. В это время при содействии Альянса* были закрыты мактабы старого образца, где процесс обучения имел яркую религиозную окраску, и в Тегеране, Хамадане, Исфага-

* Имеется в виду Всемирный еврейский союз, основанный в 1860 г. в Париже для защиты евреев разных стран от преследований и ограничений их прав.

не, Ширазе, Керманшахе, Сенендедже и немного позже в Йезде были открыты начальные школы нового типа (конец XIX в. – 20-е гг. XX в.). При этом часто обучение в мактабе по выходным дням и в каникулы становилось дополнительным, ориентированным на изучение основ религии. В обновленных школах, тем не менее, методика преподавания была сходная с мактабами, но вместе с тем религиозная еврейская тематика не находилась в центре образовательного процесса, и ее объем был уменьшен. Программы этих школ содержали больше светских предметов и часов французского языка, который постепенно становился языком обучения. Персидский язык изучался как второй язык и в относительно небольшом объеме, в то время как в мактабах обучение шло на иврите с привлечением персидского языка как вспомогательного. Надо отметить, что мактаб готовил еврейских детей к тому, чтобы стать членами еврейского сообщества, школы нового типа – учащихся, способных соперничать со своими французскими современниками, причем цели обучения в них были непонятны как самим учащимся, так и их родителям. Однако родители продолжали сотрудничать с Альянсом в этой области, видимо, в надежде на лучшее будущее своих детей⁹.

С приходом к власти в Иране династии Пехлеви процессы унификации и стандартизации системы образования в сторону иранизации коснулись и школ Альянса. Они вошли в структуру иранских образовательных учреждений, причем с минимумом собственно еврейского элемента и, как и прежде, без сионистской направленности. В это время изменение характера школьного образования стало мощным инструментом укрепления иранской нации и ее культуры, а иранизация школ отвечала настоящим и будущим интересам еврейских детей как граждан Ирана¹⁰. Именно в этот период, второй раз в истории страны, евреи Ирана получили широкие права, они были приравнены по своим правам к мусульманам. Последний иранский шах Мохаммад Реза Пехлеви и его окружение считали, что еврейская община играет чрезвычайно важную роль в экономике страны на ее пути к прогрессу¹¹. Вместе с тем во второй половине XX в. возникла жесткая оппозиция системе еврейского образования в связи с появлением в нем элементов сионистской направленности. Это также побудило определенное количество представителей еврейской общины Ирана отвернуться от него.

Что касается образовательных учреждений для иранских евреев в настоящее время, то цифры варьируются. Так, например, по сведениям Ассоциации евреев Тегерана, в Тегеране функционирует пять специальных школ, в которых процесс обучения идет на иврите¹². Количество учебных заведений такого рода в стране существенно сократилось как в связи с уменьшением еврейской общины, так и с уходом части детей из семей иранских евреев в другие школы, в основном в те, где обучается большая часть населения Ирана. Это важно для тех родителей, которые, руководствуясь целым рядом объективных и субъективных факторов, стремятся к ассимиляции своих

детей с другими членами иранского общества и не желают подчеркивать свои особые национальные корни и культурные традиции. По данным на 2006 г., в Тегеране насчитывалось около 3 тыс. учащихся из семей иранских евреев, половина из которых приходилась на специальные еврейские школы, другая – на обычные общеобразовательные учебные заведения¹³. Видимо, похожая ситуация характерна и для некоторых других городов страны. Так, например, в Исфагане имеется всего одна специальная еврейская школа, которая называется «Альянс»¹⁴. При этом следует иметь в виду, что религиозное обучение еврейских детей во многих общеобразовательных учебных заведениях проходит на специальных уроках, когда учащиеся-мусульмане изучают ислам и Коран, а также по пятницам в синагогах, где они знакомятся с Талмудом и Торой. Одной из известных специальных еврейских школ в Тегеране является «Эттефаг скул» для девочек¹⁵.

Среди других интересных фактов, определяющих культурную жизнь современных иранских евреев, следует отметить существование Комитета по проблемам культуры, в основные задачи которого входит рассказывать мусульманскому населению об иудаизме и еврейской культуре, способствовать изданию книг и научных работ по иудаизму, предоставлять лекторов в тегеранские вузы, где предусмотрен соответствующий курс лекций. Функционирующий при Комитете Отдел прессы и публикаций ежегодно принимает участие в работе Международной книжной ярмарки в Тегеране, где имеет свой павильон. К культурным достижениям еврейской общины Тегерана следует отнести также издание ежемесячного журнала «Ofegh-BINA» («Видевший горизонт»), начавшего выходить с 1999 г. Он содержит новости социального и культурного характера, различного рода информацию для членов еврейской общины, а также сведения для мусульман, которые хотят познакомиться с еврейской культурой. Одной из главных задач журнала является налаживание связей между представителями двух общин иранского общества. Вероятно, он публикуется на персидском языке, так как предназначен для широкого круга читателей. Здесь следует также напомнить, что первой газетой иранских евреев была «Шалом», которая увидела свет в марте 1915 г. и вышла на еврейско-персидском языке. При Ассоциации тегеранских евреев функционирует библиотека, насчитывающая более 8 тыс. наименований и 14 тыс. томов книг. Она очень популярна не только среди членов еврейской общины, но и у многих жителей Тегерана¹⁶.

Характеристика этнических и культурных особенностей евреев Ирана невозможна без анализа их языка и литературы на нем. Общеизвестно, что еврейско-персидский язык – это письменный язык евреев в пределах исторического лингвокультурного региона, известного как «Большой Иран» (Иран, Афганистан, Средняя Азия, Юго-Восточное Закавказье). Он использовался на протяжении средних веков и был представлен двумя основными группами памятников еврейско-персидской письменности: а) переводами библейских, послепетрических религиозных текстов и текстов экзегетического харак-

тера, язык которых был значительно архаичнее классического персидского языка, по ряду морфологических показателей близок к среднеперсидскому языку (пехлеви) и содержал гораздо более высокий процент заимствований из иврита, чем язык еврейско-персидской поэзии; б) поэтическими текстами, язык которых почти всегда был идентичен классическому персидскому языку и отличался от последнего лишь сравнительно небольшим количеством лексических заимствований из иврита и слов, построенных из ивритского корнеслова с помощью персидской аффиксации.

В настоящее время все иранские евреи используют персидский язык либо в качестве первого, либо в качестве второго в тех районах, где доминируют их собственные диалекты, которые следует отличать от еврейско-персидского и рассматривать как разговорные языки евреев ряда районов Ирана. Они генетически связаны с иранскими языками, отличными от персидского, и в основной своей массе не являются его диалектами. Лишь один из них – язык евреев Шираза, как и персидский, принадлежит к юго-западной подгруппе иранских языков. Что касается остальных, то они относятся к центральным диалектам северо-западной подгруппы иранских языков, что совпадает с мнением иранского ученого-лингвиста доктора Ирана Колбаси. На них сейчас говорят в Исфагане, Хамадане, Кашане, Йезде, Боруджерде и некоторых других городах Ирана. Доктор Иран Колбаси отмечает, что, например, нынешний язык исфаганских евреев – это язык, на котором раньше говорило население города, а евреи Исфагана сохранили его внутри своей общины. Возможно, что аналогичным образом формировались диалекты иранских евреев и в других районах их расселения. Известно также, что на территории современного Ирана проживают курдские евреи, сохраняющие еврейские наречия диалектов новоарамейского и еврейский говор азербайджанского языков¹⁷.

Литература на еврейско-персидском языке в Иране – это главным образом поэзия. Ее основоположником и самым крупным представителем считается живший в XIV в. Шахин, автор цикла героико-эпических поэм на библейские сюжеты. Вторым по значению можно считать поэта Имрани, жившего и творившего во второй половине XV – первой половине XVI в. в Исфагане и Кашане, большинство произведений которого основано на еврейской послебиблейской традиции. Еврейско-персидскую литературу XIV–XVII вв. представляют поэт, уважительно прозванный Хадже-йи Бухари (настоящее имя неизвестно) из Бухары, писавший в русле библейской тематики, а также Бабая бен Лутфа Кашани, оставивший потомкам стихотворную хронику жестоких испытаний, которые выпали в первой половине XVI в. на долю персидских евреев. Одной из заметных фигур еврейско-персидской литературы XVIII в. является поэт Биньямин бен Мишаэль Амина, перу которого принадлежат несколько крупных поэм, как, например, «Саргузашт-и Амина ба хамсараш», где описываются тяготы супружеской жизни, и ряд лирико-мистических газелей.

Вторая половина XVIII в. связана с творчеством ведущего религиозного авторитета евреев Мешхеда рабби Симан-Тов Мелламеда, автора этико-дидактического сочинения «Жизнь духа», написанного в прозе, перемежающейся стихами, и демонстрирующего прекрасное знание автором иранского суфизма. В XIX в. художественное творчество на еврейско-персидском языке постепенно ослабевает. Наиболее значительной фигурой того времени был один из духовных руководителей евреев Тегерана Хаим Элазар, переводчик Декарта на персидский язык и автор произведения «Дни жизни», опубликованного в 1907 г. на еврейско-персидском языке со вставками цитат из стихов ряда классических персидских поэтов. Последние сравнительно крупные произведения на еврейско-персидском языке относятся к 20-м гг. XX в., и это скорее религиозно-философские сочинения, чем явления еврейско-персидской литературы. Начиная с конца 1920-х – начала 1930-х гг. в своей литературной деятельности евреи Ирана почти полностью переходят на современный литературный персидский язык¹⁸.

Вопросы этнокультурного бытия еврейской общины в Иране тесно связаны с социальной сферой их жизни, и в завершение хотелось бы остановиться на некоторых ее аспектах. Несмотря на законодательное закрепление равных с другими гражданами страны прав для членов еврейской общины и их представительство в меджлисе в количестве одного депутата, в реальной действительности все выглядит не столь идеально. Есть определенные сложности при приеме евреев на работу, когда преимущество отдается заключению контракта. В армии, например, им невозможно дослужиться до высших званий. Все директора еврейских школ в Тегеране – мусульмане, хотя законодательно это необязательно. Раньше если в еврейской семье в результате несчастного случая погибал родственник, то она получала значительно меньшую компенсацию, чем в аналогичной ситуации мусульманская семья. Однако эти и многие другие вопросы постоянно находятся в стадии обсуждения, а некоторые – и на этапе принятия положительного для еврейской общины решения. Представляет интерес также вопрос о возможности смешанных браков для иранских евреев. С одной стороны, юридических препятствий не существует, есть только религиозные, но они настолько сильны, что в современном Иране таких браков либо нет вообще, либо они составляют менее 1%¹⁹. Одна из важных социальных проблем, стоящих перед иранскими евреями, – это возможность общения со своими родственниками, проживающими в Израиле, поскольку связь с Израилем представляет большую опасность для всех граждан Ирана. По свидетельству ВВС, со слов иранских евреев, режим наибольшего благоприятствования в этом вопросе был в период президентства М. Хатами, когда было разрешено совершать поездки из Ирана в Израиль без негативных последствий по возвращении из путешествия. Тем же евреям, которые покинули Иран 20–30 лет тому назад, было также позволено посетить Иран с целью повидать своих родственни-

ков²⁰. Что касается повседневной жизни еврейской общины Ирана, то ее членам разрешено в домах соблюдать традиции иудаизма, включая употребление вина. За пределами же общины евреи подчиняются законам, по которым живет все иранское общество, в том числе и в отношении одежды. В целом же в сегодняшнем Иране представители еврейской общины, живя среди мусульман, составляющих абсолютное большинство населения страны, с одной стороны, и стремятся, и вынуждены ассимилироваться с ними, а с другой – стараются сохранять национальные, культурные и религиозные традиции внутри своего сообщества.

Примечания

¹ www.BBC PERSIAN.com. 05.09.2006.

² Телевидение BBC на персидском языке, 03.11.2012.

³ См. подробнее: Иран. Исторический путеводитель. М., 2010. С. 253, 266–268.

⁴ Колбаси Иран. Язык исфаганских евреев. Тегеран, 1995. С. 15 (на персидском языке).

⁵ Ассоциация евреев Тегерана. Информационный бюллетень. Тегеран, 2005. С. 8.

⁶ Колбаси Иран. Указ. соч. С. 15.

⁷ Ассоциация евреев Тегерана. Информационный бюллетень. С. 5–7.

⁸ Padyavand: Judeo-Iranian and Jewish Studies. Vol. 2. California, 1997. P. 20–21.

⁹ Ibid. P. 23–26.

¹⁰ Ibid. P. 28–31.

¹¹ КЕЭ, 2006. Т. 3. С. 813.

¹² Ассоциация евреев Тегерана. Информационный бюллетень. С. 3.

¹³ Там же. С. 5–6.

¹⁴ Колбаси Иран. Указ. соч. С. 16.

¹⁵ Ассоциация евреев Тегерана. Информационный бюллетень. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 3–4, 6; Padyavand: Judeo-Iranian and Jewish Studies. P. 119.

¹⁷ Подробнее см.: КЕЭ, 2006. Т. 2. С. 448–449; Padyavand: Judeo-Iranian and Jewish Studies. P. 34–35; Колбаси Иран. Указ. соч. С. 13.

¹⁸ Подробнее см.: КЕЭ, 2006. Т. 2. С. 445–447.

¹⁹ Интервью радиостанции «Голос России» руководителя иранской делегации на Детском фестивале еврейского искусства «Зажжем вместе свечу» госпожи Эльхам Абаи, представителя Ассоциации евреев Тегерана. 03.04.2006.

²⁰ www.BBC PERSIAN.com. 05.09.2006.

М. Шах*

ПУШТУНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В АФГАНИСТАНЕ И ПАКИСТАНЕ

В основе статьи лежат публицистические материалы и аналитические исследования, опубликованные на порталах ряда университетов, расположенных в пуштунских ареалах Афганистана и Пакистана: Исламского университета афганской провинции Нангархар, университета провинции Хост, Кабульского университета, университетов Пешавара и Кветты. Материалы написаны на языке пушту и принадлежат ректору университета провинции Хост Р. Бавари, ректору Кабульского университета А.Г. Ахмадзаю, профессорам и преподавателям вышеназванных университетов. Часть статей опубликована на пакистанском сайте провинции Хайбер-Пахтунхва и газеты «Ньюс Пешавари».

Наиболее интересными оказались суждения и наблюдения авторов по нескольким группам вопросов – процессу пуштунизации и традиционному кодексу пуштунов; реакции на переименование Северо-Западной пограничной провинции Пакистана в провинцию Хайбер-Пахтунхва; Движению Талибан и пуштунскому национализму.

Пуштунизация и пуштунвали

Прежде всего коснемся процесса культурного и языкового поглощения, в результате которого люди непуштунского происхождения принимают культуру и образ жизни пуштунов. Следует отметить, что представители других национальностей (этнических групп) при переезде в пуштунские районы, как правило, ассимилируются, принимают кодекс чести и поведения пуштунов, называемый пуштунвали (на восточном диалекте – пахтунвали), и учат язык *пушту*. Пуштунизация является специфической формой культурной ассимиляции, характерной для южных и восточных провинций Афганистана и северо-западных районов Пакистана. Понятие «пуштунизация» может относиться и к урегулированию вопросов по проживанию пуштунских племен на землях, где также живут представители непуштунских народностей. Таким образом, обычаи, традиции и языки непуштунских народов вытесняются на периферию благодаря политической власти пуштунов в Афганистане и наличию провинциальной автономии и самоуправления пуштунов в Пакистане.

Исторически этот процесс охватил земли, где власть принадлежала пуштунам, особенно в начале XVI в., когда в Делийском султа-

* Шах Михаил (Махмуд), кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

нате правили афганские династии Лодхи и Сури. Процесс пуштунизации получил новый импульс в середине XVIII в. после того, как представитель племени абдали Ахмад Шах стал основателем в 1747 г. афганской империи, получившей название Дуррани – по новому имени племени абдали – дуррани (жемчуг). Ахмад Шах Дуррани установил власть над огромной территорией, населенной непуштунами. После его смерти началась распада империи, ее восточные (ныне пакистанские) земли перешли под контроль государства сикхов в Пенджабе, а после завоевания сикхского государства англичанами восточная область Пешавар и ряд прилегающих к ней территорий были включены в состав Британской Индии. В 1893 г. британцы навязали эмиру Кабула линию раздела единой полосы горских пуштунских племен на две части – английскую и афганскую, известную как «линия Дюранда». Сегодня эта линия образует афгано-пакистанскую границу.

Попытки пуштунизации в Афганистане (Кабульском эмирате, а затем королевстве) предпринимались и в конце XIX, и в начале XX в., а в последнее время подобные устремления заметны со стороны афганского Движения Талибан. В отдельных случаях наблюдается и добровольная пуштунизация афганцев и пакистанцев непуштунского происхождения. При этом они принимают кодекс поведения пуштунов, о котором шла речь выше.

Итак, что такое пуштунвали? Это больше, чем закон и нормы, это – образ жизни, неписанный свод поведения и кодекс чести. Хотя пуштунвали восходит к доисламской эпохе, его практика не противоречит исламским канонам. Пуштунвали практикуется пуштунами Афганистана, Пакистана, а также членами пуштунских диаспор за пределами этих стран. Говоря иначе, пуштунвали представляет собой набор правил, определяющих как индивидуальное, так и коллективное поведение в обществе.

Пуштунвали отражает наследие традиционной духовной и социальной идентичности пуштунов и, по-видимому, сформировался еще у их предков: саков, кушан и эфталитов (белых гуннов). Следование пуштунвали способствует самоуважению, независимости, справедливости, гостеприимству, любви, прощению, мести и терпимости по отношению ко всем (особенно к незнакомцам или гостям). Главными характеристиками пуштуна являются *гхаярат* – честь и гордость, *имандари* – правдивость, преданность истине, *бадал* – бесстрашие и отвага. Этим правилам пуштуны следуют наравне с законами ислама и шариата. Между тем, если пуштуну придется выбирать между шариатом и пуштунвали, он, как правило, сделает выбор в пользу пуштунвали. Свод правил пробуждает личную ответственность каждого пуштуна за свои действия. Исключительно важно, что пуштун волен применять пуштунвали по своему разумению, но в рамках умеренности.

Пуштунвали определяет самобытность пуштунской культуры. С его помощью удалось сохранить баланс в пуштунском социуме. По мере развития общества пуштунвали дополнялся, претерпевая раз-

личные изменения, касающиеся правовых, политических, экономических и культурных вопросов.

Ныне основными в пуштунвали являются следующие термины и понятия: *хпелваки* (самоуправление полномочиями), *сиали* (равенство), *джирга* (собрание), *мишертоб* (старейшины), *иззат* (уважение всех людей), *ругха* (примирение и компромисс), *бадал* (в некоторых случаях месть), *барабари* (эквивалентность), *тига/неркх* (закон), *азиз/азизвале* (клан, обособленность), *тарбур/тарбурвали* (регулирование племенного соперничества), *нанг* (честь), *гхаярат* (честь и гордость), *угха варвакхел* (сочувствие нуждающимся и помощь им), *нанавати варвакхел* (предоставление убежища), *ашар* (совместная работа, кооперация племен), *джамена* (обязательства), *мелайтер* (меценатство), *чегха* (призыв к действию), *сулах* (перемирие), *нанавати* (защита). К ключевым принадлежат понятия *сабат* (усердие при достижении поставленной задачи) и *истисамат* (упорство), а также ряд других.

Хайбер-Пахтунхва

Важный момент в жизни пуштунов Пакистана наступил 8 апреля 2010 г., когда Национальное собрание (парламент) страны согласилось переименовать Северо-Западную пограничную провинцию (СЗПП) в Хайбер-Пахтунхва (Хайбер – в честь главного перевала в горах между Кабулом и Пешаваром, пахтунхва – прил. пуштунский). Новое название было с радостью встречено почти на всей территории провинции. И молодые, и пожилые люди танцевали под бой барабанов в Пешаварском спортивном комплексе, другие праздновали переименование на улицах. «Я получил свое имя в возрасте 18 лет», – сказал один из праздновавших жителей.

В некоторых комментариях отмечалось, что переименование – это только «верхушка айсберга», лишь начало, ибо пуштуны, живущие по обе стороны «линии Дюранда», должны начать борьбу за воссоединение. Как заявляли некоторые авторы, пуштунам «стыдно» жить в Пакистане, так как «эта страна дала нам плохое имя и представила миру как варваров и каннибалов», и все это с той целью, чтобы ее руководители получили миллионы долларов. «Люди должны попытаться понять, – отмечалось в одном из электронных изданий, – что пакистанская разведка и военные обманывают их, выставляя пуштунов как убийц... Мир должен понять нас. Мы – мирные люди, мы ладим с другими людьми. Мы – нормальные люди, но пакистанский истеблишмент относится к нам враждебно и готов продать нас за деньги».

В других публикациях подчеркивалось, что пуштуны являются вторым крупнейшим источником рекрутов в пакистанскую армию (после панджабцев). Кроме того, их труд стал ценным источником поступления иностранной валюты, – работая за рубежом, пуштуны переводят свои накопления на родину. Миллионы пуштунов были вынуждены искать работу вдали от родины из-за действий талибов и многолетнего конфликта в соседнем Афганистане.

Переименование СЗПП, как отмечали обозреватели, поставило точку в многолетней борьбе Народной национальной партии, правившей в провинции с 2008 г. В конце концов, все основные политические и религиозные партии в парламенте выступили за переименование провинции, где пуштуны составляют около 75% населения.

Тем не менее в области Хазара на севере провинции, где большинство составляют непуштуны, говорящие на языке хиндко (диалекте панджабского), вспыхнули беспорядки. В ответ на них главный министр провинции А.Х. Хоти заявил: «Никто не будет подвержен притеснениям из-за своего языка, цвета кожи, касты и региона. Мы будем относиться ко всем жителям Хайбер-Пахтунхвы одинаково, и мое правительство развеет любые опасения на этот счет».

Прежнее название провинции, имевшее только географическое значение, привело к кризису самоидентификации пуштунов и мешало им противостоять афганским талибам, утверждали ученые и политики. «Из-за отсутствия идентичности нация не может развиваться. Именно это и произошло с нацией пуштунов», – сказал в интервью порталу «Средняя Азия» Х. Азиз, главный секретарь провинции. Министр информации Хайбер-Пахтунхвы М.И. Хуссейн позитивно воспринял переименование СЗПП. «Это было нашим ключевым требованием, помимо усиления автономии провинции, а так как мы добились идентичности для нашего народа, это дает нам силы бороться с проблемами», – отметил он.

Однако, когда торжества закончились, правительство Хайбер-Пахтунхвы оказалось, по мнению наблюдателей, перед большим числом нерешенных проблем. Кроме борьбы с боевиками с помощью армии, оно должно было смягчить проблему нищеты и улучшить условия жизни населения. Правительство, находившееся у власти в провинции в 2008–2013 гг., судя по всему, не смогло решить эти проблемы.

Движение Талибан

Известно, что афганское Движение Талибан представляет собой исламскую военно-политическую организацию. Ее боевым ядром стали пуштуны, студенты и выпускники религиозных учебных заведений (медресе), образованных в 1980-х гг. в лагерях афганских беженцев в Пакистане. При создании Движения Талибан пакистанскими спецслужбами акцент был сделан на имевшиеся противоречия между основными афганскими группировками, оказавшимися вовлеченными в междоусобную борьбу за власть после крушения в 1992 г. режима М. Наджибуллы.

Главная цель Движения Талибан была сформулирована следующим образом: разоружить все афганские вооруженные группировки, создать государство «чистого ислама», устранить с ключевых позиций в государственных органах представителей национальных (этнических) меньшинств – таджиков, узбеков, хазарейцев.

Идеологической основой Движения Талибан выступает так называемый «исламский национализм», базирующийся на своеобразном синтезе религиозного и этнонационального/националистического элементов. Радикальный фундаментализм и пуштунский национализм приобрели для Движения Талибан самостоятельное значение, стали главной идеологической опорой и одновременно движущей силой.

Вслед за своими предшественниками талибы в очередной раз в новейшей истории страны вывели исламский фактор на передний план внутриафганского конфликта. Его исламская мотивация обосновывает политическую задачу обеспечения единства Афганистана путем установления новой власти на всей территории страны. При этом неприятие прежних исламских партий и организаций (пуштунских и непуштунских) официально объясняется их недостаточной верностью исламу и даже предательством его принципов. Одновременно при мотивации членов своего движения активно используется пуштунский (националистический) фактор. Движение Талибан в весьма существенной мере сумело эффективно синтезировать оба вектора – конфессиональный и этнонациональный.

Как известно, впервые на афганской территории талибы появились в ноябре 1994 г.¹ Осенью 1996 г. они захватили большую часть Афганистана, поставив под свой контроль полностью или частично большинство провинций страны, а в начале 2001 г. их власть распространилась уже на 95% территории страны².

Потеряв власть в 2001 г., вытесненные в Пакистан афганские талибы и их союзники из числа боевиков-исламистов в настоящее время надеются вернуться к власти. Им по-прежнему противостоит главным образом так называемый Северный альянс, пользующийся доверием непуштунского населения на севере страны. Нет никакого сомнения в том, что талибские пуштуны и далее будут наращивать вооруженное давление на противника – правительственные, непуштунские главным образом, вооруженные силы – с целью полного установления своей власти во всем Афганистане.

Центральным положением талибской идеологии выступает тезис о нераздельности религии и политики и ключевой роли духовенства в управлении государством. При этом явно просматривается заимствование лозунга имама Хомейни – «велайят-е факих», или «хокумат-е ислами» («исламское правление»). Будущее политическое устройство государства руководство Движения Талибан видит в форме халифата во главе с единоличным правителем – халифом. Пропагандируя преимущества идеального теократического государства («маадинат-ал-тамма») в форме халифата, идеологи талибов утверждают, что нет никакой необходимости изобретать какие-то новые формы государственного устройства, а следует руководствоваться теми критериями, которые были заложены еще во времена пророка Мухаммеда и «праведных халифов». Единственной своей целью они провозглашают возвращение к «золотому веку ислама». При этом

они исходят из нескольких обязательных принципов при устройстве такого государства: глава общины (государства) по суннитской традиции обязательно должен быть выборным; правительство должно формироваться главой государства на основе консультаций с народом через избранных им представителей в «шуре» («совет», «исламский парламент»); управление государством осуществляется только на основе законов шариата, которые обеспечивают базовые права и свободы.

Талибы и пуштунский национализм

Пуштунский национализм в качестве тактического средства внутриполитической борьбы в Афганистане не мог появиться с подачи Пакистана. Для Исламабада объективно пуштунский национализм представляет реальную опасность. Дальнейшее развитие пуштунского национализма на качественно новом уровне вполне может привести в перспективе к созданию Пуштунистана с включением в его состав и населенных этническими пуштунами северо-западных районов Пакистана.

Идея Пуштунистана поэтому потенциально слишком опасна для Пакистана и маловероятно, чтобы его руководство решилось бы разыгрывать карту пуштунского национализма. Скорее всего, пуштунский национализм в качестве составной части идеологии Движения Талибан могли привнести члены фракции «Хальк» («Народ») бывшей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Их влияние в руководстве Движения Талибан могло только возрасти после перебазирования талибов на территорию Пакистана и одновременно повышения степени их самостоятельности от Исламабада. Вчерашние политические изгои, халькисты, несомненно, сохранили некоторые идейные установки из своего недалекого прошлого. Известно, что в руководстве НДПА всегда преобладали антипакистанские настроения. Несогласие с «линией Дюранда» в качестве афгано-пакистанской границы было одной из ключевых установок любого руководства в Афганистане, не исключая и того, что находилось у власти в 1978–1992 гг.

В то же время в 1996 г. рост пуштунского национализма в рядах Движения Талибан не был четко обозначен. К тому же степень подконтрольности талибов Пакистану была достаточно высока. Движение Талибан и Исламабад оставались объективно необходимы друг другу.

Вновь обращаясь к истории, отметим, что вооруженные отряды талибов в 1998 г. установили контроль над большинством центральных и северных провинций страны. К началу 1999 г. талибы контролировали около 80% территории Афганистана, в том числе районы с преимущественно узбекским и хазарейским населением. Лидер талибов Мулла М. Омар провозгласил страну «Исламским Эмиратом Афганистан».

Вместе с тем формирования правительственных сил Исламского Государства Афганистан (ИГА) во главе с военным руководителем таджикского Исламского общества Афганистана (ИОА) А.Ш. Масудом при поддержке сохранивших боеспособность отрядов других антиталибских группировок, входящих в Объединенный Фронт (ОФ), продолжали в той или иной степени удерживать свои позиции в провинциях Бадахшан, Тахар, Каписа, Парван, Баглан, Кундуз, Сари-Пуль.

В результате проведения непродуманной политики руководства Афганистана и Пакистана в Афганистане были созданы многочисленные непуштунские партии с националистическими целями и лозунгами. В противовес непуштунскому национализму в Афганистане и Пакистане среди пуштунов приобрел популярность лозунг «За чистый ислам», который, по сути, призывал всех пуштунов объединить силы в борьбе за очищение ислама везде и всюду, в борьбе против неверных, особенно представителей непуштунских групп, а также шиитов. Именно в связи с этим талибы агитировали и вооружали всех и вся под лозунгом очищения ислама и победы «пуштунизма».

«Пуштунизм» стал новой радикальной националистической идеологией. На этой волне сильно ослабело влияние умеренно настроенных националистических лидеров и их партий, в первую очередь ННП. В прежние времена именно эти силы, символом которых был Абдул Гаффар Хан, крайне популярный и в Афганистане, и в Пакистане, и его сын Абдул Вали Хан, а также Аджмал Хаттак и другие, боролись за права пуштунов и лелеяли мечту об образовании пуштунского государства в составе пакистанского Пуштунистана, Белуджистана и части Афганистана.

Нужно заметить, что в сегодняшнем Афганистане пуштуны доминируют – они составляют 70% всех занятых в государственном аппарате и властных структурах, лишь 30% занятых – непуштуны. Из-за этого между пуштунами и непуштунами идет постоянная конкурентная борьба. В населении Афганистана пуштуны составляют меньшинство, их только 40%, остальные 60% – это таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, нуристанцы, белуджи, пашаи и другие. Все они в основном мусульмане-сунниты, доля шиитов составляет 15–20%, причем шиитами являются все хазарейцы. Руководитель страны Хамид Карзай, ведущий свое происхождение из королевского аристократического племени дуррани, не пользуется популярностью ни в своем клане и племени, ни у других пуштунских племен, ни тем более в непуштунских районах. Отсутствие поддержки объясняется его неэффективностью как президента и коррумпированностью, непрозрачностью режима управления. Еще одна причина непопулярности, по мнению некоторых авторов, заключается в том, что он ранее не был полевым командиром, не возглавлял ни один отряд моджахедов. Х. Карзая считают ставленником американцев.

В связи с этим значительная часть афганских пуштунов объединяется вокруг фигуры Гулбеддина Хекматъяра и его партии пуштун-

ского националистического толка «Хизб-е ислами». Большим влиянием пользуется представитель этой партии Фарук Вардак – ныне министр просвещения в правительстве Афганистана. Пуштуны также высоко ценят старую партию пуштунского националистического толка «Афган миллят» под руководством Хевада Мала. Сегодня он является советником Х. Карзая по делам национальностей.

В ряде афганских изданий отмечается, что в настоящее время основные источники дохода – торговля, транспортные артерии, соединяющие основные города, налоги и прочие – сосредоточены в руках людей, в той или иной степени близких к президенту Х. Карзаю. Это вызывает законное недовольство большинства афганского общества.

В качестве причин для недовольства существующим положением некоторые авторы приводят следующие примеры: пуштунский клан аликазай взимает дань со всех транспортных грузовых машин, проезжающих по шоссейной дороге из Кандагара в сторону Герата; пуштунские племена гильзаев контролируют транспортные пути и взимают пошлины с машин, следующих на Кабул; все дороги в сторону Пакистана находятся под контролем пуштунских племен ачакзаев (ацакзаев) и нурзаев; большинство плодородных земель юга Афганистана находятся под контролем племен мухаммадзаев и баракзаев.

Таким образом, верхушка пуштунских племен контролирует и торговлю, и контрабанду, и, главное, доходы от производства и сбыта наркотиков – героина и гашиша.

В итоге пуштунский национализм – это основной фактор, который разделил страну по национально-племенному признаку. Нынешнее правительство проводит жесткие меры по пуштунизации. По указу Ф. Вардака все учебники в стране публикуются только на языке пушту. Официальные документы – в том числе гражданские паспорта – печатаются лишь на пушту и английском, несмотря на то, что в стране признаны официальными два языка – пушту и дари. Национализм Г. Хекматъяра принял настолько уродливые формы, что его взгляды не нашли поддержки даже у его единомышленников из других стран. Речь идет о Египте и о М. Мурси, бывшем президенте Египта, который отказался встречаться с официальными представителями Хекматъяра, прибывшими поздравить его с избранием на высокий пост.

Что касается прогнозов на период после 2014 г., а в этот год должен произойти вывод основной части иностранных войск из Афганистана и должны состояться выборы нового афганского президента, то, вероятно, это будут последние президентские выборы в стране. Не исключено, что заинтересованность некоторых кругов в США и пуштунских племен в создании «Большого Пуштунистана» поставит под вопрос само существование таких государств, как Афганистан и Пакистан.

При этом в изданиях на пушту отмечается, что в обеих странах полностью подорвано доверие к Движению Талибан, предлагаемой им модели развития общества, его руководителям и их действиям. В настоящее время, по мнению ряда авторов, движение слабо как никогда, оно лишено ведущих полевых командиров, не имеет центрального ядра.

В связи с этим становится актуальным вопрос о создании «Большого Пуштунистана». Здесь главный вопрос – это вопрос лидера. Сегодня сильного лидера у пуштунов нет. Руководители в Кабуле весьма разбогатели, между ними нет согласия, значительная часть их средств переведена за границу. Нынешним руководителям страны уже не до вооруженной борьбы и борьбы за идеологию. Все они до крайней степени коррумпированы, а потому на сегодняшний день единственной перспективной силой, способной возглавить пуштунов, представляются новые национальные движения. Только они смогут объединить пуштунскую часть Пакистана и пуштунский Афганистан, благодаря чему возможно будет создать новое государство.

Примечания

¹ Сикоев Р.Р. Талибы. Религиозно-политический портрет. М., 2004.

² Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. Глава IX.

*М.Ю. Морозова**

БЕЛУДЖСКИЕ ПЛЕМЕНА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПАКИСТАНСКОМ БЕЛУДЖИСТАНЕ (2000–2010-е годы)

Разобшенная племенная структура белуджского общества преднамеренно сохранялась британскими колонизаторами, которые в период своего правления основную ставку делали на сардаров (вождей племен). Это обстоятельство, в числе многих других факторов, негативно отразилось на социальном и экономическом развитии Белуджистана и после обретения Пакистаном политической независимости. Как правило, каждый новый руководитель страны пытался в начале правления заручиться поддержкой племенной верхушки – в итоге национализм спадал, занимая выжидательную позицию, затем вновь активизировался, менял форму и содержание.

Подъем националистического движения в Белуджистане происходил в 1948, 1958–1959, 1962–1963 и 1973–1977 гг., и все восстания подавлялись пакистанской армией. Необходимо отметить, что вооруженные выступления белуджей никогда не оказывали существенного влияния на обстановку в Пакистане в целом, поскольку они происходили в редконаселенных окраинных районах, удаленных от основных экономических и административно-политических центров страны.

Этносоциальная структура провинции

Абсолютное большинство населения Белуджистана проживает в сельской местности, где сохраняет свои глубокие корни племенная структура общества. Помимо 17 основных белуджско-брагуйских племен, каждое из которых возглавляет обладающий абсолютной властью сардар, в провинции насчитывается также около 400 разрозненных племенных подразделений. Наиболее крупные племена – бугти и марри – насчитывают более 100 тыс. человек. Как правило, политический вес и влияние того или иного белуджского лидера определяются в первую очередь не его личными качествами руководителя или организатора, не политическим опытом, а численностью и силой того племени или клана, наследственным предводителем которого он является.

Большинство белуджей являются суннитами, придерживающимися ханифитской школы. Исключение представляют хазарейцы-ши-

* Морозова Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

иты, переселившиеся в Британскую Индию (а также в Иран) из Центрального Афганистана в 1880–1890-е гг. Хазарейцы, считающие себя потомками Чингисхана, проживают в восточной части округа Кветта-Пишин, отличаются склонностью к военной службе, привитой им еще британцами. В последние годы резко возросла тяга молодых хазарейцев к высшему образованию (как в стране, так и за рубежом), равно как и активное участие молодежи в различных общественно-политических организациях.

Белуджистан – это наименее развитая, но богатая полезными ископаемыми провинция: добыча природного газа и каменного угля на ее месторождениях удовлетворяет более 40% энергетических потребностей страны. На территории Белуджистана имеются также богатые месторождения золота, меди, серебра, платины и урана. Но вместе с тем 46,6% домашних хозяйств, по данным на середину 2000-х гг., были лишены электричества, а в сельской местности электрифицировано лишь 25% деревень. Половина населения в провинции получала доходы ниже национальной черты бедности, городская безработица составляла 12,5% (в среднем по Пакистану – 9,7%), грамотность не превышала 27,6% (среди женщин – 15%), доступ к чистой воде имели лишь 20% жителей¹.

Многие белуджи полагали, что основные проекты развития нацелены на привлечение внешней рабочей силы – это, по их мнению, не только лишало возможности трудоустройства коренных жителей, но и изменяло демографический состав провинции. Согласно данным на тот же период об этническом составе провинции, 54,7% населения составляли белуджи и ассоциирующие себя с ними брагуи, а 29% – пуштуны. Пуштунские лидеры эти данные считали неточными и настаивали, что их доля равна 40%. Между тем представители белуджей утверждали, что официально зарегистрированное пуштунское население включало большую долю афганских беженцев, живущих по подложным документам и не получивших статус постоянных жителей².

Вследствие исторических причин и миграции пуштунов из СЗПП (с 2010 г. провинция носит название Хайбер-Пахтунхва) в северных округах Белуджистана (Эхоб, Лоралаи, Кветта, Чагай) проживало примерно одинаковое количество белуджей и пуштунов.

В отличие от Панджаба и Синда, где расположены главные ареалы орошаемого земледелия, в Белуджистане, равно как и в Хайбер-Пахтунхва, главной отраслью сельского хозяйства по-прежнему остается отгонно-пастбищное скотоводство. Поэтому традиционной проблемой природопользования в западных районах Пакистана является не столько земельный голод, сколько резкий дефицит водных ресурсов. При этом проблема нехватки воды не только сохраняется, но и обостряется с каждым годом. Теоретически это может привести к обострению противоречий между белуджами и пуштунами.

В конце 2000-х гг. начал оформляться новый вектор экономической и социальной поддержки пакистанского Белуджистана – под фла-

гом исламской солидарности, в первую очередь от Объединенных Арабских Эмиратов, – это реализация программ помощи бедным за счет покупки земельных угодий³. Так, эмиратские фирмы приобрели в Белуджистане около 16 187 га земли на сумму 40 млн долл. для производства продовольствия своим гражданам. Делегация чиновников из ОАЭ прибыла в Пакистан в октябре 2008 г. для переговоров по этой сделке и провела встречу с премьер-министром провинции А. Райсани. Повышенный интерес к беднейшим районам Пакистана мотивировался заботой о местных общинах – «сохранении исламской традиции помощи бедным и деление с теми, кто имеет меньше»⁴. В данном случае исламская традиция трансформируется в обязательство по снабжению местных жителей едой, произведенной на купленной в их стране земле. Можно предположить, что внедрение иностранных фирм на и без того ограниченные земельные угодья Белуджистана приведет к новому обострению этносоциальной напряженности в провинции.

Участие белуджей в местных органах власти и их борьба за природные ресурсы при П. Мушаррафе (1999–2008)

В 1990-е гг. обстановка в Белуджистане была достаточно спокойной, так как белуджские племена имели представительство во властных структурах провинции. Тогда лидер правившей в 1988–1990 гг. и 1993–1996 гг. Пакистанской народной партии Беназир Бхутто пообещала Белуджистану расширить провинциальную автономию. Многие аналитики связывали подобные обещания с тем фактом, что муж Б. Бхутто – Асиф Али Зардари – имеет наполовину белуджские корни.

В первом обращении к гражданам Пакистана после прихода к власти в октябре 1999 г. генерал П. Мушарраф представил программу национального строительства, которую планировалось теснее связать с провинциальным правительством с сохранением его финансовой независимости. Связь органов местного самоуправления с центральными властями должна была осуществляться через правительство провинции.

Пакистан был разделен на административные единицы четырех уровней: союз, или юнион, – группа деревень или городских районов; тахсил – группа союзов (уезд); дистрикт – группа тахсиллов (округ); провинция. Органы местного самоуправления соответствуют этим уровням, за исключением провинции, во главе которой стоит избранное всем населением законодательное собрание. Кроме того, в каждом провинциальном правительстве созданы исполнительные органы – советы по местному самоуправлению. Все органы местного самоуправления занимаются хозяйственным развитием соответствующих территориальных единиц, строительством дорог и мостов, возведением небольших ирригационных сооружений, водоснабже-

нием, общественным транспортом, выполнением различных коммунальных услуг. Они имеют денежные фонды, которые формируются из правительственных субсидий и средств, поступающих от сборов местных налогов.

Органом нижнего уровня является совет юниона, состоящий из 13 членов, избираемых путем прямых выборов. Места в совете юниона разделены на 4 категории: шесть мест закреплены за депутатами, избираемыми по общим спискам, в том числе два – за женщинами; четыре места закреплены за представителями сельского и рабочего населения, в том числе два – за женщинами; одно место зарезервировано за представителем религиозных меньшинств; два места занимают *назим* (глава совета юниона, или мэр) и его заместитель – *наиб* (вице-мэр), кандидатуры которых выставляются на выборах вместе.

Органом местного самоуправления второго уровня является совет тахсила (района), состоящий из *наибов* и избранных членами советов юниона представителей жителей более крупной территории в следующей пропорции: женщин – 33% мест в совете тахсила; крестьян и рабочих – 5%; представителей меньшинств – 5%. На верхнем уровне системы находится совет округа (дистрикта), состоящий из назимов и граждан, избранных членами советов юниона в таких же пропорциях, как и в совет тахсила.

Первые выборы в новые органы местного самоуправления прошли в декабре 2000 – июле 2001 г. Возраст избирателей был снижен с 21 до 16 лет. Тем не менее продолжала действовать введенная М. Зия-уль-Хаком в 1979 г. куриальная система выборов, при которой отсутствует голосование по общим для всех конфессиональных групп спискам. В августе 2002 г. П. Мушарраф отменил куриальную систему, и во время выборов в органы местного самоуправления 2005 г. пакистанцы голосовали по общим спискам.

После того как в октябре 2002 г. в результате выборов в законодательное собрание провинции к власти в Белуджистане пришло коалиционное правительство Пакистанской мусульманской лиги Каиди-Азама (ПМЛ[К]) и альянса религиозных партий «Муттахида Маджлис-е Амаль» (ММА), вожди крупнейших племен выступили против масштабных проектов правительства по развитию Белуджистана, утверждая, что они не возражают против развития как такового, но не согласны с ущемлением гражданских прав белуджского народа. В основном их недовольство определялось несправедливой долей в доходах от добычи газа в провинции, дискриминацией белуджей при осуществлении на территории Белуджистана мегапроектов (транспортная инфраструктура в основном за счет внешних спонсоров), а также отсутствием должного представительства во властных структурах провинции. По словам самих белуджских сардаров, их отношения с представителями федеральной власти резко ухудшились из-за «намерений П. Мушаррафа развивать крупнейшее в стране газовое

месторождение, проложить через территорию провинции газопровод из Ирана и построить стратегический глубоководный морской порт для расширения торговли с Китаем⁵.

Особого внимания в этой связи заслуживает конфликт, разгоревшийся вокруг газового месторождения Суи (треть разведанных запасов газа Пакистана и свыше 80% нынешнего потребления). До 1980 г. положение на газовом комплексе и вокруг него было спокойным и полностью контролировалось администрацией. Затем ситуация начала ухудшаться из-за вмешательства племенных вождей, несмотря на то, что под их давлением местным жителям (т.е. белуджам) были предоставлены рабочие места. Многие транснациональные компании не могли обнаружить новые газовые месторождения в провинции из-за тактики давления, применяемой местными сардарами. Интересно, что повышенный интерес белуджских сардаров к собственным недрам появился именно в тот момент, когда иностранные инвесторы начали разрабатывать маршруты трансафганского газопровода.

Правительство начало вести переговоры с сардаром Атауллахан Менгалом и навабом Акбаром Бугти в 1999 г. Они продолжались два года. Лишь в декабре 2001 г. было достигнуто соглашение с Бугти, согласно которому компания «Суи гас» выделила рабочие места для 168 белуджей. Впоследствии компания обещала нанять еще 344 человека. Более того, наваб Акбар Бугти получал 2 млн рупий в месяц – за это он обещал объявить Суи Специальной охраняемой зоной и обеспечить бесперебойные поставки газа по всей стране⁶.

В январе 2005 г. газовый комплекс в Суи подвергся атаке со стороны местных террористов – было запущено большое число ракет из минометов. Поставки газа по всей стране были частично приостановлены на 8 дней, что нанесло ущерб национальной экономике в 440 млн рупий⁷. Федеральная власть передислоцировала часть армейских подразделений с территории СЗПП (где были сосредоточены основные отряды «Аль-Каиды» и Движения Талибан) в Белуджистан – «для сведения старых счетов и ради собственного стремления по освоению ценных газоносных месторождений провинции»⁸.

Для выборов в советы юнионов в 2005 г. страна была разделена на две примерно равные части по причинам технического обслуживания и обеспечения национальной безопасности. В одной части выборы прошли 18 августа, в другой – 25 августа. На следующем этапе сформированная членами советов юнионов коллегия выборщиков избирала членов советов тахсиллов и дистриктов, в том числе назимов и набов этих органов. Решение о беспартийной основе выборов было принято центральным правительством 27 декабря 2004 г.

В условиях беспартийных выборов партии вели активную агитацию, хотя кандидатам запрещалось прямо или косвенно использовать на выборах политическую программу, флаги, символы, финансовую или материальную помощь партийных организаций. Наблюдался интерес из международных комиссий (от Британского Содружества и

ЕС) отметили многочисленные случаи использования во время выборов партийных флагов, транспарантов, цветовой партийной атрибутики. Кроме того, партии создали группы из кандидатов – своих сторонников. Каждая группа имела собственное название, являющееся определенным символом, по которому избиратель определял принадлежность кандидата к той или иной партии.

В Белуджистане было сформировано 28 округов (дистриктов). Из них 14 было охвачено выборами 18 августа и столько же – выборами 25 августа; количество советов юнионов составило соответственно 275 и 292, количество мест в советах юнионов – 3575 и 3796, количество кандидатов – 7354 и 10 668⁹.

Поскольку выборы проводились на беспартийной основе, данные о распределении мест между политическими партиями являются неофициальными и *приблизительными*. ПМЛ(К) получила 46,9% мест назимов и наибов. Остальные места распределили между собой блок националистических партий – Демократическая национальная партия, Белуджистанская национальная партия (19,4%), независимые кандидаты (15,4%), ММА (7,3%), ПНП (3,3%) и Пуштунская национальная партия (1,3%).

Во время голосования 25 августа в Белуджистане ПМЛ(К) и ее союзники заняли лидирующее место в 6 из 12 дистриктов (Ласбела, Калат, Чагхи, Лоралаи, Макран, Турбат). По мнению Лиаката Балуча из ММА, «результаты выборов были организованы, спланированы и сфабрикованы»¹⁰. После окончания выборов оппозиция обратилась к президенту и премьер-министру страны с требованием создать независимую избирательную комиссию и честно провести новые выборы назимов и наибов дистриктов и городов.

Требование оппозиции не было выполнено, поскольку руководство страны не видело оснований для пересмотра итогов голосования. Причиной успеха правящей партии, по мнению лидеров страны и ПМЛ(К), была не манипуляция результатами голосования, а политика «просвещенной умеренности», проводимая администрацией П. Мушаррафа.

Единственной относительно крупной политической организацией, объединяющей представителей различных племен, является Армия освобождения Белуджистана (АОБ), которую представители федеральной власти называют «темной террористической группой, финансируемой Индией»¹¹. Ориентировочно она была возрождена в 2004 г. племенем марри из Белуджского народного освободительного фронта (БНОФ) – организации, которая вела вооруженную борьбу против федеральных властей еще в 1973–1976 гг. Вскоре к ней присоединились члены племени бугти и менгал. В целом же сведения о численном составе и структуре АОБ весьма противоречивы: по некоторым данным, эта организация объединила в одну военизированную структуру БНОФ и Белуджский освободительный фронт (БОФ), по другим – БОФ действует исключительно в южных районах Белуджистана, однако координирует свою работу с АОБ. В то же время в

феврале 2005 г. (т.е. за полтора года до своей смерти) наваб Бугти сообщил, что АОБ, БОФ и БНОФ – это «различные группы или организации», а потому, «что бы они ни делали, они делают самостоятельно, не спрашивая при этом никого»¹².

Тактика борьбы АОБ против федеральной власти предусматривала осуществление диверсий на газодобывающих предприятиях, вооруженные нападения на военные подразделения, минирование путей сообщения, убийство китайских специалистов в Гвадаре. (В мае 2004 г. неизвестные с помощью дистанционного устройства взорвали начиненную взрывчаткой автомашину, когда мимо проезжал автобус с 12 китайскими специалистами, работавшими на строительстве порта. Три инженера погибли на месте, еще 9 китайских специалистов, а также пакистанские водитель и охранник получили ранения. После теракта в Пакистане были задержаны свыше двух десятков подозреваемых в причастности к взрыву.)

В апреле 2006 г. МВД Пакистана объявило АОБ вне закона (хотя до этого Исламабад в течение длительного времени не признавал ее существование). Перед специальными антитеррористическими судами по обвинению в принадлежности к АОБ или в соучастии в ее деятельности предстали некоторые функционеры партии – в июле 2006 г. были заморожены банковские счета 42 членов АОБ, из которых 25 являлись членами семьи наваба Бугти¹³. АОБ оказалась на нелегальном положении, она, по сути, распалась на разрозненные группировки, все чаще прибегавшие к экстремистским формам борьбы с федеральной властью.

После того как в августе 2006 г. в ходе армейской операции был убит вождь племени бугти наваб Хан Акбар Бугти, националистическое движение пошло на спад – 3000 повстанцев, поддерживаемые в основном племенами бугти и марри, «растворились» среди населения Белуджистана, их влияние на политическую жизнь провинции значительно ослабло. Вследствие отсутствия консолидированной белуджской оппозиции при сохранении традиционного соперничества между племенами движение белуджей стало фактически управляемым. Тем более что в рамках подобного межплеменного соперничества, как и в прежние годы, наблюдалось стремление сардаров отдельных племен опереться на помощь и поддержку центральных властей. В первую очередь на подобный компромисс шли влиятельные представители богатой белуджской верхушки, тесно связанные деловыми интересами с крупным пакистанским бизнесом. Представители крупных племен предпочитали либо вступать в альянс с общепакистанскими партиями, либо бойкотировать выборы.

Это подтверждают итоги выборов в законодательное собрание провинции, состоявшихся в феврале 2008 г., когда большинство белуджских националистических партий бойкотировало выборы, а около 4000 представителей оппозиции, выступавших за провинциальную автономию, просто «исчезли» с политической арены накануне выборов (с помощью армейских зачисток). Вождь племени марри

80-летний наваб Хайр Бахш Марри демонстративно проигнорировал выборы, обвинив в «бессовестности» как ПМЛ(К) и лично президента Мушаррафа, так и ПНП во главе с А.А. Зардари. (Один из сыновей наваба Марри вел повстанческую войну и был убит в 2007 г., другой был арестован по обвинению в терроризме в Лондоне.) При общей низкой явке избирателей (в округе Дера Бугти она составила 40%, а в Макране – лишь 2,8%) победу одержали пропрезидентская ПМЛ(К) и ПНП. По итогам выборов было сформировано коалиционное правительство во главе с навабом Асламом Райсани.

После ухода в отставку в августе 2008 г. П. Мушаррафа президентом Пакистана был избран овдовевший муж Б. Бхутто А.А. Зардари, который явно не торопился выполнять обещания, данные Белуджистану его покойной супругой – как по увеличению провинциальной автономии, так и по амнистиям политзаключенным (арестованным в 2005–2007 гг.).

В январе 2009 г. правительство Белуджистана приняло постановление об объединении существующих на территории провинции округов в 6 областей. В область Кветту включили округа Кветта, Пишин, Чагай, Кила-Абдула и Нушки; в область Калат – округа Калат, Хуздар, Ласбелу, Харан, Вашук, Мастунг, Аваран и т.д.¹⁴

Летом 2009 г. тогдашний премьер-министр Пакистана Юсуф Раза Гилани, сославшись на то, что обстановка в стране неблагоприятна для проведения выборов в местные органы власти, объявил, что с 1 августа 2009 г. правительство будет назначать должностных лиц государственной администрации по всей стране. Тем самым система назимов – выборы мэров и других представителей местных властей – была отменена.

В настоящее время на территории пакистанского Белуджистана (как, впрочем, и за его пределами), помимо АОБ, действуют три сепаратистские группировки – Объединенный фронт освобождения Белуджистана (ОФОБ), молодежный фронт и группировка суннитских повстанцев «Джундалла». Члены молодежного фронта, являющиеся частью диаспоры и живущие в Кабуле, Кандагаре, Дубае, Лондоне, Брюсселе и Женеве, все чаще прибегают к терактам в Белуджистане, однако не пользуются поддержкой со стороны местной политической элиты, которая опасается внешнего, прежде всего индийского, влияния на белуджскую молодежь¹⁵. Достоверных сведений о том, действуют ли эти группировки разрозненно или же как взвизомосвязанные звенья одной цепи, нет. Однако доподлинно известно, что важным источником финансирования белуджских националистов являются денежные переводы от рабочих из стран Персидского залива. Появились сообщения, что финансовую помощь повстанцам оказывают Саудовская Аравия и ОАЭ – прежде всего членам ОФОБ и молодежного фронта.

В октябре 2009 г. был убит министр образования Белуджистана Шафик Ахмад Хан (ответственность взял на себя ОФОБ), и это убийство вызвало много противоречивых комментариев. Так, сенатор

Лашкари Райсани (председатель провинциальной ПНП и брат наваба А. Райсани) недвусмысленно упомянул о пуштунских корнях семейства Шафика Ахмада, задаваясь вопросом, не послужило ли это причиной его убийства. Со своей стороны ОФОБ публично объявил, что министр был убит «не за свое пуштунское происхождение, а за свою антибелуджскую политику»¹⁶. Премьер Аслам Райсани назвал убийство Шафика Ахмада нарушением белуджских и исламских традиций и попросил повстанцев «не проливать кровь соплеменников, а приберечь их для внешних сил, стремящихся дестабилизировать Белуджистан и Пакистан»¹⁷.

В начале 2010-х гг. акты терроризма в различных городах Белуджистана не прекращались, однако в основном они были направлены против шиитской общины, и ответственность за них, как правило, брала на себя экстремистская суннитская группировка «Лашкар-е-джанги». Так, в декабре 2012 г. в городе Мастунг погибли 17 паломников-шиитов, направлявшихся в колонне автобусов в Иран. В январе 2013 г. в Кветте был совершен громкий теракт против шиитов-хазарейцев – погибли 17 шиитских паломников. Из-за неспособности правительства провинции обеспечить безопасность ее жителей президент А.А. Зардари ввел в Белуджистане прямое губернаторское правление.

В результате теракта, совершенного вечером 16 февраля 2013 г. в одном из населенных шиитами-хазарейцами районов Кветты, погибли 85 человек, более 100 человек получили ранения. Обстановка в Кветте резко обострилась, деловая активность во многих городах провинции оказалась парализованной. Профсоюзы рабочих и транспортников объявили забастовку, а проживающие в провинции хазарейцы начали бессрочные акции протеста. Руководство крупнейшей в провинции Демократической партии хазарейцев в ультимативной форме потребовало от властей найти и арестовать всех организаторов теракта. В противном случае представители общины угрожали массовыми акциями протеста не только в Белуджистане, но и в различных городах мира¹⁸.

Внешние факторы в перспективах экономического и политического развития пакистанского Белуджистана (Иран, Индия и Китай)

Государством, не заинтересованным в распространении этнического и религиозного сепаратизма непосредственно в пакистанском Белуджистане, является Иран, который после исламской революции 1979 г. стал активно развивать культурные связи с пакистанскими хазарейцами, расширив трансляцию радиопередач на персидском диалекте дари, организуя ежегодные паломничества шиитов на различные религиозные праздники (например, на годовщину смерти имама Хомейни), приглашая хазарейцев на учебу, делая при этом основную ставку на молодежь¹⁹. Главная цель подобной политики

Тегерана, на наш взгляд, – сохранить социальную и политическую стабильность в пакистанской провинции и не допустить развития движения за Великий Белуджистан.

Важным направлением внешней политики Ирана стала экономическая помощь под флагом исламской солидарности путем развития приграничной торговли и поддержки бедных районов вдоль границы с иранской провинцией Систан и Белуджистан. Главным звеном в расширении двусторонних отношений должен стать газопровод Иран – Пакистан (ИП), общая стоимость которого оценивается в 7,5 млрд долл., пропускная мощность – 21,4 млрд м³ газа в год. Строительство ведется иранской компанией Tadbir Energy Development Group, которой осталось освоить 500 млн долл. на строительство пакистанского участка газопровода. 11 марта 2013 г. на границе Ирана и Пакистана состоялось торжественное открытие начала строительства пакистанского участка газопровода ИП в присутствии президента Ирана М. Ахмадинежада и президента Пакистана А.А. Зардари.

Газ предполагается пустить к концу 2014 г., хотя некоторые аналитики считают этот срок нереалистичным, учитывая происходившие до сих пор задержки. Проект был разработан в 1990-х гг., чтобы организовать поставки газа с иранского месторождения Южный Парс в Индию через территорию Пакистана, а ввод проекта в эксплуатацию был запланирован на 2013 г. Индия вышла из проекта в 2009 г. – через год после подписания ядерного соглашения с США. Как считают некоторые эксперты, это было сделано ввиду оказанного давления на нее со стороны Вашингтона.

Впрочем, в марте 2013 г. министр нефти и природного газа Индии Виираппа Мойли заявил представителям индийских СМИ о желании Индии участвовать в проекте ИП, добавив, что индийское руководство обсуждает этот вопрос с Ираном и США: «Газопровод Иран – Пакистан, без сомнения, в интересах не только Индии, но и региональных стран, и после изучения этого вопроса в течение двух недель члены правительства Нью-Дели вынесут решение по сотрудничеству Индии в проекте иранского газопровода»²⁰. По словам пакистанских чиновников, для участия в данном проекте Индия должна обсудить этот вопрос также и с Исламабадом.

Однако главным препятствием на пути строительства и введения в работу газопровода остается низкий уровень безопасности на пакистанском участке. Можно предположить, что местные националистические группировки не упустят случая использовать газопровод как инструмент в борьбе с центральным правительством. Диверсии на данном участке трассы и, как следствие, ответные репрессивные меры властей неизбежно будут осложнять обстановку в провинции. Необходимо учитывать, что газопровод должен проходить по территориям, контролируемым различными племенами. Это неизбежно поставит руководство страны перед достаточно сложной проблемой: либо заключить с ними своего рода сделку и поделиться частью транзитного газа, либо выкупить необходимые участки земли. На прак-

тике это будет возможно только после полного примирения с вождями белуджских племен, которые все активнее выступают с требованиями о переделе собственности и о выплате ренты за использование принадлежащей им земли.

Одновременно эксперты высказывают серьезные сомнения в том, что Пакистану удастся противостоять санкциям, введенным Вашингтоном для оказания давления на иранские власти из-за ядерной программы. США давно уже выступают против этого проекта, поддерживая альтернативный трубопровод ТАПИ.

Газопровод должен соединить туркменское месторождение Довлетабад (запасы оцениваются в 1,7–4,5 трлн м³ газа) с Пакистаном и Индией. Общая протяженность газопровода составит 1680 км, из которых на территории Туркменистана – 170 км, Афганистана – 830 км, Пакистана – 400 км. Примерно 1,3 тыс. км трассы пролегает по ровной или относительно ровной местности. Пропускная способность трубопровода должна составить до 30 млрд м³, стоимость строительства – 4 млрд долл. Планируется, что газопровод на территории Афганистана проляжет вдоль дороги Герат–Кандагар и пересечет границу с пакистанской провинцией Белуджистан недалеко от Кветты. Первоначально сооружение трубопровода стоимостью 7,6 млрд долл. планировалось завершить в 2014 г. Политологи и эксперты из различных стран полагают, что из-за нестабильной обстановки в транзитных странах эти сроки могут сдвинуться, однако они вовсе не включают ТАПИ в список неосуществимых проектов.

Показательно, что в январе 2013 г. Индия и Туркменистан договорились предпринять все необходимые шаги для скорейшей реализации проекта ТАПИ. Решение было принято на 4-м заседании Межправительственной туркмено-индийской комиссии по торговому, экономическому, научному и технологическому сотрудничеству, проходившей 21–23 января 2013 г. в Нью-Дели²¹. Индийская газета «The Hindu» отмечает, что газопровод мог бы идти от Чимкента и продолжиться в Узбекистане. В статье также сообщается, что Индия представила концепцию газопровода, который в будущем может быть расширен и до территории России²².

Будучи согласным с любым из вариантов газопроводов (который выберет Индия – будь то иранский или трансафганский маршрут), Пакистан берет на себя обязательство обеспечить безопасность всех стратегически важных объектов, строящихся на его территории как при помощи правительства, так и за счет зарубежных инвесторов.

В настоящее время главным инвестором в транспортную инфраструктуру Белуджистана остается Китай. Именно Пекин финансировал и осуществлял развитие порта Гвадар в 2002–2006 гг. Затем он согласился с передачей порта в ведение Сингапура, но в начале 2013 г. вновь вернулся к руководству и развитию Гвадарского портового хозяйства. Официальная церемония открытия первой очереди порта состоялась летом 2005 г. Вторая очередь стоимостью 524 млн долл., о начале осуществления которой объявили в феврале 2013 г.,

предполагает строительство частных терминалов для приема грузовых контейнеров, а также нефтетерминала, способного обрабатывать супертанкеры. В целом новый комплексный план развития Гвадара предусматривает создание свободных экономических зон, строительство предприятий нефтегазовой и нефтехимической промышленности, развитие транспортной инфраструктуры (в частности, открытие международного аэропорта). Предполагается, что к 2020 г. грузооборот Гвадара возрастет уже до 90 млн т в год²³.

Препятствиями на пути Китая выступают, по крайней мере, два фактора. Во-первых, далеко не все страны региона (например, Индия) поддерживают Китай в его усилиях на этом направлении, и во-вторых, нельзя не учитывать мнения белуджских националистов. Именно от рук последних работающие на строительстве порта Гвадар китайские специалисты уже подвергались минометным обстрелам и другим актам террора и саботажа.

* * *

Нынешняя достаточно нестабильная обстановка в Белуджистане оказывает негативное влияние на инвестиционный климат в провинции, однако полезные ископаемые, имеющие стратегическое значение, по-прежнему привлекают внимание иностранного, прежде всего китайского, капитала. Так, согласно официальным оценкам, объемы возможного производства на меднорудном месторождении Саиндак насчитывают 15,8 тыс. т черновой меди с содержанием 1,5 т золота и 2,8 т серебра. Рудные запасы оцениваются в 412 млн т с содержанием золота 0,5 г/т и серебра 1,5 г/т. Показательно, что местные власти до сих пор не знают точного объема минеральных ресурсов и запасов шахты, которую разрабатывает китайская Metallurgical Corporation of China Ltd., а также точного соотношения меди и золота в добываемой на Саиндак руде. Показательно также, что китайцы вложили в шахту всего 23 млн долл., а в обмен получили весь ресурсный потенциал месторождения²⁴.

Вполне допустимо предположить, что, если Китай не найдет поддержки со стороны сардаров, месторождения Белуджистана окажутся свободными для новых зарубежных инвестиций. Так, вопреки предостережениям мировых консалтинговых агентств, канадская компания «Бэррик голд» и чилийская «Антофагаста» как будто планируют вложить в разработку золото- и меднорудного месторождения Рико Дик в Белуджистане 3 млрд долл.²⁵

Ситуация в Белуджистане остается крайне взрывоопасной. Несогласие белуджских племен с системой распределения доходов от эксплуатации природных ресурсов провинции и с системой найма на работу на новых объектах инфраструктуры и горной промышленности затрудняет реализацию многообещающих экономических планов.

Примечания

¹ Pakistan: The Worsening conflict in Baluchistan. – Asia Report, № 117, 14 September 2006. – International Crisis Group. Islamabad/Brussels, 14 September 2006. P. 2.

² Ibid.

³ Подробнее о проблемах скупки пакистанских сельхозугодий иностранными фирмами см.: Пакистан и новая форма неокOLONиализма. – www.iimes.ru/rus/stat/2009/02-18.

⁴ Dawn, 15.12.2008.

⁵ Gall C. Pakistani Tribal War May Disrupt Fight Against Al Qaeda. – The New York Times, 24.04.2006.

⁶ The News, 29.01.2005.

⁷ The News, 29.01.2005.

⁸ Gall C. Op. cit.

⁹ Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Выборы органов местного самоуправления в Пакистане в 2005: итоги и значение для будущего политического развития страны. – Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен. М., 2006. С. 156.

¹⁰ Там же. С. 161.

¹¹ Pakistan: The Worsening conflict in Baluchistan... P. 12.

¹² Newslines, February 2005.

¹³ Dawn, 21.07.2006.

¹⁴ The News, 25.01.2009.

¹⁵ Yusufzai R. The Baluch insurgency is no bluff. – The News, 3.11.2009.

¹⁶ The News, 3.11.2009.

¹⁷ The News, 3.11.2009.

¹⁸ <http://313news.nt/news/2013/18/02>.

¹⁹ Dawn, 15.12.1995.

²⁰ <http://iran.ru/news/economics/86717/2013/31/03>.

²¹ <http://neftegaz.ru/newsview/106987>.

²² The Hindu, 24.01.2013.

²³ Business and Finance Review, 24.11.2005.

²⁴ <http://www.mineral.ru/News/2013/25/03>.

²⁵ За освобождение Белуджистана. – Геополитика. Информационно-аналитический портал: <http://geopolitica.ru/2009-07-03>.

В.П. Кириченко*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЙЕМЕНЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, РЕЛИГИОЗНЫЙ И ПЛЕМЕННОЙ ФАКТОРЫ

Исторические особенности становления современного йеменского государства, сложная структура его общества, в котором все еще сохраняется влияние племенных структур, а также религиозная неоднородность населения – все это накладывает отпечаток на политическую ситуацию в стране. Йеменская Республика населена многочисленными племенами, отличающимися своими религиозными воззрениями, местами первоначальной локализации, что определило их традиционные способы хозяйствования и экономический потенциал, а также несовпадение исторического контекста, в котором происходило развитие разных частей этой страны.

Некоторое время Северный и Южный Йемен развивались независимо друг от друга. На территории Северного Йемена республика была провозглашена осенью 1962 г., но затем началась гражданская война, длившаяся 8 лет. Южный Йемен, бывший британским протекторатом с 1839 г., получил независимость в 1967 г. Оба государства долго воевали между собой, пока 22 мая 1990 г. не было достигнуто соглашение об объединении. Однако в 1994 г. вновь вспыхнула гражданская война. А в июне 2004 г. на северо-западе Йемена, в провинции Саада, восстали йеменские шииты (зейдиты). Участники мятежа, возглавляемого имамом Бадруддином аль-Хуси, требовали от президента Йемена Али Абдаллы Салеха¹ предоставления им возможности участвовать в работе органов местного самоуправления, выделения средств на экономическое развитие провинции Саада, материальной компенсации ущерба, понесенного местными жителями в ходе боевых действий².

В начале 2010 г. правительству удалось добиться перемирия с шиитскими повстанцами. Однако на волне «арабской весны» оно продлилось недолго, и уже в 2011 г. противостояние между шиитами и правительственными войсками возобновилось. Характерно, что в ряде мест (например, в районе г. Даммадж) в конфликт вступили и неправительственные суннитские формирования, сотрудничавшие с боевиками «Аль-Каиды»³. Что касается шиитов, то есть основания полагать, что они получали помощь от Ирана.

У зейдитов также крайне непростые отношения с салафитами⁴, которые укрепили свои позиции в Йемене. В сентябре 2012 г. в ре-

* Кириченко Владимир Павлович, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

зультате столкновений салафитов и зейдитов в Йемене было убито 12 человек⁵. Причиной противостояния стало то, что зейдиты были недовольны назначением на административные должности в северных провинциях Йемена сторонников партии «Ислах», поддерживаемой салафитами.

Социально-политическая ситуация в Йемене также осложнена сохраняющимся влиянием племенных структур. Принадлежность к тому или иному племени является имманентной частью самоидентификации любого йеменца. Поэтому интересы племени рассматриваются как важный фактор политической жизни.

Всего в Йемене насчитывается несколько десятков племен и племенных конфедераций. На севере доминируют племенные конфедерации хашид и бакиль, племена бени матар, бени харис и др., на юге (с запада на восток) – субайхи, хаушаби, амири, яфай, фадли, аулаки и др. Зачастую отношения между ними являются причиной междоусобиц, переходящих в серьезный конфликт.

В годы правления президента Али Абдаллы Салеха (1978–2012) значительными привилегиями пользовались представители конфедерации племен хашид. Особенно это касалось семьи лидера этого племенного сообщества шейха Абдаллы аль-Ахмара (ум. 2007). Так, Хамид, один из сыновей А. аль-Ахмара, стал предпринимателем и имел преимущества перед другими бизнесменами за счет покровительства отца. Еще трое сыновей шейха, Хусейн, Химйар и Хашим, оказались на высоких постах в сфере безопасности и политики. В частности, Химйар аль-Ахмар стал спикером йеменского парламента⁶. Следует отметить, что члены другой йеменской конфедерации племен – бакиль – находились при А.А. Салехе в менее привилегированном положении. Как пишет американский исследователь Эйприл Лонгли Элли, представители бакиль хотя и пользовались определенным влиянием, но были лишены реальной власти, которая находилась в руках членов конфедерации хашид⁷.

Однако влияние племенных традиций на жизнь населения Йемена постепенно снижается. Как отмечает американский социолог Роберт Митчелл, шейхи нередко ставят личные интересы выше интересов племени, что вызывает закономерный протест рядовых членов племени. На уменьшение влияния племенных традиций повлияла и урбанизация. Связь с племенем для перебравшихся в города ослабевает, и племя уже не является основной и единственной социально-политической единицей, принадлежность к которой маркирует идентичность йеменца. Призыв в армию также способствует ослаблению (хотя и в меньшей степени) племенной идентификации и постепенному формированию национального самосознания⁸.

С конфессиональной точки зрения население Йемена довольно разнообразно⁹. В стране проживают последователи различных течений ислама. Большинство населения юга Йемена – сунниты-шафииты¹⁰, в северных частях страны, помимо шафиитов, проживают шииты-зейдиты¹¹. Там же, на севере, сосредоточены поселения шиитов-

имамитов¹². Кроме того, существует небольшая община шиитов-исмаилитов (75 тыс.)¹³.

Сунниты, последователи шафиитского мазхаба, составляют около 70% населения Йемена. Поселения шафиитов находятся в Тихаме, Асире, южных районах Джебеля и Хадрамаута. Зейдизм – это умеренный вариант шиизма. В отличие от шиитов-имамитов (основного течения шиизма) зейдиты не признают учения о «скрытом имаме»¹⁴, кроме того, у них отсутствует институт временного брака, что сближает суннизм и зейдизм. Зейдиты не практикуют *масха* – обтирание влажными руками обуви, которая покрывает ногу до лодыжки, как замену омовения¹⁵. Также зейдиты не принимают учения о «благоразумном скрывании» своей веры (*такыйя*). В отличие от остальных шиитов последователи зейдизма не считают первых трех халифов «узурпаторами». Зейдиты и шафииты могут посещать мечети друг друга, между ними нередко заключаются браки¹⁶.

С начала 2000-х гг. новым фактором, осложняющим политическую обстановку в регионе, и в частности на территории Йемена, стала деятельность террористической группировки «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП). Впервые о йеменском филиале «Аль-Каиды» заговорили после атаки на американский миноносец «Коул» в октябре 2000 г. Погибло 17 моряков, корабль стоимостью в 1 млрд долл.¹⁷ на два года был выведен из строя.

В мае 2012 г. на площади Ас-Сабин в Сане, где должен был пройти военный парад в честь празднования Дня национального единства (22 мая), прогремел взрыв. Он унес жизни 63 военнослужащих, участвовавших в репетиции парада. Ответственность за случившееся взяла на себя группировка «Ансар аш-Ша'рия» – ветвь АКАП.

Лидером АКАП является Насир аль-Вухайши, бывший личный секретарь Усамы бен Ладена. Он входит в десятку самых разыскиваемых террористов. В сентябре 2012 г. власти Йемена сообщили о ликвидации Саида аш-Шихри, который считался вторым человеком в руководстве АКАП. Его убили вместе с шестью другими боевиками в ходе операции с воздуха в местности Вади-Айн (провинция Хадрамаут). Это произошло после того, как в декабре 2011 г. Йемен разрешил США нанести удары по возможным базам боевиков «Аль-Каиды». Характерно, что тогда президент Йемена Али Абдалла Салех заявлял, что атаки совершались йеменскими военными, в то время как на самом деле их осуществляли американцы. Факт использования американской военной авиации для подавления баз АКАП свидетельствует о том, что США чрезвычайно обеспокоены деятельностью этой организации на Аравийском полуострове.

Йемен занимает стратегически важное положение в юго-западной части Аравийского полуострова, и с его территории легко контролировать движение танкеров, проходящих из Аденского залива через пролив Баб-эль-Мандеб в Красное море. Неконтролируемая береговая линия длиной в 1200 миль в Аденском заливе и Красном море и сухопутная граница с Саудовской Аравией и Оманом длиной

в 1000 миль, которая проходит в основном по пустыне, делают Йемен идеальным укрытием для «Аль-Каиды». Боевики могут безнаказанно перемещаться между Афганистаном и Пакистаном, а также через Йемен в Сомали, а тотальная нищета, господствующая в этих четырех странах, обеспечивает им постоянный приток новых боевиков.

Эти обстоятельства вызывают беспокойство. США выделяют Йемену средства как на военные, так и на гражданские нужды. Однако новая военная техника зачастую используется правящим режимом для борьбы с оппозицией, а не с террористами, а остальные деньги бесследно исчезают. Еще в 2010 г. (при прежнем президенте Йемена Али Абдалле Салехе) в Вашингтоне обсуждался вопрос о выделении Йемену 1,2 млрд долл. военной помощи сроком на пять лет¹⁸. Однако против такого шага американского руководства высказались как республиканцы, так и демократы. Их главный аргумент – высокий уровень коррупции йеменских властей.

Йемен является беднейшим государством арабского мира. По индексу человеческого развития ООН страна занимает 149-е место из 175 стран мира и относится к числу наименее развитых. Доход 16% йеменцев не превышает 1 долл. в день на человека, 47% – менее 2 долл.¹⁹ Несмотря на высокую детскую смертность – 79 случаев на 1000 новорожденных, здесь сохраняется очень высокий уровень рождаемости. В 1980 г. население страны насчитывало 7,9 млн человек, а в 2010 г. – уже примерно 24,1 млн²⁰. В 2005 г. каждый час на свет появлялись 72 младенца, спустя три года – в 2008 г. – 80²¹. Большая часть населения Йемена – молодежь, часть которой получила образование, иногда даже высшее (хотя и крайне низкое), но не может найти работу. Йеменцы, получившие образование в других странах, обычно на родину не возвращаются, ибо знают, что их карьера зависит не от их знаний, а от их принадлежности к тому или иному клану. Уровень жизни в Йемене остается крайне низким. По данным на март 2011 г., треть населения страны страдала от хронического недоедания.

Негативное воздействие на экономику Йемена оказала депортация йеменских рабочих из Саудовской Аравии и других стран Аравийского полуострова, вызванная поддержкой йеменским руководством агрессии Ирака против Кувейта в 1990 г.²² В результате в стране повысился уровень безработицы, который, по некоторым данным, превысил 35%²³.

Уже долгие годы благосостояние страны во многом зависит от денежных переводов от йеменцев, работающих за рубежом, численность которых после 1990 г. значительно уменьшилась, а также от экспорта нефти, изначально небольшие запасы которой в последнее время сокращаются²⁴. Йеменская доля в мировых запасах составляет всего 0,16% (350 млн т)²⁵. Нефтяные месторождения находятся в восточных провинциях страны Шабва и Хадрамаут, а также в цент-

ральной провинции Мариб. Основные потребители йеменской нефти – Китай, Таиланд, Индия, Сингапур и ЮАР.

В январе 2011 г. политическая ситуация в стране резко обострилась. На рост протестов среди населения Йемена повлиял и успех государственного переворота в Тунисе, за которым последовала волна антиправительственных выступлений, которые затронули практически все арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки. Кроме того, стало известно, что Али Абдалла Салех стал прилагать усилия для того, чтобы сделать преемником своего сына Ахмеда (р. 1970), выпускника британской военной академии Сандхёрст, впоследствии ставшего главой Республиканской гвардии.

Улицы столицы Йемена заполнили десятки тысяч людей, требовавших отставки Али Абдаллы Салеха и правительства Йемена. В ряде мест произошли перестрелки. 26 февраля 2011 г. появились сообщения о том, что два наиболее влиятельных зейдитских племенных союза Йемена отказали в поддержке президенту страны и перешли на сторону оппозиции. В частности, на сторону оппозиции перешел шейх Садик аль-Ахмар, лидер племенной конфедерации хашид. Он заявил о своем выходе из «Всеобщего народного конгресса» – правящей партии в Йемене, кандидатом от которой был президент Али Абдалла Салех. Против режима выступила и другая конфедерация племен – бакиль²⁶.

Во второй половине марта 2011 г. о своем переходе на сторону оппозиции заявил генерал-майор Али Мохсен Салех аль-Ахмар, командующий первой бронетанковой дивизией, до этого возглавлявший Республиканскую гвардию, и одновременно сводный брат президента страны²⁷. Вслед за ним в лагерь протестующих перешли около 60 офицеров и 3 генерала. Кроме того, против действующей власти выступили некоторые йеменские дипломаты, аккредитованные в зарубежных странах. В конце концов противостояние президента и оппозиции закончилось отставкой Али Абдаллы Салеха в ноябре 2011 г.²⁸ и передачей власти вице-президенту Абд ар-Раббу Мансору аль-Хади. Этот шаг позволил разрядить политический кризис, и 21 февраля 2012 г. Абд ар-Раббу Мансур аль-Хади был избран новым президентом Йемена²⁹. Практически сразу он стал наводить порядок в стране: в столице начали убирать мусор, прекратились перебои с электричеством, рабочие перестали бастовать. Однако каких-либо существенных перестановок во властных структурах практически не произошло. Попытка нового президента переподчинить Вторую бригаду Республиканской гвардии, которой командовал Ахмед Салех, военному региону «Юг», вызвала недовольство гвардии, которая в знак протеста оставила свои позиции на юге страны – в провинции Абьян, где она вела бои с боевиками «Аль-Каиды». Таким образом, конфликт между йеменскими элитами остается неурегулированным.

Ухудшение политической ситуации в Йемене произошло по нескольким причинам. Это и сохраняющиеся противоречия между севером и югом страны, сложные отношения между племенами, а также усиление активности АКАП. Кроме того, усугубились проблемы в экономике страны, вызванные последствиями депортации йеменских рабочих из стран Залива. Негативным фактором стало и то, что в Йемене большая доля молодежи среди населения (30,2% от общей численности в 2010 г.³⁰). Следует отметить, что, согласно исследованиям немецкого социолога Гуннера Хайнзона³¹, в обществах, где количество юношей возраста 15–29 лет превышает 30%, возрастает вероятность всплесков насилия и гражданских войн.

Недовольство населения вызвали и длительность пребывания у власти А.А. Салеха, который был президентом в течение 33 лет, а также коррумпированность режима. В условиях роста популярности информационных технологий Йемен не остался в стороне от «арабской весны», что способствовало усилению политического кризиса в стране, с одной стороны, и подъему национального самосознания – с другой.

Примечания

¹ Али Абдалла Салех (р. 1942) – выходец из племени санхан, входящего в племенную конфедерацию хашид, мусульманин-зейдит. В 1978 г. был избран президентом Северного Йемена. После объединения Южного и Северного Йемена находился на руководящих постах, в том числе был президентом страны до начала 2012 г.

² Нечитайло Д. Призрак имама Зейда. Шииты Йемена намерены взять исторический реванш. – http://religion.ng.ru/problems/2010-01-20/5_zeid.html.

³ <http://ummanews.com/news/umma/4619-----25---.html>.

⁴ Салафиты – сторонники течения ас-салафийа – общее именование мусульманских реформаторов разных эпох, выступавших за возвращение к исламу «праведных предков» (ас-салаф ассалихун) путем избавления от «новшеств» (бид'ат), которые, по их мнению, с течением времени искажают изначальную истинную веру и основанный на ней социальный порядок.

⁵ <http://www.naharnet.com/stories/en/54465>.

⁶ Alley L.A. The rules of the game: unpacking patronage politics in Yeme. – Middle East j. Vol. 64, № 3. Wash., 2010. P. 398.

⁷ Ibid.

⁸ Mitchell R.E. What the social sciences can tell Policy-Makers in Yemen. – Middle East j. Vol. 66, № 2. Wash., 2010. P. 303.

⁹ В доисламское время, когда в IV в. химйаритам удалось объединить весь Йемен, царствующая династия приняла иудаизм. В начале VI в. под влиянием Эфиопии в стране распространилось христианство, однако к VII в. Йемен на короткое время был завоеван сасанидским Ираном. В 628 г. начался процесс исламизации Йемена.

¹⁰ Шафиитский вариант суннизма зародился на рубеже VIII–IX вв. Он был назван по имени знаменитого юриста, богослова и знатока мусульманского предания Мухаммада аш-Шафии (767–820). Коран и Сунна рассматриваются шафиитами как единый источник правовых установлений. По сравнению с ханифитским мазхабом (юридической системой) шафиизм позволяет избежать усложненного логического анализа, приняв суждение по аналогии, а в сравнении с маликитским мазхабом не требует детального знания правового комплекса общины города Медины, который в тот период считался эталонным.

¹¹ Зейдиты – последователи одной из умеренных сект шиитов. Название секты произошло от имени Зейда ибн Али, внука Хусейна, брата пятого шиитского имама Мухаммеда аль-Бакира (ум. 732). В 739 г. Зейд возглавил восстание за права потомков Али (Алидов), но в следующем году погиб. Потомкам и приверженцам Зейда удалось привлечь на свою сторону жителей юго-западного побережья Каспийского моря и основать в 864 г. в Табаристане, Дейлеме и Гиляне зейдитское государство, просуществовавшее около трех столетий. В X в. в Йемене возникло теократическое зейдитское государство (имамат). Кроме Йемена и Северного Ирана династии зейдитов правили в Марокко в VIII–X вв. В Йемене зейдизм смог укорениться и стать идейным оружием мощного религиозного движения.

¹² Имамиты – обобщающее название различных шиитских сект, которые верят, что духовное или политическое руководство общиной, а также власть в Халифате переходят от одного имама к другому путем «ясного указания» одного из них на другого.

¹³ Исмаилиты – одна из основных ветвей шиитского ислама, возникшая в середине VIII в. Исмаилизм появился вследствие обострения классовых противоречий, выразившихся в усилении власти феодалов и росте налогового бремени. Вспыхнувшие народные (в основном крестьянские) восстания носили характер сектантского движения, выступавшего с требованиями всеобщей справедливости и социального равенства, которое должно было быть достигнуто путем установления справедливого правления.

¹⁴ Мухаммад аль-Махди – так называемый «скрытый» имам – получил названия «Владыки эпохи» («Сахиб аз-заман») и «Ожидаемого Махди» («Мунтазар»). В 940 г. шиитские теологи объявили о прекращении родословной имамов до возвращения этого «скрытого» имама, который «в конце времен восстановит торжество справедливости».

¹⁵ Strothmann R. Al-Zaidiya. – E. J. Brill's Encyclopedia of Islam – 1913–1936. Vol. VIII. Reprint. 1987. P. 1196.

¹⁶ Wenner M.W. Modern Yemen 1918–1966. Baltimore, 1967. P. 35.

¹⁷ <http://www.foxnews.com/story/0,2933,333612,00.html>.

¹⁸ <http://www.geopolitika.lt/?artc=4481>.

¹⁹ <http://podelise.ru/docs/26343/index-4576-2.html>.

²⁰ <http://www.escwa.un.org/popin/members/yemen.pdf>.

²¹ <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/mir01.php>.

²² Хейдер А.Н. Некоторые аспекты социально-экономического развития Йеменской Республики на современном этапе. – Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (Новейшая история, экономика и политика). Вып. 3. М., 1998. С. 105.

²³ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. Ближний Восток и Африка. 9.03.2011. С. 6.

²⁴ Поступления от экспорта йеменской нефти составляют около 70% доходов бюджета страны. (<http://www.a1saudiarabia.com/14494-yemen-oil-export-revenues-decline-268b-in-10-months/>). В 2001 г. экспорт нефти из Йемена составлял 338 тыс. барр./день (<http://asprousa.org/2010/01/yemens-oil-deadly-decline-rate/>), а в 2010 г. он снизился до 103 тыс. барр./день (<http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=YM>).

²⁵ Российское энергетическое агентство, 14.09.12.

²⁶ <http://lenta.ru/news/2011/02/26/yemen/>.

²⁷ Причины перехода Али Мохсена Салеха аль-Ахмара в стан оппозиции некоторые наблюдатели связывают со слухами о том, что А.А. Салех в свое время пришел к власти благодаря шейху аль-Ахмару, главе клана аль-Ахмар и вождю конфедерации хашид, которому он в знак благодарности обещал способствовать продвижению к президентскому креслу одного из его сыновей. Но после того как в 2007 г. шейх умер, А.А. Салех счел себя свободным от всех обязательств.

²⁸ А.А. Салех отрекся от власти в обмен на предоставление иммунитета от уголовного преследования за преступления, совершенные в период его пребывания на посту президента.

²⁹ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. Ближний Восток и Африка. 9.04.2012. С. 13.

³⁰ <http://www.haver.com/comment/comment.html?c=110131c.html>.

³¹ Хайнзон Гуннер – профессор Бременского университета, социолог. В 2003 г. опубликовал книгу «Сыновья и мировое господство», в которой исследовал взаимосвязь демографических показателей и уровня насилия в обществе.

Раздел V

**ПРОБЛЕМЫ
ЗАНЯТОСТИ И МИГРАЦИИ**

О.П. Бибикова*

ТУРЕЦКИЕ ИММИГРАНТЫ В ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К началу 2011 г. в Германии проживало более 4 млн турок, из них 1 658 083 обладали турецким гражданством¹. Ныне турки являются крупнейшей национальной диаспорой Германии, в 2009 г. их численность составила 25% всех иностранцев. Официальное число турок в Германии, имеющих турецкое гражданство, снижается в основном из-за того, что некоторые категории получают немецкое гражданство. В 2000 г. был принят закон, согласно которому гражданство определялось не по национальности, а по месту рождения, в результате чего турецкие дети, рожденные в Германии после этой даты, автоматически получают немецкое гражданство. Принимая этот закон, немецкие законодатели исходили из того, что рожденные в Германии турки должны ощущать себя причастными к этой стране, к ее культуре и истории. По мнению французского исследователя А. Кайя, принятие этого закона «приведет к ослаблению сплоченности этнических общин, смягчит зависимость от этнических, конфессиональных и национальных связей»². Положительным следствием нового закона стало то, что общая численность иностранцев в последние годы остается относительно стабильной.

Для Германии учет детей, родившихся в турецких или турецко-немецких семьях, как будущих граждан страны, очень важен. Дело в том, что немецкая нация стремительно стареет: в 2000 г. каждый шестой житель Германии был в возрасте 65 лет и старше. По данным на 2011 г., люди старше 65 лет составляли уже 20,6%, а к 2050 г. их число может достичь 30%³.

Кроме того, по статистике, немцы по сравнению с другими европейцами заводят меньше всего детей. Последние 40 лет коэффициент рождаемости в Германии остается на уровне 1,39 ребенка на каждую женщину. Это главная причина того, что население страны сокращается: даже для его простого воспроизводства, как известно, нужен показатель 2,0⁴. Таким образом, Германия демонстрирует один из самых низких показателей рождаемости на континенте.

Здесь, так же как и в других странах Европы, утрачивает свое значение и институт брака: по данным на 2009 г., немцы регистрировали лишь 4,6 бракосочетаний на 1000 жителей. Сложилась ситуация, когда человек сознательно отказывается регистрировать брак и иметь детей, что отражается на социальных и этических ценностях

* Бибикова Ольга Павловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

общества. Причину того, что в индустриально развитых государствах показатели сокращения населения самые высокие, следует искать в двух мировых войнах XX в. Кроме того, немцы опережают многие страны по количеству разводов – 2,3 развода на 1000 человек⁵.

Единственный способ избежать катастрофических последствий сокращения населения – это массовый приток иммигрантов. Демографы подсчитали, что при уровне иммиграции в 100 тыс. человек к 2060 г. в Германии будет 65 млн человек. При нулевом уровне миграции в 2060 г. в стране останется не больше 58 млн жителей. Но это приблизительные данные. Дело в том, что одновременно Германия переживает исход коренного населения из страны: за последние десять лет из страны ежегодно уезжали около 700 тыс. немцев. Таким образом, Германии нужно не только уравновесить потерю населения из-за низкой рождаемости, но и ежегодно предоставлять гражданство более чем полумиллиону человек для того, чтобы только компенсировать эмиграцию.

Начиная с 1960-х гг. гастарбайтеры (прежде всего из Турции), политэмигранты и беженцы⁶ способствовали увеличению населения страны, а поскольку среди переселенцев преобладали молодые люди, рождаемость у них была выше, чем у коренных жителей. Несмотря на то, что рецессия 1967 г. временно приостановила процесс найма новых гастарбайтеров, сразу после ее окончания немецкие власти открыли двери страны для воссоединения семей, пытаясь одновременно разрешить проблему дефицита рабочей силы в низкооплачиваемых и непрестижных областях сферы услуг. На основе этого решения рабочие визы были предоставлены преимущественно женщинам. Отчасти это снижало уровень социальной угрозы со стороны одиноких иностранных рабочих – мужчин, живущих в общежитиях. Принятый впоследствии (в 1974 г.) Закон об объединении семей существенно облегчил этот процесс. Естественно, что в первую очередь визы получили жены гастарбайтеров, уже проживавших в ФРГ. Таким образом, к 1976 г. турчанки составили 27% гастарбайтеров⁷. Логичным результатом кампании по воссоединению семей и увеличению числа женщин-иммигранток стало повышение рождаемости среди семей иммигрантов. Властям ФРГ потребовалось немало усилий для того, чтобы создать условия для решения социальных вопросов, в том числе включения детей в образовательную систему страны. В 1978 г. бундестаг одобрил закон, предусматривающий выдачу иностранным рабочим разрешений на работу и проживание в течение неограниченного срока (после 8 лет проживания вместо 10 лет, как это было ранее). Этот факт свидетельствует о том, что страна не смогла подготовить собственные кадры рабочих и по-прежнему рассчитывала использовать наемный труд иностранцев. Были также сняты ограничения на проживание иммигрантов в районах с высокой плотностью населения⁸.

Таким образом, стало очевидно, что если в 1960-е гг. турецкие гастарбайтеры воспринимались как временные работники, приехав-

шие на несколько лет на заработки, то теперь в стране присутствует крупное этническое сообщество, отличающееся от коренных жителей не только культурой, религиозными воззрениями, но и менталитетом. К этому времени в ФРГ уже насчитывалось около миллиона турок. Тогда же вопрос об их присутствии стал темой общественных дискуссий.

В 1970–1980-е гг. правительство стало принимать меры по сдерживанию иммиграции. Принимались антииммигрантские законы, стимулировалось возвращение турок на родину. Однако после того как в 1983 г. власти стали выплачивать гастарбайтерам 10,5 тыс. марок с условием переезда на родину, этой возможностью воспользовались только 13 тыс. человек – капля в море. Жизнь в Германии все равно оставалась более привлекательной, чем возвращение в Турцию, несмотря на рост ксенофобии в немецком обществе.

Сегодня среди немецких турок мало людей старше 60 лет – всего 5%. Часть представителей первого поколения вернулась на родину, а те, кто приехал в ФРГ после 1973 г., сегодня составляют 53% турецкой диаспоры. К этому надо добавить 17% молодых турок, родившихся в Германии⁹. Приведенные цифры свидетельствуют о привлекательности Германии для турецких иммигрантов. Однако из этого не следует, что все они адаптировались к немецкой действительности.

Следует отметить, что не все турецкие иммигранты стремятся закрепиться в Германии. Сложившаяся ныне в Турции благоприятная экономическая ситуация заставляет молодых иммигрантов размышлять о преимуществах трудоустройства на родине. По оценкам Айхана Кайя, специалиста по вопросам иммиграции, в последние несколько лет из-за границы на родину ежегодно возвращается примерно 8–10 тыс. представителей молодежи, имеющих турецкие корни. В качестве причин, побуждающих их вернуться на родину, они называют усиливающийся расизм, антиисламизм и ксенофобию, а также углубляющиеся экономические проблемы в странах Европы. Как свидетельствуют результаты исследования, проведенного Фарухом Шеном, руководителем турецко-немецкого Фонда образования и научных исследований в Стамбуле, обстановка экономической неопределенности, сохраняющаяся в Европе, представляет собой главную причину, побуждающую турецкую молодежь (представителей диаспоры или обучавшихся в европейских университетах студентов) возвращаться на родину¹⁰. Среди тех, кто решил вернуться в Турцию, много выпускников немецких вузов. Обладая дипломом о высшем образовании и знанием немецкого языка, они довольно быстро находят работу в немецких фирмах, представители которых в последние годы в изобилии открываются в Турции.

Согласно некоторым оценкам, сегодня в Европе проживают 120 тыс. турок, имеющих университетское образование. А Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отмечает, что треть из

140 тыс. европейских предпринимателей турецкого происхождения, – которые ежегодно дают в бюджет из своих доходов 45 млрд евро и предоставляют работу 700 тыс. человек, – также имеет университетские дипломы¹¹. Тем не менее образование остается болевой точкой турецкой диаспоры в Германии.

В 1960-е гг. иностранцы в основном были заняты в горно-добывающей, сталелитейной, автомобильной промышленности и сельском хозяйстве, которые в тот период в ФРГ назывались «отраслями роста». Позднее, с внедрением новых технологий, процент иностранцев в этих отраслях стал меньше, и они стали уходить в сферу услуг. Это свидетельствует о том, что уровень профессионализма иностранных рабочих остался на прежнем уровне, ибо власти ФРГ не занимались переподготовкой иностранных рабочих. По мнению А.А. Николаева, «наличие иностранной рабочей силы было фактором, смягчавшим структурные трудности и напряженность на рынке труда в кризисный период»¹². Таким образом, социальное положение гастарбайтеров в Германии оставалось прежним. Даже выросшая в ФРГ молодежь, т.е. второе и третье поколения гастарбайтеров, оставалась маргиналами.

В берлинском районе Кройцберг доля турецкого населения составляет более 40%. Учитывая, что в турецких семьях традиционно много детей, доля турецких учащихся в школах этого района колеблется от 70 до 90%. Такая фантастическая концентрация иностранцев в общеобразовательных школах сводит «на нет» все попытки учителей интегрировать турецких детей в немецкое общество. В вузы поступают лишь 6% детей из турецкой общины (среди этнических немцев этот уровень достигает 23%)¹³.

В Берлине лишь 1 из 12 турецких школьников сдает экзамены за полный курс средней школы, в то время как среди немецких школьников их сдает каждый третий. Слабая успеваемость турецких школьников связана с отсутствием у большинства родителей установок на получение полного образования. Российский журналист С. Сумленный в своей книге «Немецкая система. Как устроена Германия» отмечает, что в ряде школ преподаватели просто «махнули рукой на плохую успеваемость детей из турецких семей», что в конце концов перекрывает дорогу детям иммигрантов к достойному образованию. Однако в берлинском районе Нойкелльн, отличающемся высокой концентрацией иммигрантов, доказали, что если перевести школу на полный день, обеспечив детям доступ к бесплатным спортивным и творческим секциям, то их успеваемость резко повышается, дети лучше говорят по-немецки, а их контакты с уличными бандами сокращаются. Расходы на продленное содержание детей в школе «не больше, чем стоимость содержания двух-трех заключенных»¹⁴.

Есть признаки того, что турки создают в Германии (так же как и в других странах Европы) своеобразное «параллельное общество», в котором они живут по собственным законам. Об этом свидетельствует

стремление многих обосновавшихся в Германии турок обзавестись невестой из турецкой глубинки. С точки зрения психологии этот феномен вполне объясним: брак с соотечественницей более прочен, в то время как в смешанном союзе возможны столкновения менталитетов и т.д.

Зачастую консервативные отцы турецких семей привозят с родины невест для своих сыновей. Подобный «брачный туризм» замедляет процесс интеграции турок в европейское общество. Как известно, влияние семьи на подрастающее поколение обычно выше, чем школы или государства, а в турецком случае это еще существеннее, так как государство не является «своим». Возможности для вертикальной мобильности представителей турецкой общины невелики – есть исключения, но они подтверждают правило. А социальные пособия, которые получают турецкие семьи с детьми, позволяют поддерживать им более высокий уровень жизни, чем не только в каком-нибудь захолустном анатолийском городке, но и в Стамбуле.

Как и в других странах Европы, в случае развода законы шариата входят в противоречие с законами Германии. Дело в том, что по немецким законам несовершеннолетний ребенок остается с матерью, которая может не работать до достижения ребенком 8 лет, а после (до 15 лет) – работать частично. Все это время отец ребенка должен платить алименты, которые рассчитываются по специальной таблице с учетом его возраста и профессии. По мусульманским законам отец имеет больше прав на своих детей (особенно на мальчиков) и зачастую, например в случае отъезда из страны, стремится увезти детей из Германии.

Естественно, что при столь масштабном присутствии этнических турок в Германии существуют и положительные примеры успешной адаптации в немецком обществе. Среди них можно назвать немецкого государственного и политического деятеля Джема Оздемира. Сын турецких иммигрантов черкесского происхождения, он родился в Германии в 1965 г. Закончив университет, работал журналистом, опубликовал несколько книг по вопросам турецкой иммиграции. В 1981 г. стал членом партии «зеленых»¹⁵, а в 1994, 1998 и 2002 гг. избирался в бундестаг. Однако в результате разгоревшегося скандала¹⁶ был вынужден уйти в отставку. В 2004 г. Дж. Оздемир стал депутатом Европейского парламента. В 2008 г. он был избран на пост сопредседателя партии «зеленых». Следует отметить, что в Германии практически нет политиков федерального уровня, происходящих из семей иммигрантов. Партия «зеленых» – единственная из политических организаций, которая серьезно занимается проблемами иммигрантов. Сама же турецкая диаспора достаточно активна в коммунальной политике Берлина: в городском сенате из 149 депутатов 9 депутатов турецкого происхождения¹⁷.

Как и в других европейских странах, турки достаточно успешны в спорте и зрелищных искусствах. Фатих Акин (р. 1973) – молодой ки-

норежиссер, сценарист и актер – уже за свой первый фильм «Быстро и не больно» (1998) получил премию в Локарно. За свой следующий фильм «Пьеро» он был награжден на кинофестивале в Мюнхене. Еще один фильм Ф. Акина – «Головой о стену» (2004) – получил несколько наград, в том числе премию Берлинского кинофестиваля. Здесь же в 2007 г. он получил премию за лучший сценарий за фильм «По ту сторону». В 2007 г. в немецкую Академию языка и литературы была избрана немецкая писательница турецкого происхождения Эмине Севги Оздамар (р. 1946), получившая несколько премий за свои произведения. Среди спортсменов турецкого происхождения лучшим футболистом сезона 2010–2011 г. в Германии был признан полузащитник команды «Боруссия» (Дортмунд) Нури Казым Шахин (Люденшайд, р. 1988), а в 2012 г. лучшим игроком был назван еще один турецкий уроженец Германии Месут Озил (Гельзенкирхен, р. 1988), выступающий за национальную сборную Германии¹⁸.

Большинство немецких турок живут в двух конфликтующих культурах с различными моделями поведения. В школе или на работе, как правило, доминирует немецкая культура, тогда как в свободное время социальные связи осуществляются в рамках этнических групп. Наиболее многочисленны турки в Берлине, который называют «Анкарой на Шпрее»: здесь они составляют примерно 10% населения. Каждый третий берлинский турок является обладателем немецкого паспорта. Около 12 тыс. человек – люди с высшим образованием. Почему Берлин стал главным центром притяжения для турок? Турки начали селиться в этом районе с 1970-х гг., так как немецкое население старалось держаться подальше от Стены. До падения Стены в Германии имела так называемая «берлинская доплата» – 8%, что было существенно для турецких рабочих. То, что берлинцы были не обязаны служить в армии, для турок особой роли не играло. Кройцберг стал главным районом расселения турок в Берлине. И не только турок. Этот район мультинационален.

В первые годы после объединения двух Германий, в то время как восточные немцы устремились на Запад, турки активно стали осваивать бывшую ГДР: в восточных землях было зарегистрировано свыше 2 тыс. турецких предприятий. Однако во второй половине 1990-х гг. начался исход турецкого бизнеса, это, по мнению аналитиков, было связано с тем, что часть восточных немцев вернулась и потребовала освободить рабочие места. Именно в этот момент здесь появились антииммиграционные и даже нацистские лозунги. Немецкие экономисты считают это тревожным сигналом, указывающим на неблагоприятную экономическую ситуацию на востоке страны. Впрочем, более поздние исследования Немецкого института экономических исследований показали, что за 5 лет, с 2005 по 2009 г., Берлин по экономическому росту вдвое опередил все другие федеральные земли. За 5 лет здесь появилось 140 тыс. новых рабочих мест. Характерно, что примерно 6800 новых предприятий (в основном в тор-

говле и быстром питании) с годовым оборотом до 4 млн евро были созданы турецкими предпринимателями. Особенно много торговых точек по продаже традиционных турецких дёнеров¹⁹ – 1200. Зачастую открытие собственного предприятия объясняется «не столько надеждой преуспеть в транснациональном германо-турецком пространстве, сколько недостатком альтернативных возможностей найти занятость в Германии»²⁰. По этому поводу один юморист из Баварии даже пошутил: «Турки дважды пытались через Вену попасть в Европу, но безуспешно. Теперь им это удалось через Берлин: город полностью оккупирован турецкими лавками с дёнерами».

В Германии существует значительное число мусульманских организаций, объединяющих иммигрантов из Турции и других мусульманских стран. С одной стороны, это свидетельствует о свободе вероисповедания в Германии, но, с другой стороны, наличие столь многочисленных общин замедляет адаптацию иммигрантов и членов их семей, сводит «на нет» те усилия, которые предпринимаются германской общественностью для их интеграции в немецкое общество.

Пожалуй, самыми старыми мусульманскими учреждениями в Германии считаются Центральный институт Исламского архива Германии, основанный еще в 1927 г., а также берлинское отделение Всемирного исламского конгресса, которое связывает свое происхождение с основанием первой мусульманской общины, возникшей в Германии еще в 1739 г.

В XX в. турецкие этноконфессиональные сообщества, как правило, объединяются по принципу единства происхождения или принадлежности к религиозному направлению. Еще в 1973 г. был создан Союз исламских культурных центров, поставивший перед собой задачу помогать турецким мусульманам удовлетворять их религиозные потребности. Крупнейший из них – Организация турецких суннитов. Кроме нее существует Объединение турецких шиитов – также одна из старейших организаций с центром в Гамбурге. В 1992 г. было основано Алевитское объединение Германии, включающее в себя около сотни общин, разбросанных по разным землям. По некоторым данным, в Германии проживают 700 тыс. алевитов. Вторым по величине является турецко-исламское сообщество «Милли Гёрюш», возникшее на базе основанного в 1976 г. в Кёльне Турецкого союза Европы. Организация имеет свои отделения практически во всех европейских странах. Одним из активных членов этой организации, особенно на раннем этапе, был молодой тогда турецкий политик Неджметдин Эрбакан²¹. В 1987 г. по инициативе Муссы Сердара Челеби был создан Союз турецких исламских культурных объединений Европы. В отличие от других подобных объединений он не зависит от Турции. Союз демонстрирует стремление к диалогу с общественностью Германии и реализует совместные культурные проекты, направленные на адаптацию турецких иммигрантов к немецкой действительности. Кроме подобных организаций существуют общества последователей

Саида Нурси и Фетхуллы Гюлена (*Джамаат ан-нур*). Они создали Рисале-и-Нур-Институт в Штутгарте и Евро-Нур и занимаются просветительской деятельностью.

Немцы, принявшие ислам, также объединены в организации Немецкая Исламская Лига (Гамбург) и Германская Исламская Лига (Бонн). Среди членов этих общин ощущается влияние турецкого суфизма. Во Франкфурте-на-Майне находится центральное отделение организации Ахмадийский исламский джамаат ФРГ, членами которой являются в основном выходцы из Пакистана. Ежегодно в конце августа они устраивают в городе Мангейм сбор своих членов. Существуют также объединения студентов-мусульман, действующие практически во всех крупных университетах Германии, а также женские мусульманские объединения.

Следует отметить, что за пределами страны исхода турецкие верующие спланируются вокруг суфийских объединений. В Османской империи суфизм находился под контролем государства. После провозглашения Турецкой Республики суфизм стал одним из важнейших факторов, который способствовал сохранению турецкого ислама как на родине, так и за ее пределами. На деле получилось, что крайний секуляризм Кемаля Ататюрка загнал суфизм в подполье. Формально тарикаты стояли вне политики, однако в действительности представляли собой альтернативу антиисламской линии правившего светского режима. В 1940–1960-е гг. принадлежность к суфизму наказывалась законом: 6–7 месяцами тюремного заключения. Тем не менее члены тарикатов собирались приватно. Однако сегодня стало очевидно, что среди власть имущих Турции есть адепты суфизма. Более того, суфийские радения стали элементом, привлекающим туристов. В путеводителях по Стамбулу и Коньи можно найти адреса *текке* и расписание радений (*сема*), которые там проводятся публично.

Сегодня в Турции, а также в Европе и США получил распространение так называемый «клубный суфизм». Деньги, получаемые с туристов, присутствующих на радениях, позволяют тарикатам оплачивать аренду помещения и иные расходы. В диаспоре суфизм позволяет турецким иммигрантам сохранить свою идентичность.

Доля турок-мусульман, которые относят себя к глубоко верующим, в Германии и в самой Турции примерно одинакова. Среди турок Германии – это 7,5%. Религиозными людьми называют себя 89% германских турок. Одновременно 2,4% немецких турок – это атеисты или агностики²². В 2007 г. в Карлсхорсте открылось первое в ФРГ образовательное учреждение по подготовке имамов, в самом Берлине – 82 мечети. По инициативе канцлера Германии А. Меркель в сентябре 2006 г. была создана конференция по вопросам ислама.

Именно через мечеть Анкара оказывает влияние на своих соотечественников, находящихся в европейских странах. Этими вопросами занимается организация Диянет – Управление по делам Турецкой

Республики²³, имеющая своих представителей в зарубежных посольствах. Через Диянет аппарат религиозных служащих как в Турции, так и в диаспоре полностью финансируется и управляется.

Усиление позиций ислама в самой Турции отражается на ее европейской диаспоре. Диянет держит под контролем мечети и мусульманские общины в Европе, направляет туда имамов и преподавателей турецкого языка. Характерно, что внимание к туркам в Европе усилилось в период правления Партии справедливости и развития²⁴. Благодаря усилиям Диянет в 1984 г. был создан Турецко-исламский союз по вопросам религии (ТИСВР). Его Центральное правление находится в Кёльн-Эренфельде. Организация существует за счет финансовой поддержки из Анкары. Имамы и другие чиновники командированы из Турции. Документация ведется на турецком языке. Согласно Уставу ТИСВР, его основной целью являются забота, просвещение и наставление турецких общин, проживающих на территории Германии. Кроме того, организация занимается поиском помещений для проведения молитв и урегулированием вопросов по их аренде. В задачи союза входят также и организация занятий по религии, обеспечение общин имамами, проведение культурных мероприятий в соответствии с мусульманским календарем. Кроме того, руководство Союза координирует деятельность других турецких обществ на территории ФРГ.

Представители ТИСВР неоднократно выступали против введения в школьные программы уроков религии на немецком языке, мотивируя это тем, что невозможно проконтролировать предлагаемую школьникам информацию об исламе. Впрочем, в 2007 г. по инициативе этой организации (и конкретно религиозного атташе турецкого посольства Р. Какира) была проведена акция «Вместе за мир, против террора», в которой приняли участие более 20 тыс. мусульман. Это была первая совместная демонстрация в ФРГ, проведенная с целью показать несовместимость понятий «ислам» и «террор». Немецкое правительство относится к влиянию ТИСВР на немецких мусульман неоднозначно, однако считает его одним из главных официальных представителей турецкой диаспоры.

В 1990-х гг. в Германии стали говорить о мультикультурализме²⁵ как о модели сосуществования различных культур, первоначально воспринятом многими как чудодейственное средство для решения межэтнических и межконфессиональных проблем. Произошла либерализация законодательства о гражданстве, государство признало право турецкой общины на своеобразие, рассчитывая, что та сделает шаги навстречу и будет пусть не ассимилироваться (в рамках мультикультуральной доктрины это негативное понятие), то интегрироваться в современное демократическое общество. Однако, по мнению весьма компетентного исследователя этого вопроса С.В. Погорельской, «мультикультурализм – как разновидность целенаправленной государственной внутренней политики по интеграции иммигран-

тов, не принадлежащих к культурному кругу принимающей страны, как система мер и нормативов, регулирующих их права и обязанности, – в Германии никогда не практиковался. Однако, несмотря на отсутствие так называемого “государственного мультикультурализма”, в Германии в последние десятилетия шел стихийный процесс формирования “мультикультурного общества”, для обозначения которого в этой стране используется такое понятие, как “мульти-культи”»²⁶.

Особенности германской ситуации свидетельствуют о том, что целенаправленной дискуссии о том, какой должна быть политика в отношении иммигрантов, практически не было. Это наглядно показывают нормативные акты, регулировавшие права гастарбайтеров того времени. Предполагалось, что приглашенные рабочие вернутся на родину, так же как и политические беженцы, и проблема сама собой исчезнет. Поэтому те, кто придерживался противоположной позиции, употребляли термины «ассимиляция», «интеграция», «адаптация», не учитывая разницы этих понятий. После объединения двух Германий дискуссия стала более конкретной: оказалось, что восточные немцы («осси») и западные («веси») после эйфории, последовавшей за разрушением Стены, должны были преодолевать неприязнь друг к другу и предпринимать усилия для того, чтобы жить вместе без проблем.

Заявление Ангелы Меркель, которая в октябре 2010 г., обращаясь к участникам конференции христианско-демократической молодежи, констатировала провал политики мультикультурализма²⁷, вызвало широкий резонанс в Европе. Были разные мнения. Так, итальянская газета «L'Occidentale» оценила слова немецкого канцлера как «спокойное обращение к здравому смыслу»²⁸ и призыв к пересмотру политики в области иммиграции. При этом всем было ясно, что известная всем своим либерализмом и умеренностью Меркель не намерена закрыть двери своей страны перед иммигрантами.

Высказывание Меркель о мультикультурализме совпало с возобновлением дискуссии о возможном вступлении Турции в ЕС. Во второй половине 2008 г., в условиях начинавшегося мирового экономического кризиса, Анкара предприняла целый ряд внешнеполитических инициатив, целью которых было ускорение процесса вхождения в ЕС. В 2009 г. президент страны А. Гюль впервые за всю историю посетил штаб-квартиру ЕС. Однако европейские страны дали понять, что на данном этапе возможны лишь «привилегированные отношения». Нежелание европейских стран, прежде всего Германии и Франции, подойти к решению этой проблемы более конкретно можно объяснить как серьезным финансовым бременем, связанным с приемом Турции в ЕС, так и страхом перед турецкой иммиграцией. Не последнюю роль играют и политические отношения. «Париж и Берлин не хотят изменения расстановки сил внутри ЕС и ослабления позиций ФРГ и Франции в органах, определяющих политику и вырабатывающих стратегический курс ЕС»²⁹. По мнению Германии и Франции,

механизм принятия решений по европейским делам должен по-прежнему оставаться под их контролем.

Очередная отсрочка решения о принятии Турции в ЕС заставляет Анкару искать иные пути влияния на европейских политиков. Одним из них, на наш взгляд, является стремление усилить роль турецкой диаспоры, прежде всего в Германии. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган довольно часто посещает Германию, и каждый раз он встречается со своими соотечественниками. В 2008 г., выступая в Кёльне перед членами турецкой общины, он выдвинул идею о создании в Германии школ с обучением на турецком языке (причем учителей премьер предложил приглашать из Турции – таким образом, большинство школьников заведомо не будет говорить по-немецки)³⁰. Следующий визит Р. Эрдогана был приурочен к открытию в Ганновере Международной выставки информационных технологий (февраль 2008 г.). Этот визит завершился политическим кризисом германо-турецких отношений. Сначала Эрдоган выступил перед 16 тыс. турок, собравшихся приветствовать его в Кёльне. В своей речи он призвал соотечественников быть более активными: «Вы должны активно участвовать в политической жизни Германии – ведь вас здесь 3 млн! Мы не должны восприниматься как чужаки, мы должны быть важной частью этой страны». И далее: «Турецкий язык – это ваш родной язык, и вы должны учить ему своих детей. Я отлично понимаю, почему вы против ассимиляции. Ассимиляция – это преступление против человечества!»³¹

Как известно, правительство Германии обеспокоено тем, что иммигранты не стремятся овладеть немецким языком. Пытаясь преодолеть дистанцию, существующую между коренным населением и иммигрантами, правительство разрабатывает специальные программы, реализация которых должна сделать обязательным знание немецкого языка для соискателей немецкого гражданства, ибо только таким образом иностранцы могут рассчитывать на успешное продвижение в немецком обществе. Однако взгляды Анкары и Берлина в этом вопросе не совпадают. В Дюссельдорфе Эрдоган вновь заявил, что в случае возникновения проблем (т.е. если начнут заставлять учить немецкий), он ждет своих земляков на родине: «Я приглашаю писателей, художников, интеллектуалов, которым пришлось в свое время покинуть страну из-за притеснений и недостатка свободы самовыражения и уехать в Германию, я приглашаю вас на родину, в Турцию». В Дюссельдорфе 11 тыс. турок на встрече с Эрдоганом кричали: «Да – интеграции, нет – ассимиляции».

27 марта 2011 г. канцлер Германии А. Меркель в телеинтервью по поводу очередного визита турецкого премьера сказала: «Мы хотим интегрировать людей, поколениями живущих в нашей стране. При этом речь не идет об их ассимиляции или забвении ими этнической родины. Мы хотим их активного участия в общественной жизни нашей страны и в трудовой деятельности, что требует хорошего

владения немецким языком и соблюдения немецких законов». Уже на следующий день Эрдоган во время рабочей поездки в Ливию заявил: «Я не понимаю, почему г-жа Меркель отказывается от моего предложения открыть турецкие гимназии в Германии. Откуда у нее такая ненависть к Турции? Я не ожидал подобного от федерального канцлера...»³²

Надо отметить, что эти выступления проходили в преддверии парламентских выборов в Турции, которые должны были пройти 12 июня 2011 г. Естественно, что Эрдоган старался привлечь на сторону своей партии турецких граждан, постоянно проживающих в ФРГ. Кстати, во время этого визита ему удалось получить согласие властей Германии на проведение выборов в турецких консульствах в Германии. Подводя итоги визита турецкого премьера в Германию, газета «Ди Вельт» писала, что если Эрдоган «сможет в организационном отношении объединить вокруг себя турок Германии и получить поддержку партии, обещающей поддержать турецкие интересы, – то в таком случае Турция будет обладать большим влиянием и в Европе»³³.

В ноябре 2012 г. Р.Т. Эрдоган снова приехал в Германию. Поводом стало открытие в Берлине нового здания посольства Турции, которое стало самым большим из всех турецких дипломатических представительств за рубежом. Эрдоган выступил с предложением разрешить миллионам жителей Германии с турецкими корнями иметь двойное гражданство, которое на данный момент исключено по немецкому законодательству. Одновременно он призвал 50 тыс. германских граждан, живущих в Турции (речь идет о пенсионерах, покупающих недвижимость в курортных городах), обратиться за получением гражданства его страны.

Большую роль в реальной жизни иммигрантов играет транснациональное медийное пространство. Туркам, приехавшим в Германию в начале 60-х гг. XX в., почти с самого начала были доступны пресса, поступавшая непосредственно из Турции, и радиовещание на родном языке. В 1972 г. крупнейшая турецкая газета «Хюррийет» стала печатать специальные «европейские страницы», посвященные проблемам турецких эмигрантов. Этому примеру последовали другие издания. С развитием спутникового телевидения и особенно Интернета пределы медийного пространства, доступного туркам, живущим в Германии, существенно расширились. Изучение потребностей выходцев из Турции показало, что даже представители молодого поколения, лучше интегрированные в местную жизнь, достаточно свободно владеющие немецким языком и сравнительно более образованные, испытывают потребность в турецких СМИ в такой же мере, как и в немецких. Такое отношение к СМИ напрямую соотносится с «лоскутной идентификацией», характерной для части молодежи турецкого происхождения.

Практически все турецкие иммигранты имеют спутниковые антенны, благодаря которым они могут смотреть передачи турецкого

телевидения. Наиболее популярны седьмой и пятый каналы, транслирующие дискуссии по различным вопросам, касающимся как жизни в самой Турции, так и турок за границей. Телевидение также транслирует проведение религиозных и национальных праздников в мечетях Стамбула. В последние годы многие каналы транслируют образовательные передачи, а также сериалы, посвященные истории Турции.

Влияние европейской культуры и европейского менталитета больше ощущается в Стамбуле, чем среди турок в Германии. Тем не менее молодое поколение более восприимчиво к европейским ценностям. Впрочем, есть и другие тенденции. Неустроенная молодежь обладает повышенной агрессивностью и старается выплеснуть ее за пределы своего социально-этнического пространства. Характерно, что подобное поведение характерно не только для турецких подростков. Немецкая полиция зафиксировала образование молодежных уличных банд смешанного происхождения (турки, арабы, итальянцы, поляки, албанцы и т.д.), включая этнических немцев.

На самом деле германо-турецкое транснациональное пространство претерпевает изменения по мере того, как меняется самоидентификация иммигрантов. Этот закономерный процесс развивается на фоне смены поколений. Данные обследования, проведенного по всей Германии среди молодых представителей семей турецких мигрантов, показали, что 7% членов возрастной группы от 16 до 29 лет склонны считать, что соединяют в себе турецкую и германскую национальную принадлежность. Они называют себя «немецкими турками». Еще 25% считают себя полутурками-полунемцами. Большинство представителей молодежи до 30 лет (59%) однозначно причисляют себя к лицам турецкой национальности³⁴. И все же в молодежной среде происходит медленное продвижение в направлении транснациональной идентификации.

Вопрос об идентичности турецких мигрантов остается открытым. Большинство из них ориентируется частично на Турцию, а частично на Германию. Постоянный контакт с Турцией, а также продолжающееся воссоединение семей препятствуют процессу аккультурации представителей второго и третьего поколений мигрантов. В отличие от других иммигрантов, турки редко создают смешанные семьи, хотя исключения все-таки случаются, в том числе в среде интеллигенции. Так, в 2001 г. Петер Коль, сын Г. Коля, бывшего канцлера Германии, женился на турчанке.

Надо отметить, что проблема турецкого присутствия в СМИ Германии обычно рассматривается в негативных тонах. Однако речь идет о людях, легально приехавших в страну, легально в ней работающих и платящих налоги³⁵ и, следовательно, способствующих процветанию Германии. Но все иммигранты, как первого, так и второго или третьего поколений, свидетельствуют о широко распространенной ксенофобии по отношению к иностранцам вообще, а уж к туркам –

втройне (особенно после 11 сентября 2001 г.). Само немецкое общество блокирует возможности социального подъема любых иммигрантов. Известны конкретные случаи дискриминации армянских, курдских и других семей. Большинство немцев воспринимает иммигрантов как нахлебников, пользующихся благами немецкой социальной системы. При опросе населения немцы обычно обращают внимание на то, как иностранцы одеты, и на то, что они не христиане. Европейцев раздражает мусульманский платок, в то время как одежда монахинь разных орденов воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Следует отметить, что проблемы иммигрантского присутствия в Германии мало чем отличаются от того, что происходит с иммигрантами во Франции, Италии, Бельгии и других странах. Нужно признать, что для всех европейских стран характерен этноцентризм, сопровождающийся негативизмом по отношению к чужакам, особенно если они мусульмане. Большинство турецких иммигрантов, легально проживающих в Германии, отдают себе отчет в том, что, несмотря на то, что в Европе им жить спокойнее и сытнее, здесь они остаются нежеланными, хотя в паспортах их детей, родившихся после 2000 г., записано «немец». Происходит взаимное отторжение: немецкие общественно-политические структуры демонстрируют безразличие и нежелание предпринять кардинальные меры по привлечению иммигрантского сообщества. В свою очередь иммигранты замыкаются в своей среде и порой демонстрируют агрессию к коренным жителям.

Еще в 1980-е гг. западноевропейский экономист М. Николинакос писал о том, что миграционный механизм «предназначен не для достижения равновесия между спросом и предложением, а для увечивания отношений между периферией и центром»³⁶. Миграция турецких рабочих в ФРГ – явление закономерное, основанное на определенных исторических традициях и имеющее отнюдь не только одну экономическую составляющую. Использование иностранной рабочей силы в Германии прослеживается с кайзеровских времен, включая период Веймарской Республики и годы фашизма. Вероятно, это обстоятельство способствовало формированию определенной фобии по отношению к чужакам, тем более исповедующим другую религию.

Примечания

¹ Среди них примерно 1/5 представлены курдами, кроме того, есть представители балканских народов, предки которых переселились в Османскую империю и после. Специалисты считают, что каждый 6-й гражданин Турции имеет балканские корни.

² *Hommes et migration*. P., 2009, № 1280. P. 65.

³ *Newsweek*, 22.05. 2006.

⁴ *Русская Германия*, № 51, 21.12. 2012.

⁵ Deutsche Welle, 2.01.2012. По данным российского исследователя Н.Ю. Ульченко, в самой Турции также зафиксирован высокий уровень разводов: 93,5 тыс. в 2006 г. (см.: Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 67).

⁶ Либеральная политика Германии в отношении политических беженцев имела своим последствием приезд в страну Гемалеттина Каплана, известного как «кельнский халиф». Он призывал превратить Германию в «острие копья, направленного против неверных». Выдворить из страны его удалось только в 2005 г.

⁷ Findley C. The Turks in World History. Oxford University Press, 2005. P. 220–221.

⁸ Main-d'oeuvre étrangère le point de la situation. Observateur. OCDE. P., 1979. № 97. P. 33.

⁹ Erdem K. Ethnic Marketing for Turks in Germany – Influences on the Attitude Towards Ethnic Marketing, GRIN Verlag, 2007. P. 17.

¹⁰ <http://russian.eurasianet.org/node/58837>.

¹¹ Today's Zaman, Istanbul. 10.02.2012.

¹² Николаев А.А. Место и роль иностранных рабочих в социальной структуре и рабочем движении ФРГ. Канд. дисс. М., 1989. С. 4

¹³ <http://nemo991.livejournal.com/690631.html>. См.: Сумленный С. Турецкое население Германии: этническая бомба замедленного действия. 24.02.2011.

¹⁴ Сумленный С. Немецкая система. Как устроена Германия. М., 2012. С. 232.

¹⁵ Партия «зеленых» была создана в 1979 г. Первоначально ее члены поддержали левоцентристский экономический курс, протестуя против строительства АЭС, требуя выхода из НАТО, отмену ограничений на иммиграцию, а также легализацию легких наркотиков и однополых браков. Члены партии неоднократно участвовали в акциях гражданского неповиновения, в частности против размещения в ФРГ американских ракет «Першинг-2». В 1983 г. партия получила 5,7% голосов (27 мест) на выборах в бундестаг. В 1997 г. на федеральных выборах она получила 8,3% голосов. К 2005 г. партия «зеленых» окончательно отошла от своих первоначальных установок антикапиталистического и пацифистского характера, поддержав бомбардировки НАТО на территории Югославии. В 2008 г. сопредседателем партии был избран германский политик турецкого происхождения Джем Оздемир, получивший 80% голосов депутатов. Партия выступает за «мультикультурное» общество, интеграцию иммигрантов, разрешение однополых браков, защиту информации о личной жизни в Интернете и другие гражданские права. «Зеленые» также поддерживают намерение Турции вступить в Европейский союз.

¹⁶ Немецкие журналисты выяснили, что Оздемир покупает авиабилеты для личных нужд в счет «премиальных миль», накопленных в официальных поездках.

¹⁷ Русская Германия, № 41, 18.10.2010.

¹⁸ В 2010 г. в Германии был проведен конкурс красоты среди мужчин. Победителем стал 30-летний Мехмет Дуракович, этнический турок и одновременно супруг «мисс Германии» Катрин Дуракович. С точки

зрения психологии этот эпизод свидетельствует о положительном визуальном восприятии восточного элемента в европейской культуре.

¹⁹ Дёнер – турецкий фастфуд, состоящий из мяса/рыбы, овощей, национальной лепешки и специй.

²⁰ Halm D., Thranhardt D. Der transnational Raum Deutschland – Türkei. – Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 2009. № 39–40. S. 38.

²¹ Неджметдин Эрбакан (1926–2011) – премьер-министр Турции в 1996–1997 гг. Считается сторонником «политического ислама» и наставником Реджепа Эрдогана, нынешнего премьер-министра Турции.

²² Hommes et migration. P., 2009, № 1280. P. 67.

²³ В ведении Диянет находится 76 тыс. мечетей. Число сотрудников Диянета составляет примерно 100 тыс. человек. Известно, что его бюджет на 2006 г. превосходил бюджеты Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел и равен примерно трети государственных расходов на здравоохранение.

²⁴ Партия справедливости и развития основана в 2001 г. Генеральный секретарь – Реджеп Тайип Эрдоган, премьер-министр Турецкой Республики (с марта 2003 г.).

²⁵ Впервые о мультикультурализме заговорили в конце 1960-х гг. в Канаде как о либеральной идеологии, которая ставит перед собой задачу защищать права «коллективных индивидов».

²⁶ Актуальные проблемы Европы. М., 2011, № 4. С. 10–11.

²⁷ Незадолго до выступления А. Меркель аналогичную мысль высказал консервативный баварский политик Клаус Зехофер, заявивший, что пришло время закрыть Германию для иммигрантов, поскольку страна рискует превратиться в «мировой собес».

²⁸ L'Occidentale, 20.10.2010.

²⁹ <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=57954>. Шлыков П.И. Турция на пути в Евросоюз: надежды и разочарования.

³⁰ «В Германии необходимо открыть школы, преподавание в которых будет вестись на турецком языке, – заявил Эрдоган собравшимся. – Турция готова отправить в Германию необходимых для этого учителей». См.: <http://rus.ruvr./2011/09/21/56489185.html>.

³¹ В апреле 1998 г. Эрдоган, тогда еще оппозиционный политик, был осужден по ст. 312–2 Уголовного кодекса Турции за «подстрекательство к этнической, расовой и религиозной вражде» на 10 месяцев заключения и пожизненный запрет заниматься политической деятельностью. Основанием послужила его публичная речь, произнесенная в 1997 г., во время которой он процитировал следующий фрагмент из стихотворения: «Демократия – это лишь поезд, с которого мы сойдем, как только достигнем цели. Мечети – наши казармы. Их минареты – наши штыки. Их купола – наши шлемы. Верующие – наши солдаты». В ходе февральской (2008) встречи с представителями молодежи, проводившейся в здании администрации канцлера ФРГ, Эрдоган, отвергая вступление Турции в ЕС на правах привилегированного партнера, а не полноправного члена, заявил: «В Европе уже живут 15 млн турок. Если ЕС останется христианским клубом, то какая вообще может идти речь о содружестве культур?»

³² Русская Германия, № 8, 2.03.2012.

³³ Die Welt, 30.10.2012.

³⁴ Halm D., Thranhardt D. Der transnational Raum Deutschland. S. 3.

³⁵ Российский журналист С. Сумленный, постоянно проживающий в Германии, приводит данные Института по изучению перспектив рынка труда: в среднем каждый находящийся на территории Германии иностранец выплачивает ежегодно в бюджет страны 7400 евро, а получает лишь 5500. Для немцев эти показатели составляют соответственно 10 500 и 7800 евро (см.: Сумленный С. Указ. соч. С. 242).

³⁶ Положение иностранной рабочей силы в странах Общего рынка. Реферативный сборник; Николинакос М. Заметки по общей теории миграции в условиях современного капитализма. М., 1976. С. 34–36.

Ю.С. Гаврилова*

ЖЕНЩИНЫ НА РЫНКЕ ТРУДА ТУРЦИИ

Отличительной особенностью современного рынка труда Турции является низкий уровень участия женщин¹. По данным на июль 2012 г., экономически активные женщины составили только 30,3%² от всего трудоспособного женского населения Турции. Для сравнения – практически во всех странах ОЭСР уровень трудового участия составляет не менее 50%³. Турция, как и другие члены ОЭСР, столкнулась со снижением женской занятости, которое свойственно для начального этапа индустриализации. Однако дальнейшего роста женского трудового участия, характерного для промышленно развитых стран, в Турции не наблюдалось. Наоборот, начиная с 1990 г. показатель экономической активности женщин постепенно снижался, так и не превысив ни разу свое максимальное значение в 36,1%⁴, зафиксированное в 1989 г.

Основную часть трудоспособного женского населения, которое не входит в состав рабочей силы, составляют женщины-домохозяйки. По данным на 2008 г., статус домохозяйки имели 12 186 тыс.⁵ турецких женщин, что составило 62% от всех неработающих женщин. Причем экономически активных женщин было в 2 раза меньше, чем домохозяек.

Чем объясняется сложившаяся ситуация на турецком рынке труда? Рассмотрим основные факторы, оказывающие влияние на женское трудовое участие.

Трудовые отношения регулируются законодательством, соответственно можно предположить, что турецкое законодательство не является гендерно нейтральным и не защищает женщин от гендерной дискриминации. Однако при рассмотрении трудового и гражданского кодексов можно сделать вывод, что они не содержат в себе элементов, создающих существенные препятствия для входа на рынок труда. В результате подписания Турцией Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин гражданский кодекс претерпел значительные изменения. Женщины получили право вступать в договорные отношения, т.е. устраиваться на работу без письменного разрешения мужа. Позиция мужчины как главы семьи была заменена равноправным партнерством, в котором каждый из супругов имеет право на принятие решений и авторитет.

Турецкий трудовой кодекс устанавливает равенство каждого индивида перед законом и говорит о недопустимости гендерной сегрегации: «Все равны перед законом независимо от языка, расы, миро-

* Гаврилова Юлия Сергеевна, магистрат ИСАА при МГУ.

воззрения, пола, политической ориентации, философских взглядов, религии и веры»⁶. Трудовое законодательство еще нуждается в определенных корректировках, таких как, например, введение отцовского отпуска по уходу за ребенком, но в целом его можно считать достаточно современным и гендерно нейтральным. В усовершенствованном виде оно не оказывает негативное воздействие на трудовое участие турецких женщин. Следовательно, существуют другие факторы ограничения экономической активности женщин.

Обратимся к отраслевой и профессиональной структуре женской занятости в Турции. По данным на 2010 г., сельскохозяйственный сектор обеспечивал занятость 42,4% турецких женщин, ненамного опередив сектор услуг, который предоставил трудоустройство 41,7%⁷ занятых женщин. В промышленном секторе в 2010 г. было занято 15,9% женщин.

Сельское хозяйство традиционно остается основным источником женской занятости, хотя нельзя не отметить, что в последние годы и в этом секторе можно наблюдать ее снижение. Уровень трудового участия среди жительниц сельских районов трудоспособного возраста в 2000 г. составлял 40,2%, а в 2008 г. понизился до 32,9%⁸. Отчасти это может быть связано с механизацией и модернизацией сельскохозяйственного производства, а также с обязанностями женщин в семье и их традиционной ролью неоплачиваемого семейного работника. По данным на 2010 г., 76% турецких женщин, занятых в сельском хозяйстве, имели статус неоплачиваемого семейного работника, т.е., будучи занятыми, эти женщины не имеют собственного дохода, что делает их менее самостоятельными и более зависимыми от мужей в принятии решений, касающихся их семьи и детей.

Можно было ожидать, что в период экспортноориентированного роста (1980-е гг.) занятость в промышленном секторе значительно вырастет благодаря привлеченному иностранному капиталу. Однако по различным экономическим и финансовым причинам ожидаемое увеличение притока иностранных инвестиций в промышленный сектор не имело места в экономике Турции.

Основная часть прямых иностранных инвестиций в развивающихся странах сосредотачивалась в таких трудоёмких отраслях, как текстильная промышленность, пошив одежды, электронная промышленность, т.е. в тех сферах деятельности, где преимущественно занята женская рабочая сила. По сравнению с другими странами привлекательность Турции для иностранных инвесторов была невелика. В период с 1980 по 2000 г. Турция привлекла суммарный объем иностранных инвестиций в размере 16,6 млрд долл., столько же Китай привлек в одном 2002 г.⁹ Поскольку приток прямых иностранных инвестиций в Турцию был незначителен, спрос на женскую рабочую силу оставался очень ограниченным, за некоторыми исключениями (швейная промышленность).

Турецкая промышленность в последние 20 лет не сумела предоставить возможности найма турецким женщинам. Многим из них при-

ходилось работать в неофициальном секторе, за низкую заработную плату, без социальной страховки. Подобная форма труда укрепляла убеждение в том, что место женщинам – дома, а вне дома, на рынке труда, их позиции неустойчивы, временны и несущественны.

Низкая заработная плата и сама по себе является препятствием формирования более активных экономических позиций женщин. Вовлеченность в оплачиваемую работу за пределами домашнего хозяйства укрепила бы и положение женщин в семье, поскольку финансовая независимость обеспечивает женщинам больший объем прав в браке, повышает их влияние в процессе принятия решений в семье¹⁰.

В сфере услуг спрос на женскую рабочую силу, наоборот, увеличивался в условиях глобализации и быстро растущих банковском и финансовом секторах, что предоставило возможность найма квалифицированной женской рабочей силы в городах. В банковском секторе относительно благоприятные по сравнению с другими секторами условия труда. Однако наиболее распространенной дискриминационной практикой является назначение женщин на должности обыкновенных служащих (занимающихся, как правило, наиболее рутинной работой), в то время как мужчины имеют статус специалистов и соответственно получают больше возможностей для продвижения по службе.

Женщины сталкиваются с так называемым «стеклянным потолком» – явлением вертикальной гендерной сегрегации, при котором они остаются на самых низких ступенях карьерной лестницы, и их карьерный рост весьма затруднителен.

Явление горизонтальной гендерной сегрегации, которое отражает распределение женщин и мужчин по профессиям, также характерно для турецкого рынка труда, однако его масштабы не так значительны. По данным на 2009 г., было выявлено следующее соотношение: женщины составляли 40,2% всех специалистов, 32,2% – технических специалистов, 42,7% – офисных служащих, 12% – занятых в традиционных промыслах и 9%¹¹ – операторов ЭВМ. Женщины присутствуют во многих сферах, абсолютно закрытых для их доступа.

Объяснение этому феномену следует из того факта, что в Турции семьи со средним или высоким уровнем доходов старались дать своим дочерям профессиональное образование в соответствии с реформами Ататюрка, введенными после установления республики. Результатом этого можно назвать специализацию женщин в профессиональной, научной и технической сферах. Однако в целом уровень профессиональной подготовки турецких женщин следует считать недостаточным для того, чтобы успешно конкурировать с мужчинами на рынке труда. По данным на 2008 г., доля грамотных от общего числа занятых женщин составила 87,9%¹², в то время как уровень грамотности среди занятых мужчин равнялся 98,1%¹³. Уровень получивших первую ступень среднего образования среди женщин составил 9,5% в 2008 г., среди мужчин этот показатель равнялся 41,2%.

Уровень получивших профессиональное среднее образование второй ступени (что дает возможность сразу выходить на рынок труда) хоть и вырос, составив в 2008 г. 9,9% занятых женщин, отстает от аналогичного показателя для мужчин (12%). Уровень получивших вторую ступень общего среднего образования равнялся 7,6% в 2008 г. среди занятых женщин, среди мужчин этот показатель составил 11,4%.

Доля занятых женщин с высшим образованием постепенно увеличивалась с 2000 г., достигнув в 2008 г. 19,6%. Если сравнивать с уровнем образования занятых мужчин, то, по данным на 2008 г., численность мужчин с высшим образованием превысила численность женщин с высшим образованием (2043 млн и 1097 млн соответственно), однако по относительным показателям доля женщин с высшим образованием выше аналогичного показателя для мужчин, который в 2008 г. составил 13,1% (против 19,6% среди женщин). Таким образом, на большинстве стадий профессиональной подготовки, за исключением высшего образования, уровень образования занятых мужчин, как в абсолютном, так и в относительном измерении, выше уровня образования занятых женщин, о чем свидетельствуют данные статистики.

Очевидно, что специфика рынка труда Турции сама по себе является препятствием для входа на него женской рабочей силы. Женская занятость в деревнях вне сельского хозяйства маловероятна, а в городах высокая конкуренция со стороны мужчин оставляет женщинам мало шансов для трудоустройства. Работодатели предпочитают мужскую рабочую силу, даже при условии высокой профессиональной подготовки женщин. Причиной этого можно назвать и сложившиеся в турецком обществе гендерные роли, распределение которых традиционно. В глазах работодателя женщина является ненадежным работником, поскольку она может прервать работу по причине беременности и родов, а в последующем – необходимости заботиться о детях и семье.

Однако вполне вероятно, что в первую очередь негативное воздействие на женскую занятость оказывают не сложившиеся в турецком обществе гендерные роли, а демографическая ситуация, которая характеризуется высокой долей трудоспособного населения в общей численности населения. По данным на 2011 г., общий уровень безработицы в стране составил 9,8%¹⁴, основная доля безработных пришлась на мужчин – 66,1%, доля безработных женщин в общей численности безработного населения составила 33,9%. Сельское хозяйство традиционно обеспечивало занятость большинству трудоспособного населения, но миграция рабочей силы в города привела к росту численности городского населения и к росту безработицы в городах. На сегодняшний день уровень безработицы в городах гораздо выше, чем в сельской местности (11,9% и 5,8%¹⁵ соответственно). Таким образом, демографическая ситуация оказывает давление на рынок труда, а турецкая экономика на сегодняшний день

не способна предоставить занятость столь большой численности трудоспособного населения. Возможно, в будущем с ростом спроса на рабочую силу в целом увеличится и спрос на женскую рабочую силу, в таком случае устоявшиеся в обществе представления о роли женщин отойдут на второй план, уступив место новым требованиям, продиктованным изменениями в экономической обстановке в стране.

В турецком обществе господствуют патриархальная культура, традиционно-консервативная структура семьи, а труд и обеспечение семьи остаются за мужчинами. Обратимся к высказываниям, принадлежащим двум разным турецким мужчинам. Один из них, представитель профсоюза, считает, что женщине следует координировать свою работу с домашними обязанностями. При этом мужчина не должен заниматься работой по дому. Пусть женщина работает там, где пожелает, но ее работа не должна мешать ее труду по дому. Женщине нужна такая работа, которая не будет отвлекать ее от семьи и от дома. Это обязательно. На мужчине лежит основная ответственность за семью, в то время как на женщине – ответственность за домашнее хозяйство.

Второй опрошенный мужчина – управляющий банка, где занято большое число женщин. По его мнению, женщинам следует становиться, к примеру, учителями. Тогда у них будет больше времени для выполнения их домашних обязанностей. К тому же женщины более терпимы и снисходительны, поэтому учитель – это профессия, которая прекрасно им подходит. Женщины должны много времени уделять своим детям, заботиться о них. Вот что действительно они должны делать¹⁶.

Сегодня турецкие мужчины допускают возможность трудового участия женщин, причем даже готовы к тому, что женщина может устроиться на любую работу по своему выбору. Однако приоритет по-прежнему отдается внутрисемейной роли женщин, основными социальными обязанностями которых являются материнство и ведение домашнего хозяйства. Мужчины сохранили свои преимущества в принятии решений, и им принадлежит главенствующая роль в обществе и в семье. Женщинам следует заниматься только второстепенной работой, которая не будет отвлекать их от дома. Подобные взгляды устанавливают преграды для тех женщин, которые хотят активно участвовать в экономической жизни, а также заранее определяют, насколько сильно женщины отличаются от мужчин, только исходя из их «естественной, природной» роли жены и матери.

Подводя итоги, можно сказать, что существуют объективные факторы, которые обуславливают снижение уровня трудового участия женщин: это вступление Турции в период активной индустриализации и связанное с этим сокращение традиционных форм женской занятости. Помимо этого, нестабильное состояние, в котором пребывала экономика Турции с конца 1980-х гг., также сказывалось и на рынке труда. Но слишком длительное пребывание Турции в условиях снижения уровня трудового участия женщин заставляет предполо-

жить наличие дополнительных субъективных факторов, анализ которых проведен выше. Недостаточный уровень образования, нейтральное по отношению к правам женщин, но при этом не поощряющее трудовое законодательство, ограниченные перспективы карьерного роста, низкий уровень заработной платы оказывают негативное воздействие на уровень трудового участия турецких женщин. Также и гендерная дискриминация является серьезным препятствием на пути к более активному вовлечению женщин в экономическую жизнь страны. Турецкое общество по-прежнему придерживается традиционных взглядов на женский труд. Все эти факторы позволяют предположить, что в дальнейшем позиции женщин на рынке труда не подвергнутся существенным изменениям.

Примечания

¹ Уровень трудового участия (labour forceparticipationrate) – доля экономически активных женщин в общей численности женского населения трудоспособного возраста. Термин дается в авторском переводе.

² İşgücü istatistik göstergeleri: электронная статистическая база Турецкого статистического общества. – <http://www.tuik.gov.tr>.

³ Labour Force Statisticsbysexandage – indicators: электронная статистическая база Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). – <http://stats.oecd.org>.

⁴ Türkiye İstatistik Kurumu. İstatistik göstergeler 1923–2008. Ankara, 2009. S. 161.

⁵ Ibid. S. 178.

⁶ Закон № 4857, статья 5. Трудовой кодекс Турции. İş ve sosyal güvenlik mevzuatı. Ankara, Ekim 2011. S. 8.

⁷ Turkey in Statistics 2011. Turkish Statistical Institute. Ankara, June 2011. S. 53.

⁸ İstatistikgöstergeler, statistical indicators 1923–2008. – Turkish Statistical Institute. Ankara, 2009. S. 163.

⁹ Kardam F., Toksöz G. Gender Based Discrimination at Work in Turkey: A cross-sectoral Overview. – Ankara Universitesi SBF Dergisi, 4. Ankara, 2004. P. 153.

¹⁰ Ульченко Н.Ю. Исламская традиция, феминизм и положение женщин в современной Турции. – Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., 2001. С. 331.

¹¹ Рассчитано по: Türkiye İstatistik Yıllığı, Turkey statistical yearbook 2009. – Turkish Statistical Institute. Ankara, 2010. S. 180.

¹² Türkiye İstatistik Kurumu. S. 167.

¹³ Ibid. S. 167.

¹⁴ Türkiye İstatistik Yıllığı, Turkey Statisticalyearbook 2011. S. 166.

¹⁵ Ibid. S. 166.

¹⁶ Kardam F., Toksöz G. Op. cit. P. 168.

Раздел VI

**МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

ТУРЦИЯ И АЗИАТСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию участия Турции в азиатских региональных организациях – Организации исламского сотрудничества (ОИС)**, Организации экономического сотрудничества (ОЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которым она придает большое значение. По утверждению эксперта Турецко-азиатского центра стратегических исследований (ТАСАМ) профессора Х. Чомака, Турция преследует следующие задачи:

- 1) стать значимой силой в Центрально-Азиатском регионе;
- 2) расширить и сохранить свое влияние в регионе;
- 3) стать участницей наиболее влиятельных организаций региона;
- 4) играть активную роль в региональных объединениях;
- 5) развивать свои потенциальные возможности с тем, чтобы стать региональной державой¹.

Остановившись на вопросе участия Турции в ОИК, можно утверждать, что с конца 60-х гг. XX в. до начала XXI в. политика Турции в исламском движении претерпела серьезную эволюцию. В своем развитии она прошла ряд важных этапов.

Первый этап – 1969–1975 гг., когда Турция принимала участие в работе конференций ОИК скорее в роли наблюдателя, чем активного члена, а турецкую делегацию возглавлял чиновник более низкого ранга, чем того требовал уровень конференций.

Второй этап – 1975–1979 гг. – отмечен стремлением турецких правящих кругов использовать форумы ОИК для того, чтобы заручиться поддержкой по особо важным для Турции проблемам. Это проблемы экономических связей с арабскими странами, кипрский вопрос, турецко-греческие разногласия по поводу Эгейского моря и т.д. С 1975 г. Турцию на конференциях ОИК уже представлял дипломат соответствующего ранга, а турецкое руководство выступило с известными заявлениями, позитивно воспринятыми исламскими государствами.

Третий этап – с 1980 по 1990-е гг. – начался с конференции ОИК в Марокко, когда Турция осудила кэмп-дэвидские соглашения. Это укрепило ее место в исламском мире и на Ближнем Востоке и дало ряд экономических и политических выгод, которых она настойчиво добивалась.

Следует отметить, что вопрос об участии Турции в первой конференции ОИК в Рабате (сентябрь 1969 г.), созванной по поводу под-

* Иванова Инесса Ильинична, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

** До 2011 г. Организация Исламская Конференция (ОИК).

жога мусульманской святыни – мечети Аль-Акса в Иерусалиме, широко дискутировался в турецких политических кругах. Получив приглашение в Рабат, турецкое руководство оказалось в щекотливом положении: с одной стороны, оно не желало ухудшения отношений с Израилем, а также с Западом, а с другой – опасалось, что неучастие в конференции отрицательно скажется на перспективе отношений Турции с арабским, а также со всем исламским миром. Во время развернувшейся в политических и деловых кругах Турции и на страницах прессы дискуссии ряд видных политических деятелей заняли негативную позицию по вопросу участия Турции в исламском форуме. В частности, против выступило большинство турецких послов, аккредитованных в арабских странах. Они полагали, что участие в конференции заставит пойти Турцию на уступки исламскому миру в религиозных вопросах и может поколебать принципы светской республики, заложенные ее основателем К. Ататюрком. Такой же подход был характерен и для ряда представителей Народно-республиканской партии, политических деятелей, начальника Генштаба, подчеркивавших, что для Турции выгоднее сохранить большие возможности для маневрирования на Ближнем Востоке, которые могут быть ограничены явным сближением с мусульманским миром².

Руководители некоторых арабских стран дали понять, что участие Турции в конференции ОИК весьма желательно; послы Саудовской Аравии и Иордании на встрече с генеральным секретарем турецкого МИД О. Эральпом подчеркнули, что «участие Турции в конференции будет иметь значение для всего арабского мира»³.

В конечном итоге, принимая во внимание стремление развивать турецко-арабские отношения, укрепить престиж Турции в мусульманском мире, где идея конференции получила большой резонанс, а также учитывая настроения мусульман в самой Турции, турецкое руководство пошло на участие в исламском форуме. Комментируя это решение, премьер-министр Турции С. Демирель указал, что ОИК – политическая, а не религиозная организация, и что, следовательно, участие в конференции ОИК не противоречит Конституции Турции, по которой она является светским государством. Демирель добавил, что на конференции Турция будет обсуждать лишь вопрос о поджоге мечети Аль-Акса и проблему Иерусалима⁴.

На Рабатской конференции Турция возглавила, вместе с Ираном, группу стран, которые стремились не допустить вовлечения мусульманских государств в дискуссии по арабо-израильскому конфликту, что препятствовало выработке окончательной декларации. Турецкая делегация категорически отказалась рассматривать иные вопросы, помимо тех, ради которых она была приглашена. Во время встреч с представителями других стран и в кулуарных беседах глава турецкой делегации министр иностранных дел Чаглаянгил неизменно давал понять, что Турция не пойдет на осуждение Израиля⁵. После принятия итоговой декларации Турция и Иран не скрывали, что они голосовали против своего желания за эту часть окончательного тек-

ста заявления, которая обязывает их поддержать палестинский народ в его борьбе за национальное освобождение⁶. Даже турецкая пресса оценила позицию Турции на конференции как «непоследовательную», ибо, приехав после многочисленных дебатов на исламский форум, турецкая делегация решительно выступила против осуждения Израиля и расширения повестки дня конференции⁷.

Накануне открытия первой конференции министров иностранных дел мусульманских стран в Джидде (март 1970 г.) в турецких политических кругах вновь завязалась острая дискуссия по вопросу участия в ней Турции.

Недовольство участием Турции в исламских форумах высказывало и руководство Израиля: выступая в кнессете, министр иностранных дел Израиля Абба Эбан обвинил Турцию в «сближении с арабами»⁸. В конечном итоге, не желая вновь оставаться в стороне от мусульманского мира, турецкое руководство было вынуждено направить в Джидду делегацию, однако ее возглавил не министр иностранных дел, как того требовал уровень конференции, а генеральный секретарь турецкого МИД О. Эральп. На конференции турецкая делегация выступила против создания Постоянного секретариата мусульманских стран, в котором она якобы увидела прообраз «исламского пакта», что противоречило, по ее утверждениям, светскому характеру турецкого государства⁹. В действительности же Турция в этот период была еще не готова идти на более тесное сближение с исламским миром, и уже само участие в конференциях рассматривалось ее руководителями как существенная уступка этому миру. На конференции в Джидде турецкая делегация также резко отрицательно отнеслась к идее учреждения в мусульманских странах представительств Организации Освобождения Палестины¹⁰. Конференция закончилась принятием решений о создании Постоянного секретариата с центром в Джидде, необходимости выполнения резолюции № 242 Совета Безопасности ООН. Страны, участвовавшие в конференции, призвали оказать материальную и моральную поддержку палестинскому народу.

Глава турецкой делегации сделал ряд оговорок, подчеркнув, что Турция принимает резолюции конференции лишь в той степени, в какой они «соответствуют... основам турецкой внешней политики»¹¹. Турецкое руководство выступило против многих решений конференции и даже пыталось склонить арабский мир к проведению более мягкой политики в отношении Израиля¹².

О решимости развивать и впредь дружественные отношения с Израилем заявил по возвращении с Лахорской конференции ОИК (февраль 1974 г.) министр иностранных дел Турции Т. Гюнеш. Одновременно он подчеркнул, что конференция в Лахоре еще раз доказала «тесные узы, связывающие Турцию со всем мусульманским миром»¹³.

Подобная линия проводилась турецкими руководителями практически на всех конференциях мусульманских стран вплоть до 1975 г.: турецкий представитель (как правило, рангом ниже, чем того требо-

вал уровень конференции) решительно выступал против резких определений в адрес Израиля, против официального признания ООП, открытия ее представительств в ряде стран.

По мере дальнейшего развития тенденций к большей самостоятельности турецкой внешней политики, изменения ситуации в мире, а также в регионе, менялся и подход турецких руководителей к исламскому движению и к конференциям ОИК. Если первоначально дискутировался сам вопрос об участии Турции в мусульманских форумах, то постепенно турецкое руководство, начиная осознавать потенциальную выгоду подобного участия и надеясь использовать его в интересах Турции, а также учитывая возрастающее влияние «исламского фактора» на международные отношения, стало рассматривать исламские конференции под новым углом зрения, охотно посылая туда своих представителей.

Новый этап отношений Турции с ОИК начался с середины 1970-х гг., когда значительное возрастание роли исламских стран в ООН и на мировой арене было вовремя и в достаточной степени оценено в Турции, рассчитывавшей на поддержку ОИК по кипрской проблеме. Если на Рабатской конференции ОИК 1969 г. эта проблема, по существу, интересовала лишь Турцию, то на VII конференции министров иностранных дел ОИК в Стамбуле (май 1976 г.) этот вопрос впервые был включен в повестку дня. Уже сам факт проведения форума в Стамбуле свидетельствовал об углублении заинтересованности Турции в связях с ОИК. Во-первых, на этой конференции Турция официально объявила о своем намерении стать полноправным членом ОИК и принять ее устав (от подобных действий, как было отмечено, турецкое руководство ранее усиленно уклонялось); во-вторых, согласилась открыть представительство Организации Освобождения Палестины в Турции¹⁴. В результате Турции удалось добиться включения в резолюцию конференции положений, свидетельствовавших о поддержке мусульманскими государствами ее подхода к кипрской проблеме¹⁵.

VIII конференция ОИК в Ливии (Триполи, май 1977 г.) на уровне министров иностранных дел подтвердила политическое равенство двух общин «Турецкого федеративного государства Кипр» и призвала к экономической поддержке турецко-кипрских мусульман. На X конференции министров иностранных дел ОИК в Марракеш (Марракеш, май 1979 г.) была уже принята специальная резолюция по Кипру (с большим удовлетворением воспринятая в Турции), в которой исламские страны обязались приложить все усилия, чтобы турецкая община на Кипре «могла получить международную поддержку». Исламские страны брали также обязательство оказывать туркам-киприотам необходимую экономическую помощь¹⁶.

К началу 1980-х гг. Турции удалось использовать участие в ОИК и для некоторой стабилизации своей экономики. Турция стала активным участником Исламского банка развития (ИБР): она получала от него немалые кредиты и с его помощью могла отправлять своих специ-

алистов в арабские страны. В июле 1978 г. в Анкаре был создан Центр статистических, экономических, социальных исследований и обучения в мусульманских странах, который стал собирать и обрабатывать все данные, касающиеся экономического развития стран – членов ОИК. Осенью 1977 г. в Стамбуле по инициативе Турции прошла конференция торговых палат стран ОИК, которая характеризовалась в турецкой прессе как важный шаг в направлении создания «исламского общего рынка»¹⁷.

На уже упомянутой X конференции министров иностранных дел мусульманских стран в Марокко турецкое руководство было вынуждено более четко определить позицию страны по ближневосточной проблеме. Еще накануне открытия конференции турецкие дипломаты высказывали вполне обоснованные, с их точки зрения, сомнения и колебания, а поскольку на конференции ожидалось присутствие лидера турок-киприотов Р. Денкташа, и с учетом намеченной на 17 мая 1979 г. его встречи с С. Киприану, было чрезвычайно важно получить от исламского форума выражение поддержки Турции по кипрскому вопросу. Для этого Турции пришлось, помимо ее желания, более четко определить свой подход к политике Израиля, к ООП, кэмп-дэвидскому соглашению, Египту и т.д.¹⁸

Как подчеркивалось в турецких политических кругах, положение правительства было чрезвычайно сложно, прежде всего это касалось позиции в отношении Египта, заключившего соглашение с Израилем. До этого времени Турция не присоединялась к радикальным резолюциям: на словах она поддерживала «справедливое дело арабских народов и палестинцев», но фактически уклонялась от осуждения линии А. Садата и не собиралась разрывать дипломатические отношения с Израилем.

Несмотря на известные колебания, Турция, как и ожидалось, была вынуждена на конференции в Марокко занять сторону большинства по вопросу о Египте и по палестинской проблеме, проголосовав за замораживание членства Египта в ОИК. На конференции министр иностранных дел Турции Г. Окчун выразил сомнения турецкого руководства относительно того, что египетско-израильский сепаратный договор откроет путь к справедливому миру, подчеркнув, что корень разрешения ближневосточного конфликта – в урегулировании палестинского вопроса. Окчун также призвал мусульманский мир подтвердить еще раз поддержку турецкой позиции по Кипру¹⁹.

Таким образом, Турция не смогла уже придерживаться «среднего» пути: она оказалась перед необходимостью сделать новые шаги в сторону арабских стран. В 1979 г. правительство Б. Эджевита открыло наконец представительство ООП в Анкаре²⁰. Подобный курс был продолжен и после военного переворота 12 сентября 1980 г. В программном заявлении нового руководства подчеркивалось, что Турция намерена развивать и укреплять дружественные отношения с братскими исламскими странами²¹.

19–21 сентября 1980 г. в Марокко (Марракеш) проходила чрезвычайная конференция министров иностранных дел ОИК, посвященная, по существу, одному вопросу – незаконному провозглашению Израилем (в июле 1980 г.) Иерусалима своей столицей. Конференция одобрила резолюцию с требованием исключить Израиль из всех организаций ООН.

Это было первое участие нового турецкого руководства в широком международном форуме. Позиция Турции на конференции продемонстрировала эволюцию в ее политике, явный крен в сторону арабского и мусульманского мира. Достаточно сравнить те сомнения и колебания, с которыми турецкие представители ехали в Рабат в 1969 г., боясь малейшего критического высказывания в адрес Израиля, с их активным участием в форуме в Марракеше, собравшемся для того, чтобы осудить аннексионистские действия Израиля. Министр иностранных дел Турции И. Тюркмен, возвратившись из Марокко, указал, что Турция полностью поддержала меры, намечаемые мусульманскими странами в целях воспрепятствовать провозглашению Иерусалима столицей Израиля. Тюркмен также подчеркнул, что министры иностранных дел мусульманских стран «прекрасно встретили новое турецкое руководство»²². Вскоре Турция пошла на шаги, которых от нее невозможно было ожидать даже в середине 1970-х гг.: она понизила свои дипломатические отношения с Израилем до уровня представителя посольства в ранге второго секретаря.

Участие Турции в III конференции на высшем уровне в 1981 г. в Ат-Таифе (Саудовская Аравия) еще раз подтвердило тот факт, что турецкое руководство достаточно эффективно начало использовать мусульманские форумы для достижения своих целей, и в первую очередь для укрепления связей с арабскими странами. На конференции турецкая делегация сделала особый упор на проблеме Иерусалима. Подтвердив с трибуны конференции верность Турции «традиционным братским узам с арабским миром», премьер-министр Б. Улусу призвал к совместным действиям, чтобы заставить Израиль освободить Иерусалим. Речь Улусу вызвала бурное одобрение исламских стран²³.

В последующие годы Турция активизировала попытки использования ОИК в своих прагматических целях. На конференциях ОИК турецкая делегация неизменно вела переговоры с представителями арабских стран, в ходе которых обсуждались экономические, политические, а подчас и военные аспекты сотрудничества²⁴. Новое турецкое руководство полностью поддержало идею предыдущего руководства Турции относительно создания Союза торговых и промышленных палат мусульманских стран, а также всячески содействовало проведению в стране различных конференций в рамках ОИК. Например, осенью 1981 г. в Турции состоялась конференция исламских стран по развитию сельского хозяйства. Выступивший на ней Т. Озал, бывший в то время заместителем премьер-министра, призвал к согласованным действиям мусульманских стран и особо подчеркнул важность экономических связей Турции и Арабского Востока²⁵.

Турция активно расширяла свою деятельность в Исламском банке развития, пытаясь получить от него все большие кредиты и субсидии. Примечательно, что объем кредитов существенно возрос: уже в начале 1984 г. ИБР согласился предоставить Турции кредит в размере 750 млн долл., большая часть которых предназначалась для финансирования экспорта²⁶.

Для укрепления своего престижа в мусульманском движении Турция согласилась открыть в Стамбуле и Анкаре следующие организации ОИК: Центр по исследованию исламской культуры, истории и искусства и Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям при ИБР.

В 1990-е гг. Турция активно продолжила свою деятельность в ОИК. Президент Турции С. Демирель возглавил ИСЕДАК (Постоянный комитет экономического и торгового сотрудничества), который считается одним из наиболее влиятельных комитетов организации.

Проводя на протяжении многих лет «серьезную», по выражению турецких экспертов, политику в ОИК, Турция придерживалась принципа полного нейтралитета в разногласиях ее членов, при этом делая акцент на своих актуальных внешнеполитических проблемах.

В рамках ОИК Турция полностью поддержала позицию арабских стран по вопросу Палестины и Иерусалима. Однако она старалась дистанцироваться от любых дискуссий по религиозным и идеологическим проблемам, связанным, например, с исламским правом, распространением исламского образования, и постоянно подчеркивала, что «исламская солидарность» не может нанести вред светским принципам государства.

По мнению Экмеледдина Ихсаноглу (в 1990-е гг. – генеральный председатель Центра по исследованию исламской культуры, истории и искусства), с точки зрения внешней политики ОИК явилась единственным международным форумом, где Турция получила искреннее понимание и поддержку в отношении Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК). ОИК, которая придает значение мусульманским меньшинствам во всем мире, по утверждению Ихсаноглу, с пониманием и поддержкой рассматривала проблемы в Западной Фракии и Болгарии.

Далее он высказывает мнение о том, что столь сильная и влиятельная структура, как ОИК, поможет обеспечить связи между Ближним Востоком, Центральной Азией, странами Кавказа и Балканами. И самое интересное утверждение Ихсаноглу сводится к тому, что в XXI в. ОИК сможет найти точку соприкосновения между Востоком и Западом²⁷.

С приходом к власти умеренной исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) в отношениях Турции и ОИК начался новый этап. Руководство партии, укрепляя свои позиции в ОИК, пытается превратить Турцию в мост между Востоком и Западом, между ЕС и ОИК. Новым моментом в истории ОИК стало то, что в 2002 г. и 2004 г. по инициативе Турции в Стамбуле были проведены совмест-

ные форумы ЕС и ОИК. В рамках ОИК Турция призывает ее членов к «обновлению» и продвижению на пути реформ и демократии. В выступлении президента Турции А.Н. Сезера на саммите ОИК в Малайзии в октябре 2003 г. было подчеркнуто, что исламский мир нуждается в процессах обновления и реформах, и турецкий опыт является настоящим примером²⁸.

Заслуживает внимания то, что на ноябрьской встрече 2004 г. министров иностранных дел ОИК в Стамбуле генеральным секретарем ОИК впервые был избран турок – профессор Экмеледдин Ихсаноглу, который приступил к своим обязанностям в январе 2005 г. Представляя кандидатуру Э. Ихсаноглу другим членам организации, бывший в то время министр иностранных дел А. Гюль заявил, что именно Турция может привести ОИК в соответствие с критериями сегодняшнего дня. В частности, он подчеркнул следующее: «Мы считаем, что назначение нашего представителя поможет превратить ОИК во влиятельную международную организацию, защищающую интересы мусульманского мира и приспособляющую его к условиям сегодняшних реалий»²⁹.

В египетском журнале «Al Ahram Weekly» в статье «Реформирование ОИК» приводится интервью Э. Ихсаноглу, в котором он излагает свое видение этих реформ. Вот некоторые из них: необходимо изменить название организации и проводить активную политику на международной арене; развивать связи с другими международными организациями и превратить ОИК в мощную и уважаемую структуру, которая станет рупором мусульманского мира. Подчеркнув, что одним из основных направлений деятельности ОИК является поддержка палестинского вопроса, Ихсаноглу также указал, что важнейший аспект работы организации – решение социально-экономических и демократических проблем стран-членов³⁰.

9 ноября 2009 г. в Стамбуле состоялся «экономический саммит» лидеров стран – членов ОИК, приуроченный к 25-летней годовщине работы Постоянного комитета по экономическому и торговому сотрудничеству стран ОИК (КОМСЕС). На саммите были представлены 54 государства, продемонстрировавшие свое намерение расширять экономическое и торговое сотрудничество на фоне глобального финансового кризиса. В результате проведенных переговоров представители стран – участниц ОИК подписали Стамбульскую декларацию, предусматривающую «дорожную карту» по выработке единой позиции по глобальным проблемам и развитию торговых отношений.

Декларацией были закреплены следующие решения: 1) прилагать еще больше усилий для снижения бедности; 2) предпринимать конкретные шаги, направленные на борьбу с изменениями климата; 3) в целях создания общего экономического пространства развивать сотрудничество между частными секторами государств – членов ОИК; 4) ратифицировать Протокол о льготных тарифах; 5) реализовать единые образовательные-профессиональные проекты; 6) развивать энергетические источники и обеспечить их эффективное использова-

ние. В декларации также подчеркивалась значимость усилий стран – членов ОИК, направленных на разработку договора о торговых преференциях. Согласно этому документу, к 2015 г. объем торговли между странами – членами ОИК планируется довести до уровня 20%³¹.

На заседании саммита генеральный секретарь ОИК Э. Ихсаноглу с удовлетворением отметил, что КОМСЕС успешно справляется с задачей стимулирования реформ в мусульманских странах, направленных на улучшение положения населения, а также на развитие торгово-экономического сотрудничества между ними.

В ходе стамбульского «экономического саммита» лидеры стран-участниц высказали свои позиции относительно некоторых международных проблем, места ОИК в мировой политике, а также роли Турции в решении региональных вопросов. На заседаниях саммита некоторыми участниками были сделаны предложения, предполагающие ускоренную экономическую интеграцию между странами – членами ОИК.

Президент Турции А. Гюль в своем выступлении отметил, что действия его страны в рамках переговорного процесса вступления в Евросоюз не должны рассматриваться в качестве «ограничивающих ее роль в ОИК». Он подчеркнул, что это «не исключающие, а поддерживающие друг друга элементы», и проведение такого курса соответствует задачам турецкой внешней политики³².

А. Гюль выразил надежду на то, что мусульманские страны окажут поддержку ТРСК в вопросе о снятии с нее эмбарго. Он подчеркнул важность вовлечения мусульманских общин, проживающих в странах, не являющихся членами ОИК, в диалог между странами – участниками ОИК³³.

В ходе саммита А. Гюль перечислил некоторые направления турецкой внешней политики, среди которых созданный совместно с Лигой арабских государств Турецко-арабский форум и механизмы Стратегического диалога, разработанного совместно с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, занимают особое место.

А. Гюль также коснулся палестинской проблемы. Он заявил, что «обеспечение мира и стабильности в ближневосточном регионе невозможно до тех пор, пока рядом с государством Израиль и в пределах безопасных и признанных границ не будет создано Палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме»³⁴. Президент Турции подчеркнул, что непризнание решения «два государства для двух народов» осложняет процесс урегулирования этой проблемы, и добавил, что отсутствие единства среди палестинского народа вредит его борьбе за создание собственного независимого государства³⁵.

В своих выступлениях участники саммита отметили, что, являясь членом «двадцатки» и кандидатом на вступление в ЕС, Турция вносит большой вклад в усиление позиций ОИК на международной арене. В ходе двусторонних переговоров представители стран – членов ОИК отмечали, что участие Турции во многих международных эконо-

номических и политических организациях обогащает ОИК и позволяет выносить проблемы мусульманских стран на международное обсуждение.

Лидеры государств, принимавших участие в саммите, заявили, что поддерживают роль Турции в качестве «энергетического моста» и готовы предоставить ей все необходимые для этого ресурсы³⁶.

На встрече министров иностранных дел стран ОИК в столице Казахстана в июне 2011 г. было принято решение изменить название организации, и с этого периода она называется Организация исламского сотрудничества (ОИС). Открывший встречу генеральный секретарь ОИК Э. Ихсаноглу коснулся процессов на Ближнем Востоке – так называемой «арабской весны» – и указал, что разработанный в рамках организации «План деятельности» (рассчитанный на 10 лет) включает приемлемые решения, которые позволят устранить трудности исламского мира³⁷.

На встрече министров иностранных дел ОИК в Йемене в январе 2012 г. вновь подчеркивалась необходимость проведения эффективных реформ в области демократии, справедливости, политических свобод, прав женщин и прав человека, гражданского общества и разработки для этого необходимых инструментариев³⁸.

* * *

Рассматривая деятельность Организации экономического сотрудничества (ОЭС) и участия в ней Турции, следует напомнить, что ОЭС была создана на базе организации Региональное сотрудничество ради развития (РСР), учрежденной в 1964 г. с участием Турции, Ирана и Пакистана. В 1979 г. она прервала свою деятельность после того, как в Иране произошла исламская революция. В 1985 г. по инициативе Ирана деятельность организации возобновилась под названием ОЭС. В ноябре 1992 г. на чрезвычайном заседании Совета министров ОЭС в Исламабаде было принято решение о принятии в организацию 5 среднеазиатских республик (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана), а также Азербайджана и Афганистана. Это превратило ОЭС в одно из наиболее крупных объединений развивающихся стран с населением примерно 320 млн человек, которое демонстрировало абсолютно несопоставимый уровень экономики, социального и технологического развития, но было чрезвычайно богато энергетическими и природными ресурсами и имело потенциал со временем превратиться в глобальную экономическую силу³⁹.

План деятельности стран ОЭС, одобренный Советом министров организации в феврале 1993 г., включал 7 приоритетных направлений: сельское хозяйство, энергетика, развитие людских ресурсов, промышленность, туризм, торговля, транспорт и коммуникации⁴⁰. В мае 1996 г. в столице Туркмении Ашхабаде Совет министров ОЭС принял «Стратегию экономической координации». Этот документ, рассчитанный на 10 лет, выделял 4 главных направления сотрудничества – энергетика, торговля, транспорт и коммуникации. В облас-

ти торговли предусматривались, в частности, постепенная отмена торговых барьеров в рамках ОЭС, создание зон свободной торговли, стандартизация торговли и взаимодействие с региональными и международными торговыми организациями, такими как ВТО. В области энергетики – развитие существующих двусторонних проектов с перспективой превращения их в региональные, обеспечение транзитных услуг для нефте- и газопроводов для региональных и международных рынков, интеграция энергетических систем стран-участниц. И в области транспорта и коммуникаций ставились задачи по максимальному развитию воздушного, водного сообщения между членами, развитие совместными усилиями телекоммуникационных систем, использование спутниковой связи и т.д.⁴¹ Вместе с тем анализ нынешней деятельности ОЭС показывает, что организация функционирует довольно слабо и большинство проектов осуществляется на двустороннем уровне.

Следует указать, что успех или неуспех объединений в достижении целей сотрудничества зависит от комплекса условий. Важной характеристикой его являются экономическая, политическая, религиозная, этническая гомогенность государств-членов, а также сходство их ценностных ориентаций, национально-государственных приоритетов внутренней и внешней политики. Все это, вместе взятое, и определяет соотношение центростремительных и центробежных тенденций в данной организации, уровень развития интеграционных процессов и их жизнеспособность. В данном контексте можно утверждать, что ОЭС пока не стала действенным инструментом реализации экономического сотрудничества. Достижению намеченных целей препятствуют различия политико-стратегической, торгово-экономической ориентации и интересов участников, отсутствие взаимодополняемости их экономик и инфраструктуры, острая нехватка валютных ресурсов у некоторых из них. По мнению турецкого аналитика М. Хасюлера, ОЭС представляет неэффективный региональный клуб, и Турция, обладающая наибольшим потенциалом в регионе, не оказала организации необходимой поддержки⁴².

Итоги деятельности организации были представлены на Бакинском саммите в октябре 2012 г. Саммит признал, что за десятилетия сотрудничества в рамках региональной кооперации удалось достичь очень мало. Премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган в своем выступлении на саммите указал, что «страны ОЭС поставили перед собой цель к 2015 г. создать зону свободной торговли». Однако на сегодняшний день не выполнена даже малая часть этого проекта.

Вместе с тем Эрдоган подчеркнул важность развития связей в регионе во всех сферах, поддержки экономических проектов, проектов в сельском хозяйстве, транспорте, упрощении торговли для увеличения торгового оборота и т.д. Эрдоган выразил уверенность, что в течение двух лет председательства Азербайджана будет внесен важный вклад в развитие организации⁴³.

На саммите в Баку был принят «Обзорный документ на 2015 г.», который определяет основные направления деятельности организации.

Из самого названия организации видно, что во взаимоотношениях стран-участниц преобладают экономические направления сотрудничества, политическая же составляющая ее деятельности менее выражена. Однако ситуация в регионе диктует свои приоритеты, в том числе использование любой удобной возможности для многостороннего обсуждения и внешнеполитических проблем. Турция и Пакистан, как тесные партнеры Азербайджана в экономической и политической сферах, попытались выступить в роли миротворцев между Ираном и Азербайджаном, отношения которых напоминают «холодную войну»⁴⁴.

В ходе встречи в рамках Бакинского саммита ОЭС Р.Т. Эрдогана с президентом Ирана М. Ахмадинежадом премьер-министр Турции выступил со следующей инициативой. Он предложил провести трехстороннюю встречу по Сирии с участием Турции, Ирана и Египта. В результате Турция и Иран достигли соглашения по созданию механизма для разрешения сирийского кризиса. Был рассмотрен также вариант встреч по Сирии в формате Турция – Иран – Россия. По мнению турецкого политолога С. Кохена, можно утверждать, что принятие подобного проекта свидетельствует о смягчении позиции турецкого руководства в отношении Сирии, до этого ставившего целью свергнуть Б. Асада любой ценой, и о стремлении действовать совместно с Ираном, который поддерживает сирийский режим⁴⁵.

* * *

В 2011 г. было отмечено десятилетие одного из самых, пожалуй, значительных политических проектов новейшего времени на евразийском пространстве – Шанхайской организации сотрудничества. Проект этот интересен прежде всего составом его участников, геополитическим значением зоны ответственности ШОС и новаторским набором принципов и ценностей, положенных в основу этой организации.

15 июня 2001 г. шесть стран – Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан – объявили о создании нового межгосударственного объединения. Приоритетным для ШОС является сотрудничество в области противодействия терроризму, сепаратизму, экстремизму, другим угрозам безопасности – то, ради чего, собственно, ШОС и создавалась. В последние годы все большее внимание государства-члены уделяют укреплению экономической составляющей ШОС и развитию взаимодействия на гуманитарном направлении.

Большой интерес к ШОС проявляет и Турция. Известно, что после распада СССР Турция попыталась расширить свои отношения с новыми независимыми республиками Центральной Азии и Кавказа. Ключевая идея политики Турции в регионе состояла в создании под эгидой Анкары «Великого Турана». Однако эта идея не нашла одоб-

рения среди лидеров стран Центрально-Азиатского региона. Кроме того, через несколько лет после достижения независимости Центральная Азия начала привлекать внимание таких стран, как США, Россия, Китай, Иран, Индия. Это дало возможность государствам региона расширить свои внешнеполитические перспективы и сузило возможности Турции.

Интересы Турции в участии в ШОС эксперт турецкого Института стратегических исследований Э. Экрим формулирует следующим образом:

- Турция официально становится политическим партнером с такими государствами, как Россия и Китай;
- благодаря ШОС Анкара получит законную возможность для прямой деятельности на территории бывшего СССР;
- участие в ШОС обеспечит Турции возможность оставаться не только наблюдателем всех процессов, проходящих на огромных территориях, но и играть активную роль в формировании здесь системы региональной безопасности;
- участие Турции в осуществлении планируемых многовекторных энергетических проектов ШОС позволит ей приобрести большой рынок сбыта для своей продукции⁴⁶.

Впервые желание Турции стать членом ШОС озвучил премьер-министр Р.Т. Эрдоган в январе 2005 г. во время визита в Россию, когда он обратился к президенту РФ В.В. Путину с подобным пожеланием. В.В. Путин, указав, что подобная просьба поддержана президентом Казахстана Н. Назарбаевым, дал положительный ответ. В феврале того же года бывший в то время министром иностранных дел Турции и заместителем премьер-министра А. Гюль посетил Пекин и обратился к китайскому руководству с пожеланием о вступлении Турции в ШОС⁴⁷.

Однако китайская сторона выступила против членства Турции, и усилия России и Казахстана в тот период остались безрезультатными⁴⁸. Известно, что Китай долгое время считал Турцию источником проблем в Туркестане, и это могло вызвать негативный ответ по поводу членства Турции в ШОС⁴⁹.

Вместе с тем вопрос отношений Турции и ШОС стал предметом обсуждения в турецких политических и академических кругах. Так, на состоявшемся турецко-азиатском конгрессе «Экономическое сотрудничество и развитие» (май 2007 г., Стамбул) рассматривались вопросы развития программы капиталовложений между азиатскими странами и Турцией, поиски путей взаимного развития и урегулирования существующих проблем. На конгрессе было отмечено, что Турция должна как можно быстрее стать наблюдателем в таких организациях, как ШОС и АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) и при этом наибольшее внимание уделить ШОС.

В документе конгресса подчеркивалось, что Турция должна укреплять стратегические связи с Китаем, Россией, Индией. «Турция должна быть более активной в Азии. Завтра может быть поздно»⁵⁰.

В июле 2009 г. в Стамбуле состоялся международный азиатский конгресс, на котором присутствовал генеральный секретарь ШОС Б. Нургалиев. В своем выступлении он говорил о значении, которое придается Турции, и о росте региональной значимости этой страны. Он также указал, что ШОС пока считает недостаточными инициативы Турции по сотрудничеству с этой организацией. И в этом контексте основная цель турецкого руководства – проводить политику в оси США – ЕС. И эта ось негативно сказывается на сближении с Россией и Китаем. А между тем, указал он, рассматривая тот путь, который прошла ШОС за короткий период, и изменение мирового баланса сил, для Турции будут очень важны выстраивание более близких отношений с этой организацией и развитие сотрудничества в различных областях. ШОС, которая обладает половиной нефтяных ресурсов мира и выступает важной политической, экономической в военной силой, в будущем станет еще более влиятельной организацией⁵¹.

В январе 2008 г. в Стамбуле состоялась конференция «ШОС и Турция». Заместитель президента Коджаэлийского университета Турции, профессор Хасрет Чомак, выступая с докладом на конференции, заявил, что «Турция, реорганизуя глобальную и местную оборону и безопасность в двадцать первом веке, должна кооперироваться с Шанхайской организацией сотрудничества». Турция расположена в геостратегически важном регионе и является членом НАТО. Однако переговоры страны с Европейским союзом для вступления в его ряды идут очень трудно, а две сильные страны ЕС – Франция и Германия – вообще выступают против вступления Турции в Евросоюз. Вместо полноценного членства они предлагают ей «привилегированное партнерство», которое не устраивает Турцию. В такой ситуации Х. Чомак считает, что Турция должна искать альтернативные пути сотрудничества с зарубежными странами.

Одной из таких организаций-партнеров для Турции может стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Для того чтобы (в перспективе) стать членом ШОС, Турция должна определить соответствующую политику, создать эффективный и твердый деловой союз, развивать свои стратегические исследовательские центры. Национальные интересы Турции и ШОС требуют идти на взаимные компромиссы во всех сферах.

Подчеркнув жизненную важность экономических и культурных взаимоотношений со странами – членами ШОС, Х. Чомак добавил: «Турция должна осторожно пересмотреть принципы и проекты по ядерным технологиям и ядерному оружию, которые будут служить сохранению мира на планете. Турция должна сотрудничать с ШОС для утверждения глобальной и местной безопасности и обороноспособности, одновременно участвуя в планах НАТО по модернизации ядерной политики»⁵².

Таким образом, можно утверждать, что Турция подходит к вопросу участия в ШОС очень внимательно, рассматривая все возможные последствия и перспективы.

Главы государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на саммите в Ташкенте в июне 2010 г. утвердили Положение о порядке приема новых членов в ШОС. Принятый документ практически перекрывает дорогу в эту организацию Ирану, который имеет статус наблюдателя в ШОС и несколько лет желает стать ее полноправным членом. Однако теперь неременным условием принятия в ШОС нового члена является отсутствие санкций ООН в отношении страны-кандидата. А против Ирана Совет Безопасности ООН принял уже четвертую резолюцию, одоблив пакет дополнительных санкций из-за нежелания Тегерана выполнять международные требования, касающиеся ядерной программы Исламской Республики.

Как заявил президент РФ Д.А. Медведев, Положение о порядке приема новых членов – «важный внутренний корпоративный документ». «Тем самым мы подтверждаем открытый характер организации, создаем предпосылки, чтобы раздвинуть рамки ШОС», – сказал российский президент. Он выразил надежду на то, что «согласование практических, финансовых и административных аспектов приема новых членов будет проведено в оперативном режиме на основе принципа консенсуса в интересах всех членов ШОС».

В свою очередь президент Узбекистана Ислам Каримов заявил, что принятие этого документа «само по себе не означает автоматического расширения числа членов ШОС за счет стран, которые являются наблюдателями (Иран, Индия, Пакистан, Монголия)». Он отметил, что принятое Положение создает только правовую базу для вступления в ШОС новых членов.

Согласно Положению, государство, желающее вступить в ШОС, должно: относиться к Евро-Азиатскому региону; иметь дипломатические отношения со всеми странами – членами ШОС; иметь статус наблюдателя при ШОС или партнера по диалогу; поддерживать активные торгово-экономические, гуманитарные связи с государствами – членами ШОС; не находиться под санкциями ООН; не находиться в состоянии вооруженного конфликта с другим государством или государствами⁵³.

Турция отвечает большинству из перечисленных условий, и очевидно ее потенциал получить статус наблюдателя при ШОС.

11 мая 2012 г. в Пекине под председательством главы МИД КНР прошло заседание министров иностранных дел стран – членов ШОС. Состоялся обстоятельный обмен мнениями о ситуации в мире и регионе, а также о расширении связей ШОС с другими странами и многосторонними объединениями. Особого внимания в этой связи заслуживало решение внести на рассмотрение Совета глав государств – членов ШОС запрос о предоставлении Турции статуса партнера по диалогу.

В Турции подобная новость была встречена с чувством глубокого удовлетворения. Так, например, эксперт Центра международных стратегических исследований (USAK) Х. Озертем в своем интервью радиостанции «Голос России» сказал следующее: «Это очень пози-

тивное послание для Турции. Сегодня статус наблюдателей или партнеров по диалогу с ШОС имеют такие страны, как Иран, Афганистан, Индия и Пакистан. И поэтому предложение по включению Турции в механизмы данной структуры является очень важным сигналом для нас. Принятие такого решения означает, что инициативу предоставления Турции статуса партнера по диалогу поддержали также и Россия и Китай. С этой точки зрения очевидно, что вовлечение Турции в данный механизм будет полезно для лучшего понимания друг друга. Вместе с тем желание принять Турцию в партнеры указывает и на другой момент. Обычно Турция ассоциируется с членством в западном блоке. Однако желание принять Турцию в один из важнейших механизмов по обеспечению безопасности в Азии – ШОС – говорит о том, что Турция рассматривается странами – членами ШОС в качестве важного регионального игрока»⁵⁴.

На саммите ШОС в начале июня 2012 г. в Пекине Афганистану был предоставлен статус наблюдателя, а Турции – статус партнера по диалогу. Статус партнера по диалогу ниже статуса наблюдателя (так, партнеры могут участвовать не во всех мероприятиях ШОС и не имеют доступа к непубличным документам организации), но он дает возможность его обладателю включиться в деятельность организации. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров заявил: «Мы испытываем глубокое удовлетворение по поводу предоставления Турции статуса партнера по диалогу и уверены, что это решение укрепит отношения Турция – ШОС»⁵⁵.

После предоставления Турции статуса партнера по диалогу в рамках ШОС уже в июле 2012 г. премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган обратился к президенту России В.В. Путину с предложением о принятии Турции в ШОС на основе полноправного членства. Вместе с тем одних намерений Анкары мало. Другие региональные лидеры, например Индия, также заявляют о своем намерении стать полноправными членами ШОС, и Турции придется конкурировать с ними.

То, что Турция хочет присутствовать в разных форматах на европейском и восточном направлениях, нормально для такой державы. Однако это процесс, в котором должно быть несколько стадий. О каком-то обвальном расширении ШОС сейчас было бы говорить преждевременно⁵⁶.

Страны ШОС, приняв Турцию в свои ряды в качестве партнера, не оговаривали это никакими политическими условиями, что означает признание ими за Турцией статуса ведущей региональной державы.

С другой стороны, для Турции активизация сотрудничества со странами Евразии открывает широкие горизонты для экспорта своей продукции и участия в масштабных энергетических проектах. Кроме того, одним из главных принципов ШОС является обеспечение региональной безопасности и стабильности. На это ориентированы Программа сотрудничества по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013–2015 гг. и новая редакция Положения о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования на

ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе. Так что Анкара вновь оказывается перед серьезным выбором в своей дальнейшей внешнеполитической стратегии.

Примечания

- ¹ www.igor-tiger.levjournal.com/712521html.
- ² *Türk Dış Politikası*. Cilt 1. 1919–1980. İstanbul, 2003. S. 792.
- ³ *Cumhuriyet*, 14.09.1969.
- ⁴ *Türk Dış Politikası*.
- ⁵ *Milliyet*, 29.09.1969.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Zaper*, 28.09; 04.10.1969.
- ⁸ *Orta Doğu*. Ankara, 1970. Mart. S. 4.
- ⁹ *Review de Defence National*. P., 1970. June. P. 923.
- ¹⁰ *Orta Doğu*. Ankara, 1970. Mart. S. 4.
- ¹¹ *Keesing's Contemporary Archives*, 1970. April. P. 23.
- ¹² *Orta Doğu*. Ankara, 1970.
- ¹³ *Milliyet*, 27.02.1972.
- ¹⁴ *Middle East Contemporary Survey*. Vol. 1. N.Y., 1978. P. 644.
- ¹⁵ *Milliyet*, 18.05.1976.
- ¹⁶ *Ibid.* 07.05.1979.
- ¹⁷ *Tercüman Ist.*, 25.11.1977.
- ¹⁸ *Paise*. Ankara. 26.03.1980.
- ¹⁹ *Resmi T.C. Gazete*. Ankara, 10.05.1979.
- ²⁰ *Milliyet*, 13.05.1979.
- ²¹ *Newsweek*, 23.09.1980.
- ²² *Milliyet*, 22.09.1980.
- ²³ *Tercüman*, 28.01.1981.
- ²⁴ *Milliyet*, 21.01.1981.
- ²⁵ *Adalet Ankara*, 21.10.1981.
- ²⁶ *Middle East Economic Digest*. L., 1984. № 11. P. 46.
- ²⁷ www.saag.org/papers/9/papes.
- ²⁸ *Milliyet*, 21.10.2003.
- ²⁹ *Turkish Daily News*, 28.11.2004.
- ³⁰ *Sahar, Al Bahr, «Reforming the OIC» Al-Ahram Weekly Online*, 17–23 June 2004.
- ³¹ *Anadolu Ajansı*, 10 Kasım 2009.
- ³² *Radikal*, 10.11.2009.
- ³³ *CNN Turk*, 10.11.2009.
- ³⁴ *Turkish Weekly*, November 9, 2009.
- ³⁵ *CBS News*, November 9, 2009.
- ³⁶ *Hürriyet Daily News*, November 10, 2009.
- ³⁷ www.haber.7.com/haber/20110628.
- ³⁸ <http://www.tusam/net/makaleler>.
- ³⁹ Khan A. *The Economic Treaties and Relations of the Central Asian Republics with Turkey, Iran and Pakistan*. Munich, 1998. P. 3.
- ⁴⁰ *Ibid.*
- ⁴¹ *Ibid.*

- ⁴² USAK Stratejik Gündem, 07.02.2008.
- ⁴³ www.news.da.ar/politics/36/169.html.
- ⁴⁴ www.ru.journalneo.com/node/119194.
- ⁴⁵ Milliyet, 19.10.2012.
- ⁴⁶ [www.Stratejik Düşünce Enstitüsü SDE.org.tr](http://www.StratejikDusunceEnstitusu.org.tr).
- ⁴⁷ [www SDE \(Stratejik Düşünce Enstitüsü\) org.tr/köşe yazilare](http://www.SDE(StratejikDusunceEnstitusu).org.tr/kose-yazilare).
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Şangay İşbirliği Orgütü. – www.keremesel.com/2009/01.html.
- ⁵⁰ [www.tazam.org/pencere/16 898 islem – yazar](http://www.tazam.org/pencere/16898-islem-yazar).
- ⁵¹ Milli Gazete, 01.06.2009.
- ⁵² <http://duzel/elcat.hg/index>.
- ⁵³ [www.newsru.com/world/ 11 June 2010/shos.html](http://www.newsru.com/world/11June2010/shos.html).
- ⁵⁴ www.iimes.ru/rus/stat/2012/21/05.
- ⁵⁵ www.stargazetesi.com/politika.
- ⁵⁶ [http://rus.ruvz.ru/2012–07–27 Povorot-Turcil](http://rus.ruvz.ru/2012-07-27-Povorot-Turcil).

А. Амирбек*

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА ПЕРИОД до 2023 года

Каждое государство стремится укрепить свой статус в системе международных отношений и со временем стать одним из активных геополитических акторов. Реализация этой цели зависит от правильно выбранной внешнеполитической стратегии, которая заключается в нахождении оптимального баланса между использованием военной силы и дипломатии. Особенно актуален подобный выбор для развивающихся государств XXI в. в условиях, когда устройство мирового порядка меняется на глазах.

В нынешнем веке другими важными моментами для развивающейся страны являются сохранение национальной идентичности и понимание народом своей исторической миссии. Народ, не имеющий представления о своей цели в рамках исторической миссии, сравним с телом без души. Без понимания исторической миссии невозможно говорить о стратегическом видении государства. Поэтому, чтобы стать полноценным независимым государством в глобализирующемся мире, необходимо придерживаться определенных принципов и традиций, которые формируют историческую и национальную идентичность. Государство, пренебрегающее данной философией во внешней политике, обречено стать сателлитом или пешкой в геополитической игре великих держав¹.

Международные отношения, по сути, являются противостоянием «силы» и «интересов». С точки зрения государства, два основных элемента являются жизненно важными – это «продолжительность его существования как независимого государства» и «благополучие народа»². Объединяясь в союзы, сотрудничая или воюя между собой, государства преследовали именно две названные цели. Мировая история – свидетель этому.

Внешняя политика – это искусство балансирования между войной и миром. Великие государства должны обладать сильной армией, в такой же степени должна быть сильной и дипломатия, отвечающая интересам страны. В этой связи военная сила и дипломатическое искусство представляются взаимодополняющими и жизненно важными инструментами, но всегда надо помнить, что военная сила все еще является определяющей. При отсутствии одного из этих элементов невозможно достичь поставленной цели.

* Амирбек Айдарбек, докторант кафедры международных отношений Университета Гази, Анкара (Турция).

Смысл внешнеполитической стратегии

Без сомнения, нацеленность внешнеполитической стратегии связана с истоками существования государства и философией его возникновения. Она находит отражение во внешнеполитических планах государства, которые по мере роста его мощи дополняются стремлением достигать поставленных целей, что ведет к формированию так называемой «сверхидентичности», понимаемой как единство и сплоченность народа.

Сверхидентичность проявляется в единой воле народа, духе товарищества, в его историческом, географическом, культурном единстве и единстве идеалов, которые со временем формируют государство как систему отношений. К примеру, турецкий политолог Эмин Ылшик называет это явление «волей, образующей государство»³.

Государство, развивающееся на основе этой воли, со временем, как живой организм, расширяет свое влияние на близлежащие государства, втягивая их в зону своих интересов, и становится региональной державой, а со временем и державой мирового масштаба. Поэтому каждое государство, стремящееся усилить свое влияние и вес на мировой арене, пытается прежде всего мобилизовать дух народа в плане исторической памяти и сознания своей исторической миссии, при этом поддерживая выраженную национальную идентичность. Можно привести пример древнего Рима, использовавшего для расширения своего влияния христианскую идеологию, которая объединяла и указывала четкую цель римлянам по захвату новых территорий. Когда произошло ослабление влияния христианской веры, Римская империя пала.

Точно такой же пример можно привести из истории России. Как мы знаем, Россия успешно распространяла свое влияние на близлежащие евразийские страны в периоды, когда имела четкую внешнеполитическую стратегию, опирающуюся на сплоченность народа и христианскую веру⁴. Россия сохраняла свое влияние и вес в международных отношениях, пока придерживалась именно такой политики. В период Российской империи эти принципы соблюдались неукоснительно, тогда как соседние азиатские народы, напротив, теряли связь с верой и исторической миссией, тем самым утрачивая свою идентичность. Это привело к возвышению Российской империи и полному подчинению ей южной части евразийских стран.

Советский период был катастрофическим для русской идентичности и христианской веры, так как атеистические идеалы большевизма все же не смогли заменить православие. Произошло ослабление всей внутривнутриполитической системы. Коммунистическая идеология не стала крепким фундаментом государственности, поэтому ее развал был неизбежен⁵. На данном этапе Россия и русский народ стремятся возродить все то, что было потеряно при СССР, и вернуться к историческим кодам имперской России, укрепляя православие и в то же время придерживаясь евразийской идентичности. Именно

такой идеологии придерживаются нынешние руководители Российского государства, чтобы заново возродить державный флаг русской нации в международных отношениях, используя при этом стратегию «умной силы» во внешней политике.

Другой пример связан с США, которые построили свою государственность на принципе мессианства. Руководство этой страны и американский народ верят в свою историческую миссию, в то, что только их страна может обеспечить мир и справедливость в системе международных отношений. Именно в американском духе динамизма и ответственности за судьбы мира коренится такое понимание внешней политики. К примеру, после террористической атаки 11 сентября 2001 г. экс-президент США Дж. Буш-младший упомянул о крестовом походе, что свидетельствовало о влиянии мессианской идеи на внешнюю политику. Нынешний президент США Б. Обама также придерживается мессианской идеологии во внешней политике и при этом активно использует «мягкую силу». По сути, американская гегемония и внешнеполитическая стратегия не менялись столетиями, так как американский истеблишмент верит в мессианское предназначение и могущество американского народа. Именно эта цель двигает его к распространению своего влияния во всех регионах мира, к установлению системы однополярного мира, где единственной сверхдержавой считается США.

Как Турция формирует национальную идентичность и независимую внешнеполитическую стратегию?

Преодоление внешнеполитического наследия 1944 года

После короткого периода правления Мустафы Кемаля Ататюрка, который стремился проводить независимую и многовекторную внешнюю политику, страна полностью попала в зависимость от США. Турецкий аналитик Тамер Коркмаз утверждает, что после 11 июня 1944 г.* внешнеполитический вектор страны сменился в сторону США⁶.

Турция окончательно порвала с внешней политикой Ататюрка в 1947 г. после принятия «доктрины Трумэна». Именно с этого времени активизировалось вмешательство США во внутренние дела Турции, т.е. американцы старались сформировать новую турецкую идентичность по своему подобию. По мнению турецкого политолога Мехмета С. Эрала, Турция в период 1946–1950 гг., опасаясь угрозы со стороны СССР, все больше и все крепче привязывалась к американскому образу жизни⁷. Но, несмотря на все попытки изменить коренную идентичность Турции, ее национальные, исторические, географические корни оказались очень сильными. Какие бы усилия ни прилагали западные державы для изменения образа мыслей турок, они не

* По всей вероятности, автор имеет в виду официальный отказ Турции от политики нейтралитета и начало сближения со странами антигитлеровской коалиции.

увенчались успехом, так как национальный дух турецкого народа живет в каждом, кто считает себя истинным патриотом этой страны.

Именно баланс между центром и периферией во внутренней политике страны сохраняет целостный национальный дух единства и шаг за шагом возвращает в сознание людей величественные достижения Османской империи, потерянные в начале XX в. Некоторые аналитики отождествляют это возвращение с идеологией «неоосманизма» Тургута Озала, который вернул нации веру в себя и, подняв экономику страны, заново возродил Турцию как активного геополитического игрока. Турция все в большей мере осуществляла независимую внешнюю политику, отвечавшую национальным интересам и безопасности государства. Именно такую политику избрал Тургут Озал и обдуманно внедрял ее в жизнь. Тем самым он стал примером для будущего поколения, показав, что если поставить себе цель, то можно возродить национальный дух, величие, идентичность народа и направить все ресурсы государства для реализации заветных долгосрочных целей.

На нынешнем этапе руководство страны идет по стопам Тургута Озала и стремится воссоздать на мировой арене «Большую Турцию», следуя стратегии развития страны до 2023 г.⁸

Проблема формирования внешнеполитической стратегии страны

Основная цель Стратегии-2023 в сфере внешней политики Турции состоит в преодолении синдрома 1944 г. и занятии достойного места в меняющемся мировом порядке. Как мы видим, мир меняется на глазах, западные страны теряют свой вес, при этом растет значение новых азиатских держав. Все это приводит к конфронтации между различными блоками, актуализируя проблему безопасности. Как полагает Эмре Танер, Турция не должна себя ограничивать определенными границами влияния; учитывая свою национальную безопасность и интересы, она должна все больше распространять свое влияние на Евразийский континент и стремиться лидировать в тюркоисламском мире⁹. Играя активную роль на евразийском пространстве, Турция стремится войти в круг тех стран, которые будут определять судьбу и правила нового многополярного мира.

По мнению некоторых аналитиков, Турция не в силах в одиночку изменить расстановку сил в Евразии, поэтому ей необходима поддержка более сильного игрока на мировой арене, каковым являются США¹⁰. Они анализируют повышение роли Турции в мировой политике в рамках доктрины «Расширенного Ближнего Востока». Расширенный Ближний Восток – это условная дуга, на которой расположены государства Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, Персидского залива и Центральной Азии, фактически она доходит до Юго-Восточной Азии. Ранее та же дуга именовалась американскими аналитиками и официальными лицами «Большим Ближним Востоком».

Термин «расширенный» был введен в международный политический лексикон на саммите «большой восьмерки» в июне 2004 г. Цель этой доктрины – реформировать и модернизировать государства, которые входят в этот регион, т.е. США пытаются перестроить страны Ближнего и Среднего Востока по своему образу и подобию.

По утверждению М. Тяна, США рассматривают Турцию в качестве партнера в преобразовании «Расширенного Ближнего Востока». Но у Турции, давнего союзника США, региональная роль ограничивается некоторыми факторами. Один из них связан с закреплением основ светского европейского государства, так как в Турции преимущественно проживают мусульмане. В случае общей нестабильности и проблем с ЕС Турция может примкнуть к мусульманским странам и попытается выйти на лидирующие позиции в регионе¹¹.

О том, что внешнеполитические цели Турции согласуются с позитивными задачами проекта «Расширенного Ближнего Востока», премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган заявил еще в 2004 г. В своей статье он утверждал, что безопасность Турции в первую очередь связана с ситуацией вокруг Курдистана. Одной из самых сложных проблем в регионе «Расширенного Ближнего Востока», по его убеждению, является рост терроризма. Национальные интересы Турции требуют, чтобы по соседству находились мирные, стабильные и демократические государства, с которыми она могла бы взаимодействовать на всех уровнях. Таким образом, подчеркивает Р.Т. Эрдоган, Турция поддерживает задачи и цели проекта «Расширенного Ближнего Востока»¹².

Мехмет С. Эрол, однако, анализируя внешнюю политику Турции через призму доклада «Глобальные тенденции-2030», утверждает, что конечная цель проекта «Расширенного Ближнего Востока» – создать некий подконтрольный США регион, в котором влияние Турции будет удерживаться в определенных границах, не распространяясь вглубь. Вот его мнение по поводу стратегии «Расширенного Ближнего Востока»: «Сегодня Турцию, Иран, Ирак и других региональных игроков очень сильно волнует территориальная целостность. Поскольку правители мира хотят через курдскую проблему реализовать на практике «Карту расчленения», эти волнения имеют основания. Оживление курдских боевиков в Северной Сирии (Западном Курдистане) уже говорит о многом. Хотя интересы региональных игроков разные, все же решение этого вопроса объединяет их в единую силу»¹³. Следовательно, Мехмет С. Эрол утверждает, что конечная цель проекта «Расширенного Ближнего Востока» не согласуется с национальными интересами и безопасностью Турции и, соответственно, противоречит внешнеполитической Стратегии-2023.

Борьба идеализма с реальной политикой

Посредством различного рода провокаций, прямого и косвенно-го давления на внешнюю политику Анкары некоторые силы пытаются

ее втянуть в некий заговор. Именно они трактуют активные внешнеполитические действия страны на мировой арене как безрезультатную стратегию и каждую ошибку Турции стремятся использовать в своих интересах.

С другой стороны, чтобы противостоять вызовам извне, нужно тренировать хладнокровие, терпение и умение проводить взвешенную политику, которая не испытывает влияния эмоциональных всплесков. В противном случае это может привести к разрушительным последствиям и проигрышу во внешнеполитической игре. А это в свою очередь повлечет разрушение механизма принятия правильных и рациональных решений, потерю стратегического видения и утрату Анкарой того, что получило название «справедливой и величественной политики».

С этой точки зрения следует признать, что «арабская весна» и особенно сирийский кризис являются испытанием для новой внешней политики Турции. В данной ситуации можно сказать, что Турция готова использовать вооруженные силы для защиты своих национальных интересов в рамках политики «Нового Ближнего Зарубежья». По крайней мере, Турция решительно настроена на защиту своих геополитических интересов в близлежащем регионе, так как нынешнее руководство страны полагает, что, не овладев влиянием в ближнем окружении, невозможно стать глобальным игроком. Именно такая внешнеполитическая концепция заложена в Стратегии-2023¹⁴. Из этого следует, что Турция и дальше будет играть ведущую роль на Ближнем Востоке, Кавказе и в Центральной Азии. При этом Турция прежде всего будет учитывать свои национальные интересы и идти к более тесному сотрудничеству с евразийскими державами. То есть в обозримом будущем турецко-американские отношения ждут нелегкие времена.

Заключение

Таким образом, чтобы государство выполняло свою историческую миссию и могло следовать к значимым целям, необходимы постоянство, согласованность и решительность во внешней политике. Нельзя забывать, что в результате всего этого появляются уважение, доверие, а они, как известно, являются движущими силами в развитии исторической миссии государства.

Постоянство, согласованность и решительность во внешнеполитической стратегии должны согласовываться с исторической миссией страны. Поэтому Турция, не оглядываясь назад, должна только стремиться вперед. В этом плане принятие новой Конституции станет очень важным событием.

В связи с этим «Стратегия развития Турции до 2023 г.» должна проводиться не на региональном уровне, а в глобальной плоскости, и учитывать следующие рекомендации:

- во внешней политике следует придерживаться таких принципов, как решительность, уверенность и постоянство;
- ни в коем случае не следует идти на компромисс по поводу стратегии «Нового Ближнего Зарубежья», наоборот, надо расширять и углублять влияние в близлежащем окружении;
- другим государствам следует дать почувствовать, что Турция не согласна отступать от своих национальных интересов в пользу других стран;
- рассматривать сферу влияния Турции в пределах как территории Сельджукского государства, так и бывших владений Османской империи;
- поощрять изучение опыта Сельджукского государства как во внутренней, так и во внешней политике;
- пересмотреть существующую стратегию страны, обновить ее посредством нового механизма и, соответственно, перейти к новому периоду осмысления внешнеполитической концепции страны;
- управлять внешнеполитическими кризисами последовательно, сохраняя при этом хладнокровие и терпение;
- уметь адаптировать внешнюю политику в соответствии с ситуацией, быстро и оперативно реагировать на текущие обстоятельства в ближнем окружении;
- развивать многостороннюю и сбалансированную внешнюю политику;
- усилить роль информационно-аналитических центров в стране и учитывать их мнение при принятии внешнеполитических решений.
- усилить реформы в рядах вооруженных сил Турции и адаптировать их к реалиям нынешнего мира;
- использовать инструмент СМИ и «мягкой силы» для улучшения имиджа страны за рубежом;
- пропагандировать идею «национального, независимого, сильного государства», защищающего интересы, безопасность и историческую традицию;
- для реализации вышеуказанных рекомендаций необходимо сохранять стабильность и сплоченность народа, повышать его доверие к власти и, сохраняя терпение, идти, не останавливаясь, к заветной цели шаг за шагом. Только в этом случае можно реализовать Стратегию-2023, целью которой является возрождение страны как глобальной державы.

Примечания

¹ Deutsch K.W. The Analysis of International Relations. New Delhi, 1989. P. 97–136; Halliday F. Rethinking International Relations. L., 1994. P. 1–47; Booth K., Smith S. International Relations Theory Today. Bodmin, 1996. P. 198–216; Tayyar Ari. Uluslar arası İlişkiler ve Dış Politika. İstanbul, 2004.

- ² Baskın Oran, der. Türk Dış Politikası: Kurtuluş Savaşı'ndan Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, C. I. İstanbul, 2001. S. 33.
- ³ Emin Işık. Devleti Kuran İrade. İstanbul, 1971. S. 10–14.
- ⁴ Bülent Ulaş. Jeopolitik: Türkiye'nin Milli Güvenliği ve Avrupa Birliği Üyelik Süreci. İstanbul, 2011. S. 31–33.
- ⁵ Yaşar Onay. Rusya ve Değişim. Ankara, 2002. S. 16–17; Akdes Nimet Kurat. Rusya Tarihi: Başlangıçtan 1917'ye Kadar. Ankara, 1999. S. 140.
- ⁶ Tamer Korkmaz. Ankara Washington hattı: Amerikan iktidarının sonu. İstanbul, 2007. S. 18–19.
- ⁷ Mehmet Seyfettin Erol. 1946–1950 Dönemi Türk Dış Politikası. – Osmanlı'dan İkininli Yıllara Türkiye'nin Politik Tarihi, (der.) A. Çaylak, C. Göktepe, M. Dikkaya ve H. Kapu. Ankara, 2009. S. 345.
- ⁸ Turgut Özal. Değişim Belgeleri. İstanbul, 1993. S. 20–30.
- ⁹ Emre Taner'den 80. Yıl Açıklaması, Haberler.com; <http://www.haberler.com/mit-mustesari-emre-taner-den-80-yil-aciklamasi-haberi>.
- ¹⁰ Аватков В. Турция будет усиливать свое влияние на Ближнем Востоке, пока за ней стоят США, 22.08.2012. – <http://www.mgimo.ru/news/experts/document226345.phtml>.
- ¹¹ Тянь М. Новая геополитическая роль Турции. – Саясат, 2003, № 1.
- ¹² Эрдоган Р.Т. Широкий взгляд на «Большой Ближний Восток». – Россия в глобальной политике, 2004. № 4 (июль-август).
- ¹³ Мехмет С. Ерол. Еще один кнут под названием «Глобальные Тенденции-2030», 21.12.2012. – <http://www.usgam.com/ru/index.php?l=807&cid=103&konu=7&bolge=3>.
- ¹⁴ Mehmet Seyfettin Erol. Yakın Çevre'de «Dış Politikada 'Yön-Eylem Sorunu' mu?». – Milli Gazete, 6 Şubat 2012. S. 7; Mehmet Seyfettin Erol. Yeni Yalta Süreci'ne Doğru... – Milli Gazete, 2 Ocak 2012. S. 7; Mehmet Seyfettin Erol. Yakın Çevre'de Kırmızı Çizgiler Savaşı mı? – Milli Gazete, 13 Şubat 2012. S. 7; Suriye Kördüğümü'ne Türk Kılıcı mı? – Milli Gazete, 16 Şubat 2012. S. 7.

М.С. Эрл

УЧАСТИЕ ТУРЦИИ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Изучая историю межгосударственных отношений, можно прийти к выводу о том, что сила и мощь государства проверяются на прочность именно в кризисных ситуациях. Как мы знаем, каждое государство стремится выжить и упрочить свое положение на мировой арене, защищая интересы и безопасность страны¹. В современном мире защита национальных интересов и безопасности страны в основном реализуется посредством «мягкой силы» во внешней политике, но, наблюдая за происходящими событиями в современном мире, мы являемся свидетелями того, что кризис все больше становится неотъемлемой частью современных международных отношений, особенно когда мировой порядок обретает новую форму².

Теория МО и сирийский кризис

Сирийский кризис надо рассматривать именно в ракурсе меняющегося мирового порядка, в котором западные страны, утрачивая былое влияние, хотят хотя бы на какое-то время сохранить статус влиятельной силы. Напротив, страны, стоящие за сирийским президентом Башаром Асадом, хотят ослабления позиций Запада (т.е. НАТО) в международных отношениях. На сирийской «шахматной доске» ведется ожесточенная игра в контексте установления нового мирового порядка, т.е. если западные страны одержат победу, то они сохранят и продлят свое влияние на мировой арене. В противном случае «новый мировой порядок во главе США» должен будет измениться в пользу учета интересов и безопасности стран, которые придерживаются негативного мнения по поводу однополярного мирового порядка.

Самым очевидным фактом, созданным этой кризисной ситуацией, является то, что в свете событий, имевших место после 11 сентября 2001 г., баланс сил в ближневосточном регионе в высшей степени неустойчив и может измениться очень быстро. Приняв во внимание это обстоятельство, события, происходящие на Ближнем Востоке, можно исследовать на двух уровнях. Первый уровень исходит из общего баланса сил в региональной подсистеме, в которую включены глобальные акторы. Примечательно, что в процессе «арабской

* Эрл, Мехмет Сейфеттин, доктор наук, глава USGAM (Центра исследований по международной стратегии и безопасности), доцент кафедры международных отношений Университета Гази, Анкара (Турция).

весны» и в случае с Сирией этот механизм претерпел серьезные изменения и возникла неопределенность относительно того, как будет формироваться новая расстановка сил. В этом случае становится важной позиция, которой будут придерживаться в данном процессе влиятельные основные акторы. И это выводит нас на второй уровень анализа, предполагающий изучение позиций отдельных акторов. Другими словами, имеет важное значение, какими целями будут руководствоваться, какой позиции будут придерживаться, какие действия будут предпринимать и какую роль будут играть акторы в ходе кризиса.

После 11 сентября 2001 г. и американской оккупации Афганистана и Ирака на Ближнем Востоке начала складываться определенная иерархическая структура. Однако произошедшие события показали, что построение такого рода подсистемы на Ближнем Востоке является очень сложным и даже невозможным³. Таким образом, на Ближнем Востоке сохраняется структура, в которой на передний план выходит политика баланса сил. Согласно неореалистическому подходу в данной политике баланса сил («равновесия»), государства, противопоставляя себя более сильным странам или восходящей державе, стараются уравновешивать их влияние и тем самым уменьшать риски. Что касается Ближнего Востока, то восхождение/доминирование США в регионе обеспокоило некоторые государства, и на передний план вышли действия по созданию «уравновешивающего» блока против США. Возглавляет эти усилия Иран. И до «арабской весны» он пытался сформировать союз вместе с Сирией, «Хезболлой» и ХАМАС. Однако этот исламский союз, шиитский по своей сути, стал беспокоить некоторые страны региона, в первую очередь Саудовскую Аравию. В этом контексте можно рассматривать интенсивное наращивание вооружений Саудовской Аравией в последнее время. «Арабская весна» серьезно раскачала сложившийся ранее на Ближнем Востоке баланс сил. То, что кризис все еще продолжается, создает неопределенность в плане формирования нового баланса сил. Однако очевидно, что в этом новом балансе сил мотивы и цели государств будут играть важную роль.

Неореалистический подход учитывает только структуру системы/подсистемы и распределение мощи. Однако, как уже упоминалось выше, мотивы, которыми руководствуются государства, являются очень важным фактором⁴. В свою очередь подход, известный как «оборонительный реализм», исходит из значимости интересов государств и предполагает, что государства применяют политику баланса не против силы, а против угрозы. Иными словами, государства не проводят одинаковую политику по отношению к двум или более государствам, обладающим одинаковой мощью. Например, США не проводят одинаковую политику в отношении близких по мощности Саудовской Аравии и Ирана. При создании альянсов государства региона принимают во внимание вероятность угрозы, а не распределение силы. Но даже если этот подход обеспечивает приближение ко второму уровню анализа, т.е. анализу политики отдельных государств,

он не является удовлетворительным. Потому что при этом подходе хотя и принимаются во внимание угрозы и отношение к ним государств, игнорируются внутренние факторы, которыми руководствуется то или иное государство.

Неореалистический подход предполагает анализ не только на уровне системы, но и на уровне отдельного актора. Согласно этому подходу, различные государства могут по-разному отреагировать на внешние вызовы, исходя из сочетания внутренних факторов⁵. При этом учитывается то, как лидеры и лица, принимающие решения, оценивают кризисы, как они воспринимают угрозу и как интерпретируют сложившуюся ситуацию⁶. События, имевшие место в процессе «арабской весны», показали значимость внутренних факторов. В конце концов, нынешний кризис вырос из противодействия народов существовавшим режимам. Следовательно, именно на внутренние факторы следует обратить внимание государствам региона при принятии внешнеполитических решений. Другими словами, «арабская весна» отделила от власти диктаторов, которые могли действовать во многом независимо от внутривнутриполитического расклада сил. Таким образом, произошли важные изменения в характере региональной политики на Ближнем Востоке.

Если посмотреть на проблему с точки зрения региональной подсистемы, то Ближний Восток переживает состояние, когда достигнута неустойчивое равновесие, а механизм баланса сил все еще не сформировался. В данный момент решающее значение приобретает позиция, которой будут придерживаться наиболее влиятельные региональные силы. В этом плане необходимо правильно понимать, какую роль будут играть государства в новой игре на Ближнем Востоке.

Участников сирийского кризиса можно разделить на четыре группы: государства, «определяющие игру», и «игроки» (объекты), «разыгрывающиеся» (субъекты) и «пешки». Кроме того, по правилам игры существуют еще два вида государств, которые могут быть определены как «противоборствующие игроки» и «игроки-гости». По мнению министра иностранных дел Турции⁷, его страна в этом кризисе является актором, «определяющим игру»⁸, т.е. активным действующим лицом.

Государства, определяющие игру в сирийском кризисе

Несомненно, отличительная особенность государств, «определяющих правила игры», состоит в том, что они определяют или даже создают условия, в которых развивается ситуация⁹. Вместе с тем еще одна особенность этих государств заключается в том, что они способны придерживаться логической последовательности в разрешении кризисной ситуации. Следовательно, государство, «определяющее правила игры», не переживает каких-либо внутренних кризисов, а в основном занято созданием в своих собственных целях контролируемых кризисных ситуаций в других государствах¹⁰.

Чтобы понять позицию Турции в качестве государства, «определяющего правила игры», нужно принять во внимание характер действий страны в таких кризисных ситуациях, как ситуация вокруг «Мави Мармара», вокруг подписания протокола с Арменией и отношений Турции с Азербайджаном, ситуация вокруг Ливии и НАТО, ситуация в Восточном Средиземноморье и вокруг Газы, ситуация вокруг РПК, ситуация вокруг Сирии и президента Асада и т.д. Если не знать позицию Турции по вышеперечисленным вопросам, то трудно понять истоки убежденности министра иностранных дел Турции по поводу того, что Турция входит в число государств, «определяющих правила игры». Что же касается сирийского кризиса, то здесь возникает ситуация «кризиса внутри кризиса», т.е. Анкара стала задумываться о том, что ведется и «игра внутри игры».

Последние события, связанные с сирийским кризисом, его углубление и расширение говорят о том, что после 11 сентября 2001 г. скорость изменений в международной политической системе повысилась, региональные и глобальные силы стали более агрессивны, мир уже не тот, что был раньше, и стремление демонстрировать, что Турция в сложившейся ситуации может справиться один на один с кризисом, весьма рискованно.

С другой стороны, сирийский кризис, в который оказались втянутыми региональные и глобальные игроки, может привести к обострению религиозных противоречий между шиитами и суннитами, и соответственно Иран и Россия могут оказаться причастны к его разрешению. Для Турции это является большой головной болью, избавиться от которой страну самостоятельно турецкое руководство не в силах. Поэтому Турция старается избегать каких-либо громких высказываний в отношении России и Ирана и не переходить «красную линию», учитывая заинтересованность России в развитии отношений с Ираном.

Неопределенность в высказываниях – неопределенность в мыслях

Один из главных результатов кризиса – это ситуация, которая сложилась после глобальной дезинформационной работы¹¹. В этой связи турецкое общество разделилось во мнении, кто друг, а кто враг. После действий Асада на севере Сирии турецкое общественное мнение не могло ответить на вопрос, «что представляет собой сирийская оппозиция».

Перед турецким обществом встала дилемма: с одной стороны – оппозиция, борющаяся за демократию и требующая низложения режима Асада, а с другой – религиозные течения и профессиональные оппозиционеры в лице этих же борцов за свободу. Особенно осложняют ситуацию те самые «профессиональные оппозиционеры», в рядах которых можно заметить представителей «Аль-Каиды».

Несомненно, что суть вопроса заключается в том, что Турция оказалась втянута в кризисы «арабской весны», но не поставила об этом

в известность общество и народ. Если ранее власти неоднократно убеждали народ, что политика «ноль проблем с соседями» является главной целью внешней политики страны, то впоследствии не менее активные оправдания по поводу отступления от этой же политики в глазах граждан оказались обманом.

После этого общественное мнение стало сомневаться в последовательности и в целом в правильности внешней политики страны. Например, турецкое общество по-прежнему не понимает, каковы истоки партнерских братских отношений между Турцией и США. Общественное мнение не поддерживает последние изменения во внешней политике Турции, которая действует на благо турецко-американских отношений. Соответственно, наблюдается несовпадение воли народа и политиков. Это объясняет, что некоторые изменения во внешней политике не поддержаны обществом.

Еще одна сложность состоит в том, что на протяжении десятилетий Турция избегала стратегического партнерства со странами-соседями, что привело к неожиданным сложностям в отношениях с некоторыми региональными акторами.

Идет ли игра внутри игры в Сирии?

Без всяких сомнений, ближневосточная и североафриканская «арабская весна» является частью проекта «Большого Ближнего Востока», который имеет целью преобразовать Евразийский континент посредством различных «цветных революций». «Арабская весна» также повлияла на ближнее зарубежье Турции, каковым является Сирия, и уже продолжающийся 17 месяцев кризис вокруг этой страны глубоким образом влияет на внешнеполитическое решение Анкары.

Именно сирийский кризис открывает для Турции положительные и отрицательные возможности через вступление в войну или через разные дипломатические альянсы показать свою независимость и силу. Другими словами, идет игра внутри геополитической игры в отношении Сирии, которую Турция, в случае проведения разумной политики, может использовать в своих интересах или же, втягиваясь в сирийское «болото», утонуть и потерять имидж сильного государства. В связи с этим от внешнеполитической стратегии Турции в сирийском кризисе будут зависеть дальнейший авторитет и величие страны в мировой политике. Надо также отметить, что сирийский кризис может открыть новую страницу в турецко-американских отношениях в плане формирования зависимого или, напротив, самостоятельного статуса страны во внешнеполитической сфере.

Анализ действий Турции за последние месяцы сирийского кризиса¹² вполне достаточен для того, чтобы сделать определенный прогноз в плане его влияния на внешнеполитические интересы Турции. Начнем со сбитого истребителя ВВС Турции F-4 «Фантом». В этом инциденте стало ясно, что военное вмешательство Турции в сирийский кризис имеет свои пределы. Инцидент также показал, насколько

слаба турецкая военная разведка в кризисных ситуациях и насколько дорого стране обходится альянс с НАТО.

После истории с турецким истребителем кризис вошел в более жесткую конфликтную стадию. К примеру, на Женевских переговорах дипломатическими методами пытались надавить на Россию, Китай и Иран¹³, но Россия и Иран жестко отреагировали на попытку давления. Переговоры премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана с президентом России В.В. Путиным, а также высказывания премьера по поводу ШОС¹⁴; кризис вокруг Северной Сирии и последовавшая поездка и переговоры министра иностранных дел Турции А. Давутоглу в Эрбиле по «курдскому вопросу»¹⁵; визит турецких дипломатов в Иран и переговоры с тегеранскими властями; показ в открытых источниках фотографий переговоров Р.Т. Эрдогана и президента США Б. Обамы как «бейсбольной дипломатии» – все это еще раз свидетельствует о том, насколько повлиял сирийский кризис на турецко-американские отношения и доказал, что при необходимости Турция может принимать независимые внешнеполитические решения без указки извне.

Кризис под названием «Северная Сирия» отождествляется с именем Башара Асада. Именно этот кризис может в обозримом будущем отрицательно повлиять на союзнические отношения Турции с внешними игроками. Иными словами, Турция в результате кризиса в Северной Сирии может полномасштабно изменить свою внешнеполитическую стратегию, которой придерживалась до сегодняшнего дня.

К примеру, в момент, когда Северная Сирия вышла на политическую арену, а также когда М. Барзани отправил в регион военный контингент, между Анкарой и Эрбилем встал вопрос о том, насколько они доверяют друг другу в плане безопасности¹⁶. К тому же взаимоотношения М. Барзани со странами Запада и отведенная ему новая роль в проекте «Большого Ближнего Востока» отрицательно повлияли на внешнеполитические взгляды Турции¹⁷. Анкара начала подозревать, что «арабская весна» может превратиться в «курдскую весну»¹⁸, в связи с чем Турция стала опасаться реализации проекта «Большого Курдистана» и предприняла попытку воспрепятствовать этому.

В Турции кризис в Северной Сирии воспринимается как часть проекта «Большого Курдистана», который простирается до границ Средиземного моря. Этот проект опасен для Турции тем, что его реализация автоматически ограничивает влияние Турции на исламские и тюркоязычные страны ближнего зарубежья. Если проанализировать этот проект еще глубже, то можно сказать, что он имеет двоякую цель. Первая – ограничить влияние Турции на Ближнем Востоке; вторая – ограничить влияние Турции на тюркоязычные страны. Тем самым созданная в рамках проекта «Большого Курдистана» странамарионетка поможет в будущем воспрепятствовать включению Турции в Евразийский союз.

Таким образом, США, реализуя проект «Большого Курдистана», создают страну-марионетку, которая будет ограничивать амбиции Турции, а также тормозить ее включение в азиатские альянсы. Чтобы

удержать и контролировать быстро развивающуюся Турцию, США нуждаются в «Большом Курдистане». Нельзя не упомянуть о том, что создание «Большого Курдистана», который будет контролировать коммуникации между четырьмя морями (Черное, Средиземное, Каспийское и Персидский залив), озвучивалось ранее М. Барзани.

Как мы видим, «Ближний Восток Черчилля» переживает кризис после распада Османской империи и краха биполярной структуры международных отношений, но США руками Дж. Буша-младшего и Б. Обамы стремятся преобразовать регион в своих интересах. Нельзя исключать того, что преобразование Ближнего Востока в интересах США будет иметь отрицательный эффект для Турции и всего региона. Поэтому начавшийся процесс преобразования региона с помощью «арабской весны» полностью служит интересам США и будет долго дестабилизировать регион в целом. Это доказывает тот факт, что США активными дипломатическими и военными усилиями стремятся создать в регионе новую марионеточную страну с 40-миллионным населением.

Заключение

«Арабская весна» столкнулась с серьезными проблемами в ходе сирийского кризиса, который, затягиваясь все больше, обретает глобальный характер. Проблему можно решить через «Второй или Новый Ялтинский переговорный» процесс, который приобретает важность для всего мира¹⁹.

Также надо признать, что «Второй или Новый Ялтинский переговорный» процесс в любом случае изменит региональный статус-кво и создаст новый баланс сил, в котором будут победители и побежденные. Этот процесс будет также способствовать изменению мирового порядка, интеграционных группировок и баланса сил в мировом масштабе. В ходе «Второго или Нового Ялтинского переговорного» процесса роль Турции – страны, балансирующей между Западом и Востоком, – также может измениться²⁰. Поставив перед собой историческую миссию, но время от времени нерационально используя политические и стратегические ресурсы страны, Турция может стать сильной региональной державой или распасться. Другими словами, в геополитическом плане Турцию принуждают играть в русскую рулетку.

Примерно два столетия назад ту же самую игру навязывали правителям Османской империи, но на данном этапе речь идет именно об Анкаре. Те, кто хочет навязать эту игру Анкаре, стремятся ослабить страну. Цель атлантических стран и их игра ясны. Они хотят иметь такую Турцию, которая бы беспрекословно проводила их линию или являлась «троянским конем» в их геополитическом проекте. Сильная и независимая Турция им не нужна, потому что в таком случае Анкара может положить конец их геополитическим стремлениям²¹. Поэтому Турция стоит перед альтернативой: или она пойдет по пути реализации Севрского мирного договора (территориального рас-

çleneniya)²², ili ona, provodya razumnuyu vneshnyuyu politiku, stanet mirovoy derzhavoy, preodolevaya vse prepyatstva, kotorye navyazyvayutsya izvne. Tret'yego Turcii ne dano.

Примечания

¹ Tayyar Ari. Uluslararası İlişkiler ve Dış Politika. Bursa, 2008. S. 479–480.

² Abdullah Bozgeyik. Krizlerden Yükselerek Çıkn. İstanbul, 2008. S. 26–27.

³ Waltz K. Theory of International Relations. Reading, Addison Wesley Publishing, 1979. P. 126.

⁴ Walt St. Origins of Alliances. Ithaca, 1987.

⁵ Schweller R.L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton, 2006. P. 6.

⁶ Mowle T. S. Worldviews in Foreign Policy: Realism, Liberalism, and External Conflict. – Political Psychology. Cilt 24, Sayı 3, 2003. P. 561–592.

⁷ Ahmet Davutoğlu. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslar arası Konumu. İstanbul, 2001.

⁸ «Dünyayı 'G-Sıfır' yönetiyor Türkiye büyük oyun kurucu». – Milliyet Gazetesi: <http://ekonomi.milliyet.com.tr/dunyayi-g-sifir-yonetiyo-r-turkiye-buyuk-oyunkurucu/ekonomi/ekonomidetay/30.04.2012/1534343/default.htm>; Отрицательное мнение см.: Ömer Taşpınar'ın yazısına bakılabilir, «Suriye, Kriz Yönetimi ve ABD». – Sabah Gazetesi: <http://www.sabah.com.tr/Yazarlar/taşpınar/2012/10/15/suriye-kriz-yonetimi-ve-abd>.

⁹ Mehmet Ali Birand'. «Türkiye, Oyun Kurucu Bir Ülke Depil». – Hürriyet Gazetesi: <http://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/22028490.asp>; Ayrıca bkz. Taşpınar, a.g.e.

¹⁰ Mehmet Seyfettin Erol. «Arap Baharı Sürecinde Devletler Oyunu ve Türkiye». – Turkish Forum: <http://www.turkishnews.com.tr/content/2012/08/06/arap-bahari-surecinde-devletler-oyu-nu-ve-turkiye>.

¹¹ Mehmet Seyfettin Erol ve Emre Ozan, «Uluslararası Krizler ve Medya: Dış Politika Kriz Yönetiminde Medyanın Rolü Üzerine Bir Deneme», Krizler ve Kriz Yönetimi: Temel Yaklaşımlar, Aktörler, Örnek Olaylar, Mehmet Seyfettin Erol ve Ertan Efeğil, (der.), 123–144, Barış Kitap. Ankara, 2012. S. 123–144.

¹² «Türk Uçağını Suriye Düşürdü». – Milliyet Gazetesi: <http://siyaset.milliyet.com.tr/-turk-ucagini-suriye-dusurdu-/siyaset/siyasetdetay/23.06.2012/1557511/default.htm>; Fikret Bİla, «Suriye'nin F-4'le İlgili İddiaları Cöktü», Milliyet Gazetesi: <http://siyaset.milliyet.com.tr/suriye-nin-f-4-le-ilgili-iddialari-coktu/siyaset/siyasetyazardetay/20.09.2012/1598996/default.htm>; «Düşürülen F-4 Keşif Uçağıyla İlgili Sorular». – Avrupa Gazete: <http://www.avrupagazete.com/konuk-yazarlar/5523-dusurulen-f4-kesif-ucagiyla-ilgili-sorular.html>.

¹³ Haber Türk: <http://www.haberturk.com/dunya/haber/759959-suriye-icin-cenevre-mutabakati>; «Cenevre'deki Suriye zirvesinde karar açıklandı», En Son Haber; <http://www.ensonhaber.com/cenevredeki-suriye-zirvesi-sona-erdi-2012-06-30.html>.

¹⁴ «Erdoğan 'latife' dedi ama ciddiye alındı: 'Türkiye'nin dönüşü tamamen doğal'». – Turk Rus: <http://www.turkrus.com/haber-hatti/56852/erdogan->; <http://siyaset.milliyet.com.tr/bizi-de-sangay-beslisi-ne-alin-/siyaset/>

siyasetdetay/26.07.2012/1571936/default.htm: «Bizi de Şangay Beşlisi'ne Alın». – Milliyet Gazetesi: <http://siyaset.milliyet.com.tr/bizi-de-sangay-beslisine-alin-/siyaset/siyasetdetay/26.07.2012/1571936/default.htm>; «Erdoğan'dan Putin'e: Bizi Şanghay'a alın, AB'den vazgeçelim». – Haberrus: <http://haberrus.com/politics/2012/07/25/erdogandan-putine-bizi-sanghay-alin-abden-vazgecelim.html>; Erdoğan'ın Latifesi ve Gerçek». – Ulusal Kanal: <http://www.ulusalkanal.com.tr/erdoganin-%E2%80%9Clatifesi%E2%80%9D-ve-gercek-makale,367.html>.

¹⁵ «Davutoğlu Erbil'de». – Anadolu Ajansı: <http://www.aa.com.tr/tr/rss/69606-davutoglu-erbilde>.

¹⁶ «Peşmerge Gözünü Suriye'ye Dikti». – Milliyet Gazetesi: <http://gundem.milliyet.com.tr/pesmerge-gozunu-suriye-ye-dikti/gundem/gundemdetay/23.07.2012/1570453/default.htm>.

¹⁷ «Yeni Ortadoğu'nun Sahibi Biziz». – Vatan Gazetesi: <http://haber.gazetevatan.com/yeni-ortadogunun-sahibi-biziz/446394/1/Haber>; Ayrıca bkz., Dışişleri Bakanı Sayın Ahmet Davutoğlu'nun «Arap Uyanışı ve Ortadoğu'da Barış: Müslüman ve Hristiyan Perspektifler» Konferansı Kapsamında Yaptıkları Konuşma, 7 Eylül 2012, İstanbul, T.C. Dışişleri Bakanlığı Sitesi; http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-ahmet-davutoglu_nun-arap-bahari-ve-yeni-ortadogu_da-baris_-musluman-ve-hritiyan-perspektifler_-konferans.tr.mfa.

¹⁸ Bu husustaki tartışmalardan bazıları için bkz., «BDP'li Üçer: Bugünden sonra artık Kürt baharı». – Radikal Gazetesi: <http://www.radikal.com.tr/Radikal.aspx?aType=RadikalDetayV3&ArticleID=1095442&CategoryID=78>; Jerusalem Post: «Türkiye Kürt Baharı'yla Karşı Karşıya». – Güncel Meydan: <http://www.guncelmeydan.com/pano/jerusalem-post-turkiye-kurt-bahari-yla-karsi-karsiya-banu-avar-t32365.html>; The Economist: «Erdoğan Hükümeti Kürt Baharı'nı Yaşayabilir», NTVMSNBC: <http://www.ntvmsnbc.com/id/25281990/1>. Tayyar Arı, Uluslararası İlişkiler ve Dış Politika, Bursa, MKM yayıncılık, 2008. S. 479–480.

¹⁹ Kofi Annan İstifa Etti. – Radikal Gazetesi: <http://www.radikal.com.tr/Radikal.aspx?aType=RadikalDetayV3&ArticleID=1096028&CategoryID=81>.

²⁰ Ahmet Davutoğlu, a.g.e.

²¹ Sevr Antlaşması. – Türk Tarih Kurumu: <http://www.ttk.org.tr/templates/resimler/File/ktpbelge/antlasmalar/sevr.pdf>.

²² Mehmet Seyfettin Erol. Yeni Yalta Süreci'ne Doğru... – Milli Gazete, 2 Ocak 2012. S. 7.

А.Г. Гаджиев*

СИРИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Турецко-сирийские отношения – один из наиболее сложных вопросов внешней и внутренней политики Турции. При анализе этих отношений специалисты традиционно обращают внимание на наличие трех главных проблем, ставших камнем преткновения между двумя соседними странами, общая протяженность сухопутных границ которых составляет 911 км. Первая проблема – это территориальный спор из-за турецкой провинции Хатай (бывшее сирийское владение, до 1938 г. – Александреттский санджак); вторая – взаимные претензии сторон по поводу распределения водных ресурсов реки Евфрат; третья – поддержка, которую Сирия оказывала курдскому сепаратистскому движению в лице Рабочей партии Курдистана (РПК).

Историки отмечают, что опыт взаимного недоброжелательства двух стран накапливался несколько столетий. История их взаимоотношений уходит корнями в начало XVI в., когда Сирия была завоевана турками. Но даже в XX в. Сирия воспринимала Турцию как «правопреемницу той империи, которая на протяжении многих веков угнетала ее, превратив в одну из своих колоний». Турция же как фактическая правопреемница Османской империи долгое время считала Сирию своей бывшей колонией, которая благодаря поддержке извне обрела независимость¹.

Однако, несмотря на наличие в турецко-сирийских отношениях таких сложных вопросов, их проблемное историческое прошлое и взаимное асимметричное восприятие, Анкаре и Дамаску в начале XXI столетия все же удалось сблизить свои позиции по основным вопросам, которые на протяжении долгих лет ставили два государства на грань серьезных столкновений. Итогом совместных турецко-сирийских усилий стало подписание 23 декабря 2009 г. в Дамаске 51 соглашения. Тогда премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган посетил сирийскую столицу в сопровождении 10 министров и 200 предпринимателей. В ходе своего пребывания в Сирии Р.Т. Эрдоган принял участие в заседании Турецко-сирийского совета по стратегическому сотрудничеству на высшем уровне и встретился с главой сирийского государства – Башаром Асадом. Во время встречи премьер-министр Турции выразил свою уверенность в том, что уровень развития двусторонних связей между Турцией и Сирией будет повышаться и даже послужит примером для других государств региона. Р.Т. Эрдоган отметил, что «Сирия для Тур-

* Гаджиев Амур Гаджибабаевич, кандидат исторических наук.

ции – это ворота на Ближний Восток, а Турция для Сирии – ворота в Европу»².

По поводу развития двусторонних торгово-экономических отношений турецкий премьер тогда заявил: «Ничто не препятствует развитию наших отношений. Для этого необходимо лишь взаимное доверие. Начали с 350 млн долл., достигли 2 млрд долл., и я надеюсь, что в ближайшем будущем наши торгово-экономические взаимоотношения будут на уровне 5 млрд долл.» В ходе встречи стороны договорились о том, что турецкие банки откроют на территории Сирии свои филиалы, что позволит увеличить объемы взаимной торговли³.

Касаясь водных разногласий между Турцией и Сирией, Р.Т. Эрдоган дал понять, что в скором времени они будут разрешены. Также были затронуты вопросы «демократического (курдского) прорыва». По мнению наблюдателей, «курдский вопрос», который ранее был одним из спорных пунктов в турецко-сирийских отношениях, стал фактором примирения» между двумя странами, обеспеченными созданием курдской автономии на севере Ирака. По вопросу турецкого посредничества между Сирией и Израилем премьер-министр Турции заявил: «Сирийские братья позитивно относятся к перспективам турецкого посредничества»⁴.

Однако период взаимного доверия и сотрудничества длился недолго. Ровно через год регион охватила революционная волна демонстраций и протестов. События «арабского пробуждения» коснулись и Сирии. В городах начались антиправительственные демонстрации, переросшие в восстание. Лидеры правящей в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), представляющей в основном интересы умеренных исламистов суннитского толка, внимательно следили за событиями в Сирии. Они убеждены в том, что перераспределение власти в Сирии в пользу умеренных суннитов – это неизбежный процесс, который обеспечит справедливое представительство сирийского народа с учетом его этноконфессионального состава⁵.

Испытывая внешнее и внутреннее давление, Б. Асад пошел на определенные уступки: отправил в отставку правительство, сменил премьер-министра и 20 апреля 2011 г. официально отменил режим чрезвычайного положения, действовавший в стране на протяжении 48 лет. Однако сирийская оппозиция назвала эти меры «запоздалыми» и продолжила свою антиправительственную деятельность. Попытки подавить восстание против режима Б. Асада сопровождалась массовым исходом сирийских беженцев в соседние страны. В результате очередного такого потока, когда после военной операции сирийских вооруженных сил в Джиср-аш-Шугуре в июне 2011 г. около 3000 сирийцев бежали в Турцию, Р.Т. Эрдоган выступил с официальным заявлением, в котором раскритиковал сирийские власти, назвав их действия «неприемлемыми» и «зверскими»⁶. Вслед за этим выступлением турецкого премьера почти все торговые отношения между двумя странами были приостановлены. Стороны заняли кардинально противоположные позиции. Дальнейшие попытки улучшить

турецко-сирийские отношения были тщетными. Безрезультатным оказался и визит турецкого министра иностранных дел в Сирию, который состоялся 9 августа 2011 г.⁷

12 ноября 2011 г. посольство Турции в Дамаске, турецкое консульство в Алеппо и почетное консульство в Латакии были подвергнуты атакам со стороны демонстрантов, поддержавших Б. Асада. Поведение сирийских демонстрантов вызвало бурную реакцию турецких властей. 13 ноября турецкое внешнеполитическое ведомство жестко осудило нападения демонстрантов. В заявлении МИД Турции обращалось внимание на то, что акции были совершены сразу после решения Лиги арабских государств (ЛАГ) приостановить участие сирийской делегации в работе межарабской организации и в основном были направлены против турецких дипломатических представительств. В заявлении отмечалось, что, согласно Венским конвенциям о дипломатических и консульских сношениях, обязательства по обеспечению безопасности дипломатических и консульских представительств зарубежных стран на территории Сирии возлагаются прежде всего на сирийское государство. Руководство Турции напоминало сирийским властям, что для принимающей страны обеспечение безопасности дипломатических представительств является делом чести и ответственности. Турецкий МИД призывал официальный Дамаск возбудить судебный процесс в отношении всех лиц, принимавших участие в нападениях, и принять все необходимые меры предосторожности во избежание подобной ситуации в будущем. В заявлении сообщалось, что на следующий день после нападений представитель сирийской дипломатической миссии в Анкаре был приглашен в турецкий МИД, где ему была вручена соответствующая нота⁸. Власти Турции распорядились и об эвакуации из Сирии части сотрудников турецких диппредставительств, а также всех членов семей дипломатов. При этом посол Турции в Сирии Омер Онхон и другие руководители турецкой дипмиссии оставались в Дамаске⁹.

15 ноября 2011 г. премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган в ходе заседания парламентской фракции возглавляемой им ПСР в весьма резкой форме обратился к президенту Сирии: «История помнит таких лидеров, как лидеров, питающихся кровью народа! Асад, ты идешь по этому пути! Мы не оставим народ Сирии на произвол судьбы!» Турецкий премьер напомнил сирийскому президенту и о поджигателях турецких флагов, потребовав от него, чтобы они были найдены и наказаны. «Всегда в истории тот, кто осмеливался посягнуть на турецкий флаг, получал по заслугам. Так будет и впредь! Ты, Асад, должен немедленно найти и наказать тех, кто совершил нападение на флаг Турции!» – добавил Р.Т. Эрдоган. В тот же день турецкий министр энергетики и природных ресурсов Танер Йылдыз заявил, что если сирийские власти не прекратят подавление протестов оппозиции, то Турция будет вынуждена пересмотреть свое решение о поставках электроэнергии в Сирию¹⁰.

Агрессивный настрой сирийских проправительственных демонстрантов по отношению к туркам связан прежде всего с позицией Анкары по вопросу об урегулировании кризисной ситуации в Сирии. В начале октября 2011 г. в Стамбуле был сформирован Сирийский национальный совет (СНС), который ставил перед собой цель отстранить Б. Асада от власти. Свое согласие на присоединение к СНС дали почти все ведущие антиправительственные силы страны, в том числе «Братья-мусульмане». Лидеры сирийской оппозиции призвали международное сообщество признать СНС единственным легитимным представителем сирийского народа. При этом они особо подчеркивали, что отныне любые консультации о военном вмешательстве в сирийские дела извне необходимо вести исключительно с ними. Следует отметить, что эксперты еще тогда сомневались в эффективности СНС ввиду того, что он фактически отвергал обсуждение сложившейся ситуации на общенациональном уровне и допускал возможность внешнего вооруженного вмешательства¹¹.

Несмотря на недоверие экспертов, СНС пользовался поддержкой «друзей Сирии». В ходе саммита «друзей Сирии», проведенного 1 апреля 2012 г. в Стамбуле, главу СНС Б. Гальяна объявили «законным представителем сирийского народа». Интересно, что накануне саммита глава сирийской оппозиции объявил о создании так называемого военного комитета сирийского сопротивления. По словам главы СНС, штаб-квартира этого комитета должна была располагаться как можно ближе к границам Сирии – возможно, в Турции. Реакция турецких властей на это заявление Б. Гальяна была мгновенной. Информация о формировании антисирийского военного комитета на турецкой территории была опровергнута. Возможно, что таким образом Анкара пыталась избежать участи «главной мишени»¹².

Постепенно стало увеличиваться недоверие Анкары к СНС. Турция проявляла все большую осторожность в отношении его инициатив. Очередным проявлением такой осторожности стал отказ турецких властей от предложения спикера СНС Басмы Кадмани о создании на турецко-сирийской границе так называемой «буферной зоны». По мнению турецких экспертов, причину растущего недоверия к сирийской оппозиции необходимо искать в составе этой самой оппозиции, которая то и дело раскалывалась. СНС покинули такие видные деятели, как Хейсам аль-Малих, Катрин ат-Тали и Камаль аль-Лаввани¹³.

Большинство турецких экспертов в своих работах отмечали, что сирийская оппозиция носит неупорядоченный характер. Во-первых, члены оппозиции испытывают недоверие друг к другу. И это главная проблема. Во-вторых, между ними нет единства взглядов. Каждый придерживается своей точки зрения. Это особенно заметно, если взглянуть на ситуацию через призму отношений оппозиционных сил с внешними игроками. Одна группа стремится взаимодействовать с Францией, вторая – желает действовать с Турцией, третья – планирует сотрудничать с Северным Ираком, т.е. с курдами, а четвертая и

вовсе является «не сирийской, не демократической и не оппозиционной, а лишь отрабатывает деньги арабских монархий». Более того, одни убеждены в том, что сирийскую проблему можно решить политическими методами, другие предпочитают действовать с оружием в руках. Большая проблема состоит также и в том, что руководители оппозиционных групп не только не доверяют друг другу, но и не могут быть уверены даже в членах своих группировок. И очевидно, что каждая группа в СНС пыталась получить как можно больше дивидендов для себя и действовала исключительно в своих интересах, а не в интересах «национального совета» и, уж тем более, в интересах сирийского народа¹⁴.

Другими словами, раскол сирийской оппозиции носит глубокий и многоуровневый характер. В жестком политическом соперничестве между собой оказались националисты, исламисты, лаицисты, либералы, этнические группировки и т.д. Однако на самом деле все они представляют лишь незначительную часть сирийского народа. На это обращают внимание турецкие эксперты, которые утверждают, что раскол внутри сирийской оппозиции стал также результатом и того, что оппозиция «не взаимодействует с народом и не воспринимает всерьез его требования»¹⁵.

Особое внимание мирового сообщества вызвал инцидент, случившийся у побережья Сирии: 22 июня 2012 г. силами сирийской ПВО был сбит турецкий истребитель F-4 «Фантом». Оба пилота погибли. 25 июня сирийская ПВО обстреляла и другой турецкий самолет, который проводил поиски сбитого ранее истребителя. Эксперты давали тогда разные прогнозы развития ситуации, в том числе самые пессимистические, включая вариант прямого столкновения между армиями Турции и Сирии.

На сайте «Rota Haber» тогда был представлен интересный материал, подготовленный английским информационным агентством «Рейтер», в котором сравнивались вооруженные силы обеих стран. Оказывается, что сирийская армия не так уж и сильно отстает от турецкой. А по количеству танков и систем ПВО и вовсе превосходит турецкие показатели. Турки имеют преимущество в военно-морских и военно-воздушных силах, но они беззащитны против сирийских ракет. Ряд экспертов приходили к выводу, что итог прямого турецко-сирийского военного столкновения предсказать невозможно¹⁶.

После авиаинцидента в Турции развернулись дискуссии по поводу возможной ответной реакции Анкары. Обращалось внимание на то, что, с одной стороны, Турции нужно сохранить свой престиж в регионе, с другой – повернуть развитие внутрисирийских событий в свою пользу. И это нужно было осуществить при имевшихся ограниченных возможностях, а также в условиях, когда турецкое общественное мнение было категорически против начала войны с Сирией и выступало за более осторожную политику. Предполагалось, что в среднесрочной перспективе Турция попытается дать политический ответ на инцидент со сбитым истребителем в рамках НАТО или в

рамках ООН. Именно политический, поскольку по поводу шансов на успех военного вмешательства были уже сомнения¹⁷.

Пока продолжались дискуссии по поводу авиаинцидента и возможной ответной реакции турецких властей, на горизонте появился «очередной повод для вмешательства во внутренние дела Сирии». На повестку дня были вынесены вопросы обеспечения безопасности сирийского арсенала химического оружия. Ранее беспокойство в связи с возможным захватом сирийского химического оружия боевиками – в том числе боевиками ливанской «Хезболлы» – неоднократно высказывали представители Израиля. Собственно, с израильской подачи эта тема и стала обсуждаться в мировых СМИ – еще до того, как представитель сирийского МИД Джихад Макдиси 23 июля 2012 г. подтвердил факт наличия в стране химического оружия. При этом он подчеркнул, что это оружие не будет применено против повстанцев ни при каких обстоятельствах. Тем самым он косвенно ответил на заявления сирийской оппозиции, которая ранее обвинила действующий режим в подготовке к химическим атакам¹⁸.

Между тем многие эксперты считают, что тема сирийского химического оружия – лишь инструмент в информационной войне. О внезапном появлении этой темы интересные аргументы представил политический аналитик иранского телеканала «Pars TV» Хасан Бехештипур: «Возможное применение химического оружия со стороны сирийского руководства – это утка, запущенная западными СМИ. Почему она появилась именно сейчас? Несомненно, что таким образом Запад во главе с США готовит почву для вмешательства во внутренние дела Сирии, у руководства которой нет необходимости в использовании такой радикальной меры в борьбе с оппозицией»¹⁹.

Определенный интерес представляют дискуссии турецких экспертов, развернувшиеся в конце июля 2012 г. по случаю закрытия Турцией в одностороннем порядке своих КПП на турецко-сирийской границе. Наблюдатели пытались определить, против кого же на самом деле Анкара закрыла КПП. Официальные утверждения о том, что эти действия были направлены против сторонников Б. Асада, выглядели неубедительными. В турецкой прессе писалось, что, возможно, КПП были закрыты против «вышедшей из-под контроля вооруженной сирийской оппозиции, состоящей не только из различных радикально-исламских группировок, но и курдских вооруженных формирований, активно поддерживающих сепаратистские тенденции как в Сирии, так и в Турции»²⁰. В турецких СМИ появились выдержки из отчетов спецслужб, в которых подтверждалось, что почти все сирийские города, расположенные вдоль сирийско-турецкой границы, перешли под контроль РПК²¹.

Недружественная позиция Анкары в отношении режима Б. Асада из-за июльских событий заметно ужесточилась. В мировых СМИ появилась серия публикаций о поддержке Турцией сирийских повстанцев. 29 августа 2012 г. президент Сирии Б. Асад обвинил турецкие власти в пособничестве незаконной вооруженной оппозиции. На фоне

событий в арабских странах сирийский кризис стал приобретать свою собственную окраску. Сторонники западного метода урегулирования сирийского кризиса столкнулись с новыми проблемами. Стало очевидно, что сценарий быстрого свержения Б. Асада уже в прошлом. В арабских странах все громче звучали антизападные лозунги, а сами западные методы решения сирийской проблемы теряли свою «привлекательность». Об этом все больше стали говорить и турецкие аналитики. Так, бывший глава турецкого МИД и экс-спикер турецкого парламента Хикмет Четин заявлял, что проблему урегулирования сирийского кризиса Турция должна решать вместе с Россией. Он отмечал, что в результате проведения ошибочной сирийской политики Анкара поставила под угрозу не только свои политические и экономические интересы, но и национальную безопасность Турецкой Республики²².

Большинство турецких экспертов выражают свои опасения и по поводу миграционной волны сирийских беженцев, способной в несколько раз увеличиться в случае военного вмешательства, поскольку значительная часть миграционного потока окажется именно у границы Турции. Среди сирийских беженцев, разумеется, будут и курды, и алавиты. А это означает, что в случае применения в Сирии «иракского опыта» и пребывания арабской республики в условиях продолжительного хаоса приграничные провинции Турции могут столкнуться с проблемой изменения их демографической структуры.

Начало октября 2012 г. ознаменовалось новым витком противостояния в Сирии. Оправившись от июльской атаки боевиков оппозиции на Дамаск и Алеппо, правительственные силы начали теснить своих противников. В столице это происходило более успешно, а в Алеппо и северных провинциях армия испытывала определенные сложности. Бои на севере носят ожесточенный характер. Турция является именно тем мощным фактором, который сдерживает усилия правительственных войск Сирии. Поскольку на турецкой территории нашли приют вооруженные противники сирийского лидера, через турецко-сирийскую границу, судя по имеющейся информации, идет беспрерывным потоком оружие, подпитывая оппозиционные силы.

Официальная Анкара, воспользовавшись трагическим инцидентом, произошедшим 3 октября 2012 г. в уезде Акчакале на юго-востоке Турции, в результате которого вследствие выпущенных с территории Сирии снарядов погибли пять человек, перешла к тактике нанесения артиллерийских ударов по позициям сирийских войск, находящимся вблизи границы. Гибель турецких граждан формально дает Турции право на такую реакцию (хотя Дамаск официально признал свою вину и принес извинения). Однако следует признать и другое – оказывая поддержку вооруженной оппозиции в ее борьбе с сирийским правительством, Турция сама несет определенную вину за эскалацию насилия в этой стране и ее последствия (в том числе в виде инцидентов со снарядами).

Турецкие артиллерийские удары по позициям сирийских вооруженных сил стали возможными благодаря заявлению, сделанному по итогам экстренного заседания Североатлантического совета на уровне послов в ночь с 3-го на 4-е октября 2012 г. в штаб-квартире НАТО. В итоговом заявлении встречи говорилось, что НАТО «полностью поддерживает Анкару» и «требует от Сирии немедленно прекратить любые агрессивные действия» против Турции. В документе подчеркивалось, что экстренная встреча Североатлантического совета была созвана «в рамках 4-й статьи Вашингтонского договора»²³.

Эта статья предусматривает проведение консультаций в случае, если одна из стран – членов НАТО считает, что ее безопасность находится под угрозой. Тем не менее говорить о применении 5-й статьи Вашингтонского договора, которая предусматривает возможный коллективный военный ответ всех союзников на агрессию против одного из них, преждевременно. И, судя по всему, заинтересованность в этом не проявляет и сама Турция.

Рассматривая хронологию событий в рамках сирийской политики Турции, особенно через призму российских интересов, нельзя не отметить историю с принудительной посадкой в Анкаре сирийского пассажирского авиалайнера «Airbus A-320», который выполнял полет из Москвы в Дамаск. Очевидно, что эта история лишь усугубила и без того напряженные отношения между двумя соседними странами. Многие обозреватели тогда уверенно писали, что отношения между Турцией и Сирией опасно приблизились к грани, которая отделяет мир от войны²⁴.

11 ноября 2012 г. в Дохе на встрече различных оппозиционных сил Сирии было принято решение о создании нового объединительного органа сирийской оппозиции – Национальной коалиции сил сирийской революции (НКССР), которая, по задумке инициаторов, должна сыграть роль потенциального переходного правительства Сирии. Следует, однако, отметить, что на упомянутом мероприятии не было таких влиятельных сирийских оппозиционных движений, как, например, Национальный координационный комитет, Сирийская демократическая платформа, а также Курдское этническое меньшинство. Поэтому перечисленные движения не вошли и в состав так называемой сирийской «национальной коалиции».

Тем не менее объединительный орган был сформирован, и особую роль в этой инициативе сыграла Турция. Глава турецкого внешнеполитического ведомства А. Давутоглу в связи с упомянутой инициативой сирийских антиправительственных сил заявил, что объединенная оппозиция нуждается в поддержке мирового сообщества. «Друзья Сирии должны поддержать это соглашение, и больше не может быть причин для оправдания отказа», – подчеркнул он в своем выступлении. По его словам, «все, кто поддерживает борьбу сирийского народа, должны четко заявить о поддержке соглашения и проявить более серьезную активность»²⁵.

Судя по всему, адресатом обращения турецкого министра были Соединенные Штаты Америки. Поскольку несколько дней назад госсекретарь США Хиллари Клинтон выразила глубокое разочарование деятельностью Сирийского национального совета (СНС), который ранее считался главным руководящим органом сирийской оппозиции. «Мы четко обозначили свою позицию, которая заключается в том, что СНС больше не может считаться лидером оппозиции», – заявила глава Госдепартамента Соединенных Штатов за несколько дней до формирования «антиасадовской коалиции»²⁶.

На наш взгляд, время проведения встречи в Дохе, процесс формирования и состав НКССР, а также заявление А. Давутоглу свидетельствуют об определенной зависимости сирийской политики Анкары от ближневосточных планов США. Следует также отметить, что турецкие власти все еще пытаются определить свое отношение к сирийской проблеме с учетом этого важного фактора. О том, что позиция Анкары сформирована еще не до конца, свидетельствует ее неоднозначное поведение. Так, с одной стороны, Турция заявляет о необходимости мирного разрешения сирийского кризиса с помощью политико-дипломатических методов, с другой – предоставляет убежище и логистическую поддержку вооруженным формированиям оппозиционных сил.

Вместе с этим ряд экспертов считает, что отдельные тактические действия Турции не отражают ее сирийскую политику в целом. На кажущуюся переменную позицию Анкары определенное воздействие оказывают главным образом следующие причины: во-первых, турецкие власти опасаются дестабилизации обстановки в турецких районах компактного проживания курдов; во-вторых, Турция стремится стать ведущей региональной державой. А по мнению сторонников внешнеполитической линии Эрдогана–Давутоглу, свержение режима Асада позволит расширить сферу влияния Турции на Ближнем Востоке.

Следует признать, что в жесткой позиции Анкары есть потенциально опасные моменты и для самой Турции. Она рискует быть втянутой в боевые действия вблизи собственных границ. На Ближнем Востоке Турция может снова восприниматься в качестве младшего партнера США, утратившего свою внешнеполитическую самостоятельность, а не в качестве независимого игрока. Кроме того, могут ухудшиться отношения с Россией, которые на протяжении последних 10 лет развивались в русле многопланового партнерства. Однако, судя по всему, турецкое правительство все еще продолжает полагать, что выгоды от вмешательства в Сирию перекрывают издержки.

Итак, на сегодняшний день общий анализ ситуации показывает, что Анкара отнюдь не стремится к войне с Сирией. Если бы у турецкого политического руководства было намерение ввязаться в подобный вооруженный конфликт, то оно бы сделало это еще во время «инцидента 22 июня 2012 года», когда сирийская ПВО сбила само-

лет-разведчик турецких ВВС. Пока речь не идет даже о так называемых «трансграничных операциях», разрешение на проведение которых 4 октября 2012 г., т.е. сразу после инцидента в Акчакале, военным дал турецкий парламент. Точно так же нельзя классифицировать в качестве воздушной блокады Сирии инцидент с захватом сирийского самолета, выполнявшего рейс Москва–Дамаск. Введение воздушной блокады фактически означало бы объявление войны. В настоящее время Турция продолжает усиливать нажим на Дамаск, в том числе психологический.

В силу определенных обстоятельств Анкаре приходится сдерживать свои амбиции в Сирии. Поскольку, во-первых, ее смущает неясная позиция США – Вашингтон продолжает проявлять осторожность по поводу своего участия в вооруженном конфликте на Ближнем Востоке. А без американской поддержки Турция не станет предпринимать каких-либо масштабных военных действий против Сирии.

Во-вторых, Турции в настоящее время сложно определить свою стратегическую линию на тот случай, если она все же окажется вовлеченной в прямой военный конфликт с Дамаском, поскольку цена за военную победу окажется немалой, а результат – сомнительным. Ведь, судя по действиям вооруженной оппозиции, в ее рядах немало радикально настроенных элементов, которые могут надолго дестабилизировать почти весь регион.

В-третьих, Турция вынуждена учитывать и позицию Ирана. Тегеран уже открыто заявил, что не останется в стороне в случае военного удара по Сирии. Нынешнее иранское руководство не без оснований полагает, что вслед за свержением режима Б. Асада именно его власть окажется под угрозой, и поэтому прилагает большие усилия для оказания поддержки сирийскому президенту.

В-четвертых, Турция испытывает серьезные опасения по поводу возможного появления на карте Ближнего Востока автономного Сирийского Курдистана по образцу Иракского. В самой Турции курдские организации резко активизировались. Пока нет никаких фактов, прямо свидетельствующих о том, что за их активностью стоит Сирия или Иран. Скорее всего, лидеры турецких курдов реагируют на общую обстановку в регионе и полагают, что вскоре может настать благоприятный момент для достижения их целей.

В этих условиях весьма сомнительно, что Турция в настоящее время намерена развязать войну с Сирией. Однако ситуация может измениться уже в ближайшем будущем, поскольку игра вокруг Дамаска, в которую вовлечен целый ряд игроков с большими геополитическими амбициями, далеко не закончена. В настоящее время процесс формирования общей сирийской оппозиции сильно напоминает процесс поэтапного создания органов управления ливийской оппозицией, а потому и чреват возникновением очередного очага напряженности в регионе. Попытки разыграть «ливийский сценарий» в Сирии могут привести к тому, что Сирия развалится на несколько частей, и к кровопролитной гражданской войне. Поэтому примене-

ние что «иракской», что «ливийской» моделей в Сирии чревато возникновением нового очага затяжной напряженности не только у турецких границ, но и непосредственно на территории турецких провинций.

Анкара все больше убеждается в том, что «конфронтационный подход с односторонним обвинительным уклоном в адрес Дамаска», предполагающий возможность внешнего вооруженного вмешательства, недопустим в отношении Сирии, поскольку может вызвать цепную реакцию с крайне негативными последствиями для соседних стран, и прежде всего для Турции. Неоднородность сирийской нации наряду с важной ролью сирийского государства в архитектуре ближневосточного региона, а также союзнические отношения Дамаска с Тегераном оказывают определенное воздействие на сирийскую политику Турции. Исходя из этого, можно предположить, что в рамках разрешения кризисной ситуации в Сирии, несмотря на периодические жесткие заявления Анкары, предпочтение все же будет отдано вариантам мирного урегулирования сирийского кризиса с привлечением как оппозиционных, так и правящих сил.

Примечания

¹ Арутюнян А. Проблема Александреттского санджака в турецко-сирийских отношениях: прошлое, настоящее, будущее. – Вопросы истории, историографии, экономики, языкознания и литературы. М., 2007. С. 6–8.

² Başbakan Erdoğan Suriye'de. – Sabah, 23.12.2009.

³ Там же.

⁴ Гаджиев А. Пути к ближневосточной интеграции: развитие турецко-сирийских отношений. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/29-12-09.htm>.

⁵ Ertuğrul D. Türkiye Dış Politikası için bir Test: Suriye Krizi. – TESEV Dış Politika Programı Dergisi. İstanbul, 2012. S. 6–7.

⁶ Erdoğan, Esad yönetimine bu kez sert çıktı. – Euro News, 10.06.2012: <http://tr.euronews.net/2011/06/10/erdogan-esad-yonetimine-bu-kez-sert-cikti>.

⁷ Ayhan V. Dışişleri Bakanı Davutoğlu'nun Şam Ziyareti: Beklentiler ve Restleşmeler, 08 Ağustos 2011, ORSAM Dış Politika Analizleri. – www.orsam.org.tr/tr/yazigoster.aspx?ID=2511.

⁸ Şam Büyükelçiliğimiz, Halep Başkonsolosluğumuz, Lazkiye Fahri Konsolosluğumuza düzenlenen saldırılar hk., № 254, 13 Kasım 2011. – www.mfa.gov.tr/no_-254_-13-kasim-2011_-sam-buyukelciligimiz-halep-baskonsoloslugumuz_-lazkiye-fahri-konsoloslugumuza-duzenlenen-saldirilar-hk_.tr.mfa.

⁹ Esad yanlıları Türkiye'nin Şam Büyükelçiliği'ni bastı, Türk Bayrağı'nı indirmeye kalktılar. – SesliTurkiyem.com, 13 Kasım 2011: <http://www.sesliturkiyem.com/dunya/samda-turk-buyukelciligine-boyle-saldiri-izle-h2623.html>.

¹⁰ Erdoğan'dan Esad'a bayrak resti. – Sabah, 15.11.2011.

- ¹¹ Suriye muhalefesinde kim kimdir. – BBC Türkçe, 12 Kasım 2012: http://www.bbc.co.uk/turkce/haberler/2012/11/121112_syrian_opposition_guide.shtml.
- ¹² Suriye'deki çatışmalara Türkiye'nin müdahalesi ve Antakya merkezli gelişmeler, Barış Derneği Raporu. – Ekim 2012: http://www.barisdernegi.org/files/Turkiye_Suriye_Raporu.pdf.
- ¹³ Çandar C. Türkiye, ABD ve Suriye'de «tampon bölge». – Radikal, 02.06.2012: <http://www.radikal.com.tr/Radikal.aspx?aType=RadikalYazar&ArticleID=1089863>.
- ¹⁴ Kapıdaki Kriz Suriye: Uluslararası Yaklaşımlar ve Türkiye için Öneriler, ed. Dinçer O., USAK Ortadoğu ve Afrika Araştırmaları Merkezi Raporu, No 12–02. Ankara, Mart 2012. S. 26–27.
- ¹⁵ Dinçer O., a.g.e. S. 27.
- ¹⁶ Türkiye ordusu mu daha güçlü, Suriye mi? – Rota Haber, 26.10.2012: http://haber.rotahaber.com/turkiye-ordusu-mu-daha-guclu-suriye-mi_316968.html.
- ¹⁷ Türkiye'nin Askeri Gücü Ne Kadar? – Samanyolu Haber, 01 Temmuz 2012: <http://www.samanyoluhaber.com/gundem/iste-o-sorunun-cevabi-Suriye-ile-savasa-girerek/787291>.
- ¹⁸ Захаров И., Гаджиев А. Химоружие Сирии: «пугалка» для Запада или утка СМИ. – Голос России, 25.07.2012: http://rus.ruvr.ru/2012_07_25/Himoruzhie-Sirii-pugalka-dlja-Zapada-ili-utka-SMI.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Türkiye sınırı tek taraflı olarak kapattı. – Radikal, 21.07.2012: <http://www.radikal.com.tr/Radikal.aspx?aType=RadikalDetayV3&ArticleID=1094894&CategoryID=77>.
- ²¹ «Suriye Sınırı» Alarm Veriyor. – Milliyet, 28.10.2012: <http://gundem.milliyet.com.tr/-suriye-siniri-alarm-veriyor/gundem/gundemdetay/28.10.2012/1618077/default.htm>.
- ²² Çetin H.: Türkiye Suriye'de Çözümü Rusya ile Birlikte Aramalı. – Doğan Haber Ajansı, 01.09.2012: http://www.dha.com.tr/hikmet-cetin-turkiye-suriyede-cozumu-rusya-ile-birlikte-aramali-2_358189.html.
- ²³ NATO'dan Suriye'ye uyarı. – Hürriyet, 04.10.2012: <http://www.hurriyet.com.tr/planet/21617127.asp>.
- ²⁴ Gürsel K. Savaşa düşman değil, siyaset neden olur. – Milliyet, 08.10.2012: <http://dunya.milliyet.com.tr/savasa-dusman-degil-siyaset-neden-olur/dunya/dunyayazardetay/08.10.2012/1608371/default.htm>.
- ²⁵ Suriye için anlaştılar, Davutoğlu yola çıkıyor. – Sabah, 11.11.2012: <http://www.sabah.com.tr/Gundem/2012/11/11/suriye-icin-anlastilar-davutoglu-yola-cikiyor>.
- ²⁶ Стернс С. Клинтон: СНС уже не возглавляет сирийскую оппозицию. – Голос Америки, 31.10.2012: <http://www.golos-ameriki.ru/content/us-clinton-syria-opposition/1537051.html>.

*И.А. Свистунова**

ТУРЕЦКО-ИРАКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВЫВОДА АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК ИЗ ИРАКА

Отношения с соседним Ираком являются одним из важнейших направлений внешней политики Турецкой Республики на Ближнем Востоке. Турецко-иракские отношения во многом обусловлены историческими факторами, определившими наличие в Ираке курдского и тюркского национальных меньшинств. Два государства связывает также объективная экономическая взаимозаинтересованность, ярко проявившаяся в последние годы. Иностранная военная интервенция в Ирак 2003 г., свержение президента С. Хусейна и восемь лет оккупационного режима оказали неоднозначное влияние на эволюцию турецко-иракских отношений.

С одной стороны, открылись новые возможности для сотрудничества, которыми воспользовались как Турция, стремившаяся укрепить свое влияние в Ираке и на Ближнем Востоке в целом, так и Ирак, вынужденный реинтегрироваться в мировое сообщество. В частности, за период с 2003 по 2011 г. объем торговли между Турцией и Ираком увеличился с 941 млн до 10,8 млрд долл.¹ В структуре турецкого экспорта в Ирак основное место занимают: продукция сталелитейной промышленности, электрическое оборудование и приборы, строительные материалы и машины, продукты питания, бытовая химия. Импорт из Ирака более чем на 95% состоит из сырой нефти и нефтепродуктов. Торговый оборот между двумя странами характеризуется значительным дисбалансом в пользу Турции. Так, в 2011 г. объем турецкого экспорта в Ирак составил 8,3 млрд долл., в то время как импорт из Ирака – 2,5 млрд долл.² Данный факт отличает турецко-иракские отношения от ситуации, которая наблюдается в торгово-экономических связях Турции с другими крупнейшими торговыми партнерами, особенно поставщиками нефти и газа, такими как Россия и Иран.

С другой стороны, углубились «хронические» проблемы иракского общества, затяжной характер приобрела внутривнутриполитическая нестабильность в Ираке, лишенном после свержения Саддама Хусейна интегрирующей вертикали и раздробленном на племенные и религиозные группы. Турция оказалась перед лицом новых вызовов безопасности в связи с ростом активности боевиков Рабочей партии Курдистана (РПК), базирующихся в Северном Ираке.

* Свистунова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ).

Вывод американских войск, официально завершившийся в декабре 2011 г., привел к обострению этноконфессиональных противоречий в Ираке. В стране разгорелся внутривнутриполитический кризис, в основе которого лежит раскол по линиям «сунниты – шииты» и «арабы – курды».

С точки зрения турецко-иракских отношений вывод из Ирака американских войск можно считать началом нового этапа в политике Анкары на иракском направлении. Произошло вовлечение Турции в этноконфессиональные конфликты в Ираке, в то время как ранее важной установкой турецкой политики было представление Турции в качестве некоей интегральной силы, способной служить объединению расколотого иракского общества.

Представляется, что новая ситуация в турецко-иракских отношениях отражает важные тенденции внешней политики современной Турции и заслуживает пристального внимания и изучения.

Первым очевидным свидетельством изменения политики Анкары на иракском направлении стало открытое вмешательство Турции в политическую борьбу между премьер-министром Ирака шиитом Нури аль-Малики и его оппонентами – суннитами, многие из которых являются бывшими функционерами партии Баас. В конце декабря 2011 г. премьер-министр аль-Малики отстранил от государственных должностей ряд политиков-суннитов. Одновременно против суннита вице-президента Ирака Тарика Хашеми было возбуждено уголовное дело по обвинению в причастности к террористической деятельности, направленной против шиитов. Комментарии официальных лиц Турции по данному вопросу вызвали резко отрицательную реакцию Багдада и стали причиной дипломатического конфликта, который разразился между двумя государствами в январе 2012 г.

Турция выступила с резкой критикой действий Н. аль-Малики. Премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что «потребуется годы на установление в Ираке демократического режима»³, пообещал, что Турция не останется равнодушным наблюдателем межобщинного конфликта в соседнем государстве, и призвал вернуть в правительство отстраненных от должности политиков. В свою очередь Н. аль-Малики обвинил Анкару в «недопустимом вмешательстве во внутренние дела Ирака» и в том, что политика Турции конфессионально ориентирована и «может свергнуть регион в пучину гражданских войн»⁴. Турецкий посол в Багдаде и иракский посол в Анкаре были вызваны в Министерство иностранных дел страны пребывания для объяснений.

Вслед за этим Турция предприняла попытку сгладить впечатление о конфессиональной окраске турецкой политики. В период с января по март 2012 г. в Анкару был приглашен ряд видных иракских политических деятелей – шиитов (спикер иракского парламента Усма Нуджейфи, председатель Высшего исламского совета Ирака Аммар Хаким, лидер оппозиционного блока «Аль-Иракия» Айяд Алляви). Иракские политики были приняты президентом, премьер-мини-

стром и министром иностранных дел Турции. Таким образом, турецкое руководство попыталось показать отсутствие у Турции проблем в отношениях с иракскими шиитами и представить причиной турецко-иракского конфликта авторитарные методы правления премьер-министра Н. аль-Малики.

Одновременно Турция продолжала оказывать поддержку иракским суннитам, что сопровождалось углублением раскола между Анкарой и Багдадом.

Сбежавший из Багдада опальный вице-президент Хашеми укрылся в Турции, где в июле 2012 г. ему было предоставлено разрешение на жительство⁵, несмотря на тот факт, что еще в мае Интерпол по запросу иракского правительства выдал ордер на его арест⁶. В сентябре бывший вице-президент был заочно приговорен иракским судом к смертной казни⁷. Вслед за этим премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган заявил, что Анкара не намерена выдавать иракским властям Хашеми, который может оставаться в Турции сколько пожелает⁸.

В то же время между Анкарой и Багдадом продолжался обмен резкими заявлениями. В апреле 2012 г. на встрече с Масудом Барзани в Стамбуле премьер-министр Р.Т. Эрдоган обвинил правительство аль-Малики в монополизации власти и дискриминации в отношении суннитов. В свою очередь премьер-министр Ирака заявил, что Турция превращается во врага для всех государств региона из-за своих попыток «доминировать в нем» и «вмешиваться в дела соседей»⁹.

Наиболее ярким показателем остроты конфликта стала угроза премьер-министра аль-Малики, озвученная вскоре после инцидента с турецким разведывательным самолетом, нарушившим воздушное пространство Сирии и сбитым сирийской ПВО в июне 2012 г. Н. аль-Малики заявил, что турецкие самолеты регулярно нарушают воздушное пространство Ирака, и пообещал сбивать турецкие самолеты, если подобные нарушения будут продолжаться¹⁰. Речь идет о разведывательных полетах турецкой авиации над Северным Ираком, которые осуществляются Анкарой в рамках борьбы с боевиками РПК. Ранее действия Турции вызывали сдержанное недовольство в Багдаде, возможности которого контролировать ситуацию в курдских районах на севере страны ограничены. В июле 2012 г. вопрос о нарушениях Турцией воздушного пространства Ирака был рассмотрен на заседании Совета министров. Было принято решение зафиксировать случаи нарушения и подать на Турцию жалобу в Совет Безопасности ООН¹¹.

Не увенчалась успехом попытка турецкого руководства пригласить представителей всех конфессиональных и этнических групп Ирака на четвертый конгресс ПСР, который состоялся 30 сентября 2012 г. в Анкаре и на котором Р.Т. Эрдоган был вновь избран председателем партии. Премьер-министр Ирака Н. аль-Малики и другие политики-шииты отказались посетить конгресс из-за присутствия на нем опального Т. Хашеми, которого в Турции продолжают официально называть вице-президентом Ирака.

Турецкие политологи задаются вопросом о том, как получилось, что скандал вокруг «дела Хашеми» привел к такому обострению отношений между Анкарой и Багдадом, динамично развивавшихся в последние годы.

Ответ на этот вопрос турецкие аналитики видят в том, что отношения между Анкарой и премьер-министром аль-Малики изначально носили натянутый характер. На парламентских выборах в Ираке 2010 г. Турция открыто поддерживала главного оппонента возглавляемой Н. аль-Малики Коалиции закона – блок Аль-Иракия, значительную силу в котором представляют светские сунниты. В этот же блок входит ведущая политическая организация иракских туркоманов – Фронт иракских туркоманов.

Вместе с тем все это не препятствовало развитию турецко-иракских отношений до конца 2011 г., когда в преддверии вывода американских войск в Ираке разгорелась внутривнутриполитическая борьба и углубились этноконфессиональные противоречия.

Представляется, что не последнюю роль в назревании турецко-иракского конфликта сыграли региональные процессы, события так называемой «арабской весны», обострившие, в частности, противоречия между суннитами и шиитами на Ближнем Востоке. Для турецко-иракских отношений особое значение имел тот факт, что Анкара и Багдад заняли различные позиции в отношении событий, происходящих в соседней Сирии.

Через несколько месяцев после начала беспорядков в Сирии Турция разорвала отношения со своим прежним союзником – президентом Б. Асадом и приступила к оказанию поддержки сирийским оппозиционным группировкам, представляющим суннитское большинство. Находящиеся у власти в Ираке шииты во главе с премьер-министром Н. аль-Малики, напротив, с озабоченностью восприняли перспективы прихода к власти в Сирии суннитов.

В результате Анкара и Багдад начали осуществлять на международной арене действия, носящие противоположную направленность. Так, Турция продвигала идею о том, чтобы Лига арабских государств приняла резолюцию, осуждающую сирийский режим, в то время как Ирак голосовал против данного решения ЛАГ. Турция начала сворачивание торгово-экономических связей с Сирией в соответствии с политикой экономического давления на сирийский режим. Ирак, напротив, заявил о расширении экономического сотрудничества с Сирией и подписал с Дамаском соглашение о строительстве так называемого «Исламского газопровода» для транспортировки иранского газа¹². (Можно вспомнить, что в 2008 г. Турция и Ирак поставили перед собой задачу развития стратегического сотрудничества, включающего в том числе координацию по линии внешнеполитических ведомств.) Подобные разногласия не могли способствовать сохранению позитивной атмосферы в отношениях между Анкарой и Багдадом.

Еще одним фактором роста напряженности между Анкарой и Багдадом служит конкуренция за региональное влияние между Тур-

цией и Ираном. Ирак всегда служил неким полем скрытого противоборства Анкары и Тегерана. После ухода из Ирака американской армии Турция и Иран пытаются заполнить образовавшийся вакуум влияния. Турция не может оставаться сторонним наблюдателем усиления Н. аль-Малики, который пользуется поддержкой Ирана. Тем более в ситуации, когда Анкара и Тегеран заняли противоположные позиции в отношении Сирии и «арабской весны».

Официальная Анкара связывала напряженность в турецко-иракских отношениях с личностью иракского премьера Н. аль-Малики и его авторитарными методами правления. Однако среди турецких аналитиков распространилось мнение о том, что именно суннитский уклон в политике ПСР наносит вред интересам Турции на иракском направлении.

Как писал турецкий журналист Сами Кохен, «турецкое руководство говорит, что менее всего желает конфессионального конфликта в Ираке и обвиняет аль-Малики в создавшейся ситуации. Но даже если Анкара этого не желает, политика, которую она проводит, является причиной того, что Турция выглядит участницей данного межконфессионального конфликта. В то время как в подобной ситуации турецкой дипломатии следовало бы сохранять нейтралитет и играть роль посредника»¹³.

По словам турецкого политолога Семиха Идиза, «трудно сказать, что в политике ПСР отсутствует конфессиональный уклон, хотя правительство это опровергает... При объективном подходе можно заметить, что те обвинения в авторитаризме и нетерпимости к оппонентам, которым подвергается Н. аль-Малики, в значительной степени можно адресовать и премьер-министру Р.Т. Эрдогану»¹⁴.

Турецкий политолог Али Семин (по происхождению иракский туркоман) утверждал, что вмешательство Анкары в «дело Хашеми» привело к распространению в Ираке и в регионе мнения о том, что Турция руководствуется конфессиональными мотивами и поддерживает суннитов. Трудно ожидать нормализации турецко-иракских отношений до тех пор, пока Хашеми находится в Турции. Анкаре необходимо вернуться к нейтральному и сбалансированному подходу к событиям в Ираке и иракским политикам, поскольку ни у одной из этноконфессиональных групп Ирака не существует единого лидера и единственной партии, представляющей интересы данной группы. Вместо того чтобы вставать на сторону Хашеми, Анкара могла бы выступить в качестве посредника»¹⁵.

Картину восприятия гражданами Ирака политики Турции представляет исследование под названием «Отношение к Турции на Ближнем Востоке в 2012 году», проведенное Фондом экономических и политических исследований (TESEV). По данным TESEV, 26% иракцев считали, что политика Турции имеет под собой конфессиональную основу¹⁶. В 2012 г. доля опрошенных иракцев, указавших, что Анкара проводит враждебную политику по отношению к Ираку, составила 58%¹⁷. Конфессиональные мотивы в политике Турции усмат-

ривали также 28% респондентов из 16 стран Ближнего Востока и Северной Африки, принимавших участие в опросе¹⁸.

Новой тенденцией политики Турции на иракском направлении является втягивание Анкары в конфликтные отношения между Багдадом и руководством Курдистанского автономного региона (КАР) на стороне иракских курдов.

Прежде всего нужно отметить, что Турция и КАР, образно говоря, выступают единым фронтом в «деле Хашеми», который сначала укрывался в КАР, и Эрбиль в течение трех месяцев отказывался выдать его центральному правительству. Подобно турецкому руководству, лидер КАР Масуд Барзани резко критикует Н. аль-Малики за авторитарный стиль правления, причем делает это на международном уровне, поддерживая таким образом позицию Турции. В частности, Барзани резко высказался в адрес аль-Малики в ходе визита в США в апреле 2012 г.

Основные противоречия между федеральным центром и курдской автономией связаны с такими вопросами, как право собственности на нефтегазовые месторождения, экспорт нефти, раздел нефтяных доходов. Багдад настаивает на том, что право управления нефтегазовыми запасами Ирака принадлежит федеральному центру. До недавнего времени Турция разделяла подход Багдада и заявляла о принадлежности нефтегазовых ресурсов всем гражданам Ирака. Актуальные для турецкой экономики вопросы нефтегазового сотрудничества с Ираком руководство Турции предпочитало решать с Багдадом.

В мае 2012 г. Анкара и Эрбиль заключили соглашение о нефтяном сотрудничестве и в июле, несмотря на возражения Багдада, приступили к его реализации. Курды начали экспортировать в Турцию сырую нефть в автоцистернах в дополнение к экспорту по ирако-турецкому нефтепроводу Киркук–Юмурталык, распределение доходов от которого находится под контролем Багдада и вызывает недовольство курдов. Министр энергетики и природных ресурсов Турции Танер Йылдыз сказал, что запланировано постепенное увеличение поставок до 100–200 автоцистерн в день¹⁹.

Багдад опротестовал действия Турции, потребовав прекратить «незаконный вывоз нефти» и обвинив Анкару в участии в контрабанде иракской нефти, доходы от которой должны принадлежать всем иракцам²⁰.

Турция заявила, что вывозимая из Ирака нефть будет направляться на нефтеперерабатывающий завод в г. Мерсин, а затем возвращаться в Курдский автономный район в виде нефтепродуктов. Обсуждаются также вопросы создания нефтепроводов от месторождений Северного Ирака до города Джейхан и покупки природного газа у иракских курдов.

Поддержку курдов в «нефтяном конфликте» и официальный переход Турции к прямой торговле энергоресурсами с КАР можно объяснить стремлением усилить зависимость КАР от отношений с Турцией и добиться решения проблемы РПК.

Последний аспект, который следует затронуть в контексте данной статьи, это вопрос об иракских туркоманах.

Конфликт между Багдадом и Эрбилем привел к росту внимания иракского правительства к проблеме Киркука и иракских туркоманов.

В апреле 2012 г. на заседании иракского парламента впервые был рассмотрен вопрос о положении иракских туркоманов и принято решение о создании комиссии для подготовки соответствующего доклада. В июле подготовленный доклад получил одобрение парламента, что позволяет взять его за основу для разработки закона о правах иракских туркоманов. Депутаты осудили притеснения, которым подвергались туркоманы в период правления С. Хусейна, и постановили признать туркоманов третьим государствообразующим этносом Ирака со всеми вытекающими отсюда правовыми и административными последствиями²¹.

8 мая 2012 г. премьер-министр аль-Малики посетил город Киркук, на обладание которым претендует КАР, и провел там заседание Кабинета министров Ирака²². Таким неожиданным образом премьер-министр аль-Малики продемонстрировал, что Киркук – это город, который подчиняется Багдаду. Пребывание аль-Малики в Киркуке сопровождалось стягиванием в город иракских сил безопасности, отношения которых с курдскими пешмерга характеризуются периодическими конфликтами. В Киркуке аль-Малики заявил, что нахождение в спорном районе курдских пешмерга незаконно.

Действия и высказывания аль-Малики вызвали резкую реакцию курдов. Министры-курды бойкотировали заседание Кабинета министров, а представитель регионального правительства Курдистана выступил с заявлением, в котором говорилось, что «Киркук является иракским городом с курдской идентичностью», что иракская армия не решит вопрос о принадлежности Киркука и что премьер-министр должен позволить жителям Киркука определить свою судьбу в соответствии со 140-й статьей Конституции²³.

Следующим резонансным событием, связанным с Киркуком и иракскими туркоманами, стал внезапный визит в Киркук министра иностранных дел Турции А. Давутоглу, который приехал в этот город 2 августа 2012 г. после посещения Эрбиля. Визит Давутоглу стал первым за многие годы посещением Киркука высокопоставленным турецким чиновником. До этого в 1976 г. в ходе визита в Ирак в Киркук приезжал президент Турции Фахри Корутюрк, посетивший там турецкий культурный центр. В 1977 г. премьер-министр Сулейман Демирель был в Киркуке на церемонии открытия нефтепровода Киркук–Джейхан. В 2006 г. в Киркуке побывала делегация турецкого меджлиса.

Действия Давутоглу, въехавшего в Киркук с территории Иракского Курдистана, не поставив в известность Багдад, вызвали возмущение иракского правительства. Обострил ситуацию и тот факт, что ранее турецкое руководство выражало желание посетить Киркук в ходе визитов в Багдад, однако получило отказ. Турецкие диплома-

тические источники сообщили, что визит Давутоглу не был внезапным и держался в секрете по соображениям безопасности²⁴. Последовал очередной обмен резкими заявлениями. Багдад заявил о намерении «пересмотреть отношения с Турцией».

В Киркуке Давутоглу встретился с руководством Фронта иракских туркоманов. На пресс-конференции по итогам встречи министр иностранных дел Турции призвал иракских туркоманов к единству и пообещал, что им не придется ждать много лет следующего визита турецкого высокопоставленного чиновника²⁵. Стоит заметить, что туркоманы стали единственной этнической группой, с которой Давутоглу встретился в Киркуке. Уже через несколько дней – 7 августа – Давутоглу принял председателя Фронта иракских туркоманов Э. Салихи в Анкаре и заявил, что Турция продолжит оказывать поддержку иракским туркоманам²⁶.

Представляется, что визит Давутоглу в Киркук преследовал несколько целей.

Во-первых, такой эпатажный внешнеполитический шаг был призван отвлечь общественное мнение Турции, в котором распространились критические оценки деятельности Давутоглу. Особенно после встречи в Эрбиле в июле 2012 г., когда при посредничестве М. Барзани представители Национального совета курдов Сирии и Партии демократического единства, которую Турция считает продолжением РПК, договорились о взаимодействии. Турецкую прессу наводнили статьи, в которых говорилось, что ошибочная внешняя политика правительства привела к тому, что в Сирии началось формирование автономного курдского образования по образцу Иракского Курдистана.

Во-вторых, без сомнения, визит Давутоглу содержал скрытое послание в адрес Багдада, так как состоялся вскоре после упоминавшихся угроз аль-Малики сбивать турецкие самолеты, нарушающие воздушное пространство Ирака. Поездка Давутоглу в Киркук, осуществленная с территории курдской автономии, как бы продемонстрировала Багдаду, что Турция обладает свободой действий в Ираке и Багдад не рассматривается в качестве единственного и ключевого собеседника при реализации турецкой политики в отношении Ирака. В визите Давутоглу в Киркук, напомиравшем о недавнем резонансном визите аль-Малики, также можно было усмотреть намек на отсутствие у Багдада полного контроля над иракской территорией.

В-третьих, действия Давутоглу были направлены на укрепление отношений как с иракскими курдами, так и с иракскими туркоманами. Курды позитивно восприняли тот факт, что Давутоглу въехал в Киркук через Эрбил. Туркоманы были единственной этнической группой, с которой Давутоглу встретился в Киркуке. Таким образом, Анкара продемонстрировала свое внимание к проблемам иракских туркоманов, защита прав которых относится к официальным приоритетам внешней политики Турции на иракском направлении.

В то же время для политики Турции в отношении иракских туркоманов визит Давутоглу носит скорее демонстрационный характер и не приведет к значительным практическим результатам. Для Турции поддержка туркоманов является инструментом укрепления турецкого влияния в Ираке, но внутренние проблемы иракских туркоманов как этнической общности ограничивают возможности использования данного инструмента. В первую очередь речь идет о таких проблемах, как низкий уровень национальной сплоченности и вопросы национальной самоидентификации.

После вывода американских войск из Ирака наблюдается отход Турции от принципа «равноудаленности» от всех этноконфессиональных групп Ирака. Перенос фокуса внимания Анкары с Багдада на Эрбиль также свидетельствует о принципиальных изменениях в походе Турции к развитию отношений с Ираком. Вовлечение Турции в конфессиональные и этнические конфликты в Ираке отражает общую тенденцию развития ближневосточной политики Анкары и в значительной степени обусловлено ситуацией в регионе. В то же время данная тенденция сужает возможности Анкары на иракском направлении и усиливает в турецком обществе дискуссию о верности внешнеполитического курса правящей партии.

Примечания

¹ Türkiye Cumhuriyeti Ekonomi Bakanlığı. – <http://www.ekonomi.gov.tr/index.cfm?sayfa=7155BE01-D8D3-8566-45208351967592CF>.

² Ibid.

³ Erdoğan: Irak'ta yaşanan mezhepsel çatışmaları tasvip etmiyoruz. – 09 Ocak 2012. Cihan: <http://www.bugun.com.tr/son-dakika/erdogan-irakta-yasanan-mezhepsel-catismalari-tasvip-etmiyoruz-haberi-43136>.

⁴ KALEMDAROĞLU, Sibel. Maliki-Erdoğan Arasındaki Restleşmeler, Türkiye'yi Nereye Sürükiüyor? 06.02.12. – http://www.21yyte.org/tr/yazi/6477-Maliki_Erdogan_Arasindaki_Restlesmeler_Turkiyeyi_Nereye_Surukluyor_.html.

⁵ Haşimi'ye Ankara oturma izni verdi. – <http://www.ntvmsnbc.com/id/25370205>.

⁶ Интерпол выдал ордер на арест вице-президента Ирака Тарика аль-Хашеми. – <http://lenta.ru/news/2012/05/08/hashemi>.

⁷ Вице-президент Ирака приговорен к смертной казни. 09.09.2012. – <http://www.vesti.ru/doc.html?id=902060>.

⁸ «HAŞİMİ'Yİ TESLİM ETMEYİZ!» – <http://www.dipnot.tv/39218/HAsiMiYi-TESLiM-ETMEYiZ-Basbakan-Erdogan-idam-karari-verilen-Hasimiye-boyle-destek-cikti.aspx>.

⁹ <http://ria.ru/world/20120420/630999033.html>.

¹⁰ Türkiye'ye 'ihlal uyarısı'. – Milliyet, 17.07.2012: <http://dunya.milliyet.com.tr/irak-hava-sahasini-turkiye-ye-kapatti/dunya/dunyadetay/17.07.2012/1568055/default.htm>.

¹¹ Ibid.

- ¹² İranский газ ищет путь в Европу через Ирак и Сирию. – <http://top.rbc.ru/economics/25/07/2011/607220.shtml>.
- ¹³ Sami Kohen. Şimdi de Irak krizi. – <http://dunya.milliyet.com.tr/simdi-de-irak-krizi/dunya/dunyayazardetay/11.09.2012/1594381/default.htm>.
- ¹⁴ Semih İdiz. Diplomaside tutarlılık gerekiyor. – <http://siyaset.milliyet.com.tr/diplomaside-tutarlilik-gerekiyor/siyaset/siyasyazardetay/26.09.2012/1602345/default.htm>.
- ¹⁵ Ali Semir Irak'ta Yeni Dinamikler ve Ankara-Bağdat İlişkileri. – http://www.bilgesam.org/tr/index.php?option=com_content&view=article&id=2142:irakta-yeni-dinamikler-ve-ankara-badat-likileri&catid=77:ortadogu-analizler&Itemid=150.
- ¹⁶ Akgün M., Gündoğar S. Ortadoğu'da Türkiye Algısı 2012. TESEV Yayınları, 2012. S. 12.
- ¹⁷ Ibid. S. 18.
- ¹⁸ Ibid. S. 11.
- ¹⁹ Bağdat'tan Ankara'ya sert uyarı. – Milliyet, 16.07.2012: <http://ekonomi.milliyet.com.tr/bagdat-tan-ankara-ya-sert-uyari/ekonomi/ekonomidetay/16.07.2012/1567494/default.htm>.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ KARAR METNİ. – http://www.orsam.org.tr/tr/trUploads/Yazilar/Dosyalar/201283_KARAR%20METNI.pdf.
- ²² Barzani ile de Kerkük için kavga ediyor. – Sabah, 09.05.2012: <http://www.sabah.com.tr/Dunya/2012/05/09/barzani-ile-de-kerkuk-icin-kavga-ediyor>.
- ²³ Заявление КРП по итогам визита премьер-министра аль-Малики в Киркук. – <http://diplomata-kurdi.com/?p=7862>.
- ²⁴ Исторический визит Давутоглу в Киркук. – http://kurdistan.ru/2012/08/03/news-16480_istoricheskiy_vizit.html.
- ²⁵ http://tvarsivi.com/disisleri-bakani-ahmet-davutoglu-irak-turkmen-cephesi-lideriyle-ortak-basin-toplantisi-yapiyor-canli-02-08-2012-izle-i_2012080054116.html.
- ²⁶ Davutoğlu, Irak Türkmen Cephesi heyetini kabul etti. – http://www.zaman.com.tr/news/Detail_getNewsById.action?haberno=1329769&title=davutoglu-irak-turkmen-cephesi-heyetini-kabul-etti.

*В. Петросян**

ВОЕННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРЦИИ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

Трансграничные военные действия, осуществляемые Турцией на территории Ирака против боевиков РПК, в настоящее время стали обычным явлением. Между тем их правовые основания весьма спорны. Турция приводит следующие доводы: так называемое право «преследования по горячим следам», действующее в морском праве; подписанные между Ираком и Турцией основополагающие договоры и соглашения по данному вопросу; фактическая потеря Багдадом контроля над собственной территорией – Северным Ираком; право Турции на самооборону; статьи 7-й главы Устава ООН; соответствующие решения Великого Национального Собрания Турции, а также молчаливое согласие иракских властей и Регионального правительства Курдистана, которое, однако, время от времени нарушается жалобами.

Право «преследования по горячим следам» вытекает из Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (статья 111-я). Конвенция подробно рассматривает и регулирует право преследования иностранных судов в тех случаях, когда компетентные органы прибрежного государства имеют достаточно оснований считать, что судно нарушило законы и порядок этого государства.

Это положение морского права Турция применяла как в 1983–1991 гг., так и сейчас, в том числе на суше. За действиями, осуществленными Турцией в 1983 г. на территории Ирака, последовали так называемые трансграничные действия 1986, 1987 и 1991 гг. Турецкая сторона комментировала и обосновывала их как реализацию права «преследования по горячим следам»¹.

Право «преследования по горячим следам» предполагает преследование в случае нападения и за пределами своих границ (исключительно с согласия соседней страны), не теряя преследуемых из виду. Между тем после 1992 г. Турция предпринимает на территории Ирака не преследование по горячим следам, а прямые трансграничные действия, цель которых – найти на территории Северного Ирака базы и укрывающихся там боевиков РПК и обезвредить последних. По сути, речь идет о превентивных, предупреждающих мерах, которые в контексте международного права граничат с агрессией.

* Петросян Ваграм, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и дипломатии факультета международных отношений ЕГУ, директор Центра исследований Ближнего и Среднего Востока (НКР).

Преследование по горячим следам на суше может осуществляться только с согласия сопредельного государства². Поэтому рассмотрим основополагающие договоры и соглашения, подписанные между Ираком и Турцией и касающиеся данной проблемы.

Первый договор был подписан между Великобританией, Ираком и Турцией 5 июня 1926 г.³ Он не предусматривал реализацию так называемых «трансграничных военных действий», тем более право так называемого «преследования по горячим следам», однако уточнял «приграничную зону» (сама граница, которая разделяет Турцию и Ирак, и 75-километровая зона вглубь территории с каждой стороны) и включал определенные обязательства, не все из которых должным образом выполнялись властями Ирака.

Протокол № 6 к Договору о дружбе и добрососедских отношениях, подписанному между Ираком и Турцией 29 марта 1946 г. в Анкаре, касался границ и включал 25 статей. Протокол полностью заменил «Вторую часть» договора от 5 июня 1926 г., однако в основном оставался верен духу предыдущего и не содержал принципиальных изменений⁴.

Определенный интерес представляет также договор о ненападении (Саадабадский пакт), подписанный 8 июля 1937 г. в Саадабадском дворце Реза-шаха Пехлеви между Афганистаном, Ираком, Ираном и Турцией. Неписаной, однако основной, целью этого договора было согласование политики Ирака, Ирана и Турции в курдском вопросе. Если прежде эти три государства пытались использовать курдов друг против друга, то теперь, по сути, они брали на себя обязательство сотрудничать в этом вопросе. В 7-й статье, в частности, говорилось: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются предотвращать формирование и деятельность вооруженных групп, союзов и организаций, которые преследуют цель разрушить определенные учреждения, нарушать порядок на территории этих государств или угрожать их безопасности или имеют цель изменить конституционный порядок»⁵. Саадабадская логика предполагаемого сотрудничества в курдском вопросе сохранилась также в Багдадском пакте, подписанном между Турцией и Ираком 24 февраля 1955 г.⁶

Однако ни Саадабадский, ни, тем более, Багдадский пакты не предполагали права одной страны на ведение на территории другой страны так называемых «трансграничных военных действий», тем более так называемого «преследования по горячим следам». Следовательно, практика вторжения при желании в Ирак, являющаяся для Турции серьезным рычагом против иракских курдов, имеет другие политические и правовые основы. Еще в 1978 г., во время визита начальника Генерального штаба Турции Кенана Эврена, был подписан турецко-иракский Договор о безопасности. Он предполагал если не осуществление похожих действий, то во всяком случае «согласование» и «координацию» позиций сторон в вопросах безопасности и сепаратизма. Не случайно турецкая пресса подчеркивала, что «Тур-

ция будет сотрудничать с Ираком против сепаратизма этнических групп региона». Таким образом, хотя договор не предполагал права на вторжение на территорию другого государства, тем не менее, он предусматривал «сотрудничество» и «координацию действий» сторон в борьбе с силами, действующими друг против друга⁷.

А уже в 1982 г. в ходе визита в Анкару тогдашнего вице-преьера Ирака Тага Ясина Рамазана было подписано тайное соглашение, непосредственно касающееся курдов и состоящее из 4 пунктов. С целью эффективной борьбы против курдов и при условии предварительного оповещения соседней страны (в случае необходимости) данное соглашение считало возможным и допустимым нарушение государственных границ вооруженными подразделениями обеих стран, осуществление военных действий против мятежников на территории соседней страны, продвигаясь вглубь страны более чем на 15–20 километров. Понятно, что договор был направлен в первую очередь против курдов. Этим правом в основном пользовалась Турция. Первое вторжение турецкой армии на территорию Северного Ирака произошло в конце мая 1983 г. Перейдя иракскую границу и продвигаясь вглубь страны, турецкая армия начала военные действия против РПК, отчего существенно пострадало и мирное население Иракского Курдистана. Однако источники свидетельствуют о том, что операция проходила с ведома багдадских властей⁸.

В 1984 г. появился «Турецко-иракский протокол о безопасности», который внес существенные изменения в данный вопрос, предоставляя Ираку и Турции право входить на территорию друг друга и осуществлять карательные действия на территории глубиной 5 километров без предварительного согласия. Вплоть до 1989 г. протокол являлся правовой основой для ведения Турцией военных действий на территории Ирака. А иракское правительство, которое не имело полноценного контроля над Северным Ираком, было вынуждено смириться с создавшейся ситуацией⁹.

Однако нужно отметить, что после применения химического оружия против мирного курдского населения в марте 1988 г. Турция не продлила действие указанного протокола. Когда позднее, в 1990 г., правительство Турции, осознав совершенную ошибку, само предложило Багдаду обновить данный протокол, правительство Ирака не сочло это перспективным и отвергло предложение турецкой стороны¹⁰. Тем не менее впоследствии (особенно после войны в Персидском заливе в 1991 г.) подобные вторжения турецкой армии стали обычным явлением. Следовательно, Турция к имеющимся доводам добавляла все новые.

В результате принятия резолюции 688 Совета Безопасности ООН, создания для иракских курдов так называемого «прибежища безопасности», осуществления «Operation Provide Comfort» и создания бесполетной зоны для территорий, лежащих к северу от 36-й параллели, был не только ограничен суверенитет Ирака, но почти полнос-

тью был утрачен фактический контроль правительства если не над Северным Ираком, то, по крайней мере, над районами, населенными курдами. Более того, в 1992 г. была провозглашена автономия Иракского Курдистана, который еще до начала антииракской войны 2003 г. полностью вышел из-под контроля Багдада. Так как с точки зрения международного права законный суверен уже не имел никакого контроля над значительной частью Северного Ирака, Иракским Курдистаном, а проблема РПК оставалась, Турция полагала, что право на нейтрализацию нападений РПК из Северного Ирака и террористической угрозы должно перейти к третьей стране или странам. Турция считала, что из резолюции 688 Совета Безопасности ООН логически вытекает, что страны, создавшие бесполетную зону, должны взять на себя эту миссию, и что это не только их право, но и обязанность. Однако выяснилось, что западные союзники Турции не намерены брать на себя такие обязательства. Следовательно, Турция решила, что имеет право осуществлять военные действия на иракском отрезке границы, по крайней мере, в рамках неоспоримого права на самооборону. После иракской войны 1991 г. первые трансграничные действия – воздушные удары по Хакурскому лагерю РПК в Северном Ираке (основанные на праве «преследования по горячим следам») – Турция предприняла 1 марта 1992 г.¹¹

В середине 1990-х гг., когда трансграничные действия Турции (как на суше, так и воздушные удары) на территории Северного Ирака стали обычным явлением и в перспективе проглядывалось создание Турцией буферной зоны на иракском отрезке границы, иракская сторона постоянно направляла жалобы в Совет Безопасности ООН, а также Генеральную Ассамблею ООН. В ответ на это Турция приводила доводы о том, что имеет неоспоримое право на самооборону и что багдадские власти фактически утратили контроль над Северным Ираком.

Иракская война 2003 г. существенно изменила ситуацию в Северном Ираке (Иракском Курдистане) наряду с другими факторами, в том числе с точки зрения правовой оценки турецких вторжений. Фактически Иракский Курдистан находился почти под полным контролем иракских курдов, однако Турция больше не могла утверждать, что Северный Ирак находится вне контроля иракского правительства. Резолюцией 1546 Совета Безопасности ООН признавалось завершение оккупации Ирака и установление полноценной власти (полномочий и обязанностей) суверенного и независимого временного/переходного правительства Ирака. А иракская Конституция 2005 г. признала права Регионального правительства Курдистана как федерального субъекта.

После свержения Саддама Хусейна лидер Патриотического союза Курдистана Джалал Талабани, ставший президентом Ирака в апреле 2005 г., в июле 2006 г. даже объявил о том, что договоры, подписанные между Турцией и Ираком в период правления Саддама

Хусейна, теряют силу, и иракское правительство не признает право Турции пересекать границу и вести военные действия на иракской территории¹². Однако еще за год до этого Турция заранее отметила, что в случае необходимости, перейдя границу, она будет вести военные действия (так называемые cross-border) на территории Ирака. Подобные широкомасштабные операции велись в феврале 2008 г. Турция провела определенную подготовительную работу в этом направлении. В частности, 7 августа 2007 г. в Анкаре премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган и премьер-министр Ирака Нури аль-Малики подписали Меморандум о взаимопонимании. Он предусматривал:

- борьбу против террористической организации РПК/KONGRA-GEL;
- исключение присутствия всех террористических организаций, действующих в Ираке;
- доработку премьер-министрами двух стран в двухмесячный срок Договора о сотрудничестве в борьбе против терроризма¹³.

Подписание меморандума было существенным успехом и достижением для Турции. В течение всего постсаддамовского периода Турция постоянно стремилась к подписанию с Ираком подобного документа. Иракская сторона в свою очередь постоянно избегала подобной формулировки (вероятно, учитывая позицию Регионального правительства в данном вопросе и стремясь не обострять и без того сложные отношения), однако Багдад в конце концов уступил. Кроме того, Анкара надеялась, что в Договоре о сотрудничестве в борьбе против терроризма ей удастся зафиксировать право на ведение в Ираке военных действий против РПК¹⁴. Если реакция Госдепартамента США была однозначно положительной, то Региональное правительство Курдистана, по всей вероятности, было разочаровано, однако также было вынуждено положительно оценить данный меморандум¹⁵.

В конце концов, 28 сентября 2007 г. в Анкаре между Турцией и Ираком (министрами иностранных дел Беширом Аталой и Джавадом аль-Булани) был подписан Пакт о борьбе против терроризма¹⁶. В проекте пакта была также статья 4, по которой Турции должно было быть предоставлено право преследовать боевиков РПК и на территории Северного Ирака (право «преследования по горячим следам»). Турция была крайне заинтересована в принятии этого пункта. Однако, по утверждению Ирака, в окончательном тексте пакта отсутствовала статья, предоставляющая Турции подобные права¹⁷. Тем не менее турецкая сторона в лице министра внутренних дел Бешира Аталы лелеяла надежду на то, что в дальнейшем ей удастся подписать новый договор с Ираком, в котором будет признано право Турции на преследование боевиков РПК и ведение военных действий на территории Северного Ирака¹⁸. Но иракская сторона проявила осторожность в этом вопросе, тем более что ей была известна позиция Иракского Курдистана: для подписания подобных договоров, а также для любых действий, предполагающих нарушение границы, нужно получить также согласие парламента Иракского Курдистана¹⁹.

Турция пошла другим путем – путем создания иных правовых оснований. Так, турецкое правительство в октябре 2007 г. обратилось к Великому Национальному Собранию Турции с просьбой предоставить полномочия для ведения военных действий против боевиков РПК. ВНСТ дало турецкому правительству такое право сроком на один год²⁰, который в дальнейшем был продлен²¹. То, что на протяжении многих лет турецкое правительство вело трансграничные военные действия на территории Ирака против боевиков РПК, в основном не имея разрешения ВНСТ²², говорит о том, что оно пошло на этот шаг для восполнения пробела в правовых основаниях, желая привлечь внимание мировой общественности, а также с целью демонстрации своего недовольства политикой Ирака и США. 16 декабря 2007 г. 50 турецких самолетов нанесли удары по позициям РПК на глубину 95 км. Воздушные удары продолжились в декабре 2007 г. – январе 2008 г. Более того, 21 февраля 2008 г. турецкая сторона перешла ко второму этапу самых широкомасштабных за последние годы действий – операции «Солнце», когда турецкие войска действовали при поддержке авиации и артиллерии. Только 29 февраля 2008 г. Генеральный штаб Турции объявил о том, что операция на суше завершена и войска достигли поставленных целей и вернулись в Ирак²³.

Однако турецкая сторона, естественно, понимала, что только соответствующие решения ВНСТ не являются достаточным основанием для подобных действий. В качестве нового довода приводилось право Турции на самооборону.

Подчеркивая свое право на самооборону, Турция опиралась на соответствующие статьи Устава ООН. В статье 51-й Устава ООН говорится: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

Хотя правовая сторона вопроса по-прежнему остается спорной, Турция продолжает осуществлять свои так называемые трансграничные военные действия на иракской территории. Только в течение одиннадцати месяцев 2012 г. (по состоянию на начало декабря) Турция, перейдя границу с Ираком, провела там 55 военных операций против РПК. Это были как операции на суше, так и воздушные удары, в результате которых погибло 420–427 боевиков РПК. По свидетельству министра обороны Турции, основные воздушные удары были нанесены по зоне Кандильских гор, являющейся самой часто упоминаемой базой РПК в Ираке. Основными целями были базы и опорные пункты в Запе, Метине, Хафтаны, Аваши и Чемчо²⁴. Причем, по свидетельству министра обороны Турции, с начала 2012 г. вооруженные силы Турции сменили свою тактику и от военных действий, основанных на защите, перешли к тактике нападения²⁵. А это означа-

ет, что излишне говорить о праве «преследования по горячим следам». Что касается применяемой турецкими властями и средствами массовой информации терминологии, то необходимо уточнить разницу между применением права «преследования по горячим следам» и трансграничными действиями: «преследование по горячим следам», вытекающее из Конвенции морского права ООН 1982 г., начинается на собственной территории и заканчивается с того момента, когда преследуемый входит на территорию своего или третьего государства. Между тем трансграничные действия начинаются и продолжаются на территории другого государства²⁶. Для продолжения «преследования по горячим следам» на территории другого государства и начала трансграничных действий с юридической точки зрения необходимо получить разрешение этой страны.

С 1991 г. Турция стала размещать на территории Северного Ирака небольшие военные группировки. Точных данных о численности турецких группировок в Северном Ираке, действовавших в период 1991–2012 гг., нет. Однако, согласно турецким источникам, Турция имеет три вооруженные группировки в Северном Ираке (в частности, на территории Иракского Курдистана). Первая группировка численностью 2000–2500 чел. размещена на иракском отрезке приграничной зоны между Турцией и Ираком. Вторая обслуживает турецкие пункты связи и взаимодействия, расположенные в Эрбиле, Захо, Дохуке, Сулеймании и Кёйсанджаке. И наконец, третья группировка – это так называемые турецкие «миротворческие войска» или «силы по мониторингу мира», которые представляется более целесообразным здесь и далее называть Силами по поддержанию мира (СПМ). Они были размещены в Иракском Курдистане после межкурдской гражданской войны 1996 г.²⁷ Статус последней группировки представляет особый интерес, так как он в определенной мере разъясняет вопрос присутствия двух первых и турецкого военного и разведывательного присутствия вообще.

Еще 31 октября 1996 г., в условиях межкурдской войны между Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), при посредничестве США, Великобритании и Турции в Анкаре был подписан договор о прекращении военных действий. Контроль над исполнением пунктов договора должны были осуществлять так называемые Силы по поддержанию мира. Исходя из этой цели, договор предусматривал создание вооруженных сил, в состав которых должны были войти курды, не примыкающие к ДПК и ПСК, а также отряды туркоманов и ассирийцев.

Вооружение им собирались предоставить посредники: США, Великобритания и Турция. Эти формирования должны были разделить боевиков ДПК и ПСК. Со временем они стали реальной проблемой для Иракского Курдистана, угрожая его безопасности и стабильности.

5-й и 7–11-й пункты соглашения от 31 октября 1996 г. непосредственно касаются создания и деятельности Сил по поддержанию мира.

В договоре, в частности, было отмечено, что нейтральные Силы по поддержанию мира будут сформированы и размещены с целью наблюдения за исполнением обязательств по перемирию, стороны конфликта будут полноценно сотрудничать с Силами по поддержанию мира, способствовать их работе. Также предусматривалось создание контрольной мониторинговой группы (КМГ) из представителей Турции, США, Великобритании, ДПК, ПСК и Сил по поддержанию мира²⁸.

Была обеспечена также финансовая сторона реализации нового договора и создания Сил по поддержанию мира (СПМ). Для финансирования СПМ США выделили 3 млн долл. и дополнительно за счет Пентагона – транспорт, вооружение и аппаратуру на 4 млн долл.²⁹ Однако все пошло не так, как планировалось. Во-первых, с молчаливого согласия США и Великобритании СПМ должны были быть созданы под командованием Турции. Представители нейтральных курдских партий практически не были включены в состав сил. Согласно предварительному решению, более чем 200 ассирийцев и туркоманов должны были войти в состав сил³⁰. Однако в дальнейшем было решено включить в состав 400 боевиков. Причем, для того чтобы успокоить Турцию, США и Великобритания согласились, чтобы из 400 членов сил 300 были туркоманами³¹, не считая турецких офицеров, экспертов и обслуживающий персонал. Таким образом, как отмечал секретарь ДПК, если СПМ изначально были созданы в основном усилиями США и Великобритании, то в дальнейшем они превратились в турецкую военную группировку³².

Силы по поддержанию мира, действующие под командованием Турции, официально были созданы 15 апреля 1997 г.³³ и состояли в основном из иракских туркоманов и ассирийцев. Со временем количество боевиков было доведено до 800³⁴.

После подписания договора от 31 октября 1996 г. в военных действиях был зафиксирован определенный перерыв. Однако столкновения между ДПК и ПСК (усилиями РПК и Турции) возобновились весной 1997 г. В мае 1997 г. Турция начала широкомасштабные военные действия в Иракском Курдистане. Таким образом, перемирие в конфликте поддерживалось несколько месяцев, до создания СПМ, а последние были созданы в условиях обострения напряжения. Уже 17 сентября 1998 г. между ДПК и ПСК при посредничестве США было подписано Вашингтонское соглашение. С 1999 г. Силам по поддержанию мира уже нечего было делать в Иракском Курдистане. Однако СПМ продолжали официально действовать там под командованием Турции.

Отзывы о положительной роли СПМ немногочисленны, в то время как есть много свидетельств их промахов и даже преступной деятельности. По сути, в центре внимания СПМ были в основном иракские туркоманы в качестве будущего козыря и обеспечения турецкого военного присутствия в Северном Ираке.

По утверждению турецкого аналитика Сонера Чагаптая, с апреля 1997 г. СПМ служили в качестве своеобразной школы по переподготовке иракских туркоманов, и более 2000 из их числа принимали участие в работе СПМ, получая при этом профессиональные знания и инструктаж от турецких военных³⁵. Естественно, это должно было в дальнейшем углубить напряженность в курдско-туркоманских отношениях, что не отвечало интересам иракских туркоманов.

Другие темные страницы деятельности СПМ были в дальнейшем раскрыты иракскими курдами. Сразу после окончания антииракской войны 2003 г. на повестку дня был поставлен вопрос о вторжении турецких войск в Ирак. Руководство Иракского Курдистана, в частности РПК, было категорически против такой перспективы. В этом контексте проблема наличия турецких войск в Иракском Курдистане вообще и роль СПМ в частности оказались в центре особого внимания. В ходе визита в Анкару 7–9 января 2003 г. Масуд Барзани указал на деятельность СПМ, созданных для мониторинга и контроля за соблюдением перемирия между ДПК и ПСК, в качестве примера того, почему для иракских курдов является нежелательным ввод турецких войск в Иракский Курдистан. Масуд Барзани отмечал: «Я вам совершенно точно могу сказать, что делают СПМ – все, кроме посредничества между нами (ДПК. – В.П.) и ПСК. Они пытаются тренировать и вооружать иракских туркоманов, они присваивают исторические артефакты, замешаны в историях с наркотрафиком и даже убийствами. И они не уходят. И это в ситуации, когда их всего несколько сотен. Если США подпишут документ, в котором будет сказано, что турки должны уйти сразу после выполнения своей миссии, мы можем обсудить вопрос содействия Турции в участии в военных действиях в Северном Ираке»³⁶. «Турция уже имеет войска в Северном Ираке. Они действуют открыто, и их присутствие допустимо. Однако увеличение их численности недопустимо. Если будет принято решение о военном присутствии Турции в Ираке, это может изменить обстоятельства и баланс», – отмечал Масуд Барзани. Он подтвердил то, что «турецкое военное вмешательство является для нас (иракских курдов. – В.П.) вопросом выживания. Это означало бы, что мы попадаем под контроль Турции. Если мы не сможем остановить осуществление этого проекта, мы покинем страну»³⁷.

После антииракской войны 2003 г. иракские курды стремились добиться вывода турецких войск из Иракского Курдистана, отмечая, что эти силы могут привести к напряженности во внутрииракских процессах и будущих турецко-курдских отношениях³⁸. Однако в первую очередь ставился вопрос о прекращении деятельности СПМ. Официальных решений по выводу остальных турецких сил или закрытия турецких баз не принималось, обсуждения велись за кулисами. На то были определенные причины:

– СПМ имели серьезные правовые основания в виде соглашения 1996 г., в котором США, Великобритания и Турция действовали сообща;

– с политической точки зрения (спустя 5–6 лет после окончания гражданской войны) более логичным и обоснованным представляется требовать расформирования СПМ, чем закрытия турецких военных баз и разведывательных бюро, созданных для контроля за деятельностью РПК в условиях, когда базы РПК продолжали действовать в Северном Ираке и угроза не была нейтрализована;

– СПМ, по сути, превратились в туркоманское вооруженное формирование, действующее под командованием Турции и являющееся угрозой для иракских курдов. А в постсаддамовском Ираке, когда на первый план вышли Киркук и другие спорные территории, наличие турецко-туркоманских военных формирований представляло большую угрозу, чем проблема турецких военных баз и разведывательных бюро, которые борются против РПК;

– вопрос расформирования СПМ рассматривался курдами как первый шаг, за которым, по всей вероятности, должно было последовать закрытие всех турецких военных баз на территории Иракского Курдистана – прямое или опосредованное требование полностью исключить военное присутствие Турции. Попытка выдвинуть такое требование была сделана в 2008 г. Однако в дальнейшем беспрецедентное обострение отношений между Турцией и Региональным правительством Курдистана заставило иракских курдов воздержаться от попыток затрагивать проблему закрытия турецких военных баз.

В конце концов, 13 мая 2003 г. парламент Иракского Курдистана принял резолюцию, которая призывала расформировать СПМ, действующие под командованием Турции в Северном Курдистане³⁹. Однако понятно, что власти Иракского Курдистана были не в состоянии самостоятельно обеспечить реализацию данной резолюции, тем более что вариант силового давления исключался⁴⁰. Однако в данном вопросе у Иракского Курдистана был мощный союзник в лице США. Американской стороне стало известно, что некоторые чиновники Генерального штаба Турции в середине 2003 г. попросили ДПК оказать давление в вопросе расформирования СПМ, пообещав, что Турция в одностороннем порядке расформирует их до конца 2003 г.⁴¹ Во время визита в Анкару в декабре 2003 г. генерала Питера Пейса, заместителя начальника Генерального штаба США⁴², представители Генерального штаба Турции заявили, что СПМ являются удачным начинанием, и «предложили включить их в состав структур безопасности нового Ирака, очевидно, для подготовки новых членов»⁴³. США не были принципиально против такой инициативы. Однако Турция все время откладывала принятие решения о расформировании СПМ. 6 февраля 2004 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол США Эрик Стивен Эдельман дал следующее заключение по вопросу Сил по поддержанию мира.

– СПМ, целью которых является мониторинг перемирия 1997 г. между ДПК и ПСК, в настоящее время не осуществляют никакого мониторинга, а продолжают действовать как военная сила туркома-

нов и ассирийцев Ирака под командованием иностранного государства на территории Северного Ирака. Они функционируют вне Объединенной и совместной целевой группы 7 и структур безопасности Ирака.

– Январское заявление премьер-министра Регионального правительства Курдистана Нечирвана Барзани и реакция турецкой прессы и официальных кругов показывают, что действующие под командованием Турции СПМ продолжают оставаться раздражителем в Северном Ираке и уже не приносят никакой пользы⁴⁴.

Эдельман предлагал, чтобы «госдепартамент в двустороннем порядке сообщил о своем подходе туркам, давая понять, что американское правительство, временные власти Коалиции, Объединенная и совместная целевая группа 7 и иракский Совет Управления стремятся распустить СПМ, так как миссия последних завершена». «Мы должны высказать свою позицию спокойно, чтобы дать возможность туркам утверждать, что они в одностороннем порядке распускают указанные силы после успеха их миссии. Мы должны заверить турок, что ни одна сторона в Ираке не была оповещена об этом демарше и что он осуществляется не по просьбе какой-либо иракской партии, а потому, что завершение деятельности СПМ вытекает из интересов США и Ирака. Если мы не проявим последовательность в данном вопросе, турки могут предположить, что мы требуем этого по просьбе иракских курдов, и в результате менее вероятно, что Турция подчинится этому требованию...» – подчеркивал Эдельман⁴⁵. Турецкая сторона, однако, затягивала процесс. Только 2 июля 2004 г. МИД Турции заявило, что миссия СПМ завершилась⁴⁶. Это заявление МИД Турции было сделано после того, как руководимые США коалиционные силы передали власть временному/переходному правительству Ирака. В этой связи турецкие средства массовой информации сделали ряд акцентов:

– было объявлено, что Турция решила вывести из Северного Ирака своих миротворцев;

– подчеркивалось, что и после расформирования СПМ и возвращения турецкого контингента Турция будет иметь другие войска в Северном Ираке численностью несколько тысяч для предотвращения действий боевиков РПК;

– отмечалось также, что Анкара считает Северный Ирак частью сферы своего влияния и опасается, что в условиях послевоенного Ирака курды попытаются объявить свою независимость и разогреть сепаратистские настроения турецких курдов⁴⁷.

Силы по поддержанию мира были окончательно и официально расформированы 3 октября 2004 г.⁴⁸ Однако частично их состав должен был войти в структуры безопасности Ирака⁴⁹.

* * *

Данные турецких источников о расположении в Северном Ираке турецких войск и о дате создания военных баз, офисов связи коман-

дования турецких специальных войск или разведывательных баз и сведения о стороне, предоставляющей такое право, весьма противоречивы. Работы по созданию турецких военных баз в Северном Ираке отставной генерал Неджати Эозген относит к 1992–1993 гг., а список подписавшихся под соглашением, по утверждению Эозгена, возглавлял тогда лидер ПСК, а ныне президент Ирака Джалалял Талабани⁵⁰. Другие турецкие источники утверждают, что в Северном Ираке турецкие военные расположились в 1995 г. по желанию ДПК и ПСК с целью предотвращения столкновений между ними. Отмечается также, что турецкие силы обосновались там в 1995 г. во время противостояния между ДПК и ПСК для оказания поддержки ДПК, чтобы РПК не воспользовалась вакуумом во власти. Турецкие военные утвердились в Бамерни, Батуфе, Канымасы, а командование специальных войск открыло свои пункты связи в Сулеймании и Эрбиле⁵¹. По другим данным, турецкие военные базы в Северном Ираке были созданы в 1997 г.

Отмечается также, что «в деле создания военных баз была важна также просьба ДПК и ПСК, а по соглашению, подписанному с иракским правительством, присутствие турецких войск в Северном Ираке получило правовое обоснование»⁵². Согласно другой точке зрения, право на расположение военных баз в Северном Ираке для борьбы против РПК вытекает из договора, подписанного с Саддамом Хусейном в 1995 г., после чего на военной базе Бамерни расположился турецкий танковый батальон⁵³.

По мнению турецкого эксперта Намыка Дурукана, «первый договор по данному вопросу с представителями ДПК и ПСК турецкая сторона подписала еще в 1996 г.»⁵⁴ Однако тот же Намык Дурукан, ссылаясь на французское агентство АЕР, утверждает, что договор о присутствии турецких войск в Дохуке был подписан с Саддамом Хусейном в 1995 г., одновременно отмечая, что второе лицо в ДПК, Нечирван Барзани, относит подписание этого договора к 1997 г.⁵⁵ Доктор Эмрухан Ялчин считает: «В 1995 г. турецкая армия провела операцию под названием “Операция сталь” против лагерей РПК в Северном Ираке. И часть группировки, участвовавшей в этой операции, по устному соглашению, достигнутому с тогдашним лидером Ирака Саддамом Хусейном, осталась в Северном Ираке. Хотя реальной целью было создание буферной зоны между РПК и Турцией, осуществить это не удалось. Эта устная договоренность предоставляла турецким силам в Ираке право преследования РПК по горячим следам. Кроме того, уже в 1997 г. было принято решение о создании базы в границах курдского района. Между Турцией и Ираком нет договора по этому вопросу»⁵⁶.

По нашему мнению, турецкие войска не были приглашены иракскими курдами для обеспечения мира и стабильности в Иракском Курдистане, как утверждают некоторые турецкие официальные лица и средства массовой информации, тем более что они начали распо-

лагаться там до межкурдской гражданской войны 1994 г. Когда турецкие войска входили в Иракский Курдистан для ведения военных действий против РПК, не все из них возвращались обратно после их завершения, некоторая часть оставалась в Иракском Курдистане с целью контроля за ситуацией и действиями РПК⁵⁷. Приграничная зона между Иракским Курдистаном и Турцией, где Турция обеспечила и постепенно увеличила свое военное присутствие, в основном находилась под контролем ДПК. Следовательно, на начальном этапе Турция получила согласие ДПК. Это было нетрудно, так как сотрудничество между Турцией и ДПК началось в 1990-х гг., и ДПК даже участвовала в некоторых военных действиях Турции против РПК, получив за это оружие, конфискованное на базах и в лагерях РПК в Иракском Курдистане. А уже во время межкурдской гражданской войны, когда РПК, действовавшая на подконтрольных ДПК территориях, по сути, была союзницей ПСК, ДПК должна была допускать присутствие турецких войск, выступавших против РПК. И турецкая сторона после окончания военных действий оставляла в Иракском Курдистане не только войска, но и сотрудников разведки, официально ответственных за обеспечение связи с ДПК.

Соглашение, подписанное в Анкаре в 1996 г., и перспектива создания СПМ давали Турции прекрасную возможность продлить присутствие своих войск и разведывательных баз связи в Иракском Курдистане и, более того, возможность узаконить их присутствие. Тот факт, что СПМ в основном состояли из туркоманов, с культурно-языковой точки зрения облегчал вход турецких военных и работников связи и разведки в Иракский Курдистан. С 1997 г. эти силы и их базы представлялись как часть механизма, обеспечивающего мирный процесс в Иракском Курдистане, не имея никакой связи с миссией СПМ. И их мандат каждый год продливался. Причем «турецкие регулярные войска расположились на северо-западе курдистанского региона, в зоне контроля ДПК, а турецкие специальные силы разместили свои пункты еще южнее, в Эрбиле и Сулеймании⁵⁸. Последняя же находилась под контролем ПСК.

Заключила ли Турция специальные соглашения с ДПК и ПСК о создании разведывательных баз и пунктов связи командования специальных войск, баз турецких военных группировок, или это произошло по устной договоренности? Трудно сказать, так как нет никаких прямых источников, указывающих на это. А из работ авторов, утвердительно говорящих о существовании подобного документа, неясно, имеют ли они в виду соглашение, подписанное в Анкаре в 1996 г., и созданные на его базе СПМ⁵⁹. Неджат Эозген, который относит начало работ по расположению турецких войск и созданию баз и подписанию договора к 1992–1993 гг., одновременно утверждает, что список подписавшихся под этим соглашением возглавлял лидер ПСК и нынешний президент Ирака Джалял Талабани. Но лидер ПСК не мог играть главной роли в деле создания турецких военных баз на терри-

ториях, находящихся под контролем ДПК, возглавляемой Масудом Барзани. Однако мы полностью согласны с тем, что началом создания военных баз надо считать, как минимум, 1992–1993 гг., так как версия Неджата Эозгена кажется более убедительной⁶⁰.

Таким образом, ни соглашение, подписанное в Анкаре в 1996 г., ни последующие встречи и обсуждения по реализации последнего не предусматривали присутствия турецких военных группировок и их баз, а также пунктов связи и взаимодействия на территории Северного Ирака. Но даже если бы они были непосредственно связаны с СПМ, их деятельность должна была быть прекращена после расформирования Сил по поддержанию мира. Между тем, как уже отмечалось, хотя СПМ официально были расформированы 3 октября 2004 г., Турция сохраняла присутствие в Северном Ираке турецкого военного контингента численностью несколько тысяч для контроля и предотвращения действий курдских боевиков РПК. Более того, турецкое военное присутствие в Иракском Курдистане имело место еще до создания СПМ, т.е. до 15 апреля 1997 г., с 1991 г. и особенно с 1993–1995 гг. Не позднее 1996–1997 гг., воспользовавшись ситуацией, Турция заключила договор или достигла договоренности с властями Иракского Курдистана, ДПК и ПСК, чем узаконила и расширила свое военное и разведывательное присутствие в Иракском Курдистане. Курдская сторона, по сути, дала разрешение на расположение в Северном Ираке 5-тысячного турецкого контингента, вооруженного бронетехникой и артиллерией. После ареста лидера РПК Абдуллы Оджалана, с 1999 г., численность группировки постепенно уменьшалась, однако с 2004 г., после активизации РПК, она вновь была увеличена. В настоящее время на территории Северного Ирака расположен турецкий военный контингент численностью 2,5 тыс. (в 2008 г. – 2 тыс.), основная часть которого находится на четырех основных базах – в Бамерни (где раньше располагался иракский военный аэропорт), Бутафе, Канымасы и в горной местности, названной турецкой армией Дилмен-тепе⁶¹.

После свержения Саддама Хусейна турецкая сторона понимала, что в результате расформирования СПМ власти Иракского Курдистана могут потребовать от нее вывести войска из Северного Ирака, закрыв и военные базы. С целью предотвращения подобного сценария еще в 2006 г. Турция модернизировала базу в Бамерни, создав даже возможность для посадки вертолетов и намекая на то, что не намерена в ближайшем будущем покидать Ирак.

Несмотря на требования парламента Курдистана и высокопоставленных чиновников вывести турецкие войска и закрыть военные базы или некоторые из них (эти требования достигли апогея в марте 2008 г. во время операции турецких войск в Северном Ираке против боевиков РПК), Турция отвергла их и до сих пор продолжает использовать серьезный рычаг в виде военных баз в Иракском Курдистане⁶². Причем количество турецких военных баз в Иракском Курдистане

не увеличивается. Если в 2008 г. говорилось о 4 или 6 военных базах в Ираке (в основном в Иракском Курдистане, и подчеркивалось намерение Генерального штаба Вооруженных сил Турции создать еще 11 турецких военных баз на территории Ирака)⁶³, то в начале 2010 г. говорилось о том, что на территории Иракского Курдистана существует 9 турецких военных баз⁶⁴. А уже в октябре 2012 г. Багдад считал неоспоримым факт существования 16 военных баз⁶⁵. В свою очередь, согласно источнику, близкому к президенту Иракского Курдистана Масуду Барзани, по состоянию на октябрь 2012 г. Турция имела на территории Иракского Курдистана 8 баз военного и 12 разведывательного характера⁶⁶.

Естественным результатом напряженной внутривосточной ситуации в Ираке является и рост количества турецких военных баз на территории Иракского Курдистана, и то, что багдадское и Региональное правительства не действуют сообща в вопросе наличия турецких военных баз и частых вторжений турецких войск в Северный Ирак.

Ранее (в 2003–2008 гг.) парламент и Региональное правительство Курдистана активно поднимали вопрос о расформировании СПМ, закрытии турецких военных баз и исключении частых вторжений турецких войск в Северный Ирак. В настоящее время в условиях крайнего напряжения турецко-иракских отношений, естественно, уже центральное правительство Багдада чаще затрагивает эту проблему. Так, 26 февраля 2008 г. парламент Иракского Курдистана утвердил решение, призывавшее Региональное правительство потребовать закрытия всех турецких военных баз в Северном Ираке⁶⁷. Данное решение, принятое во время вторжения турецких войск в Северный Ирак для борьбы против боевиков РПК, по мнению экспертов, «не только показало противоречивую позицию Регионального правительства Курдистана в вопросе присутствия РПК на территориях, фактически контролируемых им, но и подтвердило подозрения многих курдов о том, что Турция использует войну как повод для исключения перспективы независимости для иракских курдов»⁶⁸.

На самом деле у Регионального правительства было очень мало действенных рычагов, чтобы заставить Турцию закрыть свои базы в Северном Ираке. Парадокс заключался в том, что курдские власти, в свое время согласившиеся на военное присутствие Турции, теперь столкнулись с позицией Анкары, согласно которой не Региональное правительство, а только центральные власти Багдада имеют полномочия для урегулирования отношений с другими государствами. Между тем центральное правительство не желало в то время идти на риск и требовать закрытия турецких баз, так как это однозначно привело бы к обострению турецко-иракских отношений. В подобных условиях Генеральный штаб Турции не только отверг и проигнорировал требования курдской стороны, но и заявил, что останется в Северном Ираке столько времени, сколько будет необходимо для искоренения

РПК⁶⁹. Было очевидно, что ситуация зашла в тупик. Между тем ранее курдская сторона была настроена оптимистичнее в вопросе вывода турецких войск из Иракского Курдистана⁷⁰.

Одним из последних усилий по исключению военного присутствия Турции на подконтрольных Региональному правительству территориях была возможность расположения военных баз в Иракском Курдистане, которую Региональное правительство предложило США в конце 2008 г.⁷¹ Однако эти планы курдской стороны не осуществились. А доводов Регионального правительства в пользу закрытия турецких военных и разведывательных баз, а также пунктов связи командования спецвойск становилось меньше. Кроме того, в случае ухода американских войск из Ирака Региональное правительство должно было свести к минимуму иранскую и турецкую угрозу, одновременно стремясь с помощью Турции сбалансировать усиление влияния Ирана в Иракском Курдистане. В создавшихся условиях Региональное правительство не могло выступать против Турции. Намерение создать в Северном Ираке зону безопасности появилось у Турции еще в середине 1990-х гг., и существующие военные базы являются результатом последовательной работы в этом направлении. Существенную роль в вопросе распространения на территории Иракского Курдистана военных баз, а также пунктов связи командования специальных войск и разведывательных баз сыграло активное сотрудничество между Турцией и Региональным правительством в 2008–2013 гг., которое происходило в условиях беспрецедентного напряжения отношений между Багдадом и Эрбилем и Анкарой и Багдадом. Следовательно, наличие турецких военных баз и вторжения турецких войск в Северный Ирак беспокоят в первую очередь центральные багдадские власти.

2 октября 2012 г., в условиях напряженных отношений между Ираком и Турцией, правительство Ирака решило объявить недействительными все договоры, которые дают возможность для существования на территории Ирака иностранных военных баз. Более того, иракское правительство посоветовало парламенту страны объявить недействительными все договоры и договоренности, которые дают возможность для создания на территории Ирака иностранных военных баз, являясь правовой основой для подобного военного присутствия. Понятно, что данное решение в первую очередь было направлено против Турции, так как турецкое правительство в свою очередь обратилось к ВНСТ с просьбой продления соответствующих полномочий еще на год⁷².

Центральные власти Багдада, потерявшие свое влияние в Иракском Курдистане, не могут надеяться на поддержку Регионального правительства в этом вопросе. Причина заключается не только в его тесном сотрудничестве с Турцией. Вопрос в том, что предлагаемый Багдадом вариант решения данной проблемы является неприемлемым для Регионального правительства. Настаивая на том, что на тер-

ритории Ирака действует 16 турецких военных баз, что нужно обсудить и пересмотреть соглашения между прежним режимом и Турцией по данному вопросу, центральное правительство в своих переговорах с региональными властями «выражает готовность мобилизовать армию на этих территориях, чтобы защитить их от ударов»⁷³. Таким образом, с целью исключения турецкого присутствия иракские власти стремятся обеспечить свое военное присутствие в Иракском Курдистане, против которого, естественно, выступает Региональное правительство⁷⁴.

Билгай Думан, эксперт по иракским вопросам Центра стратегических исследований Среднего Востока (Анкара), в частности, отмечает: «Правительство Нури аль-Малики не имеет достаточных сил для военного и политического предотвращения действий Турции. Более того, силы безопасности центрального правительства не имеют никакого влияния в Северном Ираке. Это решение не будет иметь никакого практического влияния. Это шаг, который направлен на еще большее обострение двусторонних отношений. Ирак просто хитрит»⁷⁵.

Позиция Ирака по данному вопросу обобщена в следующих высказываниях политиков и экспертов:

– «турецкие войска расположены в Ираке не для оперативных, а для тыловых целей»;

– «Турция сохраняет свои военные базы из-за определенных обязательств. Если бы иракское правительство могло сдерживать террористические проникновения в Турцию, то у той не было бы необходимости продлевать свой военный мандат в Ираке»;

– «если Ирак допускает присутствие боевиков на своей территории, то это расценивается как враждебное действие против Турции. В случае угрозы, с правовой точки зрения, у Турции есть право предпринимать военные и оборонительные действия»;

– договор, который правительство Ирака хочет объявить недействительным, был подписан Саддамом Хусейном в 1995 г. и дает турецким силам возможность присутствия в северных районах Ирака⁷⁶.

Последнее утверждение, однако, сомнительно, так как раньше не было никаких упоминаний о подписании с последним какого-либо договора или приобретении устных договоренностей. Более того, в 1995–1997 гг. (и вплоть до 2003 г.) Ирак не раз направлял свои жалобы в Совет Безопасности ООН в связи с военными (трансграничными) действиями Турции в Северном Ираке, оценивая турецкие вторжения и воздушные удары как нарушение суверенитета, территориальной целостности и воздушного пространства и как явные акты агрессии. Причем еще в 1996 г. иракская сторона осуждала также создание Турцией на территории Ирака буферной зоны, оценивая это как оккупацию иракской территории⁷⁷. Турция в ответных письмах среди доводов в оправдание своих действий никогда не упоминала о подобных соглашениях с Ираком или устных договоренностях с Саддамом Хусейном. На наш взгляд, договоренность была достиг-

нута не между Турцией и Ираком, а между Турцией и двумя правительствами Иракского Курдистана (ДПК и ПСК).

Турция официально не отреагировала на решение иракского правительства о турецких военных базах. Парламент Турции просто пролил полномочия турецкого правительства на ведение военных действий против РПК в Северном Ираке. Срок этих полномочий истек 17 октября 2012 г. Хотя турецкие военные базы, расположенные на территории Иракского Курдистана, беспокоят в первую очередь багдадское правительство, по нашему мнению, некоторые количественные и качественные данные, касающиеся последнего, не могут не беспокоить и Региональное правительство. В частности:

- около 1000 военнослужащих и 20 танков «Леопард» размещены недалеко от турецкой границы, между Батуфой и Канымасы;
- около 10 танков и 1000 военнослужащих размещены в Бамерни. Часть танков охраняет аэропорт, а другие расположены на вершинах холма, с которых турецкая сторона пытается контролировать Дохук, Серсинг, Гаре и Метину;
- аэропорт имеет вертолетную площадку, которая периодически используется для разных поставок и ротации персонала;
- 3 танка расположены в центре города Амадия в районе Заби;
- около 10 танков и более 500 военнослужащих размещены близ Шеладизе и Дералука⁷⁸.

Не случайно, что пешмерга, в основном представляющие Региональное правительство Курдистана, создали военные пропускные пункты и передовые заставы для контроля за процессом расширения турецких военных баз. Последние периодически докладывают своему штабу в Эрбиле о деятельности турецких сил⁷⁹. В частности, в 2008 г. произошел случай, когда пешмерга, расположенные на турецких опорных пунктах, предотвратили действия турецкой стороны, о которых они не были заранее оповещены⁸⁰. В дальнейшем подобных происшествий не было зафиксировано.

Однако проблема продолжает оставаться на повестке дня центрального правительства, потерявшего фактический контроль над Иракским Курдистаном, а также в центре внимания Регионального правительства и курдской общественности. В частности, в сентябре 2011 г. средства массовой информации Иракского Курдистана, ссылаясь на турецкую газету «Тараф», сообщили о том, что Турция официально обратилась к Региональному правительству Курдистана с просьбой разрешить открытие двух баз в районах Рания и Чуркурна по соседству с убежищами боевиков РПК в Кандильских горах, на северо-западе от города Сулеймания. Данную информацию министр пешмерга Регионального правительства Курдистана Джафар Мустафа прокомментировал следующим образом: «Курдское руководство ни в коем случае не позволит, чтобы соседнее государство основало в Курдистане военные базы», – и добавил, что «это невозможно». Но во время визита в Анкару в ноябре 2011 г. президента Иракского

Курдистана Масуда Барзани основным вопросом повестки была безопасность. Второе обращение Барзани имело следующее содержание: «...безопасность Турции и курдского региона взаимосвязаны». В ходе переговоров обсуждался вопрос о статусе и дальнейшей судьбе турецких военных баз в Северном Ираке. Согласно турецкой газете «Тараф», в ходе турецко-курдских переговоров была достигнута принципиальная договоренность о том, что указанные турецкие формирования еще шесть лет будут оставаться на территории Северного Ирака.

Второй важнейшей проблемой было требование основать еще одну турецкую военную базу в районе Чияйе-Спи для предотвращения действий РПК в зонах горных перевалов Хакурк, Заби и Кандильских гор, имеющих стратегическое значение. По имеющейся информации, Масуд Барзани согласился. Кроме того, сообщалось, что после нападения в Чукурдже уже завершаются все работы по размещению разведывательной базы в районе Чайкурна для контроля путей проникновения боевиков РПК из Северного Ирака⁸¹.

Руководитель администрации президента Иракского Курдистана Фуад Хусейн опроверг утверждение турецкой газеты «Тараф» о том, что президент Масуд Барзани подписал соглашение, по одной из статей которого присутствие турецких войск и военных баз в Иракском Курдистане продлевалось еще на шесть лет. «Никакого соглашения между президентом Барзани и турецким правительством не было подписано», – утверждал Фуад Хусейн⁸².

Вовсе не исключая тот факт, что между Масудом Барзани и турецким правительством не было подписано никаких договоров, мы не думаем, что турецкие военные группировки, базы, пункты связи командования специальных войск и разведывательные базы действуют на территории Иракского Курдистана в условиях отсутствия каких бы то ни было соглашений или устных договоренностей с ДПК и ПСК или Региональным правительством Курдистана. Невозможно также, чтобы после заявлений багдадского правительства Турция не попыталась получить поддержку Регионального правительства в данном вопросе.

Проблема турецкого военного присутствия в Ираке время от времени появляется в повестке не только официального, но и профессионально-политического анализа. В частности, Майкл Рубин, имеющий статус критика курдских властей, по этому поводу отмечает: «Турция необъяснимым образом не предпринимает никаких действий, чтобы положить конец оккупации, длящейся более двух десятилетий... Подобное присутствие является ударом как для суверенитета Ирака, так и для Иракского Курдистана»⁸³. Рубин полагает, что «курдская террористическая угроза», которую упоминает Турция, «не оправдывает сохранения баз»⁸⁴. Однако Майкл Рубин считает, что «если курдское руководство со всей строгостью потребует, чтобы турецкие войска покинули территорию Ирака, они могут достигнуть успеха. Как

минимум, они напоминают мировой общественности о том, что Турция не является миротворцем, как она сама утверждает... Если Турция стремится присоединиться к Европе или просто пользоваться дипломатическим доверием в регионе, то сейчас она должна прекратить оккупацию Иракского Курдистана»⁸⁵.

Региональное правительство хорошо осведомлено о турецкой угрозе и осознает существующие риски. Однако у него не много альтернативных вариантов.

Примечания

¹ Funda Keskin. Turkey's Trans-Border Operations in Northern Iraq: Before and after the Invasion of Iraq. – Research Journal of International Studies. Issue 8 (November, 2008). P. 64.

² Ibid.

³ Document № 46. Frontier Treaty: The United Kingdom and Iraq and Turkey: 5 June 1926 (Ratifications exchanged, Ankara, 18 July 1926). – Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East (A Documentary Record: 1914–1956). Vol. II [D. Van Nostrand Company, INC. Princeton, New Jersey; Toronto, N.Y.–London], 1956. P. 143–146.

⁴ See: Document № 580, Iraq and Turkey: Treaty of Friendship and Neighbourly Relations, and Six Annexed Protocols. Signed at Ankara, on 29 March 1946. Protocol № 6. – Relative to the Frontier, Nations Unies – Recueil des Traite's, 1949. P. 313–331.

⁵ Afghanistan, Iraq, Iran and Turkey. Treaty of Non-Aggression. Signed at Teheran, July 8th, 1937. – League of Nations Treaty Series [1938], Document № 4402. P. 21–27. <http://www.worldlii.org/int/other/LNTSer/1938/163.html>.

⁶ See: Document № 107: Pact (Baghdad) of Mutual Cooperation: Turkey and Iraq: 25 February 1955 (Ratifications exchanged, Ankara, 15 April 1955). – Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East. Vol. II. P. 390–391. В начальный период он был известен как турецко-иракский пакт, однако в дальнейшем к пакту присоединились Великобритания, Пакистан и Иран.

⁷ Ayla Antepi. Operation in Iraq. How a «Limited Operation» Made Unthinkable Thinkable. – Turkey Today, July-August 1983, № 64. P. 4, 6–7.

⁸ Ayla Antepi. Op. cit.

⁹ Funda Keskin. Op. cit. P. 63.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 62.

¹² Saddam-era Agreements with Turkey Not Valid. – Zaman, 14.07.2006.

¹³ Soner Cagaptay, H. Akin Unver. Iraqi Kurds and the Turkish-Iraqi Memorandum against the PKK. – Policy Watch #1275, August 21, 2007.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ РГК являлась частью федеративного Ирака, и, как отмечал секретарь президента Курдистана Масуда Барзани Кадир Азиз, Нури аль-Малики, не посовещавшись с ними, выступил от их имени. Однако министр иностранных дел Ирака Хошьяр Зебари, стремясь исправить ситуацию, от имени ДПК и ПСК выразил готовность содействовать работе в рамках подписанного Меморандума. – Soner Cagaptay H. Akin Unver. Op. cit.

¹⁶ Turkey, Iraq sign anti-terrorism pact. – Xinhua News Agency, September 29, 2007: <http://www.china.org.cn/english/international/226398.htm>.

¹⁷ Turkey, Iraq sign terrorism deal but no hot pursuit clause. – Turkish Daily News, 29.09.2007.

¹⁸ Turkey, Iraq sign anti-terrorism pact. – Xinhua News Agency, September 29, 2007.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Свистунова И.А. Политические контакты Турции с иракскими курдами после войны в Ираке. – Лазаревские чтения. Вып. I. М., 2012. С. 203; см. также: TBMM Kararı № 903 (Ekim 2007): <http://www.tbmm.gov.tr>.

²¹ 903 решение ВНСТ Турции было принято 17 октября 2007 г., согласно статье 92 Конституции Турецкой Республики. В дальнейшем ВНСТ неоднократно продлевало его еще на год последовательно принятыми следующими решениями: 8.10.2008 – № 929, 6.10.2009 – № 948, 12.10.2010 – № 975, 5.10.2011 – № 1005, 11.10.2012 – № 1026.

²² Свистунова И.А. Указ. соч. С. 203.

²³ Ruys T. Quo Vadit Jus Ad Bellum? A Legal Analysis of Turkey's Military Operations Against the PKK in Northern Iraq. – Melbourne Journal of International Law, Vol. 9, 2008. P. 338–339.

²⁴ Turkey conducts 55 cross-border operations into northern Iraq during 2012. – Today's Zaman, 2 December 2012: <http://www.todayszaman.com/news-299999-turkey-conducts-55-cross-border-operations-into-northern-iraq-during-2012.html>.

²⁵ Ibid.

²⁶ Kamuran Reçber. Türkiye'nin Irak'ın Kuzeyi'nde Sınır Otesi Operasyon ve Sıcak Takip Hakkı. – Uluslararası Hukuk ve Politika, 2007, Cilt 3, № 9. S. 17.

²⁷ Funda Keskin. Op. cit. P. 62; см. также: Serhat Erkmen, 2003. 4 Temmuz'dan Sonra Türkiye'nin Kuzey Irak'taki Askeri Varlığı. – Stratejik Analiz, 2003, № 4. P. 48–52.

²⁸ Text: 10/31: Statement on Enforcing Iraqi Kurd Cease-fire (Faction Stand-down Brokered at Ankara Meeting), October 31, 1996. – <http://usembassy-israel.org.il/publish/press/state/archive/november/sd31101.htm>.

²⁹ Quil L. Invisible Nation: How the Kurds' Quest For Statehood Is Shaping Iraq and the Middle East: Walker & Company. N.Y., 2008. P. 88.

³⁰ Saadet Oruc. Peace monitoring in northern Iraq to begin immediately. – Turkish Daily News (February 28, 1997) HYPERLINK:«<http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=peace-%20%0d%20%20%20%20%20%20monitoring-in-northern-iraq-to-begin-immediately-1997-02-28>»monitoring-in-northern-iraq-to-begin-immediately-1997-02-28.

³¹ Quil L. Op. cit. P. 88.

³² Butler D. Kurds ask Turkish peacekeepers to leave north Iraq. – Arbil/ 14 May, 2003: <http://www.freedom-for-ocalan.com/bulletin/2003/eMay14.htm>.

³³ См.: Iraqi Kurds (1932-present). – University of Central Arkansas: <http://uca.edu/politicalscience/dadm-project/middle-eastnorth-africapersian-gulf-region/iraqkurds-1932-present>.

³⁴ Ibid. Информационное агентство Reuters и некоторые турецкие источники, однако, отмечают, что в 1990-х гг. в составе сил по поддержке мира было максимум 400 солдат. См.: Turkey withdraws peacekeepers from N. Iraq. – Turkish Daily News, July 5, 2004: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438> HYPERLINK«<http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438>

www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=turkey-withdraws-%20%0d%20%20%20%20%20peacekeepers-from-n-iraq-2004-07-05
n=turkey-withdraws-peacekeepers-from-n.iraq-2004-07-05.

³⁵ Soner Cagaptay. *Turkmen, the Soft Underbelly of the War in Northern Iraq*. – The Washington Institute for Near East Policy, Policy Watch #735, March 27, 2003: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/turkmen-the-soft-underbelly-of-the-war-in-northern-iraq>.

³⁶ Secret: Northern Iraq: Masoud Barzani in Ankara: Despite Improvement in «tone» of Relations W/Got, Turkish Military Presence in Iraq Unacceptable (January 10, 2003). – <http://www.cablegatesearch.net/cable.php?id=03ANKARA278>. Барзани полагал, что перед ними стоит очень опасная задача: «Хотя турки хотят присутствовать в Ираке, исходя из собственных целей, если ДПК выступит против присутствия турок, те обвинят их в том, что они выступают против коалиции и имеют просаддамовскую позицию, а если ДПК признает участие Турции, турки за кулисами будут работать против ДПК, что они и делают в рамках СПМ».

³⁷ Ibid.

³⁸ Turkey withdraws peacekeepers from n. Iraq. – Turkish Daily News, July 5, 2004.

³⁹ См.: Iraqi Kurds (1932-present). – University of Central Arkansas.

⁴⁰ В то время как турецкие военные в казармах Эрбиля отказывались комментировать резолюцию парламента Курдистана и советовали обратиться к официальной Анкаре, а чиновники Генерального штаба Турции отмечали, что не получали никакого требования вывести турецких миротворцев, пресс-секретарь ДПК на вопрос о том, какие шаги предпримут курдские власти, если Турция отвергнет требование вывести войска, ответил: «Одно могу сказать точно, что не будет применена сила» (Butler D. Kurds ask Turkish peacekeepers to leave north Iraq. – Arbil, 14 May, 2003: <http://www.freedom-for-ocalan.com/bulletin/2003/eMay14.htm>).

⁴¹ Secret: Northern Iraq: Calling in Turks' Promise to End PMF (6 February 2004). – <http://www.cablegatesearch.net/cable.php?id=04ANKARA676>. См. также: <http://wikileaks.org/cable/2004/02/04ANKARA676.html>.

⁴² Питер Пейс занимал эту должность с 1 октября 2001 по 12 августа 2005 г.

⁴³ Secret: Northern Iraq: Calling in Turks' Promise to End PMF (6 February 2004). См. также: <http://wikileaks.org/cable/2004/02/04ANKARA676.html>

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Secret: Northern Iraq: Turks Announce End of PMF – Turkish PMF Troops Waiting to See How We Treat PMF Turkmen Before Returning To Turkey (6 July 2004). – <http://www.cablegatesearch.net/cable.php?id=04ANKARA3758>.

⁴⁷ Turkey withdraws peacekeepers from n. Iraq. – Turkish Daily News, July 5, 2004.

⁴⁸ Iraqi Kurds (1932-present). – University of Central Arkansas.

⁴⁹ О расформировании СПМ и планах о будущем иракских членов этих сил смотри: Video: Turkish Peace Monitoring Force Transitions to Iraqi Security Forces. – <http://www.dvidshub.net/video/86253/turkish-peace-monitoring-force-transitions-iraqi-HYPERLINK> «<http://www.dvidshub.net/video/86253/turkish-peace-monitoring-force-transitions-iraqi-%20%20%0d%20%20%20%20%20%20%20%20security-forces>»security-forces#.URKnM6UT8n0.

⁵⁰ Mert İnan. 'Çuval'ın asıl nedeni Irak'taki üsler' (03.10.2012). – <http://haber.gazetevatan.com/cuvalin-asil-hedefi/484995/1/Haber>.

⁵¹ См.: Genelkurmay'dan, Kuzey Irak'taki Türk Üslerini Kapatmak İsteyen Barzani'ye Sert Cevap March 5, 2008. – <http://www.habervitrini.com/haber/genelkurmaydan-kuzey-iraktaki-turk-uslerini-kapatmak-isteyen-barzaniye-sert-cevap-329040>.

⁵² Ibid.

⁵³ Irak'tan üs ve sınır ötesi hareket resti! (02 Ekim, 2012). – <http://haber.gazetevatan.com/iraktan-us-ve-sinir-otesi-harekat-resti/484736/1/Haber>; см. также: Bağdat Türkiye'den ne talep etti. – Hürriyet (2 Ekim 2012): <http://www.hurriyet.com.tr/planet/21607395.asp>.

⁵⁴ Namık Durukan. Askeri üslerde kararı Kürt yönetimi verecek. – Milliyet.com.tr (04 Ekim 2012): <http://gundem.milliyet.com.tr/askeri-uslerde-karari-kurt-yonetimi-verecek/gundem/gundemdetay/04.10.2012/1606316/default.htm>. 1996 год упоминается также в других сообщениях. См.: 'Türk askeri altı yıl daha Kuzey Irak'ta' (16 Kasım 2011). – <http://www.yeniaksen.com/haber/siyaset/turk-askeri-alti-yil-daha-kuzey-irakta/29608.html>.

⁵⁵ Namık Durukan. Üslerinizi kaptın askeri çekin. – Milliyet.com.tr (03 Ekim 2012); Namık Durukan. Iraq to Expel Foreign Troops, End Turkish Military Presence. – Al-Monitor, October 3, 2012: <http://www.al-monitor.com/pulse/security/01/10/iraq-ejects-turkish-armed-forces.html>.

⁵⁶ Doç. Dr. Emruhan Yalçın. Kuzey Irak'taki Türk Askeri Varlığının Sonlandırılması. – Terörizm ve Terörizmle Mücadele (08.10.2012). http://www.21yyte.org/tr/yazi6759-Kuzey_Iraktaki_Turk_Asker%C3%AE_Varliginin_Sonlandirilmesi.html.

⁵⁷ Jenkins G. Unwelcome Guests: The Turkish Military Bases in Northern Iraq. – Terrorism Monitor. Vol. 6, Issue 6. March 24, 2008. http://www.jamestown.org/programs/gta/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=4807 HYPERLINK «http://www.jamestown.org/programs/gta/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=4807&tx_ttnews%5BbackPid%5D=167&no_cache=1»no_cache=1.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Намык Дурукан высказывается о подписанном в 1996 г. договоре и принятом решении. См.: Namık Durukan. Askeri üslerde kararı Kürt yönetimi verecek. – Milliyet.com.tr (04 Ekim 2012). А Гарет Дженкинс, выдвигающий вариант договора 1997 г., отмечает: «Иракские курды склонны считать этот договор чем-то навязанным им, чем-то, в чем они не нуждаются в условиях отсутствия столкновений между ДПК и ПСК на протяжении 10 лет» (Jenkins G. Op. cit.). Из этого следует, что автор связывает турецкие военные и разведывательные базы и станции связи с СПМ. Между тем Дженкинс, написавший в марте 2008 г. свою статью, должен был знать, что СПМ были официально расформированы 3 октября 2004 г., а присутствие турецких военных группировок и баз, а также офисов связи и взаимовлияния продолжилось и после окончания миссии СПМ.

⁶⁰ Отставной генерал Неджати Эозген, представляющий свою историю создания турецких военных и разведывательных баз в Северном Курдистане, выступает в роли очевидца. Специально отмечая, что у Турции есть 10 военных баз в Северном Ираке, он утверждает, что свою первую военную базу турецкая сторона основала в 1993 г. совместными усилиями тогдашнего командующего турецкой жандармерией генерала армии Эшрефа Битлиса и его, Неджата Эозгена. «Если военные

базы будут выведены, мы не будем информированы о событиях в Северном Ираке. Мы потеряем разведывательную и стратегическую связь с регионом. Турецкие базы не могут быть закрыты, пока существует РПК», – подчеркнул Эозген. Mert İnan. 'Çuval'ın asıl nedeni Irak'taki üsler' [03.10.2012]).

⁶¹ Jenkins G. Op. cit.

⁶² Turkish army refuses to close bases in northern Iraq. – Today's Zaman (Ankara), 06 March 2008: <http://www.todayszaman.com/tz-web/detaylar.do?load=detay&link=135688> «<http://www.todayszaman.com/tz-web/detaylar.do?load=detay&link=135688>»link=135688.

⁶³ Среди 4 военных баз отмечались базы в городах Бамерни (где раньше располагались иракский военный аэропорт, а также турецкая танковая группировка, основная часть которой находилась там же), Батуфа, Канымасы и в горном районе, называемом турецкой армией Дилмен-тепе (см.: Jenkins G. Op. cit.). Наряду с 6 указанными базами говорится об основной базе Бамерни, связанных с ней базах Серамиш, Канымасы, Амадия и Батуфа, где расположен более малочисленный контингент и которые находятся в зоне, удаленной от границы Турции на 20 километров. TSK'nin Kuzey Irak'ta 6 üssü var (02.22.2008). – <http://www.cnnturk.com/2008/turkiye/02/22/tsknin.kuzey.irakta.6.ussu.var/431089.0/index.html>.

⁶⁴ 9 Turkish military bases located inside Iraqi Kurdistan. – PressTV (Uploaded on February 14, 2010): <http://www.presstv.com>; <http://www.youtube.com/watch?v=un5ec3ieMYs>.

⁶⁵ Shayma Adel. Baghdad to Rethink Allowing Turkish Military Bases in Iraq. – Al-Monitor, October 8, 2012: <http://www.al-monitor.com/pulse/politics/2012/10/iraq-16-turkish-military-bases-on-our-territory.html>. См. также: Türk üslerine Kürt desteği! – Vatan (10.10.2012): <http://haber.ekolay.net/haber/T%C3%BCrk-%C3%BCslerine-K%C3%BCrt-deste%C4%9Fi/64/1059090.aspx>.

⁶⁶ Namık Durukan. Askeri üslerde kararı Kürt yönetimi verecek. – Milliyet.com.tr (04 Ekim 2012). Отставной турецкий генерал Неджати Эозген настаивает на том, что Турция имеет 10 военных баз в Северном Ираке (Mert İnan. 'Çuval'ın asıl nedeni Irak'taki üsler' [03.10.2012]).

⁶⁷ Today's Zaman, February 27, 2008. А уже в марте 2008 г. в условиях сухопутных действий против боевиков Рабочей партии Курдистана после внеочередного заседания парламента Курдистана в Эрбиле вице-спикер парламента Кемал Керкуки озвучил требование о выводе турецких войск (базы Бамерни, Батуфа, Канымасы, Дилмен Тепе) из Иракского Курдистана.

⁶⁸ Jenkins G. Op. cit.

⁶⁹ Именно в это время были распространены слухи (Today's Zaman, February 29, 2008) о том, что для закрытия основных маршрутов проникновения РПК в Турцию Генеральный штаб Турции разрабатывает планы по созданию в Ираке 11 дополнительных баз. Пресс-секретарь правительства Турции Джемиль Чичек в дальнейшем опроверг утверждение, что Турция готовится создать в Ираке новую зону безопасности, понимая, однако, что против этого выступит и центральное правительство Ирака, и РПК, и США (Jenkins G. Op. cit.).

⁷⁰ В частности, еще 26 апреля 2006 г. в интервью аналитику иракского отдела Радио «Свободная Европа»/«Свобода» (RFE/RL Iraq) Кетлин

Ридольфо ответственный по международным вопросам ДПК Саффин Дизаи, не отвечая прямо на вопросы о военных базах, хотел заверить, что турецкое военное присутствие и военные базы не представляют большой проблемы. На вопрос: «Какой статус имеют турецкие силы в Иракском Курдистане?» Саффин Дизаи ответил: «Как вы знаете, с 1992 г. начался важный этап сотрудничества по вопросам безопасности, и с 1996–1997 гг. там, в Бамерни, расположен контингент численностью в 1000 человек. И у нас нет проблем с ними, и они стремятся не привлекать внимания. И в любое время, когда возникнет необходимость, чтобы они ушли оттуда, или когда федеральное правительство попросит иностранные силы удалиться, я уверен, что турецкая сторона согласится... Справедливости ради отмечу, что у нас нет с ними никаких проблем» (Kurdish Official Discusses Relations With Turkey [April 27, 2006]. – <http://www.rferl.org/content/article/1067995.html>).

⁷¹ В декабре 2008 г. заканчивался мандат ООН, и весной 2008 г. Вашингтон вел с Багдадом переговоры, стремясь подписать договор, который создавал бы правовые основания для пребывания американских войск в Ираке. Пункты договора должны были предоставить США право строить и содержать на территории Ирака военные базы, лагеря и тюрьмы. См.: Barzani M. Kurdistan will allow US bases. – <http://www.campaigniran.org/casmii/index.php?q=node/6741>.

⁷² Namik Durukan. Üslerinizi kaptın askeri çekin. – Milliyet.com.tr (03 Ekim 2012); Namik Durukan. Iraq to Expel Foreign Troops, End Turkish Military Presence. – Al-Monitor, October 3, 2012: <http://www.al-monitor.com/pulse/security/01/10/iraq-ejects-turkish-armed-forces.html>.

⁷³ Shayma Adel. Baghdad to Rethink Allowing Turkish Military Bases in Iraq – Al-Monitor, October 8, 2012.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Sinem Cengiz. Turkish military to stand ground despite Iraq's move to expel foreign forces (3 October 2012): http://www.todayszaman.com/newsDetail_getNewsById.action?newsId=294183.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Funda Keskin. Op. cit. P. 68–69. По поводу буферной зоны Турция не раз заявляла, что никогда не нарушала территориальную целостность Ирака, так как узкая линия безопасности вдоль границы преследует цель не нарушения территориальной целостности Ирака, а предотвращения проникновения на территорию Турции боевиков-террористов. Турция также заявила, что является сторонницей сохранения территориальной целостности, суверенитета, независимости и политического единства Ирака.

⁷⁸ Namik Durukan. Üslerinizi kaptın askeri çekin. – Milliyet.com.tr (03 Ekim 2012); Namik Durukan. Iraq to Expel Foreign Troops, End Turkish Military Presence. – Al-Monitor, October 3, 2012.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ 21 февраля 2008 г., в первый день 8-дневного вторжения турецкой стороны, около 350 турецких боевиков в сопровождении военных транспортных средств, 12 танков и бронетехники попытались выйти за пределы турецкой базы Бамерни. Выйдя за пределы базы, турецкие войска хотели отвлечь внимание РПК, нанеся настоящий удар в районе Заб. Однако РПК не получила никакого оповещения о подобных пере-

мещениях, и пешмерга окружили базу, не позволив турецким войскам выйти. После 90-минутного сопротивления турецкие силы отступили, оставаясь в пределах базы. Это противостояние показало потенциал турецко-курдского реального противостояния по вопросу турецких баз (Jenkins G. Op. cit.).

⁸¹ Türk askeri alti yıl daha Kuzey Irak'ta'. – Taraf, 16 Kasım 2011. <http://www.yeniaksen.com/haber/siyaset/turk-askeri-alti-yil-daha-kuzey-irakta/29608.html>.

⁸² No deal to extend Turkish troops presence in Iraqi Kurdistan (19.11.2011). – <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2011/11/state5584.htm>.

⁸³ Rubin M. It's time for Turkey to end its occupation of Iraqi Kurdistan (May 28, 2011). – The Kurdistan Tribune: <http://kurdistantribune.com/2011/its-time-for-turkey-end-its-occupation-of-iraqi-kurdistan>.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Ibid.

*В.И. Сажин**

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА И УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Говоря о геополитической системе ближневосточного региона, было бы корректным определить, как это ни странно, понятие термина «Ближний Восток». Организация Объединенных Наций пользуется региональной системой, которая базируется на культурно-географическом принципе. Согласно этому принципу страны Ближнего Востока располагаются в Западной Азии и Северной Африке, но Иран при этом относят в ООН к Южной Азии, в то время как в регион Западной Азии входят Турция и страны Южного Кавказа (Азербайджан, Армения, Грузия).

Американское понятие «Большой Ближний Восток» включает в себя все арабские страны, Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан, а также государства Центральной Азии и Южного Кавказа.

Пожалуй, логичнее и привычнее оперировать термином «Ближний и Средний Восток», подразумевая под этим арабские страны Азии и Египет (т.е. исключая страны Магриба), Иран, Афганистан, Турцию, Пакистан, Израиль.

Однако как бы ни очерчивать границы региона, совершенно ясно, что с военно-политической точки зрения этот ареал (в больших или меньших границах – не в этом суть) является наиболее взрывоопасным на планете. В настоящее время здесь сконцентрированы практически все «горячие точки», фокусирующие на себе пристальное внимание всего мира. Это бурлящие страны «арабской весны»: сегодня в первую очередь Сирия, а также начинающий кипеть Ливан; Палестина, раздираемая не только проблемами урегулирования с Израилем, но и внутренними противоречиями. Остаются на повестке дня курдский вопрос, в той или иной степени затрагивающий интересы Турции, Сирии, Ирана, Ирака; напряженность в Ираке и Афганистане, связанная не в последнюю очередь с уходом из этих стран американских войск и их союзников; суннитско-шиитское жесткое противостояние, возрожденное ныне чисто политическими причинами, прежде всего борьбой Саудовской Аравии и Ирана за господство в регионе и лидерство во всем мусульманском мире; талибский терроризм, причем как в Афганистане, так и в Пакистане.

Каждая из перечисленных «горячих точек» обладает определенным взрывным потенциалом, способным поджечь значительную часть

* Сажин Владимир Игоревич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

региона. И сегодня здесь на первое место по рискам вышли две из них, связанные между собой сложными взаимосвязями – Сирия и Иран.

Исламская Республика Иран (ИРИ) играет одну из ведущих ролей в этом важнейшем регионе. При этом она оказывает непосредственное влияние на все перечисленные болевые точки в попытках создать условия для регионального доминирования.

Возникает вопрос: почему Иран так стремится к гегемонии? По всей вероятности, это результат воздействия нескольких, можно сказать, основополагающих факторов, которые подогревают амбиции Тегерана.

Первое. Геополитический фактор. Исламская Республика Иран – действительно один из основных игроков в Западной Азии. Более того, почти 80-миллионный Иран, имеющий одну из самых многочисленных армий в мире (свыше 900 тыс. человек)¹, объективно, вне любой как внешне-, так и внутривосточной конъюнктуры, является решающим фактором западноазиатской и мировой политики.

Второе. Военно-политический фактор. Сегодня ИРИ окружена если не врагами, то во всяком случае недругами или даже потенциальными противниками. Главный противник – США – сконцентрировал свою военную мощь в Персидском и Оманском заливах, на базах и кораблях Центрального командования. Натовская Турция (несмотря на уже завершившийся турецко-иранский «медовый месяц»), а также Азербайджан и Грузия ориентируются прежде всего на Вашингтон. На другом берегу Персидского залива – суннитские Саудовская Аравия, Катар и другие монархии Залива, они с большой осторожностью относятся к своему мощному шиитскому соседу и рассматривают Иран в качестве основного конкурента и военно-идеологического противника. И наконец, на Ближнем Востоке существенна роль Израиля – этого, по иранской терминологии, «малого сатаны», которому Иран вообще отказывает в праве на существование.

Третье, быть может, главное. Национально-психологический фактор. Нынешняя Исламская Республика Иран – наследница древнейшей мировой цивилизации, великой Персидской империи, покорившей добрую половину античного мира. В духовном, религиозном плане Иран в течение почти шести последних веков являлся центром мирового шиизма. Под влиянием этих основных исторических факторов в течение многих столетий формировался менталитет гордых и бескомпромиссных иранцев-шиитов, отстаивающих свои интересы в противостоянии с многочисленными врагами, число которых к настоящему времени значительно возросло. Сегодня персидская национальная психология, представляющая собой сплав великодержавного имперского национализма и шиитской избранности, стала политическим фактором. Именно здесь, кажется, и скрыта главная причина амбициозности и «ядерного упрямства» Тегерана.

Во всех иранских декларациях между строк оправданий читается вопрос: почему другим, например Израилю или Пакистану, можно то, что запрещено нам? Почему у них есть атомные бомбы, а у нас

нет? Это, безусловно, если так можно сказать, национально-психологические комплексы. Это уязвленное национальное самолюбие. В частности, любые попытки ограничить ядерную программу ИРИ вызывают неадекватную враждебность, замешанную на национализме. Как отметил политолог Рэй Такейх в «Файнэншл таймс», «ядерная программа и национальная идентичность в сознании иранских лидеров слились в единое целое. Соппротивление дерзким требованиям Запада равнозначно революционному пылу и верности нации. Так что концепция взаимных уступок в случае иранских националистов бесполезна»². Все это, конечно, комплексы. Но комплексы, которые воздействуют на политику, причем не только внутреннюю, но и внешнюю. Эти комплексы являются движущей силой сложной игры, ведущейся Ираном на международной арене с целью доминирования в регионе. А инструмент этой игры – атом.

Ядерная программа ИРИ состоит из трех направлений, к которым отношение международного сообщества, а точнее – оппонентов ИРИ, разное. Что здесь имеется в виду? Первое – планы ИРИ по ядерной энергетике, в первую очередь Бушерская АЭС и ее эксплуатация под строгим контролем России и МАГАТЭ. Здесь особых претензий к Тегерану нет.

Второе – обеспечение ядерным 20%-ным топливом научно-исследовательского Тегеранского ядерного реактора (ТИР). В этом случае Иран, капризная и выдвигая собственные идеи, отвергнул разумные предложения Венской «четверки» (МАГАТЭ, Россия, США и Франция). В итоге, чего и следовало ожидать, Тегеран, обвинив Запад в отсутствии желания помочь в решении проблем ТИРА, сам стал обогащать уран до 20%. Пожалуй, это была главная цель во всей истории с Тегеранским реактором – легализовать в глазах МАГАТЭ и мирового сообщества стремление ко все более высокому уровню обогащения урана.

И третье – планомерное формирование Тегераном собственного полного ядерного цикла, в первую очередь создание промышленной инфраструктуры обогащения урана. В этих целях в ИРИ в последние годы было создано только основных, официально зарегистрированных 27 ядерных объектов. Здесь позиции Ирана и его оппонентов (Совета Безопасности ООН, МАГАТЭ, «шестерки» переговорщиков и подавляющего большинства стран) различаются принципиально.

Действительно, в Иране активно идет процесс создания ядерной инфраструктуры «двойного назначения». Так, глава иранского Агентства по атомной энергии Фаридун Аббаси заявил в начале ноября 2012 г., что на подземном ядерном объекте в Фордоу (размещен под скальным образованием толщиной свыше 80 м) закончена установка последних 640 центрифуг для обогащения урана. Их количество достигло 2800 агрегатов. Правда, пока неизвестно, сколько из них приведены в рабочее состояние³. Американский Институт науки и международной безопасности (ISIS) сообщает, что, согласно отчетам специалистов, осенью 2012 г. Иран имел в своем распоряжении

11 тыс. работающих центрифуг в двух ядерных центрах – в Натанзе и Фордоу. Тегеран накопил запас в 6,2 т урана 3,5%-ного уровня обогащения и около 210 кг урана 20%-ного уровня обогащения⁴. Причем 6,2 т низкообогащенного урана при дальнейшем дообогащении могут стать основой для производства пяти ядерных зарядов⁵.

Ядерная проблема ИРИ, по сути, стала не только одним из главных объектов мировой политики, но и все больше превращается в ее самостоятельный субъект. Конечно, иранская ядерная программа обусловлена энергетическими и в целом экономическими потребностями, а также национальным самоутверждением иранцев. Однако дело в том, что существует множество признаков, правда пока косвенных, которые свидетельствуют о не совсем мирном характере иранской ядерной программы. Есть несколько «НО», которые вызывают беспокойство.

Во-первых, планы по созданию полного ядерного цикла и в его рамках формирование промышленной инфраструктуры по обогащению урана, что является областью «двойного назначения».

Во-вторых, строительство тяжеловодного реактора, способного нарабатывать до 9 кг плутония, что достаточно для создания ядерного заряда. Как известно, ядерный боевой заряд может быть урановым или плутониевым.

В-третьих, отсутствие ответов со стороны Тегерана на вопросы МАГАТЭ по некоторым незаявленным и вызывающим настороженность аспектам деятельности ИРИ в ядерной сфере. Все это изложено в ноябрьском (2011 г.) докладе Генерального директора МАГАТЭ.

17 сентября 2012 г. на 56-й ежегодной конференции Агентства в Вене генеральный директор Юкия Аmano в очередной раз указал, что МАГАТЭ не может поручиться, что ядерная программа Ирана носит исключительно мирный характер и что тайных работ по созданию оружейных технологий в этой стране не ведут. По его словам, «Иран не оказывает необходимого сотрудничества для того, чтобы мы могли сказать об отсутствии незаявленных материалов, и мы не можем сделать заявление о том, что все ядерные материалы в Иране используются в мирных целях»⁶.

Ядерная политика Ирана, его конфронтация с мировым сообществом, упорное нежелание выполнять резолюции высшего международного органа – Совета Безопасности ООН – в перспективе могут представить угрозу глобальной и региональной безопасности. И дело даже не в самом Иране. Понятно, что в чисто военном плане иранская военная мощь (действительно, могучая в масштабах региона, а по некоторым показателям – и мира) по своим возможностям, прежде всего высокотехнологичным, несравнима с военной мощью ведущих мировых держав. И в Тегеране это отчетливо понимают. Опасность ядерного Ирана в другом.

Во-первых, иранский пример создания национальной ядерной инфраструктуры, способной производить не только топливо для АЭС, но и оружейный уран или плутоний, может стать заразительным для

более чем десятка так называемых «пороговых» стран, многие из которых являются или могут стать участниками региональных конфликтов и ввиду этого не исключают принятие политического решения о создании собственного ядерного оружия. Срабатывает принцип домино. И тогда такой важный документ, как ДНЯО, можно смело выбросить в урну. А это грозит возможностью практически неконтролируемого использования ядерного оружия средними и малыми странами: по старой терминологии – «третьего мира». При таком развитии событий можно ожидать, что если не весь мир, то некоторые его регионы, в первую очередь Ближний и Средний Восток, будут ввергнуты в состояние хаоса, причем ядерного.

Во-вторых, при неконтролируемом распространении ядерного оружия, особенно в ближневосточном регионе, не исключен вариант захвата этого оружия или его компонентов террористическими группировками, что может привести к катастрофическим последствиям. Ведь для террористов не существует ценностей (родина, страна, народ), которые являлись, являются или могли бы являться сдерживающими факторами, как, например, в противостоянии СССР – США, Пакистан – Индия, Индия – Китай.

В-третьих, наличие ядерного оружия в Иране или даже реальной возможности его создания в достаточно сжатые сроки сделает руководство страны еще менее сговорчивым с международным сообществом и более экспансионистским по отношению к соседям по региону. Как следствие этого, иранская атомная бомба станет главным инструментом шантажа при проведении Тегераном политики по превращению в жизнь доктринальных установок и заветов аятоллы Хомейни. Этого чрезвычайно опасаются арабские соседи Ирана по Персидскому заливу.

В экспертном сообществе рассматриваются различные варианты решения иранской ядерной проблемы. По сути, существуют два пути. Первый – закончить все дебаты и признать за Ираном статус ядерной державы (т.е. обладающей ядерным оружием), что откроет ИРИ легальную дорогу к созданию ядерного оружия со всеми вытекающими отсюда последствиями в плане региональной и глобальной безопасности. Это невозможно в принципе. Второй предполагает убеждение и принуждение Ирана к прекращению создания промышленной инфраструктуры для обогащения урана, по сути, создания научно-технической базы для производства ядерного оружия. Другими словами – к выполнению требований резолюций Совета Безопасности ООН. Пока давление на Иран ограничивается политико-дипломатическим прессингом и финансово-экономическими санкциями. Но сама ситуация вокруг иранской ядерной программы чревата непредсказуемыми последствиями, в том числе и возможностью возникновения вооруженного конфликта.

Ведь, скажем открыто, переговорный процесс по иранской ядерной программе не может быть вечен. Безрезультатность переговоров усиливает напряжение. Решение должно быть принято. Воп-

рос в другом – когда и какое решение. Остается все меньше времени для дипломатических путей ее решения. Пожалуй, уже можно определить временные реперные точки – точки, от которых будут определяться окончательные решения иранской проблемы.

Первая точка прошла – это 6 ноября 2012 г. – выборы президента США. Вторая точка – 20 января 2013 г. – вступление избранного президента США в должность и формирование новой администрации. Третья точка – 22 января 2013 г. – внеочередные выборы в кнессет Израиля. И наконец, четвертая – лето 2013 г. – выборы президента Ирана.

Пожалуй, до второй (быть может, третьей) точки еще возможно медленное течение переговорного процесса, в котором, в общем, сегодня заинтересованы все. Переизбранному президенту США Бараку Обаме еще пока не выгодно делать «резкие движения» на иранском фронте. Ему, по сути, сейчас не нужны результаты, ему нужен процесс, причем без срывов и провалов.

Евросоюз, находящийся в сложном финансово-экономическом положении и, несмотря на это, решившийся на нефтяное эмбарго против Ирана, уповает на санкции. При этом он готов вести диалог с Ираном, скорее всего, до реперной точки номер два или три.

Россия, имея на руках иранскую ядерную программу в качестве «джокера» в игре с Западом, также согласна на долгий путь переговоров. При этом Москва делает все, чтобы не допустить военного развития событий.

Китай, который мыслит категориями тысячелетий, в данном случае больше всего опасается не ядерного оружия у Ирана, а решения иранской проблемы силой оружия, что негативно скажется на обеспечении КНР не только иранской, но и всей ближневосточной нефтью.

Иранские руководители еще в большей степени заинтересованы в продолжении процесса. Во-первых, развитие ядерной программы, несмотря на санкции, продолжается. Во-вторых, иранская правящая элита, раздираемая внутренними противоречиями, пока (представляется, что до выборов президента ИРИ) не готова идти на компромиссы, без которых нельзя достичь позитивного результата на переговорах. Поэтому иранцы готовы вести бесконечные переговоры в форматах «Иран – 5+1» и «Иран – МАГАТЭ». Напомним, переговоры с МАГАТЭ назначены на 13 декабря в Тегеране.

А Израиль? Будет ли Израиль ждать результатов затянувшихся переговоров с Ираном? По всей вероятности, будет, но, можно предполагать, что не бесконечно. Без США решить иранскую проблему военной силой он не сможет. Израиль самостоятельно способен провести лишь кратковременную операцию с целью поражения относительно ограниченного перечня объектов. Иранская ядерная программа будет отброшена назад в лучшем случае на год-два⁷. А дальше? Не выйдет ли Иран из ДНЯО? Не интенсифицирует ли он свою ядерную программу под предлогом (теперь уже реальным) защиты страны? Весь мусульманский мир, включая суннитских врагов Ирана, высту-

пит (хотя бы официально) против израильской атаки. Но стоит ли израильская игра свеч?

Конечно, в израильском руководстве могут уповать на то, что в любом случае Вашингтон поможет. Но это сомнительно, во всяком случае до весны 2013 г.

Несомненно, весной 2013 г. риск новой «большой войны» на Ближнем Востоке достигнет максимальных величин. И с этой высоты регион Ближнего и Среднего Востока может свалиться в пропасть.

Израиль уже готов к атаке на ядерные объекты Ирана. Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху заявил, что пойдет на любые меры, чтобы не допустить появления у Ирана ядерного оружия. На вопрос, способен ли он будет «нажать на кнопку», т.е. отдать приказ о военной операции, премьер ответил утвердительно. «Если не будет другого способа остановить Иран, Израиль готов действовать... Мы настроены серьезно, это не показуха...» – подчеркнул Нетаньяху⁸.

В то же время сама Исламская Республика, экономика которой из-за санкций приближается к коллапсу, также не прочь помериться силами с Израилем. Хотя бы для того, чтобы иметь законный повод ввести модель «мобилизационной экономики». А иранская версия этой модели, кстати, совсем неплохо проявила себя в годы ирано-иракской войны 1980–1988 гг.

Пока что сдерживающим фактором является президент США Барак Обама. Но что будет дальше? Влияние на мнение американского президента относительно возможности военного удара по Ирану, несомненно, оказывает сирийская проблема, в том числе и проблема Башара Асада. До их решения фокус внимания американского президента будет сосредоточен на Сирии.

Но это – если ситуация будет развиваться «в штатном режиме». А именно в данном случае такой гарантии не сможет дать никто. В том числе нельзя сбрасывать со счетов израильский фактор.

Нынешняя обстановка в Израиле наводит на размышления. Кнессет распущен, выборы назначены на 22 января. Обратим внимание – через день после инаугурации нового президента США. Причем перспективы победы на выборах у коалиции двух решительных и готовых к войне против Ирана политиков – главы Ликуда Биньямина Нетаньяху и лидера партии «Наш дом Израиль» Авиغدора Либермана – весьма значительны. И не исключено, что эти политики постараются решить иранскую проблему в промежутке между 6 ноября и 22 января – в период, когда антивоенное давление на кабинет министров сойдет на нет. Ведь депутаты кнессета сейчас хоть и продолжают исполнять свои обязанности, но, по сути, они – уже «хромые утки». И, например, ожидать от нынешнего состава кнессета постановки вопроса о вынесении вотума недоверия в преддверии выборов не стоит. А в случае если удар по Ирану (на что могут рассчитывать сторонники такого решения) будет успешным, то к выборам это будет в самый раз. Да и после январских выборов в кнессет воинственность Кабинета министров вряд ли сойдет на нет.

Правда, в Иерусалиме, по всей видимости, взяли «тайм аут». Министр обороны Израиля Эхуд Барак успокоил сограждан, заявив, что Израиль получил больше времени на принятие решения о нападении на иранские ядерные объекты в связи с замедлением ядерной программы исламского государства. Утверждение Барака совпадает с временными рамками, обозначенными израильским премьер-министром Биньямином Нетаньяху во время выступления перед Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре. Тогда Нетаньяху сказал, что у мирового сообщества есть время до следующего лета, чтобы остановить иранскую ядерную программу. Заявления израильского министра основаны на выводах представителей МАГАТЭ о том, что Иран потратил треть, т.е. 71 кг, 20%-ного урана на производство порошка для медицинского исследовательского реактора. Такой порошок сложно переработать в материал для создания ядерного оружия. Таким образом, по мнению израильтян, на получение достаточного количества материалов для ядерной бомбы Ирану потребуется еще где-то 8 месяцев⁹.

Однако пока правые израильские политики консолидируются и делают различные заявления, военные продолжают активную подготовку к боевым действиям, особенно не скрывая, против какого вероятного противника она направлена. Израильские военные отрабатывают все возможные варианты боевых действий как на полевых учениях, так и на компьютерах. Эксперты не исключают, что и удар по военному заводу в Хартуме 24 октября, который СМИ приписывают Израилю, был своего рода репетицией. В начале ноября СМИ сообщили, что в *Институте стратегических исследований Тель-Авивского университета ведущие израильские эксперты в области безопасности и военные смоделировали действия сторон в первые дни военного конфликта между Израилем и Ираном*. По предложенному сценарию, война должна была начаться 9 ноября 2012 г., когда израильские ВВС ударят по ведущим ядерным объектам Ирана. Эксперты считают, что атака нанесет тяжелый ущерб ядерной инфраструктуре Ирана и окончательно выведет ее из строя. По сценарию, США не будут извещены об ударе заранее, и атака будет проведена без американской поддержки. По мнению аналитиков, США выступят в поддержку Израиля¹⁰.

Иранцы также не спят. В ответ на компьютерные игры они сняли анимационный фильм «Сквот», посвященный совместной атаке Израиля и США на ядерный центр в Натанзе. Корпус стражей исламской революции узнает о злодейских планах врагов и предотвращает атаку еще до ее начала¹¹. Причем иранцы занимаются не только производством мультфильмов. В начале октября они инициировали запуск «Хезболлой» иранского беспилотного летательного аппарата (БПЛА) в воздушное пространство Израиля. 1 ноября иранские истребители обстреляли американский разведывательный беспилотник в международном воздушном пространстве над Персидским заливом. В конце октября в Иране прошли масштабные военные учения в

районах вдоль границы с Ираком. А в ноябре – учения по противовоздушной обороне (ПВО), в которых приняли участие формируемая армия и КСИР вооруженных сил Ирана.

Президент Института исследований современного Ирана Мохсен Сазегара отметил: «Произошли еще два события – иранские вертолеты и военные корабли нарушили воздушные и морские границы Саудовской Аравии, а Афганистан сообщил, что на его территории разорвались ракеты, запущенные из Ирана. Если все эти сообщения соответствуют действительности, можно говорить о росте милитаризма Ирана»¹².

Вице-президент Американского совета по внешней политике Илан Берман подчеркнул: «Инциденты последнего времени показывают, что с точки зрения Тегерана растет угроза конфликта, связанная с тем, что США и международное сообщество не намерены терпеть развитие иранской военной ядерной программы. Тегеран явно пытается послать сигнал США и их союзникам, что он способен наносить удары и пойдет на это, если угроза станет более реальной»¹³.

Даже не стоит напоминать о том, что в современной истории было достаточно много примеров, когда подобные инциденты становились поводом для начала военных действий.

Но все же, пожалуй, не военная активность иранцев беспокоит израильтян в первую очередь, а иранская ядерная проблема. И именно завершение технического оснащения ядерного объекта «Фордоу». Теперь иранские ядерщики смогут получить уран, обогащенный не только до 60%, но и в перспективе достигнуть уровня оружейного урана в 90%, считают западные эксперты¹⁴. Это может только подстегнуть Израиль к удару.

Нельзя никогда исключать того, что в политике могут быть какие-то непредсказуемые заранее решения. И, возможно, ситуация сложится так, что израильские военные, не дожидаясь одобрения Вашингтона, начнут операцию против Ирана. В этом случае США, безусловно, поддержат Израиль.

А что же переговорный процесс? Как уже было отмечено, ему предоставили еще полгода для достижения хотя бы минимальных на первых порах, но реальных результатов. По всей вероятности, в Иране, находящемся под мощными финансово-экономическими санкциями, определенное смятение. Там понимают, что бесконечно тянуть резину переговоров невозможно. Из Тегерана время от времени стали доноситься, правда противоречивые, заявления о готовности к переговорам даже с США (по вопросам Ирака и Афганистана такие контакты имели место). Так, в начале ноября президент Ирана Махмуд Ахмадинежад заявил на пресс-конференции в рамках проходившего на индонезийском острове Бали международного форума по вопросам демократии, что проблемы, связанные с иранской ядерной программой, должны напрямую обсуждаться на переговорах между его страной и США. Однако чуть ранее власти Ирана опровергли сообщение газеты «New York Times» о якобы достигнутой договоренности

Тегерана и Вашингтона провести прямые двусторонние переговоры по иранской ядерной программе¹⁵.

Надо отметить, что в иранских экспертных кругах обсуждаются вполне разумные взгляды на переговорный процесс и на необходимые, но возможные действия Ирана и его оппонентов на переговорах. Так, бывший иранский дипломат и один из «ядерных переговорщиков» до 2007 г. (пока не впал в немилость у президента Ахмадинежада), а ныне профессор Принстонского университета Хосейн Мусавиан видит в двусторонних ирано-американских переговорах залог успеха разрешения «иранского вопроса».

Х. Мусавиан также высоко оценивает намерение Ирана продолжить диалог с «шестеркой» посредников. В этой связи профессор поддержал известный «пошаговый» план главы МИД России Сергея Лаврова по разрешению иранской проблемы. По мнению Х. Мусавиана, Тегеран должен гарантировать постоянный запрет на разработку, хранение и использование ядерного оружия; создать с другими странами консорциум для управления процессами осуществления полного ядерного топливного цикла; ратифицировать Дополнительный протокол; дать МАГАТЭ обязательство тесно сотрудничать с Агентством по разрешению остающихся вопросов о предыдущей деятельности Ирана в ядерной сфере.

При этом профессор Х. Мусавиан подчеркивал, что его мнение и предложения не являются абсолютом – это только основа для продуктивной дискуссии, в том числе и в формате ирано-американского диалога¹⁶.

Анализ нынешней военно-политической ситуации в мире, на Ближнем и Среднем Востоке, а также вокруг иранской ядерной проблемы свидетельствует, что после президентских выборов в США наступил чрезвычайно ответственный период. Да, появился шанс мирным путем развязать туго затянутый иранский узел и тем самым отвести угрозу еще одной региональной войны. Но готовы ли иранские власти следовать хотя бы разумным советам своего чрезвычайно информированного и профессионально подготовленного соотечественника профессора Х. Мусавиана – вот в чем вопрос.

К сожалению, десятилетняя история переговоров с Ираном по его ядерной программе не позволяет с большим оптимизмом смотреть в будущее переговорного процесса. В этой связи можно констатировать: в случае безрезультативности переговоров Иран – «шестерка» до весны – лета 2013 г. не исключено, что западные участники диалога, в первую очередь США, примут организационные, пропагандистские меры для подготовки и осуществления силового решения иранской ядерной проблемы.

Правда, есть надежда, что оппоненты Ирана все же подождут итогов президентских выборов в этой стране (четвертая реперная точка). Результаты выборов могут прояснить внутривнутриполитическую обстановку и с большей, чем сейчас, точностью определить степень

готовности иранской элиты к требуемым всем международным сообществом компромиссам по ядерной проблеме.

А пока в планах лидеров Запада и Израиля по решению иранской ядерной проблемы остается военно-силовой вариант. И угроза военного конфликта сохраняется. В связи с этим геополитическая система Ближнего Востока находится в подвешенном состоянии перманентной неопределенности, чреватой возможностью мощного взрыва.

Примечания

¹ Подробнее см.: Сажин В.И. Ракетно-ядерный потенциал Исламской Республики Иран: состояние и перспективы развития. М., 2011. С. 33–34.

² Takeyh R. Diplomacy Will Not End Iran's Nuclear Programme. – The Financial Times, December 21, 2005. P. 17.

³ IzRus, 02.11.2012. – http://izrus.co.il/obshie_novosti/news/2012-11-02/61906.html#ixzz2Bk0cCG00.

⁴ Информационное агентство Zman.Com, 06.10.2012. – <http://www.zman.com/news/2012/10/06/136196.html>.

⁵ Информационное агентство Reuters, 26.05.2012. – <http://www.reuters.com/article/2012/05/26/us-nuclear-iran-uranium-idUSBRE8400SN20120526>.

⁶ Российская газета, 18.09.2012. – <http://www.rg.ru/2012/09/18/iran-magate.html>.

⁷ Подробнее см.: Силовое решение иранской ядерной проблемы: сценарии и последствия. М., 2008.

⁸ Информационный портал «Эксперт», 06.11.2012. – <http://expert.ru/2012/11/6/silovoe-reshenie>.

⁹ Информационный портал «Виннипег.ру», 09.11.2012. – <http://winnipeg.ru/2012/11/09/1352525463.html>.

¹⁰ Информационный портал NEWSru.co.il: Новости Израиля, 04.11.2012. – http://www.newsru.co.il/israel/04nov2012/strike_a204.html.

¹¹ Там же.

¹² Сайт радио «Голос Америки», 09.11.2012. – <http://www.golos-ameriki.ru/content/us-iran-drone/1543058.html>.

¹³ Там же.

¹⁴ Сайт радио «Голос России», 30.10.2012. – http://rus.ruvr.ru/2012_10_30/Blizhnij-Vostok-predchuvstvie-vojni.

¹⁵ Информационное агентство «Росбалт», 09.11.2012. – <http://www.rosbalt.ru/main/2012/11/09/1056506.html>.

¹⁶ Сайт радио «Голос России» (перс. язык), 08.11.2012. – http://persian.ruvr.ru/2012_11_08/93964525.

С.Б. Дружиловский*

УРОКИ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» ДЛЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Победа исламской революции в Иране в 1979 г. открыла новую эпоху в жизни мусульманских государств. Впервые за многие столетия упадка и стагнации в мусульманском мире произошло событие, которое воскресило надежды верующих мусульман на возможность освободиться от западного диктата и реализовать идею эффективной исламской модели развития. По своей значимости это событие можно сравнить с появлением в 70-е гг. прошлого столетия новых индустриальных стран (НИС) в регионе Юго-Восточной Азии, которые впервые в новейшей истории продемонстрировали возможность использования традиционных культурно-религиозных ценностей восточных стран для резкого ускорения своего социально-экономического развития.

Отличие исламской революции в Иране от других выступлений народных масс под религиозными знаменами состояло в том, что творцы этой революции во главе с аятоллой Хомейни не пытались воздействовать на светские государственные структуры с целью их большего соответствия религиозным канонам, а провозгласили своей целью полное подчинение всех государственных и общественных институтов исламским нормам, проистекающим из Корана и шариата.

Уже через несколько лет стало понятно, что сплочение религиозного иранского общества вокруг идей, выдвинутых исламской революцией, приносит свои плоды. Первым примером этого стала восьмилетняя война с Ираком, в которой Иран выстоял практически в полной международной изоляции. Известно, что все крупные державы, включая США и СССР, а также большинство арабских стран (кроме Сирии) в этой войне поддерживали Ирак, оказывая ему различные услуги, включая финансовую помощь и поставки современных видов оружия. Уже во время этой войны начинают применяться новые формы и методы государственного и военного строительства, которые легли в основу исламской модели развития ИРИ. Речь идет о формировании новой народной армии в составе Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и басиджа – народного ополчения, создании Организации соиздательного джихада для оперативного и добровольного использования трудовых ресурсов в критических ситуациях, регулярных добровольных пожертвованиях имущих слоев населения для решения стоящих перед государством задач.

* Дружиловский Сергей Борисович, кандидат исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.

Новый исламский режим демонстрировал готовность оказывать широкомасштабную материальную поддержку бедным и пострадавшим от войны слоям населения (мостазефин), создав для этой цели многочисленные исламские фонды и обеспечив льготное снабжение этих слоев населения продовольствием, медикаментами и другими товарами первой необходимости и услугами. Была национализирована вся крупная промышленность, включая нефтяную, но при этом предприняты меры для прозрачности финансово-экономической деятельности государственных органов, в том числе через создание системы беспроцентных банков и введение обязательной отчетности высших государственных чиновников, а также их родственников обо всех изменениях в их материальном положении, контролируемых судебными органами страны. Уголовному преследованию стали подвергаться распространение и потребление спиртных напитков, наркотиков, а также пропаганда порнографии, гомосексуализма и других пороков, присущих западному обществу.

Целью предпринимавшихся исламским руководством Ирана мер провозглашалось создание общества социальной справедливости в исламском его понимании. При этом все направления общественного развития – от семейных отношений до политики и экономики – должны соответствовать исламским канонам.

В ближневосточном регионе исламская революция в Иране и последующие мероприятия правительства ИРИ были восприняты по-разному. Но надо сразу же отметить тот факт, что исламская революция оказала большое, отчасти решающее влияние на дальнейшее развитие политических процессов на Ближнем Востоке, спровоцировав в этом регионе исламский ренессанс. Чтобы сегодня ни заявляли различные организации политического ислама в мусульманском мире – от салафитов до «Братьев-мусульман» и «Хизб ут-Тахрир» – о своем дистанцировании от шиитского Ирана, все они активизировали свою деятельность и открыто выступили на арену политической борьбы именно после успеха исламской революции в Иране.

Практически все консервативные арабские монархические режимы встретили иранскую революцию с большой настороженностью, так как главным для них в этой революции являлась не программа исламского возрождения, предложенная новым иранским руководством, а насильственное свержение шахского режима в результате всеобщего восстания иранского народа. В то же время шиитское население арабского мира восприняло исламскую революцию в Иране как призыв к политическому пробуждению. В Саудовской Аравии, Кувейте, Ираке, Йемене, Ливане, Бахрейне стали создаваться шиитские организации, оппозиционные правящим в этих странах суннитским режимам. Некоторые из них стали на путь вооруженной борьбы. Так, уже в конце 1979 г. шиитская группировка предприняла попытку захвата центральной мечети в Мекке. В это же время начались волнения шиитов в Кувейте, которые с новым размахом проявили себя в процессе «арабской весны» в 2011–2012 гг. Вскоре после по-

беды исламской революции в Иране создается шиитский Исламский фронт освобождения Бахрейна, выступивший с лозунгом свержения правительства суннитского меньшинства в этой стране и создания исламского государства иранского типа. В Ливане в начале 1980-х гг. создается шиитская организация «Амаль», а в 1982 г. в ходе израильско-ливанской войны – военизированная группировка «Хезболла», заявившая о готовности бороться за создание в Ливане исламской республики по иранскому образцу. В ходе американской операции «Буря в пустыне» в 1991 г. началось восстание иракских шиитов против режима Саддама Хусейна. В 2005 г. на первых после свержения С. Хусейна парламентских выборах в Ираке победу одержала шиитская партия Объединенный иракский альянс, и премьер-министром страны стал шиит Нури аль-Малики, взявший курс на тесное сотрудничество с ИРИ. В Йемене шииты-зейдиты, проживающие на северо-западе страны, взяли под свой контроль йеменскую провинцию Саада.

Таким образом, исламская революция в Иране всколыхнула весь арабский мир, и если бы подобная революция произошла в стране суннитского ислама, можно было бы смело прогнозировать эффект цепной реакции во многих странах мусульманского мира. В то же время распространение идей иранской революции даже только через шиитские общины в мусульманских странах может привести к серьезным потрясениям во многих современных государствах. По разным оценкам, шииты составляют от 10 до 20% от общей численности мусульман. (Разброс оценок вполне понятен, поскольку в ряде стран шииты вынуждены скрывать свою религиозную принадлежность.) И хотя большинство они составляют лишь в Иране, Ираке, Азербайджане и Бахрейне, их оппозиционный потенциал, как правило, несоизмерим с общим количеством проживающих в той или иной стране шиитов. Шииты традиционно считают себя гонимыми праведниками и от суннитов отличаются сплоченностью, жертвенностью и непризнанием легитимности несправедливой верховной власти. Исламская революция в Иране стала для этих людей примером для подражания, а новый режим в Иране на официальном уровне заявил о том, что будет всеми мерами продвигать идеи исламской революции в мусульманском мире.

В то же время было бы неверным считать, что Иран оказал непосредственное влияние на начало «арабской весны». Поэтому не стоит идти на поводу у иранского руководства, которое в лице верховного лидера ИРИ Хаменеи и традиционного иранского духовенства восприняло «арабскую весну» как «исламское пробуждение, вдохновленное иранской революцией 1979 г.». Нет никаких сомнений в том, что иранское руководство не только не участвовало в подготовке антиправительственных выступлений в арабских странах, но, напротив, события «арабской весны» застали его врасплох. Более того, за полгода до начала «жасминовой революции» в Тунисе в Иране происходили события, которые при более благоприятном раскладе

могли бы предупредить события «арабской весны» или стать ее частью. В июне 2009 г., во время президентских выборов в ИРИ, победа действующего президента Махмуда Ахмадинежада была оспорена лидерами оппозиции, которые призвали народ выйти на улицы с требованием аннулировать результаты выборов. Десятки тысяч людей в Тегеране и некоторых других крупных городах последовали их призыву, но были разогнаны силами безопасности. Итогом этих выступлений стало создание так называемого «зеленого движения», лидеры которого заявили, что уходят в оппозицию правящему в ИРИ режиму и начинают борьбу за восстановление справедливости и правопорядка в Иране. После начала «арабской весны» лидеры «зеленого движения», возглавляемые бывшим премьер-министром страны и главным оппонентом М. Ахмадинежада на президентских выборах Мусави, вновь вывели своих сторонников на улицы, рассматривая свои действия в одном ряду с народными выступлениями в арабских странах. После этого иранское руководство арестовало руководителей «зеленого движения» и начало гонения на его участников. Конечно, выступления оппозиции в ИРИ и «арабская весна» – события разнотипного характера. В Иране сегодня никто из официальной оппозиции не ставит вопрос о смене существующего режима, речь идет лишь о формах и методах дальнейшего развития исламского государства, однако фактическое совпадение по времени выступлений иранской оппозиции и событий «арабской весны» представляется достаточно симптоматичным.

Надо признать, что иранское руководство желало извлечь максимальную выгоду из происходящих на Арабском Востоке событий, учитывая то, что на смену авторитарным диктаторам, многие из которых враждебно относились к Ирану, приходят исламисты, выступающие за возрождение исламской культуры и традиций в своих странах и, что самое главное для Ирана, против существования государства Израиль. В ходе «арабской весны» иранское руководство постоянно подчеркивало, что поддерживает народные восстания в арабских странах, видя в них продолжение исламской революции в Иране. Например, во время пятничной молитвы 4 декабря 2011 г. аятолла Хаменеи представил события, происходящие в Тунисе и Египте, «как естественное продолжение исламской революции» и охарактеризовал их как поражение США и Израиля. А президент страны М. Ахмадинежад сравнивал арабские протесты с «гражданским пробуждением». Однако результаты «арабской весны» для ИРИ оказались неоднозначными. С одной стороны, рухнули режимы в Египте, Ливии и Тунисе, занимавшие антииранские позиции, но с другой – пришедшие в этих странах к власти силы, как правило, дистанцируются от желания иранского руководства навязать свое представление о характере нового государственного устройства в странах победившей «арабской весны». Кроме того, негативным для Ирана результатом «арабской весны» стал тот факт, что арабские монархии Персидского залива как никогда до этого сплотились вокруг Саудовской Ара-

вии и выступают единым фронтом против любых попыток Ирана влиять на развитие ситуации на Ближнем Востоке.

Невыгодное для ИРИ соотношение сил, сложившееся в ходе «арабской весны», продемонстрировали события в Бахрейне, где шииты составляют около 75% от всего населения страны. Когда восставшие в этой стране шииты предприняли попытку свержения власти суннитского меньшинства, они не получили от Ирана никакой действительной помощи и были разгромлены введенными Саудовской Аравией войсками. Никакой помощи от Ирана не могут получить также восставшие в Йемене шииты-зейдиты, которые вынуждены один на один бороться с правительственными войсками, также поддержанными Саудовской Аравией. В то же время можно предположить, что Иран сознательно не вмешивается в разборки шиитов и суннитов в арабских странах, не будучи уверенным, что в случае прихода к власти арабские шииты согласятся следовать в фарватере иранской политики. И эти опасения не беспочвенны. Иранцы хорошо помнят, что в годы ирано-иракской войны иракские шииты не оказали поддержки наступающим иранским войскам, а, наоборот, участвовали в обороне стратегически важного для Ирака района Басры.

В последнее время, судя по всему, Иран ослабил свои попытки многовекторного воздействия на арабский мир, разочаровавшись в результатах «арабской весны» и сосредоточив свои усилия на поддержке сирийского режима президента Башара Асада, который может стать очередной жертвой арабских революций. В этом случае Иран потеряет одного из своих немногочисленных преданных сторонников и лишится возможности прямого контакта с проиранскими организациями в Ливане и Палестине. В контексте поддержки асадовского режима ИРИ ведет диалог с руководством Ирака и проиранскими силами в Ливане, желая создать единый фронт борьбы за сохранение власти сирийских шиитов-алавитов. Совпадение иранских интересов в сирийском кризисе с российскими вселяет уверенность в иранское руководство блокировать дальнейшее распространение «арабской весны» на дружественные Ирану государства.

При проведении своей политики на Ближнем Востоке Иран, кроме арабских стран, активно взаимодействует с Турцией, которая также непосредственно участвовала в событиях «арабской весны». Ирано-турецкие отношения традиционно развиваются в русле борьбы за региональное лидерство. Однако после прихода к власти в Турции в 2002 г. происламской Партии справедливости и развития (ПСР), судя по всему, у правящих режимов этих стран появился шанс договориться об объединении усилий по контролю над ситуацией в регионе. В обеих странах все чаще стали раздаваться голоса в пользу того, что, лишь объединив усилия, Иран и Турция смогут решать наиболее серьезные региональные проблемы. Действительно, вряд ли можно ожидать, что обе страны в одиночку смогут решить, например, курдскую проблему. В то же время исламистов обеих стран объединяет желание ограничить активность в регионе Израиля. Иран заинтересован в

том, чтобы его союзница на Ближнем Востоке – Сирия – не подвергалась угрозам со стороны Турции. Турции необходимы стабильные поставки энергоносителей из Ирана, который обеспечивает 30% потребностей Турции в нефти и 20% – в газе. Кроме того, она рассматривает Иран как потенциального транзитора прикаспийской нефти на европейские рынки через территорию Турции.

К 2010 г. ирано-турецкое сближение достигло того уровня, когда в обеих странах стали поговаривать о переходе к стратегическому партнерству. И действительно, создавалось впечатление складывающегося ближневосточного «тандема», объединенного желанием усилить региональные и международные позиции друг друга. Так, Турция безоговорочно признала право Ирана на мирные ядерные исследования и впоследствии демонстративно отказывалась присоединяться к односторонним санкциям, вводимым против Ирана ее западными союзниками. При этом Турция поддерживает предложение Ирана о рассмотрении проблемы ядерного нераспространения на Ближнем Востоке с обязательным принятием во внимание наличие де-факто средств ядерного сдерживания у Израиля. В 2009 г. Турция приступила к урегулированию спорных вопросов с Сирией и заключила с ней ряд договоров, в том числе об облегченном режиме пересечения совместной границы, восстановлении торговых отношений и решении водной проблемы. С момента прихода к власти ПСР Турция стала решительно ставить вопрос о праве палестинского народа на самоопределение и создание собственного государства. Со своей стороны Иран поддержал борьбу Турции против курдского сепаратизма, предоставил турецкому капиталу благоприятные условия для инвестиций в рентабельные отрасли иранской экономики, обеспечил бесперебойные поставки в эту страну своих энергоносителей и предпринял меры для значительного увеличения импорта турецких товаров. За последние десять лет импорт турецкой продукции в Иран вырос в 12 раз и к концу 2011 г. достиг 3,5 млрд долл.

Начало «арабской весны» явилось для Турции еще большей неожиданностью, чем для Ирана. Если Иран, по крайней мере теоретически, пребывал в ожидании мировой исламской революции, то ПСР, сделав ставку на «неоосманнизм», выдвинула концепцию «ноль проблем с соседями», предусматривающую вовлечение всех региональных сил в конструктивное взаимодействие. Однако события «арабской весны» были направлены как раз против тех режимов, на поддержку которых Турция прежде всего рассчитывала при осуществлении своих региональных планов. Отсюда нейтралитет Турции во время тунисских событий и непоследовательность действий во время свержения М. Каддафи в Ливии. Но, приняв решение присоединиться к операции НАТО по уничтожению дружественного Турции режима М. Каддафи, турецкое руководство стало проводить политику активного участника и спонсора «арабской весны» в надежде на то, что ему удастся если не возглавить это движение, то, по крайней мере,

предложить новым арабским элитам турецкую модель в качестве основы их нового государственного устройства. При этом Турция, видимо, надеялась на то, что ее западные союзники разделяют турецкие устремления и готовы будут оказать ей всю возможную помощь в деле поддержки дальнейших антиправительственных выступлений в странах Ближнего Востока. Эта логика привела Турцию в ряды сторонников свержения режима Б. Асада, что способствовало резкому ухудшению ирано-турецких отношений.

Судя по всему, в своих расчетах Турция серьезно ошиблась. Поддержка Б. Асада сирийским обществом оказалась намного выше тех 10% проживающих в стране алавитов, которые считались единственной силой, готовой идти за Б. Асадом до конца. По некоторым экспертным оценкам, нынешнего сирийского президента поддерживает около 60% населения страны. С другой стороны, Запад в лице США и ведущих стран Западной Европы уклонился от непосредственного участия в сирийском кризисе, учитывая как твердую просирийскую позицию России, так и возможность осложнений для Израиля в случае, если к власти в Сирии придут исламские радикалы и экстремисты салафитского толка. Судя по всему, западные политики опасаются также, что в случае успеха в Сирии исламские экстремисты могут распространить свою активность на монархические режимы стран Персидского залива, которые с точки зрения социальной стабильности переживают сегодня не лучшие времена.

При всей сложности определения судьбы нынешнего сирийского режима следует однозначно подчеркнуть, что именно сирийский кризис привел к тому, что «арабская весна» как для Ирана, так и для Турции сегодня свелась к вопросу о выживаемости этого режима, хотя в этом вопросе стороны оказались по разную сторону баррикад. Причем свержение режима Б. Асада может стать трагическим для обеих стран. Иран, потеряв своего ключевого союзника, может остаться в полной изоляции, утратив возможность оказывать серьезное влияние на развитие ситуации на Ближнем Востоке. Турция в случае дезорганизации сирийской государственности может получить единый курдский фронт, который поставит под вопрос территориальную целостность Турецкой Республики. Можно также прогнозировать увеличение потока беженцев в Турцию, контроль над которыми уже сегодня создает большие проблемы для турецкого правительства.

Таким образом, можно констатировать, что возможность создания ирано-турецкого стратегического союза на ближайшую перспективу оказалась утраченной. В то же время есть уверенность в том, что резкого ухудшения отношений или, тем более, их свертывания между этими странами не произойдет, поскольку уже выстроенные к настоящему времени двусторонние связи в области экономики, торговли, решении курдской проблемы, а также общий взгляд на ряд важных международных проблем, включая право заинтересованных стран на мирное освоение атома, должны предопределить конечный позитивный вектор в развитии ирано-турецких отношений.

Таким образом, уроки «арабской весны» продемонстрировали неизбежность социально-политических перемен на Ближнем Востоке, которые развиваются по своему сценарию и могут распространиться на другие арабские государства, в которых по-прежнему делается ставка на авторитарное правление и игнорирование интересов широких слоев населения. При этом попытки недругов ИРИ спровоцировать в ходе «арабской весны» массовые антиправительственные выступления в этой стране не имели успеха. В то же время ожидаемое иранским руководством продолжение исламской революции по иранскому образцу в арабском мире также оказалось несостоятельным. Поэтому в настоящее время Иран выступает за прекращение хаоса в странах «арабской весны» и прилагает серьезные усилия для блокирования вмешательства третьих стран в дела ближневосточного региона.

*Л.М. Кулагина**
*В.М. Ахмедов***

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Внешнеполитический курс Ирана во многом зависит от постоянно меняющихся событий, происходящих на международной арене. Революционные движения в арабском мире оказали самое непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику исламского государства. События «арабской весны» привели к смене баланса сил и перекройке прежних альянсов в регионе Ближнего Востока. В результате арабских событий ослабли два противостоящих друг другу блока. С одной стороны это – США, Израиль и их арабские союзники – Египет, Иордания, а с другой – так называемые силы сопротивления в лице «Хезболлы», ХАМАС, Сирии, Ирана.

В течение двух последних десятилетий Иран превратился в одну из влиятельных держав в регионе Ближнего Востока. Отчасти этому способствовали США. После того как Вашингтон уничтожил С. Хусейна в Ираке и ослабил талибов в Афганистане – главного соперника ИРИ, Иран получил блестящий шанс укрепить свое положение в регионе.

Особенно полезной для Тегерана оказалась фактическая дезинтеграция Ирака после ввода в страну американских войск. В период гражданской войны в Ираке ИРИ сумела ликвидировать антииранские настроения лидеров иракских шиитов, а Вашингтон отстранил от власти в Ираке суннитов, и страна попала под полное влияние США и Ирана. За последние несколько лет Ирану удалось выстроить пояс союзных ему государств и организаций в странах Арабского Востока. Это Ливан и ливанская «Хезболла», ХАМАС в Палестине, а также отдельные организации на территории ряда арабских стран.

Промежуточные итоги развития арабских революционных движений, продолжавшихся свыше двух лет, привели к пересмотру отношения к ним во многих государствах мира. В странах победившей революции к власти пришли представители движений политического ислама. «Арабская весна» открыла путь широким народным массам к активному участию в политической жизни их стран. Несмотря на это новые власти по ряду объективных и субъективных причин медлят с проведением в жизнь социальных преобразований, за которые выс-

* Кулагина Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

** Ахмедов Владимир Муртузович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

тупало население, и во многом ограничиваются обещаниями на будущее. Это вызывает протесты общественности, на волне которых народные выступления в арабских странах продолжаются.

С самого начала «арабская весна» была в целом позитивно встречена в Иране. Иранское руководство попыталось эксплуатировать арабскую революционную идею как продолжение исламской революции 1979 г. в целях мобилизации и сплочения масс. К тому же многие в Иране полагали, что свержение недружественных ИРИ арабских режимов может укрепить позиции Ирана на Ближнем Востоке. В какой-то степени подобные ожидания подкреплялись изменением позиции нового руководства крупнейшей арабской страны – Египта – по отношению к Ирану. Это пропуск иранских военных кораблей через Суэцкий канал, снятие запрета на выезд из Газы через Египет лидеров ХАМАС, легализация прежде запрещенных исламских организаций («Братья-мусульмане»), создание ими политических партий, а также приход к власти в Тунисе представителей исламских движений и подъем революционного движения в Йемене.

Первым неприятным сюрпризом «арабской весны» для Ирана стали события в Бахрейне. Протестное движение шиитов против правящего суннитского режима, поддержанное Ираном, было жестоко подавлено скоординированными действиями ССАГПЗ в составе войск Саудовской Аравии и Омана. Одновременно арабские монархии приняли ряд срочных мер внутри своих стран, чтобы не допустить у себя чего-либо подобного. Они поддержали жесткие санкции и военное вмешательство западных стран в Ливию в обмен на легитимизацию со стороны США и ЕС их действий в Бахрейне. Одновременно Иран подвергся критике со стороны ССАГПЗ и стал объектом прямых обвинений в причастности к бахрейнским событиям.

События в Сирии явились самым тяжелым испытанием для внешней политики ИРИ в отстаивании своих завоеваний на Ближнем Востоке. К тому же с учетом сирийских событий многие политические силы Ливана стали менять свое отношение к Ирану, стараясь отрезать пути оказания помощи ливанской «Хезболле». Отрицательно сказались сирийские события и на положении в Ираке. После вывода значительной части американских войск Ирак переживал острый политический кризис, в возникновении которого обвинял также и Иран. Иранское руководство активно поддерживало своего ставленника – премьер-министра Ирака Н. аль-Малики, который выражал интересы иракских шиитов. Политические силы Ирака полагали, что если Тегеран продолжит свою политику в отношении иракских шиитов, то это в конечном счете может привести к расколу Ирака по конфессиональному признаку. Багдад также был недоволен позицией ИРИ в сирийском конфликте. В связи с дефицитом финансов в Иране из-за санкций Тегеран был вынужден прибегать к помощи Ирака. Багдад частично взял на себя покрытие расходов режима Б. Асада на содержание верных ему армейских частей¹.

Сегодня основным содержанием внешней политики ИРИ на Ближнем Востоке является сохранение прежних позиций в регионе и стремление избежать международной изоляции. В Сирии Иран всеми силами пытается сохранить режим Б. Асада. С самого начала сирийской революции Иран понимал, что сирийский режим не сможет противостоять революционным событиям и рекомендовал сирийским властям провести реформы, которые позволили бы сохранить основы режима. Чтобы помочь Дамаску, Иран провел ряд встреч в Европе с зарубежной сирийской оппозицией и ее руководством и даже вел переговоры с главой сирийских «Братьев-мусульман» М. Тайфуром². Эти встречи закончились безрезультатно. Иран также пытался изменить позицию Турции по отношению Сирии, используя для этого контакты по официальным каналам, и оказать скрытое давление на Анкару через связанную с ИРИ часть турецкого бизнес-сообщества и этноконфессиональные общины (алавиты, курды).

При любом вероятном исходе событий в Сирии иранские позиции на Ближнем Востоке могут серьезно пострадать, что неминуемо скажется на ослаблении связей ИРИ со своими союзниками. Так, лидеры ХАМАС в конечном итоге поддержали восстание сирийского народа и заявили, что в случае войны ХАМАС не будет воевать за Иран.

Стремление президента Сирии Б. Асада сохранить свою власть в стране любым путем, даже жестоким подавлением недовольного населения, вызывало протесты международного сообщества. Вооруженная оппозиция добивается ухода Асада. Противостояние в Сирии продолжается. Идут бои в крупнейших городах страны. Вооруженная сирийская оппозиция готовит решающий штурм Дамаска. Несмотря на это ИРИ продолжает поддерживать режим Б. Асада, оказывая ему финансовую, военную и политическую поддержку. В Сирии работают иранские военные советники, специалисты из КСИР, ряд из которых принимает непосредственное участие в боевых действиях. Битва за Сирию является во многом определяющей для дальнейшего суннитско-шиитского глобального взаимодействия.

Сегодня судьба Ближнего Востока, и прежде всего сирийская проблема, является одним из наиболее острых международных вопросов. В его разрешение включились ведущие члены международного сообщества. ЕС и США пытаются оказать давление на Иран через устранение режима Асада как его главного союзника на Арабском Востоке, преследуя далеко идущую цель воспрепятствовать реализации иранской ядерной программы. В Сирии Запад, в отличие от России, Китая и Ирана, выступает за смену руководства нынешнего режима с сохранением основных институтов государства с их последующей коренной реформой.

Прагматичный Иран уже давно пришел к выводу о неизбежности падения режима Асада и сегодня пытается выиграть время, чтобы сохранить «козыри» для диалога с новыми властями Сирии и США по вопросу о своей роли в регионе, а также тщательно подготовиться к периоду после ухода Асада. С этой целью Тегеран стремится создать

в Ливане и Сирии такие позиции, которые позволили бы ему продолжать оказывать влияние на Сирию даже в случае прихода там к власти суннитского большинства. С помощью ливанской «Хезболлы» Иран активно работает над созданием тайной сети военизированных организаций на сирийской территории, чтобы в дальнейшем использовать их для обеспечения своих интересов в этой арабской стране. В настоящее время эти подразделения уже сражаются вместе с правительственными войсками против повстанцев. Долговременная цель ИРИ состоит также и в том, чтобы создать в Сирии надежные оперативные позиции на случай продолжения гражданской войны в условиях возможного раскола страны по этноконфессиональному признаку. По некоторым данным, требующим подтверждения из надежных источников, Тегеран подготовил и планирует направить в САР около 50 тыс. добровольцев для оказания вооруженной поддержки несущей тяжелые потери армии Асада, общая численность боеспособных частей которой не превышает на сегодняшний день 65 тыс. человек³.

В процессе создания в Сирии сети из вооруженных ячеек Иран использует свой ливанский и иракский опыт, когда в условиях гражданской войны в Ливане Тегеран инициировал создание там в начале 1980-х гг. организаций типа «Хезболлы», а после американской оккупации Ирака в 2003 г. установил политический и военный контроль над шиитскими организациями.

Одним из важных элементов подобной деятельности ИРИ в Сирии является активная финансовая и военно-техническая поддержка Тегераном объявленной летом 2012 г. Б. Асадом инициативы по созданию в Сирии так называемой Народной армии. По сути, это милицейские формирования, в состав которых входят наряду с сирийцами (75–80%) военизированные шиитские формирования из Ливана и Ирана, ряда других стран, которые призваны сражаться на стороне режима. К ним прикомандированы опытные инструкторы из «Хезболлы» и КСИР. Народная армия действует независимо от регулярных частей режима. Деятельность Тегерана по поддержке Народной армии, несмотря на явные экономические проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается из-за международных санкций Тегеран, может свидетельствовать о далеко идущих планах Ирана в будущей Сирии. В кратковременном плане, особенно в случае раскола Сирии, Иран явно делает ставку на шиитов и алавитов, которые компактно проживают в районах, близких к границе с Ливаном и на Средиземноморском побережье. Именно там Асад может с остатками своей армии создать «алавитский анклав», имеющий выход в Средиземное море (Латакия) и Ливан через территории, контролируемые «Хезболлой».

Однако сегодня, учитывая меняющийся в Сирии баланс сил явно не в пользу режима, Иран, скорее всего, больше заинтересован в сохранении своих позиций на Ближнем Востоке, чем в защите самого Асада. Если Тегеран сможет контролировать важные стратегичес-

кие пункты на территории новой Сирии с помощью создаваемой им «сети», то он сохранит возможность снабжения «Хезболлы» в Ливане и таким образом продолжит влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Арабском Машрике.

Как уже отмечалось выше, ИРИ имеет на территории Сирии своих военных советников и инструкторов. Этот факт был признан командующим КСИР М.А. Джафари в ходе пресс-конференции 16 сентября 2012 г., где он также заявил, что Иран оказывал вооруженную поддержку Дамаску, а элитный отряд КСИР – корпус «аль-Кудс» – помогал асадовской армии⁴.

Начиная с января 2012 г. и до сих пор сирийский режим экономически выживал преимущественно за счет помощи из ИРИ и ряда дружеских стран (Россия, Китай), выступавших за переговоры противостоящих сторон с участием Асада. В августе 2012 г. Дамаск сообщил о достигнутой с Ираном договоренности об экспорте сирийской нефти в обход западных санкций. В январе 2013 г. Иран открыл кредитную линию для финансирования иранского экспорта в Сирии потребительских товаров на сумму свыше 1 млрд долл.⁵

Иран очень тесно связан с сирийским режимом, и вероятность того, что он внезапно откажется от его поддержки, чрезвычайно мала. ИРИ попытается сделать все возможное, чтобы спасти основные институты этого режима, прежде всего спецподразделения и органы безопасности. Дело не только в том, что Иран может потерять своих ключевых союзников в Сирии, с которыми он связан сегодня не только политически, но и идеологически, и которым сложно будет быстро найти адекватную замену. Безусловная победа оппозиции и полный демонтаж прежнего режима в Сирии могут серьезно ослабить позиции ИРИ в Арабском Машрике не только в военно-политическом, но и идеологическом отношении. Иран может оказаться отброшенным от границ с Палестиной, Ливаном, а значит, и от своего главного идеологического союзника в регионе – «Хезболлы».

Революционные изменения в арабских странах нельзя рассматривать в отрыве от постоянной конфронтации между ИРИ и монархиями Персидского залива. Последние опасаются, что Иран может воспользоваться их эвентуальной слабостью в результате арабских революционных движений и использовать это для укрепления своих позиций в регионе. В настоящее время Саудовская Аравия и Катар проявляют особую активность в том, чтобы сорвать планы Ирана в регионе. Эр-Рияд и Доха пытаются вернуть Сирию и Ирак в лоно арабского мира, вывести их из-под иранского влияния. С другой стороны, арабские монархии не могут не учитывать то обстоятельство, что глубокая вовлеченность Тегерана в сирийский кризис отвлекает иранские ресурсы, ослабляя влияние Ирана в шиитских районах Саудовской Аравии, Йемена и Бахрейна. Под руководством КСА и Катара монархии открыто финансируют и вооружают сирийскую оппозицию и не исключают вариант иностранного вторжения в Сирию с целью свержения президента Б. Асада. События в Бахрейне, и особенно в

Сирии, окончательно испортили отношения между Эр-Риядом и ИРИ. Сегодня Саудовская Аравия и Иран фактически опосредованно сражаются друг с другом, поддерживая соперничающие силы в Ираке, Ливане, Йемене, Палестине и Бахрейне, не говоря уже о Сирии.

Позиция ИРИ в отношении «арабской весны» за последний год претерпела серьезные изменения. Некоторые иранские «реформаторы» в целом положительно относятся к новым арабским режимам. Иранское же руководство, как и прежде, считает, что эти народные движения используются странами Запада и арабскими монархиями в своих корыстных интересах. В то же время нельзя не учитывать того, что «арабская весна» и события в Сирии представляют по ряду причин определенный вызов как для ИРИ, так и для Саудовской Аравии. Эти движения могут со временем перекинуться на них. Это тем более опасно, что к власти в странах победившей революции приходят силы политического ислама. В боевых действиях против правительственных войск Асада активное участие принимают так называемые «исламские батальоны» (по некоторым данным, 8–12% от общей численности сил вооруженной оппозиции), в которых велика доля «афганских» и «чеченских» арабов, прибывших на помощь сирийским повстанцам из-за рубежа. К тому же арабские революционные движения проходят на фоне острых разногласий в регионе по конфессиональному признаку. При этом политическая система управления этих стран отличается теократическим характером (КСА) и высокой степенью определяющего участия в управлении государством религиозных деятелей (ИРИ), что предопределяет особую роль религии и ее представителей в удержании власти. К тому же в Иране еще не до конца преодолены последствия событий лета 2009 г. В Саудовской Аравии жестоко подавляются выступления оппозиции (главным образом шиитов). Победа оппозиции в Сирии и утрата ее как игрока на поле суннитско-шиитских разногласий представляют определенную угрозу для смены парадигмы военно-политического противостояния и взаимодействия этих режимов.

В целом, как представляется, сегодня в Иране и арабских странах больше задумываются о месте ИРИ в регионе после ухода Б. Асада. Об этом, в частности, может косвенно свидетельствовать беспрецедентное, с учетом складывающейся вокруг Сирии обстановки, прошлогоднее приглашение короля Саудовской Аравии президенту ИРИ М. Ахмединежаду принять участие во встрече ОИС в Саудовской Аравии в 2012 г. В последний раз М. Ахмединежад был с официальным визитом в КСА в 2007 г. Тогда страны ССАГПЗ хотели нормализовать отношения с Ираном и уже выдвинули инициативу участия ИРИ в качестве наблюдателя в ежегодных встречах ССАГПЗ. Но это не получило должного развития.

Несмотря на обострение ирано-арабских отношений, ни одна арабская страна не хочет окончательно разрывать отношения с Тегераном, особенно в такой сложный для арабов и всего ближневосточного региона момент. Даже Турция, которая имеет непростую исто-

рию отношений с Ираном, поддерживает с ним политические и экономические связи. Среди стран Персидского залива ряд государств сохраняет дипломатические и торговые отношения с ИРИ, а в КСА находятся два иранских посланника, представляющие интересы своей страны в международных исламских организациях⁶.

Египет является ключевым государством для будущей политики Ирана на Ближнем Востоке. Тегеран стремится открыть новую страницу отношений с Каиром. Фактически сразу после январской революции в Египте 2011 г. министр иностранных дел ИРИ Али Салехи заявил, что Тегеран готов восстановить дипломатические отношения с Каиром, которые были разорваны Египтом в одностороннем порядке после исламской революции 1979 г. В августе 2012 г. президент Египта М. Мурси совершил первый визит в Тегеран. Выступая на саммите Движения неприсоединения, он критиковал режим Б. Асада. На встрече с президентом М. Ахмадинежадом М. Мурси призвал Иран избегать вмешательства во внутренние дела Ирака и уладить все разногласия с ОАЭ по вопросу трех спорных островов в Персидском заливе, которые как Иран, так и ОАЭ считают неотъемлемой частью своей территории.

Официальный Тегеран достаточно сдержанно отнесся к высказываниям и предложениям египетского президента. Иран был обеспокоен перспективами создания суннитского блока в составе Египта, США, Турции, что могло подорвать позиции Ирана и его союзников в Ираке, Ливане и на Ближнем Востоке. Но зато визит президента ИРИ М. Ахмадинежада в Каир 5 февраля 2013 г. на саммите ОИС был удачным с точки зрения продвижения процесса восстановления отношений между двумя странами. Встреча иранского президента была торжественной. Был выстроен почетный караул, и президент Египта лично встретил М. Ахмадинежада. Во время визита были обсуждены и те преграды, которые стояли на пути нормализации ирано-египетских отношений. Речь шла о планах тесного экономического сотрудничества между Египтом и ИРИ, о переводе на специальный депозит в Центральном банке Египта нескольких миллиардов долларов из ИРИ, поставке 5 млн т сырой нефти в месяц⁷. В конце марта 2013 г. Египет пропустил через Суэцкий канал иранское судно, следовавшее в Сирию, по оценке источников сирийской оппозиции, с большим грузом оружия для Асада. Подобное сближение насторожило США и их арабских союзников в Персидском заливе. США напомнили египетским властям о введенных Западом экономических санкциях в отношении ИРИ и обусловили продолжение оказания финансовой поддержки Каиру пересмотром взятой Египтом линии на нормализацию отношений с Ираном. Одновременно Катар объявил о планах инвестировать в экономику Египта 18 млрд долл.

События «арабской весны» явились тяжелым испытанием для иранской дипломатии. Чтобы сохранить свои позиции в регионе, Иран активизировал свою политику на Ближнем Востоке. Это проявилось в Йемене, где ИРИ поддерживала и снабжала оружием повстанцев

(хусиев), которые боролись с правительством. В Ливане Тегеран стремился контролировать внутреннюю ситуацию с помощью «Хезболлы». Иран продолжает оккупировать 3 острова в Персидском заливе, которые ранее находились в совместном пользовании с ОАЭ, поддерживает шиитские группировки в Ираке, Бахрейне и Кувейте. В Сирии Иран борется за сохранение режима Асада, против которого выступает большинство населения страны⁸.

Командующий КСИР генерал М. Джафари, выступая перед военным активом, заявил об обеспокоенности сложившейся вокруг ИРИ ситуацией. В частности, КСИР выразило свое неудовлетворение острыми разногласиями в иранском руководстве между сторонниками президента М. Ахмединежада и религиозными консерваторами, которые в последние несколько месяцев вылились в публичную сферу. Иранских военных тревожит, что Запад, и прежде всего США, в условиях подъема арабских движений может использовать ослабление единства в иранском руководстве в своих целях для подрыва внутриполитической стабильности в ИРИ⁹.

Экономическое положение ИРИ значительно ухудшилось в связи с международными санкциями. Из-за возможного падения режима Асада ухудшится и политическая роль Ирана в регионе, особенно в результате ослабления так называемой оси Тегеран–Багдад–Дамаск–Бейрут–Газа.

Сегодня можно уже сказать, что связанные с «арабской весной» иранские надежды пока не оправдываются. Прежде всего не произошла ожидаемая Ираном серия революций в арабских монархиях Персидского залива. Она началась и закончилась Бахрейном. Основной союзник ИРИ в Арабском Машрике – режим Асада в Сирии – терпит явное поражение от повстанцев, и его дни фактически сочтены. В связи с этим «суннитский блок» арабских государств и Турции имеет много шансов на то, чтобы стать реальностью.

Таким образом, на сегодняшний день «арабская весна» представляет для Тегерана больше угрозу, нежели преимущество в продвижении его политики на Ближнем Востоке.

Примечания

¹ Al-Jazeera.net, 07.01.2012.

² Washington Times, 17.10.2011.

³ The Washington Post, 10.02.2013.

⁴ Ibid.

⁵ Financial Times, 12.02.2013.

⁶ Аш-Шурук, 12.02.2013.

⁷ Аш-Шурук, 2.02.2013.

⁸ аль-Ватан, 18.02.2013.

⁹ Аль-Мустакбаль, 03.01.2012.

*И. Е. Федорова**

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ИРАНА

Основные векторы внешней политики Исламской Республики Иран (ИРИ) связаны и во многом зависят от политики ведущих глобальных и региональных держав на Ближнем и Среднем Востоке.

Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между Тегераном и Вашингтоном, США играют важнейшую роль в процессе формирования внешнеполитического курса Ирана. Многие годы основным вопросом, вызывающим столкновение интересов названных стран, была ядерная программа ИРИ, которая служила поводом для осуществления долгосрочной цели Белого дома – смены режима в Тегеране. Напряженность вокруг нее то спадала, то усиливалась. Варианты возможного решения включали широкий спектр дипломатических, экономических и военных методов, и в зависимости от международной и внутривосточной обстановки в странах, вовлеченных в эту игру, те или иные выходили на первый план.

Представляется, что военное решение этой проблемы достаточно маловероятно, и мы можем согласиться с экспертами из Брукингского института, одного из важнейших аналитических центров США, которые оценивают его примерно в 50%. Это связано с тем, что в США и Израиле, у которых основное беспокойство вызывает не столько ядерная программа Ирана, сколько политика Тегерана в регионе, его поддержка ХАМАС, «Хезболлы» и шиитских группировок в долине Бекаа, отсутствует единое мнение в оценке необходимости военной операции против Ирана и сроков ее проведения.

В США различия во взглядах по этому вопросу между представителями Республиканской и Демократической партий наглядно проявились во время предвыборной кампании президента страны в 2012 г. Так, например, во время дебатов вице-президента Дж. Байдена и кандидата на пост вице-президента П. Района республиканец подчеркнул необходимость нанесения превентивного удара по Ирану, а демократ заявил, что санкции успешно работают и война должна стать самым последним средством решения вопроса.

Многие американские военные также считают военную операцию против Ирана несвоевременной. Мартин Демпси, председатель Комитета начальников штабов, подчеркивает, что удар, нанесенный по военным объектам, вызовет дестабилизацию и не достигнет намеченных целей. А Роберт Гейтс, бывший министр обороны, отмеча-

* Федорова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ет, что военное решение проблемы лишь объединит Иран и идея обретения ядерного оружия приобретет больше сторонников.

Разброс мнений в американском академическом сообществе весьма широк. Представляется интересным остановиться на взглядах Кеннета Уолтца, профессора Колумбийского университета, автора «теории неореализма» – одной из современных теорий анализа развития международных отношений. В своей работе «Почему Иран должен получить ядерную бомбу»¹ он рассматривает три варианта политики в отношении ядерной программы Ирана. Первый вариант, который осуществляется в данное время: санкции, соединенные с дипломатическим давлением. По мнению Л. Уолтца, он не приносит и не принесет результата, поскольку усиливает у иранцев стремление найти защиту от внешнего врага. Второй вариант – так называемый «японский»: Тегеран останавливается в шаге от создания ядерного оружия. Подобное решение может устроить как сторонников жесткого подхода в Иране, так и большинство западных стран. Однако политолог полагает, что израильское руководство никогда с этим не согласится. Третий вариант: позволить Ирану получить ядерное оружие. Такой выход представляется ему наиболее рациональным, поскольку приведет к достижению баланса ядерных сил на Ближнем и Среднем Востоке. При всей спорности изложенных К. Уолтцом соображений необходимо признать логику в его рассуждениях. Однако, на наш взгляд, можно сделать и другой вывод – о направлении усилий международного сообщества на создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения.

Президент США Б. Обама последовательно выступает за недопустимость обретения Ираном ядерного оружия. В своем обращении к сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2012 г. он заявил, что США «сделают все, что они должны сделать», чтобы помешать Ирану получить ядерное оружие, подчеркнув, что обладание им создает прямую угрозу существованию Израиля, странам Персидского залива и стабильности мировой экономики. Именно в годы президентства Б. Обамы режим экономических, торговых и финансовых санкций, введенный его предшественниками в отношении ИРИ, стал наиболее жестким. При этом список юридических и физических лиц, с которыми запрещалось иметь деловые отношения, чрезвычайно расширился. А 9 ноября 2012 г. глава Белого дома подписал указ о продлении на очередной год срока действия чрезвычайного положения в отношениях между США и Исламской Республикой Иран, введенного 30 лет назад президентом Джимми Картером и позволяющего проводить санкционную политику в отношении Ирана. В соответствующем уведомлении, направленном в Конгресс, президент подчеркнул, что принял это решение в связи с исключительной угрозой для национальной безопасности, внешней политики и экономики США, созданной ситуацией в Иране.

Под давлением Белого дома многие страны Европы и Северной Америки присоединились к антииранским санкциям. Причем пози-

ция Евросоюза по Ирану солидарна с позицией США в гораздо большей степени, чем во время войны в Ираке. Главы европейских государств поддержали экономические и финансовые меры, которые в условиях экономического кризиса только ухудшили положение в Европе. Знаковым событием стало введение с 1 июля 2012 г. эмбарго на покупку сырой нефти из Ирана. А 15 октября 2012 г. был одобрен новый пакет совместных санкций, предусматривающих введение ограничений на поставки газа и транспортировку нефти, увеличение номенклатуры запрещенных к экспорту в Иран товаров и ужесточение мер против иранского банковского сектора. Этот шаг вызвал настолько болезненную реакцию Тегерана, что со стороны ведущих иранских политиков снова стали звучать воинственные заявления о возможности разлива нефти в Ормузском проливе.

Поддерживая санкционный режим, Евросоюз прикладывает определенные усилия с тем, чтобы избежать военного развития событий. Так, 2 февраля 2012 г. на Конференции по безопасности в Мюнхене глава европейской дипломатии Кэтрин Эштон заявила, что европейские страны не должны оставлять попыток найти способ «усадить Иран за стол переговоров» и найти дипломатическое решение назревших проблем². Помимо этого, стоит отметить, что осенью 2012 г. европейские дипломаты выступили посредниками в контактах иранских должностных лиц с представителями Израиля. Они смогли уговорить Иран и Израиль провести неформальные переговоры в Брюсселе на семинаре по вопросам ядерного разоружения, которые состоялись в рамках подготовки конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения*. С иранской стороны в них участвовал представитель Ирана при МАГАТЭ Али Солтание, с израильской – советник Министерства иностранных дел Израиля Джереми Исахароф. Встреча не принесла ощутимых результатов, однако сам факт того, что она состоялась и проходила, по мнению наблюдателей, в сдержанной, но дружественной атмосфере, является знаковым событием.

Будучи сторонником эскалации жесткого давления на Исламскую Республику Иран, вновь избранный президент США неоднократно повторял, что стремится решить этот дипломатическими методами, хотя и не позволит переговорам затягиваться до бесконечности⁴. Представляется, что его позиция по вопросу о путях решения иранской ядерной проблемы могла повлиять на выбор канди-

* Согласно Плану действий, принятому на VIII обзорной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, предполагалось провести в 2012 г. в Хельсинки конференцию по содействию созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения и средств его доставки (ЗСОМУ). Однако один из коспонсоров – США – объявил в конце ноября 2012 г. о невозможности ее созыва в связи с ситуацией в регионе Ближнего Востока. Подробнее см.: интервью главы департамента МИД РФ М. Ульянова³.

датуры Чака Хейгела на пост министра обороны США. Бывший сенатор от штата Небраска принимал участие в войне во Вьетнаме и был награжден боевыми орденами. Он резко выступал против позиции Джорджа Буша-младшего по Ираку, считал саму операцию ошибкой, неоднократно высказывал сомнения относительно возможности применения силы против Ирана и осуждал Израиль за попытки подтолкнуть США к войне с этой страной. Подобные взгляды привели к серьезным трудностям при утверждении его кандидатуры в Сенате.

Стремление Б. Обамы дипломатическим путем урегулировать наиболее острые вопросы американо-иранских отношений, на наш взгляд, определяется не только нежеланием президента-демократа вести военные действия, но и общими тенденциями, влияющими на внешнюю политику США в целом. Во-первых, рост бюджетного дефицита США определяет предстоящее сокращение бюджетных расходов на внешнюю политику и оборону. Во-вторых, увеличение энергетического производства в самих Соединенных Штатах снижает потребность Вашингтона в энергоносителях из стран ближневосточного региона. В-третьих, усиление экономических и стратегических связей со странами Центральной и Юго-Восточной Азии и возможное смещение фокуса американской внешней политики в этом направлении может привести к уменьшению заинтересованности Белого дома в регионе Среднего Востока. В этой связи представляется важным мнение Джона Алтермана, директора программы по Среднему Востоку Центра стратегических и международных исследований, который отмечает, что в ближайшее десятилетие «глобальная стратегия США будет менее тесно связана со Средним Востоком, чем когда-либо со времен Гувера». По его мнению, США не собираются покидать Средний Восток, но их внимание к странам региона уменьшится⁵.

Позиция Израиля по отношению к правящему режиму Исламской Республики Иран и его ядерной программе является наиболее агрессивной и жесткой. Значительной части израильского истеблишмента представляется разумным нанести упреждающий удар по ядерным объектам Ирана. Сторонник такого решения – премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху – 16 сентября 2012 г. в интервью американскому телеканалу NBS подчеркнул, что Иран начнет обогащать уран до 90% к середине 2013 г., и обратился с просьбой к президенту США прекратить этот процесс, пока не поздно. А 19 февраля 2013 г., выступая в Иерусалиме перед лидерами зарубежных еврейских общин, он отметил, что «сами по себе санкции не остановят ядерную программу Ирана. Они должны быть дополнены военной угрозой, которая внушала бы доверие»⁶.

Однако представляется, что позиция Израиля после внеочередных выборов в кнессет в январе 2013 г. несколько смягчилась. Это может быть связано с тем, что, по мнению представителей израильских спецслужб, Иран замедлил работы по созданию ядерного оружия и не сможет создать его ранее 2015–2016 гг.⁷, а также с внутрен-

ними экономическими проблемами и предстоящим сокращением оборонного бюджета страны. Весьма характерным в этом отношении является точка зрения генерал-майора Амоса Ядлина – директора Института изучения национальной безопасности, бывшего главы военной разведки. Оценивания угрозы безопасности страны в 2012–2013 гг., он призвал руководство Израиля к более тесному сотрудничеству в иранском вопросе с международным сообществом в целом и с Белым домом в частности. «У Израиля нет необходимости возражать против дипломатического решения, если оно окажется эффективным», – сказал он⁸.

На наш взгляд, несмотря на наличие некоторых расхождений во взглядах президента США и премьер-министра Израиля на необходимость военной операции против Ирана, говорить о противоречиях между ними не представляется возможным. Израиль есть и будет главным стратегическим союзником Вашингтона в регионе Среднего Востока, военное сотрудничество и сотрудничество разведок двух стран продолжается и находится на самом высоком уровне. Косвенным свидетельством этому служит визит начальника Генерального штаба ЦАХАЛ Бени Ганца в начале февраля 2013 г. в США по случаю награждения его орденом «Легион почета». В ходе переговоров Бени Ганца с председателем Комитета начальников штабов армии США Мартином Демпси обсуждались вопросы безопасности на Ближнем Востоке и состоялись договоренности относительно дальнейшего военного сотрудничества между ними. В этой связи вряд ли стоит рассматривать возможность военной операции Израиля против Ирана, не согласованной предварительно с Вашингтоном.

Желание американской администрации решить наиболее актуальные проблемы ирано-американских отношений путем переговоров нашло свое отражение в речи вице-президента США на Мюнхенской конференции по безопасности. Выступая перед мировыми лидерами, Джо Байден обратился к ИРИ с предложением начать прямой диалог без каких-либо предварительных условий.

Это далеко не первое упоминание о возможных или ведущихся переговорах между двумя странами. Осенью 2012 г., в разгар предвыборной кампании в США, в американских средствах массовой информации появились сообщения о переговорах, которые длительное время шли между представителями американской администрации и политического истеблишмента Ирана⁹. Широкий отклик получила статья в «New York Times» от 20 октября 2012 г. «Американские официальные лица утверждают, что Иран согласился на переговоры по ядерной проблеме». Ее авторы во многом основывали свою точку зрения на книге «Время предавать», в которой утверждалось, что секретные переговоры между Тегераном и Вашингтоном шли с момента прихода Б. Обамы в Белый дом. Несмотря на то, что ее автор Реза Кахлили, сотрудник ЦРУ, служивший в КСИР, является весьма одиозной фигурой, и на то, что эти публикации могли быть информационным выбросом, появившимся как раз перед третьим туром дебатов

кандидатов в президенты США с целью дискредитировать политику Б. Обамы в глазах израильского лобби, а министр иностранных дел Ирана и представители Белого дома опровергли эту информацию, мы не можем полностью исключить подобный ход событий¹⁰.

Определенные признаки возможного налаживания отношений между США и Ираном появлялись и раньше. Во-первых, еще в апреле 2011 г. было опубликовано интервью Хашеми Рафсанджани на сайте khabaronline.ir. Известный политик в письме аятолле Хомейни обозначил круг проблем, которые нуждались в решении духовного лидера Ирана при его жизни, а в противном случае грозили перерасти в непреодолимое препятствие для следующих поколений иранских политиков. Восстановление отношений с США было одной из них.

Возможность как неофициальных, так и официальных переговоров с США определяется заинтересованностью Ирана в решении назревших экономических, финансовых и политических проблем. Необходимо отметить, что в 2010–2012 гг. произошли существенные изменения в положении и влиянии Тегерана в регионе. Санкционный режим, введенный как международным сообществом, так и отдельными странами, существенным образом ослабил экономику и финансовую систему Исламской Республики Иран. По мнению экспертов Международного энергетического агентства, санкции Евросоюза лишили Иран 40 млрд долл., а экспорт нефти упал во второй половине 2012 – начале 2013 г. на 40%. Возможности Тегерана осуществлять свою ядерную программу прежними темпами сократились. Затянувшаяся гражданская война в Сирии, в которой Иран оказывает финансовую, военную и экономическую помощь действующему президенту, сократила возможности Исламской Республики Иран влиять на процесс ближневосточного урегулирования, осложнила отношения с Турцией, усугубила – с Саудовской Аравией. Позиции правящего режима в САР подорваны, роль Сирии в качестве регионального игрока сведена к нулю. А в случае отстранения Б. Асада от власти Иран лишится единственного союзника на Ближнем и Среднем Востоке и останется один на один с арабским миром, что ухудшит его и без того непростые отношения со странами региона. Известный иранский оппозиционер, живущий ныне в США, Мохсен Сазегара в интервью «Wall Street Journal» 27 августа 2012 г. отметил, что «одно из крыльев Ирана будет сломано, если Асад падет».

Представляется, что под влиянием изменений, которые произошли в положении Ирана в регионе, усилилось стремление определенной части иранской политической элиты начать диалог с Вашингтоном с целью налаживания отношений. В частности, уходящий президент М. Ахмадинежад, по сообщениям Би-би-си, неоднократно заявлял, что он лично готов вести прямые переговоры с лидерами США. Министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи в ответ на предложение Дж. Байдена в Мюнхене сказал, что примет это предложение к серьезному рассмотрению с условием, что США перестанут угрожать Ирану. А в Вене 1 марта 2013 г. он подчеркнул, что Иран

видит шансы на улучшение отношений с США, несмотря на расхождение позиций по ядерной программе¹¹.

Но такое решение может быть принято лишь верховным правителем Ирана – аятоллой Хаменеи. Однако он, выступая 7 февраля 2013 г. перед командующими и военнослужащими иранских военно-воздушных сил, отверг предложение США о прямых переговорах по иранской ядерной программе. Аятолла заявил, что подобные переговоры ничего не решат, и предупредил, что те иранцы, которые выступают за переговоры, или «глупы», или имеют «тайные мотивы»¹².

В значительной степени такую позицию можно объяснить тем, что противостояние с США является одним из основных, незыблемых принципов внешнеполитического курса Ирана. Примирение с «большим сатаной» может означать для аятоллы Хаменеи утрату важнейших идеологических принципов, лежащих в основе внешнеполитического курса Ирана. Причем в связи с начинающейся предвыборной борьбой за пост президента Ирана, в крайне накаленной внутриполитической ситуации, подобный шаг может привести к усилению позиций оппозиционных реформаторских группировок и ослабить радикальные консервативные и неоконсервативные круги в политическом истеблишменте Ирана. Необходимо отметить, что ранее аятолла Хаменеи со свойственной ему прагматичностью не исключал не только диалога с США, но и даже налаживания отношений с этой страной. Так, в 2008 г. он заявлял, что «разрыв отношений с Америкой лежит в основе нашей политики. Но мы никогда не говорили, что наши отношения разорваны навсегда. В настоящее время отношения с Америкой не принесут пользу Ирану. Но нет сомнения в том, что в тот момент, когда они окажутся полезными иранцам, я первый стану поддерживать их развитие»¹³. Подобная позиция определяется тем, что в условиях усиливающегося противостояния и разногласий в иранском политическом истеблишменте он считает необходимым выступить в защиту революционных завоеваний, возможно, опасаясь, что процесс переговоров выйдет из-под его контроля. Поэтому, на наш взгляд, если прямые переговоры между США и ИРИ состоятся, это будет только началом длительного процесса с многочисленными паузами, в котором обе стороны будут стремиться получить максимальные преимущества за счет минимальных уступок. Причем, учитывая многовековой опыт иранской дипломатии, подобное решение вопроса может оказаться более выгодным Ирану.

Позиция Российской Федерации при формировании вектора отношений с Исламской Республикой Иран основывается на том, что взаимодействие с Ираном является «важнейшим условием обеспечения безопасности нашей страны, сохранения стабильности в Центральной Азии и Закавказье, фактором, сдерживающим напряженность на Ближнем и Среднем Востоке». Российское руководство неоднократно подчеркивало, что военное разрешение ситуации вокруг иранской ядерной проблемы приведет к экономической и политической дестабилизации региона, создаст новые вызовы безопаснос-

ти не только в странах БСВ, но и далеко за их пределами. Поэтому, используя свое положение в качестве постоянного члена Совета Безопасности, Россия последовательно выступает за решение назревших проблем за столом переговоров под эгидой ООН. При этом, на наш взгляд, наиболее обоснованным, но, к сожалению, наименее вероятным является решение о создании на Ближнем и Среднем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки.

Говоря в целом об основных тенденциях в политике ведущих держав в отношении Ирана, представляется, что в начале 2013 г. мы стали свидетелями определенных изменений в вопросе решения проблем, связанных с иранской ядерной программой. С одной стороны, внутривосточные и внутризкономические задачи, на решении которых сфокусировано внимание руководства США и Израиля, отодвигают на второй план военный вариант принуждения Ирана к отказу от разработки методов обогащения урана до высокого уровня. С другой стороны, ослабление влияния ИРИ в регионе в связи с гражданской войной в Сирии и последствия санкционного режима, введенного против ИРИ, подталкивают Тегеран к переговорам с США. Однако позиция аятоллы Хаменеи, который предвидит, что прямой диалог с США может выйти из-под его контроля и привести к необратимым последствиям для теократического режима в стране, является препятствием для скорого достижения взаимоприемлемых договоренностей. Российская Федерация продолжает оставаться крупным международным игроком в регионе и будет направлять свои усилия на сохранение стабильности в регионе, крайне важном с точки зрения ее национальных интересов.

Примечания

¹ www.dallasnews.com/opinion/sunday-commentary/20120720-kenneth-waltz-why-iran-should-get-the-bomb-bye.

² www.interfax.ru/world/news.asp?id=288351.

³ www.kommersant.ru/doc/2079035.

⁴ www.foxnews.com/politics/2012/09/25/obama-urges-un-to-reject-violence-and-intolerance-amid-mideast-unrest.

⁵ CSIS Middle East Notes and Comment, January 10, 2013.

⁶ news.mail.ru/politics/12037382/.

⁷ Newsland.com/news/detail/id/1115433.

⁸ www.jpost.com/IranianThreat/News/Article.aspx?id=302066.

⁹ www.wnd.com/.../iran-nuke-expose-seen-de...

¹⁰ www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-20019675.

¹¹ www.rbc.ru/rbcfreenews/20130301160529.shtml.

¹² www.bbc.co.uk./news/world-middle-east-21365650 iranprimer/usip.org/blog/2013/feb/13khamenei-us-policies-hav e-failed.

¹³ Саджадпур К. Читая Хаменеи: взгляды на мир самого влиятельного деятеля Ирана. М., 2009. С. 29.

*М.Р. Арунова**

АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА И СОСЕДНИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ

В течение почти полувека ситуация в Афганистане резко менялась. Изменялось и отношение к афганским событиям мусульманских стран. Наибольшее внимание эти страны стали проявлять к Афганистану с весны 1978 г. в связи с приходом к власти прокоммунистической Народно-демократической партии, с созданием Демократической Республики Афганистан (ДРА) и особенно после ввода в страну в декабре 1979 г. советских войск. За десять лет до этого, в 1969 г., была основана Организация Исламская Конференция (ОИК). (В 2011 г. ОИК изменила свое название и ныне именуется ОИС – Организация исламского сотрудничества.) Решение о ее создании было принято на встрече глав государств и правительств мусульманских стран в Рабате (Марокко). Непосредственным поводом для встречи послужил поджог израильянами иерусалимской мечети, считающейся после Мекки и Медины третьей по значению мусульманской святыней.

Основными целями ОИК были названы укрепление солидарности, развитие сотрудничества в политической, экономической, социальной и культурной сферах, поддержка борьбы всех мусульманских народов в защиту их достоинства, независимости и национальных прав, оказание помощи народу Палестины в борьбе за восстановление законных прав и возвращение оккупированных территорий. Организация провозгласила также своими задачами противостояние любым формам дискриминации и колониализма, создание благоприятных условий для сотрудничества и взаимопонимания между странами – членами ОИК и другими государствами.

До апреля 1978 г. и особенно до конца 1979 г. лидеры арабских государств считали, что события в Афганистане напрямую не затрагивают их интересы. В январе 1980 г., после ввода в страну советских войск, на Чрезвычайной сессии ГА ООН арабские государства (кроме Сирии, Ирака, Ливии, Алжира и Южного Йемена) проголосовали за резолюцию, осудившую акцию СССР. Тогда же, в январе 1980 г., на конференции министров иностранных дел стран – членов ОИК было принято решение приостановить членство Афганистана в этой организации.

* Арунова Мирианна Рубеновна, доктор политологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Вскоре в арабских странах Ближнего Востока и Магриба были созданы структуры, задачей которых стало оказание разносторонней помощи афганской оппозиции: «борцам за веру» – моджахедам, лидеры которых, а также тысячи их сторонников и почти 3 млн беженцев устремились в Пакистан. Часть беженцев, в основном шииты, нашли убежище в Иране. Массированная и разносторонняя помощь исламистам в лице моджахедов оказывалась и по государственной линии, и через многочисленные благотворительные фонды мусульманских и европейских стран, где проживали и поныне проживают миллионы мусульман¹. Тогда же в Саудовской Аравии был создан Исламский координационный совет, филиалы которого обосновались в арабских странах. В их функции входили сбор средств и формирование отрядов добровольцев для последующей отправки в Афганистан. Содержание, обеспечение вооружением и боеприпасами боевиков осуществлялись через Саудовский комитет поддержки, открывший представительства в населенных пунктах на афгано-пакистанской границе. Гуманитарную помощь беженцам, помимо ООН, оказывали отделение Красного Полумесяца Саудовской Аравии и различные благотворительные фонды. Кроме того, в лагерях строились медресе.

Швейцарский автор Р. Лабевьер в книге «Доллары террора. Соединенные Штаты и исламисты», изданной в 1999 г., привел примеры «органической связи» между исламистами и Саудовской Аравией, а также свидетельства об их контактах с западными спецслужбами. Саудовские и египетские банки направляли многомиллионные средства, собранные в виде *закята* (налога в пользу неимущих) в благотворительные фонды, часть этих средств получали моджахеды. Ссылаясь на неопровержимые данные, Р. Лабевьер убедительно доказал связь международной организованной преступности с исламистами, в том числе и афганскими, в роли «крестных отцов» которых выступали Саудовская Аравия и США.

При этом Р. Лабевьер назвал человека, предложившего в свое время американской администрации идею использования исламистов в борьбе против СССР. Имя этого человека – Збигнев Бжезинский. Значительную долю ответственности за финансирование исламистов Р. Лабевьер возлагал и на банковские структуры ОИК, в частности на подведомственные данной организации Фонд развития, Арабский фонд развития стран – экспортеров нефти, Арабский фонд экономического и социального развития и др. Из саудовских банков Р. Лабевьер особо выделяет частный банк, основателем которого был принц М. бен Фейсал².

После вывода советских войск в 1989 г. активность исламистских боевиков в Афганистане и их покровителей несколько снизилась. Часть боевиков осталась в Афганистане, другая двинулась в Кашмир, Чечню, Нагорный Карабах, Боснию и Герцеговину, некоторые примкнули к экстремистским группировкам стран Центральной Азии.

Свержение ДРА не принесло мир и спокойствие на афганскую землю. В конце апреля 1992 г. к власти в Афганистане пришла не-

прочная коалиция лидеров моджахедских партий, принадлежавших к различным этносам. Внутри коалиции тотчас же разгорелась вооруженная борьба за власть. Ситуация осложнялась тем, что едва ли не за каждой из соперничавших партий, группировок и объединений полевых командиров стояли внешние силы – Саудовская Аравия, другие арабские страны, США, Пакистан и Иран. Их попытки примирить враждующих оказались безуспешными. В результате страна была фрагментирована, хотя формально в Кабуле функционировали центральные органы власти во главе с президентом. В создавшейся ситуации у руководства Эр-Рияда, других арабских и соседних с Афганистаном мусульманских государств зрела необходимость сформировать новую силу. Такой силой стали укрывавшиеся в Пакистане пуштунские (афганские) беженцы, обучавшиеся в медресе, – талибы, носители идей жесткого радикального ислама суннитского толка. Более чем весомый вклад в создание Движения Талибан (ДТ), или просто Талибан, внесли Саудовская Аравия, Пакистан и США.

Осенью 1994 г. тысячи талибов, обученные и вооруженные своими покровителями, перешли пакистано-афганскую границу, а затем, не без боев заняв большую часть территории Афганистана, в сентябре 1996 г. вошли в Кабул. Ряды боевиков постоянно пополнялись тысячами выходцев из многих мусульманских стран. Часть созданных на территории Афганистана военных баз и лабораторий, не только перерабатывавших наркосодержащие культуры в героин, но и занимавшихся изготовлением бактериологического и химического оружия, содержалась на средства обосновавшегося в Афганистане саудовского миллионера Усамы бен Ладена, который еще в 1990 г. создал террористическую организацию «Аль-Каида». По данным экспертов Лондонского института стратегических исследований, с 1996 г. на базах «Аль-Каиды» в Афганистане было подготовлено порядка 20 тыс. боевиков³.

Согласно данным Жана Шарля Бризара, издавшего в Париже в 2001 г. в соавторстве с Гийомом Даскье книгу «Бен Ладен, запрещенная правда», «Аль-Каида» пользовалась прямой и косвенной поддержкой 400 высокопоставленных лиц, 500 компаний и организаций по всему миру. Среди них фигурируют, в частности, саудовские принцы, занимавшие посты министра обороны и руководителя спецслужб. В годы пребывания в Афганистане советских войск они играли решающую роль в финансировании вооруженной оппозиции режиму НДПА, сотрудничая со спецслужбами США и Пакистана, а затем финансировали талибов и «Аль-Каиду»*. Финансовая система помощи представляла собой своеобразную смесь клиентелизма и семейственно-

* По сведениям, приведенным в кние В. Куделева, Усама бен Ладен тщательно скрывал свои связи с ЦРУ и, видимо, поэтому обязал близких ему людей убить его в случае угрозы пленения. Последняя по времени встреча бен Ладена с сотрудниками ЦРУ состоялась в июле 2000 г. в Дубае, куда бен Ладен выезжал на лечение.

сти, а также секретной дипломатии, правила которой разрабатывали ЦРУ и Саудовская Аравия⁴.

Однако взаимоотношения между исламистами в лице талибов и Саудовской Аравией развивались далеко не безоблачно. Источником осложнений становились все более тесные контакты ДТ с «Аль-Каидой». «Развод» между ними, видимо, начался после вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г., когда была поставлена под вопрос «религиозная чистота» саудовских властей, прибегнувших к помощи «неверного» Запада. Что касается непосредственно бен Ладена, то его конфликт с некоторыми претендентами на королевский престол вызвал раздражение Эр-Рияда, а затем трения между саудовским руководством и лидерами ДТ, все более прислушивавшимися к «советам» бен Ладена. В результате бен Ладен был лишен подданства Саудовской Аравии. В 1998 г. МИД королевства официально заявило о нежелательности пребывания в стране временного поверенного правительства талибов, а затем посол саудитов был отозван из Кабула. Вместе с тем, по некоторым данным, саудиты, официально порвавшие связи с бен Ладеном, в тщетной надежде на то, что «Аль-Каида» не станет организовывать теракты в Саудовской Аравии, продолжали переводить на ее счета крупные суммы⁵.

После терактов в США 11 сентября 2011 г. и отказа руководства ДТ выдать американцам бен Ладена, которому были предъявлены обвинения в их организации, 70 государств, в том числе арабских, поддержали возглавленную Вашингтоном военную операцию «Несокрушимая свобода».

Наиболее резко против талибов выступал тогдашний лидер Ливии М. Каддафи. В официальном заявлении М. Каддафи подчеркивал, что талибы «объявили неверными всех, кроме самих себя, хотя на самом деле именно они, впав в неведение, не несли ничего, кроме убийств и безумных карательных акций»⁶. Некоторые арабские страны, поддержавшие военную операцию в Афганистане, оказывали содействие контингентам США, Великобритании и других стран НАТО. ОАЭ перебросили в Афганистан небольшие по численности группы спецназа, а на средства Египта в Баграме был открыт госпиталь.

Обращения же США/НАТО к арабским странам направить военнослужащих для участия в военных операциях в Афганистане оставались без ответа. Призывы президента Х. Карзая к государствам Ближнего Востока и Магриба оказать содействие в восстановлении афганской экономики также не получали ожидаемой Кабулом реакции.

Лидеры арабских стран на разных уровнях, в том числе и в рамках ОИК, выступали и ныне выступают за решение афганской проблемы политическим путем при несомненном участии ООН. Принимаемые ими в последнее время резолюции носят в основном декларативный характер. Так, Эр-Рияд, в частности, призывает Х. Карзая пойти на примирение с талибами, а Катар выступил посредником в переговорах представителей США и ДТ.

Сдержанность государств Ближнего Востока и Магриба некоторые отечественные специалисты, как, например, А.Б. Подцероб, объясняют не только их озабоченностью серьезнейшими внутренними проблемами, но и тем, что правящие элиты не могут не учитывать мнение «базара», «улицы», в своем большинстве склонных рассматривать действия США/НАТО не как борьбу против терроризма, а как выступления «неверных» против мусульман и ислама в целом. Широко известны антиамериканские митинги и демонстрации населения арабских стран, особенно в связи с оскорблением в западных СМИ святынь ислама и пророка Мухаммеда, повлекшие бурю негодований широких масс, а затем убийство в сентябре 2012 г. посла США в Ливии. Отметим, что в Уголовном кодексе ряда мусульманских государств, например Кувейта, закон о средствах массовой информации запрещает публикацию материалов, оскорбляющих пророка Мухаммеда и членов его семьи⁷.

Коснемся позиции в отношении афганской проблемы территориально близких к Афганистану мусульманских стран.

Турция. При вступлении в ОИК турецкий представитель сделал оговорку, что участие в Организации не должно затронуть основ светского государственного строя страны. К тому же в Турции не был ратифицирован Устав ОИК⁸.

Что касается отношения к ситуации в Афганистане, то, как и прежде, курс Турции определяется ее членством в НАТО. Анкара поддержала операцию «Несокрушимая свобода», а турецкие военнослужащие принимали участие в военных действиях в Афганистане в составе созданных на базе НАТО Международных сил содействия безопасности (МССБ).

По инициативе турецкого руководства в сентябре 2011 г. была созвана международная конференция «Безопасность и сотрудничество в сердце Азии». В конференции, кроме Турции, приняли участие 13 государств – Афганистан, Индия, Иран, Казахстан, Китай, Киргизия, ОАЭ, Пакистан, РФ, Саудовская Аравия, США, Таджикистан и Туркменистан.

При активной поддержке Турции глава американской делегации госсекретарь США Х. Клинтон стремилась заручиться содействием делегаций других стран в отношении предложенного ею проекта создания механизма региональной безопасности и интеграции по типу ОБСЕ, который должен был «затмить» координирующую роль ООН. Тогда же Х. Клинтон озвучила выдвигавшуюся еще Дж. Бушем идею создания «нового шелкового пути», основная цель которой – закрепление доминирующей роли США в регионе и получение таким образом Вашингтоном доступа к его минеральным ресурсам. Против этой идеи выступили делегаты ряда стран, включая Пакистан, Иран, Китай и РФ. В конечном счете, несмотря на поддержку Турции, инициативы Х. Клинтон в Стамбуле поддержаны не были. В июне 2012 г. глава МИД РФ С.В. Лавров, выступая на представительной международной конференции в Кабуле, признал важность стамбульского про-

цесса – переговоров о стабилизации ситуации в Афганистане, но в гармонии с деятельностью уже существующих механизмов и, разумеется, при активном участии ООН⁹.

Осудив террористические акты 11 сентября 2001 г., *Иран* признал необходимость борьбы с терроризмом, заявив об этом не только на государственном, но и на религиозном уровне – на общих пятничных намазах в иранских мечетях и в выступлениях религиозных авторитетов. В декабре 2001 г. на конференции в Бонне делегация ИРИ поддержала создание Временной администрации Афганистана и назначение Х. Карзая ее главой.

Ныне, в условиях нагнетания США и их союзниками обстановки вокруг ИРИ в связи с ядерной программой, серьезная озабоченность Тегерана положением дел не только в Афганистане, но и в регионе в целом значительно возросла. Для Ирана, естественно, важно не только поддержание активного диалога с Афганистаном, но и мониторинг происходящих там событий. Тегеранское руководство подтверждает свою приверженность идее, заявленной еще в мае 2009 г. на трехстороннем ирано-пакистано-афганском саммите, о региональном решении афганской проблемы. На всех уровнях Иран подчеркнуто активно выступает за единый, территориально целостный независимый Афганистан и привлечение к переговорам о перемирии шиитских партий и группировок. Одновременно иранское руководство предпринимает конкретные шаги, направленные на сотрудничество с другими участниками переговорного процесса¹⁰.

Антипуштунская и антисуннитская «заряженность» ИРИ известна. В Тегеране весьма озабочены возможностью утверждения в Афганистане талибов и проталибски настроенных элементов. В стране не забыли о трагической гибели сотрудников Генерального консульства и журналиста в Мазари-Шарифе в 1998 г., массовых убийствах хазарейцев-шиитов, а также о лозунгах талибов 1990-х гг. «убивать всех, кто не говорит на пушту».

Заявив в феврале 2002 г. о выделении 450 млн долл. на восстановление экономики Афганистана, иранское руководство оказывает стране значительное технико-экономическое содействие¹¹. Подписаны и реализуются соглашения о межбанковских связях, сотрудничестве в области развития автотранспорта, поставках легковых автомашин, пикапов и автобусов. На базе использования запчастей из Ирана начата сборка тракторов, завершено строительство автодороги от иранского Догаруна до Герата, профинансировано проведение железнодорожной ветки Хаф–Герат, призванной обеспечить доступ Афганистана к портам Персидского залива и магистралям, ведущим в Туркмению и другие страны Центральной Азии. Кроме того, иранская сторона ведет работы по прокладке дорог по маршруту Хаф–Санган. Успешно развивается двусторонняя и транзитная торговля: достигнуты соглашения о пересмотре тарифов и режима работы терминалов на ирано-афганской границе, адаптировано программное обеспечение под афганское таможенное законодательство установлен

ной с помощью ИРИ на таможах Афганистана автоматической системы управления (АСУ). Значительное место в экономическом сотрудничестве занимает энергетика: при содействии ИРИ введена в эксплуатацию не одна сотня километров ЛЭП. При этом цены на поставку электроэнергии заметно снижаются. Свое присутствие в Афганистане постепенно наращивает иранский бизнес: в стране работают десятки государственных, частных и смешанных компаний. В 2006 г. в Тегеране был создан Союз предпринимателей и инвесторов Афганистана.

Признавая все возрастающую роль ИРИ в технико-экономическом содействии Афганистану, в первую очередь граничащим с Ираном афганским провинциям, следует упомянуть и о том, что в течение ряда лет Иран ежегодно предоставлял правительству Х. Карзая помощь порядка 1 млн долл. В условиях масштабного военного и иного присутствия в Афганистане США и их союзников рычаги их воздействия на Кабул во много раз значительнее, нежели пусть и подкрепленные некоторым финансовым содействием и культурно-языковой близостью возможности Ирана¹². При этом, видимо, не следует исключать того, что контакты между Кабулом и Тегераном осуществляются и по другим каналам.

Серьезными проблемами в отношениях двух стран в течение многих лет продолжают оставаться борьба с наркотрафиком (в чем ИРИ заметно преуспевает), выдворение афганских беженцев с иранской территории и распределение вод р. Гильменд. Две последние проблемы, хотя и находятся в центре серьезного внимания иранского и афганского руководства, все же пока далеки от взаимоприемлемых решений.

Повторим, что достижение мира и стабильности в Афганистане является предметом важнейшей значимости для Ирана. В этой связи обращают на себя особое внимание заявления Тегерана о его готовности сотрудничать с этой целью в различных формах с самыми разными структурами и силами, не исключая НАТО¹³.

Угрозы стабильности и безопасности региона, исходящие с афганской территории, были осознаны странами Центральной Азии задолго до терактов 11 сентября 2001 г. в США. Еще 4 октября 1996 г. в Алма-Ате состоялась встреча президентов Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана совместно с председателем правительства России. Участники встречи обсудили негативные последствия активизации талибов в Афганистане и необходимость принятия мер по укреплению южных рубежей СНГ. Ни одна из центральноазиатских стран не признала легитимность власти талибов. Переговоры по Афганистану Группы 6+2 (приграничные с Афганистаном государства, РФ и США) оказались безрезультатными.

В 1999–2000 гг. боевики Исламского движения Узбекистана и ряда других экстремистских партий и группировок, прошедшие военную подготовку на базах и в лагерях талибов в Афганистане, неоднократно вторгались на территории Узбекистана и Киргизии. По-

пытки президента Казахстана Н. Назарбаева установить в 2000 г. конструктивные контакты с представителями талибов были безуспешными.

Развитие взрывоопасной ситуации в Афганистане явилось серьезным фактором, побудившим Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, РФ и КНР принять в 2001 г. решение о создании межгосударственного объединения – Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)¹⁴. В Декларации ШОС, подписанной 15 июня 2001 г., заявлялось о приоритетном значении для ее членов региональной безопасности и принятии всех необходимых усилий для ее обеспечения. Далее в Декларации уточнялось, что государства – участники Организации будут осуществлять тесное взаимодействие в деле борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в том числе путем учреждения Региональной антитеррористической структуры и разработки соответствующих многосторонних документов о сотрудничестве в пресечении незаконного оборота оружия и наркотиков, незаконной миграции и других видов преступной деятельности¹⁵.

С середины 90-х гг. прошлого века особую позицию в афганском вопросе занимает **Туркменистан**. Президент С. Ниязов, подчеркивая нейтральный статус страны, не однажды заявлял, что Ашхабад не поддерживает ни одну из враждующих группировок, которые должны договариваться сами¹⁶. Тем не менее на подконтрольной талибам афганской территории были открыты туркменские представительства. Через контрольно-пропускные пункты на границе шла оживленная торговля: в Туркменистан поставлялись как афганские товары, так и товары, поступавшие из Пакистана.

Руководство Ашхабада проявляло сдержанность в отношении резолюций СБ ООН, осуждавших талибов. Резолюция СБ о введении эмбарго на поставки оружия талибам не была поддержана туркменским руководством, выступившим за распространение этой меры на противоборствующие стороны. Уже в те годы Туркменистан был широко вовлечен в наркотрафик из Афганистана. Через его территорию шел все увеличивавшийся наркопоток в Россию и далее в Прибалтику и Восточную Европу. В мае 1999 г. Ашхабад уведомил РФ о намерении выйти из двустороннего договора 1993 г. об охране границы с Афганистаном. Таким образом, туркмено-афганская граница становилась «прозрачной». Как отмечала пакистанская газета «Ньюс интернешнл», Туркменистан не только развивал свои контакты с талибами, но и содействовал налаживанию их отношений с другими странами региона¹⁷. Теракты 11 сентября 2001 г. в США были официально осуждены Туркменистаном. При этом в заявлении МИД республики излагалась позиция Ашхабада, считавшего целесообразным формирование коалиции, в которой постоянно действующим органом являлось бы представительство ООН с четко определенными целями, задачами, полномочиями и механизмом¹⁸.

Туркменистан отказал Вашингтону в его просьбе предоставить территорию республики для расположения военных баз. В ответ на

личное послание казахстанского президента Н. Назарбаева, выражавшего озабоченность осложнением ситуации в Афганистане, С. Ниязов заявил, что нейтральный Туркменистан позволит использовать свое воздушное пространство исключительно для доставки грузов, предназначенных для оказания гуманитарной помощи афганскому населению¹⁹.

Ныне Туркменистан поддерживает дипломатические отношения с Афганистаном, что во многом обусловлено общей границей (примерно 860 км), этнорелигиозной общностью населения приграничных районов (туркменская диаспора, проживающая в основном в приграничных афганских провинциях, составляет около 400 тыс. чел.) и, конечно же, намерением в перспективе реализовать проект ТАПИ (проведение газопровода из Туркменистана через афганскую территорию в Пакистан и до границы с Индией).

Президент Афганистана Х. Карзай неоднократно по разным поводам посещал Туркменистан. В результате его визитов были подписаны соглашения о поставках электроэнергии по льготным ценам, списании афганского долга за энергию, поставленную до 2007 г. в размере 3,8 млн долл., а также о проведении и реконструкции за туркменский счет железной дороги Тургунди–Серхетабад. Между странами развивается торговля, в том числе частная.

Руководство Туркменистана пока не проявило готовности активно поддерживать правительство Х. Карзая и военную операцию США/НАТО, но разрешило заправлять туркменским топливом самолеты МССБ без уплаты пошлин за его приобретение и предоставило право на транзит через территорию республики невоенных грузов, но только до афганской границы.

Несколько слов о ТАПИ. Заинтересованность Туркменистана в ТАПИ более чем очевидна. Этот проект рассматривается Ашхабадом как один из важнейших элементов его энергетической стратегии, предусматривающей диверсификацию экспорта энергоносителей на мировые рынки. Видимо, именно поэтому руководство республики инициировало в декабре 2010 г. созыв саммита стран его участников. Итогом саммита стало подписание двух межправительственных документов, открывающих путь к практической реализации проведения газопровода²⁰. Однако ситуация в Афганистане не позволяет определить даже начало работ в данном направлении.

Афганский вектор по-прежнему остается ключевым в ряде серьезных угроз для светских режимов центральноазиатских государств. Экстремистские установки исламистских партий и группировок, сторонники которых находятся и на их территориях, и в Афганистане, получение ими оружия из-за рубежа, растущий масштаб наркотрафика при практически прозрачных границах обусловили готовность политических элит этих государств выстраивать свой внешнеполитический курс в рамках предложенной США/НАТО системы координат. Причины такой готовности усматриваются и в их хронической восприимчивости к внешнему геополитическому воздействию, во мно-

гом облегчающейся особенностями их развития: отсутствием консолидирующего фактора, этнической пестротой, разногласиями и перманентными междоусобицами²¹. Все это учитывается и небезуспешно используется США/НАТО.

Кратко рассмотрим реакцию отдельных центральноазиатских государств на развитие ситуации в Афганистане.

Узбекистан. Ташкент осудил теракты 11 сентября 2001 г. в США и тогда же дал разрешение на использование американцами военной базы Ханабад. Вскоре части 10-й элитной дивизии США разместились в республике. Затем США/НАТО получили право на использование и некоторых других пунктов для тылового обеспечения операции «Несокрушимая свобода». Во время официального визита президента И. Каримова в США в марте 2002 г. стороны подписали шесть документов, заложивших основу отношений двух стран, в том числе соглашение о стратегическом партнерстве.

Военно-политическое сотрудничество США/НАТО – Узбекистан расширилось и в дальнейшем. В апреле 2008 г. президент И. Каримов, принимая участие в саммите НАТО в Бухаресте, выступил с инициативой создания Группы по Афганистану – 6+3, в составе приграничных с Афганистаном стран, с одной стороны, плюс Россия, США и НАТО – с другой. С разрешением в 2009 г. наземной доставки грузов МССБ в Афганистан через территорию республики Узбекистан стал ключевым узлом Северной сети их распределения для стран коалиции. По данным американских должностных лиц, через территорию Узбекистана провозится 98% всего грузопотока²². В 2013 г. Ташкент заявил о выходе из Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Тем самым Узбекистан может остаться один на один перед лицом угроз, исходящих с афганской территории, либо доверит защиту своих интересов США/НАТО.

Таджикистан. Руководство Душанбе официально осудило теракты 11 сентября 2001 г. в США и оказывает поддержку операции «Несокрушимая свобода» с октября 2001 г. ВВС коалиции используют воздушное пространство республики. С ее территории по сей день осуществляется тыловая поддержка операции. Однако разрешения на создание военных баз в Таджикистане США/НАТО не получили.

В марте 2009 г. на встрече главы руководства командования ВС США в регионе с главами военных ведомств центральноазиатских государств представитель Таджикистана заявил о готовности укреплять таджикско-афганскую границу, бороться с наркотрафиком, создавать базы и опорные пункты для противодействия исламистам в случае их вторжения из Афганистана. После данного заявления США/НАТО увеличили финансовую помощь республике. До этого Таджикистан получал от США/НАТО средства за использование его территории для доставки в Афганистан грузов. В сентябре 2010 г. американский посол в Душанбе сообщил его руководству о намерении инвестировать строительство Национального тренировочного центра для

вооруженных сил со статусом базы. Сроки и необходимые средства для его реализации не назывались.

Казахстан. Внутриафганский конфликт, как отмечалось выше, напрямую не затрагивал Казахстан, хотя его негативное влияние на внутреннюю ситуацию в республике, несомненно, сказывалось. Руководство Казахстана на всех уровнях выступало за нормализацию ситуации в Афганистане путем переговоров под эгидой ООН. Стремление Астаны установить контакты с талибами и побудить их к началу конструктивного диалога оказались безуспешными. Осудив теракты 11 сентября 2001 г., президент Н. Назарбаев 15 сентября официально заявил, что его страна «всецело привержена к сотрудничеству с США и мировым сообществом по противодействию международному терроризму и полному искоренению этого зла»²³.

В начале октября 2001 г. Казахстан дал разрешение ВВС США использовать воздушное пространство республики, а в июне 2002 г. Астана и Вашингтон подписали меморандум, в соответствии с которым международный аэропорт Алма-Ата предоставлялся как запасной для экстремальных посадок и дозаправок ВВС США/НАТО. В последние годы был подготовлен и подписан ряд документов о дальнейшем развитии двустороннего военно-политического сотрудничества. В апреле 2010 г. на встрече в Вашингтоне на высшем уровне обсуждались вопросы о полетах ВВС США в Афганистан через Северный полюс и территорию Казахстана. В подписанном по итогам переговоров заявлении было обозначено расширение участия Казахстана в Северной сети поставок грузов в Афганистан и приветствовались подготовка и заключение нового соглашения о грузоперевозках США через территорию республики.

Киргизия. Республика рассматривается Вашингтоном как важное звено его стратегии в регионе: ее географическое положение открывает пути к потенциально «горячим точкам» – беспокойной Ферганской долине и населенному мусульманами-уйгурами Синьцзян-Уйгурскому автономному району КНР.

Следуя политике многовекторности, киргизское руководство предоставило США/НАТО базу Манас, именуемую ныне Центром транзитных перевозок (ЦТП), а России/ОДКБ базу в г. Кант. Продлив в 2010 г. договор об аренде ЦТП, США обязались ежегодно выплачивать 60 млн долл. за ее использование.

Вашингтон закрепил свое военное присутствие в республике и путем открытия в г. Токмак учебного комплекса, где американские инструкторы обучают киргизский спецназ. Временные рамки пребывания в Киргизии США/НАТО были определены еще в 2001 г.: «Силы НАТО и международной коалиции будут присутствовать в республике ровно столько времени, сколько потребуется для наведения порядка в Афганистане»²⁴.

Прикрывшись зонтиком операции «Несокрушимая свобода», США/НАТО решали свои задачи. Вашингтон, казалось бы, изменил свое отношение к исламистам-террористам, перейдя от их поддерж-

ки (моджахедов и талибов в годы создания и установления власти в Афганистане Движения Талибан) к войне, сформировав антитеррористическую военную коалицию. Таким образом, исламисты, по нашему мнению, превратились в «удобного врага», позволяющего США/НАТО реализовать свои политические устремления.

Добившись в значительной мере геополитического «освоения» ряда центральноазиатских государств, Вашингтон и его союзники практически не сделали ничего существенного в плане стабилизации общей обстановки.

Политические элиты центральноазиатских государств, видимо, полагали, что, пойдя на сотрудничество с Западом, они смогут при его содействии решить стоящие перед ними проблемы. Этого не произошло. Ситуация в этих странах, кроме Казахстана, далеко не стабильна. Экстремистские партии и группировки, а также трансграничная преступность по-прежнему существуют. С конца 2011 г. все более заметным стало «перетекание» экстремистских формирований в приграничные государства региона. Наркопроблема не только не решена, но и во много раз обострилась. В регионе, особенно после второй, в 2010 г., «революции» в Киргизии, усилилось понимание угрозы «афганизации», т.е. возникновения ситуации, когда центр будет способен контролировать столицы и их окрестности, а реальная власть сосредоточится в руках наркобаронов, главарей кланов и бандформирований²⁵.

Ключевым игроком из приграничных Афганистану мусульманских государств был и остается **Пакистан**²⁶. Напомним, что, являясь членом ОИК со времени ее основания, Пакистан успешно развивал отношения с исламскими странами. На Лахорской (Пакистан) встрече глав государств и правительств стран – членов ОИК в 1974 г. Исламабад выступил с рядом инициатив, поддержанных ее участниками. По его предложению был создан Исламский банк развития. Представитель Пакистана стал одним из его директоров, а также членом руководства Исламского фонда солидарности, созданного для финансирования пропаганды идей ислама.

Первое заседание Организации Исламская Конференция по экономическим, социальным и культурным вопросам было проведено в январе 1977 г. в Карачи. На нем тогдашний премьер-министр страны З.А. Бхутто выступил с предложением о заключении мусульманскими государствами договора об обороне. Высшей точки активности в мире ислама Исламабад достиг в 1978–1980 гг., после прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана, создания Демократической Республики Афганистан (ДРА) и особенно после ввода в страну советских войск. Пакистан (так же как Саудовская Аравия) потребовал созыва СБ ООН Чрезвычайной сессии ГА ООН. В январе 1980 г. сессия приняла подготовленную пакистанской делегацией резолюцию, резко осудившую акцию СССР. Именно с этого времени афгано-пакистанский ареал превратился в фокус глобального противостояния²⁷.

Оппозиционным ДРА «борцам за веру» – моджахедам, обосновавшимся в Пакистане, – шла из-за рубежа военная и финансовая помощь. Положение страны как прифронтового государства обеспечило Исламабаду большие политические и экономические дивиденды. В ОИК и ГА ООН Пакистан стал выступать как представитель мусульманских стран, с него были сняты санкции, наложенные в связи с развитием ядерной программы, возродился военно-экономический альянс с Вашингтоном: в 1981 г. США подписали соглашение о предоставлении Пакистану военно-технической помощи на сумму 3,2 млрд долл. сроком на 5 лет. По истечении этого срока Исламабад получил заем в размере 4,02 млрд долл. Однако пребывание на пакистанской территории 3 млн беженцев и военные поставки породили для страны серьезные проблемы политического, экономического, социального и даже экологического порядка – повысилась инфляция, не было единства среди правящей элиты, большей гибкости требовала от руководства активизация ряда партий и общественных организаций и т.п. Все это побудило Исламабад согласиться на не прямые переговоры с Афганистаном под эгидой ООН. Переговоры происходили в Женеве и длились с 1982 г. по апрель 1988 г.

Все эти годы Пакистан и стоящие за ним США то затягивали переговоры, то стремились их сорвать, выдвигая афганской стороне все более жесткие требования. При этом военная и финансовая помощь моджахедам неуклонно возрастала²⁸. Западные политики еще в 1986 г. признавали, что «если бы американцы, пакистанцы, арабы и китайцы вложили столько же энергии, сколько они вкладывают в разжигание этой войны, то мы могли бы иметь мирное урегулирование уже завтра»²⁹. Серьезную тревогу Вашингтона вызывала расширявшаяся из года в год спекуляция поставляемой оппозиции военной техникой. В спекуляции, кроме самих моджахедов, были замешаны представители Объединенной военной разведки Пакистана. Только в 1987 г. были проданы 16 ракетных установок «Стингер» и их элементы. В результате вашингтонская администрация стала поставлять вооружение непосредственно оппозиции, минуя пакистанских военных. Контроль за этим был поручен спецпредставителю США Питеру Томсону, ранее занимавшему пост временного поверенного в КНР. Характеризуя создавшуюся ситуацию, американские обозреватели не без сарказма писали: «Слова президента о том, что мы помогаем борцам за свободу, вызывают недоумение парней из ЦРУ»³⁰.

В конце концов, 14 апреля 1988 г. после длительных переговоров Женевские соглашения были подписаны. Одним из важнейших документов стало Двустороннее афгано-пакистанское соглашение о принципах взаимоотношений, невмешательстве в дела друг друга и отказе от интервенции³¹. Однако Пакистан неоднократно нарушал достигнутые договоренности, не прекращая разноплановой массовой поддержки моджахедов и не допуская на места представителей ООН, призванных осуществлять контроль за выполнением соглашений³². Тем не менее режим НДПА продержался после подписа-

ния документов в Женеве и вывода советских войск вплоть до апреля 1992 г.

Как отмечалось выше, пришедшие к власти моджахеды не оправдали надежд, возлагавшихся на них их покровителями, в том числе и Пакистаном. Непрерывавшаяся вооруженная борьба между лидерами моджахедов привела к фрагментации страны.

Заинтересованность Исламабада в установлении в Афганистане дружественного режима значительно возросла в связи с важными геополитическими переменами: после распада СССР в Центральной Азии были созданы независимые государства. В сложившейся ситуации Пакистан, отказавшись от поддержки прежних союзников, сделал ставку на новую силу, с утверждением которой в Афганистане было бы создано более лояльное к Исламабаду правительство и через его территорию стал бы возможным выход Пакистана на центральноазиатские рынки. В этой связи отметим, что пакистанские исламисты внимательно отслеживали развитие ситуации в Центрально-Азиатском регионе и уже с конца 80-х гг. прошлого века предпринимали активные шаги к налаживанию контактов с религиозными организациями стран Центральной Азии.

Силой, возвращенной в Пакистане при активнейшем содействии США и Саудовской Аравии, стало Движение Талибан. Его костяк составили тысячи пуштунов (афганцев) – талибы, носители радикального ислама суннитского толка – выпускники медресе, созданных в лагерях беженцев. К ним примкнули пакистанские пуштуны и военные (отставные и находящиеся на действительной военной службе), а затем добровольцы из мусульманских стран. Созданию ДТ активное содействовала Объединенная военная разведка Пакистана. Движению Талибан покровительствовал Насрулла Бабар, занимавший пост министра внутренних дел в правительстве Б. Бхутто.

В сентябре 1994 г. многотысячные военные подразделения талибов перешли границу и к 1996 г. заняли почти 90% афганской территории. Одним из трех государств, признавших созданный талибами Исламский эмират, был Пакистан, оказывавший талибам в последние годы широкую поддержку, в том числе и на международной арене. Отметим, что политический выбор Исламабада во многом был связан с возросшим влиянием в стране исламского фундаментализма. Однако, сделав ставку на талибов, Пакистан вновь потерпел неудачу. К концу 1990-х гг. руководство талибов, отдаляясь от Исламабада, стало все больше ориентироваться на обосновавшегося в Афганистане Усаму бен Ладена. К тому времени филиалы «Аль-Каиды» были созданы в 24 странах³³. В результате сотрудничества с «Аль-Каидой» и У. бен Ладеном Афганистан к 2000 г. превратился в центр международного терроризма, религиозного экстремизма, производства и контрабанды наркотиков³⁴.

Несмотря на заметное дистанцирование руководства ДТ от Пакистана, Исламабад не порывал контактов с талибами. Пакистанские спецслужбы, прежде всего Объединенная военная разведка, имев-

шая с ДТ многолетние наработанные связи, а также экстремистские партии «Харкат-уль моджахеддин», «Лашкар-и Джангви» и другие инициировали закрытые встречи и совещания талибов с влиятельными пакистанскими функционерами. На встречи приглашались также и лидеры исламистских группировок государств Центральной Азии, в частности лидер ИДУ Г. Юлдашев, ставший одним из заместителей бен Ладена.

В январе 2001 г. основные партии пакистанских исламистов сформировали Совет в защиту Афганистана. Среди решений Совета были названы принятие действенных мер по оказанию содействия ДТ и призыв к бойкоту американских товаров. Первая реакция руководства талибов на введение против ДТ санкций СБ ООН была озвучена именно в Исламабаде. Речь шла о распространении обращения духовного лидера ДТ муллы М. Омара к мусульманским странам, призвавшего их выйти из ООН, ставшей «инструментом Вашингтона».

Теракты 11 сентября 2001 г., в совершении которых Вашингтон обвинял «Аль-Каиду» и непосредственно У. бен Ладена, отказ ДТ его выдать и создание международной антитеррористической коалиции во главе с США, поддержанной 70 государствами, в том числе и мусульманскими, поставили Пакистан в сложное положение. Втягивание Исламабада в борьбу против его многолетних союзников происходило весьма непросто³⁵.

Стремясь уберечь Движение Талибан от полного разгрома, Пакистан, выдвигая идею создания правительства «умеренных талибов», направил в Афганистан делегации – на государственном уровне и религиозных авторитетов. Однако в октябре 2001 г. после решения США о начале военных действий против талибов руководство Исламабада пошло на разрыв дипломатических отношений с талибами и поддержало кампанию по борьбе с ними. Пакистан принял участие в открывшейся 5 декабря 2001 г. в Бонне конференции по Афганистану. Он признал Временную афганскую администрацию во главе с Х. Карзаем. После непродолжительной военной операции американо-английские войска и силы «Северного альянса» свергли режим талибов.

Однако несломленные талибы, их лидеры и порядка 25–30 тыс. боевиков скрылись на территории Пакистана. Там при поддержке своих союзников из числа пакистанских пуштунов они стали готовиться к дальнейшей борьбе. Уже в 2003 г. их отряды начали нападать на уезды восточных и юго-восточных афганских провинций и устанавливать там параллельные органы власти³⁶.

В 2002 г. состоялись визиты Х. Карзая в Исламабад и П. Мушаррафа в Кабул. В ходе переговоров стороны сосредоточили внимание на вопросах развития технико-экономического сотрудничества. Последовавшие обмены визитами на министерском уровне, создание пакистанско-афганской межправительственной комиссии, налаживание контактов с государствами, ранее оппозиционными талибам, и особенно ликвидация скрывавшихся в Пакистане многих видных деяте-

лей ДТ и «Аль-Каиды» вызывали резко негативную реакцию не только пуштунского населения Пакистана, но и лидеров влиятельных пакистанских исламистских партий и группировок. В высокогорном пакистанско-афганском приграничье на территории племен федерального управления возникли анклавные влияния и власти.

В результате военных операций, проведенных в 2004 г. и продолжившихся в последующие годы, части пакистанской армии, заняв позиции в районах между Пакистаном и Афганистаном, впервые в истории превратили демаркированную на местности, но не охраняемую «линию Дюранда» в фактическую границу. В 2005 г. пакистанцы обустроили вдоль границы 665 контрольных пунктов³⁷. Все это происходило на фоне непрекращавшейся инфильтрации боевиков, активизации афганских и пакистанских талибов и их союзников, включая находящихся в Пакистане так называемую «сеть Хаккани» и экстремистов «Лашкар-и тоиба», причастных, по данным афганского Управления национальной безопасности, к теракту в Кабуле, что позволило правительству Х. Карзая открыто высказывать сомнения в искренности Исламабада, предпринимавшего конкретные шаги, направленные на развитие дружественных отношений со своим соседом.

Сомнения стали более обоснованными после того, как в мае 2011 г. неподалеку от пакистанской столицы американским спецназом был обнаружен, а затем ликвидирован Усама бен Ладен. Удары беспилотников США/НАТО по базам исламистов, жертвами которых становились не только боевики, но и мирные жители, вызывали весьма болезненную реакцию руководства и общественности страны. Ошибочный авиаудар по блокпосту в Моманде 26 ноября 2011 г. и гибель 24 пакистанских военнослужащих вывели противостояние Кабула и Исламабада за рамки двусторонних отношений: Пакистан блокировал наземные поставки грузов МССБ в Афганистан, потребовал от США/НАТО освободить авиабазу Шамси. Представитель Пакистана отказался от участия в конференции по Афганистану Бонн-2, открывавшейся 5 декабря 2011 г. Через два дня в Кабуле, Мазари-Шарифе и Кандагаре прозвучали мощные взрывы, ответственность за которые взяли на себя экстремисты «Лашкар-и тоиба».

К лету 2012 г. конфликт был улажен. Транзит грузов через пакистанскую территорию возобновился, вопрос о базе Шамси также был решен. Как представляется, Исламабад, заинтересованный в укреплении своего влияния и в зоне пуштунских племен, и в Афганистане в целом, едва ли будет стремиться ограничивать себя в способах и методах достижения своих целей. По мнению некоторых исследователей, пакистанские политики и поныне сохраняют инструменты продвижения своих интересов на афганском направлении, задействованные еще в 80-е гг. прошлого века, – это использование дружественных Исламабаду исламистов – талибов и их союзников. Однако если в период пребывания советских войск в Афганистане подобные «контакты» Исламабада отвечали интересам Запада, то ныне они

создают сложности в реализации стабилизационных усилий США/НАТО. При этом следует иметь в виду, что подобная линия пакистанских властей поддерживается некоторыми влиятельными политическими силами страны – исламистскими партиями, частью парламентариев.

В условиях блокирования Индией возможностей Пакистана удовлетворить свои амбиции в регионе и добиться стратегической глубины на восточном направлении руководство страны, видимо, будет и впредь стремиться к достижению своих целей на западных рубежах. Не следует исключать того, что проявления активности Исламабада и далее могут осложнять как его отношения с Кабулом и Вашингтоном, так и ситуацию в Афганистане и вокруг него. Словом, на пути к установлению мира и стабильности в Афганистане и регионе стоят сложные, до конца неурегулированные проблемы.

Примечания

¹ Мусульмане на Западе. М. 2002; Нечитайло Д. Ислам в Германии. – Ближний Восток и современность. Вып. 31. М. 2007; он же. Ислам в Великобритании. – Ближний Восток и современность. Вып. 26. М., 2005; он же. Ислам в Италии. – Ближний восток и современность. Вып. 34. М., 2007; Сюкияйнен Л. Мусульманские меньшинства на Западе. – Ближний Восток и современность. Вып. 45. М., 2012.

² Labeviere R. Les dollars de a terror. P., 2002; Куделев В. «Аль-Каида»: структуры, союзники, покровители. М., 2008. С. 18, 34–36.

³ Куделев В. Указ. соч. С. 13–18.

⁴ Economist, Casablanca, 29.08.2005.

⁵ Куделев В. Указ. соч. С. 14; Le Figarot, 21.11.2001.

⁶ Laurent E. La guerre des Bush. Les secrets inavouables. P., 2003. P. 117.

⁷ Аль-Каддафи Муаммар. Борьба продолжается. Краткое собрание сочинений. 2001–2008. М., 2009. С. 4, 9; см.: Подцероб А.Б. Арабские страны и события в Афганистане. История и современность. – Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011. С. 160–161.

⁸ Сюкияйнен Л. Указ. соч. С. 169. Европейский Совет фетв и исследований по поводу демонстрации в Нидерландах фильма «Фитма», воспринятого как унижающий ислам, заявил, что любое право человека подлежит защите, пока оно не нарушает права других, а также не посягает на их святыни.

⁹ Зиганшина Г. Об участии Турции в ОИК. – Ближний Восток и современность. Вып. 19. М., 2003. С. 24.

¹⁰ Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. М., 2012. С. 161–162.

¹¹ Арунова М.Р. Ирано-афганские отношения на современном этапе. – Современный Иран, 2011, № 2. С. 75.

¹² Мамедова Н.М. Иранские интересы в Афганистане. – Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011. С. 79–84; Арунова М.Р. Ирано-афганские отношения... С. 72–76.

¹³ Там же. С. 75–76.

¹⁴ Мамедова Н.М. Указ. соч. С. 87–88.

- ¹⁴ Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. С. 11–12.
- ¹⁵ Там же. С. 36–40.
- ¹⁶ Мукиджанова Р. Страны Центральной Азии. М., 2005. С. 126.
- ¹⁷ News International, 28.08.2001.
- ¹⁸ Нейтральный Туркменистан, 15.09.2001.
- ¹⁹ Казахстанская правда, 19.10.2001.
- ²⁰ Малышева Д. Афганистан и Центральная Азия. М., 2010. С. 44.
- ²¹ Там же. С. 36.
- ²² Kucera J. Central Asia: Washington to Expand Traffic; см.: Малышева Д. Указ. соч. С. 38–39.
- ²³ Казахстанская правда, 16.09.2001.
- ²⁴ Интервью президента Киргизии А. Акаева. – Независимая газета, 10.11.2001.
- ²⁵ Малышева Д. Указ. соч. С. 35.
- ²⁶ См.: Москаленко В.Н. Афганистан: прошлое и настоящее. – Афганистан и сопредельные страны. М., 2003. С. 24–50; Москаленко В., Топычанов П. Пакистано-афганские отношения. – Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011. С. 92–115.
- ²⁷ Белокреницкий В.Я. Афганистан – Пакистан: историческая динамика и перспективы эволюции ареала нестабильности. – Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития. М., 2012. С. 7.
- ²⁸ Козырев Н. Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла». М., 2010. С. 24–62.
- ²⁹ Арунова М.Р. Афганская политика США 1945–1999 гг. М., 2000. С. 33.
- ³⁰ The Washington Post, 02.01.1985; см.: Арунова М.Р. Афганская политика США... С. 37.
- ³¹ Козырев Н. Указ. соч. С. 116–119; Приложение № 1. Текст Двустороннего соглашения между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений, и в частности о невмешательстве и об отказе от интервенции.
- ³² Там же. С. 24–72.
- ³³ Le Matin. Alger, 16.08.1999; см.: Куделев В. Указ. соч. С. 10.
- ³⁴ Арунова М., Набиев З. Афганистан. Проблемы терроризма. – Терроризм. Угроза человечеству в XXI в. М., 2003. С. 179–200.
- ³⁵ См.: Москаленко В.Н. Указ. соч.
- ³⁶ Арунова М. Операция «Несокрушимая свобода». – Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011. С. 14–15.
- ³⁷ Белокреницкий В.Я. Указ. соч. С. 11.

ГРАНИЦА МЕЖДУ АФГАНИСТАНОМ И ПАКИСТАНОМ — СПОРЫ ВОКРУГ «ЛИНИИ ДЮРАНДА»

Проблема границы между Пакистаном и Афганистаном по «линии Дюранда» с 1947 г., т.е. после деколонизации Британской Индии, образования Пакистана и решения парламента Афганистана о непризнании этой границы, остается самой главной в отношении между обеими странами. Надо сказать, что после 1993 г. в публицистических материалах и высказываниях некоторых историков, а также в утверждениях ряда афганских политиков проскальзывала мысль о том, что граница между Пакистаном и Афганистаном, установленная по так называемой «линии Дюранда», имеет якобы срок действия сто лет и после 1993 г. земли восточных пуштунов, ныне входящие в провинцию Хайбер-Пахтунхва Пакистана, должны быть возвращены Афганистану. Такое мнение высказал в своей статье «Афгано-пакистанские связи после падения режима талибов» российский исследователь В. Сергеев. Он, в частности, пишет: «...однако до настоящего времени российским исследователям не была известна существенная деталь этого договора, а именно: он не был бессрочным. Срок его действия был установлен в 100 лет». В сноске 10 он вместо указания на источник этого утверждения отмечает: «Примечательно, что даже самые известные исследователи истории Афганистана Массон и Ромодин не упоминают об этом в своих работах»¹. Другой автор, С. Гаджиев, в статье «Мухаммед Наджибулла: смерть на "линии Дюранда"» также утверждает о столетнем сроке действия границы². Ни один из этих авторов не дает ссылки на какой-либо источник. Некоторые из историков даже утверждают, что М. Наджибулла был зверски убит потому, что не подписывал «договор» о признании «линии Дюранда» еще якобы и потому, что в нем не говорилось о столетнем сроке его действия. Это мнение настолько укоренилось и так настойчиво пропагандируется, что необходимо остановиться на данном вопросе более подробно, а также уточнить, что документ, подписанный 12 ноября 1893 г. М. Дюрандом и эмиром Абдуррахман-ханом, называется не договором, а соглашением.

Для установления истины в этом вопросе необходимо проанализировать пункты Соглашения, относящиеся к границе между Британской Индией и Афганистаном, установленной в 1893 г. Ни в одном из пунктов Соглашения не сказано о сроке его действия. Нет этого и в письме М. Дюранда эмиру Абдуррахман-хану от 11 ноября 1893 г.

* Паничкин Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, докторант ИВ РАН, доцент Рязанского агроэкономического университета.

(написанном за сутки до подписания Соглашения), ни в Соглашении между Шириндил-ханом и британским чиновником Дж. Дональдом об установлении границы между Афганистаном и территорией Британской Индии Куррам, подписанном 21 ноября 1894 г., ни в Договоре между эмиром Хабибуллой-ханом и представителем правительства Великобритании сэром Луисом Уильямом Дейном, подтверждающем Соглашение 1893 г. и подписанном 21 марта 1905 г. Согласно же пункту 5 мирного договора между правительствами Великобритании и Афганистана, подписанного в Равалпинди 8 августа 1919 г., правительство Афганистана признало границу между Британской Индией и Афганистаном, установленную этим Соглашением. В мирном договоре нет ни слова о сроке действия Соглашения, как и в Договоре между правительствами Великобритании и Афганистана о дружбе и торговле, подписанном в Кабуле 22 ноября 1921 г. Более того, в Соглашении от 12 ноября 1893 г. не упомянуто, что оно должно подтверждаться каждым новым правительством Афганистана и Великобритании. Нет также ни слова о том, может ли это Соглашение быть денонсировано в одностороннем порядке какой-либо стороной или по согласию обеих сторон³.

Что же касается гибели М. Наджибуллы, то российские исследователи В. Пластун и В. Андрианов в своем исследовании «Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики» совершенно не упоминают о каком-то «столетнем» сроке действия этого Соглашения.

Таким образом, можно прийти к выводу, что все утверждения о столетнем сроке действия Соглашения о границе между Британской Индией и Афганистаном не имеют под собой никакой почвы. Также, согласно мировой практике, границы государств при изменении их статусов не меняются.

Еще один аспект. А будет ли согласно население провинции Хайбер-Пахтунхва выйти из состава Пакистана и воссоединиться с Афганистаном? Сомнительно. Обстановку в Пакистане нельзя сравнить с ситуацией в Афганистане, особенно в начале XXI в. Да и положение населения, особенно в административных округах, значительно отличается от положения населения в Афганистане. Что же касается «свободных пуштунских племен» провинции Хайбер-Пахтунхва Пакистана, то субсидии, получаемые ими от правительства Пакистана, довольно значительны, и никто не захочет их лишиться.

Таким образом, если в тексте какого-либо международного договора или соглашения или в дополнениях к ним не указан срок действия этого договора или соглашения, то он не ограничен. Это касается и Соглашения от 12 ноября 1893 г., и Соглашения от 21 ноября 1894 г., а ныне – о границе между Пакистаном и Афганистаном. Конечно, оно было навязано Афганистану правительством Великобритании. Но оно было подписано, срок его действия не ограничен, и граница между Пакистаном и Афганистаном может быть изменена только новым договором или соглашением, т.е. по взаимному согла-

сию сторон, и никак иначе. Но такого согласия Пакистан не давал, не дает и, скорее всего, не даст.

После падения в Афганистане режима талибов отношения между государствами значительно улучшились, но и теперь они периодически то улучшаются, то обостряются. Стороны часто обвиняют друг друга в недостаточных действиях в отношении талибов, базирующихся на территории пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва. Обострились отношения и после начала минирования Пакистаном части границы по «линии Дюранда». Власти Афганистана обвинили Пакистан в том, что минирование сильно сократит связи между пуштунами Афганистана и пуштунами, живущими к востоку от «линии Дюранда» (т.е. пуштунами Хайбер-Пахтунхвы), а пакистанские власти заявили, что на своей территории (не признаваемой Афганистаном как территория Пакистана) они могут делать все, что им нужно.

Единственным выходом в данных условиях была бы нормализация отношений между обоими государствами при существующем положении, касающемся пуштунских районов Пакистана и границы по «линии Дюранда». Но для этого необходимы отказ Афганистана от необоснованных претензий и нормализация обстановки в данном регионе, в том числе прекращение использования территории Пакистана различными террористическими организациями в антиафганских целях, пресечение анархии и стабилизация обстановки в Афганистане. При нормализации отношений можно будет решить многие проблемы. Но она возможна лишь в том случае, когда и официальные руководители обеих стран, и руководители различных политических организаций и партий будут думать прежде всего о нуждах своих народов, а не о своих политических амбициях, которые уже не одно десятилетие заставляют страдать население из-за непрекращающейся напряженности в регионе. Для этого необходимо смотреть не назад, а вперед, искать компромиссы, а не заикливаться на прошлом. Примеров такого сотрудничества множество. Нужно только желание политиков. Рано или поздно все равно придется решать вопрос пакистано-афганских отношений цивилизованным путем.

Примечания

¹ Сергеев В. Афгано-пакистанские связи после падения режима талибов. – <http://imes.ru/rus/stat/2005/24-10-05.htm-10.94кб>.

² Гаджиев С. Мухаммед Наджибулла. Смерть на «линии Дюранда». – Российские вести, № (40) 191023.

³ Azmat Hayat Khan. The Durand Line. Its Geo-Strategic Importance. Peshavar. P. 257–274.

*С.Н. Каменев**

РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Отношения между Пакистаном и Россией (установленные на дипломатическом уровне между Пакистаном и СССР еще в 1948 г.) стали более или менее активно развиваться после 1961 г., в первую очередь в сфере поиска нефти и газа. Однако нам бы не хотелось проводить исследование всего периода их существования и продвижения вперед в XX в. хотя бы потому, что эта тема достаточно подробно исследована в многочисленных работах отечественных востоковедов¹. В меньшей степени изучено в этом плане первое десятилетие XXI в., когда наблюдались первоначально стагнация, а потом некоторый подъем в двусторонних связях. Именно на этом периоде хотелось бы сосредоточить внимание в настоящей статье, а также рассмотреть возможные перспективы развития двусторонних связей в ближайшей перспективе.

Говоря о российско-пакистанских отношениях, целесообразно также учитывать то обстоятельство, что, хотя двусторонние связи формально носят характер отношений только между двумя государствами, их отнюдь не следует рассматривать лишь в такой плоскости, так как далее вступает в силу целый ряд факторов, которые напрямую влияют или могут опосредованно влиять в перспективе на степень и направленность такого рода двусторонних связей.

Именно так и происходит в данном случае с отношениями между Россией и Пакистаном. Достаточно сказать, что, например, геополитические интересы России и Индии снижают возможность расширения сотрудничества между Москвой и Исламабадом. Или, например, внутривнутриполитическая ситуация в Афганистане, наоборот, объективно обуславливает необходимость более тесного сотрудничества между Россией и Пакистаном. Хотелось бы в этой связи привести высказывание пакистанского отставного бригадного генерала Надир Мира (непосредственно участвовавшего в боевых действиях против пакистанских талибов), который не раз отмечал, что «повышение уровня российско-пакистанских отношений будет однозначно способствовать снижению внутривнутриполитической нестабильности в Афганистане»².

В данном случае можно привести конкретные примеры, подтверждающие это. После вывода войск НАТО из Афганистана в 2014 г.

* Каменев Сергей Наумович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором Пакистана Института востоковедения РАН.

там останется, тем не менее, некоторый контингент войск США, которому так же, как и ранее, будут необходимы поставки в некоторых объемах продовольствия, топлива, других товаров. И пойдут они в Афганистан по уже отработанным маршрутам, т.е. через Пакистан и Россию. И в этом случае координация действий Москвы и Исламабада будет позитивно сказываться на процессе сближения наших двух стран. А это может реально оказать определенное влияние (пусть даже и косвенное) на улучшение внутривосточной ситуации в Афганистане. И в данном случае важно не столько то, какие суммы за транзит грузов получают «транзитные» государства, а то, как это может сказаться на нормализации обстановки в самом Афганистане, на сокращении, в частности, объема наркотрафика. К сожалению, российско-пакистанские отношения сегодня оставляют желать лучшего.

В этой связи хотелось бы отметить, что состоявшийся в феврале 2003 г. официальный визит пакистанского президента Первеза Мушаррафа в Россию, его переговоры с президентом РФ В.В. Путиным немного дали для реального развития российско-пакистанских отношений; и даже наиболее важный проект двустороннего сотрудничества – модернизация построенного в Пакистане с помощью СССР металлургического завода – так на практике и не сдвинулся с мертвой точки. Был лишь подписан очередной меморандум о взаимопонимании, в котором обе стороны выразили намерение повысить с помощью России производительность завода первоначально до 1,5 млн т стали в год, а затем, возможно, и до 3 млн т³.

Кроме того, тогда были подписаны соглашения о сотрудничестве в области науки, культуры и образования (которые выполнялись лишь частично, преимущественно в сфере культуры). Мало что было сделано впоследствии для выполнения подписанных меморандумов о сотрудничестве между МВД России и МВД Пакистана, а также между Дипломатической академией МИД Российской Федерации и Академией дипломатической службы МИД Пакистана. Важное Соглашение о возобновлении работы российско-пакистанской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству также не было реализовано – реально первое заседание этой комиссии состоялось лишь в сентябре 2010 г. Нельзя здесь не отметить и невнимание России к крайне важному и весьма заманчивому предложению пакистанской стороны о «выходе России к теплым морям». Имелось в виду в первую очередь использование нашей страной пакистанского порта Гвадар на Аравийском море (тогда строительство этого порта находилось в заключительной фазе)⁴.

Вполне очевидно, что в то время Москва продолжала смотреть на отношения с Пакистаном, как образно выразился один высокопоставленный российский дипломат, «через индийские очки». Неудивительно в этой связи, что в день приезда президента Пакистана генерала Первеза Мушаррафа в Москву В.В. Путин позвонил по соб-

ственной инициативе тогдашнему премьер-министру Индии Атул Бихари Ваджпай и заверил его, что переговоры с пакистанским руководителем не отразятся на тесном характере российско-индийских отношений⁵. Такую позицию российской стороны хорошо понимал и Первез Мушарраф, который в ходе встречи с Путиным не стал поднимать вопрос о военно-техническом сотрудничестве, осознавая бессмысленность такого шага, поскольку было очевидным, что Индия (которая внимательно следила за развитием российско-пакистанских отношений) может очень болезненно воспринять даже намек на потенциальное развитие подобных связей и отказаться от миллиардных военных контрактов с Россией, что, естественно, для Москвы было неприемлемо.

Что касается торговых отношений, то в то время обе стороны обозначили объем двустороннего товарооборота в размере 83 млн долл., что было даже меньше этого показателя в 1980-е гг. (в среднем около 200 млн долл. в год), т.е. в период резкого охлаждения советско-пакистанских отношений в результате ввода в 1979 г. советских войск в Афганистан⁶.

Параллельно хотелось бы заметить, что в 2003 г. Россия и Пакистан попали в одну категорию по Индексу восприятия коррупции, рассчитываемому международной организацией «Transparency International» по 10-бальной шкале, получив по 2,6 балла и оказавшись вместе с Алжиром на 88–90-м местах среди 133 государств мира⁷. В 2012 г. ситуация несколько изменилась, хотя и весьма незначительно: из 176 стран мира (по которым указанная неправительственная организация провела исследование степени коррумпированности) Пакистан переместился на 139-е место, разделив его с Азербайджаном, Кенией, Непалом и Нигерией, а Россия оказалась на 133-м месте рядом с Коморскими Островами, Гайаной, Гондурасом, Ираном и Казахстаном⁸.

Малозначимым был также визит в Пакистан в том же 2003 г. министра иностранных дел России Игоря Иванова: вновь был подписан ряд меморандумов о взаимопонимании (включая очередной Меморандум о модернизации Карачинского металлургического завода). На политическом уровне были обсуждены ситуация в Афганистане и Ираке, индийско-пакистанские отношения, возможности совместной борьбы с терроризмом и наркотрафиком⁹.

Аналогично не пошло дальше общих разговоров общение спикера Национальной Ассамблеи Пакистана Чоудхари Амира Хуссейна с российскими парламентариями в ходе визита первого в Москву в октябре 2003 г.

Целесообразно также упомянуть ряд встреч российских руководителей с пакистанскими партнерами в рамках ШОС, в частности В.В. Путина с его пакистанским коллегой Первезом Мушаррафом в Шанхае в июне 2006 г., а также глав правительств ШОС в Душанбе в сентябре того же года, где присутствовал пакистанский премьер-министр Шаукат Азиз. Однако эти встречи, равно как и рабочий ви-

зит в Пакистан в ноябре 2006 г. министра иностранных дел России С.В. Лаврова, носили скорее протокольный характер, нежели дали конкретные практические результаты.

Визит в Пакистан в апреле 2007 г. российского премьер-министра Михаила Фрадкова тоже практически ничего не дал, были лишь подписаны 3 малозначимых меморандума о взаимопонимании, а также продлено Соглашение от 1997 г. о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребления ими¹⁰. Одним из позитивных моментов этого визита стало подтверждение необходимости начала практической деятельности сформированной еще в 2003 г. Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. С российской стороны тогда ее возглавлял вице-премьер правительства России С.Е. Нарышкин, а с пакистанской – советник премьер-министра по вопросам финансов в ранге федерального министра Салман Шах, что свидетельствовало о том, что в то время обе стороны придавали немалое значение развитию двусторонних отношений. Тем не менее за 3 дня (с 11 по 13 апреля) официального визита российского премьера в практической области было сделано крайне мало, несмотря на то, что это был первый после почти 40 лет забвения визит такого высокого уровня – последний раз Пакистан посетил Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин в мае 1969 г. Многие эксперты, включая автора этих строк, вообще не понимали, зачем российский премьер приехал в Пакистан¹¹.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что главным объектом советско-пакистанского, а затем российско-пакистанского сотрудничества был и остается до сих пор Карачинский металлургический завод, пуск которого после более чем 10 лет строительства состоялся в 1985 г. Его первоначальная мощность составила выше 1,1 млн т стали в год с перспективой расширения выпуска объема продукции до 1,5 млн т, а затем и до 3 млн т (ввод предприятия в строй сократил зависимость страны в то время от импорта металла, а также снизил валютные расходы на ввоз товаров этого вида). И именно в 2008 г. был переведен в практическую плоскость вопрос о приватизации этого предприятия в Пакистане. Еще в 2006 г. пакистанская сторона объявила тендер на его продажу в частные руки. Успех на нем сопутствовал консорциуму, в котором ведущую роль играла российская компания, владевшая тогда Магнитогорским металлургическим заводом. Однако сумма, за которую Карачинский завод был продан, показалась пакистанской общественности слишком низкой, и Верховный суд страны аннулировал результаты тендера.

Оправдывая тогдашние действия пакистанской стороны, министр промышленности страны Миан Манзур Ахмад Ватту заявил: «...мы не допустим приватизации Пакистанского металлургического завода. Это – наша национальная гордость, и он останется в госсекторе». При этом он добавил, что Пакистан способен самостоятельно (!)

увеличить мощность предприятия до 10 млн т стали в год¹². В конечном итоге российская компания практически ушла тогда с пакистанского рынка, переключившись на индийский (строительство металлургического завода в штате Орисса), и возможности для налаживания сотрудничества в традиционной для взаимодействия двух стран металлургической сфере были, таким образом, временно упущены.

Тем не менее уже в 2009 г. и в большей степени в 2010 г. у Пакистана вновь появился явный интерес к возможности модернизации этого металлургического завода и расширения его производительной мощности до 1,5 млн т стали в год. (Незначительная часть российских специалистов оставалась на этом предприятии после 2008 г. и помогла пакистанской стороне осуществить капитальный ремонт коксовой печи.) По словам исполнительного директора завода Имтиаза Ахмед-хана Лодхи, явный интерес в модернизации этого предприятия проявили Россия, ряд арабских государств, Китай, некоторые другие страны¹³.

Есть и другие примеры явных разногласий между Россией и Пакистаном, что, естественно, негативно влияло на возможности расширения реального сотрудничества в самых разных сферах. Речь идет об инициативе российской стороны, озвученной на саммите НАТО в Бухаресте (апрель 2008 г.), о предоставлении воздушных транзитных путей для поставки невоенных грузов дислоцированному в то время в Афганистане контингенту коалиционных сил НАТО в качестве альтернативы действовавшему, но отнюдь небезопасному пакистанскому транспортному коридору, против чего Исламабад резко возражал, поскольку это самым чувствительным образом затрагивало экономические интересы Пакистана.

В 2008 г. широкие круги общественности и Пакистана, и России отметили 60-летие установления дипломатических отношений между нашими странами. Были подведены итоги двустороннего взаимодействия во многих сферах – политической, культурной и в первую очередь, конечно, торгово-экономической, поскольку именно эта область была, есть и будет в среднесрочной (как минимум) перспективе главной сферой нашего сотрудничества. Мы не станем останавливаться на достижениях за этот период хотя бы потому, что это уже сделано в многочисленных трудах отечественных востоковедов, зарубежных ученых, в первую очередь пакистанских, а также североамериканских и западноевропейских экспертов¹⁴. Здесь хотелось бы лишь отметить, что основными сферами двустороннего сотрудничества, как нам представляется, будут энергетика (включая сооружение трубопроводов) и металлургия, хотя есть немало и других перспективных областей.

Заметным прорывом в двусторонних связях стали ежегодные четырехсторонние саммиты – Афганистан, Пакистан, Россия, Таджикистан, в рамках которых проходили двусторонние встречи президентов России и Пакистана. Первоначально (Таджикистан, 2009 г.) расширение двустороннего сотрудничества нашло свое отражение в

установлении более доверительных отношений на высшем уровне, подписании ряда новых меморандумов о взаимопонимании. Кроме того, следует отметить, что уже тогда, в Душанбе, стали предметно обсуждаться в рамках двусторонней встречи президентов России и Пакистана возможности расширения реальной борьбы с наркотрафиком (включая активное участие в этом процессе непосредственно Афганистана), борьбы с терроризмом и экстремизмом, участие «Газпрома» в пакистанских энергетических проектах, возможности развития региональной торговли, создание благоприятного инвестиционного климата как в Пакистане – для российских бизнесменов, так и в России – для пакистанских, а также некоторые другие вопросы. Это уже было конкретным началом расширения двусторонних отношений¹⁵.

Расширение двусторонних связей было продолжено и на аналогичном саммите в Сочи в августе 2010 г., хотя тогда пакистанский президент пробыл на саммите лишь несколько часов из-за национальной трагедии в Пакистане (сильнейшее наводнение). В ходе двусторонней встречи президентов России и Пакистана тогда были обсуждены возможности сотрудничества в финансовой сфере (открытие отделений банков в каждой стране – российских в Пакистане, пакистанских в России), прием пакистанских студентов на обучение в России и многое другое. Но главное – было решено провести в сентябре 2010 г. первое заседание Межправительственной российско-пакистанской комиссии по торгово-экономическому, научно-технологическому и культурному сотрудничеству, что и было реализовано. С российской стороны ее возглавлял министр спорта, туризма и молодежной политики В.Л. Мутко, а с пакистанской – госминистр МИД Хина Раббани Хар, курировавшая в том числе и экономические вопросы (с июля 2011 г. – министр иностранных дел Пакистана)¹⁶.

Несколько забегаая вперед, заметим, что в сентябре 2012 г. состоялось очередное заседание Комиссии в Исламабаде, поэтому есть надежда на то, что процесс в этом направлении будет идти на регулярной основе. Причем российский сопредседатель в Комиссии В.Л. Мутко встречался тогда (в 2012 г.) не только с министром иностранных дел Пакистана Хиной Раббани Хар, но и с президентом страны Асифом Али Зардари. Предполагалось, что такое заседание определит конкретные направления сотрудничества на перспективу с учетом предполагавшегося приезда в Пакистан на 4-й четырехсторонний саммит В.В. Путина¹⁷.

Нельзя не отметить, что именно на заседании такой комиссии в 2010 г. было решено перейти к конкретному обсуждению сотрудничества в области энергетики (именно в этой сфере началось в 1961 г. ускоренное развитие двусторонних связей – геологоразведка на нефть и газ с помощью советских специалистов). В частности, в декабре 2010 г. – зимой и весной 2011 г. началась подготовка к подписанию расширенного Меморандума о сотрудничестве в энергетической области к предстоящему весной 2011 г. визиту президента Асифа Али Зардари в Москву. В Меморандуме планировалось подчеркнуть осо-

бое значение сотрудничества в области геологоразведки на нефть и газ, помощь Москвы в разработке месторождений этих энергоносителей и их добыче, в производстве коксующегося угля, в развитии энергетической инфраструктуры в целом, а также рассмотреть новые потенциальные сферы сотрудничества в области энергетики. О большом значении, которое придавал Пакистан связям с Россией на энергетическом направлении, свидетельствует тот факт, что все положения этого Меморандума были обсуждены в конце 2010 г. на заседании правительства Пакистана под председательством премьер-министра страны Юсуфа Раза Гилани¹⁸.

И действительно, во время трехдневного официального визита президента Пакистана Асифа Али Зардари в Москву (11–14 мая 2011 г.) был подписан Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере энергетики, куда после детального обсуждения с российской стороны вошли все указанные выше пункты. Особое внимание было уделено обсуждению вопроса об участии российской компании «Стройтрансгаз» как в международных проектах (газопровод ТАПИ), так и в строительстве и модернизации газовых сетей внутри Пакистана, а также в сооружении в Пакистане газгольдеров.

К тому моменту политическая договорно-правовая база двух государств включала следующие основные документы: Соглашение о безвизовых поездках по дипломатическим и служебным паспортам от 4 июля 1994 г., Консульская конвенция от 8 июля 1997 г. (вступила в силу 2 марта 2001 г.), Соглашение о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребления ими от 8 июля 1997 г. (продлено до 8 июля 2017 г.), Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от октября 2010 г., Совместное заявление о создании Центральноазиатского антинаркотического «квартета» (Россия, Афганистан, Таджикистан и Пакистан) от 8 декабря 2010 г., Программа обменов в области культуры, науки и образования от 5 февраля 2003 г., а также некоторые другие документы¹⁹.

В ходе визита пакистанского президента в Россию в 2011 г. был подписан ряд меморандумов о взаимопонимании, которые включали вопросы налаживания прямого воздушного сообщения, участия России в модернизации Карачинского металлургического завода, сельского хозяйства, автомобильной промышленности (налаживание производства в Пакистане автомашин «Лада» с объемом двигателя 1,3 литра), производство тракторов для Пакистана на Челябинском тракторном заводе. И вновь, как и в феврале 2003 г., пакистанский президент предложил Д.А. Медведеву обсудить возможность «выхода России к южным морям», иными словами – использовать порты Гвадар и Касим²⁰. Касаясь этой темы, накануне своего отъезда в Москву Зардари в интервью ИТАР–ТАСС подчеркнул, что «еще царская Россия мечтала о доступе к южным морям. Пакистан приглашает современную Россию воспользоваться имеющимся у него до-

ступом к южным морям, что, безусловно, будет содействовать экономическому процветанию двух стран»²¹.

По официальной информации, вопросы потенциального сотрудничества России и Пакистана в военно-технической области в ходе визита пакистанского президента не поднимались, однако нельзя не отметить, что в этой поездке президента Зардари, помимо госминистра иностранных дел Хины Раббани Хар, сопровождал также министр обороны Пакистана Чаудхари Ахмад Мухтар, что однозначно свидетельствует о заинтересованности Исламабада в военно-техническом сотрудничестве с Россией. В частных беседах автора этих строк с бывшим послом Пакистана в России Ифтихаром Муршедом последний не раз поднимал вопрос о возможном содействии со стороны Российской академии наук в обсуждении на разных уровнях с российскими официальными лицами возможного военно-технического сотрудничества. Однако пакистанской стороне было объяснено, что РАН подобными вопросами не занимается, тем более что на официальном уровне эта тема никак не обсуждалась и пока что не обсуждается²².

Следует подчеркнуть, что в ходе визита президента Зардари пакистанская сторона подняла вопрос о потенциальном расширении содействия России в развитии энергетического сектора (помимо подписания указанного выше Меморандума). Эта область экономики вызывает серьезную озабоченность у пакистанского руководства и является важным объектом исследования со стороны пакистанских экономистов и экспертов, поскольку именно острая нехватка электроэнергии (наряду со слабой собираемостью налогов в стране) – главное препятствие на пути дальнейшего роста национального хозяйства страны. В результате многие промышленные предприятия работают далеко не на полную мощность. Аналогичная неблагоприятная ситуация складывается и в некоторых сельскохозяйственных отраслях. Москва положительно отреагировала на эту общую идею энергетического сотрудничества. В частности, ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» высказало готовность рассмотреть возможность сооружения энергогенерирующих мощностей в Пакистане; аналогично и ОАО «Газпром – Зарубежнефтегаз» подтвердило намерение разрабатывать газовые месторождения в Пакистане; кроме того, государственное предприятие «В/О «Тяжпромэкспорт»» выразило свою готовность принять участие в модернизации Карачинского завода²³.

В ходе переговоров российская сторона вновь поддержала в целом проект трансмиссии электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана через территорию Афганистана в Пакистан (с возможным продолжением в Индию) – CASA-1000. Также была высказана поддержка идеи строительства газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и Индию (ТАПИ)²⁴.

Однако, как нам представляется, следует обратить внимание на важный объективный сдерживающий фактор в реализации этих двух проектов. Это – чрезвычайно сложная внутривосточная ситуация

непосредственно в Афганистане, где идет вообще-то гражданская война и не проходит ни дня, чтобы не звучали взрывы терактов. В таких условиях объективно невозможно осуществлять строительство и дальнейшую эксплуатацию наземных энергообъектов, каковыми являются ЛЭП и трубопроводы. Еще в 2005 г. Движение Талибан выступило с угрозами срыва строительства газопровода ТАПИ, если в нем будут участвовать американские и западные компании, а также международные финансовые институты, где главенствуют западные банкиры (подразумевался в первую очередь Азиатский банк развития, финансирующий строительство энергетических объектов в Южной и Центральной Азии). Об этом тогда заявил официальный представитель Движения Талибан муфтий Латифулла Хакими²⁵.

Подобные угрозы терактов на газопроводе звучали с завидной регулярностью и в последующие годы, и едва ли есть сомнения в том, что после полного вывода войск НАТО из Афганистана в 2014 г. ситуация внутри страны не только не улучшится, но, наоборот, еще больше обострится. Мы хотели бы привести здесь высказывание одного из ведущих российских экспертов по Афганистану В.Г. Коргуна: «...уход американских войск из Афганистана начался в сложных условиях. США оставляют при этом массу нерешенных проблем. В частности, не решена главная задача – покончить с терроризмом в Афганистане и регионе. Талибы и их союзники по-прежнему представляют здесь серьезную угрозу миру и безопасности... Никто не может предсказать, что ожидает Афганистан после ухода войск США и НАТО. Всеобщая коррупция, наркотрафик, произвол уорлордов, организованная преступность, безработица – все это остается неотъемлемой частью сегодняшнего Афганистана»²⁶.

Президент Д.А. Медведев в заключительной части визита пакистанского президента во время встречи в Кремле лидеров двух стран подчеркнул: «Россия и Пакистан будут координировать усилия и совместно противостоять международному терроризму, который является общей угрозой для двух стран... Мы заинтересованы в координации наших усилий на международной арене. Нам нужно сделать все для того, чтобы совместными усилиями противостоять этому основному злу XXI столетия»²⁷.

С другой стороны, по мнению ряда высокопоставленных российских руководителей, вовсе не терроризм в Афганистане и Пакистане является основным врагом для международного сообщества, а наркотики. Так, выступая на пресс-конференции в Кабуле в сентябре 2011 г. (где прошла встреча глав антинаркотических ведомств Афганистана, Пакистана, России и Таджикистана), директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктор Иванов подчеркнул, что терроризм – это не угроза № 1, это – очень слабая угроза. От терроризма, тем более афганского, за последние 10 лет погибли не более 5000 человек, а от афганского героина (по мнению директора Управления по наркотикам и преступности ООН Антонио Марио Косты) за последние 10 лет погиб 1 млн человек²⁸.

Поэтому неудивительно, что в ходе 4-го саммита «душанбинской четверки» в начале сентября 2011 г. в Душанбе именно вопросы безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом, наркотрафиком, реализация энергетических проектов были в центре внимания глав государств Афганистана, Пакистана, России и Таджикистана. Президенты этих стран полностью согласились тогда с высказыванием Дмитрия Медведева, что «безопасность в Центральной Азии является предметом ответственности исключительно стран региона... что помощь других стран (имеются в виду страны НАТО. – С.К.) является важной, но не решающей... В конце концов, ответственность за то, что происходит в регионе, ложится на наши страны – Россию, Таджикистан, Пакистан и Афганистан»²⁹.

Возвращаясь к вопросу о развитии энергетики в регионе, справедливости ради следует заметить, что внешне энергетические проекты CASA-1000 и ТАПИ выглядят весьма привлекательными (если не учитывать упомянутые выше серьезные вопросы безопасности их сооружения и дальнейшей эксплуатации). Даже США проявляют определенную заинтересованность в их реализации, особенно проекта ТАПИ, хотя непонятно, что больше их толкает к этому – экономические или политические интересы, т.е. стремление не дать Пакистану (а в результате и в какой-то мере Индии) всецело ориентироваться в поставках газа на трубопровод из Ирана в Пакистан и далее в Индию и одновременно максимально привлечь их внимание к поставкам газа из Туркменистана. В этой связи помощник госсекретаря США по Южной и Центральной Азии Роберт Блейк в ходе своего визита в этот регион в августе 2012 г. заявил, что «многие американские компании очень заинтересованы в участии в проекте ТАПИ, однако прогресс в этом вопросе зависит от того, что будет предложено»³⁰.

С нашей точки зрения, проект ТАПИ носит отнюдь не энергетический, а скорее политический характер – во время регулярных четырехсторонних встреч постоянно заходит в том числе и о необходимости строительства этого газопровода. Но ведутся лишь разговоры, а конкретные вопросы его строительства не решаются. Пока что этот проект остается лишь на бумаге, хотя уже давно был намечен его ввод в строй в 2016 г. В октябре 2012 г. Ашхабад объявил о своем решении построить часть этого газопровода на своей, туркменской, территории и закончить его строительство в 2017 г.; при этом президент страны Гурбангулы Бердымухамедов подчеркнул, что «каждая страна пусть сама о себе позаботится при строительстве нитки газопровода на своей территории»³¹.

Возвращаясь к теме Афганистана, учитывая российско-пакистанские отношения, следует подчеркнуть, что в повестке дня предполагавшегося четырехстороннего саммита (2–3 октября 2012 г.) на первом месте значилось обсуждение внутривнутриполитической ситуации в Афганистане, возможность принятия конкретных мер по ее стабилизации. Однако заседание было отменено буквально за несколько

дней до его начала, и произошло это по одной-единственной причине: из-за отказа президента России приехать на саммит «душанбинской четверки» в Исламабад. Проблема здесь заключалась в том, что В.В. Путин примерно за неделю до саммита направил президенту Пакистана Асифу Али Зардари личное послание, где, в частности, писал, что не может, к сожалению, прибыть на саммит из-за чрезвычайно плотного графика. С другой стороны, в конце своего послания российский президент добавил: «Я уверен, что в будущем мы сможем найти возможности для организации наших личных встреч. Мы будем всегда рады принять вас в России»³².

Представляется, что определенную роль в отложении визита В.В. Путина мог сыграть и «индийский фактор», т.е. стремление Москвы и Дели первоначально встретиться на высшем уровне в Индии (а затем уже с пакистанской стороны), что было реализовано в декабре 2012 г.

Хотя, с другой стороны, российское руководство уже не раз подтверждало свое понимание того, что мы давно живем в многополярном мире и нельзя «класть яйца в одну корзину». В этой связи Москва в ближайшей или среднесрочной перспективе едва ли будет игнорировать ядерную державу с населением почти в 200 млн человек, занимающую по этому параметру 6-е место в мире – после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии (по оценкам индийских экспертов, Пакистан обладает 90–110 ядерными боеголовками³³; однако, по нашему мнению, эта цифра завышена – проведенный российскими экспертами анализ, основанный на данных шведского Института СИПРИ, свидетельствует о том, что число ядерных боеголовок у Пакистана колеблется на уровне 70–80)³⁴.

Следует заметить, что и российско-индийские отношения нельзя рассматривать исключительно сквозь розовые очки. Достаточно сказать, что строительство 3-го и 4-го энергоблоков атомной электростанции Куданкулам (сооруженной с помощью России, в частности 1-й и 2-й энергоблоки) индийская сторона предполагает вести в дальнейшем в соответствии с законом от 2010 г. (по нему ответственность за возможные атомные инциденты несет не только оператор, но и строитель АЭС), что вызвало, мягко говоря, непонимание у российского руководства³⁵.

С другой стороны, и у Дели вызывают недоумение некоторые действия российских руководителей. Например, чрезмерное затягивание с передачей Индии авианосца «Адмирал Горшков» (в индийском варианте – «Викрамадитья»), который должен был стать на вооружение ВМФ Индии уже в декабре 2012 г., не говоря уже о том, что его стоимость по сравнению с первоначальной (750 млн долл. в 2004 г.) возросла до 2,3 млрд долл. к 2013 г.³⁶

Тем не менее мы полагаем, что в перспективе российско-пакистанские отношения будут развиваться по нарастающей, что, несомненно, позитивно скажется (в том числе) и на внутривосточной

ситуации в Афганистане – как с учетом взаимодействия трех сторон, так и в рамках четырехсторонних саммитов, которые могут реально принимать конструктивные решения. Неудивительно в этой связи и то, что в начале октября 2012 г. состоялся визит в Москву практически главного военного лица Пакистана генерала Ашфака Парвеза Кияни, начальника объединенных штабов сухопутных войск.

Следует подчеркнуть, что переговоры пакистанского военного прошли не только с его российским коллегой – главкомом российскими сухопутными войсками генерал-полковником А.Н. Постниковым, но и с тогдашним начальником Генштаба Н.Е. Макаровым (в данном случае не имеет значения, что он уже в отставке, поскольку был и остается важным уровнем переговоров, особенно учитывая то обстоятельство, что начальник Генерального штаба является одновременно первым заместителем министра обороны)³⁷. Кроме того, состоялась встреча пакистанского военачальника с председателем Комитета Государственной Думы по обороне В.П. Комоедовым.

Несмотря на то что переговоры проходили за закрытыми дверями, едва ли можно сомневаться в том, что их основной темой были ситуация в Афганистане и возможные пути решения афганской проблемы. И здесь вполне можно было бы ожидать некоторых конкретных шагов со стороны России в деле установления более тесных контактов с Пакистаном, который объективно станет едва ли не главной фигурой в отношениях с Афганистаном в рамках Центрально-Азиатского региона после окончательного ухода оттуда в 2014 г. войск НАТО. Вряд ли какое-либо государство будет мириться, например, с ситуацией, аналогичной той, которая сложилась в Афганистане после вывода оттуда в 1989 г. советских войск. Нельзя забывать и том, что произошло в Центрально-Азиатском регионе в 90-е гг. XX в., когда образовался прочный и регулярный наркотрафик через государства Средней Азии в Россию. Кроме того, ортодоксальные афганские исламисты сыграли далеко не последнюю роль в гражданских столкновениях уже в XXI в. в ряде центральноазиатских стран, в первую очередь в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

И все же, с нашей точки зрения, военно-техническое сотрудничество (ВТС) с Пакистаном может стать в той или иной мере реальностью, о чем, например, свидетельствует также и приезд в Москву в августе 2012 г. главкома ВВС Пакистана, маршала авиации Тахира Рафик Батта, хотя формально он прилетел на празднование 100-летия ВВС России.

Нам представляется, что скорее всего на первом этапе ВТС с Пакистаном будет развиваться в рамках поставок техники двойного назначения, например тяжелых грузовиков (которые и грунт могут перевозить, и войска в случае необходимости по труднопроходимой местности), что уже было в истории российско-пакистанских отношений. Или гражданские вертолеты (что тоже имело место), но которые сравнительно легко можно переоборудовать в военно-транспортные.

С нашей точки зрения, визит С.В. Лаврова в Пакистан в начале октября 2012 г. не был результатом сделанного ранее формального приглашения российскому министру иностранных дел посетить Пакистан со стороны пакистанского министра Хины Раббани Хар, которая побывала в Москве в феврале 2012 г. Есть определенные основания полагать, что российский министр и не планировал лететь в Пакистан в октябре 2012 г., но был вынужден это сделать, чтобы как-то сгладить сложное впечатление у пакистанской стороны, сложившееся в результате отказа В.В. Путина от поездки в Исламабад. Тем не менее в ходе визита были все же подписаны три меморандума о взаимопонимании – неизвестно уже какой по счету о сотрудничестве в области металлургии, а также энергетики и железнодорожного транспорта³⁸.

Очевидно, что не в меньшей степени будут способствовать развитию российско-пакистанского сотрудничества и переговоры российского премьера Д.А. Медведева с пакистанским премьером Раджой Первез Ашрафом, состоявшиеся в начале ноября 2012 г. в Лаосе в рамках саммита «Азия–Европа». По итогам встречи был подписан нестандартный документ – Декрет о готовности подписать Меморандум о взаимопонимании модернизировать Пакистанский металлургический завод. Но главное все же в ином. В ходе беседы впервые оба премьера четко назвали цифру товарооборота в 2011 г. – 349 млн долл. – и выразили сожаление, что это на 40% ниже, чем до экономического кризиса³⁹. Наивысшего уровня двусторонний товарооборот достиг в 2008 г. – 615,6 млн долл. (при этом объем российского экспорта в Пакистан составил 461,3 млн долл., а пакистанский экспорт в Россию – 154,3 млн долл.). Однако в 2009 г. в связи с экономическим кризисом показатель товарооборота снизился до отметки в 382,3 млн долл.

Тем не менее на состоявшемся в Москве в конце декабря 2012 г. заседании Делового совета по сотрудничеству с Пакистаном было отмечено, что, по предварительным данным, объем российско-пакистанского товарооборота имеет устойчивую в целом тенденцию к росту и достиг в указанном году 660 млн долл.⁴⁰ Хотя, по нашему мнению, и эта цифра весьма далека от существующих возможностей в двусторонней торговле.

Определенный вклад в развитие российско-пакистанских отношений внес визит в Пакистан в феврале 2013 г. Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Валентины Матвиенко, хотя, с нашей точки зрения, он носил больше протокольный характер, нежели преследовал конкретные практические цели, – поскольку те личные контакты, которые были установлены с пакистанскими парламентариями, были уже почти разрушены в марте 2013 г. после роспуска пакистанского парламента в связи с новыми выборами в мае указанного года. Есть надежда на то, что состоявшиеся также встречи с руководством ведущих политических партий Пакистана (по-

мимо основной встречи с председателем Сената Сайедом Бохари) помогут закрепить связи с будущим парламентом страны.

Тем не менее в ходе двухдневного визита (27–28 февраля 2013 г.) В. Матвиенко встретила также с тогдашним премьер-министром Пакистана Раджой Первез Ашрафом и министром иностранных дел Хиной Раббани Хар. В ходе переговоров были особо затронуты вопросы терроризма, обсуждены внутривнутриполитическая ситуация после ухода войск НАТО из Афганистана, участие России в модернизации Карачинского металлургического завода, улучшения инвестиционного климата в Пакистане с целью привлечения российских инвестиций и некоторые другие.

К сожалению, визит В. Матвиенко прошел практически незамеченным для пакистанской общественности, поскольку почти не освещался в пакистанских СМИ. Лишь в одной из пакистанских газет была опубликована короткая заметка о приезде в Пакистан Председателя Совета Федерации⁴¹. По нашему мнению, это было обусловлено острой политической борьбой накануне парламентских выборов в мае 2013 г., что было главной темой в пакистанских СМИ.

Подводя итог сказанному, нельзя не отметить определенный прогресс в российско-пакистанских отношениях в первое десятилетие XXI в. (в частности, в его второй половине) по сравнению с 1990-ми гг. Если в тот период двусторонние политические связи были осложнены чеченским фактором, а также поддержкой Исламабадом режима талибов в Афганистане, то уже к концу первого десятилетия XXI в. явно наступили иные времена. Контуры геополитической ситуации в Азии меняются буквально на глазах, формируются большие пространства взаимодействия региональных государств. Концептуально это выражается в представлениях о Большой Восточной Азии, о Центрально-Восточноазиатском макрорегионе. Организационно это находит отражение в активизации деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). И если здесь партию первой скрипки однозначно ведет Китай, то России в лучшем случае достается пока что второстепенная роль.

Как отмечал В.Я. Белокреницкий, еще в 2008 г. укрепление российско-пакистанских отношений позволило бы Москве уравнивать свои шансы с китайскими в многостороннем диалоге на просторах Центрально-Восточной Азии. Кроме того, это позволило бы России дать понять Индии, что «время учета прежде всего ее интересов в системе приоритетов на южноазиатском направлении миновало. Если Нью-Дели идет на усиление стратегического партнерства с Соединенными Штатами, заключая с ними исключительное по долгосрочным последствиям соглашение о сотрудничестве в мирной ядерной области и открывая себе путь для взаимодействия с Западом в военно-технической сфере, то может ли он рассчитывать на то, что Россия будет по-прежнему воздерживаться от выгодного для нее военного сотрудничества с Пакистаном? Речь, разумеется, не идет о том, чтобы изменить сам вектор военно-технических связей Москвы, но

осуществление определенной коррекции возможно и даже необходимо»⁴².

И все же нам представляется, что причины медленного развития российско-пакистанских отношений лежат не в политической, а преимущественно в организационной области, поэтому дорога для обдумывания и осуществления новых проектов открыта. А с точки зрения дальнейшего развития российско-пакистанского торгово-экономического сотрудничества полагаем наиболее целесообразным уделить внимание нашему участию в инфраструктурных отраслях – в энергетике, в том числе атомной, связи и телекоммуникациях, ирригации и мелиорации, а также металлургии. Это позволит Москве расширить свое присутствие в Южной Азии.

Примечания

¹ См.: Компанцев И.М. Пакистан и Советский Союз. М., 1970; СССР и Пакистан. М., 1984; Пакистан в современном мире. М., 2005. Тема российско-пакистанских отношений анализировалась также в сотнях статей, опубликованных в российских и зарубежных научных изданиях, СМИ, на Интернет-сайтах и т.д., которые перечислить здесь объективно невозможно.

² Nadir Mir. Pakistan-Russia geopolitics. – The Nation, 30.11.2012.

³ Syed M. Aslam. Pakistan Steel Mill. The expansion plan. – Pakistan Economist, February 03–09, 2003.

⁴ Pakistan offers Russia access to Arabian Sea. – The News, 10.02.2003.

⁵ Березинцева О. Первез Мушарраф предложил Владимиру Путину помирить Индию и Пакистан. – Коммерсантъ, 6.02.2003.

⁶ Mir Jamilur Rahman. The Russian visit. – The News, 8.02.2003.

⁷ Костюков А. В России берут, как в Пакистане. – Независимая газета, 8.10.2003.

⁸ www.transparency.org.ru.

⁹ Vaabar M. Ivanov backs Pak-India peace moves. – The News, 16.06.2003.

¹⁰ Был также продлен срок действия подписанной в 2003 г. Программы обменов в области культуры, науки и образования на 2007–2009 гг., но она слабо выполнялась.

¹¹ Business Recorder, Karachi, 13.04.2007.

¹² Steel Mills privatisation plan scrapped: minister. – Dawn, 7.11.2008.

¹³ Russia, China keen on expansion project of Pakistan Steel Mills. – Pakistan Times, 10.12.2010.

¹⁴ Помимо упоминавшихся выше работ следует указать статьи: Серенко И. Россия и Пакистан на пути к взаимовыгодному сотрудничеству. – Азия и Африка сегодня, 2008, № 10; Bakhtiar Hakeem. Relations Through History and Culture: Pak-Russian Ties. – Better Pakistan, № 16, June 2012; Наумкин В. О политике России на Южном направлении. – <http://www.journal-neo.com>. 31.10–2.11.2011; Лунев С. Пакистан или Индия: выбор для России. – Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. Т. 9. № 2(26). Май – август 2011.

¹⁵ The News, 2.08.2009.

¹⁶ Каменев С. Что изменится в отношениях Москвы и Исламабада после «саммита четырех». – www.fondsk.ru, 21.08.2010.

¹⁷ Asad Naeem. Pakistan welcomes greater role of Russia in regional, global affairs: President. – Business Recorder, 11.09.2012.

¹⁸ Cooperation in energy field: pact with Russia to be signed during Zardari's visit. – Business Recorder, 26.12.2010.

¹⁹ Подробнее см.: Бушуев С. К визиту президента Пакистана в Россию (историческая справка). – Дипкурьер. Вестник внешнеполитической жизни России. Вып. № 10, 16.05.2011. С. 9–13; Россия и Пакистан будут сотрудничать. – www.bbcussian.com, 5.02.2003.

²⁰ Pakistan, Russia sign four MoUs on energy, agriculture, air services, investment. – Pakistan Times, 15.05.2011; Zardari offers Russia access to warm waters. – The Nation, 13.05.2011.

²¹ Цит. по: Бушуев С. Дмитрий Медведев: «Я рад визиту президента Пакистана в Россию». – Дипкурьер. Вестник внешнеполитической жизни России. Вып. № 10, 16.05.2011. С. 3–9.

²² Подробнее см.: Каменев С.Н. Пакистан: почему и как страна наращивает закупки вооружений? – <http://www.iimes.ru>, 12.11.2009.

²³ Бушуев С. Дмитрий Медведев: «Я рад визиту президента Пакистана в Россию».

²⁴ Russian firms to help in building energy projects. – The Nation, 16.05.2011.

²⁵ <http://www.gundogar.org>, 20.04.2005.

²⁶ Коргун В.Г. Вывод войск США/НАТО: проблемы и вызовы. – Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития. М., 2012. С. 24–25.

²⁷ Цит. по: Россия и Пакистан будут бороться с терроризмом бок о бок. – Islam News: <http://www.islamnews.ru/news>, 12.05.2011.

²⁸ Основной целью непосредственно этого заседания «антинаркотического квартета» было обсуждение совместной операции в районе афганской провинции Бадахшан, которая является, как отметил В. Иванов, «ключевым плацдармом функционирования всего «северного маршрута» наркотиков» в Европу. – Колебакина Е. Главный враг мирового сообщества – не терроризм, а афганский героин. – <http://www.journal-neo.com>, 13.09.2011.

²⁹ Цит. по: Замараева Н. Пакистан и четырехсторонний саммит. – <http://www.journal-neo.com>, 17.09.2011.

³⁰ Цит. по: Азер Ахмедбейли. Trend News Agency (Азербайджан). – www.inosmi.ru/world, 20.09.2012.

³¹ Dawn, 17.10.2012.

³² Dawn, 28.09.2012.

³³ The Indian Express, 12.04.2012.

³⁴ Сотников В.И. Пакистан продолжает наращивать свой ракетно-ядерный потенциал. – www.iimes.ru, 19.09.2010.

³⁵ Скосырев В. Россия подняла ставки в схватке за индийские заказы. Рогозин пренебрег дипломатическим этикетом. – Независимая газета, 17.10.2012.

³⁶ India to get aircraft carrier in 2013. – The Nation, 30.11.2012.

³⁷ Parvez Jabri. Gen. Kayani, Gen. Makarov discuss bilateral defence cooperation in Moscow. – Business Recorder, 5.10.2012.

³⁸ Pak-Russia relations should be further strengthened: Ashraf. – Dawn, 5.10.2012.

³⁹ Медведев проводит встречу с премьером Пакистана. – «РИА-Новости»: <http://oko-planet.su>, 5.11.2012.

⁴⁰ Марканова Т. Россия – Пакистан: активизация отношений. – <http://tpp-inform.ru>, 28.12.2012.

⁴¹ Daily Times, 1.03.2013.

⁴² Белокреницкий В.Я. Россия – Пакистан. Время для прорыва. – www.fondsk.ru, 5.11.2008.

ГИДРОРЕСУРСЫ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ В ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Тема «водных войн» в последние годы стала одной из доминирующих в политологической литературе. По мнению многих аналитиков, в XXI в. именно вода станет главной причиной межгосударственных конфликтов, подобно тому как в XX в. войны шли за нефть и газ.

«В войнах вчерашнего дня бои шли за землю, – пишет известный индийский ученый, автор книги “Вода: новое поле битвы в Азии” Брахма Челлани. – В войнах сегодняшнего дня – за источники энергии. Но битвы завтрашнего дня будут происходить из-за воды. И нигде эта перспектива не выглядит более реальной, чем в Азии»¹.

Уже сегодня для целей экономического развития водные ресурсы являются вторыми по значимости после нефтегазовых. Между тем из всей имеющейся на земле воды 97% – это непригодная для использования без применения дорогостоящих и энергоемких технологий опреснения вода морей и океанов. Более двух третей общего объема пресной воды представлено ледяными шапками полярных областей и ледников, еще 30% – подземные воды. Лишь 0,3% всей пресной воды технически доступно для использования.

Согласно докладу ЮНЕСКО «Вода в изменяющемся мире», примерно 700 млн человек в 43 странах располагают водными ресурсами в объеме ниже минимальной потребности человека². К 2025 г. эта цифра может возрасти до 3 млрд, поскольку потребность в воде будет нарастать в Китае, Индии, странах Африки к югу от Сахары. Около 540 млн человек в Северном Китае уже сегодня живут в условиях недостатка воды. Человеку в сутки необходимо минимум 20 л воды. Однако 1,1 млрд человек в развивающихся странах мира используют не более 5 л в день³.

Глобальные изменения климата и усиленное таяние горных ледников в последние годы еще более усугубили проблему. Экологические последствия ощущаются уже сегодня – это, с одной стороны, катастрофические наводнения (примером может служить наводнение в Пакистане летом 2010 г., от которого в той или иной степени пострадало более 2 млн человек), а с другой – истощение водных запасов рек и связанные с этим засухи.

Наиболее остро проблемы водопользования проявляются в тех случаях, когда водотоки протекают по территории нескольких госу-

* Волхонский Борис Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ).

дарств. В таких случаях государства, в ведении которых находятся верховья, оказываются в положении монополистов, способных по собственному усмотрению регулировать сток воды, отводя воду для нужд орошения, строя гидротехнические сооружения и т.д.

Следствием такой ситуации становится обострение межгосударственных конфликтов: государства, расположенные ниже по течению рек, выступают против несправедливого распределения водных ресурсов.

В марте 2012 г. дирекция Национальной разведки США опубликовала доклад о положении дел с пресной водой в разных частях мира. Выводы авторов доклада состоят в том, что в ближайшие 10 лет вероятность полномасштабных войн за воду невелика, но в перспективе нехватка воды будет только нарастать, и соответственно – увеличиваться риск возникновения войн. Самыми уязвимыми регионами мира названы Южная Азия, Ближний Восток и Северная Африка⁴.

По сути, войны за воду идут уже сейчас. Во всяком случае проблема дефицита водных ресурсов является важной составной частью многих международных вооруженных конфликтов⁵.

Еще более продолжительный и не менее кровопролитный конфликт, индийско-пакистанский спор вокруг Кашмира, тоже имеет к воде непосредственное отношение. Истоки практически всех рек, протекающих по территории Пакистана, в том числе главной водной артерии, Инда, находятся в Кашмире, и многие из них – на территории, контролируемой Индией. В Британской Индии была создана целая система оросительных каналов, позволявшая использовать воды Инда для нужд земледелия. После 1947 г. эта ирригационная система оказалась разделенной между Индией и Пакистаном, в частности между индийским штатом Пенджаб и одноименной провинцией Пакистана. Уже в первый год после провозглашения независимости обоих государств, весной 1948 г., Индия продемонстрировала соседу действенность «водного оружия», перекрыв снабжение водой каналов, оказавшихся на пакистанской территории (подробнее о проблеме дефицита водных ресурсов между Индией и Пакистаном см. ниже).

При всей сложности межгосударственных проблем, связанных с использованием трансграничных водоемов и водотоков, в международном праве отсутствует единый для всех свод законов, регулирующий правила взаимоотношений государств, находящихся выше и ниже по течению. Две главные международные конвенции – Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер Европейской экономической комиссии ООН от 1992 г. (далее – Конвенция 1992 г.) и Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1997 г. (далее – Конвенция 1997 г.) – имеют целый ряд ограничений. Конвенция 1992 г. является документом регионального значения (членами ЕЭК являются 56 государств Европы и СНГ). Для вступления в силу Конвенции 1997 г. необходима ее ратификация как минимум 35 странами, а на данный момент ее ратифи-

цировали только 12 государств⁶, и дальнейшего расширения числа участников Конвенции не предвидится, поскольку с 2008 г. она закрыта для подписания.

Кроме того, обе конвенции устанавливают лишь самые общие правила, затрагивающие преимущественно экологические проблемы и в меньшей степени – проблемы управления водными ресурсами. К тому же они имеют рекомендательный характер, и в них практически отсутствует механизм разрешения международных споров. Таким образом, единая правовая база для решения споров о правилах использования трансграничных водотоков отсутствует. Не существует и международных организаций, которые были бы способны эффективно воздействовать на проблематику трансграничных водных конфликтов.

Соответственно, водные споры могут решаться лишь на основе национального законодательства, а также двусторонних и многосторонних соглашений по каждому конкретному бассейну. В мире насчитывается более 260 пограничных водных бассейнов и сотни пограничных водохранилищ, а число международных двусторонних и многосторонних договоров по конкретным водоемам превышает 300.

На практике же государства-монополисты, контролирующие истоки международных рек, де-факто руководствуются доктриной Хармона, названной так по имени генерального прокурора США Джадсона Хармона, выдвинувшего в 1895 г. идею об абсолютном территориальном суверенитете. Согласно этой хорошо известной доктрине, каждое национальное государство может использовать воды международных рек, текущих по их территории, по собственному усмотрению, не обращая внимания на последствия для других государств и не вступая с ними в консультации.

Однако парадокс ситуации состоит в том, что одно и то же государство в отношении разных водотоков может оказаться и в положении монополиста, контролирующего верхнюю часть бассейна одной реки, и страной, находящейся ниже по течению другой реки и страдающей от действий государства, контролирующего ее верхнее течение. Так происходит, например, с Индией, которая контролирует верхнее течение истоков Инда и большую часть бассейна Ганга и тем самым способна оказывать давление на страны, находящиеся ниже по течению этих рек – Пакистан и Бангладеш соответственно. Но сама Индия оказывается в зависимом положении от действий Китая в верхнем течении одного из главных притоков Ганга – Брахмапутры.

Азия как часть света, где проживает около 60% населения Земли, а обеспеченность пресной водой – наихудшая, является тем регионом, для которого проблема водопользования стоит наиболее остро. В данной статье рассматриваются два соседних региона – Центральная и Южная Азия, где эти проблемы в течение десятилетий осложняют межгосударственные отношения.

При этом, естественно, не удастся избежать освещения проблем, связанных с государством, непосредственно не принадлежащим к

названным регионам, но занимающим особое положение по отношению к обоим. Речь идет о Китае. Уникальность его положения связана с тем, что Китаю принадлежит Тибетское нагорье, которое вместе с окружающими его горными системами является крупнейшим в мире (после полярных шапок) резервуаром поверхностных пресных вод. И именно Китай по отношению ко всем соседним странам выступает как «верхняя» страна, а в своей политике в сфере водопользования де-факто руководствуется доктриной Хармона. Как правило, он либо вовсе игнорирует интересы стран, лежащих ниже по течению, либо в лучшем случае решает проблемы на двусторонней основе, всячески противясь решению их в многостороннем формате, даже если конкретная река протекает по территории трех и более стран. А от того, как будут решены проблемы водопользования в этой части Азии, зависят судьбы более 3 млрд человек.

Наконец, очерченные выше экономические, социальные, экологические, политико-правовые проблемы приобретают особую остроту и чреватые серьезным осложнением в будущем, учитывая, что три государства региона – Китай, Индия и Пакистан – обладают ядерным оружием.

Рогунская ГЭС и проблемы взаимоотношений Таджикистана и Узбекистана

С точки зрения распределения углеводородных и гидроресурсов пять стран Центральной Азии можно разделить на две группы: богатые углеводородами, но испытывающие нехватку гидроресурсов Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, и, наоборот, не имеющие собственных месторождений углеводородов, но обладающие богатыми водными ресурсами Кыргызстан и Таджикистан. При этом «верхние» страны заинтересованы в использовании рек в гидроэнергетическом режиме, «нижние» – в оросительном.

В советские времена централизованное планирование позволяло устранять дисбаланс в отношениях: в обмен на свободный доступ «нижних» стран к гидроресурсам «верхние» страны получали углеводородное топливо по льготным тарифам. С распадом СССР и разрывом прежних народнохозяйственных связей дисбаланс обозначился со всей очевидностью: углеводородное топливо «верхние» страны вынуждены покупать, тогда как вода достается «нижним» странам по-прежнему бесплатно.

С наибольшей остротой эти проблемы проявились в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном. Они и без водных споров оставляют желать лучшего. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон вечно подозревает узбекского президента Ислама Каримова в намерениях дестабилизировать существующий в Таджикистане режим. Хотя обе страны являются членами одних и тех же межгосударственных объединений и региональных организаций (СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС), между ними действует жесткий визовый режим, транспор-

тное сообщение крайне затруднено, а часть таджикско-узбекской границы и вовсе заминирована со стороны Узбекистана.

Особенно обострились отношения после объявления Таджикистаном планов строительства Рогунской ГЭС на реке Вахш – одном из главных истоков Амударьи, а в перспективе также серии гидроэлектростанций на других притоках Амударьи – Пяндже и Зеравшане.

Рогунскую ГЭС начали строить еще в 1976 г. После распада СССР на основе межправительственного соглашения между Таджикистаном и Россией контракт на постройку ГЭС был передан российской компании «Русал». В 2005 г. парламент Таджикистана денонсировал соглашение с РФ о достройке ГЭС, а затем обвинил компанию в бездействии. Наряду с этим российской компании было отказано в продаже Таджикского алюминиевого завода, на котором она рассчитывала использовать энергию ГЭС⁷.

Главная причина разрыва контракта заключалась в том, что по первоначальному проекту планировалось возведение насыпной плотины высотой 285 м. Контракт был разорван в августе 2007 г. после того, как «Русал» отказался выполнить требование таджикской стороны и достроить плотину до 325 м.

Для Узбекистана, сельское хозяйство которого (и прежде всего хлопководство) во многом зависит от летней ирригации с использованием вод Амударьи, повышение уровня плотины на 40 м представляет собой прямую угрозу. С учетом предполагаемой площади водохранилища объем воды в нем при таком повышении уровня плотины увеличивается примерно на 3 км³, что равняется среднему стоку Вахша за 50 дней. Таким образом, в руках Таджикистана оказываются дополнительные рычаги манипулирования стоком и политического шантажа.

Президент Узбекистана Ислам Каримов назвал еще более впечатляющие цифры. В октябре 2010 г., поясняя причины, по которым Узбекистан возражает против строительства Рогунской ГЭС, он заявил, что процесс наполнения водохранилища водой может растянуться на восемь лет. «Как же мы можем допустить, чтобы жители Узбекистана жили без воды восемь лет, пока полностью заполнится Рогунское водохранилище. Чем же будут заниматься земледельцы все это время?» – цитирует слова президента Узбекистана информационное агентство Kazakhstan Today⁸.

Как отмечает большинство аналитиков, спор о целесообразности строительства Рогунской ГЭС практически невозможно решить на двусторонней основе. Таджикистан приводит массу доводов «за», считая, что строительство ГЭС отвечает его национальным интересам, и отвергает все обвинения в том, что ГЭС представляет угрозу для Узбекистана. Узбекистан приводит такое же количество доводов «против», упирая как на необходимость воды для орошения полей на его территории, так и на возможные экологические последствия, связанные, в частности, с тем, что район строительства – небезопасный в сейсмическом отношении, и обрушение плотины в результате земле-

трясения может привести к катастрофе со множеством человеческих жертв и невозполнимыми потерями для экономики.

В связи с невозможностью решить вопрос на двусторонней основе в конце 2011 г. к его решению были привлечены эксперты Всемирного банка, а основные работы по возведению плотины были приостановлены. Однако, как отмечает А. Грозин, «какое бы заключение ни выдал Всемирный банк – проузбекское или протаджикское – вторая сторона с этим заключением не согласится». Поэтому документ, по мнению эксперта, «скорее всего, будет носить очень расплывчатый характер, который позволит каждой из сторон спора толковать его в свою пользу»⁹.

Подтверждением правоты этого мнения стало новое обострение между соседями в марте 2012 г., когда Узбекистан в одностороннем порядке прекратил поставки газа в Таджикистан. Душанбе в ответ обвинил узбекские власти в «сознательном провоцировании социального напряжения в Таджикистане», припомнив «транспортную блокаду», в том числе задержку грузов для строительства Рогунской ГЭС, недопуск на территорию Таджикистана электроэнергии из Туркменистана, отказ от ликвидации минных полей на границе и закрытие большинства пунктов перехода границы.

Отношения между другими странами Центральной Азии в вопросах водопользования не столь остры, как узбеко-таджикские, однако и здесь существуют свои сложности. Так, после аномально холодной зимы 2007/08 г., когда уровень воды в крупнейшем в Киргизии Токтогульском водохранилище упал в два раза, Бишкек резко ограничил сток воды на территории Узбекистана и Казахстана. Несогласованность сброса воды из Токтогульского водохранилища уже не раз приводила к конфликтам с властями Узбекистана и Казахстана, требующими ограничить сброс в зимнее время и увеличить его летом. Доходило до того, что Ташкент грозил Бишкеку отключениями газа. Есть опасения, связанные с тем, что строительство Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане на р. Нарын – одном из главных истоков Сырдарьи – может привести к нехватке воды и необратимым экологическим последствиям ниже по течению: в Ферганской долине и на территории Казахстана.

Обострению водных проблем способствует и общая политическая нестабильность в регионе, и близость Афганистана. К факторам, ведущим к обострению проблемы, можно отнести нерациональные способы ведения сельского хозяйства, когда значительные объемы воды пропадают впустую либо возвращаются в водотоки и водоемы, неся с собой массу вредных веществ, используемых в сельском хозяйстве. Важно также учитывать и колоссальную коррупционную составляющую, в частности при строительстве гидроузлов. В международно-правовом плане ситуация осложняется тем, что из всех стран Центральной Азии к водной Конвенции 1992 г. присоединились только Казахстан и Узбекистан¹⁰.

Индийско-пакистанский спор о водопользовании в верховьях Инда

Индийско-пакистанский конфликт из-за Кашмира, пожалуй, самый острый и самый долгий из межгосударственных конфликтов, в которых проблемы водопользования играют далеко не последнюю роль. Большинство рек, питающих главную водную артерию Пакистана – Инд, берут свое начало именно в Кашмире.

В конце XIX – начале XX в. в исторической провинции Пенджаб (единой до индийско-пакистанского размежевания) была создана разветвленная система плотин и каналов, позволявшая использовать воды пяти притоков Инда для орошения земель. Два из этих притоков, Джелам и Чинаб, как и сам Инд, пересекают земли бывшего княжества Джамму и Кашмир. После событий 1947–1948 гг. головные сооружения ряда плотин, построенных на трех других – Рави, Беасе и Сатледже, оказались на территории индийской части Пенджаба. Весной 1948 г. правительство индийского штата Пенджаб перекрыло снабжение водой каналов, орошающих поля в пакистанской провинции Панджаб. Конфликт удалось разрешить мирно, но Пакистану показали, насколько велика его зависимость от соседа¹¹.

В 1960 г. при посредничестве Всемирного банка Дели и Исламабад подписали Договор о разделе водных ресурсов Инда. По этому договору Индия получила право распоряжаться водой Сатледжа, Рави и Беаса, а Пакистан получил право на воду Инда и его притоков Джелам и Чинаба¹².

В литературе, посвященной проблемам использования вод трансграничных водотоков, индийско-пакистанский договор 1960 г. часто рассматривается как образцовый – стороны соблюдали его положения даже в период открытых вооруженных конфликтов. Однако в последнее время в Индии часто раздаются голоса, требующие пересмотреть условия договора как не соответствующие изменившимся реалиям.

Следует отметить, что за шесть десятилетий независимости обеспеченность как Индии, так и Пакистана пресной водой в пересчете на душу населения резко сократилась: в Индии она упала с 5 тыс. м³ в год на человека до 1,8 тыс., а в Пакистане – с 5,6 тыс. м³ до 1,2 тыс., притом что показатель в 1 тыс. м³ считается критическим, за которым наступает острый дефицит воды.

На фоне сокращающихся запасов гидроресурсов и грозящего стране хронического водного дефицита особое беспокойство в Пакистане вызвали планы строительства гидроузла Баглихар на р. Чинаб в индийской части Джамму и Кашмира. По проекту плотина должна достичь высоты 145 м. И это только один из 11 разрабатываемых в Индии проектов строительства гидроузлов в Джамму и Кашмире, причём 9 из них должны быть возведены на р. Чинаб, отведенной по договору 1960 г. в пользование Пакистана¹³.

Двусторонние переговоры между Индией и Пакистаном по поводу планов строительства гидроузла Баглихар, проводившиеся в пер-

вые годы XXI в., ни к чему не привели, и в 2005 г. Пакистан обратился во Всемирный банк за посредничеством. Однако проблема до сих пор остается неразрешенной¹⁴.

Другой крупный проект, также начатый Индией в бассейне одной из рек, отведенных в пользование Пакистана, – Тулбулский проект возведения системы плотин и шлюзов для улучшения судоходства на озере Вулар, питаемом водами р. Джелам. Работы по реализации этого проекта были начаты еще в 1984 г., но в 1986 г. приостановлены из-за возражений Пакистана. В марте 2012 г., как сообщила газета «Хинду», Индия объявила, что более не желает вести бесконечные дискуссии и намерена обратиться в международный арбитраж¹⁵.

Главная проблема в отношениях Индии и Пакистана – кашмирская – остается неразрешенной, и перспектив ее решения в ближайшем будущем не видно. Можно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что корень этого конфликта лежит именно в неразрешенности проблем водопользования, которые для Пакистана становятся проблемами выживания, а все прочее – вопросы самоопределения, соблюдения прав человека и т.п. – только отвлекает внимание от главной проблемы¹⁶.

В последнее время в связи с предстоящим выводом войск западной коалиции и началом активного взаимодействия и соперничества мировых держав и соседних государств за сферы влияния в послевоенном Афганистане в проблематике индийско-пакистанского спора о дележе водных запасов Инда наметился новый аспект. Один из главных притоков Инда – река Кабул – берет начало на территории Афганистана и на первый взгляд никак не связан с индийско-пакистанским спором о разделе вод Инда. Однако Индия в последние годы четко обозначила свои стратегические интересы в Афганистане и фактически конкурирует с Китаем за право называться главным иностранным инвестором в экономику этой страны. Один из проектов, к осуществлению которого при финансовой и технико-экономической поддержке Индии уже приступил Афганистан, – строительство гидроузла Кама на р. Кабул, способного еще больше повлиять на объемы стока Инда и негативно сказаться на экономике Пакистана¹⁷.

Проблемы водопользования в бассейне Инда имеют значение не только для межгосударственных индийско-пакистанских отношений, но вызывают и обострение внутренних проблем в обеих странах. В Индии это – постоянные трения между штатами Пенджаб и Харьяна. Для Пакистана проблема стоит еще более остро, поскольку вся территория страны находится в бассейне Инда, и от этой главной водной артерии зависит жизнь буквально каждого пакистанца. Центральная власть Пакистана во все времена отдавала предпочтение двум провинциям – Синду и Пенджабу, которые вели постоянную борьбу за сферы влияния. Это вызывало и продолжает вызывать естественное раздражение жителей других провинций, которые начи-

нают выдвигать свои требования к правительству, вплоть до открыто сепаратистских, как в случае с одной из самых экономически отсталых провинций – Белуджистаном.

Китайские планы поворота тибетских рек и реакция Индии и Бангладеш

Если в бассейне Инда Индия выступает как «верхняя» страна, способная диктовать свои условия расположенному ниже по течению Пакистану, то в случае с бассейном другой великой реки Индостана – Ганга – Индия оказывается в двойственной ситуации. С одной стороны, она контролирует большую часть бассейна и является «верхней» страной по отношению к располагающейся в дельте Ганга Бангладеш. Так, плотина Фаракка, построенная в начале 1970-х гг. в штате Западная Бенгалия менее чем в 20 км от границы с Бангладеш, предназначалась для вымывания ила и осадочных пород в р. Хугли (один из главных рукавов в дельте Ганга) с тем, чтобы улучшить навигационные условия в порту Калькутты. Однако эта плотина уменьшила приток речной воды в Бангладеш, тем самым открыв доступ соленой морской воде к водотокам и сельскохозяйственным угодьям в прибрежных низинах, что вызвало естественное недовольство бангладешской стороны¹⁸.

С другой стороны, один из важнейших притоков Ганга – Брахмапутра (Ярлунг-Цангпо по-тибетски) – берет начало с противоположной стороны Гималайского хребта, на Тибетском нагорье, и Индия и Бангладеш оказываются зависимыми от хозяйственной активности Китая в том, что касается управления водными ресурсами этой реки.

В последние годы Китай приступил к активной реализации проекта переброски вод с юга на север (проект «Юг – Север»). Проектом предусматривается сооружение сети каналов – Восточного, Центрального и Западного, по которым в северном направлении, для орошения земель в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), будет перебрасываться часть стока рек Янцзы, Хуайхэ, Хуанхэ и Хайхэ. Общая протяженность каналов – 1300 км, и по ним будет ежегодно перекачиваться до 50 млн м³ воды.

При этом Китай, будучи естественным монополистом, не является участником ни одной международной конвенции (на Генеральной Ассамблее ООН он голосовал против Конвенции 1997 г.), а также ни одного из региональных многосторонних соглашений по использованию ресурсов трансграничных водотоков. Так, например, Китай не участвует на постоянной основе в работе Комиссии по реке Меконг, созданной в 1995 г. Таиландом, Лаосом, Камбоджей и Вьетнамом.

Все проблемы с соседями Китай предпочитает решать исключительно на двусторонней основе. При этом между Индией и Китаем какое-либо соглашение о дележе трансграничных водотоков отсутствует¹⁹. Это уже само по себе вызывает плохо скрываемое недовольство индийской стороны. «Уникальный статус Китая как источни-

ка трансграничных рек, текущих в наибольшее число стран мира, а также его споры из-за воды почти со всеми государствами, расположенными по течению этих рек, имеют серьезные последствия для его главного соседа на юго-западе – Индии», – отмечают Брахма Челлани и эксперт Центра Карнеги Эшли Теллис²⁰.

В ноябре 2010 г. Китай официально объявил о начале работ по перекрытию Ярлунг-Цангпо (Брахмапутры) в округе Шаньнань Тибетского автономного района, всего в 30 км от индийской границы. Строящаяся дамба должна стать основой для возведения электростанции мощностью 510 мегаватт. В индийской прессе почти сразу же появились сообщения, что дело не ограничится строительством ГЭС (это было бы наименьшим злом, поскольку вода, используемая для производства электроэнергии, возвращается в реку). Заговорили о том, что воды Брахмапутры будут использованы для заполнения западного, самого проблемного и дорогостоящего канала в рамках проекта «Юг – Север» и что в планы Китая входит отвод 200 м³ воды в год²¹.

В начале 2013 г. в индийской печати появились сообщения о том, что в добавление к уже строящейся плотине Китай намерен возвести еще три плотины на Брахмапутре, что вновь обострило старые споры из-за воды²².

Озабоченность планами Китая высказала и Бангладеш. Однако бывший представитель этой страны при отделении ООН в Женеве Харун-ур-Рашид отметил с некоторым злорадством: «Если верить сообщениям, то Китай делает в отношении Индии то же самое, что сама Индия делала со своими трансграничными реками в отношении Бангладеш». И далее: «Китай не считает необходимым консультироваться, обсуждать и садиться за стол переговоров с Индией по вопросу о предполагаемой переброске вод с Тибетского нагорья. Но не может быть одних правил для отношений Индии и Китая и других – для отношений Индии и Бангладеш»²³.

Китайская официальная позиция состоит в том, что отвода рек из Брахмапутры не будет, поскольку это грозит непредсказуемыми экологическими последствиями и может нанести вред двусторонним отношениям. Однако и китайские авторы не отрицают планов масштабного строительства гидроузлов в верхнем течении Ярлунг-Цангпо.

Как отмечают некоторые авторы, Китаю следует опасаться возможных экологических последствий столь масштабных проектов, как «Север – Юг», не меньше, чем странам, располагающимся ниже по течению²⁴. Тем более что негативные экологические последствия такого масштабного проекта, как «Три ущелья» (Санься) на р. Янцзы, ощущаются уже сейчас: по данным Министерства земельных ресурсов Китая, число оползней в районе ГЭС выросло на 70% после того, как вода достигла максимального уровня в 2010 г. Из района строительства уже пришлось переселить 1,4 млн человек, еще как мини-

мум 100 тыс. придется переселить в ближайшие три–пять лет. Кроме того, экологи предупреждают об опасности каскадных обрушений, поскольку гидроузел находится в сейсмически опасном районе²⁵.

Заключение

Все вышесказанное только подчеркивает необходимость выработки универсальных, взаимоприемлемых для «верхних» и «нижних» стран и обязательных для исполнения правил. Выработка их возможна только на многосторонней основе. При этом главным камнем преткновения на этом пути остается позиция Китая – естественного монополиста и «верхней» страны по отношению ко всем без исключения соседям, предпочитающего решать все проблемы на двусторонней основе с позиции силы.

Помимо означенных выше проблем во взаимоотношениях Китая с соседями, можно также отметить масштабные планы отвода вод трансграничных рек для нужд гидроэнергетики, нефтяной, других отраслей промышленности, орошаемого земледелия, животноводства в СУАР, которые влекут за собой негативные последствия и для соседей Китая на северо-западе и севере – Казахстана и России.

Эти планы в основном затрагивают такие реки, как Или, впадающую в расположенное на территории Казахстана озеро Балхаш, и Черный Иртыш – важнейший исток трансграничной реки Иртыш, протекающей по территории Китая, Казахстана и России.

Из-за перемены русла Черного Иртыша Россия уже недополучает свыше 2 км³ воды в год, из-за чего без воды могут остаться Омская, Курганская и Тюменская области РФ. По самым пессимистичным прогнозам, к 2020 г. русло Иртыша на всей территории Казахстана и вплоть до Омска, где в него впадает река Омь, может превратиться в цепь болот и стоячих озер. А это будет иметь катастрофические последствия для экономики и экологии не только Казахстана, но и российских областей Западной Сибири.

При этом многосторонний формат, в рамках которого можно было бы обсудить и попытаться разрешить проблему с учетом интересов всех сторон, существует. Это – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Все рассматриваемые страны либо являются полноправными членами ШОС, либо, как Индия и Пакистан, имеют статус наблюдателей и находятся в шаге от обретения полноправного членства.

В последнее время критики ШОС много говорили о том, что организация исчерпала свой потенциал и нужна только одному ее члену – Китаю – для установления своего доминирования в Центральной Азии²⁶. Однако если бы ШОС включила в повестку дня вопрос о разработке региональной конвенции по водопользованию в Азии, это могло бы придать новый импульс и новый смысл ее существованию. В перспективе к такой конвенции могли бы присоединиться страны АСЕАН, у которых есть серьезные разногласия с Китаем по поводу

дележа гидроресурсов Меконга, а впоследствии эта региональная конвенция могла бы стать основой для юридически обязательной всемирной конвенции.

Важно также добиться того, чтобы предполагаемое вступление Индии и Пакистана в ШОС в качестве полноправных членов не превратило эту организацию в арену нового противостояния, а наоборот – способствовало бы сглаживанию имеющихся проблем между ними, в том числе в сфере водопользования. Необходимо понимать, что попытка вести «игру с нулевой суммой» на практике, как правило, ведет к ситуации, в которой проигрывают все.

Поэтому только координация усилий всех заинтересованных сторон способна способствовать тому, чтобы мрачные прогнозы о «водных войнах», о которых говорилось в самом начале статьи, не сбылись.

Примечания

¹ Chellaney B. Averting Asian Water Wars. – Japan Times, October 2, 2008: <http://www.japantimes.co.jp/text/eo20081002bc.html>.

² Water in a Changing World. – The United Nations World Water Development Report 3 (WWDR 3). Paris: UNESCO, 2009.

³ Проблема пресной воды: глобальный контекст политики России. Экспертно-аналитический доклад. М., 2011. С. 7–8: http://www.mgimo.ru/files2/y06_2011/190229/IMI_Water.pdf.

⁴ Quinn A. U.S. intelligence sees global water conflict risks rising. – Reuters, March 22, 2012: http://in.reuters.com/article/2012/03/22/climate-water-brahmaputra-idINDEE82L0DU20120322?feedType=RSS&feedName=topNews&utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%3A+reuters%2FINtopNews+%28News+%2F+IN+%2F+Top+News%29.

⁵ См.: Соловьев В., Волхонский Б. Непреодолимые междуречья. – Коммерсантъ – Власть, № 37 (741), 24.09.2007: <http://www.kommersant.ru/Doc/806999>.

⁶ Проблема пресной воды: глобальный контекст политики России. С. 32.

⁷ Кожантаева У. Водные ресурсы Центральной Азии никак не могут поделить. – Деловая неделя, 11.05.2008: <http://eurasianhome.org/xml/t/digest.xml?lang=ru&nic=digest&pid=2765&s=h53xql455vwuwxnruiq3h4mg>.

⁸ Жители Узбекистана должны жить без воды 8 лет, чтобы заполнилось Рогунское водохранилище – Каримов. – Kazakhstan Today, 08.10.2010: <http://www.kt.kz/index.php?lang=rus&uin=1253258757&chapter=1153525867>.

⁹ Грозин А. К чему приведет конфликт между Узбекистаном и Таджикистаном? – Пресс-конференция, 11.04.2012: <http://lenta.ru/conf/grozin>.

¹⁰ Рысбеков Ю. О двух «водных» Конвенциях ООН. – Навстречу 6-му Всемирному Водному форуму – совместные действия в направлении водной безопасности. Международная конференция, 12–13 мая 2011 г., Ташкент: http://cawater-info.net/6wwf/conference_tashkent2011/files/discussion_note_2_wat_conv_rus.pdf.

¹¹ Белокреницкий В. Пакистан – Индия: конфронтационная стабильность? – *Международные процессы*. Т. 4. 2006, № 2 (11): <http://www.intertrends.ru/eleventh/003.htm>.

¹² Жмуйда И.В., Морозова М.Ю. Водные войны в Пакистане. – Институт Ближнего Востока, 29.11.2007: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/29-11-07.htm#top>.

¹³ Robert G. Wirsing and Christopher Jaspardo. Spotlight on Indus River diplomacy: India, Pakistan, and the Baglihar dam dispute. – Asia-Pacific Center for Security Studies, May 2006: <http://www.apcss.org/Publications/APSS/IndusRiverDiplomacy.Wirsing.Jaspardo.pdf>.

¹⁴ Dr. Gopal Siwakoti 'Chintan'. Trans-boundary River Basins in South Asia: Options for Conflict Resolution. – International Rivers. Kathmandu, 2011: <http://www.internationalrivers.org/files/TransboundaryRiverBasins.pdf>.

¹⁵ Gargi Parsai. India for arbitration of Tulbul row. – *The Hindu*, March 30, 2012: <http://www.thehindu.com/news/national/article3259314.ece>.

¹⁶ Wasekar S. The Final Settlement. Restructuring India-Pakistan Relations. Mumbai: Strategic Foresight Group, 2005. P. 59.

¹⁷ Abdul Rauf Iqbal. Water wars and navigating peace over Indus river basin. – Institute for Strategic Studies, Research & Analysis, National Defence University Islamabad, Pakistan. Monograph Vol. I, Issue II, 2010. P. 7: http://www.ndu.edu.pk/issra/issra_pub/Monograph_Vol_I_Issue_II.pdf.

¹⁸ Harun ur Rashid. Proposed Diversion of Brahmaputra River by China. – http://www.sydneybashi-bangla.com/Articles/Harun_Diversion%20of%20Brahmaputra%20River%20by%20China.pdf.

¹⁹ Chok Tsering. Changing Discourse on the Diversion of the Brahmaputra. – Institute of Peace & Conflict Studies. India – Articles, #3492, 18 November 2011: <http://www.ipcs.org/article/india/changing-discourse-on-the-diversion-of-the-brahmaputra-3492.html>.

²⁰ Brahma Chellaney, Ashley J. Tellis. A Crisis to Come? China, India, and Water Rivalry. – Carnegie Endowment for International Peace, Washington, September 13, 2011: <http://carnegieendowment.org/2011/09/13/crisis-to-come-china-india-and-water-rivalry/54wg>.

²¹ Hari Bansh Jha. Diversion of the Brahmaputra: Myth or Reality? – IDSA Comment. August 9, 2011: http://www.idsa.in/idsacomments/DiversionoftheBrahmaputraMythorReality_hbjha_090811.

²² China to construct three more dams on Brahmaputra river. – *Times of India*, January 2013: <http://timesofindia.indiatimes.com/world/china/China-to-construct-three-more-dams-on-Brahmaputra-river/articleshow/18257155.cms>.

²³ Harun ur Rashid. Proposed Diversion of Brahmaputra River by China.

²⁴ Tashi Tsering. China's Plans to Divert Water on the Tibetan Plateau. – <http://www.asiapacificmemo.ca/china-plans-to-divert-water-on-the-tibetan-plateau>.

²⁵ Dangers from China's Three Gorges Dam may force another 100,000 people to be displaced. – Associated Press, April 18, 2012: http://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/dangers-in-chinas-3-gorges-region-may-force-another-100000-people-to-be-displaced/2012/04/18/gIQAhSrYPT_story.html.

²⁶ См., напр., раздел «ШОС как инструмент экономической экспансии Китая в Центральной Азии». – *Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая*. М., 2013. С. 86–90.

Раздел VII

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ

С. Ф. Орешкова*

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ВАССАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Османская империя – это государство, включавшее в свой состав огромные территории и множество народов, в настоящее время представленных более чем пятьюдесятью национальными государствами. В период своего наивысшего расцвета оно простиралось от Марокко до Ирана и от Йемена до Северного (включая Подолию) Причерноморья и почти до Вены. Вену, как известно, османы пытались взять дважды – в 1519 г. и 1683 г., но неудачно. Она стала конечным пунктом османского продвижения в Центральную Европу, так же как Мальта в Средиземноморье.

Объединив в рамках одного государственного образования огромный регион, османы сумели создать империю, которая просуществовала почти 500 лет. (Датой ее гибели является 1918 г., а основанием империи считается 1453 г. – год взятия Константинополя. 150 лет османской истории до этого исследователи относят к доимперскому периоду.) Таким долголетием могут похвастаться далеко не все европейские государства. К тому же османское государство на протяжении всей своей истории управлялось одной династией – это вообще уникам в мировой истории.

Османской империи не очень повезло с теми ее оценками, которые до сих пор бытуют в мировой историографии. Поэтому Кемаль Карпат, американский историк турецкого происхождения, назвал османскую историю «падчирицей мировой истории»¹. Еще более сильное определение Османской империи дал профессор университета Аль-Азхар (Египет) аш-Шеннауи: «Оклеветанное исламское государство»². Во всеобщей истории больше представлен период кризиса Османской империи, ее распада, т.е. последних веков ее существования, а не расцвета и процветания. Объяснений этому несколько. Основное их них – Османская империя была врагом христианского мира, а образ врага более интересен своими слабостями, а не достижениями. И еще: с европейцами теснее контактировали балканские христианские подданные империи. Они и несли главную информацию об османском государстве и его устройстве. Как правило, это были люди, не отличавшиеся политической лояльностью к османским властям, ратававшие за восстановление собственной государственности, а потому дававшие европейскому сообществу весьма предвзятую информацию об османской имперской государственно-

* Орешкова Светлана Филипповна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

сти. Сама же Османская империя вплоть до XVIII в. позиционировала себя величайшим государством, а потому мало интересовалась остальным миром и не считала необходимым показывать себя ему.

Итак, что же представляла собой Османская империя? Империи – это государственные образования, объединяющие области и народы с разным уровнем развития, прежним опытом государственности, с разными культурными, социально-экономическими, а порой и этнорелигиозными особенностями. В Османской империи как самоназвание использовали термин *Devlet-i Aliye*, т.е. великое государство. Термин же «империя» – *Osmanlı imparatorlu* – появился довольно поздно и, бесспорно, под европейским влиянием. Султан османского государства мог именоваться бей, хан, хакан, худавендигяр, газа, эмир, халиф, кайзер³. Последний титул – *kauser-i Rum* – римский император, появился после сокрушения османами Византии (Восточно-Римской империи, на Востоке именованной как *Rum*). Он использовался прежде всего при внешнеполитических сношениях, но существовал⁴, а значит, свою преемственность с Византией османы явно воспринимали. Потому-то у османов был вековой конфликт из-за титулатуры с империей Габсбургов, императоров которой они неизменно именовали лишь как *Beç kralı*, т.е. королями Вены, но никак не императорами Священной Римской империи германской нации.

У Адама Меца⁵ есть выражение: «мировые империи» – это нечто противоестественное. С этим нельзя не согласиться. Но в то же время есть и какие-то закономерности их возникновения. Например, территории, на которых сформировалась Османская империя, это колыбель четырех империй: Римской, Византийской, Арабской, Османской, не совсем совпадавших территориально, но объединявших ближневосточный регион. У Н. Йорги есть даже выражение – тот, кто овладевает Константинополем, обречен создавать великую державу. Не будем вдаваться в мистицизм, но приходится констатировать, что для существования здесь империй какие-то геополитические предпосылки, очевидно, присутствуют. Но существуют и геополитические пределы в расширении империй. Для османов они обозначились к XVII в. На тогдашнем технико-организационном уровне развития страна не могла уже более расширяться. До районов возможных новых завоеваний в Европе османские войска (при тогдашних правилах мобилизации и темпах движения) доходили не меньше чем за 100 дней, т.е. попадали к театру военных действий почти к окончанию того сезона, когда кавалерия могла вести военные действия⁶. Знаменательно в этой связи замечание П.Б. Возницина, руководителя Посольского приказа, ведшего переговоры о мире 1681 г., установившем общую границу между Россией и Османской империей: «Они не так силой были сражены, как отдаленностью»⁷. Также и о русско-турецкой войне времен Анны Иоанновны (середина XVIII в.) пишут, что тогда была прежде всего «борьба с пространством». К этому времени и на юге, и на востоке, и на западе, и, наконец, на

севере Османская империя если бы расширялась дальше, то попала бы в чуждое ей геополитическое пространство.

Центральное управление Османской империей имело четко организованную бюрократическую структуру. Кстати, бюрократическая выучка сохраняется в Турции и в настоящее время, и она имеет, очевидно, византийские корни. Вместе с тем если сравнивать Османскую и Византийскую империи, то в их развитии явно чувствуется разная цивилизационная направленность. И эту направленность определил для Османской империи ислам, придавший региону культурно-цивилизационное своеобразие⁸.

При формировании государственной структуры Османской империи параллельно складывалось несколько линий управления, независимых между собой, но централизующих государство и контролирующих друг друга. Две из них были главными: первая – это военно-территориальная управленческая бюрократия; вторая – судебно-религиозная, мусульманская, обособленная от всех остальных, хотя и все остальные управленческие должности в этом государстве могли занимать лишь мусульмане.

Введя миллетную систему⁹ (т.е. систему религиозных, обособленных друг от друга общин) и тем предоставив иноверцам некую автономию, империя как бы отодвинула их на второй план, разрешив жить (и, возможно, экономически процветать) в исламском государстве, но отстранив от государственного управления.

Само же государство было поставлено под контроль кадийской (исламской судебной) структуры империи. Империя считала любую территорию завоеванной, т.е. перешедшей под ее власть, лишь после того, как туда назначался кадий. Вся страна была разбита на казакадилеки – кадийские округа. При этом они не всегда совпадали с административно-территориальным делением. На местах судебная и административная власти были не соподчинены, у каждой было свое высшее начальство. Через кадиаскеров кадии подчинялись шейхуль-исламу, а санджакбеи, бейлербеи, руководившие и опиравшиеся на местах на тимарных владетелей, – великому везиру. Эти два деятеля в Османской империи были самостоятельны и имели выход прямо на султана. Получалась двойная четкая централизация. Кадии, помимо судебных, нотариальных и иных подобных функций, выполняли и контрольные функции как над обществом, вплоть до установления цен на рынках, так и над другими ветвями власти – управленцами, налоговыми службами (также обособленными и централизованными, но через дефтердара подчиненными великому везиру) и т.д. В трудных случаях они обращались к улемским авторитетам, дававшим фетву о соответствии тех или иных поступков властителей шариату. Кадии менялись через год, максимум двадцать месяцев, так что они не успевали установить тесные связи с местным обществом¹⁰. Разумеется, так было в классический период истории Османской империи¹¹. В последние века существования империи четкость этой структуры нарушилась. Но даже и тогда кадийские сиджи-

лы (деловые дневники) оставались неоценимыми кладезями сведений о том, что творилось на местах, как выполнялись султанские распоряжения. В них сохранились жалобы низов на власти предержавшие и сведения о функционировании власти, ее злоупотреблениях и т.п. Все это давало центру подробные знания о том, что творилось на местах. Эта система позволяла верхам не раз преодолевать кризисные явления, проводя меры усовершенствования – так называемые «традиционные реформы»¹².

Вместе с тем такой контроль и жесткая регламентация всех сторон жизни не могли не приводить к застою, консервации всего устаревшего, изжившего себя. Потому-то к XIX в. стране потребовались более радикальные преобразования.

В оправдание ислама и его контрольных институтов напомним, что таково свойство всех религий. Есть некая грань в религиозной регламентации и религиозном руководстве. Ведь и Европа смогла сделать резкий рывок вперед, лишь вырвавшись из папских объятий, ограничив светскую власть понтифика, а в наиболее продвинутых странах – порвав с ней в результате Реформации. Огромные имперские территории не могли управляться единообразно. В пограничных областях не везде и, по крайней мере, не сразу вводилась классическая для османов система управления. Прежде всего преобразования затрагивали те направления, по которым продолжалась османская экспансия. Таким направлением в Европе был так называемый «Царьградский друм», т.е. направление от Софии до Белграда. Эти районы становились обычными имперскими пашалыками, хотя там и преобладало христианское население.

А вот большинство арабских приобретений XVI в. не было преобразовано по классическому османскому образцу – там создавались так называемые эялеты, где присутствовали паша, отряд янычар; области должны были платить ежегодную дань – сальяне – и по требованию центра поставлять войска для участия в войнах империи.

В историографии больше всего вопросов и недоумений вызывает статус европейских пограничных вассалов. Это целая полоса, начиная от венгерских земель (их часть принадлежала Австрии, другая была превращена в классический османский эялет Будин, а Трансильвания [Эрдель] существовала как османское вассальное княжество). Далее шли вассальные Валахия и Молдавия (Эфляк и Богдан – два дунайских княжества с одинаковой системой управления, что позволяло по-турецки называть их зачастую мемлеке-тейн [араб. двойственное число от слова «страна»]), далее Крымское ханство, затем (правда, недолго в последней трети XVII в.) Правобережная Украина гетмана П. Дорошенко и далее на Восток – северокавказские владетели Черкесии и Кабарды, а временами и некоторые владетели Дагестана.

Османская практика управления вассальными территориями состояла в том, что, предоставляя вассальные права правителям той или иной территории, имперские власти по соседству создавали свою опорную базу. Так, утверждаясь в Крыму, часть территории полуост-

рова с центром в Кафе (Феодосия) и далее на северо-восток по побережью вплоть до Азова они выделили в особый эялет, подчиненный центральной власти. Так же на северо-западе Причерноморья порты Килия и Аккерман, а позднее Бендеры, Хотин, а в XVII в. и Каменец-Подольский являлись крепостями, предназначенными не для расширения границ, а для присмотра за вассалами – Валахией, Молдавией, Крымом и другими татарскими ордами. Сами вассалы имели определенную свободу в своих внутренних делах и право внешних сношений. Последнее положение порой ставило в тупик и окружающие страны, и современных исследователей. Например, Трансильвания принимала активное участие в европейских делах XVI–XVII вв. и участвовала в европейских войнах. Трансильванский князь Стефан Баторий был даже избран польским королем. Порой создавалось впечатление, что Трансильвания, Валахия и Молдавия действовали абсолютно самостоятельно, но были определенные пределы этой самостоятельности, которые имперские власти не позволяли переходить. В некоторых военных конфликтах, в которых Османская империя была заинтересована, но сама по каким-то причинам участвовать не хотела, вассалам помогали отряды османских войск, иногда вассалов оставляли без помощи, а то и одергивали, порой даже лишая престола за излишнюю самостоятельность¹³.

Особое положение было у Крымского ханства, которое обладало правом самостоятельно действовать в причерноморских степях (дешт и кипчак). Известен специальный султанский указ 1552 г., в котором говорилось: «...направление донесений нашему Порогу Счастья о делах в этой отдаленной местности и ожидание ответа требует много времени», а потому хану разрешается самостоятельно решать проблемы пограничья и отношений с соседями, а «затем доложить о принятых мерах». Главное, чтобы «враги веры не познали победы», а владения Османской империи были «охраняемы и защищаемы от презренных неверных»¹⁴. Особенно следует обратить внимание в этом разрешении на то, что отчет о своих действиях в центр был обязателен. Более того, в известность следовало ставить и иных пограничных вассалов, так же как и им предписывалось сообщать о своих действиях и происходившем на границах не только в центр, но и по пограничью. В этом отношении очень интересен архив хотинского коменданта (мухафыза), захваченный русскими в период войны 1735–1739 гг. и хранящийся в настоящее время в Архиве внешней политики Российской империи в Москве. Между приграничными правителями шел столь энергичный обмен информацией, что утаить что-то из своих действий им было невозможно – если не сообщат сами, об этом донесут соседи. Не случайно в 1711 г. первые же действия молдавского господаря Д. Кантемира, попытавшегося установить военно-политический союз с Петром I и начать борьбу против османского владычества, стали известны османским властям, что побудило российское командование еще до прибытия основной армии отправить в Яссы корпус Кропотова, чтобы турки, как сказано в молдавской ле-

тописи, «не схватили бы господаря и не низложили бы его»¹⁵. И даже позже, когда в княжествах установилась власть фанариотов, Николай Маврокордато в наставлениях сыну Константину на вопрос, что требуется прежде всего от господаря, отвечал: повиновение Порте, обязанности относительно крымского хана, сношения с соседними пашами, сношения с Польшей, сношения с Австрией¹⁶.

Особый интерес вызывают те вассальные отношения, которые сложились у Османской империи на Северном Кавказе, районе еще более отдаленном и мало освоенном османами, но считавшемся ими своим, входящем в пределы их империи.

Там отдельные племена считались подчиненными крымскому хану, другие же – кафинскому паше, т.е. непосредственно имперской власти. Дань этих племен обычно заключалась в рабах, причем не столько пленных, сколько в рядовых соплеменниках вождя. В османских источниках говорилось даже, что все члены некоторых черкесских племен являются мюльком главы племени. Мюльк – это неограниченная собственность. В отношении людей ислам не позволял таких взаимоотношений. Здесь же, считая эти свои владения харби (дар уль-харб), османские власти допускали сохранение столь архаичных отношений. Подчиненными вассалами были лишь местные князья. В их ведении оставались все внутренние взаимоотношения в племени, но они имели определенную защиту от каких-либо внешних посягательств и возможность самим совершать некие внешнеполитические акции. Их покорности империя добивалась, используя такие традиции региона, как заложничество, побратимство, аталычество (т.е. отдачу детей наиболее знатных семей на воспитание в другие семьи и кланы), а также поддержку межродового и межкланового сотрудничества, смену неугодных правителей родственниками, которые с поощрения властей пребывали при султанском (или ханском) дворе и были готовы принять бразды правления. Результатом такого отношения была социальная нестабильность в вассальных подразделениях, замедлявшая ход их внутреннего развития, но не позволявшая им и противостоять центру, а во внешнеполитических акциях – общеимперской политической направленности. Это была особая, османская, практика вассальных отношений. Проникновение в северокавказский регион российского влияния на первых порах (до 30-х гг. XVIII в.) не противоречило сложившейся там вассальной системе. Многие племена принимали двойной (а то и тройной) вассалитет, оформляя его шертными (союзными) грамотами. Это не означало перехода в иное (русское) подданство. Межгосударственная граница в этом регионе, где впервые соприкоснулись российские и османские территории, оставалась зыбкой, но на протяжении XVI – начала XVIII в. это устраивало обе империи. Османские окраины на северо-востоке так и оставались слабо освоенными имперской структурой. Это было для османов чуждое им геополитическое пространство, куда они не стремились. Во второй половине XVIII в., когда Османская империя потеряла Крым, ее властители попытались укрепить

питься на Северном Кавказе, но сил для этого уже не хватило. Возможности имперского развития для этого государства были уже исчерпаны.

Примечания

¹ The Ottoman State and its Peace in world History. Leiden, 1974.

² Аш-Шеннауи А.А.М. Османская империя – оклеветанное мусульманское государство. Т. I–IV. Каир, 1986. Русский перевод этой книги готов к изданию в издательстве «Рубежи XXI века».

³ Inalcik H. Padişah. – Islam ansiklopedisi, IX. S. 491–493.

⁴ Абрахамович З. Османский султан как восточно-римский император. – *Turcica et ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006. С. 103–105.

⁵ Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1973. С. 18.

⁶ Coles P. The Ottoman Impact on Europa. L., 1968. С. 104–105.

⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940. С. 756–757.

⁸ Орешкова С. Ф. Становление Османской империи: ислам и византийское наследство. – *Османский мир и османистика*. М., 2010. С. 248–268.

⁹ См.: Орешкова С.Ф. Османская империя: проблемы межконфессиональных отношений. – *Восток*, 2008, № 6. С. 33–44.

¹⁰ См.: История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. М., 2006.

¹¹ Inalcik H. The Ottoman Empire. The classical Age 1300–1600. L.–N.Y., 1973.

¹² Термин введен С. Шой – Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Т. 1. Cambridge–L.–N.Y.–Melbourne, 1976.

¹³ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1–2. М., 1998, 2001.

¹⁴ Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 102–103, 105.

¹⁵ Русев Е. Дмитрий Кантемир – поборник свободы и независимости отчизны. – *Лимба ши литература молдовеняскэ*, 1973, № 3. С. 6–7.

¹⁶ См.: Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Одесса, 1899. С. 96–97.

А.В. Болдырев*

РОССИЯ И ТУРЦИЯ В РУССКОЙ ПРЕССЕ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Вопросы, связанные с подготовкой и проведением мирных переговоров в Париже по цензурным соображениям не могли открыто обсуждаться в российской печати. Как правило, там публиковались лишь итоговые результаты переговоров. События за границей во многом представляли собой перепечатку информации из официальных данных (из официального печатного органа МИД России газеты «Journal de St. Petersburg») или из зарубежных источников – в основном из английских, французских, австрийских, бельгийских и прусских газет. В рассматриваемое время наиболее информированными в этом плане печатными органами были газеты «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела»¹. В то же время недостатком этих изданий было то, что все они в той или иной степени отражали собой проправительственную точку зрения, а следовательно, не могли в полной мере считаться выразителями общественного мнения. Тем не менее информация, представленная в них, заслуживает внимания, поскольку позволяет осветить те вопросы, которые волновали в то время общественные круги России в плане российско-турецких отношений.

В период парижских переговоров (они шли с 25 февраля по 30 марта 1856 г.) российская пресса была обеспокоена решением Англии и Франции не допустить каких-либо сепаратных переговоров между Россией и Турцией, несмотря на то, что исход переговоров затрагивал прежде всего интересы этих стран и еще в большей степени интересы самой Турции как страны, объявившей войну России и оказавшейся в числе держав-победительниц. Исходя из этого, газета «Северная пчела» делала вывод, что «эти самые союзники заключают мир, не советуясь с державою, более всего заинтересованною в этом деле, и которая, таким образом, стоит на втором плане в переговорах, касающихся до самых насущных прав ее»². В связи с этим в газете утверждалось, что «Турция очень ошибается, если, вступая в общую систему европейских держав, воображает, что приобретет чрез то полные верховные права, принадлежащие прочим европейским державам»³. Более категорично по поводу положения Турции высказывались «Санкт-Петербургские ведомости», отмечая полную несостоятельность Османской империи как самостоятельного государства. По мнению газеты, невозможно было представить, «что-

* Болдырев Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

бы Турция простирала свое самообольщение до того, чтобы вообразить себе, что ее воля что-нибудь значит. Потомки Османа не имеют уже права сохранять гордый вид, который совсем нейдет к униженному положению их отечества: они дошли до того, что принуждены беспрекословно принимать все законы, какие другим державам будет наложить на них, покровительствуемые... сильными государствами, которые распоряжаются у них как в завоеванной земле...»⁴

В русской прессе обращалось внимание на возможность пересмотра всей системы черноморских соглашений ввиду поражения России. При этом, как можно заключить из информации «Северной пчелы», во многом это связывалось с несамостоятельностью Турции в принятии решений, затрагивающих ее же непосредственные интересы. В связи с этим в российской печати высказывались опасения, что пребывание в Турции крупного контингента англо-французских войск приведет к долговременной оккупации Османской империи союзными войсками, и прежде всего ее черноморского побережья. На возможность такой перспективы неоднократно указывал российский журналист и историк М.П. Погодин, утверждавший, что Англия и Франция используют любой предлог, чтобы продлить свое пребывание в Турции. Обозревая в период войны иностранную печать, М.П. Погодин писал, что там «говорится о требовании союзниками проливов Константинопольского и Дарданелльского, в обеспечении турецкого займа⁵. Сильнейшие укрепления воздвигаются ими на всех важнейших пунктах Черного моря, не исключая крымских берегов»⁶. В период проведения парижских переговоров «Санкт-Петербургские ведомости» (наиболее скептически рассматривавшие возможность Турции как суверенного государства) практически дословно повторяли тезис М.П. Погодина, утверждая, что «оставление в Турции значительного корпуса французских войск теперь уже дело решенное. Этот корпус из сорока тысяч союзных войск расположится на долговременную стоянку по обворожительным берегам Босфора, от которых так трудно отказаться, когда однажды с ним познакомишься. А между тем Англия, без сомнения, будет иметь морскую стоянку в Дарданелльском проливе или Мраморном море»⁷.

В дальнейшем информация о пребывании союзных войск в Турции регулярно появлялась на страницах русских газет (как во время переговоров о мире, так и после подписания Парижского трактата). Так, в начале марта 1856 г. «Северная пчела» сообщала, что английский посол в Стамбуле Ч. Редклифф предоставил ноту турецкому правительству с просьбой ввести английские войска «на неопределенное время» в Варну, Галлиполи и на Крит для обеспечения проведения реформ в соответствии с султанским указом от 18 февраля 1856 г.⁸ В свою очередь «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о «временном» оставлении части французских сил на территории Турции, отмечая, что «англичане расположатся в Варне, Трессонте (Трабзоне. – А.Б.), Скутари, на острове Кандии (Крите. – А.Б.), тогда как французы займут Шумлу, Константинополь, Смирну (Измир. –

А.Б.) и четвертый пункт, насчет которого мнения несогласны»⁹. Отмечалось также, что Австрия хочет как можно более оставаться в Дунайских княжествах, чтобы основательно там закрепиться и «образовать» «эту страну» «по-своему»¹⁰. В связи с этим в «Северной пчеле» высказывалось предположение, что англичане и французы «столь же медленно будут спешить в очищении Турции, как Австрия в оставлении Княжеств (Молдавии и Валахии. – А.Б.)»¹¹. В начале апреля 1856 г. «Санкт-Петербургские ведомости» констатировали, что все важнейшие пункты Азиатской и Европейской Турции заняты союзными войсками¹².

Из информации российской прессы следует, что в рассматриваемое время общественная мысль в России была в первую очередь озабочена возможностью фактического раздела Османской империи ее союзниками. В связи с этим российские газеты оценивали возможность установления господства англо-франко-австрийской коалиции в Черноморско-Дунайском регионе как вполне реальную, опасаясь полной несостоятельности Турции как полноправного военного партнера великих держав¹³.

Интересно, впрочем, отметить и другое. Рассматривая Турцию как младшего партнера антироссийской коалиции, русские газеты, тем не менее, активно отслеживали информацию о позиции Порты по тому или иному вопросу, касающемуся заключения мира. Так, «Северная пчела», комментируя реакцию турецкого правительства на просьбу английского посла Ч. Редклифа продлить военное присутствие английской армии в Османской империи, отметила, что Порта выразила сомнение на этот счет, сославшись на возможную отрицательную позицию по этому вопросу других держав¹⁴. Те же настроения Порты отмечались и в «Московских ведомостях»¹⁵.

«Санкт-Петербургские ведомости» также писали в те дни, что турецкое правительство «очень встревожено известием о намерении союзников оставить войска в Турции по заключении мира. У посланников потребованы на этот счет объяснения, но они отвечали, что вопрос этот до них не относится и что конгресс (Парижский мирный конгресс 1856 г. – А.Б.) призван решить все, касающееся восточных дел»¹⁶. Отмечалось, что Россия неизбежно будет возражать против постоянного присутствия австрийских войск в Молдавии и Валахии. При этом не исключалось, что Россия и Турция вместе поставят вопрос перед великими державами об объеме и условиях пребывания англо-французских войск в Османской империи¹⁷.

Следует отметить, что в российской прессе рассматривалась и сама возможность восстановления взаимоотношений между Россией и Турцией на довоенном уровне. Эта мысль была отражена в «Северной пчеле», которая сообщала, что «добрые турки»¹⁸, ласкающие себя важностью роли Турции на Парижских конференциях», сожалеют, что турецким представителем на конгрессе будет не Решид-паша¹⁹, полагая, что тот был способен заключить с ней «тайный трактат союза», «в чем заключается последняя надежда турок». Назначение

представителем России на конгресс А.Ф. Орлова, «того самого дипломата, который показал свою умеренность в Адрианополе в 1829 году и великодушие в Ункиар-Скелесси (Ункяр-Искелеси. – А.Б.), показало хорошим предзнаменованием для турок»²⁰.

Следует отметить, что, рассматривая Решид-пашу как сторонника русско-турецкого сближения, «Северная пчела» и ее зарубежные корреспонденты показали свою неосведомленность о политических взглядах этого турецкого государственного деятеля. Разумеется, сам Решид-паша не был убежденным противником России и не стремился в 1853 г. доводить дело до военного конфликта двух стран. Однако его внешнеполитическая концепция зиждилась на проведении Портой самостоятельной внешней политики при опоре прежде всего на Великобританию, которая, по мнению Решид-паши, в отличие от Франции и России была заинтересована в сохранении целостности Османской империи. Подобная система взглядов была сформулирована Решид-пашой еще в 1830–1840-е гг., и в дальнейшем он придерживался этих принципов при проведении своего внешнеполитического курса²¹.

Таким образом, российская пресса отмечала схожесть интересов России и Османской империи, равно не заинтересованных в долговременном пребывании союзных войск на берегах Черного моря. Тем самым можно сделать вывод о том, что уже в период подписания Парижского мира в российском обществе постепенно вызревала мысль о возможном сотрудничестве между Россией и Турцией после войны, по крайней мере в отношении защиты своего влияния в Черноморском регионе от посягательств неприбрежных держав. Развитие этой тенденции в принципе могло привести общественное мнение России к мысли о необходимости кооперации с Турцией по вопросам, в той или иной степени касающимся проблем Черного моря. Возможность для этого создавали, во-первых, само заключение мира между Россией и Турцией, а во-вторых, недовольство, которое стала проявлять значительная часть турецкого общества после заключения мира.

Так, «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что теперь в Стамбуле «все начинают размышлять только уже о следствиях этой новости (заключении мира. – А.Б.), и эти размышления значительно изменили те впечатления, с которыми известие мира было принято разными частями пестрого константинопольского населения. Непосредственное прекращение пролития крови здесь никого не тронуло... Поэтому не ожидайте описаний неумеренного энтузиазма или больших публичных изъявлений радости. Турки приняли известие о мире очень спокойно»²². «Северная пчела» также сообщала информацию, согласно которой «прежняя радость турок при известии о заключении мира сменилась тревогой и равнодушием... В ту минуту, как вся Европа думает, что восточный вопрос кончен, жители Турции чувствуют, что вопрос этот в существе только изменился и сделался сложнее... Турецкие патриоты думают теперь, что в будущем, может

быть, союз европейских держав будет для них опаснее, нежели было соперничество. Они знают, что Турция всегда пользовалась распрями христианских держав, хотя другие и указывают на край бездны, какой бездны поставлена была Турция войною России с Западом»²³.

Разумеется, не сам факт наступления мира вызывал беспокойство турецкого общества, и прежде всего стамбульского населения, уставшего от долгой войны, присутствия иностранных войск вблизи Стамбула и в самой турецкой столице и желавшего восстановления спокойствия на Черном море для нормального снабжения турецкой столицы продовольствием, что в значительной степени зависело от российского хлебного экспорта. Российские газеты связывали главный источник недовольства турецкого населения с формальным уравнением христианских и мусульманских подданных султана согласно «священному указу» от 18 февраля 1856 г., чреватого, по мнению мусульманского большинства, разрушением традиционного мусульманского государственного устройства.

Интересно при этом отметить, что, судя по газетным публикациям, в отличие от основной массы населения, турецкое правительство заботил не столько факт издания султаном данного декрета, сколько включение его в текст Парижского трактата. В русских газетах указывалось на стремление Турции избежать этого²⁴. Связано это было с явным нежеланием Турции создавать прецедент для вмешательства европейских государств во внутренние дела Османской империи, получивших, согласно Парижскому трактату, право коллективного покровительства над христианским населением Турции.

О трудностях проведения в жизнь положений султанского декрета от 18 февраля 1856 г. российские газеты писали довольно часто. По их мнению, именно это обстоятельство могло стать поводом к длительной оккупации Османской империи ее бывшими военными союзниками. В газетах неоднократно появлялись сведения о резком обострении обстановки в Малой Азии после обнаружения хатт-и хумаюна. В «Северной пчеле» сообщалось о массовых избиениях христиан в Малой Азии, в том числе на черноморском побережье и турецкой части Балкан (в Болгарии)²⁵. В той же газете обстановка в связи с провозглашением хатт-и хумаюна оценивалась следующим образом: «Благодаря присутствию союзных войск здесь (в Стамбуле и его окрестностях. – А.Б.) все спокойно, и мы надеемся, что европейские гарнизоны долго будут оставаться в Константинополе и в других городах для безопасности нашей (т.е. проживающих в Стамбуле европейцев. – А.Б.) и самого турецкого правительства. Все сознают теперь, что обнаружение гати-гумаюна есть самая грубая и печальная ошибка для всего Востока»²⁶. Число христиан в Европейской Турции так значительно, что они могут заставить уважать себя, если только само правительство действительно думает об исполнении обнародованных правил веротерпимости. Посему в этих областях происходили только отдельные убийства, но в Азии христиане находятся в весьма опасном положении. Там безначалие дошло до

высшей степени, и хотя начальства довольно благонамеренны, чтобы не присоединяться к фанатизму черни, но для собственного спокойствия должны смотреть сквозь пальцы на все насилия»²⁷.

По сообщениям из Стамбула, в связи с ухудшением положения христианского населения турецкое правительство пыталось принять ряд мер для обеспечения его безопасности и согласилось на продолжительное пребывание в Стамбуле двух французских дивизий «для нравственного содействия турецкому правительству»²⁸. О требованиях европейской прессы продлить пребывание европейских войск в Малой Азии для обеспечения безопасности христианского населения сообщали и «Московские ведомости»²⁹.

Итак, по мнению русских газет, сложная обстановка, связанная с проведением в жизнь указа султана, призванного обеспечить межконфессиональное равноправие в турецком государстве, могла привести к продолжительному пребыванию англо-французских войск в Османской империи под предлогом обеспечения безопасности своих подданных. При этом общая тональность газетных публикаций заставляет прийти к выводу, что печать в России рассматривала декрет султана во многом как заранее подготовленный державами акт, призванный обеспечить долговременную оккупацию Турции. Такая точка зрения не соответствовала действительности, однако она показывает, насколько влияние России в Османской империи упало после войны. По этой причине мысль о послевоенном сотрудничестве с Турцией не получила развития в российской прессе, несмотря на то, что положение дел в Черноморском регионе и непосредственно вблизи Босфора и Дарданелл рассматривалось ею как весьма тревожное. Причин этому было несколько.

Во-первых, заключение мира, несмотря на его положительное влияние в плане урегулирования затянувшегося российско-турецкого военного конфликта, само по себе не могло способствовать быстрому восстановлению отношений между недавними противниками. Не мог способствовать этому и тот факт, что именно с данного периода, ввиду резкого усиления в Турции политического влияния Франции и экономического доминирования Англии, общественная мысль России все менее была склонна рассматривать Османскую империю как государство, способное принимать самостоятельные решения. Неудивительно поэтому, что принятие «священного указа» рассматривалось в русских газетах не столько как решение, продиктованное внутренними потребностями Турции, сколько как акт, инспирированный великими державами.

Во-вторых, оценивая перспективы русско-турецких отношений, газеты в России не могли не учитывать негативную реакцию европейских держав на возможность российско-турецкого сближения, тем более что вся информация о положении в Турции черпалась из зарубежных источников. Отмеченное в печати желание Европы решить на Парижском конгрессе «все касающееся восточных дел»³⁰ не могло

рассматриваться в России иначе как твердое желание великих держав не допустить восстановления прежнего российского влияния на Ближнем Востоке. Ввиду ослабления военного могущества России этот факт также должен был учитываться в русской прессе при рассмотрении будущей политики в отношении Турции.

В-третьих, исчезла и сама основа для российско-турецкого сотрудничества. В апреле 1856 г. в «Северной пчеле» появилась информация о скором выводе союзных войск с территории Османской империи. Сообщалось, что союзные войска останутся в Турции на непродолжительное время, необходимое «для беспрепятственного отправления огромных военных снарядов и съестных припасов, но... ни в каком случае нет речи о постоянном или продолжительном занятии каких-либо пунктов Турецкой империи»³¹. Отмечалось, что союзные войска останутся на территории Османской империи лишь на то время, которое необходимо для перевозки своих армий из Крыма и Турции на родину³². Наконец, 10 (22) апреля «Северная пчела» сообщила о начале вывода австрийских войск из Молдавии и Валахии³³. В связи с этим опасения относительно преждевременного раздела Османской империи были сняты ожиданиями скорого вывода союзных войск с территории Турции.

Таким образом, в период парижских переговоров турецкая проблематика была актуальна в российской общественной мысли. Этому способствовали поражение России в войне и оккупация войсками антироссийской коалиции черноморского побережья Турции. В условиях резкого ослабления влияния России на Ближнем Востоке и усилившегося в период войны англо-французского влияния в Османской империи это вызывало беспокойство русского общества за судьбу «турецкого наследства», точнее, той его части, которая напрямую затрагивала интересы России – Проливов, Дунайского региона и Балканского полуострова. По мнению российской прессы, положение дел в значительной степени осложняло обнаружение февральского фирмана 1856 г., реализация которого могла повлечь длительное пребывание англо-французских войск на территории Турции. Российская печать опасалась, что это может привести к началу фактического раздела Османской империи ее бывшими союзниками без участия России. Подобные настроения способствовали возникновению в российской прессе идеи о возобновлении практики двусторонних отношений с Турцией. Данная идея, однако, не получила в то время дальнейшего распространения, поскольку развитию наметившейся было в газетной публицистике России тенденции к российско-турецкому послевоенному диалогу помешало сомнение в возможностях Турции как самостоятельного государства. В этих условиях русские газеты предпочитали учитывать позицию европейских держав, которые после войны заняли преобладающее положение на Ближнем Востоке.

Примечания

¹ Помимо этого, ценность «Московских ведомостей», «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Северной пчелы» как исторических источников объясняется еще и тем, что на 1856 г. из крупных общероссийских газет они были единственными продолжающимися изданиями (т.е. в отличие от ряда других изданий издавались до и после 1856 г.).

² Северная пчела (далее – СП), 1856, 10 (22) марта, № 56.

³ СП, 1856, 31 марта (12 апреля), № 74. Имеется в виду официальное принятие Турции на Парижском конгрессе в «концерт великих держав».

⁴ Санкт-Петербургские ведомости (далее – СПбВ), 1856, 29 марта (10 апреля), № 72.

⁵ Имеется в виду второй займ турецкого правительства, сделанный им у английских и французских банков в августе 1855 г. (свой первый займ у великих держав Порты осуществила в августе 1854 г.).

⁶ Погодин М.П. Сочинения. Т. IV. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 319.

⁷ СПбВ, 1856, 29 марта (10 апреля), № 72.

⁸ СП, 1856, 1 (13) марта, № 48. Имеется в виду «священный указ» (хатт-и хумаюн), изданный султаном Абдулмеджидом 18 февраля 1856 г. в продолжение программы реформ, декларированной Гюльханейским актом (хатт-и шериф Гюльхане) 1839 г. Указ (фирман) от 18 февраля 1856 г., который был одним из условий принятия Турции в Парижский «концерт великих держав» (ст. 7-я Парижского трактата), декларировал равные имущественные и личные права всем османским подданным без различия вероисповедания, допуск немусульман к государственной службе, а также проведение военной, административной и налоговой реформ. Следует отметить, что наиболее рьяно вступление Турции в «европейский концерт» отстаивал Ч. Редклифф, а также представители Франции и Австрии, т.е. те державы, которые после установления в Османской империи коллективного покровительства держав в отношении христианского населения Турции рассчитывали усилить свое влияние на политику Стамбула. В результате, несмотря на то, что принятие хатт-и хумаюна формально ввело Турцию в «концерт великих держав», это не спасло ее от восстаний христиан в Боснии и Болгарии и мусульман в Ливане, поскольку каждая из этих конфессий была по-своему не удовлетворена султанским декретом.

⁹ СПбВ, 1856, 23 марта (4 апреля), № 67. По сведениям «Московских ведомостей», этим четвертым пунктом мог стать Галлиполийский полуостров (Московские ведомости, 1856, 24 [5 апреля], № 36).

¹⁰ СПбВ, 1856, 3 (15) апреля, № 76. (Заграничная переписка «СПБ ведомостей». Тунеев В. Письма из Италии).

¹¹ СП, 1856, 3 (15) апреля, № 76.

¹² СПбВ, 1856, 6 (18) апреля, № 79.

¹³ Опасения русской прессы были связаны прежде всего с тем, что на тот момент текст Парижского трактата еще не был опубликован в печати, а следовательно, в России не могли знать, что Парижский трактат предусматривал обязательную эвакуацию войск коалиции из Турции. Не исключено, однако, что и сама публикация договора не смогла

бы в полной мере успокоить общественное мнение в России. Дело в том, что в трактате не были определены конкретные сроки эвакуации, а до этого момента, согласно тексту договора, союзные войска продолжали оставаться на занятых территориях.

¹⁴ СП, 1856, 1 (13) марта, № 48.

¹⁵ Московские ведомости (далее – МВ), 1856, 5 (17) апреля, № 41.

¹⁶ СПбВ, 1856, 24 марта (5 апреля), № 68.

¹⁷ СПбВ, 1856, 3 (15) апреля, № 76. (Заграничная переписка «СПБ ведомостей». Тунеев В. Письма из Италии).

¹⁸ Термин «добрые турки» не следует понимать буквально. Зачастую этим словосочетанием в русской публицистике называли партию «старых турок», т.е. турецких сановников, сделавших карьеру в эпоху правления Махмуда II (1809–1839) и ориентированных на поддержание добрососедских отношений с Россией.

¹⁹ Мустафа Решид-паша – турецкий дипломат и государственный деятель, сторонник модернизации Турции. В 1837–1845 гг. неоднократно занимал пост министра иностранных дел, в 1846–1858 гг. шесть раз был великим везиром.

²⁰ СП, 1856, 14 (26) марта, № 59.

²¹ См. подробнее: Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). М., 1980.

²² СПбВ, 1856, 21 апреля (2 мая), № 88.

²³ СП, 1856, 6 (18) апреля, № 79.

²⁴ МВ, 1856, 5 (17) апреля, № 41.

²⁵ СП, 1856, 21 апреля (2 мая), № 89. Имеются в виду события в Созополе – болгарском причерноморском городе, расположенном недалеко от порта Бургас.

²⁶ Имеется в виду не сама попытка реализации султанского указа, а лишь разглашение Портой своего намерения осуществить это.

²⁷ СП, 1856, 25 апреля (7 мая), № 90. В «Северной пчеле» от 21 апреля 1856 г. в связи с этим сообщалось, что сивасский паша, пытавшийся предотвратить избиение христиан, был убит.

²⁸ СП, 1856, 27 апреля (9 мая), № 93. Данные сведения «Северная пчела» подчерпнула из английской газеты «Independence Belge».

²⁹ МВ, 1856, 28 апреля (10 мая), № 51.

³⁰ СПбВ, 1856, 24 марта (5 апреля), № 68.

³¹ СПбВ, 1856, 31 марта (11) апреля, № 74.

³² СПбВ, 1856, 3 (15) апреля, № 76.

³³ СПбВ, 1856, 10 (22) апреля, № 82.

*А.Ю. Рудницкий**

«БОЛЬШАЯ ИГРА» В ЦЕНТРЕ АЗИИ (Б.Л. Громбчевский и восстание Исхак-хана 1888 года)

Бронислав Людвигович Громбчевский (1855–1926) – путешественник, востоковед, военный офицер и разведчик, был одним из участников «Большой игры», развернувшейся в Средней и Центральной Азии¹ в XIX – начале XX в. Он прославился своими географическими экспедициями на Памир, в Тибет, ханство Канджух², в другие мало исследованные районы азиатской глубинки. Менее известна деятельность Громбчевского в качестве «имперского агента», выступавшего активным сторонником расширения российского влияния в регионе и решительного противодействия экспансии англичан. Он обсуждал с правителями памирских и припамирских ханств вопросы союза с Россией (и даже вхождения в ее состав), готовил и осуществлял военные рейды и тайные операции.

Сведения об одной из них содержатся в воспоминаниях Громбчевского «На службе российской», которые были опубликованы в Варшаве в 1926 г.³, с тех пор не переиздавались и толком не изучались (во всяком случае отечественными историками). Между тем эпизод, о котором пойдет речь, носит почти сенсационный характер, поскольку Громбчевский пишет о причастности России (и своей лично) к организации восстания Исхак-хана в Афганистане в 1888 г. Задача настоящей статьи – критически проанализировать эту информацию и определить степень ее достоверности.

Громбчевский находился в Средней Азии с 1876 г., участвовал в боевых действиях (завоевание Хивы и Коканда, Махрамское сражение, взятие Самарканда, Алайский поход), был ординарцем у М.Д. Скобелева, князя Ф.К. Витгенштейна, командовал стрелковой ротой. Помимо военного дела, с энтузиазмом изучал культуру, быт и историю народов региона, в совершенстве овладел узбекским, таджикским и персидским языками.

В 1885 г. в качестве члена Комиссии по делимитации границы с Китаем он (тогда еще поручик) отправляется в инспекционную поездку в Кашгарию. Это было путешествие, длившееся почти четыре месяца, сопряженное с немалыми трудностями, тяготами и лишениями. По его результатам Громбчевский подготовил три служебных записки, изданные военным издательством Нового Маргелана⁴: «Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 г.», «Очерк китайских войск, укреплений и административного устройства Кашгарию»

* Рудницкий Артем Юрьевич, доктор исторических наук, зам. директора департамента МИД РФ.

и «Очерк системы административного управления Кашгарии»⁵. Материалы отличались четким, системным изложением фактов и привлекли внимание к автору со стороны военного командования и научных кругов.

За кашгарскую экспедицию император Александр III по представлению Военно-ученого комитета Главного штаба поощрил Громбчевского суммой в 1 тысячу рублей (для поручика, получавшего ежемесячно 34 рубля, это были немалые деньги)⁶, а Императорское Русское географическое общество наградило его серебряной медалью.

Громбчевский занимает должность старшего чиновника по особым поручениям при военном губернаторе Ферганской области и вскоре отправляется в очередной поход – на этот раз исследует Центральный Тянь-Шань, бассейн Нарына и истоки Сыр-Дарьи. В 1886 г. его ждет повышение – чин штабс-капитана. Затем он поступает на астрономический факультет Санкт-Петербургского университета, занимается в Пулковской обсерватории и опять возвращается в Среднюю Азию. В это время (шел 1888 год) ему представляется редкая возможность выполнить особое поручение государя императора. Вот что рассказывается об этом в его мемуарах.

В начале 1888 г., когда Громбчевский охотился в горах, неожиданно его разыскал порученец со срочным приказанием прибыть в Маргелан. Пришла телеграмма генерала-губернатора Н.О. Розенбаха с предписанием немедля мчаться в Петербург и явиться в Военно-ученый комитет Главного штаба. Причины вызова не объяснялись, но молодой офицер не мешкая собрался и выехал в столицу, где, по его словам, не был уже 13 лет.

В то время добраться до Петербурга из Средней Азии было делом непростым. Сначала 700 км до Самарканда, где начиналась железная дорога. Оттуда поездом до станции Узун-Ада на берегу Каспийского моря. На корабле – до Баку, потом снова поездом до Тифлиса. Затем опять лошадьми по Военно-Грузинской дороге (считавшейся в то время лучшей в России) до Владикавказа, откуда пассажирский поезд шел уже до самой столицы. Дорога заняла 10 дней, и все это время Громбчевский безуспешно гадал, кому и зачем он понадобился в Петербурге. Узнать это он смог лишь на десятые сутки, в восемь утра, когда вошел в приемную Военно-ученого комитета.

Там – каков сюрприз! – он встречает своего старого знакомого А.Н. Куропаткина (в то время – генерал-майора Главного штаба, в будущем – военного министра), который излагает ему суть дела. Александр III, который был раздражен враждебной России европейской политикой Великобритании (особенно в балканском и польском вопросах), пожелал хорошенько проучить англичан, но, как сказали бы нынешние политологи, «асимметрично» – не в Европе, а в Средней Азии. Монарх, по его собственному выражению (приводится Громбчевским), пожелал британцев «укусить, да побольнее».

Надо сказать, что руководство российского МИДа во главе с Н.К. Гирсом и В.Н. Ламздорфом (министром и директором канцеля-

рии) «страшилось войны» (тоже слова Александра III в передаче Громбчевского) и не хотело лишний раз ссориться с Лондоном, тем более из-за «какой-то Азии». Поэтому государь обратился к тогдашнему военному министру П.С. Ванновскому, более сурово настроенному в отношении Туманного Альбиона. П.С. Ванновский, в Туркестане не бывавший, вызвал А.Н. Куропаткина, считавшегося специалистом по этому региону⁷, а тот обратился к Громбчевскому.

Штабс-капитан просил несколько дней на размышления, но ему доходчиво разъяснили, что все сроки давно вышли. Император нервничает, не дай бог прогневаается. Нужно конкретное предложение, причем безотлагательно. В распоряжении Громбчевского имелась всего пара часов. Не выходя из кабинета А.Н. Куропаткина, он набросал план тайной операции, от которого царь пришел в восторг. Предлагалось поднять в Афганистане восстание против поддерживавшегося англичанами эмира Абдуррахман-хана. Возглавить его должен был проживавший в изгнании в Самарканде двоюродный брат эмира Исхак-хан (получал от российского правительства «скромный» пенсион в 1 тыс. рублей ежемесячно), которого нужно было обеспечить оружием и деньгами. Этот «братец» в 1883 г. уже бунтовал против своего сюзерена, пытаясь отколоть от Афганистана Чар-Вилаят (северо-восточные области страны, включавшие Бадахшан, памирские ханства Шугнан, Рошан и Вахан), но был разбит. Теперь же с российской помощью все могло быть по-другому. Громбчевский просчитал, что для победы Исхак-хану потребуется 10 тыс. рублей, 1 тыс. карабинов Бердана, 100 тыс. патронов и 6 горных орудий.

Военный министр усомнился в том, что восстание позволит свергнуть режим Абдуррахман-хана, однако важно было исполнить волю царя. Громбчевский сумел за один день уладить все формальности и, даже не переночевав в Петербурге, выехал назад, в Среднюю Азию. Таким образом, в столице он провел всего 12 часов⁸. Собственно, никто не ожидал от него такой прыти. Начальство сочло бы совершенно естественным, если бы молодой офицер, тянувший ляжку нелегкой службы в колонии, отдохнул пару деньков и расслабился. Однако подобное времяпровождение казалось Громбчевскому пустым и неинтересным. Столичным развлечениям он предпочитал приключения на границе, которые могли принести отечеству пользу, а ему – известность и славу.

Забегая вперед, отметим, что известности и славы Громбчевскому «затея» с Исхак-ханом не принесла. Информация о ней держалась в тайне, и молодому офицеру оставалось довольствоваться тем, что высшее начальство осведомлено о его заслугах. А вот польза отечеству и впрямь могла оказаться существенной. Утверждение на севере Афганистана дружественного России правителя могло стать прорывным ходом в «Большой игре», менявшим соотношение сил в российских интересах.

В 1880-е гг. центр тяжести «Большой игры» сместился на Памир, господство над которым имело стратегическое значение. Оно откры-

вало возможности для упрочения влияния в регионе участников «игры» и дальнейшей активизации их экспансии. Победа Исхак-хана дала бы Петербургу шанс на упрочение своих позиций в Шугнанах, Рошанах и Ваханах с выходом на Канджун, располагавшийся на самом пороге Британской Индии. В общем, «игра стоила свеч». Вместе с тем далеко не все в российской военно-политической элите разделяли эту точку зрения. В частности, это относилось к генерал-губернатору Туркестана Н.О. Розенбаху.

«Спокойный немец, избегавший всего сомнительного и рискованного», – так его характеризовал Громбчевский. Н.О. Розенбах был возмущен затеянной авантюрой, заявив, что «они там все с ума походили»⁹. Правда, выяснив, что приказ исходит от императора, он умерил свое негодование, пообещав Громбчевскому предоставить все необходимое для задуманной операции. Генерал-губернатор не забыл подчеркнуть, что сам он не желает иметь с этим ничего общего и не может допустить, чтобы возможная огласка бросила тень на российское военное командование. Поэтому Громбчевскому было велено подать прошение о переводе в резерв, чтобы своими действиями он никого не скомпрометировал. С улыбкой Н.О. Розенбах предположил, что если Громбчевский попадет в руки афганцев, то его посадят на кол. С таким добрым напутствием он отпустил штабс-капитана¹⁰.

Громбчевский составил требовавшуюся от него бумагу и поспешил в Самарканд, чтобы договориться с Исхак-ханом. Тот был изумлен сделанным ему предложением и «не верил собственному счастью»¹¹. Конечно, он дал согласие, не сомневаясь, что с российской помощью одолеет Абдуррахман-хана. Далее Громбчевский действовал по заранее подготовленному плану. Сначала через границу (в районе Термеза, где стояла российская пограничная часть) на больших арбах были переправлены оружие и боеприпасы. Расчет делался на то, чтобы ввести в заблуждение тех, кто обратит внимание на эти перевозки: всего-то обычные поставки для термезского гарнизона. Были закуплены лошади, обмундирование, все необходимое для Исхак-хана и его свиты. Затем в сопровождении Громбчевского и двух сотен казаков они тайно покинули Самарканд. Это произошло в начале июля 1888 г.

Остановившись у первой же телеграфной станции, штабс-капитан отстучал телеграмму в Петербургское телеграфное агентство. В ней сообщалось, что Исхак-хан ночью исчез из Самарканда в неизвестном направлении, и за ним отправлена погоня, которую возглавил Громбчевский. Через пару дней он «отбил» вторую депешу, в которой сообщалось, что отряд, посланный за Исхак-ханом, вышел на след беглеца. Спустя некоторое время в столицу «полетела» третья депеша. В ней говорилось, что беглеца настигнуть не удалось, и он переправился через Аму-Дарью на афганскую территорию.

В действительности казаки перешли границу вместе с людьми Исхак-хана и стали лагерем в населенном пункте Биштал, удалив-

шись от реки на несколько десятков километров. Сразу же к узурпатору потянулись сотни и тысячи добровольцев, желавших вступить в его войско. В стране настолько велико было недовольство правлением Абдурахман-хана (причины обыкновенные: нищета, произвол властей), что армия повстанцев росла как на дрожжах. Убедившись, что дело идет на лад, Громбчевский попрощался с Исхак-ханом и повел казаков назад.

Все это предприятие, строго говоря, являлось вмешательством во внутренние дела суверенного государства, но не будем осуждать его вдохновителей и исполнителей с точки зрения международного права. Во все века политики руководствовались практическими интересами и не колебались, если при этом приходилось нарушать какие-то международные нормы. Такого рода акциями не брезговали и англичане, которые, например, в 1885 г. спровоцировали восстание в Восточной Фергане – на британские деньги и посредством британского оружия.

Важно обратить внимание на другое. Кроме воспоминаний Громбчевского, никаких иных свидетельств секретной операции (вполне в духе Лоуренса Аравийского), которую «провернул» молодой предприимчивый офицер, на первый взгляд не имеется. Возникает вопрос: в какой степени рассказ Громбчевского соответствовал действительности? Тем более что в нем присутствует ряд «несытковых».

Переправа Исхак-хана через границу состоялась как раз в то время, когда Громбчевский должен был выступить в свой первый памирский поход в Канджуд¹². Как он успел одновременно с экспедиционными сборами приготовиться к авантюрной акции, требовавшей тщательной проработки?

По его словам, благодаря вызову в Главный штаб он получил возможность прибыть в столицу, где не был 13 лет. Опять неувязка. С 6 декабря 1887 г. по 20 мая 1888 г., если судить по его личному делу, Громбчевский находился в Петербурге, причем по иной причине – будучи прикомандированным, как уже упоминалось, к Пулковской обсерватории Санкт-Петербургского университета «для практических занятий»¹³. Значит, в течение этого периода он не мог охотиться в горах рядом с Маргеланом, где его застало срочное предписание из Центра. Между прочим, точная дата приезда в столицу для обсуждения замысла о том, как «укусить» англичан, в мемуарах не указывается, и это дает очередной повод усомниться в их адекватности.

Неужели отставной генерал-майор (в этом звании Громбчевский завершил свою службу) дал волю фантазии? Может, виной всему тяжелый недуг, омрачивший последние годы его жизни, когда он писал и издавал свои труды?

И все же нет оснований рисовать печальную и совсем уж удручающую картину. Жил в Варшаве пожилой ветеран, которого снедала тоска по безвозвратно ушедшим дням, и сочинял небылицы на тему своих прошлых подвигов... Пусть в воспоминаниях Громбчевского име-

ются «натяжки» и неточности, в худшем случае ему можно поставить в вину искаженную интерпретацию того, что происходило на самом деле. Можно ли предположить, что автор выдумал от начала до конца целое историческое событие? И при этом не поскупился на колоритные подробности (беседа с А.Н. Куропаткиным, «крылатая фраза» Александра III, отправка телеграмм по пути к афганской границе и т.д.)? Маловероятно. В жизни Громбчевского было столько рискованных приключений, что, «изобретая» еще одно, он ничего не добивался.

Объяснимо, почему долгое время он умалчивал о «затее» с Исхак-ханом, и документов, подтверждающих то, что она имела место в действительности, не сохранилось. Организаторы секретных операций обычно прячут «концы в воду», и далеко не сразу и вообще не всегда «концы» эти выплывают на поверхность. Послужной список в личном деле Громбчевского, которое хранится в Военно-историческом архиве¹⁴, могли отредактировать, чтобы исключить любую возможность догадок относительно его причастности к переброске Исхак-хана через границу. Подобное практиковалось во все времена. Например, представители разведслужб, работавшие «под крышей» советских посольств, обычно располагали несколькими комплектами своих биографических сведений – для собственных учреждений и для Министерства иностранных дел.

Возможно, вызов в Главный штаб совпал со стажировкой Громбчевского в Пулковской обсерватории, и подготовкой выступления Исхак-хана он занимался параллельно с учебой на астрономическом факультете. Причем логично, что именно в эти месяцы у Громбчевского созревает идея канджутской экспедиции, для которой восстание Исхак-хана создавало благоприятные политические условия на севере Афганистана и на Памире. Российский первопроходец рассчитывал, что его появление в Канджуте, граничившем с британскими владениями в Индии, придаст импульс политике Петербурга и станет выигранным ходом в «Большой игре».

В течение первой половины 1888 г. Громбчевский не обязательно находился безвыездно в Петербурге, он мог отлучаться в Среднюю Азию и там договариваться с местными властями и Исхак-ханом, решая практические вопросы обеспечения его оружием, деньгами, необходимой экипировкой и т.д. В эту версию легче поверить, чем в «мемуарную»: мол, примчался штабс-капитан в столицу, мгновенно получил задание, в один день уладил все формальности и тут же умчался назад, чтобы реализовать задуманное в считанные дни. Громбчевский, очевидно, преувеличивал свою ловкость и прыть.

Но нет ничего сверхъестественного в том, что, обеспечив переход «претендента на афганский трон» через границу, Громбчевский не мешкая вернулся в Маргелан и тут же выступил в канджутский поход. Его пришлось отложить на несколько дней, возможно, именно потому, что штабс-капитан переводил Исхак-хана через границу. Обратим внимание на телеграмму, которую Громбчевский отправил

директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел И.А. Зиновьеву 8 июля 1888 г.: «Задержан Маргелане. Убедительно прошу Ваше высокопревосходительство разрешить выехать экспедицию. Громбчевский»¹⁵. В результате он выступил в поход не 1 июля, как планировалось и как, кстати, указывалось в его личном деле¹⁶ (доказательство, что неточности бывают не только в мемуарах), а 12 июля, как говорится в его воспоминаниях. Это подтверждает и одно из писем Громбчевского, отправленное с дороги российскому консулу в Кашгаре Н.Ф. Петровскому¹⁷.

Поначалу Исхак-хан одерживал победу за победой. Массы афганцев, недовольных тиранией эмира, стекались под знамена нового вождя, который уже 18 июля занял самый крупный город Северного Афганистана Мазар-и-Шариф. Затем он взял под контроль весь Чар-Вилаят и принялся распространять свое влияние на другие области Афганистана. Афганцев выбили из Шугнана, Рошана и Вахана, где к власти вернулись прежние правители, враждебно настроенные по отношению к британскому владычеству и возлагавшие надежды на сотрудничество с Россией. Дело облегчалось тем, что Абдуррахман-хан вел войну с племенами Кафиристана¹⁸ и с княжеством Читрал, куда были стянуты все боеспособные части афганцев – на севере оставались только разрозненные гарнизоны. «Происшествия эти, – констатировал Громбчевский, имея в виду победное шествие Исхака-хана, – чрезвычайно подняли престиж России и усилили естественную к нам симпатию среднеазиатских народов»¹⁹.

Безусловно, велик был соблазн сыграть ва-банк и бросить на помощь Исхак-хану регулярные части российской армии. Российский политический агент в Бухаре Н.В. Чарыков, опираясь на данные разведки, регулярно докладывал о положении дел в связи с афганскими событиями. Практически все эти депеши получали самую высокую разметку и пересылались И.А. Зиновьеву, Н.К. Гирсу, П.С. Ванновскому и самому императору. Н.В. Чарыков утверждал, что Исхак-хан, скорее всего, не удовлетворится «отложением Чар-Вилаята» и будет стараться взять власть во всей стране. При условии российского покровительства, подчеркивал политический агент, это было вполне возможно²⁰.

Исхак-хан пользовался широкой социальной поддержкой. Помимо горцев, таджиков и узбеков, враждебных эмиру, на его сторону встали многие афганцы и представители других народностей. В августе к нему пообещал присоединиться правитель Герата. Причина, по словам Н.В. Чарыкова, заключалась в том, что население Афганистана «испытывало на себе всю тяжесть произвола и жестокости нынешнего эмира» и мечтало о переменах. У него, дескать, перед глазами был пример среднеазиатской России, где люди начинали жить по-иному. «Нет сомнений, что безопасность, мир, порядок и материальное благосостояние, которые господствуют в российских среднеазиатских владениях и с коими афганцы за последнее время все больше знакомятся, должны казаться жителям Чар-Вилаята чрезвычайно

привлекательными и что ради достижения подобного результата туземное население готово поддержать мятежников против эмира Абдурахмана»²¹.

О тяготении к России значительной части афганского населения писал в июле 1888 г., основываясь на донесениях разведчиков, засланных в Бадахшан и Чар-Вилаят, уездный начальник Самарканда подполковник А. Бондаренко²². «В кассу» также шла информация о том, что афганские подразделения считаются недостаточно надежными. «Ненависть афганцев к англичанам до такой степени велика, что последним, несмотря на все их усилия, все труднее полагаться на афганцев как на агентов или солдат»²³. Отсюда следовало, что опору в обществе русское вмешательство получит.

Британский разведчик капитан Ф. Янгхазбенд, активно работавший в Центральной Азии, следующим образом характеризовал обстановку: «Россия теперь занимает такое положение, что Англия не в силах поддерживать прямо, а может быть, и косвенно неприкосновенность своих афганских владений»²⁴. Пожалуй, британский офицер несколько сгущал краски, не столь уж бедственным было положение англичан. Они были в силах поддерживать зависимое от них правительство в Афганистане, а вот «неприкосновенным» оно и впрямь быть перестало.

Однако уже к концу лета 1888 г. восстание стало буксовать. Продвинуться дальше Чар-Вилаята не получалось, а на все просьбы Исхак-хана о дальнейшей военной помощи российское правительство отвечало молчанием. Еще 30 июля в пограничный туркестанский город Карки прибыл посланец вождя мятежников Гулям Кадыр-хан. Явившись к командиру расквартированной в этом населенном пункте 4-й батареи Туркестанской артиллерийской бригады Н. Решетину, посланец передал просьбу восставших «о помощи оружием и патронами, а также, если возможно, то и посылкой российских войск в Северный Афганистан»²⁵. Командир ответил, что не уполномочен принимать подобные решения, однако принял письма Исхак-хана для передачи царю и генерал-губернатору Туркестана. Об этом Н. Решетин поставил в известность своего непосредственного начальника генерал-майора В.В. Христиани, командира 4-й Туркестанской линейной бригады, а также Н.В. Чарыкова.

Тот факт, что правитель Чар-Вилаята сразу после начала восстания обратился к России, показателен. Вероятно, у Исхак-хана были основания надеяться, что его просьба будет удовлетворена. Это опять-таки говорит в пользу рассказа Громбчевского. Вообще, было бы по меньшей мере странным, если бы проживавший в Самарканде на российский казенный кошт высокопоставленный изгнанник осмелился вернуться на родину и развязать там гражданскую войну без заверений в поддержке со стороны «большого брата».

Другое дело, что заверения так и остались заверениями. Ружей, патронов и, тем более, горных орудий повстанцы в обещанном коли-

честве не получили. Александр III, отличавшийся эмоциональностью и резкими переменами в настроении, вскоре потерял интерес к выступлению Исхак-хана – англичан «укусили», ну и довольно. Российские дипломаты, политические агенты и военачальники, которые «держали нос по ветру», чутко улавливая перемены «наверху», принялись соответствующим образом корректировать свои депеши.

Н.В. Чарыков начинает писать гораздо осторожнее, предлагая «не спешить» и все «тщательно взвешивать». Теперь он делает акцент на том, что российское участие в афганских волнениях может вызвать негативные тенденции, пагубно повлияв на всю ситуацию в Средней Азии. Политический агент словно забывает о своих недавних заявлениях насчет воодушевляющего примера «среднеазиатской России, где люди начали жить по-иному». Теперь отмечается, что обстановка там не столь уж замечательная и не все тамшнее население в восторге от колониального правления. Имели место антироссийские националистические настроения, подпитывавшиеся «мусульманским религиозным и политическим фанатизмом». Их могли подхлестнуть, предупреждал Н.В. Чарыков, «всякий слух о войне и сама война». В ожидании вмешательства российских войск в афганский конфликт жители Бухары принялись скупать оружие, чтобы вступить в борьбу с «неверными» на стороне Абдуррахман-хана. С учетом этого, писал политический агент, «в афганские распри лучше не вмешиваться»²⁶.

Примерно о том же докладывал в центр Н.О. Розенбах: «Возбуждение пограничного населения чрезвычайное». В этих условиях генерал-губернатор даже ставил под сомнение лояльность бухарского эмира, хотя тот и клялся в верности России²⁷. Упор делался на то, что афганские волнения начались несвоевременно: ведь Россия еще не упрочила свои позиции в Бухаре – ни политически, ни экономически, и лучше наблюдать происходящее в соседней стране со стороны. Царь соглашается с Н.О. Розенбахом – нечего вмешиваться. На шифротелеграмме генерал-губернатора государь начертал: «Пусть себе, нам действительно никакого дела до этого нет»²⁸.

Нестабильность в Бухарском эмирате действительно ощущалась, это подтверждают и другие донесения военных и дипломатов. Еще в апреле 1888 г. об этом докладывал начальник штаба войск Закаспийской области генерал-майор Н.И. Гродеков в связи с передвижением одного из английских отрядов: «По сведениям разведчиков английский отряд идет через Читрал в Бадахшан и займет казармы вблизи Аму-Дарьи, у границы Восточной Бухары. При теперешней неустойчивости положения Восточной Бухары появление англичан возбуждает в туземцах ожидание войны, даст опору врагам нового эмира и нашим и затруднит разграничение в Шугане и Пяндже, как и на Кушке». На эту телеграмму император наложил такую резолюцию: «Крайне нежелательно»²⁹.

Скорее всего, в Бухаре развивались различные процессы, и вмешательство России в афганские дела (помощь Исхак-хану) могло

действительно в чем-то оказаться на руку ее противникам. Но это не означало, что с гипотетически возможными волнениями колониальные власти не справились бы, и все бы «пошло кувырком». В конце концов, Петербург не раз шел на гораздо более жесткие и масштабные силовые меры, которые, несмотря на противодействие местной знати и духовенства, достигали своей цели. Проблема заключалась в объективности анализа обстановки местными российскими представителями, «выпячивавшими» то одну, то другую тенденцию в зависимости от конъюнктуры, и в общей инертности российского подхода к азиатским делам.

Высшее начальство в Петербурге не было готово к генеральной и решительной схватке с «англо-афганцами» (этот термин часто употреблялся в секретной переписке, имея в виду «спонсорство» Абдурахман-хана со стороны Лондона), опасаясь, что она будет тяжелой и кровопролитной и выльется в конфликт с крупнейшей мировой державой.

Трудно судить, насколько обоснованной была позиция России. С одной стороны, понятно нежелание руководителей государства не втягиваться в войну. С другой – на поведенческие реакции власть имущих влияла традиционная русская привычка «погодить», столь едко высмеянная Салтыковым-Щедриным в «Современной истории». Не рискуя, можно какое-то время оставаться «при своих», но тем самым легко упустить выгодный шанс.

Неудивительно, что в среде колониального офицерства, несмотря на позицию высшего руководства, были сильные настроения в пользу активных действий, велик был соблазн воспользоваться ситуацией и прийти на выручку Исхак-хану. Пограничному офицерству хотелось идти «вперед и только вперед», расширяя границы империи. Это была идеология «солдат Кипплинга», одержимых мыслью о колониальной экспансии. Наверное, это было чревато отдельными ошибками и промахами (как же без этого), но сегодня «имперский драйв» этих людей импонирует нам гораздо больше, нежели заторможенность столичной бюрократии, опасавшейся, «как бы чего не вышло», старавшейся не делать резких движений и «годить».

Военные-пограничники понимали, что, расправившись с Исхак-ханом, англичане и их афганские вассалы на этом не остановятся. Англия рвалась к Памиру, чтобы не допустить туда Россию. Поэтому требовалось не отсиживаться в своих владениях, а активно наступать, упреждая удары британцев. Генерал-лейтенант А.В. Комаров, начальник Закаспийской области, предлагал собрать «хотя бы небольшой отряд» и отправить его на помощь афганским повстанцам. Он заявлял, что отказ от помощи Исхак-хану «значительно повредит нашей власти в Средней Азии и будет принят за слабость и страх перед англичанами»³⁰. Зная о подобных настроениях и опасаясь, что военные-пограничники могут поддержать отряды Исхак-хана «явочным порядком», П.С. Ванновский требовал от армейских частей сохранять выдержку и «не бросаться в рискованные предприятия»³¹.

Громбчевский с сожалением отмечал, что с подачи Министерства иностранных дел, выторговавшего у Лондона какую-то «небольшую уступку на Ближнем Востоке», Петербург не стал помогать Исхак-хану, упустив возможность распространить российское влияние на обширные территории, вплоть до самой Индии³².

19 сентября 1888 г. Исхак-хан проиграл решающее сражение и вскоре вынужден был снова бежать в российские владения. Абдурахман-хан восстановил свою власть в Чар-Вилайте, однако сопротивление его режиму в памирских ханствах продолжалось еще около года.

Россия вновь приняла беглеца вместе с чадами, домочадцами и многочисленной свитой (около 400 человек). Ему было разрешено проживать в Самарканде на казенное довольствие (10 тыс. рублей в год)³³. Подобное расположение к незадачливому претенденту на афганский трон, между прочим, свидетельствует в пользу версии Громбчевского о том, что восстание готовилось с ведома российских властей. Если бы Исхак-хан действительно самовольно покинул Самарканд в июле, перешел границу и поднял мятеж против эмира, и это нанесло ущерб интересам Петербурга³⁴, едва ли бы ему в очередной раз предоставили политическое убежище с вполне приличным денежным содержанием.

Мятеж Исхака-хана не прошел бесследно для российско-британских отношений и повлиял на расстановку сил в регионе. Н.О. Розенбах в своем отчете о положении в регионе в 1885–1888 гг. расценивал действия незадачливого претендента на афганский престол однозначно отрицательно. Абдурахман-хан прежде, конечно, вел в отношении России «открыто враждебные действия»³⁵, однако к 1888 г. «исправился»: двусторонние отношения улучшились и «можно было ожидать в этом направлении дальнейших благоприятных и для русских торговых интересов и русского обаяния результатов»³⁶. К сожалению, «рискованная, хотя отчасти и вынужденная, попытка Исхака-хана свергнуть эмира Абдурахман-хана нарушила это вполне соответствовавшее русским интересам положение»³⁷.

Заметим на полях: говоря о «вынужденном» характере попытки Исхака-хана, Н.О. Розенбах, по всей видимости, намекал на то, что этот предводитель восставших действовал «с подачи» российских властей. Прямо написать об этом генерал-губернатор не решился, а вот так, завуалированно, вставить шпильку высшему петербургскому начальству, затеявшему секретную авантюру (которую «спокойный немец», как мы знаем, осуждал), не удержался.

Вероятно, Н.О. Розенбах был удовлетворен тем, что развитие событий подтвердило его правоту. С другой стороны, оно подтвердило и тот непреложный факт, что половинчатые меры обычно дают эффект, обратный желаемому. Будь Александр III тверд и последователен в поддержке Исхака-хана, результат мог оказаться совершенно иным. А так, «больно укусив англичан» и после этого заняв позицию наблюдателя, Россия лишь ухудшила свое положение.

Со своей стороны Абдурахман-хан и его британские покровители не сомневались, что без санкции Петербурга двоюродный брат эмира никогда бы не покинул Самарканд и не перешел границу. В Лондоне пришли к выводу, что с русскими (раз они «такие») нечего церемониться и следует поторопиться с расширением своей сферы влияния за счет Памира и прилегающих районов, чтобы не допустить их перехода в орбиту России.

События развивались все более стремительно. Во время своих экспедиций (в 1888 и 1889–1890 гг.) Громбчевский столкнулся с ростом активности англичан, ставивших целью установление своего контроля над Памиром. В конце 1891 г. они штурмом взяли форты Канджута и сделали это ханство своим протекторатом, создавая таким образом плацдарм для дальнейших наступательных действий. Последовала острая борьба между участниками «Большой игры», завершившаяся российско-британским соглашением 1895 г. Памир стал российским, но в несколько усеченном виде – отдельные районы отошли к Афганистану и Индии. Громбчевский был уверен: будь Россия более расторопной и решительной, она бы сумела добиться гораздо большего на этом этапе «Большой игры».

Примечания

¹ Автор исходит из того, что Центральная Азия – обширный регион, включающий Афганистан, Пакистан, Северо-Западную Индию, часть Китая и Ирана, Казахстан. Составной частью в него входит Средняя Азия (территории современных Киргизии, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана).

² С 1947 г. Канджут (Хунза) входит в состав Исламской Республики Пакистан.

³ Gen. Bronislaw Grabczewski. Na służbie rosyjskiej. Warszawa, 1926.

⁴ Маргелан – административный центр Ферганской области. После завоевания Коканда русские выстроили рядом Новый Маргелан, где располагался штаб Туркестанского военного округа.

⁵ Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при Военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Громбчевского. Н. Маргелан, 1886.

⁶ Grabczewsky B. Podroze po Azji Srodkowej. Warszawa, 1958. S. 213.

⁷ А.Н. Куропаткин служил в Средней Азии в 1860–1870-е гг.

⁸ Na służbie rosyjskiej. S. 30–37.

⁹ Едко и язвительно высмеивал Н.О. Розенбаха Н.Ф. Петровский, занимавший в то время пост российского консула в Кашгаре. В одном из частных писем директору Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел Ф.Р. Остен-Сакену он писал так: «Знаете ли Вы ген(ерала) Розенбаха? Всякий раз я забываю написать Вам о нем. Если был плох Кауфман, плох Черняев, то этот хуже всех, потому что ровно ничего не знает ни вообще в гражданском управлении, ни в

частью Азии. А между тем затей много. Несчастливая страна, наш Туркестан». См.: Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. М., 2010. С. 168.

¹⁰ Na sluzbie rosyjskiej. S. 38.

¹¹ Ibid. S. 37.

¹² После англичанина У. Локкарта (британская экспедиция 1886 г.) Б.Л. Громбчевский был первым европейцем, добравшимся до труднодоступного ханства Канджун, расположенного в предгорьях Гиндукуша и Гималаев, рядом с Кашмиром, у самого порога Ост-Индии.

¹³ Краткая записка о службе и.д. Ошского уездного начальника, числящегося по Армейской пехоте подполковника Бронислава Людвиговича Громбчевского. Составлено 16 декабря 1893 г. – Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 12. Д. 18583. Л. 48.

¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 18583.

¹⁵ Телеграмма Б.Л. Громбчевского И.А. Зиновьеву от 8 июля 1888 года. – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 147 («Среднеазиатский стол»). Оп. 485. Д. 1296. Л. 19.

¹⁶ См.: Краткая записка о службе подполковника Бронислава Людвиговича Громбчевского. Составлено 16 декабря 1893 года. – РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 18583. Л. 48.

¹⁷ Письмо Б.Л. Громбчевского Н.Ф. Петровскому 26 сентября 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1296. Л. 35.

¹⁸ Область на территории современного Афганистана.

¹⁹ Доклад подполковника Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального Штаба 14 марта 1891 г. – Военная литература: <http://militera.lib.ru/research/grombchevsky/index.html>.

²⁰ Донесение политического агента в Бухаре Н.В. Чарыкова директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву 26 августа 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 736. Л. 37.

²¹ Донесение политического агента в Бухаре Н.В. Чарыкова директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву 27 июля 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 81.

²² Рапорт уездного самаркандского начальника подполковника А. Бондаренко 14 июля 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 736. Л. 117.

²³ Донесение Н.В. Чарыкова И.А. Зиновьеву 27 июля 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 736. Л. 27.

²⁴ Юнгхазбанд. Нашествие русских в Индию. Перевод с английского Генерального штаба подполковника Десина. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LIII. Военно-ученый комитет Главного штаба, 1893. С. 185.

²⁵ Копия с секретного письма командира 4-й батареи Туркестанской артиллерийской бригады Н. Решетина Н.В. Чарыкову 31 июля 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 736. Л. 12–13; Копия с секретного письма 4-й батареи Туркестанской артиллерийской бригады Н. Решетина командиру 4-й линейной туркестанской бригады В.В. Христиани. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 736. Л. 15–16.

²⁶ Донесение Н.В. Чарыкова И.А. Зиновьеву 26 августа 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 736. Л. 39.

²⁷ Телеграмма Н.О. Розенбаха П.С. Ванновскому 26 июля 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 88.

²⁸ Телеграмма Н.О. Розенбаха П.С. Ванновскому 1 августа 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 89.

²⁹ Телеграмма генерала Н.И. Гродекова П.С. Ванновскому 27 апреля 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 685. Л. 132.

³⁰ Телеграмма А.В. Комарова П.С. Ванновскому 15 августа 1888 года – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 736. Л. 55.

³¹ Телеграмма П.С. Ванновского Н.О. Розенбаху 15 августа 1888 года. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 56.

³² Na służbie rosyjskiej. S. 40–41.

³³ С тех пор Исхак-хан постоянно проживал в Самарканде, умер в 1909 г.

³⁴ Именно так считал, например, Н.О. Розенбах. В своем отчете за 1888 г., адресованном в том числе Н.К. Гирсу, он проводил мысль о том, что отношения с Абдуррахман-ханом в то время стали налаживаться и вылазка Исхак-хана негативно сказалась на этом процессе (АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 736. Л. 88).

³⁵ Отчет генерал-губернатора Туркестана Н.О. Розенбаха за 1885–1888 годы. – АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1262. Л. 30.

³⁶ Там же. Л. 30–31.

³⁷ Там же. Л. 31.

А.И. Полищук*

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИРАНЕ (исторический очерк)

Иранское общество и государственное устройство на протяжении более чем 2500 лет пережило ряд переломных трансформаций прежде всего под воздействием извне: войн, набегов, идеологической и экономической экспансии. В то же время стержневые элементы общественного устройства, претерпевая изменения под воздействием внешних и внутренних факторов, сохранялись неизменными на протяжении веков.

Базовыми особенностями государственного устройства были следующие: монархический порядок правления; решающая роль государства во всех сферах жизни общества; сильное влияние религиозного фактора, осложненного борьбой за господство шиитской доктрины в противовес суннитской; многонациональный состав общества, наличие полунезависимых и независимых племен; сохранение на протяжении длительного периода «феодальных» отношений (т.е. противостояния социальных групп – крупных землевладельцев и крестьян).

Крайне важным фактором трансформации общества и государства явилась агрессия извне: арабо-исламская экспансия, тюркская экспансия, монгольское нашествие, экспансия России и Великобритании в XVIII – начале XX в., экспансия США в 40–70 гг. XX в.

Поворотным моментом в истории Ирана было принятие Ираном ислама в VII в. н.э. под воздействием арабской экспансии. Это коренным образом изменило как общество, так и традиционные иранские институты власти, придало им более жесткий, религиозно-политический смысл, сильно изменило соотношение национального и интернационального элементов государственного устройства.

В Иране ислам был принят в его шиитской разновидности, которую в определенном смысле можно считать типично иранской, национальной формой ислама. Иранцы не только поддержали претензии на власть зятя пророка Али и его потомков Хасана и Хусейна, но в их коллективном сознании и сам пророк Мухаммед в свете Али и трагедии его сыновей отошел на второй план. Со временем шиизм стал претендовать на роль «праведного течения» в рамках ислама и получил распространение за пределами Ирана, выйдя за границы чисто иранской религиозной доктрины.

Вскоре после возникновения ислама в нем появились различные течения с сильной социальной направленностью как реакция на на-

* Полищук Александр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

циональное угнетение и имущественное неравенство (исмаилиты, зейдиты, хуррафиты и т.д.).

В средние века выступления крестьянства и городских низов в Иране против власти проходили под религиозными лозунгами и имели ярко выраженные элементы борьбы за социальную справедливость (сарбедары, бабиды и пр.).

Приняв новую идеологию, иранцы сохранили накопленный в прежние века опыт административного управления, ведения хозяйственной жизни, социальную структуру, научные знания, традиции и культуру, которые приняли новые формы, сохранив при этом свое первоначальное иранское содержание.

Довольно скоро после арабского завоевания, в период Аббасидского халифата (750 г. – вторая половина IX в.), иранский элемент стал основным во всей административной и экономической жизни халифата. Как теократическое государственное образование под давлением внутренних и внешних факторов халифат постепенно распался на ряд независимых от центра территориальных образований, среди которых выделились государство Тахиридов, Буидов, Саффаридов и других династий. Однако в связи с мощной экспансией тюркских племен и племенных союзов после распада халифата иранцы были лишены реальной власти и стали орудием в руках новых завоевателей и правителей преимущественно тюркского происхождения.

Начиная с XI в. в связи с экспансией огузов, турок-сельджуков, кипчаков, позже – монголов и узбеков власть в Иране переходила из рук в руки от одних завоевателей к другим, а противостояние внутри общества часто имело характер религиозного и этнического противоборства. Находясь на более низкой стадии социально-экономического развития, тюркские завоеватели не могли предложить иранцам ничего нового в смысле общественного устройства и только нещадно эксплуатировали поставленное под их контроль земледельческое население, способствовали консервации сложившегося феодального уклада. В то же время иранцы оказывали на них существенное влияние, и постепенно после захвата власти новые завоеватели были вынуждены переходить к более рациональной политике укрепления государственности.

К XIV–XV вв. на территории Ирана образовались небольшие государства преимущественно во главе с местными династиями. К этому времени часть тюркских племен приняла шиизм.

В начале XVI в. в Иране приходит к власти династия Сефевидов (1502–1736), правители которой заложили основы современной иранской государственности. Современные иранские историки расценивают момент прихода к власти первого Сефевида, шаха Исмаила, как начало новой истории Ирана. Это мнение в значительной степени связано со стремлением нынешнего иранского духовенства связать факт прихода к власти Сефевидов с их происхождением от известного религиозного авторитета XVI в. шейха Сафи од-дина Арде-

бели, а также с тем обстоятельством, что при Сефевидях шиитский ислам имамитского толка стал официальной религией Ирана.

Сафи од-дин Ардебели родился в середине XIII в. в г. Ардебиле (Иранский Азербайджан) и в возрасте 25 лет стал мюридом шейха Тадж од-дина Захида Гилани. Потомки Сафи од-дина Ардебели приобрели влияние и власть благодаря своему благочестию, приверженности шиизму и поддержке соплеменников¹.

К середине XV в. главной опорой сефевидских шейхов стали тюркские кочевые племена Азербайджана и Малой Азии, где шиизм был формой оппозиции кочевников и крестьян Османскому государству. Согласно традиции, первоначально было семь тюркских кочевых племен, признававших себя мюридами сефевидского шейха: шамлу, румлу, усталджу, афшар, каджар, текелю и зуулкадар; позднее число их увеличилось. Во второй половине XV в. эти тюркские племена получили название кызылбашей (тюрк. «красноголовые», от носимой ими чалмы с 12 пурпурными полосками в честь 12 шиитских имамов); кызылбаши брили головы, отпускали длинные усы, а на бритых головах – чубы.

Созданная усилиями тюркских кочевых племен держава Сефевидов была конгломератом племен и народностей, в котором до конца XVI в. руководящая политическая роль принадлежала тюрко-азербайджанской кызылбашской военно-кочевой знати. Войско в основном состояло из ополчений кочевых племен, кызылбашских и других, в меньшей степени – из ополчений оседлых феодалов. Иранский элемент – гражданская бюрократия и духовное сословие – занимал второстепенное положение. При дворе и в армии говорили на азербайджанском языке, но в канцеляриях по традиции употребляли персидский язык, как это было и при сельджуках, и при монгольских ханах и их преемниках.

Шиизм имамитского толка стал государственным вероисповеданием, обязательным для всех мусульман. Сунниты, крайние шииты, «еретические» течения суфизма подвергались гонениям. Напротив, христиане и иудеи свободно исповедовали свою религию; шах Исмаил дал привилегии армянскому патриарху и покровительствовал католическим миссионерам, поскольку главным врагом Сефевидской державы в то время была Османская империя. Сефевиды рассчитывали использовать христиан, главным образом армянских купцов и католических миссионеров, в качестве торговых и дипломатических агентов при контактах со странами Европы.

Став государственным вероисповеданием в Иране, шиизм утратил свой прежний облик идеологии народных масс и превратился в опору феодализма. Формально держава Сефевидов была шиитской теократией, и шахиншах признавался заместителем «скрытого» двенадцатого имама Мохаммеда Махди до появления последнего. Но фактически Сефевидская держава была таким же светским государством, как и прежние государства Ирана, хотя шиитское духовенство играло важную роль в политической и общественной жизни страны.

При Сефевидях, особенно в период правления шаха Аббаса I Великого (1588–1629), в Иране был проведен ряд реформ, в том числе административная, военная, налоговая. Реформы способствовали укреплению центральной власти и существенно ограничивали влияние тюркской родовой знати.

В начале XVII в. в Иране наблюдался общий экономический подъем, росли города, развивались товарно-денежные отношения. Увеличивалось городское население, возрастало значение городов как центров экономической жизни. Однако общегородского самоуправления, как и прежде, не было. Существовало лишь самоуправление в рамках отдельных кварталов с выборными старшинами во главе, а также старшинами купеческих корпораций и ремесленных цехов. Во главе города стоял городской старшина – калантар, назначавшийся шахским правительством из местной феодальной знати (иногда наследственно) или из крупного купечества. Калантар должен был защищать права и интересы горожан в судах, следить, чтобы шахские власти не притесняли горожан, производить разверстку податных сумм и повинностей в пользу государства между кварталами и ремесленными цехами. Таким образом, калантар считался представителем и защитником горожан, но, по сути дела, защищал интересы городской верхушки.

Ремесленные цехи в XVII в. играли более значительную роль в жизни городов, чем прежде. Важное место в экономической жизни занимало купечество, тесно связанное с крупными феодалами и властями.

Наиболее специфическими чертами феодального общества Ирана в XVI–XVII вв. были: сохранение сельской общины; стремление властей расширить фонд государственных земель и с помощью государственного аппарата эксплуатировать крестьян; наличие условных пожалований – тиулей, с правом получения ренты-налога; почти полное отсутствие собственного господского хозяйства; сосуществование трех форм ренты – денежной, продуктовой (ведущей) и отработочной; широкое распространение издольной аренды на кабальных началах; сосуществование кочевого и оседлого населения; периодический захват власти знатью кочевых племен; использование военной добычи в качестве важного источника дохода государства, хотя основные доходы поступали в виде налогов с податного населения – райятов; применение рабского труда наряду с ростом числа свободных ремесленников, организованных в своеобразные цехи, гильдии – синфы; господство феодалов в городе и связь духовной и чиновной знати городов с крупной оптовой караванной торговлей.

Сефевиды вынуждены были вести войны с Турцией на западе и с узбеками на востоке, что привело к резкому ухудшению экономического положения в стране и, как следствие, к постоянным восстаниям крестьянства и национальных меньшинств.

В 1722 г. в пределы Ирана вторглись афганцы, и сефевидский шах Хусейн в октябре 1722 г. передал свою власть и шахскую корону

предводителю афганцев Мир Махмуду, который провозгласил себя шахиншахом Ирана. Афганцы пытались укрепить свою власть в Иране с 1722 по 1730 г., но в итоге были разбиты и изгнаны из страны. Решающую роль в разгроме афганцев и в борьбе с турецкой агрессией сыграл Надир-хан Афшар, который правил страной до 1747 г. Став шахом в 1736 г., Надир Афшар предпринял многочисленные военные экспедиции в Индию, Среднюю Азию, на Кавказ и в арабские эмираты.

Проводившаяся Надир-шахом политика непрерывных войн легла тяжелым бременем на крестьянство. Военная добыча не шла на развитие производительных сил государства, поэтому при нем не произошло того подъема экономики Ирана, который имел место при шахе Аббасе I Сефевиде. Стремясь для укрепления государственной власти увеличить фонд государственных земель, Надир-шах конфисковал большую часть вакуфных земель и урезал земельный фонд некоторых кызылбашских племен. Надир-шах попытался примирить шиитов и суннитов. Прежние шииты-имамиты должны были наряду с четырьмя суннитскими «правоверными масхабами» превратиться в пятый «правоверный масхаб джафаридов». Было отменено и ненавистное суннитам проклятие первых трех халифов. Однако официальное исповедание масхаба джафаридов не было признано мусульманами ни в Турции, ни в узбекских ханствах.

После смерти Надир-шаха в июне 1746 г. начались политический распад государства, междоусобицы и борьба феодальных кланов за власть, а также усилились сепаратистские выступления феодальных владетелей в отдельных областях. В результате этой борьбы, продлившейся многие годы, вслед за поражением Зендов (1750–1794) к власти в Иране пришла династия Каджаров, которая правила до 1925 г.

В первой половине XIX в. при Каджарах сохранялись феодальные отношения, унаследованные от предыдущих правителей. Продолжалась практика расширения фонда государственных земель за счет конфискации земельной собственности у непокорных феодалов, ханов отдельных племен, купцов и духовенства. В XIX в. в Иране по экономическому и правовому положению можно выделить следующие группы населения: 1) высший класс – лица, связанные с двором, общегосударственная и провинциальная (гражданская и военная) администрация, имевшая наследственную или пожалованную Каджарами земельную собственность; 2) городское население – купцы, торговцы, ремесленники; 3) духовенство; 4) кочевники и племена; 5) эксплуатируемое крестьянство. Ведущую роль в обществе играла деспотическая государственная власть. Господство феодалов, высшего духовенства, чиновников и купечества базировалось не столько на размерах собственности, сколько на близости к верховной власти, их месте в военно-бюрократической системе управления.

Приход к власти Каджаров и перенос столицы в Тегеран в какой-то мере способствовали удалению духовенства от центральной вла-

сти в связи с тем, что шиитское духовенство традиционно было сконцентрировано в старых центрах светской и духовной власти – Мешхеде, Куме, Исфакане и Ширазе.

Создаваемая при тегеранском дворе духовная иерархия находилась под большим влиянием шаха и его окружения и поддерживала внутреннюю и внешнюю политику правительства.

Тем не менее Каджары старались не привлекать духовенство к управлению государством, материально ущемили его, отобрав некоторые вакфы. Улемы настороженно относились к действиям Каджаров и заняли такую позицию, которая позволяла им держаться независимо, иногда критиковать действия Каджаров, иногда их поддерживать, выступая посредником между местным населением (религиозной общиной) и властью, требующей денег, солдат, рабочих рук и притеснявшей население. Такая защита народа повышала авторитет духовенства, способствовала еще большему укреплению и становлению шиизма, превращавшегося в своеобразную «форму национального самосознания». Духовенство пользовалось уважением и доверием в обществе, так как представляло «единственную преграду против произвольных поступков ханов»².

Доходы от вакфов, закята (подавания в пользу бедных), хумса или сахм-е имам (доли имама, одной пятой части доходов на содержание потомков пророка), опекунства являлись основой экономической независимости духовенства. Особенно важным источником доходов были вакфы, значительно выросшие во второй половине XIX в.

Назначаемые тегеранским двором во все крупные города шейх-уль-исламы и имамы джом'э находились на содержании властей, получали высокое жалованье и, естественно, поддерживали все мероприятия центрального правительства, были проводниками его политики на местах.

Высшим духовным авторитетом обладали моджтехеды – высший слой среди улемов. На этом основании они осуществляли руководство шиитской общиной, именно к ним обращалось население со всеми спорными религиозными и правовыми вопросами; отсюда и их политическое, юридическое и моральное влияние в каджарском Иране.

В течение XIX в. в шиитской религиозной иерархии происходила трансформация статуса шиитского духовенства в иранском обществе в целом в связи с проходившими изменениями во внутригосударственной жизни и внешнеполитическом положении Ирана (происходили уточнения в представлениях о месте и значении улемов, моджтехедов, мулл и других лиц духовного звания).

При Фатх-Али-шахе (1796–1834) стала заметной тенденция шиитского духовенства более активно участвовать в политической жизни страны, вмешиваться в распоряжения властей. При Мохаммад-шахе (1834–1848) происходило дальнейшее укрепление позиций духовенства.

Попытка Таги-хана Амир Кабира уменьшить влияние духовенства в ходе предпринятых им реформ вызвала оппозицию духовенства

новому садр-азаму и привела к его смещению. Отстраненный Амир Кабиром от должности имам джом'э Тегерана прибег к помощи англичан, собрал шеститысячную толпу, требовавшую отставки Амира Кабира. В итоге духовенство и придворные добились не только смещения Амира Кабира со всех постов, но и его физического устранения. Со смертью Амира Кабира реализация предложенных им реформ была приостановлена. Позже представители духовенства пытались противодействовать проникновению новых идей, в частности вступили в масонскую ложу (Фарамуш-хане), созданную в 1859 г. известным иранским просветителем Мальком-ханом, и помогли ее разгромить.

При Сефевидах главным центром подготовки улемов были медресе Исфахана. При Каджарах им постепенно становится Мешхед. Главный управляющий вакфом мешхедской святыни шиитов – могилы имама Резы – мотаваллибаши был второй фигурой после губернатора в администрации Хорасана. Безусловно, лишь немногие представители духовенства в этот период играли такую роль в государственном управлении.

При Каджарах моджтехеды значительно шире использовали деклассированные городские низы – лути – для проведения в жизнь своих решений. Лути действовали как помощники клерикальных сил на основании фетвы, данной моджтехедом; они часто рекрутировались из сравнительно многочисленной армии толлабов (учеников медресе) и представителей наиболее консервативных городских жителей.

В борьбе за сохранение консервативных устоев общества и против идейных противников духовенства широко использовались также и сейиды, потомки пророка Мухаммеда. Высшее духовенство и поддерживаемые им силы вели борьбу против сект акбаритов и шейхитов, бабидов, против иностранцев (для разгрома российской миссии, против табачной монополии Тальбота в 1891–1892 гг.), против Каджаров и их администрации. Однако в первой половине XIX в. о широком выходе шиитского духовенства на политическую арену говорить еще рано, хотя во время войны с Россией 1804–1813 гг. моджтехеды объявили джихад (священную войну) и призывали выступить против России. В 1826 г. моджтехеды, находясь в войске Аббасмирзы во время русско-иранской войны 1826–1828 гг., всячески подстрекали его к продолжению войны, которая в итоге закончилась поражением Ирана и потерей значительных территорий. Отдельные представители духовенства явились вдохновителями и организаторами разгрома русской миссии и убийства А.С. Грибоедова, организовали в 1855–1857 гг. выступление тебризцев против каем-макама (наследника престола), правившего в Азербайджане.

В первой половине XIX в. в неизменном виде сохранялся духовный суд (махкам-е шар), в котором рассматривались духовные, гражданские, семейные, наследственные, торговые и другие дела. Судопроизводство, самостоятельное толкование законов шариата обес-

печивали духовенству власть над населением и приносили немалый доход. Духовенство, в основном моджтехеды, заверяло документы, играя роль нотариусов.

Отсутствие светских школ в Иране во второй половине XIX в. являлось гарантом влияния духовенства не только на детские души, но и на всю систему просвещения, а следовательно, и на науку и культуру Ирана. Можно понять ненависть духовенства ко всем инакомыслящим, просветителям и просто лицам, получившим образование за границей. Сопrotивление духовенства введению светской системы образования было столь велико, что начавшаяся с середины XIX в. борьба за светскую школу завершилась лишь к концу 30-х гг. XX в.

В конце XIX – начале XX в. духовенство оставалось одним из самых влиятельных и сильных классов, большинство представителей которого владело огромными имениями³.

Расширение контактов с европейскими державами и проникновение новых товарно-денежных отношений во второй половине XIX в. и начале XX в. способствовали постепенной и мучительной трансформации иранского общества от феодализма к капиталистическим отношениям, что привело к заметным сдвигам в социальной структуре, государственном устройстве и вызвало к жизни новые классы и социальные группы – торгово-промышленную буржуазию и рабочий класс. Наряду с сохранением консервативных и традиционных воззрений и представлений в обществе зарождались новые идеи.

Развитие новой общественной мысли в Иране происходило в тесной связи и под влиянием передовых европейских и русских просветительских и революционно-демократических идей, а также при пробуждении и подъеме патриотических чувств и настроений в широких слоях иранского общества в условиях феодально-монархического строя.

Иранские просветители использовали западную прогрессивную мысль применительно к нуждам общественно-политического развития Ирана с учетом специфики становления капиталистических отношений в этой стране и реальной мистифицированной неразрывности государства и религии.

В результате своеобразного исторического развития Ирана в нем вслед за Турцией появились условия для пробуждения национального самосознания и зарождения антифеодального движения, идеология которого отражала общественные противоречия, порожденные феодально-абсолютистской системой.

Наиболее ярко и радикально антифеодальная направленность иранских реформаторов была выражена в деятельности мирзы Таги-хана Амир Кабира (1795–1852), мирзы Юсуф-хана (ум. 1879), Фарах-хана Амин од-Доуле (ум. 1862) и в просветительской деятельности М. Мальком-хана (1833–1908), Зейн аль-Абедина Марагеи (1837–1910), Абдоррахи́ма Талибова (1834–1911) и сейида Хасана Хосейни Шамс оль-Орафа (1871–1931).

Деятельность этих реформаторов и просветителей неразрывно связана с процессом становления идеологии национальной буржуазии, буржуазного реформаторства и иранского просвещения.

Для возрождения общественной и культурной жизни отсталого Ирана, приобщения его к достижениям мировой цивилизации иранские просветители предлагали: введение конституционного правления, создание фабрик и заводов, строительство автомобильных и железных дорог, учреждение национальных и смешанных с иностранным капиталом банков, коопераций и компаний, развитие промышленности, сельского хозяйства с целью достижения экономической независимости и социального прогресса⁴.

По мере втягивания Ирана в мировую экономику шел процесс укрепления частной собственности, особенно собственности на землю как основной источник получения прибылей.

К началу XX в. в результате торговли землей 90% обрабатываемых площадей страны фактически находилось в частной собственности. Купленные участки были превращены в крупные поместья, а их хозяева из числа богатых представителей каджарской администрации, ханов племен, высшего и среднего духовенства, верхушки торгово-ростовщического капитала стали землевладельцами нового типа (арбабами).

Расширение класса помещиков за счет присвоения и покупки значительной части наследственных и дарованных во временное пользование земель, вакфных и общинных земель, а также земель мелких землевладельцев, представителей торгово-ростовщического капитала и иранского духовенства привело к тому, что представители торгового и национального капитала и крупное шиитское духовенство превратились во влиятельное сословие с сильными экономическими позициями, охраняемыми догмами мусульманской религии.

В то же время представители духовенства среднего и низшего звеньев, которым были близки и понятны надежды и чаяния простого народа и которые на себе испытывали гнет и притеснения феодальной верхушки и властей, часто выступали в качестве оппозиции существовавшему порядку вещей и требовали ограничения всевластия шаха и крупных феодалов. Притеснения духовенства и купечества в Тегеране послужили поводом к началу Конституционной революции «Машруте» в Иране в 1905–1911 гг. Демократически настроенное духовенство, широкие городские слои, крестьянство, национальные окраины, некоторые племена приняли самое активное участие в революции и добились созыва меджлиса и ограничения власти шаха. В ходе революции явно проявилось стремление духовенства занять лидирующую роль в системе государственной власти. При определении нового конституционного порядка клерикальные круги попытались внести в Конституцию положение о шариатском характере власти (машруэ) взамен конституционного (машрутэ). Реакционное духовенство в период революции было занято в основном организацией выступлений фанатичных слоев населения с требованиями отме-

ны преобразований светского характера и особенно принятия Конституции. С этой целью в октябре 1905 г. и на протяжении всего конституционного движения в столице организовывались многотысячные антиконституционные демонстрации под лозунгом «мы хотим ислам и не желаем конституции». Высшее духовенство предприняло попытки полностью подчинить Конституцию требованиям шариата и выдвинуло идею создания комиссии из богословов для рассмотрения и одобрения всех решений меджлиса с учетом исламских норм⁵. Однако в то время эта идея не получила поддержки в связи с широким влиянием идей более глубокой трансформации иранского общества, выдвинутых сторонниками европейского просвещения и буржуазно-демократических преобразований.

Конституционная революция способствовала появлению совершенно новых для Ирана общественных институтов: меджлиса (парламента), провинциальных и местных советов, профсоюзов, общественных организаций разного типа (энджуменов), очень похожих на нынешние НПО, партий и общественных течений, независимой прессы. К сожалению, советы как органы провинциального управления после революции были распущены, партии и газеты левого толка разгромлены, и в последующие годы власти последовательно проводили курс на их устранение с политической арены. Тем не менее базовые сдвиги в политической системе, в социальной и общественной жизни в результате Конституционной революции были настолько значительными, что продолжают оказывать решающее влияние на общественно-политическую жизнь страны. Особенно важным стало введение института выборности.

Пришедший к власти в 1925 г. Реза-шах Пехлеви в 20–30-е гг. XX в. постепенно укрепил центральную власть, покончил с сепаратизмом племен, разгромил левую оппозицию, преодолел сопротивление духовенства и провел в жизнь назревшие реформы диктаторскими методами. Однако проведенные им реформы не изменили сущность шахской власти, еще больше укрепили роль государства, в котором аристократия, помещики, чиновники, новая буржуазия, ханы племен продолжали оставаться основной опорой власти и коллективным эксплуататором крестьянства и сравнительно малочисленного пролетариата. Позиции духовенства были существенно подорваны, но оно продолжало играть роль основной силы в сохранении старого порядка вещей и препятствовало модернизации страны.

В 70-е гг. XX в. диктаторские методы правления страной Мохаммеда Реза Пехлеви, при проведении жесткого курса на вестернизацию страны в условиях подавления левых сил и духовенства, привели к победе революции, которая в итоге довольно быстро трансформировалась в революцию духовенства под руководством имама Хомейни и завершилась созданием клерикального государства – Исламской Республики Иран.

Монархическая, деспотическая по своей сути форма правления в Иране была уничтожена, но сохранились демократические принци-

пы формирования парламента, была закреплена конституционно выборность всех властных институтов в соответствии с принципом народовластия («мардомсалари»). Духовный лидер страны в соответствии со статьей 107 Основного закона назначается (избирается) всенародно избранными духовными авторитетами в области исламского права – фахирами – из числа предложенных Советом старейшин. Лидер страны наряду с другими гражданами равен перед законом⁶.

В соответствии со статьей 6 Основного закона управление делами страны осуществляется с опорой на общественное мнение путем выборов президента, депутатов меджлиса и членов местных советов. Основным принципиальным требованием Конституции после исламской революции стало соответствие всех гражданских, уголовных, экономических, административных, культурных, военных, политических и других законов исламским нормам. Шиитское духовенство стало играть ведущую роль в политической системе Ирана. Это обстоятельство накладывает огромную ответственность на руководство страны и в существенной степени делает его объектом критики как либерально-демократической, так и консервативной оппозиции.

Примечания

¹ Риза Шабани. Краткая история Ирана. СПб., 2008. С. 200.

² Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное... в 1841 г. СПб., 1853. С. 46.

³ Подробнее см.: ЦГИАЛ. Ф. 560, 1903. Оп. 28. Д. 1914. Л. 31–35.

⁴ Талипов Н.А. Общественная мысль в Иране в XIX – начале XX в. М., 1988. С. 5.

⁵ Кесрави А. Тарих-е машруте-йе Иран. Тегран, б. г. Т. 2. С. 48–51.

⁶ Канун-е асаси-йе джомхури-йе эслами-йе Иран. Тегран: Едаре-йе таблигат ва ентешарат-е маджлес, чап-е севвом. 1387 г. с.х. С. 105–106.

Ю.Н. Тихонов*

АВАНТЮРА КЕРИМ-ХАНА БЕЛУДЖА. 1922–1932 (по архивным материалам)

Миграционные процессы в Центральной Азии в первой половине XX в. оказали значительное влияние на формирование этнического состава населения государств этого региона и во многом предопределили специфику приграничных проблем между Афганистаном и соседними государствами. В отечественном востоковедении большое внимание уделялось изучению бегства в 1920–1930-х гг. в Афганистан населения из бывших советских среднеазиатских республик, и почти не исследованными до сих пор остаются вопросы, связанные с перекочевкой на советскую территорию белуджских племен из Ирана, Афганистана и Британской Индии, хотя потомки тех переселенцев по-прежнему проживают по обе стороны современной туркмено-иранской и туркмено-афганской границы¹.

В предлагаемой статье на базе документов ряда центральных российских архивов рассматривается попытка Керим-хана Белуджа создать на территории Туркмении «Белуджскую автономную республику» (фактически собственное ханство).

Первые белуджи начали перекочевывать на территорию Российской империи в конце XIX – начале XX в. в поисках новых земель и пастбищ для своего скота, а также работы на хлопковых плантациях близ Мары (Мерва) и Тенджена. Вплоть до середины 1920-х гг. среди переселенцев преобладали выходцы из Ирана. Среди них был и Керим-хан, приведший с собой в 1910 г. 600 кибиток². На тот момент его появление в российских владениях было вызвано чисто экономическими причинами: он не смог обеспечить своим соплеменникам нормальные условия жизни в Иране. В Закаспийской области он и подвластные ему белуджи находились вплоть до начала Гражданской войны, и, судя по ряду признаков, на новом месте им жилось лучше, чем в Иране. В 1918 г. белуджские ханы даже заключили соглашение с белогвардейским Закаспийским временным правительством об охране южных границ Закаспийской области, но вновь откочевали в Иран, когда в районе Мары начались упорные бои между белогвардейскими частями и Красной Армией.

Скомпрометированный сотрудничеством с белыми, Керим-хан со своими соплеменниками несколько лет не появлялся в районе Серахса. Еще одной причиной, по которой он не пересекал границ Туркмении, было стремление избежать столкновений с хорошо воору-

* Тихонов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор Липецкого Госуниверситета.

женными басмаческими отрядами, которые грабили белуджей. В 1919–1922 гг. он предпочитал угонять скот из Ирана в Афганистан, с властями которого он поддерживал хорошие отношения. Большого богатства этот промысел ему не принес, хотя его известность среди белуджей этих стран значительно выросла и он стал одним из самых авторитетных белуджских вождей.

Летом 1922 г. иранские власти решили положить конец грабам Керим-хана и направили против него регулярные войска. Уходя от их преследования, он был вынужден в начале августа перейти советско-иранскую границу.

Чтобы показать свою лояльность к Советской власти и предотвратить столкновение с частями Красной Армии, Керим-хан разыграл небольшой спектакль: белуджи прибывали в туркменский аул Ноуврузабад с транспарантами, на которых было написано: «Да здравствует красная Персия!». Уловка подействовала: в течение двух недель беглецов на советской территории никто не беспokoил³.

В результате действий Керим-хана в районе Серахса возникла взрывоопасная ситуация, так как иранские части продолжали концентрироваться вдоль границы. Советские пограничники опасались, что иранцы рискнут преследовать белуджей даже на территории соседнего государства. Тревога оказалась ложной, но для окончательной нормализации обстановки необходимо было разоружить «керимовцев» и арестовать их вождя.

13 августа 1922 г. начальник пограничного пункта в Серахсе Шишкин получил секретный приказ арестовать Керим-хана, но не смог его выполнить из-за недостатка сил. Только 16 августа советский отряд двинулся к Ноуврузабаду для разоружения белуджей, чего сделать не удалось, так как Керим-хан встретил красноармейцев еще на подходе к аулу и вступил с Шишкиным в переговоры, результатом которых стало возвращение пограничников обратно в Серахс. Белуджский хан поехал вместе с ними⁴.

Анализ последовавших за «пленением» Керим-хана событий позволяет предположить, что Керим-хан через Шишкина сделал советскому правительству как минимум предложение о помощи в борьбе против туркменского басмачества. По этой причине серахские власти фактически саботировали все приказы командования Туркестанского фронта о разоружении белуджей. Так, в Серахсе Керим-хан находился «под наблюдением», но не арестом, и свободно передвигался по городу, из которого он в тот же день сбежал в Ноуврузабад, а затем вновь вернулся в Иран, оставив своих соплеменников на советской территории. В скором времени ему удалось убедить советские власти в своей лояльности, и он смог вернуться в Туркменистан.

На новом месте жительства для белуджей не было ни земли, ни работы, поэтому они возобновили угон скота из Ирана. В ответ иранцы начали угонять на свою территорию туркменские стада, чем не только компенсировали свой ущерб, но и вызвали вражду местного населения к белуджам. Одновременно иранское правительство че-

рез свое посольство в Москве потребовало от советской стороны выдачи Керим-хана, но получило отказ.

В начале 1923 г. из-за грабежей белуджей и ответных мер иранских властей на серахском участке советско-иранской границы возникла конфликтная ситуация, вызывавшая большие опасения у местных властей. В январе председатель Серахского исполкома Семенов срочно телеграфировал в центр: «Нахождение белуджей в Серахском районе больше не терпимо. Нахождение их окончательно обостряет отношения с перс[идской] властью и местным коренным населением, ввиду угона ими скота как с перстерритории, так [и] нашей. Угон [с] каждым днем продолжается, отношения обостряются. После убийства из-за баранов персказаками руководителя белуджей Джилал Аддина (так в тексте. – Ю.Т.) последние дали слово [в] Исполкоме отомстить персам [за] кровь хана, [на] почве чего может разгореться бойня с Персией, последствия которой Вол[остной] исполком и [пограничный] Особ[ый] пост не отвечает...»⁵

Чтобы нормализовать обстановку на советско-иранской границе в районе Серахса и успокоить население, руководство Туркестанской автономной советской социалистической республики приняло решение о выселении белуджей Керим-хана в Тенджен, а его самого вызвали для объяснений в Ташкент. Вероятнее всего, это было сделано специально, чтобы уменьшить риск вооруженного сопротивления жителей Ноуврузабада.

Выселение белуджей в Тенджен, осуществленное под контролем председателя Серахского исполкома Ишан Кули, создало благоприятную возможность для местного населения присвоить (возможно, в качестве компенсации) часть имущества «керимовцев»: из аула забрали 1490 баранов и большое количество ценных вещей и денег. По распоряжению властей белуджи сдали часть оружия, поэтому у первых переселенцев в Тенджен басмачи сразу же безнаказанно увели 14 верблюдов.

Керим-хан, на тот момент все еще находившийся в Ташкенте, немедленно принял решительные меры для защиты своих соплеменников. Он обратился с жалобой в Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) и ГПУ. 28 ноября 1923 г. в своем письме на имя председателя органов госбезопасности Туркестанской АССР он писал: «Люди мои страдают, а вместе с ними за их несчастное существование душевно страдаю и я. Еще раз прошу разобрать все это и по разборке дела, если я окажусь виновным, накажите меня одного, как главу своего аула...»⁶ В марте 1924 г. Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) вынесло решение в пользу Керим-хана и распорядилось принять меры «к решительному прекращению насилий, творимых над белуджами»⁷. Одним словом, белуджский вождь, фактически будучи почетным пленником в Ташкенте, убедил советское правительство в целесообразности сотрудничества с ним и его соплеменниками. Он смог не только защитить прибывших с ним белуджей, но и добиться для них разрешения обосноваться на постоянное жительство в Средней Азии.

Анализ архивных материалов позволяет определить наиболее важные пункты секретного соглашения между Керим-ханом и советскими властными структурами. В обмен на помощь ГПУ, в структуру которого входили пограничные войска, в борьбе против басмачей и охране границ СССР с Ираном и Афганистаном белуджи получили привилегий:

1) им разрешалось остаться в Туркменистане без принятия советского гражданства;

2) ханская верхушка, прежде всего сам Керим-хан, сохраняла свою власть, а местным органам власти было дано указание не вмешиваться в дела белуджей;

3) Керим-хану и его людям обещали выделить землю и воду (до этого белуджи были освобождены от уплаты налогов);

4) все вопросы, связанные с перекочевкой и проживанием белуджей в среднеазиатских республиках курировали НКВД и ГПУ, что на деле означало покровительство «керимовцам» со стороны Центра при многочисленных конфликтах переселенцев с коренными жителями.

Керим-хан настаивал, чтобы органы госбезопасности выделили ему оружие для борьбы против басмачей. В распоряжении автора нет архивных материалов, позволяющих точно определить, в какой степени эта его просьба была удовлетворена. Судя по тому, что белуджи смогли разбить отряды басмачей-текинцев, с которыми они враждовали, и в дальнейшем «керимовцы» участвовали в других боевых операциях, оружие и боеприпасы были им позже выделены.

Дальнейшие события, связанные с переселением белуджей в Туркменистан, показали, что политики в Ташкенте и Москве недооценили масштаб личности Керим-хана и активность его соплеменников. Белуджский вождь, используя нестабильную ситуацию в Средней Азии, не раз принуждал советские власти всех уровней принимать выгодные для него решения. При этом он подчеркивал свою лояльность к Советской власти и умело использовал ее управленческую структуры для достижения своих целей.

В 1924 г. Керим-хан с большей частью своих людей переселился в Тенджен, где стал заместителем председателя местного волостного ревкома. Новая должность значительно увеличила его возможности: первым 120 (из 495) белуджским семьям вскоре была выделена богарная земля. Они получили в виде ссуды посевной материал. Остальные белуджи нашли работу в хозяйствах местных жителей. Большая часть людей Керим-хана продолжала жить бедно, но у них появились определенная стабильность и надежда на лучшую долю.

В августе 1924 г. Керим-хан стал для закрепления своего успеха добиваться от советского правительства разрешения на перекочевку из Ирана в Тенджен новых групп белуджей, в чем ему было категорически отказано. Несмотря на это 10 сентября 1924 г. он написал новый рапорт о переселении на территорию СССР 120 белуджских кибиток. В ответ Агентство НКВД в Средней Азии направило в ОГПУ

докладную записку, в которой просило принять меры против готовящейся Керим-ханом акции. В этом документе сообщалось: «Агентство НКВД, стоя по-прежнему на той точке зрения, что никакого переселения из Персии допущено быть не может, тем более в обстановке настоящего момента, обостренного событиями в Иомудской степи, просит Вашего строгого и срочного распоряжения органам погранохраны о недопущении перехода указанных 120 кибиток белуджей. Ввиду повторного ходатайства о переходе, Агентство опасается самовольной перекочевки; в предупреждение этого, по мнению Агентства, следовало бы принять меры особого надзора за белуджами»⁸. Охрана границы в районе Серахса была усилена, но это не смогло помешать новой волне перекочетов белуджей в Туркменистан. В начале осени 1924 г. 120 кибиток белуджей во главе с Ассадуллаханом прибыли в Ноуврузабад (Ноуразабад). Немедленно советские пограничники получили приказ из Ташкента выдворить кочевников обратно в Иран, но туркменский отдел ОГПУ оспорил «целесообразность выселения», и белуджи смогли в скором времени присоединиться к Керим-хану в Тенджене.

Наглое нарушение всех указаний местных и центральных властей вызвало бурю гнева в Полторацке (Ашхабаде). 8 октября 1924 г. Президиум Туркменского облисполкома принял решение выселить всех белуджей во главе с Керим-ханом в Иран. На этот раз на защиту «керимовцев» активно встали представительства НКВД в Средней Азии, в сферу интересов которых так необдуманно вторглись «туркменские товарищи». В итоге общими усилиями органов НКВД и ОГПУ вопрос о выдворении белуджей за пределы СССР был быстро ликвидирован.

Глава Агентства НКВД в Средней Азии Герман в одном из своих донесений наркому Г. В. Чичерину следующим образом объяснил главную причину, из-за которой он смирился с действиями Керим-хана: «Теперь я имею все основания полагать, что обратное выселение кочевников проведено быть не может: основным препятствием к осуществлению этой меры является слабость нашей пограничной охраны, для которой подобного рода операции будут не по силам»⁹. Одним словом, трезво оценив сложную ситуацию в пограничном районе на стыке южной границы СССР с Ираном и Афганистаном, советское правительство фактически разрешило дальнейшую перекочевку иранских и афганских белуджей в Туркменистан. Керим-хан не был наказан за свои действия, так как это могло вызвать вооруженный конфликт с его соплеменниками.

В первые годы пребывания белуджей на туркменской территории советским властям приходилось закрывать глаза и на грабежи «керимовцами» иранского и туркменского населения. Керим-хан обещал ОГПУ прекратить этот криминальный промысел своих соплеменников, но своего слова не сдержал. В 1925 г. специальная комиссия, созданная органами безопасности Туркменской ССР для изучения «племенного вопроса», вынуждена была в своей докладной записке

отметить остроту данной проблемы: «Расположение белуджей на границе, стесненное экономическое состояние и деморализация, вызванная гражданской войной, порождают (у них. – Ю. Т.) наклонности к набегам и угонам скота. Линия [...] П[полномочного] П[редставительства] ОГПУ заключалась в том, чтобы через Керим-хана влиять на прекращение этих грабежей. Но Керим-хан, очевидно боясь потерять свой авторитет среди экономически необеспеченных белуджских масс, в этом отношении никаких реальных шагов не предпринимает. Благодаря этим набегам персидское правительство оказывает на нас сильнейшее дипломатическое давление и требует либо переселения белуджей вглубь Туркмении, либо выдачи Керим-хана. Кроме того, заявления... жителей бывших Серахской и Тедженской волостей Теджеского уезда показывают, что белуджи производят также сильные грабежи туркменского населения. Вообще, нужно сказать, что огромное количество поступивших за последнее время персидских нот и резкое недовольство туркменского населения действиями белуджей ставит вопрос о бандитизме белуджей особенно остро»¹⁰. Необходимо отметить, что в конце 1920-х гг. по мере получения людьми Керим-хана орошаемых земель в районе Иолотани их грабежи практически прекратились.

Причины долготерпения советского правительства к несанкционированным действиям Керим-хана трудно понять без учета особенностей обстановки в Средней Азии в 1920-х гг. В это время главной проблемой властей в среднеазиатских республиках была затяжная Гражданская война, на фоне которой действия белуджей были меньшим злом, чем операции басмачей. Кроме этого, не следует недооценивать и внешнеполитический фактор: Керим-хан и его соплеменники были выходцами из Восточного (Британского) Белуджистана, поэтому, скорее всего, в Москве первоначально планировали их использовать в этом нестабильном регионе Британской Индии. В силу указанных обстоятельств Керим-хан смог добиться от советских властей для себя и своих соплеменников особого статуса в Туркменистане.

Успех Керим-хана побудил иранских и афганских белуджей к новым массовым переходам на советскую территорию. В 1926–1927 гг. из Афганистана в район Кушки прибыло около тысячи кибиток кочевников. Попытки советских властей переселить их вглубь Туркменистана провалились, так как они не собирались порывать с Афганистаном, где у них осталась значительная часть имущества. Их переход в СССР преследовал цель получить новые земли и пастбища вдоль советско-афганской границы и оказать давление на афганские власти с тем, чтобы уменьшить налоговый гнет на белуджей. На словах переселенцы из Афганистана признавали лидерство Керим-хана, но реально отказывались подчиняться кому-либо.

Уполномоченный НКВД в Средней Азии А. Знаменский направил в Москву докладную записку, в которой четко изложил суть сложившейся проблемы: «Оставлять иммигрантов в пограничном углу – на

стыке Афганистана, Персии и Туркменистана – не представляется ни возможным, ни допустимым. Избрать же иной район новые пришельцы не желают, во всяком случае на ближайшие годы»¹¹. Выход из сложившейся ситуации он видел в том, чтобы «в районе настоящего скопления афганских выходцев создать обстановку, при которой у них определилась бы точно две... возможности: подчиниться или удалиться».

После сложных переговоров с афганскими белуджами советским властям удалось добиться от них согласия переселиться вглубь территории Туркменистана. Однако дальнейшая их перекочевка в СССР была признана нежелательной. В Афганистане назревала гражданская война, поэтому помогать белуджским ханам сопротивляться реформам Амануллы-хана в Кремле не хотели. Очевидно также, что советское правительство опасалось концентрации афганских подданных в приграничных районах. По этой причине советско-афганская граница была закрыта для белуджей из Афганистана.

В апреле 1928 г. к Керим-хану должны были прибыть через Афганистан еще 3 тыс. белуджей из Белуджистана и Систана. На руках у них были паспорта, выданные заранее афганским консульством в Мары. 29 апреля 1928 г. первые 40 белуджских кибиток перешли границу СССР, но были сразу же выдворены советскими пограничниками обратно в Афганистан¹².

Назревавший конфликт между Керим-ханом и советскими властями отсрочила гражданская война 1928–1929 гг. в Афганистане. В ходе нее отряды белуджей сражались на стороне Амануллы-хана. Сам Керим-хан во главе нескольких тысяч белуджей участвовал под общим командованием Наби-хана во взятии амануллистами Мазари-Шарифа, а затем и Маймане¹³. В это время в руки «керимовцев» попало много трофейного вооружения (особенно боеприпасов). Видимо, не только оружие стало добычей белуджей, поэтому авторитет Керим-хана среди них еще более вырос.

В 1930 г. руководство ЦК Компартии Туркменистана принимает решение о «советизации» белуджей. Это означало, что все надежды Керим-хана на создание белуджской автономии рухнули. По этой причине он обратился через афганское консульство в Мары к королю Надир-шаху и гератскому губернатору Абдулрахим-хану с личным письмом, в котором просил разрешения на прибытие в Афганистан. Получив положительный ответ, 10 октября 1930 г. Керим-хан во главе 100 кибиток двинулся к афганской границе. Лишь 14 октября советские самолеты обнаружили группу кочевников, в которой находился белуджский вождь. После ожесточенного боя с советскими пограничниками Керим-хан с двумя телохранителями, бросив семью и весь скот, бежал на афганскую территорию. Его дальнейшие попытки с помощью афганцев освободить своих близких и отбить скот провалились.

30 ноября 1930 г. он явился в советское консульство в Герате и попросил вернуть ему семью, высланную к тому времени ОГПУ в

Таджикистан. В обмен на это он обещал, что не будет вести борьбу против Советской власти. Афганские власти со своей стороны заверили НКВД в том, что они немедленно удалят Керим-хана от границы, как только он получит свою семью. Чтобы избежать роста вооруженных конфликтов с белуджами, советское правительство приняло решение удовлетворить просьбу их вождя. 15 февраля 1931 г. Керим-хан получил своих жен и детей вместе с частью оставшегося имущества.

Надир-шах не доверял Керим-хану, поэтому приказал поселить его людей в Фаррахе, а его самого, по словам советского посла Л. Старка, «держал в черном теле» в Кабуле¹⁴. Оказавшись в столь плачевном положении, Керим-хан с 1932 г. стал тайно добиваться разрешения советского правительства вернуться в СССР, в чем ему было отказано.

Попытка Керим-хана создать некую белуджскую автономию на территории современного Туркменистана была смелой авантюрой племенного вождя, пытавшегося использовать сложную обстановку в советской Средней Азии в 1920-х гг. Временный союз белуджского хана с коммунистической властью неизбежно должен был закончиться крахом. Керим-хан был талантливым и смелым племенным лидером, которому, однако, не хватило кругозора, чтобы понять это и трезво оценить международную обстановку на Среднем Востоке.

Примечания

¹ О расселении белуджей, проживающих в Туркменистане, см. подробнее: Гаффенберг Э.Г. Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969. Следует отметить, что в этой работе, видимо, из-за цензурных ограничений советского времени, о самом Керим-хане и его деятельности почти ничего не сказано.

² Доклад комиссии по белуджскому вопросу. 1925 г. – РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 184. Л. 116. В советское время «кибитка» была приравнена к условной единице учета кочевников «хозяйство». Кибитка (хозяйство) – это примерно три-четыре человека.

³ Определить племенную и этническую структуру кочевников, прибывших с Керим-ханом на советскую территорию, достаточно трудно. Сам белуджский вождь причислял себя к племени шоузи, но вместе с ним пришло и значительное количество брагуев. В самом Ноуврузабаде в 1920-х гг. проживали белуджи нескольких племен.

⁴ Заключение по делу сотрудников Особпогранпункта Серахса тов. Шишкина и Бовшица. 21.12.1922. – РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 66. Л. 51.

⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 73. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 14об.

⁷ Сопроводительное письмо секретаря Средазбюро ЦК РКП(б) Глаголевой председателю Туркменского облисполкома Курбан Саидову. 20.03.1924. – Там же. Л. 12.

⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 71. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 26.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 184. Л. 118.

¹¹ Там же. Д. 879. Л. 24–25.

¹² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), Ф. 08. 1928. Оп. 11. П. 48. Д. 67. Л. 3.

¹³ Письмо Керим-хана советскому послу Л. Старку. 25.07.1933. – АВП РФ. Ф. 08. 1933. Оп. 16. П. 154. Д. 25. Л. 231.

¹⁴ Донесение посла Л. Старка зам. наркома иностранных дел Л. Карахану. 14.08.1933. – АВП РФ. Ф. 08. 1933. Оп. 16. П. 154. Д. 25. Л. 228.

К.А. Демичев*

СТАТУС МУСУЛЬМАНСКИХ ПРОВИНЦИЙ В СИКХСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПАНДЖАБЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Начало XIX в. для северо-западной части индийского субконтинента ознаменовалось рождением единой державы сикхов в Панджабе, которая на протяжении следующих пяти десятилетий превратилась в мощную региональную империю, последнюю среди тех, что когда-либо появлялись на территории Индостана. Длительная и чрезвычайно кровопролитная борьба сикхов, длившаяся на протяжении двух веков, сначала против Могольской империи, а затем и против дурранийского Афганистана привела к окончательному складыванию сикхской государственности. Сардар мисала Суккарчакия Ранджит Сингх сумел не только объединить большую часть сикхов в рамках единого государства – Саркар Хальсаджи, но и распространить власть Хальсы далеко за пределы традиционного расселения представителей сикхской общины.

Формально точкой отсчета в истории сикхской империи, которая являлась не только полиэтническим, но и поликонфессиональным государственным образованием, следует признать 12 апреля 1801 г. Именно в этот день во время празднования весеннего праздника *Байсакхи* Ранджит Сингх принял титул Саркар-и-вала, заявив тем самым о своих правах на высшую власть в Панджабе¹. В последующие годы Ранджит Сингх существенно укрепил свое положение, в результате чего в 1805 г. на последнем всеобщем собрании сикхской общины Сарбат Хальсе в священном городе Амритсаре был провозглашен махараджей Панджаба.

Провозглашение Ранджита Сингха махараджей имело огромное значение с точки зрения легитимации власти этого правителя. Кроме того, традиционная форма принятия наиболее важных решений в жизни Хальсы посредством освященного властью гуру решения – *гуруматы*, – вынесенного на Сарбат Хальсе, разрывала какую бы то ни было преемственность с предшествующими формами власти мусульманских правителей в Панджабе – как Моголов, так и представителей афганской династии Дуррани.

Укрепив свое положение в Центральном Панджабе и подавив сепаратистские выступления отдельных сикхских сардаров, Ранджит Сингх начал территориальную экспансию, осуществлявшуюся прежде всего за счет мусульманских территорий, которые в конечном итоге и составили большую часть владений Саркар Хальсаджи.

* Демичев Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, Университет Российской академии образования (Нижний Новгород).

Направление сикхской экспансии было обусловлено целым комплексом объективных факторов. В первую очередь следует выделить фактор внешнеполитический, тесно связанный с отношениями сикхской державы с могущественной английской Ост-Индской компанией, а также с общей геополитической ситуацией в регионе.

В 1806–1808 гг. Ранджит Сингх начал вторжение в междуречье Сатледжа и Джамны, где находилось несколько крупных и большое количество мелких сикхских княжеств, которые постоянно враждовали между собой². Активизация сикхского правителя в землях, которые непосредственно граничили с владениями Ост-Индской компании, вызвала серьезные опасения англичан. В целях сохранения буферной зоны между Саркар Хальсаджи и собственными территориями руководство компании навязало махарадже договор, который был подписан в апреле 1809 г. В соответствии с этим соглашением Ранджит Сингх не должен был вмешиваться в дела сикхских княжеств, находящихся по левую сторону реки Сатледж и, тем более, вторгаться на их территорию³. Таким образом, англо-сикхский договор закрепил границу Саркар Хальсаджи по реке Сатледж, ограничив тем самым расширение сикхской экспансии в восточном и юго-восточном направлениях.

В сложившейся геополитической ситуации Ранджит Сингх, ограниченный в продвижении на восток, сосредоточил все внимание на северо-западной границе своей державы. Восточные провинции Афганистана, которые в этот период входили в состав государства Дуррани, пребывавшего в состоянии системного политического кризиса, представляли большой интерес для сикхского правителя⁴. Ослабление и начавшийся распад афганской державы, которая на протяжении многих десятилетий была источником постоянной опасности для сикхской общины, обусловили историческую закономерность в расширении Саркар Хальсаджи именно в северо-западном направлении.

Однако первым мусульманским княжеством, которое было подчинено Ранджитом Сингхом, стало навабство Касур, находившееся в Пенджабе всего лишь в 45 км от Лахора. При Великих Моголах Касур, населенный в основном патанами, входил в состав Лахорской субы, однако с распадом империи, как и многие другие провинции, приобрел самостоятельный статус. После того как Ранджит Сингх установил контроль над Лахором, сделав его столицей сикхского государства, наваб Касура хан Низам-уд-дин, обеспокоенный усилением своего беспокойного соседа, выступил в поход против сикхов. Однако кампания 1801–1802 гг. складывалась для него неудачно – в открытом бою сикхские войска под руководством верного сподвижника Ранджита Сингха – Фатеха Сингха Калианвала – наголову разбили армию наваба⁵. В конечном итоге Низам-уд-дин, осажденный в своей крепости, был вынужден сдаться на милость победителей. Дальнейшая судьба хана и его владений была весьма показательна с точки зрения формирования общей модели взаимодействия Ранд-

жита Сингха и сикхского государства в целом с подчиняемыми мусульманскими землями.

Действуя в духе политической традиции, заложенной еще Великими Моголами, Ранджит Сингх не стал лишать своего противника жизни. Более того, захватив территорию Касура и сделал ее частью своего государства, махараджа вернул Касура в виде *джагира*, т.е. условного зависимого держания, Низам-уд-дину⁶. Теперь патанский хан, признавший верховную власть Ранджита Сингха, управлял от имени махараджи.

Положение и статус Касура изменились в 1807 г. После смерти Низам-уд-дина джагир унаследовал его брат Кутуб-уд-дин, который отказался признать власть Ранджита Сингха. В ответ на это махараджа лично возглавил поход против Касура, в результате чего его территория была оккупирована, одноименная крепость взята штурмом, а Кутуб-уд-дин захвачен в плен. Впрочем, недальновидный патанский хан получил прощение и даже небольшой джагир в несколько деревень, находившихся к югу от Сатледжа⁷. Касур же окончательно стал составной частью Саркар Хальсаджи, для управления им был поставлен сикхский губернатор Нихал Сингх Аттаривала, который формально считался и джагирдаром этой территории.

Начиная с 1805 г. сикхская армия, возглавляемая непосредственно махараджей, совершает ряд походов в мусульманские земли, расположенные в междуречье Ченаба и Инда. В результате этих походов правитель Джханга был обложен ежегодной данью в размере 120 тыс. рупий⁸.

В том же году был совершен и поход на Мултан, который являлся крупнейшим торговым и хозяйственным центром Южного Панджаба. Наваб Мултана Музаффар-хан также был вынужден согласиться на выплату большой ежегодной дани, чтобы избежать разорения своей страны. Впрочем, уже в 1807 г. Музаффар-хан совместно с ханом Касура предпринял попытку создать антисикхскую коалицию, что в конечном итоге обернулось против самого наваба Мултана. После того как Ранджит Сингх разобрался с мятежным Кутуб-уд-дином, он направил свои войска под стены Мултана, который был осажден, а вся окрестная территория разорена⁹. В сложившейся ситуации Музаффар-хану не оставалось ничего, кроме как подтвердить обязательство по выплате дани. Показательно, что в этом же году данью был обложен и наваб Бхавалпура, чьи владения граничили с пустыней Тхар, который не поддержал правителя Мултана в деле создания антисикхской коалиции¹⁰.

В 1810 г. Мултан был в очередной раз разорен, так как Музаффар-хан отказался выплачивать дань. Этот отказ дорого обошелся *навабу*, поскольку помимо недоимок ему пришлось выплатить еще и военные издержки, понесенные сикхами в ходе кампании, в размере 1 лаха 80 тыс. рупий¹¹. Как и три года назад, Бхавалпур не оказал военной помощи Мултану, предпочтя сохранить пусть и даннические, но зато мирные отношения с Ранджитом Сингхом¹².

Бесперебойная выплата дани осуществлялась Мултаном только в период с 1810 по 1815 г. Затем добиться соответствующих выплат Ранджит Сингх мог только посредством военных походов, которые последовательно предпринимались в 1816 и 1817 гг. Постоянные перебои в получении дани, сложности в ее обеспечении окончательно истожили терпение махараджи. Кроме того, в 1818 г. произошел окончательный распад афганской империи Дуррани, которая превратилась в конгломерат воюющих между собой самостоятельных княжеств. Таким образом, к 1818 г. сложилась обстановка, которая позволяла решить проблему Мултана раз и навсегда. В результате военного похода 1818 г. в ходе серии кровопролитных штурмов крепость Мултан была взята, а Музаффар-хан убит в бою¹³. Мултан был аннексирован и превращен во вторую провинцию – субу – сикхского государства (первой была Лахорская суба). Земли тех патанских ханов Мултана, кто оказал сопротивление сикхской армии в ходе последнего похода, были конфискованы без возвращения затем в виде джагиров своим бывшим владельцам¹⁴. В целом аннексия Мултана завершила процесс подчинения основных мусульманских государственных образований собственно в пределах Пятиречья. Тем самым под властью Ранджита Сингха теперь находились две бывшие субы Могольской империи, причем одна из которых (Мултан) со второй половины XVIII в. входила в состав дурранийского Афганистана.

На Мултане процесс расширения Саркар Хальсаджи не завершился. В том же 1818 г. Ранджит Сингх совершил первый поход на Пешавар, шагнув тем самым на правый берег Инда. Пешавар был захвачен очень быстро, однако аннексирован не был¹⁵. Власть была оставлена местному баракзайскому хану Яр Мухаммад-хану, который обязался выплачивать сикхскому правителю ежегодную дань.

Следующим военно-политическим шагом Ранджита Сингха стал захват Кашмира в 1819 г., который так же, как и Мултан, в этот период находился в зависимости от Афганистана. Сикхские войска быстро овладели ключевыми кашмирскими крепостями и в решающем сражении разбили войска афганского наместника Джабар-хана, который был вынужден бежать за Инд¹⁶.

Кашмир был присоединен Ранджитом Сингхом к сикхским владениям сразу же после захвата, получив статус третьей субы Саркар Хальсаджи. Во главе системы управления Кашмира был незамедлительно поставлен наместник – назим, который обладал предельно широкими властными полномочиями. Земельные владения за мелкими мусульманскими ханами были сохранены только в виде джагиров. Причем лояльность этих правителей к сикхскому государству обеспечивалась посредством взятия в заложники их наследников, которые содержались либо при кашмирском назиме, либо при дворе самого Ранджита Сингха¹⁷.

В 1819 г. сикхские войска начали процесс завоевания Дераджата – мусульманских областей на правом берегу Инда, находившихся в этот период в формальном подчинении у баракзайских правителей

Афганистана. Первым был завоеван Дера Гази-хан, который, впрочем, не был сразу включен в состав сикхской империи¹⁸. Дера Гази-хан был передан в собственность навабу Бхавалпура при условии выплаты дополнительной ежегодной дани¹⁹. Впрочем, такое положение эти земли сохраняли только до 1832 г. В этом году Ранджит Сингх забрал Дера Гази-хан, включив его в состав Мултанской субы²⁰.

Остальные области Дераджата, такие как Дера Исмаил-хан, Банну, Кохат и Марват и другие, были присоединены к сикхским владениям в период с 1821 по 1823 г. Следует отметить, что, несмотря на относительную легкость завоевания этих земель, в ряде них контроль сикхского правительства никогда не был полным. Речь в данном случае идет о северо-западных горных пограничных районах, таких как Банну и Кохат, которые были населены патанскими племенами, практически не признававшими чью-либо юрисдикцию. Так, например, в долине Банну Ранджит Сингх не имел каких-либо органов власти. Этот регион лишь номинально входил в состав Саркар Хальсаджи, и никакая система налогообложения в нем просто не функционировала. Для сбора налогов, которые по своей сути представляли дань, периодически направлялись регулярные войска, «опустошавшие страну, чтобы получить хоть какую-нибудь добычу»²¹.

Несколько иная ситуация была в Дера Исмаил-хан. Для обеспечения поступления налогов и налаживания работы администрации в качестве назима был поставлен местный наваб. Этот шаг был, безусловно, вынужденной мерой, так как самим сикхам было сложно наладить эффективную систему управления в этой беспокойной земле²².

Окончательное установление северо-западной границы сикхской империи было связано с подчинением Пешавара. Долгое время Пешавар оставался формально независимым от Ранджита Сингха, выплачивая лишь небольшую дань. Начиная 1823 г. баракзайские ханы стали уклоняться от выплаты дани, а Ахмад Азим-хан, родной брат правителя Пешавара Яр Мухаммада, даже объявил джихад против сикхов²³. Несмотря на то что в ходе кампании 1823 г. пешаварские войска потерпели сокрушительное поражение от сикхской армии, а Яр Мухаммад вновь стал выплачивать ежегодную дань, отношения между Саркар Хальсаджи и Пешаваром не наладились. Военные конфликты, в которых приняли участие и ваххабиты, длились еще десять лет. Только в 1834 г. войска Саркар Хальсаджи захватили Пешавар²⁴, который был затем аннексирован и превращен в четвертую субу сикхской империи.

Следует отметить, что захвату Пешавара предшествовало достаточно интересное с политической точки зрения событие, которое стало для Ранджита Сингха дополнительным аргументом в вопросе об аннексии Пешавара. Дело в том, что в 1833 г. бывший правитель Афганистана изгнанник Шах Шуджа-ул-мулк, заручившись поддержкой могущественной Ост-Индской компании, решил вернуть себе трон с помощью англичан и сикхов. Шуджа-ул-мулк заключил с Ранджи-

том Сингхом договор об оказании ему военной помощи в обмен на передачу сикхскому махарадже Мултана, Дераджата и Пешавара, а также отказе ото всех прав на них в будущем²⁵. Хотя едва ли можно говорить о легитимности такого рода передачи, тем более что Ранджит Сингх и так уже давно реально владел Мултаном и Дераджатом, тем не менее заключение этого соглашения давало сикхскому правителю дополнительный предлог для присоединения Пешавара к своей империи.

В целом в 1830-х гг. территориальное строительство сикхской империи Саркар Хальсаджи было успешно завершено. При этом большую часть населения этого государства составляли мусульмане, которые преобладали как над сикхами, так и над индусами²⁶.

В основу административно-территориального деления страны была положена система, разработанная еще Великими Моголами, тем более что с ней сикхи были отлично знакомы, так как собственно сама сикхская община зародилась в недрах Могольского султаната. Показательно, что три из четырех провинций-суб Саркар Хальсаджи в целом территориально совпадали с Лохорской, Мултанской и Кашмирской субами Могольской империи. Тот факт, что со второй половины XVIII в. Мултан и Кашмир принадлежали афганским завоевателям, ничего принципиально не менял, так как афганцы также сохраняли могольскую систему. А Пешавар был собственно афганской провинцией, что, однако, не помешало его интеграции в состав сикхского государства.

Как уже отмечалось выше, вся территория Саркар Хальсаджи была разделена на четыре провинции – субы, или саркары. Кроме четырех суб на территории сикхской империи существовал целый ряд зависимых государств, которые сохранили некоторые элементы самостоятельности и выплачивали ежегодную дань в установленном размере и порядке, а также выставляли свои воинские контингенты по приказу махараджи²⁷. В горных районах страны, и прежде всего в труднодоступных областях Кангры и Чамбы, были сохранены полунезависимые княжества, которые, ежегодно выплачивая около 5% своего годового дохода, были освобождены от вмешательства в свои внутренние дела со стороны махараджи. С административной точки зрения это были самостоятельные территориальные единицы, не входившие в состав отдельных провинций.

Кроме того, существовали зависимые от Ранджита Сингха государства, которые находились за пределами границ Саркар Хальсаджи. Характерным примером такого зависимого государства было навабство Бхавалпур, которое на протяжении десятилетий выплачивало сикхам ежегодную дань, что являлось залогом сохранения его внутривнутренней независимости²⁸. Следует отметить, что сбор дани с зависимых государств был существенным источником дохода для сикхской казны. По данным на 1832 г., ежегодный размер собираемой дани составлял не менее 1 млн рупий²⁹.

Каждая из четырех суб сикхской державы состояла из нескольких областей – *паргана*, которые подразделялись на округа – *талуки*. Общее количество талуков к середине 1830-х гг. достигало сорока пяти³⁰. В состав округов-талуков входил целый ряд *таппа*, в составе нескольких десятков деревень, причем количество *таппа* в различных округах могло значительно различаться. Низшей административно-территориальной единицей была отдельная деревня – *мауза*. В некоторых северо-западных пограничных районах сикхской державы, населенных по преимуществу мусульманскими племенами, была сохранена традиционная система племенного управления. Формально эти территории входили в состав определенных суб, однако фактически власти назимов они не подчинялись³¹. Представители мусульманской племенной элиты сумели сохранить ограниченные воинские отряды, которые, впрочем, не обладали никаким официальным статусом, представляя по своей сути лишь большие отряды личных телохранителей³².

Мусульмане были достаточно хорошо представлены на всех уровнях административной системы, что было неудивительно, учитывая их общий высокий уровень образования³³, а также политическую значимость интеграции недавно завоеванных мусульманских районов в единую государственную систему сикхской державы. Особое место в иерархии управления играли кардары – чиновники, ответственные за паргана и талуки, которые не менее чем на половину состояли из мусульман³⁴. С формальной точки зрения они входили в штат губернаторов провинций, однако их назначением ведал сам махараджа, которому они были подчинены непосредственно. Позднее их функции были предельно расширены, в результате чего кардары получили не только фискальные, но и высшие гражданские и судебные полномочия в округах³⁵. Назначение *кардаров*, так же как и их снятие с должности, находилось в исключительном ведении махараджи. Следует отметить, что кардары, чрезмерно злоупотреблявшие своим положением, снимались со своих должностей, а иногда и подвергались тюремному заключению с конфискацией условных земельных владений – *джагиров*, пожалованных за службу³⁶.

Характерной чертой положения мусульман в государственной системе державы Ранджит Сингха было то, что в отличие от сикхских функционеров они, как правило, обладали на своих постах лишь административной властью, в то время как сикхские чиновники совмещали гражданские и военные полномочия. В этом отношении показателен и тот факт, что среди *тханадаров*, т.е. комендантов крепостей, а фактически полицейских чиновников, ответственных за достаточно крупные полицейские округа, на которые была разделена вся страна, мусульман практически не было³⁷. Таким образом, участие мусульман в осуществлении государственной власти было несколько ограничено за счет практически полного их исключения из военной и полицейской сфер. Такая практика становится вполне понятной, если принять во внимание, что большую часть Саркар Хальсад-

жи составляли земли с преобладающим мусульманским населением, которые были присоединены к владениям Ранджит Сингха в результате сикхской экспансии. Кроме того, махараджа руководствовался соображениями, что мусульмане, так же как и брахманы с раджпутами, среди индусов являются лучшими гражданскими администраторами в отличие от сикхов, которым нет равных на поле боя и в делах военного руководства³⁸.

В целом в процессе создания сикхской империи Саркар Хальсаджи включение мусульманских земель осуществлялось различными путями с установлением разнообразных форм зависимости. Махараджа Ранджит Сингх широко практиковал захват мусульманских территорий с последующим включением их в состав уже имевшихся суб или же, как это было в случае с Мултаном, Кашмиром и Пешаваром, с превращением их в самостоятельные субы. Иногда после захвата и включения в субу махараджа оставлял на подчиненной территории традиционную систему власти и управления. Власть сохранял представитель местной правящей династии, однако не в качестве самостоятельного правителя, а джагирдара Ранджита Сингха, чье положение всецело зависело от воли сикхского владыки.

Захват территории мог и не сопровождаться аннексией. В этом случае местные правители сохраняли власть и формальную независимость при условии выплаты фиксированной ежегодной дани. Иногда, как в варианте с Дера Гази-ханом, захваченные земли полностью теряли самостоятельность вследствие того, что Ранджит Сингх передавал их третьему государству. Передача осуществлялась государству, уже находившемуся в зависимости от Саркар Хальсаджи, с последующим пропорциональным увеличением ежегодных выплат дани.

Примечания

¹ Gordon J.J. The Sikhs. Edinburgh–London, 1904. P. 86.

² The Imperial Gazetteer of India. 1881. Ed. By W.W. Hunter. Vol. I. Abar to Balasinor. London, 1885. P. 216.

³ A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, Relating to India and neighboring countries. Comp. by C.U. Aitchison, 5-th, ed. Vol. I. The Treaties & Relating to the Punjab, the Punjab States and Delhi. Calcutta, 1931. P. 34.

⁴ Cunningham J.D. A History of the Sikhs. From the origin of the nation to the battles of the Sutlej. Calcutta, 1903. P. 140.

⁵ Prinsep H. T. Origin of the Sikh Power in the Punjab and political of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the Religion, Laws and Customs of the Sikh. Calcutta, 1834. P. 53.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 60, 61.

⁸ Ibid. P. 57.

⁹ Shahamet Ali. *The History of Bahawalpur, with notices of the adjacent countries of Sindh, Afghanistan, Multan, and the West of India.* London, 1848. P. 129.

¹⁰ *Ibid.* P. 128.

¹¹ McGregor W.L. *The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh.* In II vols. Vol. I. London, 1846. P. 166.

¹² Shahamet Ali. *Op. cit.* P. 159.

¹³ McGregor W.L. *Op. cit.* P. 180.

¹⁴ Edwardes H.B. *A Year on the Punjab Frontier in 1848–49.* In II vols. Vol. II. London, 1851. P. 17, 18.

¹⁵ McGregor W.L. *Op. cit.* P. 182, 183.

¹⁶ Prinsep H.T. *Op. cit.* P. 122–124.

¹⁷ Hugel C. *Travels Kashmir and the Panjab, containing a particular account of the Government and Character of the Sikhs, translated from German by Major T.B. Jervis.* London, 1845. P. 185, 186, 196.

¹⁸ *Gazetteer of the Dera Ghazi Khan District. 1893–97.* Lahore, 1898. P. 26.

¹⁹ *The Imperial Gazetteer of India. 1881.* Ed. By W.W. Hunter. Vol. IV. Cochin to Gonguria. London, 1885. P. 212.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *The Imperial Gazetteer of India. 1881.* Ed. By W.W. Hunter. Vol. II. Balasor to Biramganta. London, 1885. P. 91.

²² Griffin L.H. *Ranjit Singh and the Sikh barrier between our Growing Empire and Central Asia.* Oxford, 1905. P. 203.

²³ Prinsep H.T. *Op. cit.* P. 137–140.

²⁴ Suri, Lala Sohan Lal. *An outstanding original source of Panjab history. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar 3 Pt. (1–5): Chronicle of the reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839 A.D.* Delhi., 1961. P. 199.

²⁵ Griffin L.H. *Op. cit.* P. 214.

²⁶ Steinbach H. *The Punjab; being a brief account of the Sikhs; Its Extent, History, Commerce, Productions, Government, Manufactures, Laws, Religion, Etc.* London, 1846. P. 111.

²⁷ Prinsep H.T. *Op. cit.* P. 183.

²⁸ Suri, Lala Sohan Lal. *Op. cit.* P. 22.

²⁹ Murrey W. *On the manners, rules, and customs of the Sikhs.* – Prinsep H.T. *Origin of the Sikh Power in the Punjab and political of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the religion, laws and customs of the Sikh.* Calcutta, 1834. P. 184.

³⁰ Prinsep H.T. *Op. cit.* P. 183, 184.

³¹ Griffin L.H. *Op. cit.* P. 205.

³² *Ibid.* 200–203; Hugel Ch. *Op. cit.* P. 165.

³³ Prinsep H.T. *Op. cit.* P. 191.

³⁴ Khilnani N.M. *British power in the Punjab. 1839–1858.* Bombay, 1972. P. 99.

³⁵ Griffin L.H. *Op. cit.* P. 149.

³⁶ Suri, Lala Sohan Lal. *Op. cit.* P. 26, 143.

³⁷ Hugel Ch. *Op. cit.* P. 199, 230.

³⁸ Griffin L.H. *Op. cit.* P. 117.

CONTENTS

Preface.....	8
--------------	---

Section I. Civil society and State Institutions

<i>N.Y. Ulchenko</i> . Institutional support for the process of economic stabilization in Turkey.....	20
<i>V.I. Shlykov</i> . Turkey: shaping of the new pattern of military-civil relations	42
<i>P.M. Popov (Tchelyabinsk)</i> . The modern turkish military elite.....	62
<i>P.V. Shlykov</i> . The People's Republican Party in Turkey's political transformation of the 2000s: search for a new strategy?	70
<i>V.Y. Belokrenitsky</i> . The civil society in Pakistan: formation and specific features	90
<i>I.N. Serenko</i> . The progress in women's education and the making of civil society in Pakistan	106
<i>A.L. Filimonova</i> . Pakistan: the strengthening of political influence of the Supreme Court	116
<i>N.A. Zamaraeva</i> . Relations between the Pakistani army and civil government (2008–2012)	123
<i>V.M. Ahmedov</i> . The army and law-enforcement services in the Middle Eastern countries under the conditions of "Arab Spring".....	142

Section II. Islam in Society and Politics

<i>N.G. Kireev</i> . Political anatomy of Turkey's pro-Islamic Party of Justice and Development	150
<i>D.A. Savin (Yaroslavl)</i> . Turgut Ozal and Islam	169
<i>I.G. Saetov</i> . The "Ismail Agha Jamaat" in Turkey's civil life: religious, political and institutional features	178
<i>N.M. Mamedova</i> . Main trends in social policies of the Iran's Islamic regime	185
<i>E.V. Dunaeva</i> . The Shi'ite clergy in the political system of the Islamic Republic of Iran	195
<i>N.A. Filin</i> . The concept of "Marjaat" in modern Iran	210
<i>I.F. Safargaleyev</i> . The Sufi tariqat of Pakistani Sheikh Ahmad Zulfikar and its influence on South Asia's Muslims	219
<i>O.P. Chekrizova</i> . Islamic radicalism and extremism in Pakistan (in the north-western areas)	224

Section III. Traditions and New Aspects in the Political Development

<i>R.R. Sikoev.</i> The traditional society and stages in the creation of the Afghan state	238
<i>V.G. Korgun.</i> The political evolution of the modern Afghanistan: the impact of external factors	257

Section IV. Ethnic and Political Processes and Conflicts

<i>O.I. Ghigalina.</i> The evolution of the Kurdish national movement in the countries of Western Asia	266
<i>S.M. Ivanov.</i> The Kurdish factor in the today's Syria	281
<i>S.M. Ravandi-Fadai.</i> Main features of the ethnic and confessional situation in modern Iran	298
<i>M.S. Kameneva.</i> Ethno-cultural characteristics of the Jewish community in the Islamic Republic of Iran	311
<i>Mahmud Shah.</i> The Pashtu nationalism in Afghanistan and Pakistan	319
<i>M.Y. Morozova.</i> The Baloch tribes and political struggle in the Pakistani Balochistan (the 2000s – the 2010 th)	328
<i>V.P. Kirichenko.</i> The political crisis in Yemen: social, economic, religious and tribal factors	341

Section V. Problems of Employment and Migration

<i>O.P. Bibikova.</i> Turkish immigrants in Germany: problems and prospects	350
<i>Y.S. Gavrilova.</i> Women in the labor force of Turkey	367

Section VI. Inter-State Relations at the current stage

<i>I.I. Ivanova.</i> Turkey and the Asian regional organizations	374
<i>A. Amirbek (Turkey).</i> The concept of Turkey's foreign policy for the period up to 2023	392
<i>M.S. Erol (Turkey).</i> Turkey's participation in the Syrian conflict: preconditions and probable consequences	400
<i>A.G. Gadjiyev.</i> Turkey's policies towards Syria at the current stage ...	409
<i>I.A. Svistunova.</i> The Turkish –Iraqi relations after withdrawal of the U.S. troops from Iraq	421
<i>V. Petrosyan (Armenia).</i> The Turkey's military and intelligence activities in Iraqi Kurdistan	431
<i>V.I. Sazhin.</i> The Iranian nuclear program and the threat of regional armed conflict	457

<i>S.B. Druzhilovsky.</i> Lessons of the “Arab Spring” for the Islamic Republic of Iran	468
<i>L.M. Kulagina, V.M. Ahmedov.</i> The IRI's foreign policy in the context of the revolutionary rise in the Arab East	476
<i>I.E. Fedorova.</i> The influence of global and regional actors on the Iran's foreign policy	484
<i>M.R. Arunova.</i> The Afghanistan problem and the neighboring Muslim countries	492
<i>Y.N. Panichkin.</i> The border between Afghanistan and Pakistan – dispute over the “Durand Line”	510
<i>S.N. Kamenev.</i> The Russian-Pakistani relations: current state and prospects for the development	513
<i>B.M. Vol'khonsky.</i> Water resources as a factor of geopolitics in South and Central Asia	530

Section VII. Historical Retrospective

<i>S.F. Oreshkova.</i> The Ottoman empire and its vassal territories	544
<i>A.V. Boldyrev.</i> Russia and Turkey in the Russian press of the Crimean War period	551
<i>A.Y. Rudnitsky.</i> “The Great Game” in the Center of Asia (B.L. Grombchevsky and Ishaq Khan uprising in 1888)	560
<i>A.I. Polischuk.</i> Power and society through the Iranian history	574
<i>Y. I. Tikhonov (Lipetsk).</i> The Kerim Khan Baloch's adventure in 1922–1932 (as per the archival materials	585
<i>K.A. Demichev (Nizhny Novgorod).</i> Muslim provinces in the Punjabi Sikh state in the first half of the 19 th century	594

Научное издание

**Государство, общество, международные отношения
на мусульманском Востоке
(Афганистан, Иран, Пакистан, Турция,
этнический Курдистан, соседние мусульманские районы)**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор М.С. Грикурова
Корректор М.Я. Колесник

Подписано в печать 12.02.2014
Формат 60х90/16. Бумага мелованная.
38 печ. л. Заказ № 905. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом А.В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru
Издание подготовлено при участии Ю.В. Чудодеева

Отв. за выпуск А.А. Румынский
Редактор Е.А. Белова
Оформление Л.П. Митич

ООО Издательство «Крафт+»
Тел.: (495) 620-36-94, 620-36-95, 926-25-48
E-mail: kraft2010@list.ru, mnogoknig2011@yandex.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

Издательско-книготорговая фирма

предлагает всегда

широкий ассортимент (более 5000 наименований) книг

по

**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также

**альбомы, иллюстрированные издания,
словари, энциклопедии,
учебно-познавательную литературу,
прозу и поэзию**

издательств:

**Аграф, Алгоритм, Институт Русской Цивилизации,
Росток, АИРО-XXI век, Минувшее, Тропа троянова,
Голос, Русская правда, Грифон, Интрада, Лабиринт,
Канон, Сократ, Академия Управления
и многих других**

Тел.: (495) 620-36-95, (495) 620-36-94, (495) 926-25-48

E-mail: kraft2010@list.ru, post@agrafbooks.ru,
mnogoknig2011@yandex.ru